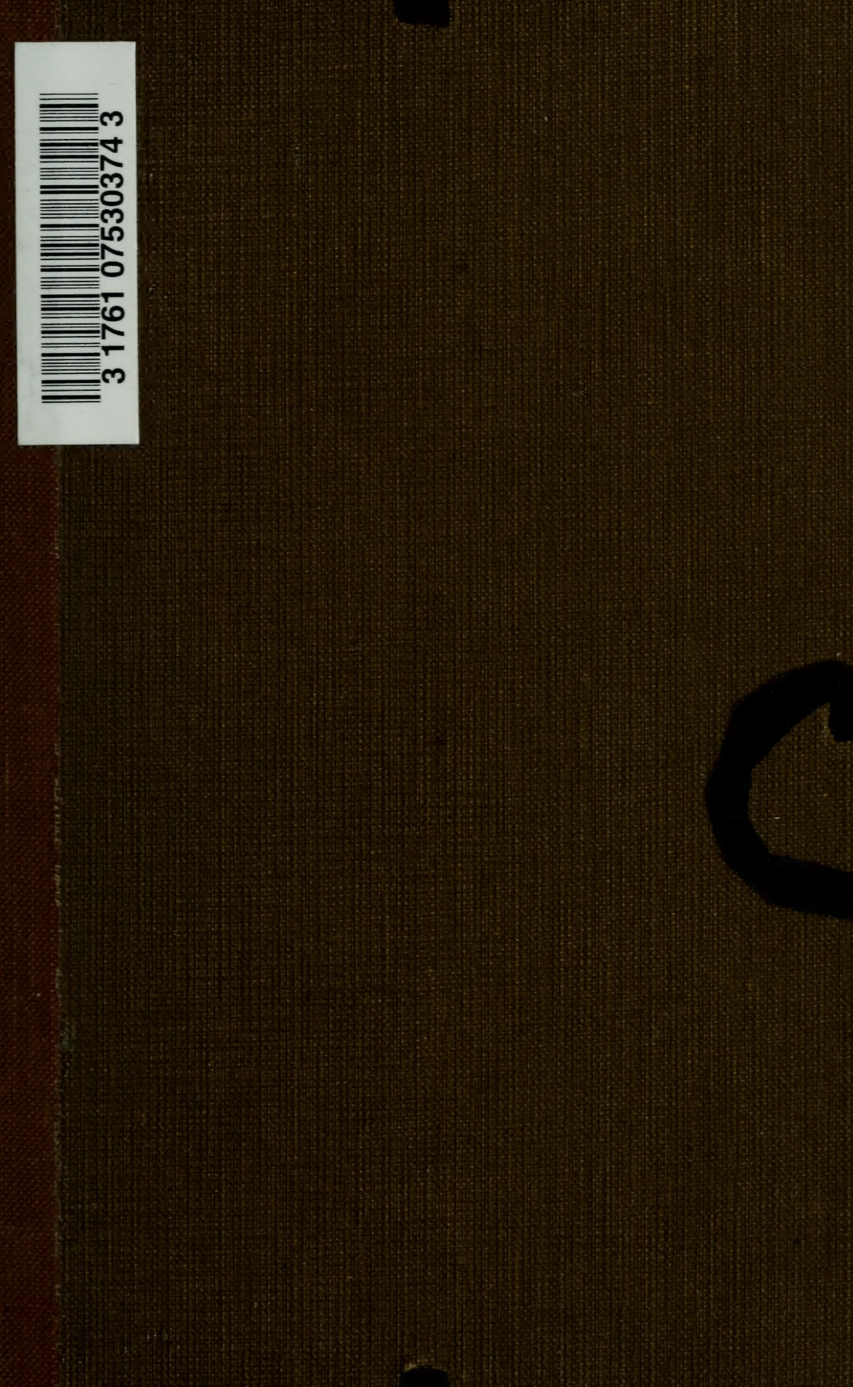

3 1761 07530374 3

UNIVERSITY OF TORONTO
VELUT ARBOR ÆVO

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКІЙ

ЗАПИСКИ ИЗЪ МЕРТВАГО ДОМА

ИГРОКЪ

[Zapiski iz Mertvago Doma. Igrok.]

4716/20

БЕРЛИНЪ 1921

Издательство И. П. Ладыжникова

Типографія Шпамера въ Лейпцигѣ

Записки изъ Мертваго дома

Введеніе

Въ отдаленныхъ краяхъ Сибири, среди степей, горъ и непроходимыхъ лѣсовъ, попадаются изрѣдка маленькіе города, съ одной, много съ двумя тысячами жителей, деревянные, невзрачные, съ двумя церквами — одной въ городѣ, другой на кладбищѣ, — города, похожіе болѣе на хорошее подмосковное село, чѣмъ на городъ. Они обыкновенно весьма достаточно снабжены исправниками, засѣдателями и всѣмъ остальнымъ субалтернымъ чиномъ. Вообще въ Сибири, несмотря на холодъ, служить чрезвычайно тепло. Люди живутъ простые, не либеральные; порядки старые, крѣпкіе, вѣками освященные. Чиновники, по справедливости играющіе роль сибирскаго дворянства — или туземцы, закоренѣлые сибиряки, или наѣзжіе изъ Россіи, большею частью изъ столицъ, прельщенные выдаваемымъ не въ зачетъ окладомъ жалованья, двойными прогонами и соблазнительными надеждами въ будущемъ. Изъ нихъ умѣющіе разрѣшать загадку жизни почти всегда остаются въ Сибири и съ наслажденіемъ въ ней укореняются. Впослѣдствіи они приносятъ богатые и сладкіе плоды. Но другіе, народъ легкомысленный и неумѣющій разрѣшать загадку жизни, скоро наскучаютъ Сибирью и съ тоской себя спрашиваютъ: «зачѣмъ они въ нее заѣхали?» Съ нетерпѣніемъ отбы-

ваютъ они свой законный терминъ службы, три года, и по истеченіи его тотчасъ же хлопочутъ о своемъ переводѣ и возвращаются во-свояси, браня Сибирь и подсмѣиваясь надъ нею. Они неправы: не только съ служебной, но даже со многихъ точекъ зрѣнія въ Сибири можно блаженствовать. Климатъ превосходный; есть много замѣчательно богатыхъ и хлѣбосольныхъ купцовъ; много чрезвычайно достойныхъ инородцевъ. Барышни цвѣтутъ розами и нравственны до послѣдней крайности. Дичь летаетъ по улицамъ и сама натыкается на охотника. Шампанскаго выпивается неестественно много. Икра удивительная. Урожай бываетъ въ иныхъ мѣстахъ самъ-пятнадцать . . . Вообще земля благословенная. Надо только умѣть ею пользоваться. Въ Сибири умѣютъ ею пользоваться.

Въ одномъ изъ такихъ веселыхъ и довольныхъ собою городковъ, съ самымъ милѣйшимъ населеніемъ, воспоминаніе о которомъ остается неизгладимымъ въ моемъ сердцѣ, встрѣтилъ я Александра Петровича Горянчикова, поселенца, родившагося въ Россіи дворяниномъ и помѣщикомъ, потомъ сдѣлавшагося ссыльнокаторжнымъ второго разряда, за убійство жены своей, и, по истеченіи опредѣленнаго ему закономъ десятилѣтняго термина каторги, смиренно и неслышно доживавшаго свой вѣкъ въ городѣ К. поселенцемъ. Онъ собственно приписанъ былъ къ одной подгородной волости, но жилъ въ городѣ, имѣя возможность добывать въ немъ хоть какое-нибудь пропитаніе обученіемъ дѣтей. Въ сибирскихъ городахъ часто встрѣчаются учителя изъ ссыльныхъ поселенцевъ; ими не брезгаютъ. Учатъ же они преимущественно французскому языку, столь необходимому на поприщѣ жизни и о которомъ безъ нихъ въ отдаленныхъ краяхъ Сибири не имѣли бы и понятія. Въ первый разъ я встрѣтилъ Александра Петровича въ домѣ одного стариннаго, заслуженнаго и хлѣбосольнаго чиновника, Ивана Иваныча Гвозди-

кова, у котораго было пять дочерей, разныхъ лѣтъ, подававшихъ прекрасныя надежды. Александръ Петровичъ давалъ имъ уроки, четыре раза въ недѣлю, по 30 копеекъ серебромъ за урокъ. Наружность его меня заинтересовала. Это былъ чрезвычайно блѣдный и худой человѣкъ, еще нестарый, лѣтъ тридцати пяти, маленькій и тщедушный. Одѣтъ былъ всегда весьма чисто, по-европейски. Если вы съ нимъ заговаривали, то онъ смотрѣлъ на васъ чрезвычайно пристально и внимательно, съ строгой вѣжливостью выслушивалъ каждое слово ваше, какъ будто въ него вдумываясь, какъ будто вы вопросомъ вашимъ задали ему задачу или хотите выпытать у него какую-нибудь тайну, и, наконецъ, отвѣчалъ ясно и коротко, но до того взвѣшивая каждое слово своего отвѣта, что вамъ вдругъ становилось отчего-то неловко и вы, наконецъ, сами радовались окончанію разговора. Я тогда же разспросилъ о немъ Ивана Иваныча и узналъ, что Горянчиковъ живетъ безукоризненно и нравственно и что иначе Иванъ Иванычъ не пригласилъ бы его для дочерей своихъ, но что онъ страшный нелюдимъ; ото всѣхъ прячется, чрезвычайно ученъ, много читаетъ, но говоритъ весьма мало и что вообще съ нимъ довольно трудно разговориться. Иные утверждали, что онъ положительно сумасшедшій, хотя и находили, что въ сущности это еще не такой важный недостатокъ; что многіе изъ почетныхъ членовъ города готовы всячески обласкать Александра Петровича, что онъ могъ бы даже быть полезнымъ, писать просьбы и проч. Полагали, что у него должна быть порядочная родня въ Россіи, можетъ быть, даже и не послѣдніе люди, но знали, что онъ съ самой ссылки упорно пресѣкъ съ ними всякія отношенія, — однимъ словомъ, вредитъ себѣ. Къ тому же у насъ всѣ знали его исторію, знали, что онъ убилъ жену свою, еще въ первый годъ своего супружества, убилъ изъ ревности и самъ донесъ на себя (что весьма облегчило его наказаніе). На такія же

преступленія всегда смотрятъ какъ на несчастія и сожалѣютъ о нихъ. Но несмотря на все это, чудакъ упорно сторонился ото всѣхъ и являлся въ людяхъ только давать уроки.

Я сначала не обращалъ на него особеннаго вниманія, но, самъ не знаю почему, онъ мало-по-малу началъ интересовать меня. Въ немъ было что-то загадочное. Разговориться не было съ нимъ ни малѣйшей возможности. Конечно, на вопросы мои онъ всегда отвѣчалъ и даже съ такимъ видомъ, какъ будто считалъ это своею первѣйшею обязанностью; но, послѣ его отвѣтовъ, я какъ-то тяготился его дольше разспрашивать; да и на лицѣ его послѣ такихъ разговоровъ всегда виднѣлось какое-то страданіе и утомленіе. Помню, я шелъ съ нимъ однажды въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ, отъ Ивана Иваныча. Вдругъ мнѣ вздумалось пригласить его на минутку къ себѣ выкурить папироску. Не могу описать, какой ужасъ выразился на лицѣ его; онъ совсѣмъ потерялся, началъ бормотать какія-то безсвязныя слова и вдругъ, злобно взглянувъ на меня, бросился бѣжать въ противоположную сторону. Я даже удивился. Съ тѣхъ поръ, встрѣчаясь со мной, онъ смотрѣлъ на меня какъ будто съ какимъ-то испугомъ. Но я не унялся; меня что-то тянуло къ нему, и мѣсяцъ спустя, я, ни съ того ни съ сего, самъ зашелъ къ Горянчикову. Разумѣется, я поступилъ глупо и неделикатно. Онъ квартировалъ на самомъ краю города, у старухи мѣщанки, у которой была больная въ чахоткѣ дочь, а у той незаконнорожденная дочь, ребенокъ лѣтъ десяти, хорошенькая и веселенькая дѣвочка. Александръ Петровичъ сидѣлъ съ ней и училъ ее читать въ ту минуту, какъ я вошелъ къ нему. Увидя меня, онъ до того смѣшался, какъ будто я поймалъ его на какомъ-нибудь преступленіи. Онъ растерялся совершенно, вскочилъ со стула и глядѣлъ на меня во всѣ глаза. Мы,

наконецъ, усѣлись; онъ пристально слѣдилъ за каждымъ моимъ взглядомъ, какъ будто въ каждомъ изъ нихъ подозрѣвалъ какой-нибудь особенный таинственный смыслъ. Я догадался, что онъ былъ мнителенъ до сумасшествія. Онъ съ ненавистью глядѣлъ на меня, чуть не спрашивая: «да скоро ли ты уйдешь отсюда?» Я заговорилъ съ нимъ о нашемъ городкѣ, о текущихъ новостяхъ; онъ отмалчивался и злобно улыбался; оказалось, что онъ не только не зналъ самыхъ обыкновенныхъ, всѣмъ извѣстныхъ городскихъ новостей, но даже не интересовался знать ихъ. Заговорилъ я потомъ о нашемъ краѣ, о его потребностяхъ; онъ слушалъ меня молча и до того странно смотрѣлъ мнѣ въ глаза, что мнѣ стало, наконецъ, совѣстно за нашъ разговоръ. Впрочемъ, я чуть не раздразнилъ его новыми книгами и журналами; они были у меня въ рукахъ, только-что съ почты, и я предлагалъ ихъ ему еще неразрѣзанные. Онъ бросилъ на нихъ жадный взглядъ, но тотчасъ же перемѣнилъ намѣреніе и отклонилъ предложеніе, отзываясь недосугомъ. Наконецъ, я простился съ нимъ и, выйдя отъ него, почувствовалъ, что съ сердца моего спала какая-то несносная тяжесть. Мнѣ было стыдно и показалось чрезвычайно глупымъ приставать къ человѣку, который именно поставляетъ своею главнѣйшею задачею — какъ можно подальше спрятаться отъ всего свѣта. Но дѣло было сдѣлано. Помню, что книгъ я у него почти совсѣмъ не замѣтилъ и, стало быть, несправедливо говорили о немъ, что онъ много читаетъ. Однакоже, проѣзжая раза два, очень поздно ночью, мимо его оконъ, я замѣтилъ въ нихъ свѣтъ. Что же дѣлалъ онъ, просиживая до зари? Не писалъ ли онъ? А если такъ, что же именно?

Обстоятельства удалили меня изъ нашего городка мѣсяца на три. Возвратясь домой уже зимою, я узналъ, что Александръ Петровичъ умеръ осенью, умеръ въ уединеніи и даже ни разу не позвалъ къ себѣ лѣкаря.

Въ городкѣ о немъ уже почти позабыли. Квартира его стояла пустая. Я немедленно познакомился съ хозяйкой покойника, намѣреваясь вывѣдать у нея: чѣмъ особенно занимался ея жилецъ и не писалъ ли онъ чего-нибудь? За двугривенный она принесла мнѣ цѣлое лукошко бумагъ, оставшихся послѣ покойника. Старуха призналась, что двѣ тетрадки она ужъ истратила. Это была угрюмая и молчаливая баба, отъ которой трудно было допытаться чего-нибудь путнаго. О жильцѣ своемъ она не могла сказать мнѣ ничего особенно новаго. По ея словамъ, онъ почти никогда ничего не дѣлалъ и по мѣсяцамъ не раскрывалъ книги и не бралъ пера въ руки; зато цѣлыя ночи прохаживалъ взадъ и впередъ по комнатѣ и все что-то думалъ, а иногда и говорилъ самъ съ собою; что онъ очень полюбилъ и очень ласкалъ ея внучку, Катю, особенно съ тѣхъ поръ, какъ узналъ, что ее зовутъ Катей, и что въ Катеринипъ день каждый разъ ходилъ по комъ-то служить панихиду. Гостей не могъ терпѣть; со двора выходилъ только учить дѣтей; косился даже на нее, старуху, когда она, разъ въ недѣлю, приходила хоть немножко прибрать въ его комнатѣ, и почти никогда не сказалъ съ нею ни единаго слова, въ цѣлыхъ три года. Я спросилъ Катю: помнитъ ли она своего учителя? Она посмотрѣла на меня молча, отвернулась къ стѣнкѣ и заплакала. Стало быть, могъ же этотъ человѣкъ хоть кого-нибудь заставить любить себя.

Я унесъ его бумаги и цѣлый день перебиралъ ихъ. Три четверти этихъ бумагъ были пустые, незначущіе лоскутки или ученическія упражненія съ прописей. Но тутъ же была одна тетрадка, довольно объемистая, мелко исписанная и недоконченная, можетъ быть, заброшенная и забытая самимъ авторомъ. Это было описаніе, хотя и безсвязное, десятилѣтней каторжной жизни, вынесенной Александромъ Петровичемъ. Мѣстами это описаніе прерывалось какою-то дру-

гою повѣстью, какими-то странными, ужасными воспоминаніями, набросанными неровно, судорожно, какъ будто по какому-то принужденію. Я нѣсколько разъ перечитывалъ эти отрывки и почти убѣдился, что они писаны въ сумасшествіи. Но каторжныя записки — «Сцены изъ Мертваго Дома», — какъ называетъ онъ ихъ самъ гдѣ-то въ своей рукописи, показались мнѣ не совсѣмъ безынтересными. Совершенно новый міръ, до сихъ поръ невѣдомый, странность иныхъ фактовъ, нѣкоторыя особенныя замѣтки о погибшемъ народѣ, увлекли меня, и я прочелъ кое-что съ любопытствомъ. Разумѣется, я могу ошибаться. На пробу выбираю сначала двѣ-три главы; пусть судитъ публика...

пе
от
эти
люд

ей
ви-
ру-

Часть первая

I

Мертвый домъ

Острогъ нашъ стоялъ на краю крѣпости, у самаго крѣпостного вала. Случалось, посмотришь сквозь щели забора на свѣтъ Божій: не увидишь ли хоть что-нибудь? — и только и увидишь, что краешекъ неба да высокій земляной валъ, поросшій бурьяномъ, а взадъ и впередъ по валу, день и ночь, расхаживаютъ часовые; и тутъ же подумаешь, что пройдутъ цѣлые годы, а ты точно такъ же подойдешь смотрѣть сквозь щели забора и увидишь тотъ же валъ, такихъ же часовыхъ и тотъ же маленькій краешекъ неба, не того неба, которое надъ острогомъ, а другого, далекаго, вольнаго неба. Представьте себѣ большой дворъ, шаговъ въ двѣсти длины и шаговъ въ полтораста ширины, весь обнесенный кругомъ, въ видѣ неправильнаго шестиугольника, высокимъ тыномъ, то-есть заборомъ изъ высокихъ столбовъ (паль), врытыхъ стойкомъ глубоко въ землю, крѣпко прислоненныхъ другъ къ другу ребрами, скрѣпленныхъ поперечными планками и сверху заостренныхъ: вотъ наружная ограда острога. Въ одной изъ сторонъ ограды вдѣланы крѣпкія ворота, всегда запертыя, всегда день и ночь охраняемыя часовыми; ихъ отпирали по требованію, для выпуска на работу. За этими воротами былъ свѣтлый, вольный міръ, жили люди, какъ и всѣ. Но по сю сторону ограды о томъ

мірѣ представляли себѣ, какъ о какой-то несбыточной сказкѣ. Тутъ былъ свой особый міръ, ни на что болѣе не похожій; тутъ были свои особые законы, свои костюмы, свои нравы и обычаи, и заживо-мертвый домъ, жизнь — какъ нигдѣ, и люди особенные. Вотъ этотъ-то особенный уголокъ я и принимаюсь описывать.

Какъ входите въ ограду, — видите внутри ея нѣсколько зданій. — По обѣимъ сторонамъ широкаго внутренняго двора тянутся два длинныхъ одноэтажныхъ деревянныхъ сруба. Это казармы. Здѣсь живутъ арестанты, размѣщенные по разрядамъ. Потомъ, въ глубинѣ ограды, еще такой же срубъ: это кухня, раздѣленная на двѣ артели; далѣе еще строеніе, гдѣ подъ одной крышей помѣщаются погреба, амбары, сараи. Средина двора пустая и составляетъ ровную, довольно большую площадку. Здѣсь строятся арестанты, происходитъ повѣрка и перекличка утромъ, въ полдень и вечеромъ, иногда же и по нѣскольку разъ въ день, — судя по мнительности караульныхъ и ихъ умѣнью скоро считать. Кругомъ, между строеніями и заборомъ, остается еще довольно большое пространство. Здѣсь, по задамъ строеній, иные изъ заключенныхъ, понелюдимѣе и помрачнѣе характеромъ, любятъ ходить въ нерабочее время, закрытые отъ всѣхъ глазъ, и думать свою думушку. Встрѣчаясь съ ними во время этихъ прогулокъ, я любилъ всматриваться въ ихъ угрюмыя, клейменыя лица и угадывать, о чемъ они думаютъ. Былъ одинъ ссыльный, у котораго любимымъ занятіемъ, въ свободное время, было считать пали. Ихъ было тысячи полторы и у него онѣ были всѣ на счету и на примѣтѣ. Каждая паля означала у него день; каждый день онъ отсчитывалъ по одной палѣ и такимъ образомъ, по оставшемуся числу несосчитанныхъ паль, могъ наглядно видѣть, сколько дней еще остается ему пробыть въ острогѣ до срока работы. Онъ былъ искренно радъ, когда доканчивалъ какую-нибудь сторону ше-

стиугольника. Много лѣтъ приходилось еще ему дожидаться; но въ острогѣ было время научиться терпѣнію. Я видѣлъ разъ, какъ прощался съ товарищами одинъ арестантъ, пробывшій въ каторгѣ двадцать лѣтъ и, наконецъ, выходившій на волю. Были люди, помнившіе, какъ онъ вошелъ въ острогъ въ первый разъ, молодой, беззаботный, не думавшій ни о своемъ преступленіи, ни о своемъ наказаніи. Онъ выходилъ сѣдымъ старикомъ, съ лицомъ угрюмымъ и грустнымъ. Молча обошелъ онъ всѣ наши шесть казармъ. Входя въ каждую казарму, онъ молился на образа и потомъ низко, въ поясъ, откланивался товарищамъ, прося не поминать его лихомъ. — Помню я тоже, какъ однажды одного арестанта, прежде зажиточнаго сибирскаго мужика, разъ подъ вечеръ, позвали къ воротамъ. Полгода передъ этимъ получилъ онъ извѣстіе, что бывшая его жена вышла замужъ, и крѣпко запечалился. Теперь она сама подъѣхала къ острогу, вызвала его и подала ему подаяніе. Они поговорили минуты двѣ, оба всплакнули и простились навѣки. Я видѣлъ его лицо, когда онъ возвращался въ казарму... Да, въ этомъ мѣстѣ можно было научиться терпѣнію.

Когда смеркалось, насъ всѣхъ вводили въ казармы, гдѣ и запирали на всю ночь. Мнѣ всегда было тяжело возвращаться со двора въ нашу казарму. Это была длинная, низкая и душная комната, тускло освѣщенная сальными свѣчами, съ тяжелымъ, удушающимъ запахомъ. Не понимаю теперь, какъ я выжилъ въ ней десять лѣтъ. На нарахъ у меня было три доски: это было все мое мѣсто. На этихъ же нарахъ размѣщалось въ одной нашей комнатѣ человѣкъ тридцать народу. Зимой запирали рано; часа четыре надо было ждать, пока всѣ засыпали. А до того — шумъ, гамъ, хохотъ, ругательства, звукъ цѣпей, чадъ и копоть, бритыя головы, клейменыя лица, лоскутныя платья, все — обруганное, ошельмованное... да, живучъ человѣкъ! Че-

ловѣкъ есть существо, ко всему привыкающее, и, я думаю, это самое лучшее его опредѣленіе.

Помѣщалось насъ въ острогѣ всего человѣкъ двѣсти пятьдесятъ, — цифра почти постоянная. Одни приходили, другіе кончали сроки и уходили, третьи умирали. И какого народу тутъ не было! Я думаю, каждая губернія, каждая полоса Россіи имѣла тутъ своихъ представителей. Были и инородцы, были нѣсколько ссыльныхъ даже изъ кавказскихъ горцевъ. Все это раздѣлялось по степени преступленій, а слѣдовательно по числу лѣтъ, опредѣленныхъ за преступленіе. Надо полагать, что не было такого преступленія, которое бы не имѣло здѣсь своего представителя. Главное основаніе всего острожнаго населенія составляли ссыльно-каторжные разряда гражданскаго (*сильно*-каторжные, какъ наивно произносили сами арестанты). Это были преступники, совершенно лишенные всякихъ правъ состоянія, отрѣзанные ломти отъ общества, съ проклейменнымъ лицомъ для вѣчнаго свидѣтельства объ ихъ отверженіи. Они присылались въ работу на сроки отъ восьми до двѣнадцати лѣтъ и потомъ разсылались куда-нибудь по сибирскимъ волостямъ въ поселенцы. — Были преступники и военнаго разряда, не лишенные правъ состоянія, какъ вообще въ русскихъ военныхъ арестантскихъ ротахъ. Присылались они на короткіе сроки; по окончаніи же ихъ поворачивались туда же, откуда пришли, въ солдаты, въ сибирскіе линейные батальоны. Многіе изъ нихъ почти тотчасъ же возвращались обратно въ острогъ за вторичныя важныя преступленія, но уже не на короткіе сроки, а на двадцать лѣтъ. Этотъ разрядъ назывался «всегдашнимъ». Но «всегдашніе» все еще не совершенно лишались всѣхъ правъ состоянія. Наконецъ, былъ еще одинъ особый разрядъ самыхъ страшныхъ преступниковъ, преимущественно военныхъ, довольно многочисленный. Назывался онъ «особымъ отдѣленіемъ». Со всей Руси присылались сюда преступники.

Они сами считали себя вѣчными и срока работъ своихъ не знали. По закону, имъ должно было удвоять и утроять рабочіе уроки. Содержались они при острогѣ впредь до открытія въ Сибири самыхъ тяжелыхъ каторжныхъ работъ. «Вамъ на срокъ, а намъ вдоль по каторгѣ», говорили они другимъ заключеннымъ. Я слышалъ потомъ, что разрядъ этотъ уничтоженъ. Кромѣ того уничтоженъ при нашей крѣпости и гражданскій порядокъ, а заведена одна общая военно-арестантская рота. Разумѣется, съ этимъ вмѣстѣ перемѣнилось и начальство. Я описываю, стало быть, старину, дѣла давно минувшія и прошедшія . . .

Давно ужъ это было; все это снится мнѣ теперь, какъ во снѣ. Помню, какъ я вошелъ въ острогъ. Это было вечеромъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ. Уже смеркалось; народъ возвращался съ работы; готовились къ повѣркѣ. Усатый унтеръ-офицеръ отворилъ мнѣ, наконецъ, двери въ этотъ странный домъ, въ которомъ я долженъ былъ пробыть столько лѣтъ, вынести столько такихъ ощущеній, о которыхъ, не испытавъ ихъ на самомъ дѣлѣ, я бы не могъ имѣть даже приблизительнаго понятія. Напримѣръ, я бы никакъ не могъ представить себѣ: что страшнаго и мучительнаго въ томъ, что я во всѣ десять лѣтъ моей каторги ни разу, ни одной минуты не буду одинъ? На работѣ всегда подъ конвоемъ, дома съ двумястами товарищей и ни разу, ни разу — одинъ! Впрочемъ, къ этому ли еще мнѣ надо было привыкать!

Были здѣсь убійцы-невзначай и убійцы по ремеслу, разбойники и атаманы разбойниковъ. Были просто мазурики и бродяги — промышленники по находнымъ деньгамъ или по столевской части. Были и такіе, про которыхъ трудно было рѣшить: за что бы, кажется, они могли придти сюда? — А между тѣмъ у всякаго была своя повѣсть, смутная и тяжелая, какъ угаръ отъ вчерашняго хмеля. Вообще, о быломъ своемъ они говорили мало, не любили разсказывать и видимо старались

не думать о прошедшемъ. Я зналъ изъ нихъ даже убійцъ до того веселыхъ, до того никогда не задумывающихся, что можно было биться объ закладъ, что никогда совѣсть не сказала имъ никакого упрека. Но были и мрачныя лица, почти всегда молчаливыя. Вообще, жизнь свою рѣдко кто разсказывалъ, да и любопытство было не въ модѣ, какъ-то не въ обычаѣ, не принято. Такъ развѣ, изрѣдка разговорится кто-нибудь отъ бездѣлья, а другой хладнокровно и мрачно слушаетъ. Никто здѣсь никого не могъ удивить. «Мы — народъ грамотный!» говорили они часто, съ какимъ-то страннымъ самодовольствіемъ. Помню, какъ однажды одинъ разбойникъ, хмельной (въ каторгѣ иногда можно было напиться), началъ разсказывать, какъ онъ зарѣзалъ пятилѣтняго мальчика, какъ онъ обманулъ его сначала игрушкой, завелъ куда-то въ пустой сарай, да тамъ и зарѣзалъ. Вся казарма, доселѣ смѣявшаяся его шуткамъ, закричала, какъ одинъ человѣкъ, и разбойникъ принужденъ былъ замолчать; не отъ негодованія закричала казарма, а такъ, потому что *не надо* было *про это* говорить, потому что говорить *про это* не принято. Замѣчу кстати, что этотъ народъ былъ дѣйствительно грамотный и даже не въ переносномъ, а въ буквальномъ смыслѣ. Навѣрно болѣе половины изъ нихъ умѣло читать и писать. Въ какомъ другомъ мѣстѣ, гдѣ русскій народъ собирается въ большихъ массахъ, отдѣлите вы отъ него кучу въ 250 человѣкъ, изъ которыхъ половина была бы грамотныхъ? Слышалъ я потомъ, что кто-то сталъ выводить изъ подобныхъ же данныхъ, что грамотность губитъ народъ. Это ошибка: тутъ совсѣмъ другія причины, хотя и нельзя не согласиться, что грамотность развиваетъ въ народѣ самонадѣянность. Но вѣдь это вовсе не недостатокъ. — Различались всѣ разряды по платью: у однихъ половина куртки была темнобурая, а другая сѣрая, равно и на панталонахъ одна нога сѣрая, а

другая темнобурая. Одинъ разъ, на работѣ, дѣвчонка-калашница, подошедшая къ арестантамъ, долго всматривалась въ меня и потомъ вдругъ захохотала. — «Фу, какъ не славно! — закричала она, — и сѣраго сукна недостало, и чернаго сукна недостало!» Были и такіе, у которыхъ вся куртка была одного сѣраго сукна, но только рукава были темнобурые. Голова тоже брилась по-разному: у однихъ половина головы была выбрита вдоль черепа, у другихъ поперекъ.

Съ перваго взгляда можно было замѣтить нѣкоторую рѣзкую общность во всемъ этомъ странномъ семействѣ; даже самыя рѣзкія, самыя оригинальныя личности, царившія надъ другими невольно, и тѣ старались попасть въ общій тонъ всего острога. Вообще же скажу, что весь этотъ народъ, за нѣкоторыми немногими исключеніями неистощимо-веселыхъ людей, пользовавшихся за это всеобщимъ презрѣніемъ, — былъ народъ угрюмый, завистливый, страшно тщеславный, хвастливый, обидчивый и въ высшей степени формалистъ. Способность ничему не удивляться была величайшею добродѣтелью. Всѣ было помѣшаны на томъ: какъ наружно держать себя. Но нерѣдко самый заносчивый видъ съ быстротою молніи смѣнялся на самый малодушный. Было нѣсколько истинно-сильныхъ людей; тѣ были просты и не кривлялись. Но странное дѣло: изъ этихъ настоящихъ, сильныхъ людей было нѣсколько тщеславныхъ до послѣдней крайности, почти до болѣзни. Вообще тщеславіе, наружность, были на первомъ планѣ. Большинство было развращено и страшно исподлилось. Сплетни и пересуды были безпрерывныя: это былъ адъ, тьма кромѣшная. Но противъ внутреннихъ уставовъ и принятыхъ обычаевъ острога никто не смѣлъ возставать; всѣ подчинялись. Бывали характеры рѣзко-выдающіеся, трудно, съ усиліемъ подчинявшіеся, но все-таки подчинявшіеся. Приходили въ острогъ такіе, которые ужъ слишкомъ зарвались,

слишкомъ выскочили изъ мѣрки на волѣ, такъ что ужъ и преступленія свои дѣлали, подъ конецъ, какъ будто не сами собой, какъ будто сами не зная зачѣмъ, какъ будто въ бреду, въ чаду; часто изъ тщеславія, возбужденнаго въ высочайшей степени. Но у насъ ихъ тотчасъ осаживали, несмотря на то, что иные, до прибытія въ острогъ, бывали ужасомъ цѣлыхъ селеній и городовъ. Оглядываясь кругомъ, новичокъ скоро замѣчалъ, что онъ не туда попалъ, что здѣсь дивить уже некого, и непремѣнно смирялся и попадалъ въ общій тонъ. Этотъ общій тонъ составлялся снаружи изъ какого-то особеннаго, собственнаго достоинства, которымъ былъ проникнутъ чуть не каждый обитатель острога. Точно въ самомъ дѣлѣ званіе каторжнаго, рѣшеннаго, составляло какой-нибудь чинъ, да еще и почетный. Ни признаковъ стыда и раскаянія! Впрочемъ было и какое-то наружное смиреніе, такъ сказать, офиціальное, какое-то спокойное резонерство: «Мы погибшій народъ, — говорили они: — не умѣлъ на волѣ жить, теперь ломай зеленую улицу, повѣряй ряды». — «Не слушался отца и матери, послушайся теперь барабанной шкуры». — «Не хотѣлъ шить золотомъ, теперь бей камни молотомъ». — Все это говорилось часто, и въ видѣ нравоученія и въ видѣ обыкновенныхъ поговорокъ и присловій, но никогда серьезно. Все это были только слова. Врядъ ли хоть одинъ изъ нихъ сознавался внутренно въ своей беззаконности. Попробуй кто не изъ каторжныхъ упрекнуть арестанта его преступленіемъ, выбранить его (хотя, впрочемъ, не въ русскомъ духѣ попрекать преступника) — ругательствамъ не будетъ конца. А какіе были они всѣ мастера ругаться! Ругались они утонченно, художественно. Ругательство возведено было у нихъ въ науку; старались взять не столько обиднымъ словомъ, сколько обиднымъ смысломъ, духомъ, идеей, — а это утонченнѣе, ядовитѣе. Безпрерывныя ссоры еще болѣе развивали между ними эту науку.

Весь этотъ народъ работалъ изъ-подъ палки, слѣдственно онъ былъ праздный, слѣдственно развращался; если и не былъ прежде развращенъ, то въ каторгѣ развращался. Всѣ они собрались сюда не своей волей; всѣ они были другъ другу чужіе.

«Чортъ трое лаптей сносилъ, прежде чѣмъ насъ собралъ въ одну кучу» — говорили они про себя сами; а потому сплетни, интриги, бабьи наговоры, зависть, свара, злость были всегда на первомъ планѣ въ этой кромѣшной жизни. Никакая баба не въ состояніи была быть такой бабой, какъ нѣкоторые изъ этихъ душегубцевъ. Повторяю, были и между ними люди сильные, характеры, привыкшіе всю жизнь свою ломить и повелѣвать, закаленные, безстрашные. Этихъ какъ-то невольно уважали; они же съ своей стороны, хотя часто и очень ревнивы были къ своей славѣ, но вообще старались не быть другимъ въ тягость, въ пустыя ругательства не вступали, вели себя съ необыкновеннымъ достоинствомъ, были разсудительны и почти всегда послушны начальству, — не изъ принципа послушанія, не изъ сознанія обязанностей, а такъ, какъ будто по какому-то контракту, сознавъ взаимныя выгоды. Впрочемъ, съ ними и поступали осторожно. Я помню, какъ одного изъ такихъ арестантовъ, человѣка безстрашнаго и рѣшительнаго, извѣстнаго начальству своими звѣрскими наклонностями, за какое-то преступленіе позвали разъ къ наказанію. День былъ лѣтній, пора нерабочая. Штабъ-офицеръ, ближайшій и непосредственный начальникъ острога, пріѣхалъ самъ въ кордегардію, которая была у самыхъ нашихъ воротъ, присутствовать при наказаніи. Этотъ майоръ былъ какое-то фатальное существо для арестантовъ; онъ довелъ ихъ до того, что они его трепетали. Былъ онъ до безумія строгъ, «бросался на людей», какъ говорили каторжные. Всего болѣе страшились они въ немъ его проницательнаго, рысьяго взгляда, отъ котораго нельзя было

слишк его утаить. Онъ видѣлъ какъ-то не глядя. Входя и прес острогъ, онъ уже зналъ, что дѣлается на другомъ не самѣ его. Арестанты звали его восьмиглазымъ. Его будт система была ложная. Онъ только озлоблялъ уже озло- ж бленныхъ людей своими бѣшеными, злыми поступками, и если бъ не было надъ нимъ коменданта, человѣка благороднаго и разсудительнаго, умѣрявшаго иногда его дикія выходки, то онъ бы надѣлалъ большихъ бѣдъ своимъ управленіемъ. Не понимаю, какъ могъ онъ кончить благополучно; онъ вышелъ въ отставку живъ и здоровъ, хотя, впрочемъ, и былъ отданъ подъ судъ.

Арестантъ поблѣднѣлъ, когда его кликнули. Обыкновенно онъ молча и рѣшительно ложился подъ розги, молча терпѣлъ наказаніе и вставалъ послѣ наказанія, какъ встрепанный, хладнокровно и философски смотря на приключившуюся неудачу. Съ нимъ, впрочемъ, поступали всегда осторожно. Но на этотъ разъ онъ считалъ себя почему-то правымъ. Онъ поблѣднѣлъ и, тихонько отъ конвоя, успѣлъ сунуть въ рукавъ острый англійскій сапожный ножъ. Ножи и всякіе острые инструменты страшно запрещались въ острогѣ. Обыски были частые, неожиданные и нешуточные, наказанія жестокія; но такъ какъ трудно отыскать у вора, когда тотъ рѣшится что-нибудь особенно спрятать, и такъ какъ ножи и инструменты были всегдашнею необходимостью въ острогѣ, то, несмотря на обыски, они не переводились. А если и отбирались, то немедленно заводились новые. Вся каторга бросилась къ забору и съ замираніемъ сердца смотрѣла сквозь щели паль. Всѣ знали, что Петровъ въ этотъ разъ не захочетъ лечь подъ розги, и что майору пришелъ конецъ. Но въ самую рѣшительную минуту нашъ майоръ сѣлъ на дрожки и уѣхалъ, поручивъ исполненіе экзекуціи другому офицеру. «Самъ Богъ спасъ!» говорили потомъ арестанты. Что же касается до Петрова, онъ преспокойно вытерпѣлъ наказаніе. Его гнѣвъ прошелъ съ отъ-

ѣздомъ майора. Арестантъ послушенъ и покоренъ до извѣстной степени; но есть крайность, которую не надо переходить. Кстати: ничего не можетъ быть любопытнѣе этихъ странныхъ вспышекъ нетерпѣнія и строптивости. Часто человѣкъ терпитъ нѣсколько лѣтъ, смиряется, выноситъ жесточайшія наказанія и вдругъ прорывается на какой-нибудь малости, на какомъ-нибудь пустякѣ, почти за ничто. На иной взглядъ можно даже назвать его сумасшедшимъ; да такъ и дѣлаютъ.

Я сказалъ уже, что въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ я не видалъ между этими людьми ни малѣйшаго признака раскаянія, ни малѣйшей тягостной думы о своемъ преступленіи, и что большая часть изъ нихъ внутренно считаетъ себя совершенно правыми. Это фактъ. Конечно, тщеславіе, дурные примѣры, молодечество, ложный стыдъ во многомъ тому причиною. Съ другой стороны, кто можетъ сказать, что выслѣдилъ глубину этихъ погибшихъ сердецъ и прочелъ въ нихъ сокровенное отъ всего свѣта? Но вѣдь можно же было, во столько лѣтъ, хоть что-нибудь замѣтить, поймать, уловить въ этихъ сердцахъ хоть какую-нибудь черту, которая бы свидѣтельствовала о внутренней тоскѣ, о страданіи. Но этого не было, положительно не было. Да, преступленіе, кажется, не можетъ быть осмыслено съ данныхъ, готовыхъ точекъ зрѣнія, и философія его нѣсколько потруднѣе, чѣмъ полагаютъ. Конечно, остроги и система насильныхъ работъ не исправляютъ преступника; они только его наказываютъ и обезпечиваютъ общество отъ дальнѣйшихъ покушеній злодѣя на его спокойствіе. Въ преступникѣ же острогъ и самая усиленная каторжная работа развиваютъ только ненависть, жажду запрещенныхъ наслажденій и страшное легкомысліе. Но я твердо увѣренъ, что знаменитая келейная система достигаетъ только ложной, обманчивой, наружной цѣли. Она высасываетъ жизненный сокъ изъ человѣка, энервируетъ его душу,

ослабляетъ ее, пугаетъ ее и потомъ нравственно изсохшую мумію, полусумасшедшаго представляетъ какъ образецъ исправленія и раскаянія. Конечно, преступникъ, возставшій на общество, ненавидитъ его и почти всегда считаетъ себя правымъ, а его виноватымъ. Къ тому же онъ уже потерпѣлъ отъ него наказаніе, а чрезъ это почти считаетъ себя очищеннымъ, сквитавшимся. Можно судить, наконецъ, съ такихъ точекъ зрѣнія, что чуть ли не придется оправдать самого преступника. Но несмотря на всевозможныя точки зрѣнія, всякій согласится, что есть такія преступленія, которыя всегда и вездѣ, по всевозможнымъ законамъ, съ начала міра считаются безспорными преступленіями и будутъ считаться такими до тѣхъ поръ, покамѣстъ человѣкъ останется человѣкомъ. Только въ острогѣ я слышалъ разсказы о самыхъ страшныхъ, о самыхъ неестественныхъ поступкахъ, о самыхъ страшныхъ, о самыхъ чудовищныхъ убійствахъ, разсказанные съ самымъ неудержимымъ, съ самымъ дѣтски-веселымъ смѣхомъ. Особенно не выходитъ у меня изъ памяти одинъ отцеубійца. Онъ былъ изъ дворянъ, служилъ и былъ у своего шестидесятилѣтняго отца чѣмъ-то въ родѣ блуднаго сына. Поведенія онъ былъ совершенно безпутнаго, ввязался въ долги. Отецъ ограничивалъ его, уговаривалъ; но у отца былъ домъ, былъ хуторъ, подозрѣвались деньги, и — сынъ убилъ его, жаждая наслѣдства. Преступленіе было разыскано только чрезъ мѣсяцъ. Самъ убійца подалъ объявленіе въ полицію, что отецъ его исчезъ неизвѣстно куда. Весь этотъ мѣсяцъ онъ провелъ самымъ развратнымъ образомъ. Наконецъ, въ его отсутствіе, полиція нашла тѣло. На дворѣ, во всю длину его, шла канавка для стока нечистотъ, покрытая досками. Тѣло лежало въ этой канавкѣ. Оно было одѣто и убрано, сѣдая голова была отрѣзана прочь, приставлена къ туловищу, а подъ голову убійца подложилъ подушку. Онъ не сознавался; былъ лишенъ дворянства, чина и сосланъ

въ работу на двадцать лѣтъ. Все время, какъ я жилъ съ нимъ, онъ былъ въ превосходнѣйшемъ, въ веселѣйшемъ расположеніи духа. Это былъ взбалмошный, легкомысленный, неразсудительный въ высшей степени человѣкъ, хотя совсѣмъ не глупецъ. Я никогда не замѣчалъ въ немъ какой-нибудь особенной жестокости. Арестанты презирали его не за преступленіе, о которомъ не было и помину, а за дурь, за то, что не умѣлъ вести себя. Въ разговорахъ онъ иногда вспоминалъ о своемъ отцѣ. Разъ, говоря со мной о здоровомъ сложеніи, наслѣдственномъ въ ихъ семействѣ, онъ прибавилъ: «вотъ, *родитель мой*, такъ тотъ до самой кончины своей не жаловался ни на какую болѣзнь». Такая звѣрская безчувственность, разумѣется, невозможна. Это феноменъ; тутъ какой-нибудь недостатокъ сложенія, какое-нибудь тѣлесное и нравственное уродство, еще неизвѣстное наукѣ, а не простое преступленіе. Разумѣется, я не вѣрилъ этому преступленію. Но люди изъ его города, которые должны были знать всѣ подробности его исторіи, разсказывали мнѣ все его дѣло. Факты были до того ясны, что невозможно было не вѣрить.

Арестанты слышали, какъ онъ кричалъ однажды ночью во снѣ: «Держи его, держи! Голову-то ему руби, голову, голову!» . . .

Арестанты почти всѣ говорили ночью и бредили. Ругательства, воровскія слова, ножи, топоры чаще всего приходили имъ въ бреду на языкъ. «Мы народъ битый, — говорили они, — у насъ нутро отбитое, оттого и кричимъ по ночамъ».

Казенная каторжная крѣпостная работа была не занятіемъ, а обязанностью: арестантъ отработывалъ свой урокъ или отбывалъ законные часы работы и шелъ въ острогъ. На работу смотрѣли съ ненавистью. Безъ своего особаго, собственнаго занятія, которому бы онъ преданъ былъ всѣмъ умомъ, всѣмъ расчетомъ своимъ,

человѣкъ въ острогѣ не могъ бы жить. Да и какимъ способомъ весь этотъ народъ, развитой, сильно поживиїй и желавшій жить, насильно сведенный сюда въ одну кучу, насильно оторванный отъ общества и отъ нормальной жизни, могъ бы ужиться здѣсь нормально и правильно, своей волей и охотой? Отъ одной праздности здѣсь развились бы въ немъ такія преступныя свойства, о которыхъ онъ прежде не имѣлъ и понятія. Безъ труда и безъ законной, нормальной собственности человѣкъ не можетъ жить, развращается, обращается въ звѣря. И потому каждый въ острогѣ, вслѣдствіе естественной потребности и какого-то чувства самосохраненія, имѣлъ свое мастерство и занятіе. Длинный лѣтній день почти весь наполнялся казенной работой; въ короткую ночь едва было время выспаться. Но зимой арестантъ, по положенію, какъ только смеркалось, уже долженъ быть запертъ въ острогѣ. Что же дѣлать въ длинные, скучные часы зимняго вечера? И потому почти каждая казарма, несмотря на запретъ, обращалась въ огромную мастерскую. Собственно трудъ, занятіе не запрещались; но строго запрещалось имѣть при себѣ, въ острогѣ, инструменты, а безъ этого невозможна была работа. Но работали тихонько и, кажется, начальство въ иныхъ случаяхъ смотрѣло на это не очень пристально. Многіе изъ арестантовъ приходили въ острогъ ничего не зная, но учились у другихъ и потомъ выходили на волю хорошими мастеровыми. Тутъ были и сапожники, и башмачники, и портные, и столяры, и слесаря, и рѣзчики, и золотильщики. Былъ одинъ еврей, Исай Бумштейнъ, ювелиръ, онъ же и ростовщикъ. Всѣ они трудились и добывали копейку. Заказы работъ добывались изъ города. Деньги есть чеканенная свобода, а потому для человѣка, лишеннаго совершенно свободы, онѣ дороже вдесятеро. Если онѣ только брякаютъ у него въ карманѣ, онъ уже вполовину утѣшенъ, хотя бы и не могъ ихъ тратить. Но деньги всегда и

вездѣ можно тратить, тѣмъ болѣе, что запрещенный плодъ вдвое слаще. А въ каторгѣ можно было даже имѣть и вино. Трубки были строжайше запрещены, но всѣ ихъ курили. Деньги и табакъ спасали отъ цынготныхъ и другихъ болѣзней. Работа же спасала отъ преступленій: безъ работы арестанты поѣли бы другъ друга, какъ пауки въ стклянкѣ. Несмотря на то, и работа, и деньги запрещались. Нерѣдко по ночамъ дѣлались внезапные обыски, отбиралось все запрещенное и — какъ ни прятались деньги, а все-таки иногда попадались сыщикамъ. Вотъ отчасти почему они и не береглись, а въ скорости пропивались; вотъ почему заводилось въ острогѣ и вино. Послѣ каждаго обыска, виноватый, кромѣ того, что лишался всего своего состоянія, бывалъ обыкновенно больно наказанъ. Но, послѣ каждаго обыска, тотчасъ же пополнялись недостатки, немедленно заводились новыя вещи, и все шло по-старому. И начальство знало объ этомъ, и арестанты не роптали на наказанія, хотя такая жизнь похожа была на жизнь поселившихся на горѣ Везувіѣ.

Кто не имѣлъ мастерства, промышлялъ другимъ образомъ. Были способы довольно оригинальные. Иные промышляли, напримѣръ, однимъ перекупствомъ, а продавались иногда такія вещи, что и въ голову не могло бы придти кому-нибудь за стѣнами острога не только покупать и продавать ихъ, но даже считать вещами. Но каторга была очень бѣдна и чрезвычайно промышленна. Послѣдняя тряпка была въ цѣнѣ и шла въ какое-нибудь дѣло. По бѣдности же и деньги въ острогѣ имѣли совершенно другую цѣну, чѣмъ на волѣ. За большой и сложный трудъ платилось грошами. Нѣкоторые съ успѣхомъ промышляли ростовщичествомъ. Арестантъ, замотавшійся или разорившійся, несъ послѣднія свои вещи ростовщику и получалъ отъ него нѣсколько мѣдныхъ денегъ, за ужасные проценты. Если онъ не выкупалъ эти вещи въ срокъ, то онѣ безотлагательно и без-

жалостно продавались; ростовщичество до того процвѣтало, что принимались подъ закладъ даже казенныя смотровыя вещи, какъ-то: казенное бѣлье, сапожный товаръ и проч., — вещи, необходимыя всякому арестанту во всякій моментъ. Но при такихъ закладахъ случался и другой оборотъ дѣла, не совсѣмъ, впрочемъ, неожиданный: заложившій и получившій деньги немедленно, безъ дальнихъ разговоровъ, шелъ къ старшему унтеръ-офицеру, ближайшему начальнику острога, доносилъ о закладѣ смотровыхъ вещей, и онѣ тотчасъ же отбирались у ростовщика обратно, даже безъ доклада высшему начальству. Любопытно, что при этомъ иногда даже не было и ссоры: ростовщикъ молча и угрюмо возвращалъ что слѣдовало и даже какъ будто самъ ожидалъ, что такъ будетъ. Можетъ быть, онъ не могъ не сознаться въ себѣ, что на мѣстѣ закладчика и онъ бы такъ сдѣлалъ. И потому, если ругался иногда потомъ, то безъ всякой злобы, а такъ только, для очистки совѣсти.

Вообще, всѣ воровали другъ у друга ужасно. Почти у каждаго былъ свой сундукъ въ замкомъ, для храненія казенныхъ вещей. Это позволялось; но сундуки не спасали. Я думаю, можно представить, какіе были тамъ искусные воры. У меня одинъ арестантъ, искренно преданный мнѣ человѣкъ (говорю безъ всякой натяжки), укралъ библію, единственную книгу, которую позволялось имѣть въ каторгѣ; онъ въ тотъ же день мнѣ самъ сознался въ этомъ, не отъ раскаянія, но жалѣя меня, потому что я ее долго искалъ. Были цѣловальники, торговавшіе виномъ и быстро обогащавшіеся. Объ этой продажѣ я скажу когда-нибудь особенно; она довольно замѣчательна. Въ острогѣ было много пришедшихъ за контрабанду, и потому нечего удивляться, какимъ образомъ, при такихъ осмотрахъ и конвояхъ, въ острогъ приносилось вино. Кстати: контрабанда, по характеру своему, какое-то особенное

тупленіе. Можно ли, напримѣръ, представить себѣ, деньги, выгода, у иного контрабандиста играютъ ко второстепенную роль, стоятъ на второмъ планѣ? жду тѣмъ бываетъ именно такъ. Контрабандистъ таетъ по страсти, по призванію. Это отчасти поэтъ. рискуетъ всѣмъ, идетъ на страшную опасность, итъ, изобрѣтаетъ, выпутывается; иногда даже твуетъ по какому-то вдохновенію. Это страсть ь же сильная, какъ и картежная игра. Я зналъ въ острогѣ одного арестанта, наружностью размѣра колоссальнаго, но до того кроткаго, тихаго, смиреннаго, что нельзя было представить себѣ, какимъ образомъ онъ очутился въ острогѣ. Онъ былъ до того незлобивъ и уживчивъ, что во все время своего пребыванія въ острогѣ ни съ кѣмъ не поссорился. Но онъ былъ съ западной границы, пришелъ за контрабанду, и, разумѣется, не могъ утерпѣть и пустился проносить вино. Сколько разъ его за это наказывали, и какъ онъ боялся розогъ! Да и самый проносъ вина доставлялъ ему самые ничтожные доходы. Отъ вина обогащался только одинъ антрепренеръ. Чудакъ любилъ искусство для искусства. Онъ былъ плаксивъ, какъ баба, и сколько разъ, послѣ наказанія, клялся и зарекался не носить контрабанды. Съ мужествомъ онъ преодолѣвалъ себя иногда по цѣлому мѣсяцу, но, наконецъ, все-таки не выдерживалъ... Благодаря этимъ-то личностямъ, вино не оскудѣвало въ острогѣ...

Наконецъ, былъ еще одинъ доходъ, хотя не обогащавшій арестантовъ, но постоянный и благодѣтельный. Это подаяніе. Высшій классъ нашего общества не имѣетъ понятія, какъ заботятся о «несчастныхъ» купцы, мѣщане и весь народъ нашъ. Подаяніе бываетъ почти безпрерывное и почти всегда хлѣбомъ, сайками и калачами, гораздо рѣже деньгами. Безъ этихъ подаяній, во многихъ мѣстахъ, арестантамъ, особенно подсудимымъ, которые содержатся гораздо строже рѣшенныхъ,

было бы слишкомъ трудно. Подаяніе религіозно дѣлится арестантами поровну. Если не достанетъ на всѣхъ, то калачи разрѣзаются поровну, иногда даже на шесть частей, и каждый заключенный непремѣнно получаетъ себѣ свой кусокъ. Помню, какъ я, первый разъ, получилъ денежное подаяніе. Это было скоро по прибытіи моемъ въ острогъ. Я возвращался съ утренней работы одинъ, съ конвойнымъ. Навстрѣчу мнѣ прошли мать и дочь. дѣвочка лѣтъ десяти, хорошенькая, какъ ангельчикъ. Я уже видѣлъ ихъ разъ. Мать была солдатка, вдова. Ея мужъ, молодой солдатъ, былъ подъ судомъ и умеръ въ госпиталѣ, въ арестантской палатѣ, въ то время, когда и я тамъ лежалъ больной. Жена и дочь приходили къ нему прощаться; обѣ ужасно плакали. Увидя меня, дѣвочка закраснѣлась, пошептала что-то матери; та тотчасъ же остановилась, отыскала въ узелкѣ четверть копейки и дала ее дѣвочкѣ. Та бросилась бѣжать за мной... — На, «несчастный», возьми Христа-ради копеечку! — кричала она, забѣгая впередъ меня и суя мнѣ въ руки монетку. Я взялъ ея копеечку, и дѣвочка возвратилась къ матери совершенно довольная. Эту копеечку я долго берегъ у себя.

II

Первыя впечатлѣнія

Первый мѣсяцъ и вообще начало моей острожной жизни живо представляются теперь моему воображенію. Послѣдующіе мои острожные годы мелькаютъ въ вос миnаніи моемъ гораздо тусклѣе. Иные какъ будто всѣмъ стушевались, слились между собою, остав по себѣ одно цѣльное впечатлѣніе: тяжелое, однообр ное, удушающее.

Но все, что я выжилъ въ первые дни моей к торги, представляется мнѣ теперь какъ будто вче случившимся. Да такъ и должно быть.

Помню ясно, что съ перваго шагу въ этой жи

разило меня то, что я какъ будто и не нашелъ въ немъ ничего особенно поражающаго, необыкновеннаго или, лучше сказать, неожиданнаго. Все это какъ будто и прежде мелькало передо мной въ воображенiи, когда я, идя въ Сибирь, старался угадать впередъ мою долю. Но скоро бездна самыхъ странныхъ неожиданностей, самыхъ чудовищныхъ фактовъ, начала останавливать меня почти на каждомъ шагу. И уже только впослѣдствiи, уже довольно долго поживъ въ острогѣ, осмыслилъ я вполнѣ всю исключительность, всю неожиданность такого существованiя, и все болѣе и болѣе дивился на него. Признаюсь, что это удивленiе сопровождало меня во весь долгiй срокъ моей каторги; я никогда не могъ примириться съ нею.

Первое впечатлѣнiе мое, при поступленiи въ острогъ, вообще было самое отвратительное, но несмотря на то, — странное дѣло! — мнѣ показалось, что въ острогѣ гораздо легче жить, чѣмъ я воображалъ себѣ дорогой. Арестанты, хоть и въ кандалахъ, ходили свободно по всему острогу, ругались, пѣли пѣсни, работали на себя, курили трубки, даже пили вино (хотя очень немногiе), а по ночамъ иные заводили картежъ. Самая работа, напримѣръ, показалась мнѣ вовсе не такъ тяжелою, *каторжною,* и только довольно долго спустя я догадался, что тягость и *каторжность* этой работы — не столько въ трудности и безпрерывности ея, сколько въ томъ, что она *принужденная*, обязательная, изъ-подъ палки. Мужикъ на волѣ работаетъ, пожалуй, и несравненно больше, иногда даже и по ночамъ, особенно лѣтомъ; но онъ работаетъ на себя, работаетъ съ разумною цѣлью, и ему несравненно легче, чѣмъ каторжному на вынужденной и совершенно для него безполезной работѣ. Мнѣ пришло разъ на мысль, что если бъ захотѣли вполнѣ раздавить, уничтожить человѣка, наказать его самымъ ужаснымъ наказанiемъ, такъ что самый страшный убiйца содрогнулся бы отъ этого на-

казанія и пугался его заранѣе, то стоило бы только придать работѣ характеръ совершенной, полнѣйшей безполезности и безсмыслицы. Если теперешняя каторжная работа и безынтересна и скучна для каторжнаго, то сама въ себѣ, какъ работа, она разумна: арестантъ дѣлаетъ кирпичъ, копаетъ землю, штукатуритъ, строитъ; въ работѣ этой есть смыслъ и цѣль. Каторжный работникъ иногда даже увлекается ею, хочетъ сработать ее ловчѣе, лучше. Но если бъ заставить его, напримѣръ, переливать воду изъ одного ушата въ другой, а изъ другого въ первый, толочь песокъ, перетаскивать кучу земли съ одного мѣста на другое и обратно, — я думаю, арестантъ удавился бы черезъ нѣсколько дней или надѣлалъ бы тысячу преступленій, чтобъ хоть умереть, да выйти изъ такого униженія, стыда и муки. Разумѣется, такое наказаніе обратилось бы въ пытку, въ мщеніе, и было бы безсмысленно, потому что не достигало бы никакой разумной цѣли. Но такъ какъ часть такой пытки, безсмыслицы, униженія и стыда есть непремѣнно и во всякой вынужденной работѣ, то и каторжная работа несравненно мучительнѣе вольной, именно тѣмъ, что вынужденная.

Впрочемъ, я поступилъ въ острогъ зимою, въ декабрѣ мѣсяцѣ, и еще не имѣлъ понятія о лѣтней работѣ, впятеро тяжелѣйшей. Зимою же въ нашей крѣпости казенныхъ работъ вообще было мало. Арестанты ходили на Иртышъ ломать старыя казенныя барки, работали по мастерскимъ, разгребали у казенныхъ зданій снѣгъ, нанесенный буранами, обжигали и толкли алебастръ и проч. и проч. Зимній день былъ коротокъ, работа кончалась скоро, и весь нашъ людъ возвращался въ острогъ рано, гдѣ ему почти бы нечего было дѣлать, если бъ не случалось кой-какой своей работы. Но собственной работой занималась, можетъ быть, только треть арестантовъ, остальные же били баклуши, слонялись безъ нужды по всѣмъ казармамъ

острога, ругались, заводили межъ собой интриги, исторіи, напивались, если навертывались хоть какія-нибудь деньги; по ночамъ проигрывали въ карты послѣднюю рубашку, и все это отъ тоски, отъ праздности, отъ нечего дѣлать. Впослѣдствіи я понялъ, что кромѣ лишенія свободы, кромѣ вынужденной работы, въ каторжной жизни есть еще одна мука, чуть ли не сильнѣйшая, чѣмъ всѣ другія. Это *вынужденное общее сожительство*. Общее сожительство, конечно, есть и въ другихъ мѣстахъ, но въ острогъ-то приходятъ такіе люди, что не всякому хотѣлось бы сживаться съ ними, и я увѣренъ, всякій каторжный чувствовалъ эту муку, хотя, конечно, большею частью безсознательно.

Также и пища мнѣ показалась довольно достаточною. Арестанты увѣряли, что такой нѣтъ въ арестантскихъ ротахъ Европейской Россіи. Объ этомъ я не берусь судить: я тамъ не былъ. Къ тому же многіе имѣли возможность имѣть собственную пищу. Говядина стоила у насъ грошъ за фунтъ, лѣтомъ три копейки. Но собственную пищу заводили только тѣ, у которыхъ водились постоянныя деньги; большинство же каторги ѣло казенную. Впрочемъ, арестанты, хвалясь своею пищею, говорили только про одинъ хлѣбъ и благословляли именно то, что хлѣбъ у насъ общій, а не выдается съ вѣсу. Послѣднее ихъ ужасало: при выдачѣ съ вѣсу треть людей была бы голодная; въ артели же всѣмъ доставало. Хлѣбъ нашъ былъ какъ-то особенно вкусенъ и этимъ славился во всемъ городѣ. Приписывали это удачному устройству острожныхъ печей. Щи же были очень неказисты. Они варились въ общемъ котлѣ, слегка заправлялись крупой и, особенно въ будніе дни, были жидкіе, тощіе. Меня ужаснуло въ нихъ огромное количество таракановъ. Арестанты же не обращали на это никакого вниманія.

Первые три дня я не ходилъ на работу; такъ поступали и со всякимъ новоприбывшимъ: давалось от-

дохнуть съ дороги. Но на другой же день мнѣ пришлось выйти изъ острога, чтобы перековаться. Кандалы мои были неформенные, кольчатые, «мелкозвонъ», какъ называли ихъ арестанты. Они носились наружу. Форменные же острожные кандалы, приспособленные къ работѣ, состояли не изъ колецъ, а изъ четырехъ желѣзныхъ прутьевъ, почти въ палецъ толщиною, соединенныхъ между собою тремя кольцами. Ихъ должно было надѣвать подъ панталоны. Къ серединному кольцу привязывался ремень, который въ свою очередь прикрѣплялся къ поясному ремню, надѣвавшемуся прямо на рубашку.

Помню первое мое утро въ казармѣ. Въ кордегардіи у острожныхъ воротъ барабанъ пробилъ зорю, и, минутъ черезъ десять, караульный офицеръ началъ отпирать казармы. Стали просыпаться. При тускломъ свѣтѣ отъ шестериковой сальной свѣчи, подымались арестанты, дрожа отъ холода, съ своихъ наръ. Большая часть была молчалива и угрюма со сна. Они зѣвали, потягивались и морщили свои клейменые лбы. Иные крестились, другіе уже начинали вздорить. Духота была страшная. Свѣжій зимній воздухъ ворвался въ дверь, какъ только ее отворили, и клубами пара понесся по казармѣ. У ведеръ съ водой столпились арестанты; они по очереди брали ковшъ, набирали въ ротъ воды и умывали себѣ руки и лицо изо рта. Вода заготовлялась съ вечера парашникомъ. Во всякой казармѣ по положенію былъ одинъ арестантъ, выбранный артелью, для прислуги въ казармѣ. Онъ назывался парашникомъ и не ходилъ на работу. Его занятіе состояло въ наблюденіи за чистотой казармы, въ мытьѣ и въ скобленіи наръ и половъ, въ приносѣ и выносѣ ночного ушата и въ доставленіи свѣжей воды въ два ведра — утромъ для умыванья, а днемъ для питья. Изъ-за ковша, который былъ одинъ, начинались немедленно ссоры:

— Куда лѣзешь, язевый лобъ! — ворчалъ одинъ угрюмый, высокій арестантъ, сухощавый и смуглый, съ какими-то странными выпуклостями на своемъ бритомъ черепѣ, толкая другого, толстаго и приземистаго, съ веселымъ и румянымъ лицомъ: — постой!

— Чего кричишь! За постой у насъ деньги платятъ; самъ проваливай! Ишь монументъ вытянулся. То-есть никакой-то, братцы, въ немъ фортикультяпности нѣтъ.

Фортикультяпность произвела нѣкоторый эффектъ: многіе засмѣялись. Того только и надо было веселому толстяку, который, очевидно, былъ въ казармѣ чѣмъ-то въ родѣ добровольнаго шута. Высокій арестантъ посмотрѣлъ на него съ глубочайшимъ презрѣніемъ.

— Бирюлина корова! — проговорилъ онъ какъ бы про себя, — ишь отъѣлся на острожномъ чистякѣ[1])! Радъ, что къ розговѣнью двѣнадцать поросятъ принесетъ.

— Да ты что за птица такая? — вскричалъ тотъ вдругъ раскраснѣвшись.

— То и есть, что птица!

— Какая?

— Такая.

— Какая такая?

— Да ужъ одно слово такая.

— Да какая?

Оба впились глазами другъ въ друга. Толстякъ ждалъ отвѣта и сжалъ кулаки, какъ будто хотѣлъ тотчасъ же кинуться въ драку. Я и вправду думалъ, что будетъ драка. Для меня все это было ново, и я смотрѣлъ съ любопытствомъ. Но впослѣдствіи я узналъ, что всѣ подобныя сцены были чрезвычайно невинны и разыгрывались, какъ въ комедіи, для всеобщаго удовольствія; до драки же никогда почти не доходило.

---

[1]) Чистякомъ назывался хлѣбъ изъ чистой муки безъ примѣси.

Все это было довольно характерно и изображало нравы острога.

Высокій арестантъ стоялъ спокойно и величаво. Онъ чувствовалъ, что на него смотрятъ и ждутъ: осрамится онъ или нѣтъ своимъ отвѣтомъ; что надо было поддержать себя, доказать, что онъ, дѣйствительно, птица и показать, какая именно птица. Съ невыразимымъ презрѣніемъ скосилъ онъ глаза на своего противника, стараясь, для большей обиды, посмотрѣть на него какъ-то черезъ плечо, сверху внизъ, какъ будто онъ разглядывалъ его какъ букашку, и медленно и внятно произнесъ:

— Каганъ!...

То-есть, что онъ птица каганъ. Громкій залпъ хохота привѣтствовалъ находчивость арестанта.

— Подлецъ ты, а не каганъ! — заревѣлъ толстякъ, почувствовавъ, что срѣзался на всѣхъ пунктахъ, и дойдя до крайняго бѣшенства.

Но только что ссора стала серьезною, молодцовъ немедленно осадили.

— Что загалдѣли! — закричала на нихъ вся казарма.

— Да вы лучше подеритесь, чѣмъ горло-то драть, — прокричалъ кто-то изъ-за угла.

— Да, держи, подерутся! — раздалось въ отвѣтъ. — У насъ народъ бойкій, задорный; семеро одного не боимся...

— Да и оба хороши! Одинъ за фунтъ хлѣба въ острóгъ пришелъ, а другой — крыночная блудница, у бабы простокишу поѣлъ, зато и кнута хватилъ.

— Ну-ну-ну! Полно вамъ, — закричалъ инвалидъ, проживавшій для порядка въ казармѣ и поэтому спавшій въ углу на особой койкѣ.

— Вода, ребята! Невалидъ Петровичъ проснулся! Невалиду Петровичу, родимому братцу!

— Братъ... Какой я тебѣ братъ? Рубля вмѣ-

стѣ не пропили, а братъ! — ворчалъ инвалидъ, натягивая въ рукава шинель...

Готовились къ повѣркѣ; начало разсвѣтать; въ кухнѣ набралась густая толпа народу, не въ прорѣзъ. Арестанты толпились въ своихъ полушубкахъ и въ половинчатыхъ шапкахъ у хлѣба, который рѣзалъ имъ одинъ изъ кашеваровъ. Кашевары выбирались артелью, въ каждую кухню по двое. У нихъ же сохранялся и кухонный ножъ для рѣзанья хлѣба и мяса, на всю кухню одинъ.

По всѣмъ угламъ и около столовъ размѣстились арестанты, въ шапкахъ, въ полушубкахъ и подпоясанные, готовые выйти сейчасъ на работу. Передъ нѣкоторыми стояли деревянные чашки съ квасомъ. Въ квасъ крошили хлѣбъ и прихлебывали. Гамъ и шумъ былъ нестерпимый; но нѣкоторые благоразумно и тихо разговаривали по угламъ.

— Старичку Антонычу, хлѣбъ да соль, здравствуй! — проговорилъ молодой арестантъ, усаживаясь подлѣ нахмуреннаго и беззубаго арестанта.

— Ну, здравствуй, коли не шутишь, — проговорилъ тотъ, не поднимая глазъ и стараясь ужевать хлѣбъ своими беззубыми деснами.

— А вѣдь я, Антонычъ, думалъ, что ты померъ; право-ну.

— Нѣтъ, ты сперва помри, а я послѣ...

Я сѣлъ подлѣ нихъ. Справа меня разговаривали два степенные арестанта, видимо стараясь другъ передъ другомъ сохранить свою важность.

— У меня небось не украдутъ, — говорилъ одинъ: — я, братъ, самъ боюсь, какъ бы чего не украсть.

— Ну, да и меня голой рукой не бери: обожгу.

— Да чего обожжешь-то! Такой же варнакъ; больше и названья намъ нѣтъ... она тебя оберетъ, да и не поклонится. Тутъ, братъ, и моя копеечка умылась. Намедни сама пришла. Куда съ ней дѣться? Началъ

проситься къ Ѳедькѣ-палачу: у него еще въ форштадтѣ домъ стоялъ, у Соломонки-паршиваго у жида купилъ, вотъ еще который потомъ удавился.

— Знаю. Онъ у насъ въ третьемъ годѣ въ цѣловальникахъ сидѣлъ, а по прозвищу Гришка-темный кабакъ. Знаю.

— А вотъ и не знаешь; это другой темный кабакъ.

— Какъ не другой! Знать ты толсто знаешь! Да я тебѣ столько посредственниковъ приведу...

— Приведешь! Ты откуда, а я чей?

— Чей! Да я вотъ тебя и бивалъ, да не хвастаю, а то еще чей!

— Ты бивалъ! Да кто меня прибьетъ, еще тотъ не родился; а кто бивалъ, тотъ въ землѣ лежитъ.

— Чума бендерская!

— Чтобъ-те язвила язва сибирская!

— Чтобъ съ тобой говорила турецкая сабля!...

И пошла ругань.

— Ну-ну-ну! Загалдѣли! — закричали кругомъ. — На волѣ не умѣли жить; рады, что здѣсь до чистяка добрались...

Тотчасъ уймутъ. Ругаться, «колотить» языкомъ позволяется. Это отчасти и развлеченіе для всѣхъ. Но до драки не всегда допустятъ, и только развѣ въ исключительномъ случаѣ враги подерутся. О дракѣ донесутъ майору; начнутся розыски, пріѣдетъ самъ майоръ, — однимъ словомъ, всѣмъ нехорошо будетъ, а потому-то драка и не допускается. Да и сами враги ругаются больше для развлеченія, для упражненія въ слогѣ. Нерѣдко сами себя обманываютъ, начинаютъ съ страшной горячкой, съ остервенѣніемъ... думаешь вотъ бросятся другъ на друга; ничуть не бывало: дойдутъ до извѣстной точки и тотчасъ расходятся. Все это меня сначала чрезвычайно удивляло. Я нарочно привелъ здѣсь примѣръ самыхъ обыкновенныхъ каторжныхъ разговоровъ. Не могъ я представить себѣ сперва, какъ

можно ругаться изъ удовольствія, находить въ этомъ забаву, милое упражненіе, пріятность? Впрочемъ, не надо забывать и тщеславія. Діалектикъ-ругатель былъ въ уваженіи. Ему только что не апплодировали, какъ актеру.

Еще вчера съ вечера замѣтилъ я, что на меня смотрятъ косо.

Я уже поймалъ нѣсколько мрачныхъ взглядовъ. Напротивъ, другіе арестанты ходили около меня, подозрѣвая, что я принесъ съ собой деньги. Они тотчасъ стали подслуживаться: начали учить меня, какъ носить новые кандалы; достали мнѣ, конечно, за деньги, сундучокъ съ замкомъ, чтобъ спрятать въ него уже выданныя мнѣ казенныя вещи и нѣсколько моего бѣлья, которое я принесъ въ острогъ. На другой же день они у меня его украли и пропили. Одинъ изъ нихъ сдѣлался впослѣдствіи преданнѣйшимъ мнѣ человѣкомъ, хотя и не переставалъ обкрадывать меня при всякомъ удобномъ случаѣ. Онъ дѣлалъ это безъ всякаго смущенія, почти безсознательно, какъ будто по обязанности, и на него невозможно было сердиться.

Между прочимъ, они научили меня, что должно имѣть свой чай, что не худо мнѣ завести и свой чайникъ, а покамѣстъ достали мнѣ на подержаніе чужой и рекомендовали мнѣ кашевара, говоря, что копеекъ за тридцать въ мѣсяцъ онъ будетъ стряпать мнѣ что угодно, если я пожелаю ѣсть особо и покупать себѣ провіантъ... Разумѣется, они заняли у меня денегъ и каждый изъ нихъ въ одинъ первый день приходилъ занимать раза по три.

На бывшихъ дворянъ въ каторгѣ вообще смотрятъ мрачно и неблагосклонно.

Несмотря на то, что тѣ уже лишены всѣхъ своихъ правъ состоянія и вполнѣ сравнены съ остальными арестантами, — арестанты никогда не признаютъ ихъ своими товарищами. Это дѣлается даже не по сознательному

предубѣжденію, а такъ совершенно искренно, безсознательно. Они искренно признавали насъ за дворянъ, несмотря на то, что сами же любили дразнить насъ нашимъ паденіемъ.

— Нѣтъ, теперь полно, постой! Бывало Петръ черезъ Москву претъ, а нынче Петръ веревки вьетъ, — и проч. и проч. любезности.

Они съ любовью смотрѣли на наши страданія, которыя мы старались имъ не показывать. Особенно доставалось намъ сначала на работѣ, за то, что въ насъ не было столько силы, какъ въ нихъ, и что мы не могли имъ вполнѣ помогать. Нѣтъ ничего труднѣе, какъ войти къ народу въ довѣренность (и особенно къ такому народу) и заслужить его любовь.

Въ каторгѣ было нѣсколько человѣкъ изъ дворянъ. Во-первыхъ, человѣкъ пять поляковъ. Объ нихъ я поговорю когда-нибудь особо. Каторжные страшно не любили поляковъ, даже больше чѣмъ ссыльныхъ изъ русскихъ дворянъ. Поляки (я говорю объ однихъ политическихъ преступникахъ) были съ ними какъ-то утонченно, обидно вѣжливы, крайне несообщительны и никакъ не могли скрыть передъ арестантами своего къ нимъ отвращенія, а тѣ понимали это очень хорошо и платили тою же монетою.

Мнѣ надо было почти два года прожить въ острогѣ, чтобъ пріобрѣсть расположеніе нѣкоторыхъ изъ каторжныхъ. Но большая часть изъ нихъ, наконецъ, меня полюбила, и признала за «хорошаго» человѣка.

Изъ русскихъ дворянъ, кромѣ меня, было четверо. Одинъ — низкое и подленькое созданіе, страшно-развращенное, шпіонъ и доносчикъ по ремеслу. Я слышалъ о немъ еще до прихода въ острогъ и съ первыхъ же дней прервалъ съ нимъ всякія отношенія. Другой — тотъ самый отцеубійца, о которомъ я уже говорилъ въ своихъ запискахъ. Третій былъ Акимъ Акимычъ; рѣдко видалъ я такого чудака, какъ этотъ Акимъ Аки-

мычъ. Рѣзко отпечатался онъ въ моей памяти. Былъ онъ высокъ, худощавъ, слабоуменъ, ужасно безграмотенъ, чрезвычайный резонеръ и аккуратенъ, какъ нѣмецъ. Каторжные смѣялись надъ нимъ; но нѣкоторые даже боялись съ нимъ связываться за придирчивый, взыскательный и вздорный его характеръ. Онъ съ перваго шагу сталъ съ ними запанибрата, ругался съ ними, даже дрался. Честенъ онъ былъ феноменально. Замѣтитъ несправедливость и тотчасъ же ввяжется, хотя бы не его было дѣло. Наивенъ до крайности: онъ напримѣръ, бранясь съ арестантами, корилъ ихъ иногда за то, что они были воры, и серьезно убѣждалъ ихъ не воровать. Служилъ онъ на Кавказѣ прапорщикомъ. Мы сошлись съ нимъ съ перваго же дня, и онъ тотчасъ же разсказалъ мнѣ свое дѣло. Началъ онъ на Кавказѣ же, съ юнкеровъ, въ пѣхотномъ полку, долго тянулъ свою лямку, наконецъ, былъ произведенъ въ офицеры и отправленъ въ какое-то укрѣпленіе старшимъ начальникомъ. Одинъ сосѣдній мирный князекъ зажегъ его крѣпость и сдѣлалъ на нее ночное нападеніе; оно не удалось. Акимъ Акимычъ схитрилъ и не показалъ даже виду, что знаетъ, кто злоумышленникъ. Дѣло свалили на немирныхъ, а черезъ мѣсяцъ Акимъ Акимычъ зазвалъ князька къ себѣ по-дружески въ гости. Тотъ пріѣхалъ, ничего не подозрѣвая. Акимъ Акимычъ выстроилъ свой отрядъ, уличалъ и укорялъ князька всенародно; доказалъ ему, что крѣпости зажигать стыдно. Тутъ же прочелъ ему самое подробное наставленіе, какъ должно мирному князю вести себя впередъ и, въ заключеніе, разстрѣлялъ его, о чемъ немедленно и донесъ начальству со всѣми подробностями. За все это его судили, приговорили къ смертной казни, но смягчили приговоръ и сослали въ Сибирь, въ каторгу второго разряда, въ крѣпостяхъ на двѣнадцать лѣтъ. Онъ вполнѣ сознавалъ, что поступилъ неправильно, говорилъ мнѣ, что зналъ объ этомъ и передъ разстрѣляніемъ

князька, зналъ, что мирнаго должно было судить по законамъ; но несмотря на то, что зналъ это, онъ какъ будто никакъ не могъ понять своей вины настоящимъ образомъ:

— Да помилуйте! Вѣдь онъ зажегъ мою крѣпость? Что жъ мнѣ, поклониться, что ли, ему за это? — говорилъ онъ мнѣ, отвѣчая на мои возраженія.

Но несмотря на то, что арестанты подсмѣивались надъ придурью Акима Акимыча, они все-таки уважали его за аккуратность и умѣлость.

Не было ремесла, котораго бы не зналъ Акимъ Акимычъ. Онъ былъ столяръ, сапожникъ, башмачникъ, маляръ, золотильщикъ, слесарь, и всему этому обучился уже въ каторгѣ. Онъ дѣлалъ все самоучкой: взглянетъ разъ и сдѣлаетъ. Онъ дѣлалъ тоже разные ящики, корзинки, фонарики, дѣтскія игрушки и продавалъ ихъ въ городѣ. Такимъ образомъ у него водились деньжонки, и онъ немедленно употреблялъ ихъ на лишнее бѣлье, на подушку помягче, завелъ складной тюфячокъ. Помѣщался онъ въ одной казармѣ со мною и многимъ услужилъ мнѣ въ первые дни моей каторги.

Выходя изъ острога на работу, арестанты строились передъ кордегардіей, въ два ряда; спереди и сзади арестантовъ выстраивались конвойные солдаты съ заряженными ружьями. Являлись; инженерный офицеръ, кондукторъ и нѣсколько инженерныхъ нижнихъ чиновъ, приставовъ надъ работами. Кондукторъ разсчитывалъ арестантовъ и посылалъ ихъ партіями куда нужно на работу.

Вмѣстѣ съ другими я отправился въ инженерную мастерскую. Это было низенькое, каменное зданіе, стоявшее на большомъ дворѣ, заваленномъ разными матеріалами. Тутъ была кузница, слесарня, столярная, малярная и проч. Акимъ Акимычъ ходилъ сюда и работалъ въ малярной, варилъ олифу, составлялъ краски и раздѣлывалъ столы и мебель подъ орѣхъ.

Въ ожиданіи перековки, я разговорился съ Акимомъ Акимычемъ о первыхъ моихъ впечатлѣніяхъ въ острогѣ.

— Да-съ, дворянъ они не любятъ, — замѣтилъ онъ, — особенно политическихъ, съѣсть рады, немудрено-съ. Во-первыхъ, вы и народъ другой, на нихъ непохожій, а во-вторыхъ, они всѣ прежде были или помѣщичьи, или изъ военнаго званія. Сами посудите, могутъ ли они васъ полюбить-съ? Здѣсь, я вамъ скажу, жить трудно. А въ россійскихъ арестантскихъ ротахъ еще труднѣе-съ. Вотъ у насъ есть оттуда, такъ не нахвалятся нашимъ острогомъ, точно изъ ада въ рай перешли. Не въ работѣ бѣда-съ. Говорятъ, тамъ, въ первомъ-то разрядѣ, начальство не совершенно военное-съ, по крайней мѣрѣ другимъ манеромъ, чѣмъ у насъ, поступаетъ-съ. Тамъ, говорятъ, ссыльный можетъ жить своимъ домкомъ. Я тамъ не былъ, да такъ говорятъ-съ. Не бреютъ, въ мундирахъ не ходятъ-съ, хотя, впрочемъ, оно и хорошо, что у насъ они въ мундирномъ видѣ и бритые: все-таки порядку больше, да и глазу пріятнѣе-съ. Да только имъ-то это не нравится. Да и посмотрите, сбродъ-то какой-съ! Иной изъ кантонистовъ, другой изъ черкесовъ, третій изъ раскольниковъ, четвертый православный мужичокъ, семью, дѣтей милыхъ оставилъ на родинѣ, пятый жидъ, шестой цыганъ, седьмой неизвѣстно кто, и всѣ-то они должны ужиться вмѣстѣ, во что бы ни стало, согласиться другъ съ другомъ, ѣсть изъ одной чашки, спать на однѣхъ нарахъ. Да и воля-то какая: лишній кусокъ можно съѣсть только украдкой, всякій грошъ въ сапоги прятать, и все только и есть, что острогъ да острогъ . . . Поневолѣ дурь пойдетъ въ голову.

Но это я уже зналъ. Мнѣ особенно хотѣлось разспросить о нашемъ майорѣ. Акимъ Акимычъ не секретничалъ и, помню, впечатлѣніе мое было не совсѣмъ пріятное.

Но еще два года мнѣ суждено было прожить подъ его начальствомъ. Все, что разсказалъ мнѣ о немъ Акимъ Акимычъ, оказалось вполнѣ справедливымъ, съ тою разницею, что впечатлѣніе дѣйствительности всегда сильнѣе, чѣмъ впечатлѣніе отъ простого разсказа. Страшный былъ это человѣкъ, именно потому, что такой человѣкъ былъ начальникомъ, почти неограниченнымъ, надъ двумястами душъ. Самъ по себѣ онъ только былъ безпорядочный и злой человѣкъ, больше ничего. На арестантовъ онъ смотрѣлъ, какъ на своихъ естественныхъ враговъ, и это была первая и главная ошибка его. Онъ, дѣйствительно, имѣлъ нѣкоторыя способности, но все, даже и хорошее, представлялось въ немъ въ такомъ исковерканномъ видѣ. Невоздержный, злой, онъ врывался въ острогъ даже иногда по ночамъ, а если замѣчалъ, что арестантъ спитъ на лѣвомъ боку или навзничь, то на утро его наказывалъ: «спи, дескать, на правомъ боку, какъ я приказалъ». Въ острогѣ его ненавидѣли и боялись, какъ чумы. Лицо у него было багровое, злобное. Всѣ знали, что онъ былъ вполнѣ въ рукахъ своего денщика, Ѳедьки. Любилъ же онъ больше всего своего пуделя Трезорку и чуть съ ума не сошелъ съ горя, когда Трезорка заболѣлъ. Говорятъ, что онъ рыдалъ надъ нимъ, какъ надъ роднымъ сыномъ; прогналъ одного ветеринара и, по своему обыкновенію, чуть не подрался съ нимъ и, услышавъ отъ Ѳедьки, что въ осторгѣ есть арестантъ-ветеринаръ-самоучка, который лѣчитъ чрезвычайно удачно, немедленно призвалъ его.

— Выручи! Озолочу тебя, вылѣчи Трезорку! — закричалъ онъ арестанту.

Это былъ мужикъ-сибирякъ, хитрый, умный, дѣйствительно очень ловкій ветеринаръ, но вполнѣ мужичокъ.

— Смотрю я на Трезорку, — разсказывалъ онъ потомъ арестантамъ, впрочемъ долго спустя послѣ сво-

его визита къ майору, когда уже все дѣло было забыто, — смотрю: лежитъ песъ на диванѣ, на бѣлой подушкѣ; и вѣдь вижу, что воспаленіе, что надоть бы кровь пустить, и вылѣчился бы песъ, ей-ей говорю! Да и думаю про себя: а что, какъ не вылѣчу, какъ околѣетъ? Нѣтъ, говорю, ваше высокоблагородіе, поздно позвали; кабы вчера или третьяго дня, въ это же время, такъ вылѣчилъ бы пса; а теперь не могу, не вылѣчу . . .

Такъ и умеръ Трезорка.

Мнѣ разсказывали въ подробности, какъ хотѣли убить нашего майора. Былъ въ острогѣ одинъ арестантъ. Онъ жилъ у насъ уже нѣсколько лѣтъ и отличался своимъ кроткимъ поведеніемъ. Замѣчали тоже, что онъ почти ни съ кѣмъ никогда не говорилъ. Его такъ и считали какимъ-то юродивымъ. Онъ былъ грамотный и весь послѣдній годъ постоянно читалъ библію, читалъ и днемъ и ночью. Когда всѣ засыпали, онъ вставалъ въ полночь, зажигалъ восковую церковную свѣчу, взлѣзалъ на печку, раскрывалъ книгу и читалъ до утра. Въ одинъ день онъ пошелъ и объявилъ унтеръ-офицеру, что не хочетъ идти на работу. Доложили майору; тотъ вскипѣлъ и прискакалъ немедленно самъ. Арестантъ бросился на него съ приготовленнымъ заранѣе кирпичомъ, но промахнулся. Его схватили, судили и наказали. Все произошло очень скоро. Черезъ три дня онъ умеръ въ больницѣ. Умирая, онъ говорилъ, что не имѣлъ ни на кого зла, а хотѣлъ только пострадать. Онъ, впрочемъ, не принадлежалъ ни къ какой раскольничьей сектѣ. Въ острогѣ вспоминали о немъ съ уваженіемъ.

Наконецъ, меня перековали. Между тѣмъ въ мастерскую явились одна за другою нѣсколько калашницъ. Иныя были совсѣмъ маленькія дѣвочки. До зрѣлаго возраста онѣ ходили обыкновенно съ калачами; матери пекли, а онѣ продавали. Войдя въ возрастъ,

онѣ продолжали ходить, но уже безъ калачей; такъ почти всегда водилось. Были и не дѣвочки. Калачъ стоилъ грошъ, и арестанты почти всѣ ихъ покупали.

Я замѣтилъ одного арестанта, столяра, уже сѣденькаго, но румянаго и съ улыбкой заигрывавшаго съ калашницами. Передъ ихъ приходомъ онъ только что навертѣлъ на шею красненькій кумачный платочекъ. Одна толстая и совершенно рябая бабенка поставила на его верстакъ свою сельницу. Между ними начался разговоръ.

— Что жъ вы вчера не приходили туда? — заговорилъ арестантъ съ самодовольной улыбочкой.

— Вотъ! Я пришла, а васъ Митькой звали, — отвѣчала бойкая бабенка.

— Насъ потребовали, а то бы мы неизмѣнно находились при мѣстѣ... А ко мнѣ третьяго дня всѣ ваши приходили.

— Кто да кто?

— Марьяшка приходила, Хаврошка приходила, Чекунда приходила, Двугрошовая приходила...

— Это что же? — спросилъ я Акима Акимыча: — неужели?...

— Бываетъ-съ, — отвѣчалъ онъ, скромно опустивъ глаза, потому что былъ чрезвычайно цѣломудренный человѣкъ.

Это, конечно, бывало, но очень рѣдко и съ величайшими трудностями. Вообще было больше охотниковъ, напримѣръ, хоть выпить, чѣмъ на такое дѣло, несмотря на всю естественную тягость вынужденной жизни. До женщинъ было трудно добраться. Надо было выбирать время, мѣсто, условливаться, назначать свиданія, искать уединенія, что было особенно трудно, склонять конвойныхъ, что было еще труднѣе, и вообще тратить бездну денегъ, судя относительно. Но все-таки мнѣ удавалось, впослѣдствіи, иногда быть свидѣтелемъ и любовныхъ сценъ. Помню, однажды лѣтомъ мы были

втроемъ въ какомъ-то сараѣ на берегу Иртыша и протапливали какую-то обжигательную печку; конвойные были добрые. Наконецъ, явились двѣ «суфлеры», какъ называютъ ихъ арестанты.

— Ну, что такъ засидѣлись? Небось у Звѣрковыхъ? — встрѣтилъ ихъ арестантъ, къ которому онѣ пришли, давно уже ихъ ожидавшій.

— Я засидѣлась? Да давеча сорока на колѣ дольше, чѣмъ я у нихъ, посидѣла, — отвѣчала весело дѣвица.

Это была наигрязнѣйшая дѣвица въ мірѣ. Она-то и была Чекунда. Съ ней вмѣстѣ пришла Двугрошовая. Эта уже была внѣ всякаго описанія.

— И съ вами давно не видались, — продолжалъ волокита, обращаясь къ Двугрошовой; что это вы словно какъ похудѣли?

— А можетъ быть. Прежде-то я куды была толстая, а теперь — вотъ словно иглу проглотила.

— Все по солдатикамъ-съ?

— Нѣтъ, ужъ это вамъ про насъ злые люди набухвостили; а впрочемъ, что жъ-съ! Хоть безъ ребрушка ходить, да солдатика любить!

— А вы ихъ бросьте, а насъ любите: у насъ деньги есть . . .

Въ довершеніе картины представьте себѣ этого волокиту бритаго, въ кандалахъ, полосатаго и подъ конвоемъ.

Я простился съ Акимомъ Акимычемъ и узнавъ, что мнѣ можно воротиться въ острогъ, взялъ конвойнаго и пошелъ домой. Народъ уже сходился. Прежде всѣхъ возвращаются съ работы работающіе на уроки. Единственное средство заставить арестанта работать усердно, это — задать ему урокъ. Иногда уроки задаются огромные, но все-таки они кончаются вдвое скорѣе, чѣмъ если бъ заставили работать вплоть до обѣденнаго барабана. Окончивъ урокъ, арестантъ безпре-

пятственно шелъ домой, и уже никто его не останавливалъ.

Обѣдаютъ не вмѣстѣ, а какъ попало, кто раньше пришелъ; да и кухня не вмѣстила бы всѣхъ разомъ. Я попробовалъ щей, но съ непривычки не могъ ихъ ѣсть и заварилъ себѣ чаю. Мы усѣлись на концѣ стола. Со мной былъ одинъ товарищъ, такъ же какъ и я, изъ дворянъ.

Арестанты приходили и уходили. Было, впрочемъ, просторно; еще не всѣ собрались. Кучка въ пять человѣкъ усѣлась особо за большимъ столомъ. Кашеваръ налилъ имъ въ двѣ чашки щей и поставилъ на столъ цѣлую латку съ жареной рыбой. Они что-то праздновали и ѣли вдвое. На насъ они поглядѣли искоса. Вошелъ одинъ полякъ и сѣлъ рядомъ съ нами.

— Дома не былъ, а все знаю! — громко закричалъ одинъ высокій арестантъ, входя въ кухню и взглядомъ окидывая всѣхъ присутствующихъ.

Онъ былъ лѣтъ пятидесяти, мускулистъ и сухощавъ. Въ лицѣ его было что-то лукавое и вмѣстѣ веселое. Въ особенности замѣчательна была его толстая, нижняя, отвисшая губа; она придавала его лицу что-то чрезвычайно комическое.

— Ну, здорово ночевали! Что жъ не здороваетесь? Нашимъ курскимъ! — прибавилъ онъ, усаживаясь подлѣ обѣдавшихъ свое кушанье, — хлѣбъ да соль! Встрѣчайте гостя.

— Да мы, братъ, не курскіе.

— Аль тамбовскимъ?

— Да и не тамбовскіе. Съ насъ, братъ, тебѣ нечего взять. Ты ступай къ богатому мужику, тамъ проси.

— Въ брюхѣ-то у меня, братцы, сегодня Иванъ-Таскунъ, да Марья-Икотишна; а гдѣ онъ, богатый мужикъ, живетъ?

— Да вонъ Газинъ богатый мужикъ; къ нему и ступай.

— Кутитъ, братцы, сегодня Газинъ; запилъ: весь кошель пропиваетъ.

— Цѣлковыхъ двадцать есть, — замѣтилъ другой. — Выгодно, братцы, цѣловальникомъ быть.

— Что жъ, не примете гостя? Ну, такъ похлебаемъ и казеннаго.

— Да ты ступай, проси чаю. Вонъ баре пьютъ.

— Какіе баре, тутъ нѣтъ баръ; такіе же какъ и мы теперь, — мрачно промолвилъ одинъ сидѣвшій въ углу арестантъ. До сихъ поръ онъ не проговорилъ ни слова.

— Напился бы чаю, да просить совѣстно: мы съ анбиціей! — замѣтилъ арестантъ съ толстой губой, добродушно смотря на насъ.

— Если хотите, я вамъ дамъ, — сказалъ я, приглашая арестанта, — угодно?

— Угодно? Да ужъ какъ не угодно! — Онъ подошелъ къ столу.

— Ишь, дома лаптемъ щи хлебалъ, а здѣсь чай узналъ; господскаго питья захотѣлось, — проговорилъ мрачный арестантъ.

— А развѣ здѣсь никто не пьетъ чаю? — спросилъ я его. Но онъ не удостоилъ меня отвѣтомъ.

— Вотъ и калачи несутъ. Ужъ удостойте и калачика!

Внесли калачи. Молодой арестантъ несъ цѣлую связку и распродавалъ ее по острогу. Калашница уступила ему десятый калачъ; на этотъ-то калачъ онъ и разсчитывалъ.

— Калачи, калачи! — кричалъ онъ, входя въ кухню, — московскіе, горячіе! Самъ бы ѣлъ, да денегъ надо. Ну, ребята, послѣдній калачъ остался: у кого мать была?

Это воззваніе къ материнской любви разсмѣшило всѣхъ, и у него взяли нѣсколько калачей.

— А что, братцы, — проговорилъ онъ, — вѣдь Газинъ-то сегодня догуляется до грѣха! Ей Богу! Когда гулять вздумалъ. Неравно осмиглазый пріѣдетъ.

— Спрячутъ. А что, крѣпко пьянъ?

— Куды! Злой, пристаетъ.

— Ну, такъ догуляется до кулаковъ...

— Про кого они говорятъ? — спросилъ я поляка, сидѣвшаго рядомъ со мною.

— Это Газинъ, арестантъ. Онъ торгуетъ виномъ. Когда наторгуетъ денегъ, тотчасъ же ихъ пропиваетъ. Онъ жестокъ и золъ; впрочемъ, трезвый смиренъ; когда же напьется, то весь наружу; на людей съ ножомъ кидается. Тутъ ужъ его унимаютъ.

— Какъ же унимаютъ?.

— На него бросаются человѣкъ десять арестантовъ и начинаютъ ужасно бить, до тѣхъ поръ, пока онъ не лишится всѣхъ чувствъ, то-есть бьютъ до полусмерти. Тогда укладываютъ его на нары и накрываютъ полушубкомъ.

— Да вѣдь они могутъ его убить?

— Другого бы убили, но его нѣтъ. Онъ ужасно силенъ, сильнѣе здѣсь всѣхъ въ острогѣ и самаго крѣпкаго сложенія. На другое же утро онъ встаетъ совершенно здоровый.

— Скажите, пожалуйста, — продолжалъ я разспрашивать поляка, — вѣдь вотъ они тоже ѣдятъ свое кушанье, а я пью чай. А между тѣмъ они смотрятъ, какъ будто завидуютъ за этотъ чай. Что это значитъ?

— Это не за чай, — отвѣчалъ полякъ. — Они злятся на васъ за то, что вы дворянинъ и на нихъ не похожи. Многіе изъ нихъ желали бы къ вамъ придраться. Имъ бы очень хотѣлось васъ оскорбить, унизить. Вы еще много увидите здѣсь непріятностей. Здѣсь

ужасно тяжело для всѣхъ насъ. Намъ всѣхъ тяжелѣе во всѣхъ отношеніяхъ. Нужно много равнодушія, чтобъ къ этому привыкнуть. Вы еще не разъ встрѣтите непріятности и брань за чай и за особую пищу, несмотря на то, что здѣсь очень многіе и очень часто ѣдятъ свое, а нѣкоторые постоянно пьютъ чай. Имъ можно, а вамъ нельзя.

Проговоривъ это, онъ всталъ и ушелъ изъ-за стола. Черезъ нѣсколько минутъ сбылись и слова его.

III

Первыя впечатлѣнія

Только что ушелъ М—цкій (тотъ полякъ, который говорилъ со мною), Газинъ, совершенно пьяный, ввалился въ кухню.

Пьяный арестантъ, среди бѣла-дня, въ будній день, когда всѣ обязаны были выходить на работу, при строгомъ начальникѣ, который каждую минуту могъ пріѣхать въ острогъ, при унтеръ-офицерѣ, завѣдующемъ каторжными и находящемся въ острогѣ безотлучно; при караульныхъ, при инвалидахъ, однимъ словомъ, при всѣхъ этихъ строгостяхъ, — совершенно спутывалъ всѣ зарождавшіяся во мнѣ понятія объ арестантскомъ житьѣ-бытьѣ. И довольно долго пришлось мнѣ прожить въ острогѣ, прежде чѣмъ я разъяснилъ себѣ всѣ такіе факты, столь загадочные для меня въ первые дни моей каторги.

Я говорилъ уже, что у арестантовъ всегда была собственная работа и что эта работа — естественная потребность каторжной жизни; что, кромѣ этой потребности, арестантъ страстно любитъ деньги и цѣнитъ ихъ выше всего, почти наравнѣ съ свободой, и что онъ уже утѣшенъ, если онѣ звенятъ у него въ карманѣ. Напротивъ, онъ унылъ, грустенъ, безпокоенъ и падаетъ духомъ, если ихъ нѣтъ, и тогда онъ готовъ и на во-

ровство и на что попало, только бы ихъ добыть. Но несмотря на то, что въ острогѣ деньги были такою драгоцѣнностью, онѣ никогда не залеживались у счастливца, ихъ имѣющаго. Во-первыхъ, трудно было ихъ сохранить, чтобъ не украли ихъ или не отобрали. Если майоръ добирался до нихъ, при внезапныхъ обыскахъ, то немедленно отбиралъ. Можетъ быть, онъ употреблялъ ихъ на улучшеніе арестантской пищи; по крайней мѣрѣ, онѣ приносились къ нему. Но всего чаще ихъ крали: ни на кого нельзя было положиться. Впослѣдствіи у насъ открыли способъ сохранять деньги съ полною безопасностью. Онѣ отдавались на сохраненіе старику-сттаровѣру, поступившему къ намъ изъ стародубовскихъ слободъ, бывшихъ когда-то Вѣтковцевъ... Но не могу утерпѣть, чтобъ не сказать о немъ нѣсколько словъ, хотя и отвлекаюсь отъ предмета.

Это былъ старичокъ лѣтъ шестидесяти, маленькій, сѣденькій. Онъ рѣзко поразилъ меня съ перваго взгляда. Онъ такъ не похожъ былъ на другихъ арестантовъ: что-то до того спокойное и тихое было въ его взглядѣ, что, помню, я съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на его ясные, свѣтлые глаза, окруженные мелкими лучистыми морщинками. Часто говорилъ я съ нимъ, и рѣдко встрѣчалъ такое доброе, благодушное существо въ моей жизни. Прислали его за чрезвычайно важное преступленіе. Между стародубовскими старообрядцами стали появляться обращенные. Правительство сильно поощряло ихъ и стало употреблять всѣ усилія для дальнѣйшаго обращенія и другихъ несогласныхъ. Старикъ, вмѣстѣ съ другими фанатиками, рѣшился «стоять за вѣру», какъ онъ выражался. Началась строиться единовѣрческая церковь, и они сожгли ее. Какъ одинъ изъ зачинщиковъ, старикъ сосланъ былъ въ каторжную работу. Былъ онъ зажиточный, торгующій мѣщанинъ, дома оставилъ жену, дѣтей, но съ твердостью пошелъ въ ссылку, потому что въ ослѣ-

пленіи своемъ считалъ ее «мукою за вѣру». Проживъ съ нимъ нѣкоторое время, вы бы невольно задали себѣ вопросъ: какъ могъ этотъ смиренный, кроткій, какъ дитя, человѣкъ, быть бунтовщикомъ? Я нѣсколько разъ заговаривалъ съ нимъ «о вѣрѣ». — Онъ не уступалъ ничего изъ своихъ убѣжденій; но никогда никакой злобы, никакой ненависти не было въ его возраженіяхъ. А между тѣмъ онъ разорилъ церковь и не запирался въ этомъ. Казалось, что, по своимъ убѣжденіямъ, свой поступокъ и принятыя за него «муки» онъ долженъ бы былъ считать славнымъ дѣломъ. Но какъ ни всматривался я, какъ ни изучалъ его, никогда никакого признака тщеславія или гордости не замѣчалъ я въ немъ. Были у насъ въ острогѣ и другіе старообрядцы, большею частью сибиряки. Это былъ развитый народъ, хитрые мужики, чрезвычайные начетчики и буквоѣды и по-своему сильные діалектики; народъ надменный, заносчивый, лукавый и нетерпимый въ высочайшей степени. Совсѣмъ другой человѣкъ былъ старикъ. Начетчикъ, можетъ быть, больше ихъ, онъ уклонялся отъ споровъ. Характера былъ въ высшей степени сообщительнаго. Онъ былъ веселъ, часто смѣялся — не тѣмъ грубымъ, циническимъ смѣхомъ, какимъ смѣялись каторжные, а яснымъ, тихимъ смѣхомъ, въ которомъ много было дѣтскаго простодушія и который какъ-то особенно шелъ къ сѣдинамъ. Можетъ быть, я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что по смѣху можно узнать человѣка, и если вамъ съ первой встрѣчи пріятенъ смѣхъ какого-нибудь изъ совершенно незнакомыхъ людей, то смѣло говорите, что это человѣкъ хорошій. — Во всемъ острогѣ старикъ пріобрѣлъ всеобщее уваженіе, которымъ нисколько не тщеславился. Арестанты называли его дѣдушкой и никогда не обижали его. Я отчасти понялъ, какое могъ онъ имѣть вліяніе на своихъ единовѣрцевъ. Но, несмотря на видимую твердость, съ которою онъ переживалъ свою каторгу, въ немъ таилась

глубокая, неизлѣчимая грусть, которую онъ старался скрывать отъ всѣхъ. Я жилъ съ нимъ въ одной казармѣ. Однажды, часу въ третьемъ ночи, я проснулся и услышалъ тихій, сдержанный плачъ. Старикъ сидѣлъ на печи (той самой, на которой прежде него по ночамъ молился зачитавшійся, хотѣвшій убить майора) и молился по своей рукописной книгѣ. Онъ плакалъ, и я слышалъ, какъ онъ говорилъ по временамъ: «Господи, не оставь меня! Господи, укрѣпи меня! Дѣтушки мои малыя, дѣтушки мои милыя, никогда-то намъ не свидаться!» Не могу разсказать, какъ мнѣ стало грустно. — Вотъ этому-то старику мало-по-малу почти всѣ арестанты начали отдавать свои деньги на храненіе. Въ каторгѣ почти всѣ были воры, но вдругъ всѣ почему-то увѣрились, что старикъ никакъ не можетъ украсть. Знали, что онъ куда-то пряталъ врученныя ему деньги, но въ такое потаенное мѣсто, что никому нельзя было ихъ отыскать. Впослѣдствіи мнѣ и нѣкоторымъ изъ поляковъ онъ объяснилъ свою тайну. Въ одной изъ паль былъ сучокъ, повидимому твердо сросшійся съ деревомъ. Но онъ вынимался и въ деревѣ оказалось большое углубленіе. Туда-то дѣдушка пряталъ деньги и потомъ опять вкладывалъ сучокъ, такъ что никто никогда не могъ ничего отыскать.

Но я отклонился отъ разсказа. Я остановился на томъ: почему въ карманѣ у арестанта не залеживались деньги. Но кромѣ труда уберечь ихъ, въ острогѣ было столько тоски; арестантъ же, по природѣ своей, существо до того жаждущее свободы и, наконецъ, по соціальному своему положенію, до того легкомысленное и безпорядочное, что его естественно влечетъ вдругъ «развернуться на всѣ», закутить на весь капиталъ, съ громомъ и музыкой, такъ чтобъ забыть, хоть на минуту, тоску свою. Даже странно было смотрѣть, какъ иной изъ нихъ работаетъ, не разгибая шеи, иногда по нѣскольку мѣсяцевъ, единственно для того, чтобъ въ

одинъ день спустить весь заработокъ, все дочиста, а потомъ опять, до новаго кутежа, нѣсколько мѣсяцевъ корпѣть за работой. — Многіе изъ нихъ любили заводить себѣ обновки, и непремѣнно партикулярнаго свойства: какіе-нибудь неформенные, черные штаны, поддевки, сибирки. Въ большомъ употребленіи были тоже ситцевыя рубашки и пояса съ мѣдными бляхами. Рядились въ праздники и разрядившійся непремѣнно, бывало, пройдетъ по всѣмъ казармамъ показать себя всему свѣту. Довольство хорошо-одѣтаго доходило до ребячества; да и во многомъ арестанты были совершенныя дѣти. Правда, всѣ эти хорошія вещи какъ-то вдругъ исчезали отъ хозяина, иногда въ тотъ же вечеръ закладывались и спускались за безцѣнокъ. Впрочемъ кутежъ развертывался постепенно. Пригонялся онъ обыкновенно или къ праздничнымъ днямъ, или къ днямъ именинъ кутившаго. Арестантъ-именинникъ, вставая поутру, ставилъ къ образу свѣчку и молился; потомъ наряжался и заказывалъ себѣ обѣдъ. Покупалась говядина, рыба, дѣлались сибирскіе пельмени; онъ наѣдался, какъ волъ, почти всегда одинъ, рѣдко приглашая товарищей раздѣлить свою трапезу. Потомъ появлялось вино: именинникъ напивался, какъ стелька и непремѣнно ходилъ по казармамъ, покачиваясь и спотыкаясь, стараясь показать всѣмъ, что онъ пьянъ, что онъ «гуляетъ», и тѣмъ заслужить всеобщее уваженіе. Вездѣ въ русскомъ народѣ къ пьянству чувствуется нѣкоторая симпатія, въ острогѣ же къ загулявшему даже дѣлались почтительны. Въ острожной гульбѣ былъ своего рода аристократизмъ. Развеселившись, арестантъ непремѣнно нанималъ музыку. Былъ въ острогѣ одинъ полячокъ изъ бѣглыхъ солдатъ, очень гаденькій, но игравшій на скрипкѣ и имѣвшій при себѣ инструментъ — все свое достояніе. Ремесла онъ не имѣлъ никакого и тѣмъ только и промышлялъ, что нанимался къ гуляющимъ играть веселые танцы. Должность его

состояла въ томъ, чтобъ безотлучно слѣдовать за своимъ пьянымъ хозяиномъ изъ казармы въ казарму и пилить на скрипкѣ изо всей мочи. Часто на лицѣ его являлась скука, тоска. Но окрикъ: «играй, деньги взялъ!» заставлялъ его снова пилить и пилить. Арестантъ, начиная гулять, могъ быть твердо увѣренъ, что если онъ ужъ очень напьется, то за нимъ непремѣнно присмотрятъ, во-время уложатъ спать и всегда куда-нибудь спрячутъ при появленіи начальства, и все это совершенно безкорыстно. Съ своей стороны унтеръ-офицеръ и инвалиды, жившіе для порядка въ острогѣ, могли быть тоже совершенно спокойны, пьяный не могъ произвести никакого безпорядка. За нимъ смотрѣла вся казарма, и если бъ онъ зашумѣлъ, забунтовалъ — его бы тотчасъ же усмирили, даже просто связали бы. А потому низшее острожное начальство смотрѣло на пьянство сквозь пальцы, да и не хотѣло замѣчать. Оно очень хорошо знало, что не позволь вина, такъ будетъ и хуже. — Но откуда же доставалось вино?

Вино покупалось въ острогѣ же, у такъ-называемыхъ цѣловальниковъ. Ихъ было нѣсколько человѣкъ, и торговлю свою они вели безпрерывно и успѣшно, несмотря на то, что пьющихъ и «гуляющихъ» было вообще немного, потому что гульба требовала денегъ, а арестантскія деньги добывались трудно. Торговля начиналась, шла и разрѣшалась довольно оригинальнымъ образомъ. Иной арестантъ, положимъ, не имѣетъ ремесла и не желаетъ трудиться (такіе бывали), но хочетъ имѣть деньги и при томъ человѣкъ нетерпѣливый, хочетъ скоро нажиться. У него есть нѣсколько денегъ для начала, и онъ рѣшается торговать виномъ: предпріятіе смѣлое, требующее большого риску. Можно было за него поплатиться спиной и разомъ лишиться товара и капитала. Но цѣловальникъ на то идетъ. Денегъ у него сначала немного, и потому въ первый

разъ онъ самъ проноситъ въ острогъ вино и, разумѣется, сбываетъ его выгоднымъ образомъ. Онъ повторяетъ опытъ второй и третій разъ, и если не попадается начальству, то быстро расторговывается, и только тогда основываетъ настоящую торговлю на широкихъ основаніяхъ; дѣлается антрепренеромъ, капиталистомъ, держитъ агентовъ и помощниковъ, рискуетъ гораздо меньше, а наживается все больше и больше. Рискуютъ за него помощники.

Въ острогѣ всегда бываетъ много народу промотавшагося, проигравшагося, прогулявшаго все до копейки, народу безъ ремесла, жалкаго и оборваннаго, но одареннаго до извѣстной степени смѣлостью и рѣшимостью. У такихъ людей остается, въ видѣ капитала, въ цѣлости одна только спина; она можетъ еще служить къ чему-нибудь, и вотъ этотъ-то послѣдній капиталъ промотавшійся гуляка и рѣшается пустить въ оборотъ. Онъ идетъ къ антрепренеру и нанимается къ нему для проноски въ острогъ вина; у богатаго цѣловальника такихъ работниковъ нѣсколько. Гдѣ-нибудь внѣ острога существуетъ такой человѣкъ, — изъ солдатъ, изъ мѣщанъ, иногда даже дѣвка, — который на деньги антрепренера и за извѣстную премію, сравнительно очень немалую, покупаетъ въ кабакѣ вино и скрываетъ его гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстечкѣ, куда арестанты приходятъ на работу. Всегда поставщикъ первоначально испробоваетъ доброту водки, и отпитое — безчеловѣчно добавляется водой; — бери не бери, да арестанту и нельзя быть слишкомъ разборчивымъ; и то хорошо, что еще не совсѣмъ пропали его деньги и доставлена водка, хоть какая-нибудь, да все-таки водка. Къ этому-то поставщику и являются, указанные ему напередъ отъ острожнаго цѣловальника, проносители, съ бычачьими кишками. Эти кишки сперва промываютъ. потомъ наливаютъ водой и, такимъ образомъ, сохраняются въ первоначальной влажности и растяжимости, чтобы со вре-

менемъ быть удобными къ воспріятію водки. Наливъ кишки водкой, арестантъ обвязываетъ ихъ кругомъ себя, по возможности въ самыхъ скрытныхъ мѣстахъ своего тѣла. Разумѣется, при этомъ выказывается вся ловкость, вся воровская хитрость контрабандиста. Его честь отчасти затронута; ему надо надуть и конвойныхъ, и караульныхъ. Онъ ихъ надуваетъ: у хорошаго вора конвойный, иногда какой-нибудь рекрутикъ, всегда прозѣваетъ. Разумѣется, конвойный изучается предварительно, къ тому же принимается въ соображеніе время, мѣсто работы. Арестантъ, напримѣръ, печникъ, полѣзетъ на печь: кто увидитъ, что онъ тамъ дѣлаетъ? Не лѣзть же за нимъ и конвойному. Подходя къ острогу, онъ беретъ въ руки монетку, — пятнадцать или двадцать копеекъ серебромъ, на всякій случай, и ждетъ у воротъ ефрейтора. Всякаго арестанта, возвращающагося съ работы, караульный ефрейторъ осматриваетъ кругомъ и ощупываетъ и потомъ уже отпираетъ ему двери острога. Проноситель вина обыкновенно надѣется, что посовѣстятся слишкомъ подробно его ощупывать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Но иногда пролазъ-ефрейторъ добирается и до этихъ мѣстъ и нащупываетъ вино. Тогда остается одно послѣднее средство: контрабандистъ молча и скрытно отъ конвойнаго, суетъ въ руки ефрейтора затаенную въ рукѣ монетку. Случается, что вслѣдствіе такого маневра онъ проходитъ въ острогъ благополучно и проноситъ вино. Но иногда маневръ не удается, и тогда приходится разсчитываться своимъ послѣднимъ капиталомъ, то-есть спиной. Докладываютъ майору, капиталъ сѣкутъ, и сѣкутъ больно, вино отбирается въ казну, и контрабандистъ принимаетъ все на себя, не выдавая антрепренера, но, замѣтимъ себѣ, не потому, чтобъ гнушался доноса, а единственно потому, что доносъ для него невыгоденъ; его бы все-таки высѣкли; все утѣшеніе было бы въ томъ, что ихъ бы высѣкли обоихъ. Но антрепренеръ ему

еще нуженъ, хотя, по обычаю и по предварительному договору, за высѣченную спину контрабандистъ не получаетъ отъ антрепренера ни копейки. Что же касается вообще доносовъ, то они обыкновенно процвѣтаютъ. Въ острогѣ доносчикъ не подвергается ни малѣйшему униженію; негодованіе къ нему даже немыслимо. Его не чуждаются, съ нимъ водятъ дружбу, такъ что если бъ вы стали въ острогѣ доказывать всю гадость доноса, то васъ бы совершенно не поняли. Тотъ арестантъ изъ дворянъ, развратный и подлый, съ которымъ я прервалъ всѣ сношенія, водилъ дружбу съ майорскимъ денщикомъ Ѳедькой и служилъ у него шпіономъ, а тотъ передавалъ все услышанное имъ объ арестантахъ майору. У насъ всѣ это знали, и никто никогда даже и не вздумалъ наказать или хоть бы укорить негодяя.

Но я отклонился въ сторону. Разумѣется, бываетъ, что вино проносится и благополучно; тогда антрепренеръ принимаетъ принесенныя кишки, заплативъ за нихъ деньги, и начинаетъ разсчитывать. По расчету оказывается, что товаръ стоитъ ему очень дорого; а потому, для большихъ барышей, онъ переливаетъ его еще разъ, сызнова разбавляя еще разъ водой, чуть не на половину, и такимъ образомъ, приготовившись совершенно, ждетъ покупателя. Въ первый же праздникъ, а иногда въ будни, покупатель является: это арестантъ, работавшій нѣсколько мѣсяцевъ, какъ кордонный волъ, и скопившій копейку, чтобы пропить все въ заранѣе опредѣленный для того день. Этотъ день еще задолго до своего появленія снился бѣдному труженику и во снѣ и въ счастливыхъ мечтахъ за работой, и обаяніемъ своимъ поддерживалъ его духъ на скучномъ поприщѣ острожной жизни. Наконецъ, заря свѣтлаго дня появляется на востокѣ; деньги скоплены, не отобраны, не украдены, и онъ ихъ несетъ цѣловальнику. Тотъ подаетъ ему сначала вино, по возможности чистое, то-есть всего только два раза разбавленное; но, по мѣрѣ

отпиванія изъ бутылки, все отпитое немедленно добавляется водой. За чашку вина платится впятеро, вшестеро больше, чѣмъ въ кабакѣ. Можно представить себѣ, сколько нужно выпить такихъ чашекъ и сколько заплатить за нихъ денегъ, чтобъ напиться? Но по отвычкѣ отъ питья и отъ предварительнаго воздержанія арестантъ хмелѣетъ довольно скоро, и обыкновенно продолжаетъ пить до тѣхъ поръ, пока не пропьетъ всѣ свои деньги. Тогда идутъ въ ходъ всѣ обновки: цѣловальникъ въ то же время и ростовщикъ. Сперва поступаютъ къ нему новозаведенныя партикулярныя вещи, потомъ доходитъ и до стараго хлама, а наконецъ и до казенныхъ вещей. Съ пропитіемъ всего, до послѣдней тряпки, пьяница ложится спать, и на другой день, проснувшись съ неминуемой трескотней въ головѣ, тщетно проситъ у цѣловальника хоть глотокъ вина на похмелье. Грустно переноситъ онъ невзгоду, и въ тотъ же день принимается опять за работу и опять нѣсколько мѣсяцевъ работаетъ, не разгибая шеи, мечтая о счастливомъ кутежномъ днѣ, безвозвратно канувшемъ въ вѣчность, и мало-по-малу начиная ободряться и поджидать другого такого же дня, который еще далеко, но который все-таки придетъ же когда-нибудь, въ свою очередь.

Что же касается цѣловальника, то, наторговавъ, наконецъ, огромную сумму, нѣсколько десятковъ рублей, онъ заготовляетъ послѣдній разъ вино и уже не разбавляетъ его водой, потому что назначаетъ его для себя; довольно торговать: пора и самому попраздновать! Начинается кутежъ, питье, ѣда, музыка. Средства большія; задобривается даже и ближайшее, низшее острожное начальство. Кутежъ иногда продолжается по нѣскольку дней. Разумѣется, заготовленное вино скоро пропивается; тогда гуляка идетъ къ другимъ цѣловальникамъ, которые уже поджидаютъ его, и пьетъ до тѣхъ поръ, пока не пропиваетъ всего до копейки. Какъ

ни оберегаютъ арестанты гуляющаго, но иногда онъ попадается на глаза высшему начальству, майору или караульному офицеру. Его берутъ въ кордегардію, обираютъ его капиталы, если найдутъ ихъ на немъ, и въ заключеніе сѣкутъ. Встряхнувшись, онъ приходитъ обратно въ острогъ и чрезъ нѣсколько дней снова принимается за ремесло цѣловальника. Иные изъ гулякъ, разумѣется, богатенькіе, мечтаютъ и о прекрасномъ полѣ. За большія деньги они пробираются иногда, тайкомъ, вмѣсто работы, куда-нибудь изъ крѣпости на форштадтъ, въ сопровожденіи подкупленнаго конвойнаго. Тамъ, въ какомъ-нибудь укромномъ домикѣ, гдѣ-нибудь на самомъ краю города, задается пиръ на весь міръ, и ухлопываются дѣйствительно большія деньги. За деньги и арестантомъ не брезгаютъ; конвойный же подбирается какъ-нибудь заранѣе, съ знаніемъ дѣла. Обыкновенно такіе конвойные сами — будущіе кандидаты въ острогъ. Впрочемъ за деньги все можно сдѣлать, и такія путешествія остаются почти всегда въ тайнѣ. Надо прибавить, что они весьма рѣдко случаются; на это надо много денегъ, и любители прекраснаго пола прибѣгаютъ къ другимъ средствамъ, совершенно безопаснымъ.

Еще съ первыхъ дней моего острожнаго житья одинъ молодой арестантъ, чрезвычайно хорошенькій мальчикъ, возбудилъ во мнѣ особенное любопытство. Звали его Сироткинъ. Былъ онъ довольно загадочное существо, во многихъ отношеніяхъ. Прежде всего меня поразило его прекрасное лицо; ему было не болѣе двадцати трехъ лѣтъ отроду. Находился онъ въ особомъ отдѣленіи, то-есть въ безсрочномъ, слѣдственно считался однимъ изъ самыхъ важныхъ военныхъ преступниковъ. Тихій и кроткій, онъ говорилъ мало, рѣдко смѣялся. Глаза у него были голубые, черты правильныя, личико чистенькое нѣжное, волосы свѣтлорусые. Даже полубритая голова мало его безобразила: такой онъ

былъ хорошенькій мальчикъ. Ремесла онъ не имѣлъ никакого, но деньги добывалъ хоть понемногу, но часто. Былъ онъ примѣтно лѣнивъ, ходилъ неряхой. Развѣ кто другой одѣнетъ его хорошо, иногда даже въ красную рубашку, и Сироткинъ видимо радъ обновкѣ: ходитъ по казармамъ, себя показываетъ. Онъ не пилъ, въ карты не игралъ, почти ни съ кѣмъ не ссорился. Ходитъ бывало за казармами — руки въ карманахъ, смирный, задумчивый. О чемъ онъ могъ думать, трудно было себѣ и представить. Окликнешь иногда его, изъ любопытства, спросишь о чемъ-нибудь, онъ тотчасъ же отвѣтитъ и даже какъ-то почтительно, не по-арестантски, но всегда коротко, неразговорчиво; глядитъ же на васъ, какъ десятилѣтній ребенокъ. Заведутся у него деньги, — онъ не купитъ себѣ чего-нибудь необходимаго, не отдастъ починить куртку, не заведетъ новыхъ сапоговъ, а купитъ калачика, прянички и скушаетъ, — точно ему семь лѣтъ отроду. — «Эхъ ты, Сироткинъ! — говорятъ бывало ему арестанты, — сирота ты казанская!» Въ нерабочее время онъ обыкновенно скитается по чужимъ казармамъ; всѣ почти заняты своимъ дѣломъ, одному ему дѣлать нечего. Скажутъ ему что-нибудь, почти всегда въ насмѣшку (надъ нимъ и его товарищами таки часто посмѣивались), — онъ, не сказавъ ни слова, поворотится и идетъ въ другую казарму; а иногда, если ужъ очень просмѣютъ его, покраснѣетъ. Часто я думалъ: за что это смирное, простодушное существо явилось въ острогъ? Разъ я лежалъ въ больницѣ въ арестантской палатѣ. Сироткинъ былъ также боленъ и лежалъ подлѣ меня; какъ-то подъ вечеръ, мы съ нимъ разговорились; онъ невзначай одушевился и, къ слову, разсказалъ мнѣ, какъ его отдавали въ солдаты, какъ, провожая его, плакала надъ нимъ его мать, и какъ тяжело ему было въ рекрутахъ. Онъ прибавилъ, что никакъ не могъ вытерпѣть рекрутской жизни: потому что тамъ всѣ были

такіе сердитые, строгіе, а командиры всегда почти бы: имъ недовольны.

— Какъ же кончилось? — спросилъ я. — За что жъ ты сюда-то попалъ? Да еще въ особое отдѣленіе... Ахъ, ты, Сироткинъ, Сироткинъ!

— Да я-съ, Александръ Петровичъ, всего годъ пробылъ въ батальонѣ; а сюда пришелъ за то, что Григорья Петровича, моего ротнаго командира, убилъ.

— Слышалъ я это, Сироткинъ, да не вѣрю. Ну, кого ты могъ убить?

— Такъ случилось, Александръ Петровичъ. Ужъ оченно мнѣ тяжело стало.

— Да какъ же другіе-то рекруты живутъ? Конечно, тяжело сначала, а потомъ привыкаютъ и, смотришь, выходитъ славный солдатъ. Тебя, должно быть, мать забаловала; пряничками да молочкомъ до восемнадцати лѣтъ кормила.

— Матушка-то меня, правда, очень любила-съ. Когда я въ некруты пошелъ, она послѣ меня слегла, да слышно, и не вставала... Горько мнѣ ужъ очень подъ конецъ по некрутству стало. Командиръ не взлюбилъ, за все наказываетъ, — а и за что-съ? Я всѣмъ покоряюсь, живу въ аккуратъ; винишка не пью, ничѣмъ не заимствуюсь, а ужъ это, Александръ Петровичъ, плохое дѣло, коли чѣмъ заимствуется человѣкъ. — Все кругомъ такіе жестокосердые. — всплакнуть негдѣ. Бывало, пойдешь куда за уголъ, да тамъ и поплачешь. Вотъ и стою я разъ въ караулѣ. Ужъ ночь; поставили меня на часы, на абвахтѣ, у сошекъ. Вѣтеръ: осень была, а темень такая, что хоть глаза раздери. И такъ тошно, тошно мнѣ стало! Взялъ я къ ногѣ ружье, штыкъ отомкнулъ, положилъ подлѣ; скинулъ правый сапогъ, дуло наставилъ себѣ въ грудь, налегъ на него и большимъ пальцемъ ноги спустилъ курокъ. Смотрю — осѣчка! Я ружье осмотрѣлъ, прочистилъ затравку, пороху новаго подсыпалъ, кремешокъ

пообилъ и опять къ груди приставилъ. Что же-съ? Порохъ вспыхнулъ, а выстрѣла опять нѣтъ! — Что жъ это, думаю? Взялъ я, надѣлъ сапогъ, штыкъ примкнулъ, молчу и расхаживаю. Тутъ-то я и положилъ это дѣло сдѣлать: хоть куда хошь, только вонъ изъ некрутства. Черезъ полчаса ѣдетъ командиръ; главнымъ рундомъ правилъ. Прямо на меня: «Развѣ такъ стоятъ въ караулѣ?» Я взялъ ружье на руку, да и всадилъ въ него штыкъ по самое дуло. Четыре тысячи прошелъ, да и сюда, въ особое отдѣленіе...

Онъ не лгалъ. Да и за что же его прислали бы въ особое отдѣленіе? Обыкновенныя преступленія наказываются гораздо легче. Впрочемъ, одинъ Сироткинъ и былъ изъ всѣхъ своихъ товарищей такой красавчикъ. Что же касается другихъ, подобныхъ ему, которыхъ было у насъ всѣхъ человѣкъ до пятнадцати, то даже странно было смотрѣть на нихъ; только два-три лица были еще сносны: остальные же все такіе вислоухіе, безобразные, неряхи; иные даже сѣдые. Если позволятъ обстоятельства, я скажу когда-нибудь о всей этой кучкѣ подробнѣе. Сироткинъ же часто былъ друженъ съ Газинымъ, тѣмъ самымъ, по поводу котораго я началъ эту главу, упомянувъ, что онъ пьяный ввалился въ кухню, и что это спутало мои первоначальныя понятія объ острожной жизни.

Этотъ Газинъ былъ ужасное существо. Онъ производилъ на всѣхъ страшное, мучительное впечатлѣніе. Мнѣ всегда казалось, что ничего не могло быть свирѣпѣе, чудовищнѣе его. Я видѣлъ въ Тобольскѣ знаменитаго своими злодѣяніями разбойника Каменева; видѣлъ потомъ Соколова, подсудимаго арестанта, изъ бѣглыхъ солдатъ, страшнаго убійцу. Но ни одинъ изъ нихъ не производилъ на меня такого отвратительнаго впечатлѣнія, какъ Газинъ. Мнѣ иногда представлялось, что я вижу передъ собою огромнаго, исполинскаго паука, съ человѣка величиною. Онъ былъ татаринъ;

ужасно силенъ, сильнѣе всѣхъ въ острогѣ; росту выше средняго, сложенія геркулесовскаго, съ безобразной, непропорціонально-огромной головой; ходилъ сутуловато, смотрѣлъ исподлобья. Въ острогѣ носились объ немъ странные слухи: знали, что онъ былъ изъ военныхъ, но арестанты толковали межъ собой, не знаю правда ли, что онъ бѣглый изъ Нерчинска; въ Сибирь сосланъ былъ уже не разъ, бѣгалъ не разъ, перемѣнялъ имя, и, наконецъ-то, попалъ въ нашъ острогъ, въ особое отдѣленіе. Разсказывали тоже про него, что онъ любилъ прежде рѣзать маленькихъ дѣтей, единственно изъ удовольствія: заведетъ ребенка куда-нибудь въ удобное мѣсто, сначала напугаетъ его, измучаетъ, и уже вполнѣ насладившись ужасомъ и трепетомъ бѣдной маленькой жертвы, зарѣжетъ ее тихо, медленно, съ наслажденіемъ. Все это, можетъ быть, и выдумывали, вслѣдствіе общаго, тяжелаго впечатлѣнія, которое производилъ собою на всѣхъ Газинъ, но всѣ эти выдумки какъ-то шли къ нему, были къ лицу. А между тѣмъ въ острогѣ онъ велъ себя, не пьяный, въ обыкновенное время, очень благоразумно. Былъ всегда тихъ, ни съ кѣмъ никогда не ссорился и избѣгалъ ссоръ, но какъ будто отъ презрѣнія къ другимъ, какъ будто считая себя выше всѣхъ остальныхъ; говорилъ очень мало и былъ какъ-то преднамѣренно несообщителенъ. Всѣ движенія его были медленныя, спокойныя, самоувѣренныя. По глазамъ его было видно, что онъ очень неглупъ и чрезвычайно хитеръ, но что-то высокомѣрно-насмѣшливое и жестокое было всегда въ лицѣ его и въ улыбкѣ. Онъ торговалъ виномъ и былъ въ острогѣ однимъ изъ самыхъ зажиточныхъ цѣловальниковъ. Но въ годъ раза два ему приходилось напиваться самому пьянымъ, и вотъ тутъ-то выказывалось все звѣрство его натуры. Хмелѣя постепенно, онъ сначала начиналъ задирать людей насмѣшками, самыми злыми, разсчитанными и какъ будто давно заготовленными; наконецъ, охмелѣвъ совершен-

но, приходилъ въ страшную ярость, схватывалъ ножъ и бросался на людей. Арестанты, зная его ужасную силу, разбѣгались отъ него и прятались: онъ бросался на всякаго встрѣчнаго. Но скоро нашли способъ справляться съ нимъ. Человѣкъ десять изъ его казармы бросались вдругъ на него всѣ разомъ и начинали бить. Невозможно представить себѣ ничего жесточе этого битья: его били въ грудь, подъ сердце, подъ ложечку, въ животъ; били много и долго, и переставали только тогда, когда онъ терялъ всѣ свои чувства и становился какъ мертвый. Другого бы не рѣшились такъ бить: такъ бить — значило убить, но только не Газина. Послѣ битья, — его, совершенно безчувственнаго, завертывали въ полушубокъ и относили на нары. — «Отлежится, молъ!» — И дѣйствительно, на утро онъ вставалъ почти здоровый и молча и угрюмо выходилъ на работу. — И каждый разъ, когда Газинъ напивался пьянъ, въ острогѣ уже всѣ знали, что день кончится для него непремѣнно побоями. Да и самъ онъ зналъ это, и все-таки напивался. Такъ шло нѣсколько лѣтъ; наконецъ, замѣтили, что Газинъ начинаетъ поддаваться. Онъ сталъ жаловаться на разныя боли, сталъ замѣтно хирѣть; все чаще и чаще ходилъ въ госпиталь... «Поддался-таки!» говорили про себя арестанты.

Онъ вошелъ въ кухню въ сопровожденіи того гаденькаго полячка со скрипкой, котораго обыкновенно нанимали гулявшіе для полноты своего увеселенія, и остановился посреди кухни, молча и внимательно оглядывая всѣхъ присутствующихъ. Всѣ замолчали. Наконецъ, увидя тогда меня и моего товарища, онъ злобно и насмѣшливо посмотрѣлъ на насъ, самодовольно улыбнулся, что-то какъ будто сообразилъ про себя и, сильно покачиваясь, подошелъ къ нашему столу:

— А позвольте спросить, — началъ онъ (онъ говорилъ по-русски), — вы изъ какихъ доходовъ изволите здѣсь чай распивать?

Я молча переглянулся съ моимъ товарищемъ, понимая, что всего лучше молчать и не отвѣчать ему. Съ перваго противорѣчія онъ пришелъ бы въ ярость.

— Стало быть, у васъ деньги есть? — продолжалъ онъ допрашивать.

— Стало быть у васъ денегъ куча, а? А развѣ вы затѣмъ въ каторгу пришли, чтобъ чаи распивать? Вы чаи распивать пришли? Да говорите же, чтобъ васъ!...

Но видя, что мы рѣшились молчать и не замѣчать его, онъ побагровѣлъ и задрожалъ отъ бѣшенства. Подлѣ него, въ углу, стояла большая сельница (лотокъ), въ которую складывался весь нарѣзанный хлѣбъ, приготовляемый для обѣда или ужина арестантовъ. Она была такъ велика, что въ ней помѣщалось хлѣба для половины острога; теперь же стояла пустая. Онъ схватилъ ее обѣими руками и взмахнулъ надъ нами. Еще немного, и онъ бы раздробилъ намъ головы. Несмотря на то, что убійство или намѣреніе убить грозило чрезвычайными непріятностями всему острогу: начались бы розыски, обыски, усиленіе строгостей, а потому арестанты всѣми силами старались не доводить себя до подобныхъ общихъ крайностей, — несмотря на это, —теперь всѣ притихли и выжидали. Ни одного слова въ защиту насъ! Ни одного крика на Газина! — до такой степени была сильна въ нихъ ненависть къ намъ! Имъ видимо пріятно было наше опасное положеніе... Но дѣло кончилось благополучно: только что онъ хотѣлъ опустить сельницу, кто-то крикнулъ изъ сѣней:

— Газинъ! Вино украли!...

Онъ грохнулъ сельницу на полъ и, какъ сумасшедшій, бросился изъ кухни.

— Ну, Богъ спасъ! — говорили межъ собой арестанты. — И долго потомъ они говорили это.

Я не могъ узнать потомъ, было ли это извѣстіе о покражѣ вина справедливое или кстати придуманное, намъ во спасеніе.

Вечеромъ, уже въ темнотѣ, передъ запоромъ казармъ, я ходилъ около паль, и тяжелая грусть пала мнѣ на душу, и никогда послѣ я не испытывалъ такой грусти во всю мою острожную жизнь. Тяжело переносить первый день заточенія, гдѣ бы то ни было: въ острогѣ ли, въ казематѣ ли, въ каторгѣ ли... Но, помню, болѣе всего занимала меня одна мысль, которая потомъ неотвязчиво преслѣдовала меня во все время моей жизни въ острогѣ, — мысль отчасти неразрѣшимая, — неразрѣшимая для меня и теперь: это о неравенствѣ наказанія за одни и тѣ же преступленія. Правда, и преступленіе нельзя сравнять одно съ другимъ, даже приблизительно. Напримѣръ: и тотъ и другой убили человѣка; взвѣшены всѣ обстоятельства обоихъ дѣлъ; и по тому и по другому дѣлу выходитъ почти одно наказаніе. А между тѣмъ посмотрите, какая разница въ преступленіяхъ. Одинъ, напримѣръ, зарѣзалъ человѣка такъ, за ничто, за луковицу: вышелъ на дорогу, зарѣзалъ мужика проѣзжаго, а у него-то и всего одна луковица. «Что жъ, батька! Ты меня посылалъ на добычу: вонъ я мужика зарѣзалъ и всего-то луковицу нашелъ. — Дуракъ! Луковица! — анъ копейка! Сто душъ — сто луковицъ, вотъ-те и рубль!» — (Острожная легенда.) — А другой убилъ, защищая отъ сладострастнаго тирана честь невѣсты, сестры, дочери. — Одинъ убилъ по бродяжеству, осаждаемый цѣлымъ полкомъ сыщиковъ, защищая свою свободу, жизнь, нерѣдко умирая отъ голодной смерти; а другой рѣжетъ маленькихъ дѣтей изъ удовольствія рѣзать, чувствовать на своихъ рукахъ ихъ теплую кровь, насладиться ихъ страхомъ, ихъ послѣднимъ голубинымъ трепетомъ подъ самымъ ножомъ. И что же? И тотъ и другой поступаютъ въ ту же каторгу. Правда, есть варіація въ срокахъ присуждаемыхъ наказаній. Но варіацій этихъ сравнительно, немного; а варіацій въ одномъ и томъ же родѣ преступленій — безчисленное множество. Что

характеръ, то и варіація. Но положимъ, что примирить, сгладить эту разницу невозможно, что это своего рода неразрѣшимая задача — квадратура круга, положимъ такъ. Но если бъ даже это неравенство и не существовало, — посмотрите на другую разницу, на разницу въ самыхъ послѣдствіяхъ наказанія . . . Вотъ человѣкъ, который въ каторгѣ чахнетъ, таетъ, какъ свѣчка; и вотъ другой, который до поступленія въ каторгу и не зналъ даже, что есть на свѣтѣ такая развеселая жизнь, такой пріятный клубъ разудалыхъ товарищей. Да, приходятъ въ острогъ и такіе. Вотъ, напримѣръ, человѣкъ образованный, съ развитой совѣстью, съ сознаніемъ, сердцемъ. Одна боль собственнаго его сердца, прежде всякихъ наказаній, убьетъ его своими муками. Онъ самъ себя осудитъ за свое преступленіе безпощаднѣе, безжалостнѣе самаго грознаго закона. А вотъ рядомъ съ нимъ другой, который даже и не подумаетъ ни разу о совершонномъ имъ убійствѣ, во всю каторгу. Онъ даже считаетъ себя правымъ. А бываютъ и такіе, которые нарочно дѣлаютъ преступленія, чтобъ только попасть въ каторгу и тѣмъ избавиться отъ несравненно болѣе каторжной жизни на волѣ. Тамъ онъ жилъ въ послѣдней степени униженія, никогда не наѣдался досыта и работалъ на своего антрепренера съ утра до ночи; а въ каторгѣ работа легче, чѣмъ дома, хлѣба вдоволь и такого, какого онъ еще и не видывалъ; по праздникамъ говядина, есть подаяніе, есть возможность заработать копейку. А общество? Народъ продувной, ловкій, всезнающій; и вотъ онъ смотритъ на своихъ товарищей съ почтительнымъ изумленіемъ; онъ еще никогда не видалъ такихъ; онъ считаетъ ихъ самымъ высшимъ обществомъ, которое только можетъ быть на свѣтѣ. Неужели наказаніе для этихъ двухъ одинаково чувствительно? Но, впрочемъ, что заниматься неразрѣшимыми вопросами! Бьетъ барабанъ, пора по казармамъ.

IV

Первыя впечатлѣнія

Началась послѣдняя повѣрка. Послѣ этой повѣрки запирались казармы, каждая особымъ замкомъ, и арестанты оставлялись запертыми вплоть до разсвѣта.

Повѣрка производилась унтеръ-офицеромъ съ двумя солдатами. Для этого арестантовъ выстраивали иногда на дворѣ, и приходилъ караульный офицеръ. Но чаще вся эта церемонія происходила домашнимъ образомъ: повѣряли по казармамъ. Такъ было и теперь. Повѣряющіе часто ошибались, обсчитывались, уходили и возвращались снова. Наконецъ, бѣдные караульные досчитались до желанной цифры и заперли казарму. Въ ней помѣщалось человѣкъ до тридцати арестантовъ, сбитыхъ довольно тѣсно на нарахъ. Спать было еще рано. Каждый, очевидно, долженъ былъ чѣмъ-нибудь заняться.

Изъ начальства въ казармѣ оставался только одинъ инвалидъ, о которомъ я уже упоминалъ прежде. Въ каждой казармѣ тоже былъ старшій изъ арестантовъ, назначаемый самимъ плацъ-майоромъ, разумѣется, за хорошее поведеніе. Очень часто случалось, что и старшіе въ свою очередь попадались въ серьезныхъ шалостяхъ; тогда ихъ сѣкли, немедленно разжалывали въ младшіе и замѣщали другими. Въ нашей казармѣ старшимъ оказался Акимъ Акимычъ, который, къ удивленію моему, нерѣдко покрикивалъ на арестантовъ. Арестанты отвѣчали ему обыкновенно насмѣшками. Инвалидъ былъ умнѣе его и ни во что не вмѣшивался, а если и случалось ему шевелить когда языкомъ, то не болѣе какъ изъ приличія, для очистки совѣсти. Онъ молча сидѣлъ на своей койкѣ и тачалъ сапогъ. Арестанты не обращали на него почти никакого вниманія.

Въ этотъ первый день моей острожной жизни я сдѣлалъ одно наблюденіе и впослѣдствіи убѣдился, что

оно вѣрно. Именно: что всѣ не-арестанты. кто бы они ни были, начиная съ непосредственно имѣющихъ связь съ арестантами, какъ-то: конвойныхъ, караульныхъ солдатъ, до всѣхъ вообще, имѣвшихъ хоть какое-нибудь дѣло съ каторжнымъ бытомъ — какъ-то преувеличенно смотрятъ на арестантовъ. Точно они каждую минуту въ безпокойствѣ ожидаютъ, что арестантъ нѣтъ-нѣтъ да и бросится на кого-нибудь изъ нихъ съ ножомъ. Но что всего замѣчательнѣе — сами арестанты сознавали, что ихъ боятся, и это видимо придавало имъ что-то въ родѣ куражу. А между тѣмъ самый лучшій начальникъ для арестантовъ бываетъ именно тотъ, который ихъ не боится. Да и вообще, несмотря на куражъ, самимъ арестантамъ гораздо пріятнѣе, когда къ нимъ имѣютъ довѣріе. Этимъ ихъ можно даже привлечь къ себѣ. Случалось въ моё острожное время, хотя и чрезвычайно рѣдко, что кто-нибудь изъ начальства заходилъ въ острогъ безъ конвоя. Надо было видѣть, какъ это поражало арестантовъ, и поражало съ хорошей стороны. Такой безстрашный посѣтитель всегда возбуждалъ къ себѣ уваженіе, и если бъ даже, дѣйствительно, могло случиться что-нибудь дурное, то при немъ бы оно не случилось. Внушаемый арестантами страхъ повсемѣстенъ, гдѣ только есть арестанты, и, право, не знаю, отчего онъ собственно происходитъ. Нѣкоторое основаніе онъ, конечно, имѣетъ, начиная съ самаго наружнаго вида арестанта, признаннаго разбойника; кромѣ того всякій, подходящій къ каторгѣ, чувствуетъ, что вся эта куча людей собралась здѣсь не своею охотою, и что, несмотря ни на какія мѣры, живого человѣка нельзя сдѣлать трупомъ: онъ останется съ чувствами, съ жаждой мщенія и жизни, съ страстями и съ потребностями удовлетворить ихъ. Но несмотря на то, я положительно увѣренъ, что бояться арестантовъ все-таки нечего. Не такъ легко и не такъ скоро бросается человѣкъ съ ножомъ на другого чело-

вѣка. Однимъ словомъ, если и возможна опасность, если она и бываетъ когда, то, по рѣдкости подобныхъ несчастныхъ случаевъ, можно прямо заключить, что она ничтожна. Разумѣется, я говорю теперь только объ арестантахъ рѣшенныхъ, изъ которыхъ даже многіе рады, что добрались, наконецъ, до острога (до того хороша бываетъ иногда жизнь новая!), а слѣдовательно расположены жить спокойно и мирно; да кромѣ того и дѣйствительно безпокойнымъ изъ своихъ сами не дадутъ много куражиться. Каждый каторжный, какъ бы онъ смѣлъ и дерзокъ ни былъ, боится всего въ каторгѣ. Подсудимый же арестантъ — другое дѣло. Этотъ дѣйствительно способенъ броситься на посторонняго человѣка такъ, ни за что, единственно потому, напримѣръ, что ему завтра должно выходить къ наказанію; а если затѣется новое дѣло, то стало быть отдаляется и наказаніе. Тутъ есть причина, цѣль нападенія: это — «перемѣнить свою участь» во что бы ни стало и какъ можно скорѣе. Я даже знаю одинъ странный психологическій случай въ этомъ родѣ.

У насъ въ острогѣ, въ военномъ разрядѣ, былъ одинъ арестантъ, изъ солдатиковъ, не лишенный правъ состоянія, присланный года на два въ острогъ по суду, страшный фанфаронъ и замѣчательный трусъ. Вообще, фанфаронство и трусость встрѣчаются въ русскомъ солдатѣ чрезвычайно рѣдко. Нашъ солдатъ смотритъ всегда такимъ занятымъ, что если бъ и хотѣлъ, то ему бы некогда было фанфаронить. Но если ужъ онъ фанфаронъ, то почти всегда бездѣльникъ и трусъ. Дутовъ (фамилія арестанта) отбылъ, наконецъ, свой коротенькій срокъ и вышелъ опять въ линейный батальонъ. Но такъ какъ всѣ ему подобные, посылаемые въ острогъ для исправленія, окончательно въ немъ балуются, то обыкновенно и случается такъ, что они, побывъ на волѣ не болѣе двухъ-трехъ недѣль, поступаютъ снова подъ судъ и являются въ острогъ обратно, только ужъ

не на два или на три года, а во «всегдашній» разрядъ, на пятнадцать или на двадцать лѣтъ. Такъ и случилось. Недѣли черезъ три по выходѣ изъ острога, Дутовъ укралъ изъ-подъ замка; сверхъ того нагрубилъ и набуянилъ. Былъ отданъ подъ судъ и приговоренъ къ строгому наказанію. Испугавшись предстоящаго наказанія донельзя, до послѣдней степени, какъ самый жалкій трусъ, онъ наканунѣ того дня, когда его должны были прогнать сквозь строй, бросился съ ножомъ на вошедшаго въ арестантскую комнату караульнаго офицера. Разумѣется, онъ очень хорошо понималъ, что такимъ поступкомъ онъ чрезвычайно усилитъ свой приговоръ и срокъ каторжной работы. Но расчетъ былъ именно въ томъ, чтобъ хоть на нѣсколько дней, хоть нѣсколько часовъ отдалить страшную минуту наказанія! Онъ до того былъ трусъ, что, бросившись съ ножомъ, онъ даже не ранилъ офицера, а сдѣлалъ все для проформы, для того только, чтобъ оказалось новое преступленіе, за которое бы его опять стали судить.

Минута передъ наказаніемъ, конечно, ужасна для приговореннаго, и мнѣ въ нѣсколько лѣтъ пришлось видѣть довольно подсудимыхъ, наканунѣ рокового для нихъ дня. Обыкновенно я встрѣчался съ подсудимыми арестантами въ госпиталѣ, въ арестантскихъ палатахъ, когда лежалъ больной, что случалось довольно часто. Извѣстно всѣмъ арестантамъ во всей Россіи, что самые сострадательные для нихъ люди — доктора. Они никогда не дѣлаютъ между арестантами различія, какъ невольно дѣлаютъ почти всѣ посторонніе, кромѣ развѣ одного простого народа. Тотъ никогда не коритъ арестанта за его преступленіе, какъ бы ужасно оно ни было, и прощаетъ ему все за понесенное имъ наказаніе и вообще за несчастье. Недаромъ же весь народъ во всей Россіи называетъ преступленіе несчастьемъ, а преступниковъ несчастными. Это глубоко-знаменательное опредѣленіе. Оно тѣмъ болѣе важно, что сдѣлано

безсознательно, инстинктивно. Доктора же — истинное прибѣжище арестантовъ, во многихъ случаяхъ, особенно же подсудимыхъ, которые содержатся тяжелѣе рѣшеныхъ... И вотъ подсудимый, разсчитавъ вѣроятный срокъ ужаснаго для него дня, уходитъ часто въ госпиталь, желая хоть сколько-нибудь отдалить тяжелую минуту. Когда же онъ обратно выписывается, почти навѣрно зная, что роковой срокъ завтра, то всегда почти бываетъ въ сильномъ волненіи. Иные стараются скрыть свои чувства изъ самолюбія, но неловкій, напускной куражъ не обманываетъ ихъ товарищей. Всѣ понимаютъ въ чемъ дѣло и молчатъ про себя изъ человѣколюбія. Я зналъ одного арестанта, молодого человѣка, убійцу, изъ солдатъ, приговореннаго къ полному числу палокъ. Онъ до того заробѣлъ, что наканунѣ наказанія рѣшился выпить крышку вина, настоявъ въ немъ нюхательнаго табаку. Кстати: вино всегда является у подсудимаго арестанта передъ наказаніемъ. Оно приносится еще задолго до срока, добывается за большія деньги, и подсудимый скорѣе будетъ полгода отказывать себѣ въ самомъ необходимомъ, но скопитъ нужную сумму на четверть штофа вина, чтобъ выпить его за четверть часа до наказанія. Между арестантами вообще существуетъ убѣжденіе, что хмельной не такъ больно чувствуетъ плеть или палки. Но я отвлекся отъ разсказа. Бѣдный малый, выпивъ свою крышку вина, дѣйствительно тотчасъ же сдѣлался боленъ; съ нимъ началась рвота съ кровью, и его отвезли въ госпиталь почти безчувственнаго. Эта рвота до того разстроила его грудь, что черезъ нѣсколько дней въ немъ открылись признаки настоящей чахотки, отъ которой онъ умеръ черезъ полгода. Доктора, лѣчившіе его отъ чахотки, не знали, отчего она произошла.

Но разсказывая о часто встрѣчающемся малодушіи преступниковъ передъ наказаніемъ, я долженъ прибавить, что, напротивъ, нѣкоторые изъ нихъ изумляютъ

наблюдателя необыкновеннымъ безстрашіемъ. Я помню нѣсколько примѣровъ отваги, доходившей до какой-то безчувственности, и примѣры эти были не совсѣмъ рѣдки. Особенно помню я мою встрѣчу съ однимъ страшнымъ преступникомъ. Въ одинъ лѣтній день распространился въ арестантскихъ палатахъ слухъ, что вечеромъ будутъ наказывать знаменитаго разбойника Орлова, изъ бѣглыхъ солдатъ, и послѣ наказанія приведутъ въ палаты. Больные арестанты, въ ожиданіи Орлова, утверждали, что накажутъ его жестоко. Всѣ были въ нѣкоторомъ волненіи, и, признаюсь, я тоже ожидалъ появленія знаменитаго разбойника съ крайнимъ любопытствомъ. Давно уже я слышалъ о немъ чудеса. Это былъ злодѣй, какихъ мало, рѣзавшій хладнокровно стариковъ и дѣтей, — человѣкъ съ страшной силой воли и съ гордымъ сознаніемъ своей силы. Онъ повинился во многихъ убійствахъ и былъ приговоренъ къ наказанію палками, сквозь строй. Привели его уже вечеромъ. Въ палатѣ уже стало темно и зажгли свѣчи. Орловъ былъ почти безъ чувствъ, страшно блѣдный, съ густыми, вклокоченными, черными какъ смоль волосами. Спина его вспухла и была кроваво-синяго цвѣта. Всю ночь ухаживали за нимъ арестанты, перемѣняли ему воду, переворачивали его съ боку на бокъ, давали лѣкарство, точно они ухаживали за кровнымъ роднымъ, за какимъ-нибудь благодѣтелемъ. На другой же день онъ очнулся вполнѣ и прошелся раза два по палатѣ! Это меня изумило: онъ прибылъ въ госпиталь слишкомъ слабый и измученный. Онъ прошелъ за разъ цѣлую половину всего предназначеннаго ему числа палокъ. Докторъ остановилъ экзекуцію только тогда, когда замѣтилъ, что дальнѣйшее продолженіе наказанія грозило преступнику неминуемой смертью. Кромѣ того, Орловъ былъ малаго роста и слабаго сложенія, и къ тому же истощенъ долгимъ содержаніемъ подъ судомъ. Кому случалось встрѣчать когда-нибудь подсудимыхъ аре-

стантовъ, тотъ вѣроятно надолго запомнилъ ихъ изможденныя, худыя и блѣдныя лица, лихорадочные взгляды. Несмотря на то, Орловъ быстро поправлялся. Очевидно, внутренняя, душевная его энергія сильно помогала натурѣ. Дѣйствительно, это былъ человѣкъ не совсѣмъ обыкновенный. Изъ любопытства я познакомился съ нимъ ближе и цѣлую недѣлю изучалъ его. Положительно могу сказать, что никогда въ жизни я не встрѣчалъ болѣе сильнаго, болѣе желѣзнаго характеромъ человѣка, какъ онъ. Я видѣлъ уже разъ, въ Тобольскѣ, одну знаменитость въ такомъ же родѣ, одного бывшаго атамана разбойниковъ. Тотъ былъ дикій звѣрь вполнѣ, и вы, стоя возлѣ него и еще не зная его имени, уже инстинктомъ предчувствовали, что подлѣ васъ находится страшное существо. Но въ томъ ужасало меня духовное отупѣніе. Плоть до того брала верхъ надъ всѣми его душевными свойствами, что вы съ перваго взгляда по лицу его видѣли, что тутъ осталась только одна дикая жажда тѣлесныхъ наслажденій, сладострастія, плотоугодія. Я увѣренъ, что Кореневъ — имя того разбойника — даже упалъ бы духомъ и трепеталъ бы отъ страха передъ наказаніемъ, несмотря на то, что способенъ былъ рѣзать даже не поморщившись. Совершенно противоположенъ ему былъ Орловъ. Это была наяву полная побѣда надъ плотью. Видно было, что этотъ человѣкъ могъ повелѣвать собою безгранично, презиралъ всякія муки и наказанія и не боялся ничего на свѣтѣ. Въ немъ вы видѣли одну безконечную энергію, жажду мщенія, жажду достичь предположенной цѣли. Между прочимъ я пораженъ былъ его страннымъ высокомѣріемъ. Онъ на все смотрѣлъ какъ-то до невѣроятности свысока, но вовсе не усиливаясь подняться на ходули, а такъ, какъ-то натурально. Я думаю, не было существа въ мірѣ, которое бы могло подѣйствовать на него однимъ авторитетомъ. На все онъ смотрѣлъ какъ-то неожиданно спокойно, какъ будто не было ничего на свѣтѣ, что

бы могло удивить его. И хотя онъ вполнѣ понималъ, что другіе арестанты смотрятъ на него уважительно, но никогда не рисовался передъ ними. А между тѣмъ тщеславіе и заносчивость свойственны почти всѣмъ арестантамъ безъ исключенія. Былъ онъ очень неглупъ и какъ-то странно откровененъ, хотя отнюдь не болтливъ. На вопросы мои онъ прямо отвѣчалъ мнѣ, что ждетъ выздоровленія, чтобъ поскорѣй выходить остальное наказаніе, и что онъ боялся сначала, передъ наказаніемъ, что не перенесетъ его. — «Но теперь, — прибавилъ онъ, подмигнувъ мнѣ глазомъ, — дѣло кончено. Выхожу остальное число ударовъ, и тотчасъ же отправятъ съ партіей въ Нерчинскъ, а я-то съ дороги бѣгу! Непремѣнно бѣгу! Вотъ только бъ скорѣе спина зажила!» — И всѣ эти пять дней онъ съ жадностью ждалъ, когда можно будетъ проситься на выписку. Въ ожиданіи же онъ былъ иногда очень смѣшливъ и веселъ. Я пробовалъ съ нимъ заговаривать объ его похожденіяхъ. Онъ немного хмурился при этихъ разспросахъ, но отвѣчалъ всегда откровенно. Когда же понялъ, что я добиваюсь до его совѣсти и добиваюсь въ немъ хоть какого-нибудь раскаянія, то взглянулъ на меня до того презрительно и высокомѣрно, какъ будто я вдругъ сталъ въ его глазахъ какимъ-то маленькимъ, глупенькимъ мальчикомъ, съ которымъ нельзя и разсуждать, какъ съ большими. Даже что-то въ родѣ жалости ко мнѣ изобразилось въ лицѣ его. Черезъ минуту онъ расхохотался надо мной самымъ простодушнымъ смѣхомъ, безо всякой ироніи, и, я увѣренъ, оставшись одинъ и вспоминая мои слова, можетъ быть, нѣсколько разъ онъ принимался про себя смѣяться. Наконецъ, онъ выписался еще съ не совсѣмъ поджившей спиной; я тоже пошелъ въ этотъ разъ на выписку, и изъ госпиталя намъ случилось возвращаться вмѣстѣ: мнѣ въ острогъ, а ему въ кордегардію подлѣ нашего острога, гдѣ онъ содержался и прежде. Прощаясь, онъ

пожалъ мнѣ руку, и съ его стороны это былъ знакъ высокой довѣренности. Я думаю, онъ сдѣлалъ это потому, что былъ очень доволенъ собой и настоящей минутой. Въ сущности онъ не могъ не презирать меня и непремѣнно долженъ былъ глядѣть на меня, какъ на существо покоряющееся, слабое, жалкое и во всѣхъ отношеніяхъ передъ нимъ низшее. Назавтра же его вывели къ вторичному наказанію . . .

Когда заперли нашу казарму, она вдругъ приняла какой-то особенный видъ, — видъ настоящаго жилища, домашняго очага. Только теперь я могъ видѣть арестантовъ, моихъ товарищей, вполнѣ какъ дома. Днемъ унтеръ-офицеры, караульные, и вообще начальство могутъ во всякую минуту прибыть въ острогъ, а потому всѣ обитатели острога какъ-то и держатъ себя иначе, какъ будто не вполнѣ успокоившись, какъ будто поминутно ожидая чего-то въ какой-то тревогѣ. Но только что заперли казарму, всѣ тотчасъ же спокойно размѣстились каждый на своемъ мѣстѣ, и почти каждый принялся за какое-нибудь рукодѣлье. Казарма вдругъ освѣтилась. Каждый держалъ свою свѣчу и свой подсвѣчникъ, большею частью деревянный. Кто засѣлъ тачать сапоги, кто шить какую-нибудь одежу. — Мефитическій воздухъ казармы усиливался съ часу на часъ. Кучка гулякъ засѣла въ уголку на корточкахъ, передъ разостланнымъ ковромъ за карты. Почти въ каждой казармѣ былъ такой арестантъ, который держалъ у себя аршинный худенькій коврикъ, свѣчку и до невѣроятности засаленныя, жирныя карты. Все это вмѣстѣ называлось: майданъ. Содержатель получалъ плату съ играющихъ, копеекъ пятнадцать за ночь; тѣмъ онъ и промышлялъ. Игроки играли обыкновенно въ три листа, въ горку и проч. Всѣ игры были азартныя. Каждый играющій высыпалъ передъ собою кучу мѣдныхъ денегъ — все, что у него было въ карманѣ, и вставалъ съ корточекъ только проигравшись въ пухъ или

обыгравъ товарищей. Игра кончалась поздно ночью, а иногда длилась до разсвѣта, до самой той минуты, какъ отворялась казарма. Въ нашей комнатѣ, такъ же какъ и во всѣхъ другихъ казармахъ острога, всегда бывали нищіе, байгуши, проигравшіеся и пропившіеся, или такъ просто, отъ природы нищіе. Я говорю «отъ природы» и особенно напираю на это выраженіе. Дѣйствительно, вездѣ въ народѣ нашемъ, при какой бы то ни было обстановкѣ, при какихъ бы то ни было условіяхъ, всегда есть и будутъ существовать нѣкоторыя странныя личности, смирныя и нерѣдко очень нелѣнивыя, но которымъ ужъ такъ судьбой предназначено на вѣки вѣчные оставаться нищими. Они всегда бобыли, они всегда неряхи, они всегда смотрятъ какими-то забитыми и чѣмъ-то удрученными и вѣчно состоятъ у кого-нибудь на помычкѣ, у кого-нибудь на посылкахъ, обыкновенно у гулякъ или у внезапно разбогатѣвшихъ и возвысившихся. Всякій починъ, всякая иниціатива — для нихъ горе и тягость. Они какъ будто и родились съ тѣмъ условіемъ, чтобъ ничего не начинать самимъ и только прислуживать, жить не своей волей, плясать по чужой дудкѣ; ихъ назначеніе — исполнять одно чужое. Въ довершеніе всего, никакія обстоятельства, никакіе перевороты не могутъ ихъ обогатить. Они всегда нищіе. Я замѣтилъ, что такія личности водятся и не въ одномъ народѣ, а во всѣхъ обществахъ, сословіяхъ, партіяхъ, журналахъ и ассоціаціяхъ. Такъ-то случалось въ каждой казармѣ, въ каждомъ острогѣ, и только что составлялся майданъ, одинъ изъ такихъ немедленно являлся прислуживать. Да и вообще ни одинъ майданъ не могъ обойтись безъ прислужника. Его нанимали обыкновенно игроки всѣ вообще, на всю ночь, копеекъ за пять серебромъ, и главная его обязанность была стоять всю ночь на караулѣ. Большею частью онъ мерзъ часовъ шесть или семь въ темнотѣ, въ сѣняхъ, на тридцатиградусномъ морозѣ, и прислушиваясь къ

каждому стуку, къ каждому звону, къ каждому шагу на дворѣ. Плацъ-майоръ или караульные являлись иногда въ острогъ довольно поздно ночью, входили тихо и накрывали и играющихъ, и работающихъ, и лишнія свѣчки, которыя можно было видѣть еще со двора. По крайней мѣрѣ, когда вдругъ начиналъ гремѣть замокъ на дверяхъ изъ сѣней на дворъ, было уже поздно прятаться, тушить свѣчи и улегаться на нары. Но такъ какъ караульному прислужнику послѣ того больно доставалось отъ майдана, то и случаи такихъ промаховъ были чрезвычайно рѣдки. Пять копеекъ, конечно, смѣшно-ничтожная плата, даже и для острога; но меня всегда поражала въ острогѣ суровость и безжалостность нанимателей, и въ этомъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ. «Деньги взялъ, такъ и служи!» Это былъ аргументъ, не терпѣвшій никакихъ возраженій. За выданный грошъ наниматель бралъ все, что могъ брать, бралъ, если возможно, лишнее и еще считалъ, что онъ одолжаетъ наемщика. Гуляка, хмельной, бросающій деньги направо и налѣво безъ счету, непремѣнно обсчитывалъ своего прислужника, и это замѣтилъ я не въ одномъ острогѣ, не у одного майдана.

Я сказалъ уже, что въ казармѣ почти всѣ усѣлись за какія-нибудь занятія: кромѣ игроковъ, было не болѣе пяти человѣкъ совершенно праздныхъ; они тотчасъ же легли спать. Мое мѣсто на нарахъ приходилось у самой двери. Съ другой стороны наръ, голова съ головой со мною, помѣщался Акимъ Акимычъ. Часовъ до десяти или до одиннадцати онъ работалъ, клеилъ какой-то разноцвѣтный китайскій фонарикъ, заказанный ему въ городѣ, за довольно хорошую плату. Фонарики онъ дѣлалъ мастерски, работалъ методически, не отрываясь; когда же кончилъ работу, то аккуратно прибрался, разостлалъ свой тюфячокъ, помолился Богу и благонравно улегся на свою постель. Благонравіе и порядокъ онъ простиралъ, повидимому, до самаго ме-

лочного педантизма: очевидно, онъ долженъ былъ считать себя чрезвычайно умнымъ человѣкомъ, какъ и вообще всѣ тупые и ограниченные люди. Не понравился онъ мнѣ съ перваго же дня, хотя помню, въ этотъ первый день я много о немъ раздумывалъ и всего болѣе дивился, что такая личность, вмѣсто того, чтобъ успѣвать въ жизни, очутилась въ острогѣ. Впослѣдствіи мнѣ не разъ придется говорить объ Акимѣ Акимычѣ.

Но опишу вкратцѣ составъ всей нашей казармы. Въ ней приходилось мнѣ жить много лѣтъ, и это все были мои будущіе сожители и товарищи. Понятно, что я вглядывался въ нихъ съ жаднымъ любопытствомъ. Слѣва отъ моего мѣста на нарахъ помѣщалась кучка кавказскихъ горцевъ, присланныхъ большею частью за грабежи и на разные сроки. Ихъ было: два лезгина, одинъ чеченецъ и трое дагестанскихъ татаръ. Чеченецъ былъ мрачное и угрюмое существо; почти ни съ кѣмъ не говорилъ и постоянно смотрѣлъ вокругъ себя съ ненавистью, исподлобья и съ отравленной, злобно-насмѣшливой улыбкой. Одинъ изъ лезгиновъ былъ уже старикъ, съ длиннымъ, тонкимъ, горбатымъ носомъ, отъявленный разбойникъ съ виду. Зато другой, Нурра, произвелъ не меня съ перваго же дня самое отрадное, самое милое впечатлѣніе. Это былъ человѣкъ еще не старый, росту невысокаго, сложенный какъ Геркулесъ, совершенный блондинъ съ свѣтлоголубыми глазами, курносый, съ лицомъ чухонки и съ кривыми ногами отъ постоянной прежней ѣзды верхомъ. Все тѣло его было изрублено, изранено штыками и пулями. На Кавказѣ онъ былъ мирный, но постоянно уѣзжалъ потихоньку къ немирнымъ горцамъ и оттуда вмѣстѣ съ ними дѣлалъ набѣги на русскихъ. Въ каторгѣ его всѣ любили. Онъ былъ всегда веселъ, привѣтливъ ко всѣмъ, работалъ безропотно, спокоенъ и ясенъ, хотя часто съ негодованіемъ смотрѣлъ на гадость и грязь арестантской жизни и возмущался до ярости всякимъ

воровствомъ, мошенничествомъ, пьянствомъ и вообще всѣмъ, что было нечестно, но ссоръ не затѣвалъ и только отворачивался съ негодованіемъ. Самъ онъ во все продолженіе своей каторги не укралъ ничего, не сдѣлалъ ни одного дурного поступка. Былъ онъ чрезвычайно богомоленъ. Молитвы исполнялъ онъ свято; въ посты передъ магометанскими праздниками постился какъ фанатикъ и цѣлыя ночи выстаивалъ на молитвѣ. Его всѣ любили и въ честность его вѣрили. — «Нурра — левъ», говорили арестанты; такъ за нимъ и оставалось названіе льва. Онъ совершенно былъ увѣренъ, что по окончаніи опредѣленнаго срока въ каторгѣ его воротятъ домой на Кавказъ, и жилъ только этой надеждой. Мнѣ кажется, онъ бы умеръ, если бъ ея лишился. Въ первый же мой день въ острогѣ я рѣзко замѣтилъ его. Нельзя было не замѣтить его добраго, симпатизирующаго лица среди злыхъ, угрюмыхъ и насмѣшливыхъ лицъ остальныхъ каторжныхъ. Въ первые полчаса, какъ я пришелъ въ каторгу, онъ, проходя мимо меня, потрепалъ по плечу, добродушно смѣясь мнѣ въ глаза. Я не могъ сначала понять, что это означало. Говорилъ же онъ по-русски очень плохо. Вскорѣ послѣ того онъ опять подошелъ ко мнѣ и опять, улыбаясь, дружески ударилъ меня по плечу. Потомъ опять и опять и такъ продолжалось три дня. Это означало съ его стороны, какъ догадался я и узналъ потомъ, что ему жаль меня, что онъ чувствуетъ, какъ мнѣ тяжело знакомиться съ острогомъ, хочетъ показать мнѣ свою дружбу, ободрить меня и увѣрить въ своемъ покровительствѣ. Добрый и наивный Нурра!

Дагестанскихъ татаръ было трое и всѣ они были родные братья. Два изъ нихъ уже были пожилые, но третій, Алей, былъ не болѣе двадцати двухъ лѣтъ, а на видъ еще моложе. Его мѣсто на нарахъ было рядомъ со мною. Его прекрасное, открытое, умное и въ то же время добродушно-наивное лицо съ перваго взгля-

да привлекло къ нему мое сердце, и я такъ радъ былъ, что судьба послала мнѣ его, а не другого кого-нибудь въ сосѣди. Вся душа его выражалась на его красивомъ, можно даже сказать — прекрасномъ лицѣ. Улыбка его была такъ довѣрчива, такъ дѣтски простодушна; большіе черные глаза были такъ мягки, такъ ласковы, что я всегда чувствовалъ особое удовольствіе, даже облегченіе въ тоскѣ и въ грусти, глядя на него. Я говорю не преувеличивая. На родинѣ старшій братъ его (старшихъ братьевъ у него было пять; два другихъ попали въ какой-то заводъ) однажды велѣлъ ему взять шашку и садиться на коня, чтобы ѣхать вмѣстѣ въ какую-то экспедицію. Уваженіе къ старшимъ въ семействахъ горцевъ такъ велико, что мальчикъ не только не посмѣлъ, но даже и не подумалъ спросить, куда они отправляются? Тѣ же не сочли и за нужное сообщить ему это. Всѣ они ѣхали на разбой, подстеречь на дорогѣ одного богатаго армянскаго купца и ограбить его. Такъ и случилось: они перерѣзали конвой, зарѣзали армянина и разграбили его товаръ. Но дѣло открылось: ихъ взяли всѣхъ шестерыхъ, судили, уличили, наказали и сослали въ Сибирь, въ каторжныя работы. Всю милость, которую сдѣлалъ судъ для Алея, былъ уменьшенный срокъ наказанія; онъ сосланъ былъ на четыре года. Братья очень любили его и скорѣе какою-то отеческою, чѣмъ братскою любовью. Онъ былъ имъ утѣшеніемъ въ ихъ ссылкѣ, и они, обыкновенно мрачные и угрюмые, всегда улыбались на него глядя, и когда заговаривали съ нимъ (а говорили они съ нимъ очень мало, какъ будто все еще считая его за мальчика, съ которымъ нечего говорить о серьезномъ), то суровыя лица ихъ разглаживались, и я угадывалъ, что они съ нимъ говорятъ о чемъ-нибудь шутливомъ, почти дѣтскомъ, по крайней мѣрѣ, они всегда переглядывались и добродушно усмѣхались, когда бывало выслушаютъ его отвѣтъ. Самъ

же онъ почти не смѣлъ съ ними заговаривать: до того доходила его почтительность. Трудно представить себѣ, какъ этотъ мальчикъ во все время каторги могъ сохранить въ себѣ такую мягкость сердца, образовать въ себѣ такую строгую честность, такую задушевность, симпатичность, не загрубѣть, не развратиться. Это, впрочемъ, была сильная и стройная натура, несмотря на всю видимую свою мягкость. Я хорошо узналъ его впослѣдствіи. Онъ былъ цѣломудренъ, какъ чистая дѣвочка, и чей-нибудь скверный, циническій, грязный или несправедливый, насильный поступокъ въ острогѣ зажигалъ огонь негодованія въ его прекрасныхъ глазахъ, которые дѣлались оттого еще прекраснѣе. Но онъ избѣгалъ ссоръ и брани, хотя былъ вообще не изъ такихъ, которые бы дали себя обидѣть безнаказанно, и умѣлъ за себя постоять. Но ссоръ онъ ни съ кѣмъ не имѣлъ: его всѣ любили и всѣ ласкали. Сначала со мной онъ былъ только вѣжливъ. Мало-по-малу я началъ съ нимъ разговаривать; въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ выучился прекрасно говорить по-русски, чего братья его не добились во все время своей каторги. Онъ мнѣ показался чрезвычайно умнымъ мальчикомъ, чрезвычайно скромнымъ и деликатнымъ, и даже много уже разсуждавшимъ. Вообще, скажу заранѣе: я считаю Алея далеко не обыкновеннымъ существомъ и вспоминаю о встрѣчѣ съ нимъ какъ объ одной изъ лучшихъ встрѣчъ въ моей жизни. Есть натуры до того прекрасныя отъ природы, до того награжденныя Богомъ, что даже одна мысль о томъ, что они могутъ когда-нибудь измѣниться къ худшему, вамъ кажется невозможною. За нихъ вы всегда спокойны. Я и теперь спокоенъ за Алея. Гдѣ-то онъ теперь?...

Разъ, уже довольно долго послѣ моего прибытія въ острогѣ, я лежалъ на нарахъ и думалъ о чемъ-то очень тяжеломъ. Алей, всегда работящій и трудолюбивый, въ этотъ разъ ничѣмъ не былъ занятъ,

хотя еще было рано спать. Но у нихъ въ это время былъ свой мусульманскій праздникъ и они не работали. Онъ лежалъ, заложивъ руку за голову, и тоже о чемъ-то думалъ. Вдругъ онъ спросилъ меня:

— Что, тебѣ очень теперь тяжело?

Я оглядѣлъ его съ любопытствомъ, и мнѣ показался страннымъ этотъ быстрый прямой вопросъ отъ Алея, всегда деликатнаго, всегда разборчиваго, всегда умнаго сердцемъ: но взглянувъ внимательнѣе, я увидѣлъ въ его лицѣ столько тоски, столько муки отъ воспоминаній, что тотчасъ же нашелъ, что ему самому было очень тяжело и именно въ эту самую минуту. Я высказалъ ему мою догадку. Онъ вздохнулъ и грустно улыбнулся. Я любилъ его улыбку, всегда нѣжную и сердечную. Кромѣ того, улыбаясь, онъ выставлялъ два ряда жемчужныхъ зубовъ, красотѣ которыхъ могла бы позавидовать первая красавица въ мірѣ.

— Что, Алей, ты вѣрно сейчасъ думалъ о томъ, какъ у васъ въ Дагестанѣ празднуютъ этотъ праздникъ? Вѣрно тамъ хорошо?

— Да, — отвѣчалъ онъ съ восторгомъ, и глаза его просіяли. — А почему ты знаешь, что я думаю объ этомъ?

— Еще бы не знать! Что, тамъ лучше, чѣмъ здѣсь?

— О! зачѣмъ ты это говоришь...

— Должно быть теперь какіе цвѣты у васъ, какой рай!..

— О-охъ, и не говори лучше. — Онъ былъ въ сильномъ волненіи.

— Послушай, Алей, у тебя была сестра?

— Была, а что тебѣ?

— Должно быть, она красавица, если на тебя похожа.

— Что на меня! Она такая красавица, что по всему Дагестану нѣтъ лучше. Ахъ, какая красавица моя

сестра! Ты не видалъ такую! У меня и мать красавица была.

— А любила тебя мать?

— Ахъ! Что ты говоришь! Она вѣрно умерла теперь съ горя по мнѣ. Я любимый былъ у нея сынъ. Она меня больше сестры, больше всѣхъ любила... Она ко мнѣ сегодня во снѣ приходила и надо мной плакала.

Онъ замолчалъ, и въ этотъ вечеръ уже больше не сказалъ ни слова. Но съ этихъ поръ онъ искалъ каждый разъ говорить со мной, хотя самъ изъ почтенія, которое онъ неизвѣстно почему ко мнѣ чувствовалъ — никогда не заговаривалъ первый. Зато очень былъ радъ, когда я обращался къ нему. Я разспрашивалъ его про Кавказъ, про его прежнюю жизнь. Братья не мѣшали ему со мной разговаривать, и имъ даже это было пріятно. Они тоже, видя, что я болѣе и болѣе люблю Алея, стали со мной гораздо ласковѣе.

Алей помогалъ мнѣ въ работѣ, услуживалъ мнѣ, чѣмъ могъ, въ казармахъ, и видно было, что ему очень пріятно было хоть чѣмъ-нибудь облегчить меня и угодить мнѣ, и въ этомъ стараніи угодить не было ни малѣйшаго униженія или исканія какой-нибудь выгоды, а теплое, дружеское чувство, которое онъ уже и не скрывалъ ко мнѣ. Между прочимъ, у него было много способностей механическихъ; онъ выучился порядочно шить бѣлье, тачать сапоги и впослѣдствіи выучился, сколько могъ, столярному дѣлу. Братья хвалили его и гордились имъ.

— Послушай, Алей, — сказалъ я ему однажды, — отчего ты не выучишься читать и писать по-русски? Знаешь ли, какъ это можетъ тебѣ пригодиться здѣсь въ Сибири, впослѣдствіи?

— Очень хочу. Да у кого выучиться?

— Мало ли здѣсь грамотныхъ! Да хочешь, я тебя выучу?

— Ахъ, выучи, пожалуйста! — и онъ уже привсталъ на нарахъ и съ мольбою сложилъ руки, смотря на меня.

Мы принялись съ слѣдующаго же вечера. У меня былъ русскій переводъ Новаго Завѣта, — книга, не запрещенная въ острогѣ. Безъ азбуки, по одной этой книгѣ, Алей въ нѣсколько недѣль выучился превосходно читать. Мѣсяца черезъ три онъ уже совершенно понималъ книжный языкъ. Онъ учился съ жаромъ, съ увлеченіемъ.

Однажды мы прошли съ нимъ всю нагорную проповѣдь. Я замѣтилъ, что нѣкоторыя мѣста въ ней онъ проговаривалъ какъ будто съ особеннымъ чувствомъ.

Я спросилъ его, нравится ли ему то, что онъ прочелъ?

Онъ быстро взглянулъ, и краска выступила на его лицѣ.

— Ахъ, да! — отвѣчалъ онъ, — да, Иса святой пророкъ, Иса Божіи слова говорилъ. Какъ хорошо.

— Что жъ тебѣ больше всего нравится?

— А гдѣ онъ говоритъ: прощай, люби, не обижай, и враговъ люби. Ахъ, какъ хорошо онъ говоритъ!

Онъ обернулся къ братьямъ, которые прислушивались къ нашему разговору, и съ жаромъ началъ имъ говорить что-то. Они долго и серьезано говорили между собою и утвердительно покачивали головами. Потомъ съ важно-благосклонною, то-есть чисто-мусульманскою улыбкою (которую я такъ люблю и именно люблю важность этой улыбки), обратились ко мнѣ и подтвердили: что Иса былъ Божій пророкъ и что онъ дѣлалъ великія чудеса; что онъ сдѣлалъ изъ глины птицу, дунулъ на нее, и она полетѣла... и что это у нихъ въ книгахъ написано. Говоря это, они вполнѣ были увѣрены, что дѣлаютъ мнѣ великое удовольствіе,

восхваляя Ису, а Алей былъ вполнѣ счастливъ, что братья его рѣшились и захотѣли сдѣлать мнѣ это удовольствіе.

Письмо у насъ пошло тоже чрезвычайно успѣшно. Алей досталъ бумаги (и не позволилъ мнѣ купить ее на мои деньги), перьевъ, чернилъ и въ какихъ-нибудь два мѣсяца выучился превосходно писать. Это даже поразило его братьевъ. Гордость и довольство ихъ не имѣли предѣловъ. Они не знали, чѣмъ возблагодарить меня. На работахъ, если намъ случалось работать вмѣстѣ, они наперерывъ помогали мнѣ и считали это себѣ за счастье. Я уже не говорю про Алея. Онъ любилъ меня, можетъ быть, такъ же, какъ и братьевъ. Никогда не забуду, какъ онъ выходилъ изъ острога. Онъ отвелъ меня за казарму и тамъ бросился мнѣ на шею и заплакалъ. Никогда прежде онъ не цѣловалъ меня и не плакалъ. «Ты для меня столько сдѣлалъ, столько сдѣлалъ, — говорилъ онъ, — что отецъ мой, мать мнѣ бы столько не сдѣлали: ты меня человѣкомъ сдѣлалъ. Богъ заплатитъ тебѣ, а я тебя никогда не забуду»...

Гдѣ-то, гдѣ-то теперь мой добрый, милый, милый Алей!..

Кромѣ черкесовъ, въ казармахъ нашихъ была еще цѣлая куча поляковъ, составлявшая совершенно отдѣльную семью, почти не сообщавшуюся съ прочими арестантами. Я сказалъ уже, что за свою исключительность, за свою ненависть къ каторжнымъ русскимъ, они были въ свою очередь всѣми ненавидимы. Это были натуры измученныя, больныя; ихъ было человѣкъ шесть. Нѣкоторые изъ нихъ были люди образованные; объ нихъ я буду говорить особо и подробно впослѣдствіи. Отъ нихъ же я иногда, въ послѣдніе годы жизни въ острогѣ, доставалъ кой-какія книги. Первая книга, прочтенная мною, произвела на меня сильное, странное, особое впечатлѣніе. Объ этихъ впечатлѣніяхъ я когда-

нибудь скажу особо. Для меня они слишкомъ любопытны, и я увѣренъ, что многимъ они будутъ совершенно непонятны. Не испытавъ, нельзя судить о нѣкоторыхъ вещахъ. Скажу одно: что нравственныя лишенія тяжелѣе всѣхъ мукъ физическихъ. Простолюдинъ, идущій въ каторгу, приходитъ въ свое общество, даже, можетъ быть, еще въ болѣе развитое. Онъ потерялъ, конечно, много — родину, семью, все, но среда его остается та же. Человѣкъ образованный, подвергающійся по законамъ одинаковому наказанію съ простолюдиномъ, теряетъ часто несравненно больше его. Онъ долженъ задавить въ себѣ всѣ свои потребности, всѣ привычки; перейти въ среду для него недостаточную, долженъ пріучиться дышать не тѣмъ воздухомъ... Это — рыба, вытащенная изъ воды на песокъ... И часто для всѣхъ одинаковое по закону наказаніе обращается для него вдесятеро мучительнѣйшее. Это истина... даже если бъ дѣло касалось однѣхъ матеріальныхъ привычекъ, которыми надо пожертвовать.

Но поляки составляли особую цѣльную кучку. Ихъ было шестеро и они были вмѣстѣ. Изъ всѣхъ каторжныхъ нашей казармы они любили только одного жида и, можетъ быть, единственно потому, что онъ ихъ забавлялъ. Нашего жидка, впрочемъ, любили даже и другіе арестанты, хотя рѣшительно всѣ безъ исключенія смѣялись надъ нимъ. Онъ былъ у насъ одинъ, и я даже теперь не могу вспоминать о немъ безъ смѣху. Каждый разъ, когда я глядѣлъ на него, мнѣ всегда приходилъ на память Гоголевъ жидокъ Янкель, изъ Тараса Бульбы, который, раздѣвшись, чтобы отправиться на ночь съ своей жидовкой въ какой-то шкафъ, тотчасъ же сталъ ужасно похожъ на цыпленка. Исай Ѳомичъ, нашъ жидокъ, былъ какъ двѣ капли воды похожъ на общипаннаго цыпленка. Это былъ человѣкъ уже немолодой, лѣтъ около пятидесяти, маленькій ростомъ и слабосильный, хитренькій и въ то же

время рѣшительно глупый. Онъ былъ дерзокъ и заносчивъ и въ то же время ужасно труслив. Весь онъ былъ въ какихъ-то морщинкахъ, и на лбу и на щекахъ его были клейма, положенныя ему на эшафотѣ. Я никакъ не могъ понять, какъ могъ онъ выдержать шестьдесятъ плетей. Пришелъ онъ по обвиненію въ убійствѣ. У него былъ припрятанъ рецептъ, доставленный ему отъ доктора его жидками, тотчасъ же послѣ эшафота. По этому рецепту можно было получить такую мазь, отъ которой недѣли въ двѣ могли сойти его клейма. Употребить эту мазь въ острогѣ онъ не смѣлъ и выжидалъ своего двѣнадцатилѣтняго срока каторги, послѣ которой, выйдя на поселеніе, непремѣнно намѣревался воспользоваться рецептомъ. «Не то нельзя будетъ зениться, — сказалъ онъ мнѣ однажды, — а я непремѣнно хочу зениться». Мы съ нимъ были большіе друзья. Онъ всегда былъ въ превосходнѣйшемъ расположеніи духа. Въ каторгѣ жить ему было легко; онъ былъ по ремеслу ювелиръ, былъ заваленъ работой изъ города, въ которомъ не было ювелира, и такимъ образомъ избавился отъ тяжелыхъ работъ. Разумѣется, онъ въ то же время былъ ростовщикъ и снабжалъ подъ проценты и залоги всю каторгу деньгами. Онъ пришелъ прежде меня и одинъ изъ поляковъ описывалъ мнѣ подробно его прибытіе. Это пресмѣшная исторія, которую я разскажу впослѣдствіи; объ Исаѣ Ѳомичѣ я буду говорить еще не разъ.

Остальной людъ въ нашей казармѣ состоялъ изъ четырехъ старообрядцевъ, стариковъ и начетчиковъ, между которыми былъ и старикъ изъ Стародубовскихъ слободъ; изъ двухъ-трехъ малороссовъ, мрачныхъ людей, изъ молоденькаго каторжнаго, съ тоненькимъ носикомъ, лѣтъ двадцати трехъ, уже убившаго восемь душъ, изъ кучки фальшивыхъ монетчиковъ, изъ которыхъ одинъ былъ потѣшникъ всей нашей казармы,

и, наконецъ, изъ нѣсколькихъ мрачныхъ и угрюмыхъ личностей, обритыхъ и обезображенныхъ, молчаливыхъ и завистливыхъ, съ ненавистью смотрѣвшихъ исподлобья кругомъ себя и намѣревавшихся такъ смотрѣть, хмуриться, молчать и ненавистничать еще долгіе годы, — весь срокъ своей каторги. Все это только мелькнуло передо мной въ этотъ первый, безотрадный вечеръ моей новой жизни, — мелькнуло среди дыма и копоти, среди ругательствъ и невыразимаго цинизма, въ мефитическомъ воздухѣ, при звонѣ кандаловъ, среди проклятій и безстыднаго хохота. Я легъ на голыхъ нарахъ, положивъ въ голову свое платье (подушки у меня еще не было), накрылся тулупомъ, но долго не могъ заснуть, хотя и былъ весь измученъ и изломанъ отъ всѣхъ чудовищныхъ и неожиданныхъ впечатлѣній этого перваго дня. Но новая жизнь моя только еще начиналась. Многое еще ожидало меня впереди, о чемъ я никогда не мыслилъ, чего и не предугадывалъ...

V

Первый мѣсяцъ

Три дня спустя по прибытіи моемъ въ острогъ, мнѣ велѣно было выходить на работу. Очень памятенъ мнѣ этотъ первый день работы, хотя въ продолженіе его не случилось со мной ничего очень необыкновеннаго, по крайней мѣрѣ, взявъ въ соображеніе все и безъ того необыкновенное въ моемъ положеніи. Но это было тоже одно изъ первыхъ впечатлѣній, а я еще продолжалъ ко всему жадно присматриваться. Всѣ эти три первые дня я провелъ въ самыхъ тяжелыхъ ощущеніяхъ. «Вотъ конецъ моего странствованія: я въ острогѣ! — повторялъ я себѣ поминутно: — вотъ пристань моя на многіе, долгіе годы, мой уголъ, въ который я вступаю съ такимъ недовѣрчивымъ, съ такимъ болѣзненнымъ ощущеніемъ... А кто знаетъ?

Можетъ быть — когда, че [illegible] [illegible] оставить его, — еще пожа[illegible] [illegible] — [illegible]влялъ я не безъ примѣси того злораднаго ощущенія, которое доходитъ иногда до потребности нарочно бередить свою рану, точно желая полюбоваться своей болью, точно въ сознаніи всей великости несчастія есть, дѣйствительно, наслажденіе. Мысль со временемъ пожалѣть объ этомъ углѣ — меня самого поражала ужасомъ: я и тогда уже предчувствовалъ, до какой чудовищной степени приживчивъ человѣкъ. Но это еще было впереди, а покамѣстъ теперь кругомъ меня все было враждебно и — страшно . . . хоть не все, но, разумѣется, такъ мнѣ казалось. Это дикое любопытство, съ которымъ оглядывали меня мои новые товарищи-каторжники, усиленная ихъ суровость съ новичкомъ изъ дворянъ, вдругъ появившимся въ ихъ корпораціи, суровость, иногда доходившая чуть не до ненависти. — все это до того измучило меня, что я самъ желалъ ужъ поскорѣе работы, чтобъ только поскорѣе узнать и извѣдать все мое бѣдствіе разомъ, чтобъ начать жить какъ и всѣ они, чтобъ войти со всѣми поскорѣе въ одну колею. Разумѣется, я тогда многаго не замѣчалъ и не подозрѣвалъ, что у меня было подъ самымъ носомъ: между враждебнымъ я еще не угадывалъ отраднаго. Впрочемъ, нѣсколько привѣтливыхъ, ласковыхъ лицъ, которыхъ я встрѣтилъ даже въ эти три дня, покамѣстъ сильно меня ободрили. Всѣхъ ласковѣе и привѣтливѣе со мной былъ Акимъ Акимычъ. Между угрюмыми и ненавистливыми лицами остальныхъ каторжныхъ я не могъ не замѣтить тоже нѣсколько добрыхъ и веселыхъ. «Вездѣ есть люди дурные, а между дурными и хорошіе, — спѣшилъ я подумать себѣ въ утѣшеніе. — Кто знаетъ? Эти люди, можетъ быть, вовсе не до такой степени хуже тѣхъ *остальныхъ*, которые *остались* тамъ, за острогомъ». Я думалъ это и самъ качалъ головою на свою мысль,

а между тѣмъ, — Боже мой! — если бъ я только зналъ тогда, до какой степени и эта мысль была правдой!

Вотъ, напримѣръ, тутъ былъ одинъ человѣкъ, котораго только черезъ много-много лѣтъ я узналъ вполнѣ, а между тѣмъ онъ былъ со мной и постоянно около меня почти во все время моей каторги. Это былъ арестантъ Сушиловъ. Какъ только заговорилъ я теперь о каторжникахъ, которые были *не хуже* другихъ, то тотчасъ же невольно вспомнилъ о немъ. Онъ мнѣ прислуживалъ. У меня тоже былъ и другой прислужникъ. Акимъ Акимычъ еще съ самаго начала, съ первыхъ дней, рекомендовалъ мнѣ одного изъ арестантовъ, — Осипа, говоря, что за тридцать копеекъ въ мѣсяцъ онъ будетъ мнѣ стряпать ежедневно особое кушанье, если мнѣ ужъ такъ противно казенное и если я имѣю средства завести свое. Осипъ былъ одинъ изъ четырехъ поваровъ, назначаемыхъ арестантами по выбору въ наши двѣ кухни, хотя, впрочемъ, оставлялось вполнѣ и на ихъ волю принять или не принять такой выборъ; а принявъ, можно было хоть завтра же отказаться. Повара ужъ такъ и не ходили на работу, и вся должность ихъ состояла въ печенiи хлѣба и варкѣ щей. Звали ихъ у насъ не поварами, а стряпками (въ женскомъ родѣ), впрочемъ не изъ презрѣнiя къ нимъ, тѣмъ болѣе, что на кухню выбирался народъ толковый и по возможности честный, а такъ, изъ милой шутки, чѣмъ наши повара нисколько не обижались. Осипа почти всегда выбирали, и почти нѣсколько лѣтъ сряду онъ постоянно былъ стряпкой, и отказывался иногда только на время, когда его ужъ очень забирала тоска, а вмѣстѣ съ тѣмъ и охота проносить вино. Онъ былъ рѣдкой честности и кротости человѣкъ, хотя и пришелъ за контрабанду. Это былъ тотъ самый контрабандистъ, высокiй, здоровый малый, о которомъ уже я упоминалъ; трусъ до всего, особенно до розогъ,

смирный, безотвѣтный, ласковый с[illegible], *никогда* не поссорившійся, но котор[illegible] носить вина, несмотря на всю свою трусость, по страсти къ контрабандѣ. Онъ вмѣстѣ съ другими поварами торговалъ тоже виномъ, хотя, конечно, не въ такомъ размѣрѣ, какъ, напримѣръ, Газинъ, потому что не имѣлъ смѣлости на многое рискнуть. Съ этимъ Осипомъ я всегда жилъ очень ладно. Что же касается до средствъ имѣть свое кушанье, то ихъ надо было слишкомъ немного. Я не ошибусь, если скажу, что въ мѣсяцъ у меня выходило на мое прокормленіе всего рубль серебромъ, разумѣется, кромѣ хлѣба, который былъ казенный, и иногда щей, если ужъ я былъ очень голоденъ, несмотря на мое къ нимъ отвращеніе, которое, впрочемъ, совсѣмъ прошло впослѣдствіи. Обыкновенно я покупалъ кусокъ говядины, по фунту на день. А зимой говядина стоила грошъ. За говядиной ходилъ на базаръ кто-нибудь изъ инвалидовъ, которыхъ у насъ было по одному въ каждой казармѣ, для надсмотра за порядкомъ, и которые сами, добровольно, взяли себѣ въ обязанность ежедневно ходить на базаръ за покупками для арестантовъ и не брали за это почти никакой платы, такъ, развѣ пустяки какіе-нибудь. Дѣлали они это для собственнаго спокойствія, иначе имъ невозможно бы было въ острогѣ ужиться. Такимъ образомъ, они проносили табакъ, кирпичный чай, говядину, калачи и проч. и проч., кромѣ только развѣ одного вина. Объ винѣ ихъ не просили, хотя иногда и потчевали. Осипъ стряпалъ мнѣ нѣсколько лѣтъ сряду все одинъ и тотъ же кусокъ зажаренной говядины. Ужъ какъ онъ былъ зажаренъ, — это другой вопросъ, да не въ томъ было и дѣло. Замѣчательно, что съ Осипомъ я въ нѣсколько лѣтъ почти не сказалъ двухъ словъ. Много разъ начиналъ заговаривать съ нимъ, но онъ какъ-то былъ неспособенъ поддерживать разговоръ: улыбнется бывало или отвѣтитъ *да* или

нѣтъ, да и только. Даже странно было смотрѣть на этого Геркулеса семи лѣтъ отроду.

Но кромѣ Осипа, изъ людей, мнѣ помогавшихъ, былъ и Сушиловъ. Я не призывалъ его и не искалъ его. Онъ какъ-то самъ нашелъ меня и прикомандировался ко мнѣ; даже не помню, когда и какъ это сдѣлалось. Онъ сталъ на меня стирать. За казармами для этого нарочно была устроена большая помойная яма. Надъ этой-то ямой, въ казенныхъ корытахъ, и мылось арестантское бѣлье. Кромѣ того, Сушиловъ самъ изобрѣталъ тысячи различныхъ обязанностей, чтобъ мнѣ угодить: наставлялъ мой чайникъ, бѣгалъ по разнымъ порученіямъ, отыскивалъ что-нибудь для меня, носилъ мою куртку въ починку, смазывалъ мнѣ сапоги раза четыре въ мѣсяцъ; все это дѣлалъ усердно, суетливо, какъ будто Богъ знаетъ какія на немъ лежали обязанности, однимъ словомъ, совершенно связалъ свою судьбу съ моею и взялъ мои дѣла на себя. Онъ никогда не говорилъ, напримѣръ: «у васъ столько рубахъ, у васъ куртка разорвана» и проч., а всегда: у *насъ* теперь столько-то рубахъ, у *насъ* куртка разорвана». Онъ такъ и смотрѣлъ мнѣ въ глаза и, кажется, принялъ это за главное назначеніе всей своей жизни. Ремесла или, какъ говорятъ арестанты, рукомесла у него не было никакого, и, кажется, только отъ меня онъ и добывалъ копейку. Я платилъ ему сколько могъ, то-есть грошами, и онъ всегда безотвѣтно оставался доволенъ. Онъ не могъ не служить кому-нибудь и, казалось, выбралъ меня особенно потому, что я былъ обходительнѣе другихъ и честнѣе на расплату. Былъ онъ изъ тѣхъ, которые никогда не могли разбогатѣть и поправиться и которые у насъ брались сторожить майданы, простаивая по цѣлымъ часамъ въ сѣняхъ на морозѣ, прислушиваясь къ каждому звуку на дворѣ на случай плацъ-майора, и брали за это по пяти копеекъ серебромъ чуть не за всю ночь, а въ случаѣ про-

смотра теряли все и отвѣчали спиной. Я ужъ объ нихъ говорилъ. Характеристика этихъ людей — уничтожать свою личность всегда, вездѣ и чуть не передъ всѣми, а въ общихъ дѣлахъ разыгрывать даже не второстепенную, а третьестепенную роль. Все это у нихъ ужъ такъ по природѣ. Сушиловъ былъ очень жалкій малый, вполнѣ безотвѣтный и приниженный, даже забитый, хотя его и никто у насъ не билъ, а такъ ужъ отъ природы забитый. Мнѣ его всегда было отчего-то жаль. Я даже и взглянуть на него не могъ безъ этого чувства, а почему жаль, — я бы самъ не могъ отвѣтить. Разговаривать съ нимъ я тоже не могъ; онъ тоже разговаривать не умѣлъ, и видно, что ему это было въ большой трудъ, и онъ только тогда оживлялся, когда, чтобъ кончить разговоръ, дашь ему что-нибудь сдѣлать, попросишь его сходить, сбѣгать куда-нибудь. Я даже, наконецъ, увѣрился, что доставляю ему этимъ удовольствіе. Онъ былъ не высокъ и не малъ ростомъ, не хорошъ и не дуренъ, не глупъ и не уменъ, не молодъ и не старъ, немножко рябоватъ, отчасти бѣлокуръ. Слишкомъ опредѣлительнаго объ немъ никогда ничего нельзя было сказать. Одно только: онъ, какъ мнѣ кажется и сколько я могъ догадаться, принадлежалъ къ тому же товариществу, какъ и Сироткинъ, и принадлежалъ единственно по своей забитости и безотвѣтности. Надъ нимъ иногда посмѣивались арестанты, главное за то, что онъ *смѣнялся* дорогою, идя въ партіи въ Сибирь, и смѣнился за красную рубашку и за рубль серебромъ. Вотъ за эту-то ничтожную цѣну, за которую онъ себя продалъ, надъ нимъ и смѣялись арестанты. Смѣниться — значитъ перемѣниться съ кѣмъ-нибудь именемъ, а слѣдственно и участью. Какъ ни чуденъ кажется этотъ фактъ, а онъ справедливъ, и въ мое время онъ еще существовалъ между препровождающимися въ Сибирь арестантами въ полной силѣ, освященный преданіями и опредѣленный извѣстными формами. Сначала я ни-

какъ не могъ этому повѣрить, хотя и пришлось, наконецъ, повѣрить очевидности.

Это вотъ какимъ образомъ дѣлается. Препровождается, напримѣръ, въ Сибирь партія арестантовъ. Идутъ всякіе — и въ каторгу, и въ заводъ, и на поселеніе; идутъ вмѣстѣ. Гдѣ-нибудь дорогою, ну хоть въ Пермской губерніи, кто-нибудь изъ ссыльныхъ пожелаетъ смѣняться съ другимъ. Напримѣръ, какой-нибудь Михайловъ, убійца или по другому капитальному преступленію, находитъ идти на многіе годы въ каторгу для себя невыгоднымъ. Положимъ, онъ малый хитрый, тертый, дѣло знаетъ; вотъ онъ и высматриваетъ кого-нибудь изъ этой же партіи попростѣе, позабитѣе, побезотвѣтнѣе, и которому опредѣлено наказаніе небольшое сравнительно: или въ заводъ на малые годы, или на поселеніе, или даже въ каторгу, только поменьше срокомъ. Наконецъ, находитъ Сушилова. Сушиловъ изъ дворовыхъ людей и сосланъ просто на поселеніе. Идетъ онъ уже тысячи полторы верстъ, разумѣется, безъ копейки денегъ, потому что у Сушилова никогда не можетъ быть ни копейки, — идетъ изнуренный, усталый, на одномъ казенномъ продовольствѣ, безъ сладкаго куска хоть мимоходомъ, въ одной казенной одеждѣ, всѣмъ прислуживая за жалкіе мѣдные гроши. Михайловъ заговариваетъ съ Сушиловымъ, сходится, даже дружится и, наконецъ, на какомъ-нибудь этапѣ поитъ его виномъ. Наконецъ предлагаетъ ему: не хочетъ ли онъ смѣняться? Я, дескать, Михайловъ, вотъ такъ и такъ, иду въ каторгу не каторгу, а въ какое-то «особое отдѣленіе». Оно хоть и каторга, но особая, получше стало быть. — Объ особомъ отдѣленіи, во время существованія его, даже изъ начальства-то не всѣ знали, хоть бы, напримѣръ, и въ Петербургѣ. Это былъ такой отдѣльный и особый уголокъ, въ одномъ изъ уголковъ Сибири, и такой немноголюдный (при мнѣ было въ немъ до семидесяти человѣкъ), что трудно было и на слѣдъ его

напасть. Я встрѣчалъ потомъ людей, служившихъ и знающихъ о Сибири, которые отъ меня только въ первый разъ услыхали о существованіи «особаго отдѣленія». Въ Сводѣ Законовъ сказано объ немъ всего строкъ шесть: «Учреждается при такомъ-то острогѣ Особое отдѣленіе, для самыхъ важныхъ преступниковъ, впредь до открытія въ Сибири самыхъ тяжкихъ каторжныхъ работъ». Даже сами арестанты этого «отдѣленія» не знали, что̀ оно — навѣчно или на срокъ? Сроку не было положено, сказано — впредь до открытія самыхъ тяжкихъ работъ, и только; — стало быть, «вдоль по каторгѣ». Немудрено, что ни Сушиловъ, да и никто изъ партіи этого не зналъ, не исключая и самого сосланнаго Михайлова, который развѣ только имѣлъ понятіе объ особомъ отдѣленіи судя по своему преступленію, слишкомъ тяжкому и за которое онъ прошелъ тысячи три или четыре. Слѣдственно не пошлютъ же его въ хорошее мѣсто. Сушиловъ же шелъ на поселеніе; чего же лучше? «Не хочешь ли смѣняться?» Сушиловъ подъ хмелькомъ, душа простая, полонъ благодарности къ обласкавшему его Михайлову, и потому не рѣшается отказать. Къ тому же онъ слышалъ уже въ партіи, что мѣняться можно, что другіе же мѣняются, слѣдственно необыкновеннаго и неслыханнаго тутъ ничего нѣтъ. Соглашаются. Безсовѣстный Михайловъ, пользуясь необыкновенною простотою Сушилова, покупаетъ у него имя за красную рубашку и за рубль серебромъ, которые тутъ же и даетъ ему при свидѣтеляхъ. Назавтра Сушиловъ уже не пьянъ, но его поятъ опять, ну, да и плохо отказываться: полученный рубль серебромъ уже пропитъ, красная рубашка немного спустя тоже. Не хочешь, такъ деньги отдай. А гдѣ взять цѣлый рубль серебромъ Сушилову? А не отдастъ, такъ артель заставитъ отдать: за этимъ смотрятъ въ артели строго. Къ тому же, если далъ обѣщаніе, то исполни, — и на этомъ артель настоитъ. Иначе сгрызутъ.

Забьютъ, пожалуй, или просто убьютъ, по крайней мѣрѣ, застращаютъ.

Въ самомъ дѣлѣ, допусти артель хоть одинъ разъ въ такомъ дѣлѣ поблажку, то и обыкновеніе смѣны именами кончится. Коли можно будетъ отказываться отъ обѣщанія и нарушать сдѣланный торгъ, уже взявши деньги, — кто же будетъ его потомъ исполнять? Однимъ словомъ — тутъ артельное, общее дѣло, а потому и партія къ этому дѣлу очень строга. Наконецъ, Сушиловъ видитъ, что ужъ не отмолишься, и рѣшается вполнѣ согласиться. Объявляется всей партіи; ну, тамъ кого еще слѣдуетъ тоже дарятъ и поятъ, если надо. Тѣмъ, разумѣется, все равно: Михайловъ или Сушиловъ пойдутъ къ чорту на рога, ну, а вино-то выпито, угостили; — слѣдственно и съ ихъ стороны молчокъ. На первомъ же этапѣ дѣлаютъ, напримѣръ, перекличку; доходитъ до Михайлова; «Михайловъ!» Сушиловъ откликается: я! «Сушиловъ!» Михайловъ кричитъ: я! — и пошли дальше. Никто и не говоритъ ужъ больше объ этомъ. Въ Тобольскѣ ссыльныхъ разсортировываютъ. «Михайлова» на поселеніе, а «Сушилова» подъ усиленнымъ конвоемъ препровождаютъ въ особое отдѣленіе. Далѣе никакой уже протестъ не возможенъ; да и чѣмъ въ самомъ дѣлѣ доказать? На сколько лѣтъ затянется это дѣло? Что за него еще будетъ? Гдѣ, наконецъ, свидѣтели? Отрекутся, если бъ и были. Такъ и остается въ результатѣ, что Сушиловъ за рубль серебромъ да за красную рубаху въ «особое отдѣленіе» пришелъ.

Арестанты смѣялись надъ Сушиловымъ, — не за то, что онъ смѣнился (хотя къ смѣнившимся на болѣе тяжелую работу съ легкой, вообще, питаютъ презрѣніе, какъ ко всякимъ попавшимся впросакъ дуракамъ), а за то, что онъ взялъ только красную рубаху и рубль серебромъ: слишкомъ ужъ ничтожная плата. Обыкновенно мѣняются за большія суммы, опять-таки судя относительно. Берутъ даже и по нѣсколько десятковъ

рублей. Но Сушиловъ былъ такъ безотвѣтенъ, безличенъ и для всѣхъ ничтоженъ, что надъ нимъ и смѣяться-то какъ-то не приходилось.

Долго мы жили съ Сушиловымъ, уже нѣсколько лѣтъ. Мало-по-малу онъ привязался ко мнѣ чрезвычайно; я не могъ этого не замѣтить, такъ что и я очень привыкъ къ нему. Но однажды, — никогда не могу простить себѣ этого, — онъ чего-то по моей просьбѣ не выполнилъ, а между тѣмъ только что взялъ у меня денегъ, и я имѣлъ жестокость сказать ему: «вотъ, Сушиловъ, деньги-то вы берете, а дѣла-то не дѣлаете». Сушиловъ смолчалъ, сбѣгалъ по моему дѣлу, но что-то вдругъ загрустилъ. Прошло дня два. Я думалъ: не можетъ быть, чтобъ онъ это отъ моихъ словъ. Я зналъ, что одинъ арестантъ, Антонъ Васильевъ, настоятельно требовалъ съ него какой-то грошовый долгъ. Вѣрно денегъ нѣтъ, а онъ боится спросить у меня. На третій день я и говорю ему: «Сушиловъ, вы, кажется, у меня хотѣли денегъ спросить, для Антона Васильева? На-те». Я сидѣлъ тогда на нарахъ; Сушиловъ стоялъ передо мной. Онъ былъ, кажется, очень пораженъ, что я самъ ему предложилъ денегъ, самъ вспомнилъ о его затруднительномъ положеніи, тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время онъ, по его мнѣнію, ужъ слишкомъ много у меня забралъ, такъ что и надѣяться не смѣлъ, что я еще дамъ ему. Онъ посмотрѣлъ на деньги, потомъ на меня, вдругъ отвернулся и вышелъ. Все это меня очень поразило. Я пошелъ за нимъ и нашелъ его за казармами. Онъ стоялъ у острожнаго частокола, лицомъ къ забору, прижавъ къ нему голову и облокотясь на него рукой. — «Сушиловъ, что съ вами?» — спросилъ я его. Онъ не смотрѣлъ на меня, и я, къ чрезвычайному удивленію, замѣтилъ, что онъ готовъ заплакать: «Вы, Александръ Петровичъ... думаете... — началъ онъ прерывающимся голосомъ и стараясь смотрѣть въ сторону, — что я

вамъ... за деньги... а я... я... эээхъ!» Тутъ онъ оборотился опять къ частоколу, такъ что даже стукнулся объ него лбомъ, — и какъ зарыдаетъ!.. Первый разъ я видѣлъ въ каторгѣ человѣка плачущаго. Насилу я утѣшилъ его, и хоть онъ съ этихъ поръ, если возможно это, еще усерднѣе началъ служить мнѣ и «наблюдать меня», но по нѣкоторымъ, почти неуловимымъ признакамъ я замѣтилъ, что его сердце не могло простить мнѣ попрекъ мой. А между тѣмъ другіе смѣялись же надъ нимъ, шпыняли его при всякомъ удобномъ случаѣ, ругали его иногда крѣпко, — а онъ жилъ же съ ними ладно и дружелюбно и никогда не обижался. Да, очень трудно бываетъ распознать человѣка, даже и послѣ долгихъ лѣтъ знакомства!

Вотъ почему съ перваго взгляда каторга и не могла мнѣ представиться въ томъ настоящемъ видѣ, какъ представилась впослѣдствіи. Вотъ почему я и сказалъ, что если и смотрѣлъ на все съ такимъ жаднымъ, усиленнымъ вниманіемъ, то все-таки не могъ разглядѣть много такого, что у меня было подъ самымъ носомъ. Естественно, меня поражали сначала явленія крупныя, рѣзко выдающіяся, но и тѣ, можетъ быть, принимались мною неправильно и только оставляли въ душѣ моей одно тяжелое, безнадежно-грустное впечатлѣніе. Очень много способствовала тому встрѣча моя съ А—вымъ, тоже арестантомъ, прибывшимъ незадолго до меня въ острогъ и поразившимъ меня особенно мучительнымъ впечатлѣніемъ въ первые дни моего прибытія въ каторгу. Я, впрочемъ, узналъ еще до прибытія въ острогъ, что встрѣчусь тамъ съ А—вымъ. Онъ отравилъ мнѣ это первое тяжелое время и усилилъ мои душевныя муки. Не могу умолчать о немъ.

Это былъ самый отвратительный примѣръ, до чего можетъ опуститься и исподлиться человѣкъ и до какой степени можетъ убить въ себѣ всякое нравственное чувство, безъ труда и безъ раскаянія. А—въ былъ мо-

лодой человѣкъ, изъ дворянъ, о которомъ уже я отчасти упоминалъ, говоря, что онъ переноситъ нашему плацъ-майору все, что дѣлается въ острогѣ, и былъ друженъ съ его денщикомъ Ѳедькой. Вотъ краткая его исторія: Не докончивъ нигдѣ курса и разссорившись въ Москвѣ съ родными, испугавшимися развратнаго его поведенія, онъ прибылъ въ Петербургъ и, чтобъ добыть денегъ, рѣшился на одинъ подлый доносъ, то-есть рѣшился продать кровь десяти человѣкъ для немедленнаго удовлетворенія своей неутолимой жажды къ самымъ грубымъ и развратнымъ наслажденіямъ, до которыхъ онъ, соблазненный Петербургомъ, его кондитерскими и Мѣщанскими, сдѣлался падокъ, до такой степени, что, будучи человѣкомъ неглупымъ, рискнулъ на безумное и безсмысленное дѣло. Его скоро обличили: въ доносъ свой онъ впуталъ невинныхъ людей, другихъ обманулъ, и за это его сослали въ Сибирь, въ нашъ острогъ, на десять лѣтъ. Онъ еще былъ очень молодъ, жизнь для него только что начиналась. Казалось бы, такая страшная перемѣна въ его судьбѣ должна была поразить, вызвать его природу на какой-нибудь отпоръ, на какой-нибудь переломъ. Но онъ безъ малѣйшаго смущенія принялъ новую судьбу свою, безъ малѣйшаго даже отвращенія, не возмутился даже передъ ней нравственно, не испугался въ ней ничего, кромѣ развѣ необходимости работать и разстаться съ кондитерскими и съ тремя Мѣщанскими. Ему даже показалось, что названіе каторжнаго только еще развязало ему руки на еще большія подлости и пакости. «Каторжникъ, такъ ужъ каторжникъ и есть; коли каторжникъ, стало быть, ужъ можно подличать, и не стыдно». Буквально, это было его мнѣніе. Я вспоминаю объ этомъ гадкомъ существѣ какъ объ феноменѣ. Я нѣсколько лѣтъ прожилъ среди убійцъ, развратниковъ и отъявленныхъ злодѣевъ, но, положительно говорю, никогда еще въ жизни я не встрѣчалъ такого полнаго нравственнаго

паденія, такого рѣшительнаго разврата и такой наглой низости, какъ въ А—вѣ. У насъ былъ отцеубійца, изъ дворянъ; я уже упоминалъ о немъ; но я убѣдился по многимъ чертамъ и фактамъ, что даже и тотъ былъ несравненно благороднѣе и человѣчнѣе А—ва. На мои глаза, во все время моей острожной жизни, А—въ сталъ и былъ какимъ-то кускомъ мяса, съ зубами и съ желудкомъ, и съ неутолимой жаждой наигрубѣйшихъ, самыхъ звѣрскихъ тѣлесныхъ наслажденій, а за удовлетвореніе самаго малѣйшаго и прихотливѣйшаго изъ этихъ наслажденій онъ способенъ былъ хладнокровнѣйшимъ образомъ убить, зарѣзать, словомъ на все, лишь бы спрятаны были концы въ воду. Я ничего не преувеличиваю; я узналъ хорошо А—ва. Это былъ примѣръ, до чего могла дойти одна тѣлесная сторона человѣка, не сдержанная внутренно никакой нормой, никакой законностью. И какъ отвратительно мнѣ было смотрѣть на его вѣчную насмѣшливую улыбку. Это было чудовище, нравственный Квазимодо. Прибавьте къ тому, что онъ былъ хитеръ и уменъ, красивъ собой, нѣсколько даже образованъ, имѣлъ способности. Нѣтъ, лучше пожаръ, лучше моръ и голодъ, чѣмъ такой человѣкъ въ обществѣ! Я сказалъ уже, что въ острогѣ все такъ исподлилось, что шпіонство и доносы процвѣтали и арестанты нисколько не сердились за это. Напротивъ, съ А—мъ всѣ они были очень дружны и обращались съ нимъ несравненно дружелюбнѣе, чѣмъ съ нами. Милости же къ нему нашего пьянаго майора придавали ему въ ихъ глазахъ значеніе и вѣсъ. Между прочимъ онъ увѣрилъ майора, что онъ можетъ снимать портреты (арестантовъ онъ увѣрялъ, что былъ гвардіи поручикомъ), и тотъ потребовалъ, чтобъ его высылали на работу къ нему на домъ, для того, разумѣется, чтобъ рисовать майорскій портретъ. Тутъ-то онъ и сошелся съ денщикомъ Ѳедькой, имѣвшимъ чрезвычайное вліяніе на своего барина, а слѣдственно на всѣхъ и на все въ

острогѣ. А—въ шпіонилъ на насъ по требованію майора же, а тотъ, хмельной, когда билъ его по щекамъ, то его же ругалъ шпіономъ и доносчикомъ. Случалось, и очень часто, что сейчасъ же послѣ побоевъ майоръ садился на стулъ и приказывалъ А—ву продолжать портретъ. Нашъ майоръ, кажется, дѣйствительно вѣрилъ, что А—въ былъ замѣчательный художникъ, чуть не Брюлловъ, о которомъ и онъ слышалъ, но все-таки считалъ себя въ правѣ лупить его по щекамъ, потому, дескать, что теперь ты хоть и тотъ же художникъ, но каторжный, и хоть будь ты раз-Брюлловъ, а я все-таки твой начальникъ, а стало быть, что захочу, то съ тобою и сдѣлаю. Между прочимъ, онъ заставлялъ А—ва снимать ему сапоги и выносить изъ спальни разныя вазы, и все-таки долго не могъ отказаться отъ мысли, что А—въ великій художникъ. Портретъ тянулся безконечно, почти годъ. Наконецъ, майоръ догадался, что его надуваютъ, и убѣдившись вполнѣ, что портретъ не оканчивается, а напротивъ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе становится на него непохожимъ, разсердился, исколотилъ художника и сослалъ его за наказаніе въ острогъ, на черную работу. А—въ видимо жалѣлъ объ этомъ, и тяжело ему было отказаться отъ праздныхъ дней, отъ подачекъ съ майорскаго стола, отъ друга-Ѳедьки и отъ всѣхъ наслажденій, которыя они вдвоемъ изобрѣтали себѣ у майора на кухнѣ. По крайней мѣрѣ, майоръ, съ удаленіемъ А—ва пересталъ преслѣдовать М., арестанта, на котораго А—въ безпрерывно ему наговаривалъ, и вотъ за что: М., во время прибытія А—ва въ острогъ, былъ одинъ. Онъ очень тосковалъ; не имѣлъ ничего общаго съ прочими арестантами, глядѣлъ на нихъ съ ужасомъ и омерзѣніемъ, не замѣчалъ и проглядѣлъ въ нихъ все, что могло бы подѣйствовать на него примирительно, и не сходился съ ними. Тѣ платили ему тою же ненавистью. Вообще положеніе людей, подобныхъ М., въ острогѣ ужасно.

Причина, по которой А—въ попалъ въ острогъ, была М. неизвѣстна. Напротивъ, А—въ, догадавшись съ кѣмъ имѣетъ дѣло, тотчасъ же увѣрилъ его, что онъ сосланъ совершенно за противоположное доносу, почти за то же, за что сосланъ былъ и М. М. страшно обрадовался товарищу, другу. Онъ ходилъ за нимъ, утѣшалъ его въ первые дни каторги, предполагая, что онъ долженъ былъ очень страдать, отдалъ ему послѣднія свои деньги, кормилъ его, подѣлился съ нимъ необходимѣйшими вещами. Но А—въ тотчасъ же возненавидѣлъ его, именно за то, что тотъ былъ благороденъ, за то, что съ такимъ ужасомъ смотрѣлъ на всякую низость, за то именно, что былъ совершенно не похожъ на него, и все, что М., въ прежнихъ разговорахъ, передалъ ему объ острогѣ и о майорѣ, все это А—въ поспѣшилъ при первомъ случаѣ донести майору. Майоръ страшно возненавидѣлъ за это и угнеталъ М., и если бъ не вліяніе коменданта, онъ довелъ бы его до бѣды. А—въ же не только не смущался, когда потомъ М. узналъ про его низость, но даже любилъ встрѣчаться съ нимъ и съ насмѣшкой смотрѣть на него. Это видимо доставляло ему наслажденіе. Мнѣ нѣсколько разъ указывалъ на это самъ М. Эта подлая тварь потомъ бѣжала съ однимъ арестантомъ и съ конвойнымъ, но объ этомъ я скажу послѣ. Онъ очень сначала и ко мнѣ подлизывался, думая, что я не слыхалъ о его исторіи. Повторяю, онъ отравилъ мнѣ первые дни моей каторги еще большей тоской. Я ужаснулся той страшной подлости и низости, въ которую меня ввергнули, среди которой я очутился. Я подумалъ, что здѣсь и все такъ же подло и низко. Но я ошибался: я судилъ обо всѣхъ по А—ву.

Въ эти три дня, я въ тоскѣ слонялся по острогу, лежалъ на своихъ нарахъ, отдалъ шить надежному арестанту, указанному мнѣ Акимъ Акимычемъ, изъ выданнаго мнѣ казеннаго холста рубашки, разумѣется,

за плату (по сколько-то грошей съ рубашки), завелъ себѣ, по настоятельному совѣту Акима Акимыча, складной тюфячокъ (изъ войлока, обшитаго холстомъ), чрезвычайно тоненькій, какъ блинъ, и подушку, набитую шерстью, страшно жесткую съ непривычки. Акимъ Акимычъ сильно хлопоталъ объ устройствѣ мнѣ всѣхъ этихъ вещей и самъ въ немъ участвовалъ, собственноручно сшилъ мнѣ одѣяло изъ лоскутковъ стараго казеннаго сукна, собраннаго изъ выносившихся панталонъ и куртокъ, купленныхъ мною у другихъ арестантовъ. — Казенныя вещи, которымъ выходилъ срокъ, оставлялись въ собственность арестанта; онѣ тотчасъ же продавались тутъ же въ острогѣ, и какъ бы ни была заношена вещь, все-таки имѣла надежду сойти съ рукъ за какую-нибудь цѣну. Всему этому я сначала очень удивлялся. Вообще это было время моего перваго столкновенія съ народомъ. Я самъ вдругъ сдѣлался такимъ же простонародьемъ, такимъ же каторжнымъ, какъ и они. Ихъ привычки, понятія, мнѣнія, обыкновенія, — стали какъ будто тоже моими, по крайней мѣрѣ, по формѣ, по закону, хотя я и не раздѣлялъ ихъ въ сущности. Я былъ удивленъ и смущенъ, точно я не подозрѣвалъ прежде ничего этого и не слыхалъ ни о чемъ, хотя и зналъ и слышалъ. Но дѣйствительность производитъ совсѣмъ другое впечатлѣніе, чѣмъ знаніе и слухи. Могъ ли я, напримѣръ, хоть когда-нибудь прежде подозрѣвать, что такія вещи, такіе старые обноски, могутъ считаться тоже вещами? — А вотъ сшилъ же себѣ изъ этихъ старыхъ обносковъ одѣяло! Трудно было и представить себѣ, какого сорта было сукно, опредѣленное на арестантское платье. Съ виду оно какъ будто и въ самомъ дѣлѣ походило на сукно, толстое, солдатское; но чуть-чуть поношенное, оно обращалось въ какой-то бредень и раздиралось возмутительно. Впрочемъ, суконное платье давалось на годичный срокъ, но и съ этимъ срокомъ трудно было

справиться. Арестантъ работаетъ, носитъ на себѣ тяжести; платье обтирается и обдирается скоро. Тулупы же выдавались на три года и обыкновенно служили въ продолженіе всего этого срока и одеждой, и одѣялами, и подстилками. Но тулупы крѣпки, хотя и не рѣдкость было на комъ-нибудь видѣть, къ концу третьяго года, то-есть срока выноски, тулупъ, заплатанный простою холстиной. Несмотря на то, даже очень выношенные, по окончаніи опредѣленнаго имъ срока, продавались копеекъ за сорокъ серебромъ. Нѣкоторые же, получше сохранившіеся, продавались за шесть или даже за семь гривенъ серебромъ, а въ каторгѣ это были большія деньги.

Деньги же, — я уже говорилъ объ этомъ, — имѣли въ острогѣ страшное значеніе, могущество. Положительно можно сказать, что арестантъ, имѣвшій хоть какія-нибудь деньги въ каторгѣ, въ десять разъ меньше страдалъ, чѣмъ совсѣмъ не имѣвшій ихъ, хотя послѣдній обезпеченъ тоже всѣмъ казеннымъ, и къ чему бы, кажется, имѣть ему деньги? — какъ разсуждало наше начальство. Опять-таки повторяю, что если бъ арестанты лишены были всякой возможности имѣть свои деньги, они или сходили бы съ ума, или мерли бы, какъ мухи (несмотря на то, что были во всемъ обезпечены), или, наконецъ, пустились бы въ неслыханныя злодѣйства, — одни отъ тоски, другіе — чтобъ поскорѣе быть какъ-нибудь казненнымъ и уничтоженнымъ, или такъ какъ-нибудь «перемѣнить участь» (техническое выраженіе). Если же арестантъ, добывъ почти кровавымъ пòтомъ свою копейку или рѣшась для пріобрѣтенія ея на необыкновенныя хитрости, сопряженныя часто съ воровствомъ и мошенничествомъ, въ то же время такъ безразсудно, съ такимъ ребяческимъ безсмысліемъ тратитъ ихъ, то это вовсе не доказываетъ, что онъ ихъ не цѣнитъ, хотя бы и казалось такъ съ перваго взгляда. Къ деньгамъ аре-

стантъ жаденъ до судорогъ, до омраченія разсудка, и если, дѣйствительно, бросаетъ ихъ, какъ щепки, когда кутитъ, то бросаетъ за то, что считаетъ еще одной ступенью выше денегъ. Что же выше денегъ для арестанта? Свобода или хоть какая-нибудь мечта о свободѣ. А арестанты большіе мечтатели. Объ этомъ я кой-что скажу послѣ, но, къ слову пришлось, повѣрятъ ли, что я видалъ сосланныхъ на *двадцатилѣтній* срокъ, которые мнѣ самому говорили, очень спокойно, такія, напримѣръ, фразы: «а вотъ подожди, дастъ Богъ кончу срокъ, и тогда»... Весь смыслъ слова «арестантъ» означаетъ человѣка безъ воли, а тратя деньги, онъ поступаетъ уже *по своей волѣ*. Несмотря ни на какія клейма, кандалы и ненавистныя пали острога, заслоняющія ему Божій міръ и огораживающія его, какъ звѣря въ клѣткѣ, — онъ можетъ достать вина, то-есть страшно запрещенное наслажденіе, попользоваться клубничкой, даже иногда (хоть и не всегда) подкупить своихъ ближайшихъ начальниковъ, инвалидовъ и даже унтеръ-офицера, которые сквозь пальцы будутъ смотрѣть на то, что онъ нарушаетъ законъ и дисциплину; даже можетъ, сверхъ торгу, еще покуражиться надъ ними, а покуражиться арестантъ ужасно любитъ, то-есть представиться предъ товарищами и увѣрить даже себя *хоть на время*, что у него воли и власти несравненно больше, чѣмъ кажется, — однимъ словомъ — можетъ накутить, набуянить, разобидѣть кого-нибудь въ прахъ и доказать ему, что онъ все это *можетъ*, что все это въ «нашихъ рукахъ», то-есть увѣрить себя въ томъ, о чемъ бѣдняку и помыслить невозможно. Кстати: вотъ отчего, можетъ быть, въ арестантахъ, даже и въ трезвомъ видѣ, замѣчается всеобщая наклонность къ куражу, къ хвастовству, къ комическому и наивнѣйшему возвеличенію собственной личности, хотя бы призрачному. Наконецъ, во всемъ этомъ кутежѣ есть свой рискъ, — значитъ все это

имѣетъ хоть какой-нибудь призракъ свободы. А чего не отдашь за свободу? Какой милліонщикъ, если бъ ему сдавили горло петлей, не отдалъ бы всѣхъ своихъ милліоновъ за одинъ глотокъ воздуха?

Удивляются иногда начальники, что вотъ какой-нибудь арестантъ жилъ себѣ нѣсколько лѣтъ такъ смирно, примѣрно, даже десяточнымъ его сдѣлали за похвальное поведеніе, и вдругъ, рѣшительно ни съ того, ни съ сего, — точно бѣсъ въ него влѣзъ, — зашалилъ, накутилъ, набуянилъ, а иногда даже просто на уголовное преступленіе рискнулъ: или на явную непочтительность передъ высшимъ начальствомъ, или убилъ кого-нибудь, или изнасиловалъ и проч. Смотрятъ на него и удивляются. А между тѣмъ, можетъ быть, вся-то причина этого внезапнаго взрыва въ томъ человѣкѣ, отъ котораго всего менѣе можно было ожидать его, — это тоскливое, судорожное проявленіе личности, инстинктивная тоска по самомъ себѣ, желаніе заявить себя, свою приниженную личность, вдругъ появляющееся и доходящее до злобы, до бѣшенства, до омраченія разсудка, до припадка, до судорогъ. Такъ, можетъ быть, заживо схороненный въ гробу и проснувшійся въ немъ, колотитъ въ свою крышу и силится сбросить ее, хотя, разумѣется, разсудокъ могъ бы убѣдить его, что всѣ его усилія останутся тщетными. Но въ томъ-то и дѣло, что тутъ ужъ не до разсудка: тутъ судороги. Возьмемъ еще въ соображеніе, что почти всякое самовольное проявленіе личности въ арестантѣ считается преступленіемъ; а въ такомъ случаѣ ему естественно все равно, что большое, что малое проявленіе. Кутить — такъ ужъ кутить, рискнуть — такъ ужъ рискнуть на все, даже хоть на убійство. И только вѣдь стоитъ начать: опьянѣетъ потомъ человѣкъ, даже не удержишь! А потому всячески бы лучше не доводить до этого. Всѣмъ было бы спокойнѣе.

Да; но какъ это сдѣлать?

VI

Первый мѣсяцъ

При вступленіи въ острогъ, у меня было нѣсколько денегъ; въ рукахъ съ собой было немного, изъ опасенія, чтобъ не отобрали, но на всякій случай было спрятано, то-есть заклеено въ переплетѣ Евангелія, которое можно было пронести въ острогъ, нѣсколько рублей. Эту книгу, съ заклеенными въ ней деньгами, подарили мнѣ еще въ Тобольскѣ тѣ, которыя тоже страдали въ ссылкѣ и считали время ея уже десятилѣтіями и которыя во всякомъ несчастномъ уже давно привыкли видѣть брата. Есть въ Сибири и почти всегда не переводится нѣсколько лицъ, которыя, кажется, назначеніемъ жизни своей поставляютъ себѣ — братскій уходъ за «несчастными», страданіе и соболѣзнованіе о нихъ, точно о родныхъ дѣтяхъ, совершенно безкорыстное, святое. Не могу не припомнить здѣсь вкратцѣ объ одной встрѣчѣ. Въ городѣ, въ которомъ находился нашъ острогъ, жила одна дама, Настасья Ивановна, вдова. Разумѣется, никто изъ насъ, въ бытность въ острогѣ, не могъ познакомиться съ ней лично. Казалось, назначеніемъ жизни своей она избрала помощь ссыльнымъ, но болѣе всѣхъ заботилась о насъ. Было ли въ семействѣ у ней какое-нибудь подобное же несчастье, или кто-нибудь изъ особенно дорогихъ и близкихъ ея сердцу людей пострадалъ по такому же преступленію, но только она какъ будто за особое счастье почитала сдѣлать для насъ все, что только могла. Многаго она, конечно, не могла; она была очень бѣдна. Но мы, сидя въ острогѣ, чувствовали, что тамъ за острогомъ есть у насъ преданнѣйшій другъ. Между прочимъ, она намъ часто сообщала извѣстія, въ которыхъ мы очень нуждались. Выйдя изъ острога и отправляясь въ другой городъ, я успѣлъ побывать у ней и познакомиться съ нею лично. Она

жила гдѣ-то въ форштадтѣ, у одного изъ своихъ близкихъ родственниковъ. Была она не стара и не молода, не хороша и не дурна; даже нельзя было узнать, умна ли она, образована ли? Замѣчалась только въ ней, на каждомъ шагу, одна безконечная доброта, непреодолимое желаніе угодить, облегчить, сдѣлать для васъ непремѣнно что-нибудь пріятное. Все это такъ и виднѣлось въ ея тихихъ, добрыхъ взглядахъ. Я провелъ вмѣстѣ съ другимъ изъ острожныхъ моихъ товарищей у ней почти цѣлый вечеръ. Она такъ и глядѣла намъ въ глаза, смѣялась, когда мы смѣялись, спѣшила соглашаться со всѣмъ, что бы мы ни сказали; суетилась угостить насъ чѣмъ-нибудь, чѣмъ только могла. Поданъ былъ чай, закуска, какія-то сласти, и если бъ у ней были тысячи, она бы, кажется, имъ обрадовалась только потому, что могла бы лучше намъ угодить да облегчить нашихъ товарищей, оставшихся въ острогѣ. Прощаясь, она вынесла намъ по сигарочницѣ на память. Эти сигарочницы она склеила для насъ сама изъ картона (ужъ Богъ знаетъ, какъ онѣ были склеены), оклеила ихъ цвѣтной бумажкой, точно такою же, въ какую переплетаются краткія ариѳметики для дѣтскихъ школъ (а, можетъ быть, и дѣйствительно на оклейку пошла какая-нибудь ариѳметика). Кругомъ же обѣ папиросочницы были, для красоты, оклеены тоненькимъ бордюрчикомъ изъ золотой бумажки, за которой она, можетъ быть, нарочно ходила въ лавки. «Вотъ вы курите же папироски, такъ, можетъ быть, и пригодится вамъ», сказала она, какъ бы извиняясь робко передъ нами за свой подарокъ... Говорятъ иные (я слышалъ и читалъ это), что высочайшая любовь къ ближнему есть въ то же время и величайшій эгоизмъ. Ужъ въ чемъ тутъ-то былъ эгоизмъ, — никакъ не пойму.

Хоть у меня вовсе не было при входѣ въ острогъ большихъ денегъ, но я какъ-то не могъ тогда серьезно досадовать на тѣхъ изъ каторжныхъ, которые, почти

въ первые часы моей острожной жизни, уже обманувъ меня разъ, пренаивно приходили по другому, по третьему и даже по пятому разу занимать у меня. Но признаюсь въ одномъ откровенно: мнѣ очень было досадно, что весь этотъ людъ, съ своими наивными хитростями, непремѣнно долженъ былъ, какъ мнѣ казалось, считать меня простофилей и дурачкомъ и смѣяться надо мной, именно потому, что я въ пятый разъ давалъ имъ деньги. Имъ непремѣнно должно было казаться, что я поддаюсь на ихъ обманы и хитрости, и если бъ, напротивъ, я имъ отказывалъ и прогонялъ ихъ, то я увѣренъ, они стали бы несравненно болѣе уважать меня. Но какъ я ни досадовалъ, а отказать все-таки не могъ. Досадовалъ же я потому, что серьезно и заботливо думалъ въ эти первые дни о томъ, какъ и на какой ногѣ я долженъ былъ стоять съ ними. Я чувствовалъ и понималъ, что вся эта среда для меня совершенно новая, что я въ совершенныхъ потемкахъ, а что въ потемкахъ нельзя прожить столько лѣтъ. Слѣдовало приготовиться. Разумѣется, я рѣшилъ, что прежде всего надо поступать прямо, какъ внутреннее чувство и совѣсть велятъ. Но я зналъ тоже, что вѣдь это только афоризмъ, а передо мной все-таки явится самая неожиданная практика.

И потому, несмотря на всѣ мелочныя заботы о своемъ устройствѣ въ казармѣ, о которыхъ я уже упоминалъ и въ которыя вовлекалъ меня по преимуществу Акимъ Акимычъ, несмотря на то, что онѣ нѣсколько и развлекали меня, — страшная, ядущая тоска все болѣе и болѣе меня мучила. «Мертвый домъ!» говорилъ я самъ себѣ, присматриваясь иногда въ сумерки, съ крылечка нашей казармы, къ арестантамъ, уже собравшимся съ работы и лѣниво слонявшимся по площадкѣ острожнаго двора, изъ казармъ въ кухни и обратно. Присматривался къ нимъ, и по лицамъ и движеніямъ ихъ старался узнать, что они за люди

и какіе у нихъ характеры? Они же шлялись передо мной съ нахмуренными лбами, или же слишкомъ развеселые (эти два вида наиболѣе встрѣчаются и почти характеристика каторги), ругались или просто разговаривали, или, наконецъ, прогуливались въ одиночку, какъ будто въ задумчивости, тихо, плавно, иные съ усталымъ и апатическимъ видомъ, другіе (даже и здѣсь!) — съ видомъ заносчиваго превосходства, съ шапками набекрень, съ тулупами въ накидку, съ дерзкимъ, лукавымъ взглядомъ и съ нахальной пересмѣшкой. Все это моя среда, мой теперешній міръ, — думалъ я, — съ которымъ, хочу не хочу, а долженъ жить . . . Я пробовалъ было разспрашивать и разузнавать объ нихъ у Акима Акимыча, съ которымъ очень любилъ пить чай, чтобъ не быть одному. Мимоходомъ сказать, чай, въ это первое время, былъ почти единственною моею пищею. Отъ чаю Акимъ Акимычъ не отказывался и самъ наставлялъ нашъ смѣшной, самодѣльный, маленькій самоваръ изъ жести, который далъ мнѣ на подержаніе М. Акимъ Акимычъ выпивалъ обыкновенно одинъ стаканъ (у него были и стаканы), выпивалъ молча и чинно, возвращая мнѣ его, благодарилъ и тотчасъ же принимался отдѣлывать мое одѣяло. Но того, что мнѣ надо было узнать — сообщить не могъ и даже не понималъ, къ чему я такъ особенно интересуюсь характерами окружающихъ насъ и ближайшихъ къ намъ каторжныхъ, и слушалъ меня даже съ какой-то хитренькой улыбочкой, очень мнѣ памятной. Нѣтъ, видно надо самому испытывать, а не разспрашивать, подумалъ я.

На четвертый день, такъ же какъ и въ тотъ разъ, когда я ходилъ перековываться, выстроились рано поутру арестанты, въ два ряда, на площадкѣ передъ кордегаріей, у осторожныхъ воротъ. Впереди, лицомъ къ нимъ, и сзади — вытянулись солдаты, съ заряженными ружьями и съ примкнутыми штыками. Солдатъ

имѣетъ право стрѣлять въ арестанта, если тотъ вздумаетъ бѣжать отъ него; но въ то же время и отвѣчаетъ за свой выстрѣлъ, если сдѣлалъ его не въ случаѣ самой крайней необходимости; то же самое и въ случаѣ открытаго бунта каторжниковъ. Но кто же бы вздумалъ бѣжать явно? Явился инженерный офицеръ, кондукторъ, а также инженерные унтеръ-офицеры и солдаты, приставы надъ производившимися работами. Сдѣлали перекличку; часть арестантовъ, ходившая въ швальни, отправлялась прежде всѣхъ; до нихъ инженерное начальство и не касалось; они работали собственно на острогъ и обшивали его. Затѣмъ отправились въ мастерскія, а затѣмъ и на обыкновенныя черныя работы. Въ числѣ человѣкъ двадцати другихъ арестантовъ отправился и я. За крѣпостью, на замерзшей рѣкѣ, были двѣ казенныя барки, которыя за негодностью нужно было разобрать, чтобъ, по крайней мѣрѣ, старый лѣсъ не пропалъ даромъ. Впрочемъ, весь этотъ старый матеріалъ, кажется, очень мало стоилъ, почти ничего. Дрова въ городѣ продавались по цѣнѣ ничтожной и кругомъ лѣсу было множество. Посылали почти только для того, чтобы арестантамъ не сидѣть сложа руки, что и сами-то арестанты хорошо понимали. За такую работу они всегда принимались вяло и апатически, и почти совсѣмъ другое бывало, когда работа сама по себѣ была дѣльная, цѣнная, и особенно когда можно было выпросить себѣ на урокъ. Тутъ они словно чѣмъ-то одушевлялись, и хоть имъ вовсе не было никакой отъ этого выгоды, но, я самъ видѣлъ, выбивались изъ силъ, чтобъ ее поскорѣй и получше докончить; даже самолюбіе ихъ тутъ какъ-то заинтересовывалось. А въ настоящей работѣ, дѣлавшейся болѣе для проформы, чѣмъ для надобности, трудно было выпросить себѣ урокъ, а надо было работать вплоть до барабана, бившаго призывъ домой въ одиннадцать часовъ утра. День былъ теплый и туманный; снѣгъ чуть не таялъ. Вся

наша кучка отправилась за крѣпость на берегъ, слегка побрякивая цѣпями, которыя хотя и были скрыты подъ одеждою, но все-таки издавали тонкій и рѣзкій металлическій звукъ съ каждымъ шагомъ. Два-три человѣка отдѣлились за необходимымъ инструментомъ въ цейхаузъ. Я шелъ вмѣстѣ со всѣми и даже какъ будто оживился: мнѣ хотѣлось поскорѣе увидѣть и узнать, что за работа? Какая это каторжная работа? И какъ я самъ буду въ первый разъ въ жизни работать?

Помню все до малѣйшей подробности. На дорогѣ встрѣтился намъ какой-то мѣщанинъ съ бородкой, остановился и засунулъ руку въ карманъ. Изъ нашей кучки немедленно отдѣлился арестантъ, снялъ шапку, принялъ подаяніе — пять копеекъ и проворно воротился къ своимъ. Мѣщанинъ перекрестился и пошелъ своею дорогою. Эти пять копеекъ въ то же утро проѣли на калачахъ, раздѣливъ ихъ на всю нашу партію поровну.

Изъ всей этой кучки арестантовъ одни, были, по обыкновенію, угрюмы и неразговорчивы, другіе равнодушны и вялы, третьи лѣниво болтали промежъ собой. Одинъ былъ ужасно чему-то радъ и веселъ, пѣлъ и чуть не танцовалъ дорогой, прибрякивая съ каждымъ прыжкомъ кандалами. Это былъ тотъ самый невысокій и плотный арестантъ, который въ первое утро мое въ острогѣ поссорился съ другимъ у воды, во время умыванья, за то, что другой осмѣлился безразсудно утверждать про себя, что онъ птица каганъ. Звали этого развеселившагося парня Скуратовъ. Наконецъ, онъ запѣлъ какую-то лихую пѣсню, изъ которой я помню припѣвъ:

Безъ меня меня женили —
Я на мельницѣ былъ.

Не доставало только балалайки.

Его необыкновенно веселое расположеніе духа, разумѣется, тотчасъ же возбудило въ нѣкоторыхъ изъ

нашей партіи негодованіе, даже принято было чуть не за обиду.

— Завылъ! — съ укоризною проговорилъ одинъ арестантъ, до котораго впрочемъ вовсе не касалось дѣло.

— Одна была пѣсня у волка, и ту перенялъ, тулякъ! — замѣтилъ другой, изъ мрачныхъ, хохлацкимъ выговоромъ.

— Я-то, положимъ, тулякъ, — немедленно возразилъ Скуратовъ, — а вы въ вашей Полтавѣ галушкой подавились.

— Ври! Самъ-то что ѣдалъ! Лаптемъ щи хлебалъ.

— А теперь словно чортъ ядрами кормитъ, — прибавилъ третій.

— Я и вправду, братцы, изнѣженный человѣкъ, — отвѣчалъ съ легкимъ вздохомъ Скуратовъ, какъ будто раскаиваясь въ своей изнѣженности и обращаясь ко всѣмъ вообще и ни къ кому въ особенности, — съ самаго сызмалѣтства въ черносливѣ да на пампрусскихъ булкахъ испытанъ (то-есть воспитанъ. Скуратовъ нарочно коверкалъ слова), родимые же братцы мои и теперь еще въ Москвѣ свою лавку имѣютъ, въ прохожемъ ряду вѣтромъ торгуютъ, купцы богатѣющіе.

— А ты чѣмъ торговалъ?

— А по разнымъ качествамъ и мы происходили. Вотъ тогда-то, братцы, и получилъ я первыя двѣсти...

— Неужто рублей? — подхватилъ одинъ любопытный, даже вздрогнувъ, услышавъ про такія деньги.

— Нѣтъ, милый человѣкъ, не рублей, а палокъ. Лука, а Лука!

— Кому Лука, а тебѣ Лука Кузьмичъ, — нехотя отозвался маленькій и тоненькій арестантикъ, съ востренькимъ носикомъ.

— Ну, Лука Кузьмичъ, чортъ съ тобой, такъ ужъ и быть.

— Кому Лука Кузьмичъ, а тебѣ дядюшка.

— Ну, да чортъ съ тобой и съ дядюшкой, не стоитъ и говорить! А хорошее было слово хотѣлъ сказать. Ну, такъ вотъ, братцы, какъ это случилось, что недолго я нажилъ въ Москвѣ; дали мнѣ тамъ напослѣдокъ пятнадцать кнутиковъ, да и отправили вонъ. Вотъ я...

— Да за что отправили-то?.. — перебилъ одинъ, прилежно слѣдившій за разсказомъ.

— А не ходи въ карантинъ, не пей шпунтовъ, не играй на белендрясѣ; такъ что я не успѣлъ, братцы, настоящимъ образомъ въ Москвѣ разбогатѣть. А оченно, оченно того хотѣлъ, чтобъ богатымъ быть. И ужъ такъ мнѣ этого хотѣлось, что и не знаю, какъ и сказать.

Многіе разсмѣялись. Скуратовъ былъ, очевидно, изъ добровольныхъ весельчаковъ, или лучше шутовъ, которые какъ будто ставили себѣ въ обязанность развеселять своихъ угрюмыхъ товарищей и, разумѣется, ровно ничего кромѣ брани за это не получали. Онъ принадлежалъ къ особенному и замѣчательному типу, о которомъ мнѣ, можетъ быть, еще придется поговорить.

— Да тебя и теперь вмѣсто соболя бить можно, — замѣтилъ Лука Кузьмичъ. — Ишь, одной одежи рублей на сто будетъ.

На Скуратовѣ былъ самый ветхій, самый заношенный тулупишка, на которомъ со всѣхъ сторонъ торчали заплаты. Онъ довольно равнодушно, но внимательно осмотрѣлъ его сверху донизу.

— Голова зато дорого стоитъ, братцы, голова! — отвѣчалъ онъ. — Какъ и съ Москвой прощался, тѣмъ и утѣшенъ былъ, что голова со мной вмѣстѣ пойдетъ. Прощай, Москва, спасибо за баню, за вольный духъ, славно исполосовали! А на тулупъ нечего тебѣ, милый человѣкъ, смотрѣть...

— Небось на твою голову смотрѣть?

— Да и голова-то у него не своя, а подаянная,

— опять ввязался Лука. — Ее ему въ Тюмени Христа-ради подали, какъ съ партіей проходилъ.

— Что жъ ты, Скуратовъ, небось мастерство имѣлъ?

— Како мастерство! Поводырь былъ, гаргосовъ водилъ, у нихъ голыши таскалъ, — замѣтилъ одинъ изъ нахмуренныхъ, — вотъ и все его мастерство.

— Я, дѣйствительно, пробовалъ было сапоги тачать, — отвѣчалъ Скуратовъ, совершенно не замѣтивъ колкаго замѣчанія. — Всего одну пару и стачалъ.

— Что жъ, покупали?

— Да, нарвался такой, что видно Бога не боялся, отца-мать не почиталъ; наказалъ его Господь, — купилъ.

Всѣ вокругъ Скуратова такъ и покатились со смѣху.

— Да потомъ еще разъ работалъ, ужъ здѣсь, — продолжалъ съ чрезвычайнымъ хладнокровіемъ Скуратовъ, — Степану Ѳедоровичу Поморцеву, поручику, головки приставлялъ.

— Что жъ онъ, доволенъ былъ?

— Нѣтъ, братцы, недоволенъ. На тысячу лѣтъ обругалъ, да еще колѣнкомъ напиналъ меня сзади. Очення ужъ разсердился. — Эхъ, солгала моя жизнь, солгала каторжная!

Погодя-того немножко,
Ак-кулининъ мужъ на дворъ...

Неожиданно залился онъ снова и пустился притопывать вприпрыжку ногами.

— Ишь, безобразный человѣкъ! — проворчалъ шедшій подлѣ меня хохолъ, съ злобнымъ презрѣніемъ скосивъ на него глаза.

— Безполезный человѣкъ! — замѣтилъ другой окончательнымъ и серьезнымъ тономъ.

Я рѣшительно не понималъ, за что на Скуратова сердятся, да и вообще — почему всѣ веселые, какъ уже успѣлъ я замѣтить въ эти первые дни, какъ будто находились въ нѣкоторомъ презрѣніи? Гнѣвъ хохла и другихъ я относилъ къ личностямъ. Но это были не личности, а гнѣвъ за то, что въ Скуратовѣ не было выдержки, не было строгаго напускного вида собственнаго достоинства, которымъ заражена была вся каторга до педантства, однимъ словомъ, за то, что онъ былъ, по ихъ же выраженію, «безполезный» человѣкъ. Однако на веселыхъ не на всѣхъ сердились и не всѣхъ такъ третировали, какъ Скуратова и другихъ ему подобныхъ. Кто какъ съ собой позволялъ обходиться: человѣкъ добродушный и безъ затѣй тотчасъ же подвергался униженію. Это меня даже поразило. Но были и изъ веселыхъ, которые умѣли и любили отгрызнуться и спуску никому не давали: тѣхъ принуждены были уважать. Тутъ же, въ этой же кучкѣ людей былъ одинъ изъ такихъ зубастыхъ, а въ сущности развеселый и премилѣйшій человѣкъ, но котораго съ этой стороны я узналъ уже послѣ, видный и рослый парень, съ большой бородавкой на щекѣ и съ прекомическимъ выраженіемъ лица, впрочемъ довольно красиваго и смѣтливаго. Называли его піонеромъ, потому что когда-то онъ служилъ въ піонерахъ; теперь же находился въ особомъ отдѣленіи. Про него мнѣ еще придется говорить.

Впрочемъ, и не всѣ «серьезные» были такъ экспансивны, какъ негодующій на веселость хохолъ. Въ каторгѣ было нѣсколько человѣкъ, мѣтившихъ на первенство, на знаніе всякаго дѣла, на находчивость, на характеръ, на умъ. Многіе изъ такихъ, дѣйствительно, были люди умные, съ характеромъ, и дѣйствительно достигали того, на что мѣтили, то-есть первенства и значительнаго нравственнаго вліянія на своихъ товарищей. Между собою эти умники были часто

большіе враги — и каждый изъ нихъ имѣлъ много ненавистниковъ. На прочихъ арестантовъ они смотрѣли съ достоинствомъ и даже снисходительностью, ссоръ ненужныхъ не затѣвали, у начальства были на хорошемъ счету, на работахъ являлись какъ будто распорядителями, и ни одинъ изъ нихъ не сталъ бы придираться, напримѣръ, за пѣсни; до такихъ мелочей они не унижались. Со мной всѣ такіе были замѣчательно вѣжливы, во все продолженіе каторги, но не очень разговорчивы; тоже какъ будто изъ достоинства. Объ нихъ тоже придется поговорить подробнѣе.

Пришли на берегъ. Внизу, на рѣкѣ, стояла замерзшая въ водѣ старая барка, которую надо было ломать. На той сторонѣ рѣки синѣла степь; видъ былъ угрюмый и пустынный. Я ждалъ, что такъ всѣ и бросятся за работу, но объ этомъ и не думали. Иные разсѣлись на валявшихся по берегу бревнахъ; почти всѣ вытащили изъ сапогъ кисеты съ туземнымъ табакомъ, продававшимся на базарѣ въ листахъ по три копейки за фунтъ, и коротенькіе талиновые чубучки съ маленькими деревянными трубочками-самодѣльщиной. Трубки закурились; конвойные солдаты обтянули насъ цѣпью и съ скучнѣйшимъ видомъ принялись насъ стеречь.

— И кто догадался ломать эту барку? — промолвилъ одинъ какъ бы про себя, ни къ кому, впрочемъ, не обращаясь. — Щепокъ что ль захотѣлось.

— А кто насъ не боится, тотъ и догадался, — замѣтилъ другой.

— Куда это мужичье-то валитъ? — помолчавъ спросилъ первый, разумѣется, не замѣтивъ отвѣта на прежній вопросъ и указывая вдаль на толпу мужиковъ, пробиравшихся куда-то гуськомъ по цѣльному снѣгу. Всѣ лѣвино оборотились въ ту сторону и отъ нечего дѣлать принялись ихъ пересмѣивать. Одинъ изъ мужиковъ, послѣдній, шелъ какъ-то необыкновенно смѣшно, разставивъ руки и свѣсивъ на бокъ голову, на

которой была длинная мужичья шапка, гречневикомъ. Вся фигура его цѣльно и ясно обозначалась на бѣломъ снѣгу.

— Ишь братанъ Петровичъ, какъ оболокся, — замѣтилъ одинъ, передразнивая выговоромъ мужиковъ. Замѣчательно, что арестанты вообще смотрѣли на мужиковъ нѣсколько свысока, хотя половина изъ нихъ была изъ мужиковъ.

— Задній-то, ребята, ходитъ точно рѣдьку садитъ.

— Это тяжкодумъ, у него денегъ много, — замѣтилъ третій.

Всѣ засмѣялись, но какъ-то тоже лѣниво, какъ будто нехотя. Между тѣмъ подошла калашница, бойкая и разбитная бабенка.

У ней взяли калачей на подаянный пятакъ и раздѣлили тутъ же поровну.

Молодой парень, торговавшій въ острогѣ калачами, забралъ десятка два и крѣпко сталъ спорить, чтобъ выторговать три, а не два калача, какъ слѣдовало по обыкновенному порядку. Но калашница не соглашалась.

— Ну, а того-то не дашь?

— Чего еще?

— Да чего мыши-то не ѣдятъ.

— Да чтобъ-те язвило! — взвизгнула бабенка и засмѣялась.

Наконецъ, появился и приставъ надъ работами, унтеръ-офицеръ съ палочкой.

— Эй вы, что разсѣлись! Начинать!

— Да что, Иванъ Матвѣичъ, дайте урокъ, — проговорилъ одинъ изъ «начальствующихъ», медленно подымаясь съ мѣста.

— Чего давеча на разводкѣ не спрашивали? Барку растащи, вотъ-те и урокъ.

Кое-какъ, наконецъ, поднялись и спустились къ рѣкѣ, едва волоча ноги. Въ толпѣ тотчасъ же по-

явились «распорядители», по крайней мѣрѣ, на словахъ. Оказалось, что барку не слѣдовало рубить зря, а надо было по возможности сохранить бревна и въ особенности поперечныя кокоры, прибитыя по всей длинѣ своей ко дну барки деревянными гвоздями, — работа долгая и скучная.

— Вотъ надо-ть бы перво-на̀перво оттащить это бревнушко. Принимайся-ка, ребята! — замѣтилъ одинъ, вовсе не распорядитель и не начальствующій, а просто чернорабочій, безсловесный и тихій малый, молчавшій до сихъ поръ, и нагнувшись, обхватилъ руками толстое бревно, поджидая помощниковъ. Но никто не помогъ ему.

— Да, подымешь небось! И ты не подымешь, да и дѣдъ твой, медвѣдь, приди — и тотъ не подыметъ! — проворчалъ кто-то сквозь зубы.

— Такъ что жъ, братцы, какъ начинать-то? Я ужъ и не знаю .. — проговорилъ озадаченный выскочка, оставивъ бревно и приподымаясь.

— Всей работы не переработаешь... чего выскочилъ?

— Тремъ курамъ корму раздать обочтется, а туда же первый... Стрепета!

— Да я, братцы, ничего, — оттговаривался озадаченный, — я только такъ...

— Да что жъ мнѣ на васъ чехлы надѣть, что ли? Аль солить васъ прикажете на зиму? — крикнулъ опять приставъ, съ недоумѣніемъ смотря на двадцатиголовую толпу, не знавшую, какъ приняться за дѣло. — Начинать! Скорѣй!

— Скорѣй скораго не сдѣлаешь, Иванъ Матвѣичъ.

— Да ты и такъ ничего не дѣлаешь, эй! Савельевъ! Разговоръ Петровичъ! Тебѣ говорю: что стоишь, глаза продаешь!.. Начинать!

— Да я что жъ одинъ сдѣлаю?..

— Ужъ задайте урокъ, Иванъ Матвѣичъ.

— Сказано — не будетъ урока. Растащите барку и иди домой. Начинать!

Принялись, наконецъ, но вяло, нехотя, неумѣло. Даже досадно было смотрѣть на эту здоровенную толпу дюжихъ работниковъ, которые, кажется, рѣшительно недоумѣвали, какъ взяться за дѣло. Только было принялись вынимать первую, самую маленькую кокору, — оказалось, что она ломается, «сама ломается», какъ принесено было въ оправданіе приставу; слѣдственно такъ нельзя работать, а надо было приняться какъ-нибудь иначе. Пошло долгое разсужденіе промежъ собой о томъ, какъ приняться иначе, что дѣлать? Разумѣется мало-по-малу дошло до ругани, грозило зайти и подальше.. Приставъ опять прикрикнулъ и помахалъ палочкой, но кокора опять сломалась. Оказалось, наконецъ, что топоровъ мало и что надо еще принести какой-нибудь инструментъ. Тотчасъ же отрядили двухъ парней, подъ конвоемъ, за инструментомъ въ крѣпость, а въ ожиданіи, всѣ остальные преспокойно усѣлись на баркѣ, вынули свои трубочки и опять закурили.

Приставъ, наконецъ, плюнулъ.

— Ну, отъ васъ работа не заплачетъ! Эхъ народъ, народъ! — проворчалъ онъ сердито, махнулъ рукой и пошелъ въ крѣпость, помахивая палочкой.

Черезъ часъ пришелъ кондукторъ. Спокойно выслушавъ арестантовъ, онъ объявилъ, что даетъ на урокъ вынуть еще четыре кокоры, но такъ чтобъ ужъ онѣ не ломались, а цѣликомъ, да сверхъ того отдѣлилъ разобрать значительную часть барки, съ тѣмъ, что тогда ужъ можно будетъ идти домой. Урокъ былъ большой, но, батюшки, какъ принялись! Куда дѣлась лѣнь, куда дѣлось недоумѣніе: застучали топоры, начали вывертывать деревянные гвозди. Остальные подкладывали толстые шесты и, налегая на нихъ въ двадцать рукъ, бойко и мастерски выламывали кокоры, которыя, къ удивленію моему, выламывались теперь совершенно

цѣлыя и не попорченныя. Дѣло кипѣло. Всѣ вдругъ какъ-то замѣчательно поумнѣли. Ни лишнихъ словъ, ни ругани, всякъ зналъ, что сказать, что сдѣлать, куда стать, что посовѣтовать. Ровно за полчаса до барабана заданный урокъ былъ оконченъ, и арестанты пошли домой, усталые, но совершенно довольные, хоть и выиграли всего-то какихъ-нибудь полчаса противъ указаннаго времени. Но относительно меня я замѣтилъ одну особенность: куда бы я ни приткнулся имъ помогать во время работы, вездѣ я былъ не у мѣста, вездѣ мѣшалъ, вездѣ меня чуть не съ бранью оттоняли прочь.

Какой-нибудь послѣднiй оборвышъ, который и самъ-то былъ самымъ плохимъ работникомъ и не смѣлъ пикнуть передъ другими каторжниками, побойчѣе его и потолковѣе, и тотъ считалъ въ правѣ крикнуть на меня, если я остановился подлѣ него, подъ тѣмъ предлогомъ, что я ему мѣшаю. Наконецъ, одинъ изъ бойкихъ прямо грубо сказалъ мнѣ: «куда лѣзете, ступайте прочь! Что соваться куда не спрашиваютъ».

— Попался въ мѣшокъ! — тотчасъ же подхватилъ другой.

— А ты лучше кружку возьми, — сказалъ мнѣ третiй, — да и ступай сбирать на каменное построенiе, да на табашное разоренiе, а здѣсь тебѣ нечего дѣлать.

Приходилось стоять отдѣльно, а отдѣльно стоять, когда всѣ работаютъ, какъ-то совѣстно. Но когда дѣйствительно такъ случилось, что я отошелъ и сталъ на конецъ баркп, тотчасъ же закричали. «Вонъ какихъ надавали работниковъ; чего съ ними сдѣлаешь? Ничего не сдѣлаешь!»

Все это, разумѣется, было нарочно, потому что всѣхъ это тѣшило. Надо было поломаться надъ бывшимъ дворянчикомъ, и конечно они были рады случаю.

Очень понятно теперь, почему, какъ уже я говорилъ прежде, первымъ вопросомъ моимъ при вступленiи въ острогъ было: какъ вести себя, какъ поставить себя

передъ этими людьми? Я предчувствовалъ, что часто будутъ у меня такія же столкновенія съ ними, какъ теперь на работѣ. Но несмотря ни на какія столкновенія, я рѣшился не измѣнять плана моихъ дѣйствій, уже отчасти обдуманнаго мною въ это время; я зналъ, что онъ справедливъ. Именно: я рѣшилъ, что надо держать себя какъ можно проще и независимѣе, отнюдь не выказывать особеннаго старанія сближаться съ ними; но и не отвергать ихъ, если они сами пожелаютъ сближенія. Однюдь не бояться ихъ угрозъ и ненависти и, по возможности, дѣлать видъ, что не замѣчаю того. Отнюдь не сближаться съ ними на нѣкоторыхъ извѣстныхъ пунктахъ и не давать потачки нѣкоторымъ ихъ привычкамъ и обычаямъ, однимъ словомъ — не напрашиваться самому на полное ихъ товарищество. Я догадался съ перваго взгляда, что они первые презирали бы меня за это. Однако, по ихъ понятіямъ (и я узналъ это впослѣдствіи навѣрно), я все-таки долженъ былъ соблюдать и уважать передъ ними даже дворянское происхожденіе мое, то-есть нѣжиться, ломаться, брезгать ими, фыркать на каждомъ шагу, бѣлоручничать. Такъ именно они понимали, что такое дворянинъ. Они, разумѣется, ругали бы меня за это, но все-таки уважали бы про себя. Такая роль была не по мнѣ; я никогда не бывалъ дворяниномъ по ихъ понятіямъ; но зато я далъ себѣ слово никакой уступкой не унижать передъ ними ни образованія моего, ни образа мыслей моихъ. Если бъ я сталъ, имъ въ угоду, подлещаться къ нимъ, соглашаться съ ними, фамильярничать съ ними и пускаться въ разныя ихъ «качества», чтобъ выиграть ихъ расположеніе, — они бы тотчасъ же предположили, что я дѣлаю это изъ страха и трусости, и съ презрѣніемъ обошлись бы со мной. А—въ былъ не примѣръ: онъ ходилъ къ майору и они сами боялись его. Съ другой стороны, мнѣ и не хотѣлось замыкаться передъ ними въ холодную и недоступную

вѣжливость, какъ дѣлали поляки. Я очень хорошо видѣлъ теперь, что они презираютъ меня за то, что я хотѣлъ работать, какъ и они, не нѣжился и не ломался передъ ними; и хоть я навѣрно зналъ, что потомъ они принуждены будутъ перемѣнить обо мнѣ свое мнѣніе, но все-таки мысль, что теперь они какъ будто имѣютъ право презирать меня, думая, что я на работѣ заискивалъ передъ ними, — эта мысль ужасно огорчала меня.

Когда вечеромъ, по окончаніи послѣ-обѣденной работы, я воротился въ острогъ, усталый и измученный, страшная тоска опять одолѣла меня. «Сколько тысячъ еще такихъ дней впереди, — думалъ я, — все такихъ же, все однихъ и тѣхъ же!» Молча, уже въ сумерки, скитался я одинъ за казармами, вдоль забора и вдругъ увидалъ нашего Шарика, бѣгущаго прямо ко мнѣ. Шарикъ былъ наша острожная собака, такъ какъ бываютъ ротныя, батарейныя и эскадронныя собаки. Она жила въ острогѣ съ незапамятныхъ временъ, никому не принадлежала, всѣхъ считала хозяевами и кормилась выбросками изъ кухни. Это была довольно большая собака, черная съ бѣлыми пятнами, дворняжка, не очень старая, съ умными глазами и съ пушистымъ хвостомъ. Никто-то никогда не ласкалъ ее, никто-то не обращалъ на нее никакого вниманія. Еще съ перваго же дня я погладилъ ее и изъ рукъ далъ ей хлѣба. Когда я ее гладилъ, она стояла смирно, ласково смотрѣла на меня и въ знакъ удовольствія тихо махала хвостомъ. Теперь, долго меня не видя, — меня, перваго, который въ нѣсколько лѣтъ вздумалъ ее приласкать, она бѣгала и отыскивала меня между всѣми и, отыскавъ за казармами, съ визгомъ пустилась мнѣ навстрѣчу. Ужъ я не знаю, что со мной сталось, но я бросился цѣловать ее, я обнялъ ея голову; она вскочила мнѣ передними лапами на плечи и начала лизать мнѣ лицо. «Такъ вотъ другъ, котораго мнѣ посылаетъ

судьба!» — подумалъ я, и каждый разъ, когда потомъ, въ это первое тяжелое и угрюмое время, я возвращался съ работы, то прежде всего, не входя еще никуда, я спѣшилъ за казармы, со скачущимъ передо мной и визжащимъ отъ радости Шарикомъ, обхватывалъ его голову и цѣловалъ-цѣловалъ ее, и какое-то сладкое, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мучительно-горькое чувство щемило мнѣ сердце. И помню, мнѣ даже пріятно было думать, какъ будто хвалясь передъ собой своей же мукой, что вотъ на всемъ свѣтѣ только и осталось теперь для меня одно существо, меня любящее, ко мнѣ привязанное, мой другъ, мой единственный другъ, — моя вѣрная собака Шарикъ.

VII

Новыя знакомства — Петровъ

Но время шло, и я мало-по-малу сталъ обживаться. Съ каждымъ днемъ все менѣе и менѣе смущали меня обыденныя явленія моей новой жизни. Происшествія, обстановка, люди — все какъ-то примелькалось къ глазамъ. Примириться съ этой жизнью было невозможно, но признать ее за совершившійся фактъ давно пора было. Всѣ недоразумѣнія, которыя еще остались во мнѣ, я затаилъ внутри себя, какъ только могъ глуше. Я уже не слонялся по острогу, какъ потерянный, и не выдавалъ тоски своей. Дико-любопытные взгляды каторжныхъ уже не останавливались на мнѣ такъ часто, не слѣдили за мной съ такою выдѣланною наглостью. Я тоже видно примелькался имъ, чему я былъ очень радъ. По острогу я уже расхаживалъ какъ у себя дома, зналъ свое мѣсто на нарахъ и даже, повидимому, привыкъ къ такимъ вещамъ, къ которымъ думалъ и въ жизнь не привыкнуть. Регулярно каждую недѣлю ходилъ брить половину своей головы. Каждую субботу, въ шабашное время, насъ

вызывали для этого, поочередно, изъ острога въ кордегардію (не выбрившійся уже самъ отвѣчалъ за себя), и тамъ цырюльники изъ баталіоновъ мылили холоднымъ мыломъ наши головы и безжалостно скребли ихъ тупѣйшими бритвами, такъ что у меня даже и теперь морозъ проходитъ по кожѣ при воспоминаніи объ этой пыткѣ. Впрочемъ скоро нашлось лѣкарство: Акимъ Акимычъ указалъ мнѣ одного арестанта, военнаго разряда, который за копейку брилъ собственной бритвой кого угодно и тѣмъ промышлялъ. Многіе изъ каторжныхъ ходили къ нему, чтобъ избѣжать казенныхъ цырюльниковъ, а между тѣмъ народъ былъ не нѣженка. Нашего арестанта-цырюльника звали *майоромъ*, — почему — не знаю, и чѣмъ онъ могъ напомнить майора — тоже не могу сказать. Теперь, какъ пишу это, такъ и представляется мнѣ этотъ майоръ, высокій, сухощавый и молчаливый парень, довольно глуповатый, вѣчно углубленный въ свое занятіе и непремѣнно съ ремнемъ въ рукѣ, на которомъ онъ денно и нощно направлялъ свою донельзя сточенную бритву и, кажется, весь уходилъ въ это занятіе, принявъ его, очевидно, за назначеніе всей своей жизни. Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ до крайности доволенъ, когда бритва была хороша и когда кто-нибудь приходилъ побриться: мыло было у него теплое, рука легкая, бритье бархатное. Онъ видимо наслаждался и гордился своимъ искусствомъ и небрежно принималъ заработанную копейку, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ дѣло было въ искусствѣ, а не въ копейкѣ. Больно досталось А—ву отъ нашего плацъ-майора, когда онъ, фискаля ему на острогъ, упомянулъ разъ имя нашего острожнаго цырюльника и неосторожно назвалъ его *майоромъ*. Плацъ-майоръ разсвирѣпѣлъ и обидѣлся до послѣдней степени. «Да знаешь ли ты, подлецъ, что такое майоръ! — кричалъ онъ, съ пѣной у рта, по-свойски расправляясь съ А—вымъ:

— понимаешь ли ты, что такое майоръ! И вдругъ какой-нибудь подлецъ каторжный, и смѣть его звать майоромъ, мнѣ въ глаза, въ моемъ присутствіи!..» Только А—въ могъ уживаться съ такимъ человѣкомъ.

Съ самаго перваго дня моей жизни въ острогѣ, я уже началъ мечтать о свободѣ. Расчетъ, когда кончатся мои острожные годы, въ тысячѣ разныхъ видахъ и примѣненіяхъ, сдѣлался моимъ любимымъ занятіемъ. Я даже и думать ни о чемъ не могъ иначе, и увѣренъ, что такъ поступаетъ всякій, лишенный на срокъ свободы. Не знаю, думали ль, разсчитывали ль каторжные такъ же, какъ я, но удивительное легкомысліе ихъ надеждъ поразило меня съ перваго шагу. Надежда заключеннаго, лишеннаго свободы — совершенно другого рода, чѣмъ настоящимъ образомъ живущаго человѣка. Свободный человѣкъ, конечно, надѣется (напримѣръ, на перемѣну судьбы, на исполненіе какого-нибудь предпріятія), но онъ живетъ, онъ дѣйствуетъ: настоящая жизнь увлекаетъ его своимъ круговоротомъ вполнѣ. Не то для заключеннаго. Тутъ, положимъ, тоже жизнь, — острожная, каторжная; но кто бы ни былъ каторжникъ и на какой бы срокъ онъ ни былъ сосланъ, онъ рѣшительно, инстинктивно, не можетъ принять свою судьбу за что-то положительное, окончательное, за часть дѣйствительной жизни. Всякій каторжникъ чувствуетъ, что онъ не *у себя дома*, а какъ будто въ гостяхъ. На двадцать лѣтъ онъ смотритъ какъ будто на два года и совершенно увѣренъ, что и въ пятьдесятъ лѣтъ, по выходѣ изъ острога, онъ будетъ такой же молодецъ, какъ и теперь въ тридцать пять. — «Поживемъ еще!» думаетъ онъ, и упрямо гонитъ отъ себя всѣ сомнѣнія и прочія досадныя мысли. Даже сосланные безъ срока, особаго отдѣленія, и тѣ разсчитывали иногда, что вотъ нѣтъ-нѣтъ, а вдругъ придетъ разрѣшеніе изъ Питера: «переслать въ Нерчинскъ, въ рудники, и назначить

9*

сроки». Тогда славно: во-первыхъ въ Нерчинскъ чуть не полгода идти, а въ партіи идти противъ острога куды лучше! А потомъ кончить въ Нерчинскѣ срокъ и тогда... И вѣдь такъ разсчитываетъ иной сѣдой человѣкъ!

Въ Тобольскѣ видѣлъ я прикованныхъ къ стѣнѣ. Онъ сидитъ на цѣпи, этакъ въ сажень длиною; тутъ у него койка. Приковали его за что-нибудь изъ ряду вонъ страшное, совершонное уже въ Сибири. Сидятъ по пяти лѣтъ, сидятъ и по десяти. Большею частью изъ разбойниковъ. Одного только между ними я видѣлъ какъ будто изъ господъ; гдѣ-то онъ когда-то служилъ. Говорилъ онъ смирнехонько, пришептывая; улыбочка сладенькая. Онъ показывалъ намъ свою цѣпь, показывалъ какъ надо ложиться удобнѣе на койку. То-то должно быть была своего рода птица! Всѣ они вообще смирно ведутъ себя и кажутся довольными, а между тѣмъ каждому чрезвычайно хочется поскорѣе высидѣть свой срокъ. Къ чему бы, кажется? А вотъ къ чему: выйдетъ онъ тогда изъ душной, промозглой комнаты съ низкими кирпичными сводами, и пройдется по двору острога, и... и только. За острогъ ужъ его не выпустятъ никогда. Онъ самъ знаетъ, что спущенные съ цѣпи навѣчно уже содержатся при острогѣ, до самой смерти своей, и въ кандалахъ. Онъ это знаетъ и все-таки ему ужасно хочется поскорѣй кончить свой цѣпной срокъ. Вѣдь безъ этого желанія могъ ли бы онъ просидѣть пять или шесть лѣтъ на цѣпи, не умереть или не сойти съ ума? Сталъ ли бы еще иной-то сидѣть?

Я чувствовалъ, что работа можетъ спасти меня, укрѣпить мое здоровье, тѣло. Постоянное душевное безпокойство, нервическое раздраженіе, спертый воздухъ казармы могли бы разрушить меня совершенно. Чаще быть на воздухѣ, каждый день уставать, пріучаться носить тяжести — и, по крайней мѣрѣ, я

спасу себя, — думалъ я, — укрѣплю себя, выйду здоровый, бодрый, сильный, нестарый. Я не ошибся: работа и движеніе были мнѣ очень полезны. Я съ ужасомъ смотрѣлъ на одного изъ моихъ товарищей (изъ дворянъ), какъ онъ гасъ въ острогѣ, какъ свѣчка. Вошелъ онъ въ него вмѣстѣ со мною, еще молодой, красивый, бодрый, а вышелъ полуразрушенный, сѣдой, безъ ногъ съ одышкой. Нѣтъ, думалъ я, на него глядя: я хочу жить и буду жить. Затс и доставалось же мнѣ сначала отъ каторжныхъ за любовь къ работѣ, и долго они язвили меня презрѣніемъ и насмѣшками. Но я не смотрѣлъ ни на кого и бодро отправлялся куда-нибудь, напримѣръ, хоть обжигать и толочь алебастръ, — одна изъ первыхъ работъ, мною узнанныхъ. Это была работа легкая. Инженерное начальство по возможности готово было облегчать работу дворянамъ, что, впрочемъ, было вовсе не поблажкой, а только справедливостью. Странно было бы требовать съ человѣка, въ половину слабѣйшаго силой и никогда не работавшаго, того же урока, который задавался по положенію настоящему работнику. Но это «баловство» не всегда исполнялось, даже исполнялось-то какъ будто украдкой; за этимъ надзирали строго со стороны. Довольно часто приходилось работать работу тяжелую, и тогда, разумѣется, дворяне выносили двойную тягость, чѣмъ другіе работники. На алебастръ назначали обыкновенно человѣка три-четыре, стариковъ или слабосильныхъ, ну, и насъ въ томъ числѣ, разумѣется; да сверхъ того прикомандировывали одного настоящаго работника, знающаго дѣло. Обыкновенно ходилъ все одинъ и тотъ же, нѣсколько лѣтъ сряду, Алмазовъ, суровый, смуглый и сухощавый человѣкъ, уже въ лѣтахъ, необщительный и брезгливый. Онъ глубоко насъ презиралъ. Впрочемъ, онъ былъ очень неразговорчивъ, до того, что даже лѣнился ворчать на насъ. Сарай, въ которомъ обжигали и

толкли алебастръ, стоялъ тоже на пустынномъ и крутомъ берегу рѣки. Зимой, особенно въ сумрачный день, смотрѣть на рѣку и на противоположный, далекій берегъ, было скучно. Что-то тоскливое, надрывающее сердце, было въ этомъ дикомъ и пустынномъ пейзажѣ. Но чуть ли еще не тяжелѣй было, когда на безконечной бѣлой пеленѣ снѣга ярко сіяло солнце; такъ бы и улетѣлъ куда-нибудь въ эту степь, которая начиналась на другомъ берегу и разстилалась къ югу одной непрерывной скатертью, тысячи на полторы верстъ. Алмазовъ обыкновенно молча и сурово принимался за работу; мы словно стыдились, что не можемъ настоящимъ образомъ помогать ему, а онъ нарочно управлялся одинъ, нарочно не требовалъ отъ насъ никакой помощи, какъ будто для того, чтобъ мы чувствовали всю вину нашу передъ нимъ и каялись собственною безполезностью. А всего-то и дѣла было вытопить печь, чтобъ обжечь накладенный въ нее алебастръ, который мы же бывало и натаскаемъ ему. На другой же день, когда алебастръ бывалъ уже совсѣмъ обожженъ, начиналась его выгрузка изъ печки. Каждый изъ насъ бралъ тяжелую колотушку, накладывалъ себѣ особый ящикъ алебастромъ и принимался разбивать его. Это была премилая работа. Хрупкій алебастръ быстро обращался въ бѣлую блестящую пыль, такъ ловко, такъ хорошо крошился. Мы взмахивали тяжелыми молотами и задавали такую трескотню, что самимъ было любо. И уставали-то мы, наконецъ, и легко въ то же время становилось; щеки краснѣли, кровь обращалась быстрѣе. Тутъ уже и Алмазовъ начиналъ смотрѣть на насъ снисходительно, какъ смотрятъ на малолѣтнихъ дѣтей; снисходительно покуривалъ свою трубочку и все-таки не могъ не ворчать, когда приходилось ему говорить. Впрочемъ, онъ и со всѣми былъ такой же, а въ сущности, кажется, добрый человѣкъ.

Другая работа, на которую я посылался, — въ

мастерской вертѣть точильное колесо. Колесо было большое, тяжелое. Требовалось немалыхъ усилій вертѣть его, особенно когда токарь (изъ инженерныхъ мастеровыхъ) точилъ что-нибудь въ родѣ лѣстничной балясины или ножки отъ большого стола, для казенной мебели какому-нибудь чиновнику, на что требовалось чуть не бревно. Одному въ такомъ случаѣ было вертѣть не подъ силу и обыкновенно посылали двоихъ, — меня и еще одного изъ дворянъ, Б. Такъ эта работа въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ и оставалась за нами, если только приходилось что-нибудь точить. Б. былъ слабосильный, тщедушный человѣкъ, еще молодой, страдавшій грудью. Онъ прибылъ въ острогъ съ годъ передо мною, вмѣстѣ съ двумя другими изъ своихъ товарищей, — однимъ старикомъ, все время острожной жизни денно и нощно молившимся Богу (за что очень уважали его арестанты) и умершимъ при мнѣ, и съ другимъ, еще очень молодымъ человѣкомъ, свѣжимъ, румянымъ, сильнымъ, смѣлымъ, который дорогою несъ уставшаго съ полъ-этапа Б., что продолжалось семьсотъ верстъ сряду. Нужно было видѣть ихъ дружбу между собою. Б. былъ человѣкъ съ прекраснымъ образованіемъ, благородный, съ характеромъ великодушнымъ, но испорченнымъ и раздраженнымъ болѣзнью. Съ колесомъ справлялись мы вмѣстѣ, и это даже занимало насъ обоихъ. Мнѣ эта работа давала превосходный моціонъ.

Особенно тоже я любилъ разгребать снѣгъ. Это бывало обыкновенно послѣ булановъ, и бывало очень нерѣдко въ зиму. Послѣ суточнаго бурана заметало иной домъ до половины оконъ, а иной чуть не совсѣмъ заносило. Тогда, какъ уже прекращался буранъ и выступало солнце, выгоняли насъ большими кучами, а иногда и всѣмъ острогомъ — отгребать сугробы снѣга отъ казенныхъ зданій. Каждому давалась лопата, всѣмъ вмѣстѣ урокъ, иногда такой, что надо было уди-

вляться, какъ можно съ нимъ справиться, и всѣ дружно принимались за дѣло. Рыхлый, только-что слегшійся и слегка примороженный сверху снѣгъ ловко брался лопатой, огромными комками, и разбрасывался кругомъ, еще на воздухѣ обращаясь въ блестящую пыль. Лопата такъ и врѣзалась въ бѣлую, сверкающую на солнцѣ массу. Арестанты почти всегда работали эту работу весело. Свѣжій зимній воздухъ, движеніе разгорячали ихъ. Всѣ становились веселѣе; раздавался хохотъ, вскрикиванья, остроты. Начинали играть въ снѣжки, не безъ того, разумѣется, чтобъ черезъ минуту не закричали благоразумные и негодующіе на смѣхъ и веселость, и всеобщее увлеченіе обыкновенно кончалось руганью.

Мало-по-малу я сталъ распространять и кругъ моего знакомства. Впрочемъ, самъ я не думалъ о знакомствахъ: я все еще былъ неспокоенъ, угрюмъ и недовѣрчивъ. Знакомства мои начались сами собою. Изъ первыхъ сталъ посѣщать меня арестантъ Петровъ. Я говорю *посѣщать* и особенно напираю на это слово. Петровъ жилъ въ особомъ отдѣленіи и въ самой отдаленной отъ меня казармѣ. Связей между нами, повидимому, не могло быть никакихъ; общаго тоже рѣшительно ничего у насъ не было и быть не могло. А между тѣмъ, въ это первое время Петровъ какъ будто обязанностью почиталъ чуть не каждый день заходить ко мнѣ въ казарму или останавливать меня въ шабашное время, когда бывало я хожу за казармами, по возможности подальше отъ всѣхъ глазъ. Мнѣ сначала это было непріятно. Но онъ какъ-то такъ умѣлъ сдѣлать, что вскорѣ его посѣщенія даже стали развлекать меня, несмотря на то, что это былъ вовсе не особенно сообщительный и разговорчивый человѣкъ. Съ виду былъ онъ невысокаго роста, сильнаго сложенія, ловкій, вертлявый, съ довольно пріятнымъ лицомъ, блѣдный, съ широкими скулами, съ смѣлымъ взгля-

домъ, съ бѣлыми, частыми и мелкими зубами и съ вѣчной щепотью тертаго табаку за нижней губой. Класть на губу табакъ было въ обычаѣ у многихъ каторжныхъ. Онъ казался моложе своихъ лѣтъ. Ему было лѣтъ сорокъ, а на видъ только тридцать. Говорилъ онъ со мной всегда чрезвычайно непринужденно, держалъ себя въ высшей степени на равной ногѣ, то-есть чрезвычайно порядочно и деликатно. Если онъ замѣчалъ, напримѣръ, что я ищу уединенія, то, поговоривъ со мной минуты двѣ, тотчасъ же оставлялъ меня и каждый разъ благодарилъ за вниманіе, чего, разумѣется, не дѣлалъ никогда и ни съ кѣмъ изъ всей каторги. Любопытно, что такія же отношенія продолжались между нами не только въ первые дни, но и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду и почти никогда не становились короче, хотя онъ дѣйствительно былъ мнѣ преданъ. Я даже и теперь не могу рѣшить: чего именно ему отъ меня хотѣлось, зачѣмъ онъ лѣзъ ко мнѣ каждый день? Хоть ему и случалось воровать у меня впослѣдствіи, но онъ воровалъ какъ-то *нечаянно;* денегъ же почти никогда у меня не просилъ, слѣдственно приходилъ вовсе не за деньгами или за какимъ-нибудь интересомъ.

Не знаю тоже почему, но мнѣ всегда казалось, что онъ какъ будто вовсе не жилъ вмѣстѣ со мною въ острогѣ, а гдѣ-то далеко въ другомъ домѣ, въ городѣ, и только посѣщалъ острогъ мимоходомъ, чтобъ узнать новости, провѣдать меня, посмотрѣть, какъ мы всѣ живемъ. Всегда онъ куда-то спѣшилъ, точно гдѣ-то кого-то оставилъ и тамъ ждутъ его, точно гдѣ-то что-то не додѣлалъ. А между тѣмъ, какъ будто и не очень суетился. Взглядъ у него тоже былъ какой-то странный: пристальный, съ оттѣнкомъ смѣлости и нѣкоторой насмѣшки, но глядѣлъ онъ какъ-то вдаль, черезъ предметъ; какъ будто изъ-за предмета, бывшаго передъ его носомъ, онъ старался разсмотрѣть какой-то

другой, подальше. Это придавало ему разсѣянный видъ. Я нарочно смотрѣлъ иногда: куда пойдетъ отъ меня Петровъ? Гдѣ это его такъ ждутъ? Но отъ меня онъ торопливо отправлялся куда-нибудь въ казарму или въ кухню, садился тамъ подлѣ кого-нибудь изъ разговаривающихъ, слушалъ внимательно, иногда и самъ вступалъ въ разговоръ, даже очень горячо, а потомъ вдругъ какъ-то оборветъ и замолчитъ. Но говорилъ ли онъ, сидѣлъ ли молча, а все-таки видно было, что онъ такъ только, мимоходомъ, что гдѣ-то тамъ есть дѣло и тамъ ждутъ. Страннѣе всего то, что дѣла у него не было никогда, никакого; жилъ онъ въ совершенной праздности (кромѣ казенныхъ работъ, разумѣется). Мастерства никакого не зналъ, да и денегъ у него почти никогда не водилось. Но онъ и объ деньгахъ немного горевалъ. И объ чемъ онъ говорилъ со мной? Разговоръ его бывалъ такъ же страненъ, какъ и онъ самъ. Увидитъ, напримѣръ, что я хожу гдѣ-нибудь одинъ за острогомъ, и вдругъ круто поворотитъ въ мою сторону. Ходилъ онъ всегда скоро, поворачивалъ всегда круто. Придетъ шагомъ, а кажется, будто онъ подбѣжалъ.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте.

— Я вамъ не помѣшалъ?

— Нѣтъ.

— Я вотъ хотѣлъ васъ про Наполеона спросить. Онъ вѣдь родня тому, что̀ въ двѣнадцатомъ году былъ? (Петровъ былъ изъ кантонистовъ и грамотный.)

— Родня.

— Какой же онъ, говорятъ, президентъ?

Спрашивалъ онъ всегда скоро, отрывисто, какъ будто ему надо было какъ можно поскорѣе объ чемъ-то узнать. Точно онъ справку наводилъ по какому-то очень важному дѣлу, не терпящему ни малѣйшаго отлагательства.

Я объяснилъ, какой онъ президентъ, и прибавилъ, что, можетъ быть, скоро и императоромъ будетъ.

— Это какъ?

Объяснилъ я по возможности и это. Петровъ внимательно слушалъ, совершенно понимая и скоро соображая, даже наклонивъ въ мою сторону ухо.

— Гм. А вотъ я хотѣлъ васъ, Александръ Петровичъ, спросить: правда ли, говорятъ, есть такія обезьяны, у которыхъ руки до пятокъ, а величиной съ самаго высокаго человѣка?

— Да, есть такія.

— Какія же это?

Я объяснилъ, сколько зналъ, и это.

— А гдѣ же онѣ живутъ?

— Въ жаркихъ земляхъ. На островѣ Суматрѣ есть.

— Это въ Америкѣ, что ли? Какъ это говорятъ, будто тамъ люди внизъ головой ходятъ?

— Не внизъ головой. Это вы про антиподовъ спрашиваете. — Я объяснилъ, что̀ такое Америка и, по возможности, что̀ такое антиподы. Онъ слушалъ такъ же внимательно, какъ будто нарочно прибѣжалъ для однихъ антиподовъ.

— А-а! А вотъ я прошлаго года про графиню Лавальеръ читалъ, отъ адъютанта Арефьевъ книжку приносилъ. Такъ это правда, или такъ только — выдумано? Дюма сочиненіе.

— Разумѣется, выдумано.

— Ну, прощайте. Благодарствуйте.

И Петровъ исчезалъ, и въ сущности никогда почти мы не говорили иначе, какъ въ этомъ родѣ.

Я сталъ о немъ справляться. М., узнавши объ этомъ знакомствѣ, даже предостерегалъ меня. Онъ сказалъ мнѣ, что многіе изъ каторжныхъ вселяли въ него ужасъ, особенно сначала, съ первыхъ дней острога, но ни одинъ изъ нихъ, ни даже Газинъ, не произво-

дилъ на него такого впечатлѣнія, какъ этотъ Петровъ.

— Это самый рѣшительный, самый безстрашный изъ всѣхъ каторжныхъ, — говорилъ М. — Онъ на все способенъ; онъ ни передъ чѣмъ не остановится, если ему придетъ капризъ. Онъ и васъ зарѣжетъ, если ему это вздумается, такъ, просто зарѣжетъ, не поморщится и не раскается. Я даже думаю, онъ не въ полномъ умѣ.

Этотъ отзывъ сильно заинтересовалъ меня. Но М. какъ-то не могъ мнѣ дать отчета, почему ему такъ казалось. И странное дѣло: нѣсколько лѣтъ сряду я зналъ потомъ Петрова, почти каждый день говорилъ съ нимъ; все время онъ былъ ко мнѣ искренно привязанъ (хоть и рѣшительно не знаю за что̀), — и во всѣ эти нѣсколько лѣтъ, хотя онъ и жилъ въ острогѣ благоразумно и ровно ничего не сдѣлалъ ужаснаго, но я каждый разъ, глядя на него и разговаривая съ нимъ, убѣждался, что М. былъ правъ и что Петровъ, можетъ быть, самый рѣшительный, безстрашный и не знающій надъ собою никакого принужденія человѣкъ. Почему это такъ мнѣ казалось, — тоже не могу дать отчета.

Замѣчу, впрочемъ, что этотъ Петровъ былъ тотъ самый, который хотѣлъ убить плацъ-майора, когда его позвали къ наказанію и когда майоръ «спасся чудомъ», какъ говорили арестанты, — уѣхавъ передъ самой минутой наказанія. Въ другой разъ, еще до каторги, случилось, что полковникъ ударилъ его на ученіи. Вѣроятно, его и много разъ передъ этимъ били; но въ этотъ разъ онъ не захотѣлъ снести и закололь своего полковника открыто, среди бѣлаго дня, передъ развернутымъ фронтомъ. Впрочемъ, я не знаю въ подробности всей его исторіи; онъ никогда мнѣ ее не разсказывалъ. Конечно, это были только вспышки, когда натура объявлялась вдругъ вся, цѣликомъ. Но

все-таки онѣ были въ немъ очень рѣдки. Онъ, дѣйствительно, былъ благоразуменъ и даже смиренъ. Страсти въ немъ таились, и даже сильныя, жгучія; но горячіе угли были постоянно посыпаны золою и тлѣли тихо. Ни тѣни фанфаронства или тщеславія я никогда не замѣчалъ въ немъ, какъ, напримѣръ, у другихъ. Онъ ссорился рѣдко, за то и ни съ кѣмъ особенно не былъ друженъ, развѣ только съ однимъ Сироткинымъ, да и то когда тотъ былъ ему нуженъ. Разъ, впрочемъ, я видѣлъ, какъ онъ серьезно разсердился. Ему что-то не давали, какую-то вещь, чѣмъ-то обдѣлили его. Спорилъ съ нимъ арестантъ силачъ, высокаго роста, злой, задира, насмѣшникъ и далеко не трусъ, Василій Антоновъ, изъ гражданскаго разряда. Они уже долго кричали, и я думалъ, что дѣло кончится много-много что простыми колотушками, потому что Петровъ, хоть и очень рѣдко, но иногда даже дирался и ругался, какъ самый послѣдній изъ каторжныхъ. Но въ этотъ разъ случилось не то: Петровъ вдругъ поблѣднѣлъ, губы его затряслись и посинѣли; дышать сталъ онъ трудно. Онъ всталъ съ мѣста и медленно, очень медленно, своими неслышными, босыми шагами (лѣтомъ онъ очень любилъ ходить босой) подошелъ къ Антонову. Вдругъ, разомъ во всей шумной и крикливой казармѣ всѣ затихли; муху было бы слышно. Всѣ ждали что будетъ. Антоновъ вскочилъ ему навстрѣчу; на немъ лица не было... Я не вынесъ и вышелъ изъ казармы. Я ждалъ, что еще не успѣю сойти съ крыльца, какъ услышу крикъ зарѣзаннаго человѣка. Но дѣло кончилось ничѣмъ и на этотъ разъ; Антоновъ, не успѣлъ еще Петровъ дойти до него, молча и поскорѣе выкинулъ ему спорную вещь. (Дѣло шло о какой-то самой жалкой ветошкѣ, о какихъ-то подверткахъ). Разумѣется, минуты черезъ двѣ Антоновъ все-таки ругнулъ его помаленьку, для очистки совѣсти и для приличія, чтобъ показать, что не совсѣмъ же онъ такъ

ужъ струсилъ. Но на ругань Петровъ не обратилъ никакого вниманія, даже и не отвѣчалъ: дѣло было не въ ругани и выигралось оно въ его пользу; онъ остался очень доволенъ и взялъ себѣ ветошку. Черезъ четверть часа онъ уже попрежнему слонялся по острогу, съ видомъ совершеннаго бездѣлья и какъ будто искалъ, не заговорятъ ли гдѣ-нибудь и о чемъ-нибудь полюбопытнѣе, чтобъ приткнуть туда и свой носъ и послушать. Его, казалось, все занимало, но какъ-то такъ случалось, что ко всему онъ по большей части оставался равнодушнымъ и только такъ слонялся по острогу безъ дѣла, метало его туда и сюда. Его можно было тоже сравнить съ работникомъ, съ дюжимъ работникомъ, отъ котораго затрещитъ работа, но которому покамѣстъ не даютъ работы, и вотъ онъ въ ожиданіи сидитъ и играетъ съ маленькими дѣтьми. Не понималъ я тоже, зачѣмъ онъ живетъ въ острогѣ, зачѣмъ не бѣжитъ? Онъ не задумался бы бѣжать, если бъ только крѣпко того захотѣлъ. Надъ такими людьми, какъ Петровъ, разсудокъ властвуетъ только до тѣхъ поръ, покамѣстъ они чего не захотятъ. Тутъ ужъ на всей землѣ нѣтъ препятствія ихъ желанію. А я увѣренъ, что онъ бѣжать сумѣлъ бы ловко, надулъ бы всѣхъ, по недѣлѣ могъ бы сидѣть безъ хлѣба гдѣ-нибудь въ лѣсу или въ рѣчномъ камышѣ. Но видно онъ еще не набрелъ на эту мысль и не пожелалъ этого *вполнѣ*. Большого разсужденія, особеннаго здраваго смысла я никогда въ немъ не замѣчалъ. Эти люди такъ и родятся объ одной идеѣ, всю жизнь безсознательно двигающей ихъ туда и сюда; такъ они и мечутся всю жизнь, пока не найдутъ себѣ дѣла вполнѣ по желанію; тутъ ужъ имъ и голова нипочемъ. Удивлялся я иногда, какъ это такой человѣкъ, который зарѣзалъ своего начальника за побои, такъ безпрекословно ложится у насъ подъ розги. Его иногда и сѣкли, когда онъ попадался съ виномъ. Какъ и всѣ каторжные

безъ ремесла, онъ иногда пускался проносить вино. Но онъ и подъ розги ложился какъ будто съ собственнаго согласія, то-есть какъ будто сознавалъ, что за дѣло; въ противномъ случаѣ ни за что бы не легъ, хоть убей. Дивился я на него тоже, когда онъ, несмотря на видимую ко мнѣ привязанность, обкрадывалъ меня. Находило на него это какъ-то полосами. Это онъ укралъ у меня библію, которую я ему далъ только донести изъ одного мѣста въ другое. Дорога была въ нѣсколько шаговъ, но онъ успѣлъ найти по дорогѣ покупщика, продалъ ее и тотчасъ же пропилъ деньги. Вѣрно ужъ очень ему пить захотѣлось, а ужъ что очень захотѣлось, то *должно* быть исполнено. Вотъ такой-то и рѣжетъ человѣка за четвертакъ, чтобъ за этотъ четвертакъ выпить косушку, хотя въ другое время пропуститъ мимо съ сотню тысячъ. Вечеромъ онъ мнѣ самъ и объявилъ о покражѣ, только безъ всякаго смущенія и раскаянья, совершенно равнодушно, какъ о самомъ обыкновенномъ приключеніи. Я было пробовалъ хорошенько его побранить; да и жалко мнѣ было мою библію. Онъ слушалъ не раздражаясь, даже очень смирно; соглашался, что библія очень полезная книга, искренно жалѣлъ, что ея у меня теперь нѣтъ, но вовсе не сожалѣлъ о томъ, что укралъ ее; онъ глядѣлъ съ такою самоувѣренностью, что я тотчасъ же пересталъ браниться. Брань же мою онъ сносилъ, вѣроятно, разсудивъ, что вѣдь нельзя же безъ этого, чтобъ не изругать его за такой поступокъ, такъ ужъ пусть, дескать, душу отведетъ, потѣшится, поругаетъ; но что въ сущности все это вздоръ, такой вздоръ, что серьезному человѣку и говорить-то было бы совѣстно. Мнѣ кажется, онъ вообще считалъ меня какимъ-то ребенкомъ, чуть не младенцемъ, не понимающимъ самыхъ простыхъ вещей на свѣтѣ. Если, напримѣръ, я самъ съ нимъ объ чемъ-нибудь заговаривалъ, кромѣ наукъ и книжекъ, то онъ, правда, мнѣ отвѣчалъ, но какъ буд-

то только изъ учтивости, ограничиваясь самыми короткими отвѣтами. Часто я задавалъ себѣ вопросъ: что̀ ему въ этихъ книжныхъ занятіяхъ, о которыхъ онъ меня обыкновенно разспрашиваетъ? Случалось, что во время этихъ разговоровъ я нѣтъ-нѣтъ, да и посмотрю на него сбоку: ужъ не смѣется ли онъ надо мной? Но нѣтъ; обыкновенно онъ слушалъ серьезно, внимательно, хотя, впрочемъ, не очень, и это послѣднее обстоятельство мнѣ иногда досаждало. Вопросы задавалъ онъ точно, опредѣлительно, но какъ-то не очень дивился полученнымъ отъ меня свѣдѣніямъ и припималъ ихъ даже разсѣянно... Казалось мнѣ еще, что про меня онъ рѣшилъ, не ломая долго головы, что со мною нельзя говорить, какъ съ другими людьми, что кромѣ разговора о книжкахъ я ни о чемъ не пойму и даже не способенъ понять, такъ что и безпокоить меня нечего.

Я увѣренъ, что онъ даже любилъ меня, и это меня очень поражало. Считалъ ли онъ меня недоросшимъ, неполнымъ человѣкомъ, чувствовалъ ли ко мнѣ то особаго рода состраданіе, которое инстинктивно ощущаетъ всякое сильное существо къ другому слабѣйшему, признавъ меня за такое... не знаю. И хоть все это не мѣшало ему меня обворовывать, но, я увѣренъ, и обворовывая онъ жалѣлъ меня. «Эхъ, дескать! — думалъ онъ, можетъ быть, запуская руку въ мое добро, — что жъ это за человѣкъ, который и за добро-то свое постоять не можетъ!» Но за это-то онъ, кажется, и любилъ меня. Онъ мнѣ самъ сказалъ одинъ разъ, какъ-то нечаянно, что я уже «слишкомъ доброй души человѣкъ», и «ужъ такъ вы просты, такъ просты, что даже жалость беретъ. Только вы, Александръ Петровичъ, не примите въ обиду, — прибавилъ онъ черезъ минуту, — я вѣдь такъ отъ души сказалъ.»

Съ этакими людьми случается иногда въ жизни, что они вдругъ рѣзко и крупно проявляются и обозна-

чаются въ минуты какого-нибудь крутого, поголовнаго дѣйствія или переворота, и такимъ образомъ разомъ попадаютъ на свою полную дѣятельность. Они не люди слова и не могутъ былъ зачинщиками и главными предводителями дѣла; но они главные исполнители его и первые начинаютъ. Начинаютъ просто, безъ особыхъ возгласовъ, но зато первые перескакиваютъ черезъ главное препятствіе, не задумавшись, безъ страха, или прямо на всѣ ножи, — и всѣ бросаются за ними и идутъ слѣпо, идутъ до самой послѣдней стѣны, гдѣ обыкновенно и кладутъ свои головы. Я не вѣрю, чтобъ Петровъ хорошо кончилъ; онъ въ какую-нибудь одну минуту все разомъ кончитъ, и если не пропалъ еще до сихъ поръ, значитъ случай его не пришелъ. Кто знаетъ, впрочемъ? Можетъ, и доживетъ до сѣдыхъ волосъ и преспокойно умретъ отъ старости, безъ цѣли слоняясь туда и сюда. Но мнѣ кажется, М. былъ правъ, говоря, что это былъ самый рѣшительный человѣкъ изъ всей каторги.

VIII

Рѣшительные люди — Лучка

Насчетъ рѣшительныхъ трудно сказать; въ каторгѣ, какъ и вездѣ, ихъ было довольно мало. Съ виду, пожалуй, и страшный человѣкъ; сообразишь бывало, что про иного разсказываютъ, и даже сторонишься отъ него. Какое-то безотчетное чувство заставляло меня даже обходить этихъ людей сначала. Потомъ я во многомъ измѣнился въ моемъ взглядѣ даже на самыхъ страшныхъ убійцъ. Иной и не убилъ, да страшнѣе другого, который по шести убійствамъ пришелъ. Объ иныхъ же преступленіяхъ трудно было составить даже самое первоначальное понятіе: до того въ совершеніи ихъ было много страннаго. Я именно потому говорю, что у насъ въ простонародьѣ иныя убійства

происходятъ отъ самыхъ удивительныхъ причинъ. Существуетъ, напримѣръ, и даже очень часто, такой типъ убійцы: живетъ этотъ человѣкъ тихо и смирно. Доля горькая, — терпитъ. Положимъ, онъ мужикъ, дворовый человѣкъ, мѣщанинъ, солдатъ. Вдругъ что-нибудь у него сорвалось: онъ не выдержалъ и пырнулъ ножомъ своего врага и притѣснителя. Тутъ-то и начинается странность: на время человѣкъ вдругъ выскакиваетъ изъ мѣрки. Перваго онъ зарѣзалъ притѣснителя, врага; это хоть и преступо, но понятно; тутъ поводъ былъ; но потомъ ужъ онъ рѣжетъ и не враговъ, рѣжетъ перваго встрѣчнаго и поперечнаго, рѣжетъ для потѣхи, за грубое слово, за взглядъ, для четки, или просто: «прочь съ дороги, не попадайся, я иду!» Точно опьянѣетъ человѣкъ, точно въ горячечномъ бреду. Точно перескочивъ разъ черезъ завѣтную для него черту, онъ уже начинаетъ любоваться на то, что нѣтъ для него больше ничего святого; точно подмываетъ его перескочить разомъ черезъ всякую законность и власть и насладиться самой разнузданной и безпредѣльной свободой, насладиться этимъ замираніемъ сердца отъ ужаса, котораго невозможно, чтобъ онъ самъ къ себѣ не чувствовалъ. Знаетъ онъ къ тому же, что ждетъ его страшная казнь. Все это, можетъ быть, похоже на то ощущеніе, когда человѣкъ съ высокой башни тянется въ глубину, которая подъ ногами, такъ что ужъ самъ, наконецъ, радъ бы броситься внизъ головою: поскорѣй, да и дѣло съ концомъ! И случается это все даже съ самыми смирными и непримѣтными дотолѣ людьми. Иные изъ нихъ въ этомъ чаду даже рисуются собой. Чѣмъ забитѣе былъ онъ прежде, тѣмъ сильнѣе подмываетъ его теперь пощеголять, задать страху. Онъ наслаждается этимъ страхомъ, любитъ самое отвращеніе, которое возбуждаетъ въ другихъ. Онъ напускаетъ на себя какую-то *отчаянность*, и такой «отчаянный» иногда самъ ужъ поскорѣе ждетъ

наказанія, ждетъ, чтобъ *порѣшили* его, потому что самому становится, наконецъ, тяжело носить на себѣ эту напускную *отчаянность*. Любопытно, что большею частью все это настроеніе, весь этотъ напускъ, продолжается ровно вплоть до эшафота, а потомъ какъ отрѣзало: точно и въ самомъ дѣлѣ срокъ какой-то форменный, какъ будто назначенный заранѣе опредѣленными для того правилами. Тутъ человѣкъ вдругъ смиряется, стушевывается, въ тряпку какую-то обращается. На эшафотѣ нюнитъ — проситъ у народа прощенія. Приходитъ въ острогъ, и смотришь: такой слюнявый, такой сопливый, забитый даже, такъ что даже удивляешься на него: «да неужели это тотъ самый, который зарѣзалъ пять-шесть человѣкъ?»

Конечно, иные и въ острогѣ не скоро смиряются. Все еще сохраняется какой-то форсъ, какая-то хвастливость: вотъ, дескать, я вѣдь не то, что вы думаете: я «по шести душамъ». Но кончаетъ тѣмъ, что все-таки смиряется. Иногда только потѣшитъ себя, вспоминая свой удалой размахъ, свой кутежъ, бывшій разъ въ его жизни, когда онъ былъ «отчаяннымъ», и очень любитъ, если только найдетъ простячка, съ приличной важностью передъ нимъ поломаться, похвастаться и разсказать ему свои подвиги, не показывая, впрочемъ, и вида, что ему самому разсказать хочется. Вотъ, дескать, какой я былъ человѣкъ!

И съ какими утонченностями наблюдается эта самолюбивая осторожность, какъ лѣниво небреженъ бываетъ иногда такой разсказъ! Какое изученное фатство проявляется въ тонѣ, въ каждомъ словечкѣ разсказчика. И гдѣ этотъ народъ выучился!

Разъ въ эти первые дни, въ одинъ длинный вечеръ, праздно и тоскливо лежа на нарахъ, я прослушалъ одинъ изъ такихъ разговоровъ, и по неопытности принялъ разсказчика за какого-то колоссальнаго, страшнаго злодѣя, за неслыханный желѣзный харак-

теръ, тогда какъ въ это же время чуть не подшучивалъ надъ Петровымъ. Темой разсказа было, какъ онъ, Лука Кузьмичъ, не для чего иного, какъ единственно для одного своего удовольствія *уложилъ* одного майора. Этотъ Лука Кузьмичъ былъ тотъ самый маленькій, тоненькій, съ востренькимъ носикомъ молоденькій арестантикъ нашей казармы, изъ хохловъ, о которомъ уже какъ-то и упоминалъ я. Былъ онъ въ сущности русскій, а только родился на югѣ, кажется, дворовымъ человѣкомъ. Въ немъ дѣйствительно было что-то вострое, заносчивое: «мала птичка, да ноготокъ востеръ». Но арестанты инстинктивно раскусываютъ человѣка. Его очень немного уважали или, какъ говорятъ въ каторгѣ, «ему очень немного уважали». Онъ былъ ужасно самолюбивъ. Сидѣлъ онъ въ этотъ вечеръ на нарахъ и шилъ рубашку. Шитье бѣлья было его ремесломъ. Подлѣ него сидѣлъ тупой и ограниченный парень, но добрый и ласковый, плотный и высокій, его сосѣдъ по нарамъ, арестантъ Кобылинъ. Лучка, по сосѣдству, часто съ нимъ ссорился и вообще обращался свысока, насмѣшливо и деспотически, чего Кобылинъ отчасти и не замѣчалъ по своему простодушію. Онъ вязалъ шерстяной чулокъ и равнодушно слушалъ Лучку. Тотъ разсказывалъ довольно громко и явственно. Ему хотѣлось, чтобы всѣ его слушали. хотя, напротивъ, и старался дѣлать видъ, что разсказываетъ одному Кобылину.

— Это, братъ, пересылали меня изъ нашего мѣста, — началъ онъ, ковыряя иглой, — въ Ч—въ, по бродяжеству значитъ.

— Это когда же, давно было? — спросилъ Кобылинъ.

— А вотъ горохъ поспѣетъ — другой годъ пойдетъ. Ну, какъ пришли въ К—въ — и посадили меня туда на малое время въ острогъ. Смотрю: сидитъ со мной человѣкъ двѣнадцать, все хохловъ, высокіе, здоро-

вые, дюжіе, точно быки. Да смирные такіе, ѣда плохая; вертитъ ими ихній майоръ, какъ его милости *завгодно* (Лучка нарочно перековеркалъ слово). Сижу день, сижу другой; вижу — трусъ-народъ. Что жъ вы, говорю, такому дураку поблажаете?

— А поди-ка-сь самъ съ нимъ поговори! — даже ухмыляются на меня. Молчу я. И пресмѣшной же тутъ былъ одинъ хохолъ, братцы, — прибавилъ онъ вдругъ, бросая Кобылина и обращаясь ко всѣмъ вообще. — Разсказывалъ, какъ его въ судѣ порѣшили, и какъ онъ съ судомъ разговаривалъ, а самъ заливается-плачетъ; дѣти, говоритъ, у него остались, жена. Самъ матерой такой, сѣдой, толстый. «Я ему, говоритъ, бачу: ни! А винъ, бисовъ сынъ, все пишетъ, все пишетъ. Ну, бачу соби, да щобъ ты здохъ, якъ подавився! А винъ все пишетъ, все пишетъ; да якъ писне!.. Тутъ и пропала моя голова!» Дай-ка, Вася, ниточку; гнилыя каторжныя.

— Базарныя, — отвѣчалъ Вася, подавая нитку.

— Наши швальныя лучше. Анамеднись невалида посылали, и у какой онъ тамъ подлой бабы беретъ! — продолжалъ Лучка, вдѣвая на свѣтъ нитку.

— У кумы значитъ.

— Значитъ у кумы.

— Такъ что же, какъ же майоръ-то? — спросилъ совершенно забытый Кобылинъ.

Того только и было нужно Лучкѣ. Однакожъ, онъ не сейчасъ продолжалъ свой разсказъ, даже какъ будто и вниманія не удостоилъ Кобылина. Спокойно расправилъ нитки, спокойно и лѣниво передернулъ подъ собой ноги и наконецъ-то ужъ заговорилъ:

— Взбудоражилъ, наконецъ, я моихъ хохловъ, потребовали майора. А я еще съ утра у сосѣда жуликъ[1]) спросилъ, взялъ да и спряталъ, значитъ, на всякій

[1]) Ножикъ.

случай. Разсвирѣпѣлъ майоръ. Ѣдетъ. Ну, говорю, не трусить, хохлы! А у нихъ ужъ душа въ пятки ушла; такъ и трясутся. Вбѣжалъ майоръ, пьяный. «Кто здѣсь! Какъ здѣсь! Я царь, я и богъ!»

— Какъ сказалъ онъ: «я царь, я и богъ», я и выдвинулся, — продолжалъ Лучка, — ножъ у меня въ рукавѣ.

— Нѣтъ, говорю, ваше высокоблагородіе, — а самъ помаленьку все ближе да ближе, — нѣтъ, ужъ это какъ же можетъ быть, говорю, ваше высокоблагородіе, чтобъ вы были у насъ царь да и богъ?

— А, такъ это ты, такъ это ты? — закричалъ майоръ, — бунтовщикъ!

— Нѣтъ, говорю (а самъ все ближе да ближе), — нѣтъ, говорю, ваше высокоблагородіе, какъ можетъ извѣстно и вѣдомо вамъ самимъ, Богъ нашъ, всемогущій и вездѣсущій, единъ есть, говорю. И царь нашъ одинъ, надъ всѣми нами Самимъ Богомъ поставленный. Онъ, ваше высокоблагородіе, говорю, монархъ. А вы, говорю, ваше высокоблагородіе, еще только майоръ — начальникъ нашъ, ваше высокоблагородіе, царскою милостью, говорю, и своими заслугами.

— Какъ-какъ-какъ-какъ! — Такъ и закудахталъ, говорить не можетъ, захлебывается. Удивился ужъ очень.

— Да вотъ какъ, — говорю; да какъ кинусь на него вдругъ, да въ самый животъ ему такъ-таки весь ножъ и впустилъ. Ловко пришлось. Покатился, да только ногами задрыгалъ. Я ножъ бросилъ.

— Смотрите, говорю, хохлы, подымайте его теперь!

Здѣсь уже я сдѣлаю одно отступленіе. Къ несчастью, такія выраженія: «я царь, я и богъ» и много другихъ подобныхъ этому были въ немаломъ употребленіи, въ старину, между многими изъ командировъ. Надо, впрочемъ, признаться, что такихъ командировъ

остается уже немного, а можетъ быть, и совсѣмъ перевелись. Замѣчу тоже, что особенно щеголяли и любили щеголять такими выраженіями бо̀льшею частью командиры, сами вышедшіе изъ нижнихъ чиновъ. Офицерскій чинъ какъ будто переворачиваетъ всю ихъ внутренность, а вмѣстѣ и голову. Долго кряхтя подъ лямкой и перейдя всѣ степени подчиненности, они вдругъ видятъ себя офицерами, командирами, благородными, и съ непривычки и перваго упоенія преувеличиваютъ понятіе о своемъ могуществѣ и значеніи; разумѣется, только относительно подчиненныхъ имъ нижнихъ чиновъ. Передъ высшими же они попрежнему въ подобострастіи, совершенно уже ненужномъ и даже противномъ для многихъ начальниковъ. Иные подобострастники даже съ особеннымъ умиленіемъ спѣшатъ заявить передъ своими высшими командирами, что вѣдь они и сами изъ нижнихъ чиновъ, хоть и офицеры, и «свое мѣсто завсегда помнятъ». Но относительно нижнихъ чиновъ они становились чуть не неограниченными повелителями. Конечно, теперь врядъ ли ужъ есть такіе, и врядъ ли найдется такой, чтобъ прокричалъ: «я царь, я и богъ». Но, несмотря на это, я все-таки замѣчу, что ничто такъ не раздражаетъ арестантовъ, да и вообще всѣхъ нижнихъ чиновъ, какъ вотъ этакія выраженія начальниковъ. Эта нахальность самовозвеличенія, это преувеличенное мнѣніе о своей безнаказанности, рождаетъ ненависть въ самомъ покорномъ человѣкѣ и выводитъ его изъ послѣдняго терпѣнія. Къ счастью, все это дѣло почти прошлое, даже и въ старину-то строго преслѣдовалось начальствомъ. Нѣсколько примѣровъ тому и я знаю.

Да и вообще раздражаетъ нижній чинъ всякая свысока небрежность, всякая брезгливость въ обращеніи съ ними. Иные думаютъ, напримѣръ, что если хорошо кормить, хорошо содержать арестанта, все исполнять по закону, такъ и дѣло съ концомъ. Это

тоже заблуженіе. Всякій, кто бы онъ ни былъ и какъ бы онъ ни былъ униженъ, хоть и инстинктивно, хоть безсознательно, а все-таки требуетъ уваженія къ своему человѣческому достоинству. Арестантъ самъ знаетъ, что онъ арестантъ, отверженецъ, и знаетъ свое мѣсто передъ начальникомъ; но никакими клеймами, никакими кандалами не заставишь забыть его, что онъ человѣкъ. А такъ какъ онъ дѣйствительно человѣкъ, то слѣдственно и надо съ нимъ обращаться по-человѣчески. Боже мой! Да *человѣческое* обращеніе можетъ очеловѣчить даже такого, на которомъ давно уже потускнулъ образъ Божій. Съ этими то «несчастными» и надо обращаться наиболѣе по-человѣчески. Это спасеніе и радость ихъ. Я встрѣчалъ такихъ добрыхъ, благородныхъ командировъ. Я видѣлъ дѣйствіе, которое производили они на этихъ униженныхъ. Нѣсколько ласковыхъ словъ — и арестанты чуть не воскресали нравственно. Они какъ дѣти радовались и какъ дѣти начинали любить. Замѣчу еще одну странность; сами арестанты не любятъ слишкомъ фамильярнаго и *слишкомъ* уже добродушнаго съ собой обхожденія начальниковъ. Ему хочется уважать начальника, а тутъ онъ какъ-то перестаетъ его уважать. Арестанту любо, напримѣръ, чтобъ у начальника его были ордена, чтобъ онъ былъ видный собою, въ милости у какого-нибудь высокаго начальника, чтобъ былъ и строгъ, и важенъ, и справедливъ, и достоинство бы свое соблюдалъ. Такихъ арестанты больше любятъ: значитъ и свое достоинство сохранилъ, и ихъ не обидѣлъ, стало быть, и все хорошо и красиво.

. . . .

— Ужъ и жарили жъ тебя, должно быть, за это? — спокойно замѣтилъ Кобылинъ.

— Гм. Жарили-то, братъ, оно правда, что жарили. Алей, дай-ка ножницы! Чтой-то, братцы, сегодня майдана нѣтъ?

— Даве пропились, — замѣтилъ Вася. — Если бъ не пропились, такъ оно, пожалуй, и было бы.

— Если бъ! За если бъ и въ Москвѣ сто рублей даютъ, — замѣтилъ Лучка.

— А сколько тебѣ, Лучка, дали за все про все? — заговорилъ опять Кобылинъ.

— Дали, другъ любезный, сто пять. А что скажу, братцы: вѣдь чуть меня не убили, — подхватилъ Лучка, опять бросая Колыбина. — Вотъ какъ вышли мнѣ эти сто пять, повезли меня въ полномъ парадѣ. А никогда-то до сего я еще плетей не отвѣдывалъ. Народу привалило видимо-невидимо, весь городъ сбѣжался: разбойника наказывать будутъ, убивецъ значитъ. Ужъ и какъ глупъ этотъ народъ, такъ и не знаю какъ и сказать. Тимошка [1]) раздѣлъ, положилъ, кричитъ: поддержись, ожгу! Жду: что будетъ? Какъ онъ мнѣ влѣпилъ разъ, — хотѣлъ было я крикнуть, раскрылъ было ротъ, а крику-то во мнѣ и нѣтъ. Голосъ значитъ остановился. Какъ влѣпитъ два, ну, вѣришь или не вѣришь, я ужъ и не слыхалъ, какъ *два* просчитали. А какъ очнулся, слышу считаютъ: семнадцатый. Такъ меня, братъ, раза четыре потомъ съ кобылы снимали, по получасу отдыхалъ; водой обливали. Гляжу на всѣхъ выпуча глаза, да и думаю: «тутъ же помру»...

— А и не померъ? — наивно спросилъ Кобылинъ.

Лучка обвелъ его въ высочайшей степени презрительнымъ взглядомъ; раздался хохотъ.

— Балясина, какъ есть!

— На чердакѣ нездорово, — замѣтилъ Лучка, точно раскаиваясь, что могъ заговорить съ такимъ человѣкомъ.

— Умомъ значитъ рѣшенъ, — скрѣпилъ Вася.

Лучка хоть и убилъ шесть человѣкъ, но въ острогѣ его никогда и никто не боялся, несмотря на то, что,

---

[1]) **Палачъ.**

может быть, онъ душевно желалъ прослыть страшнымъ человѣкомъ...

IX

Исай Ѳомичъ — Баня — Разсказъ Баклушина

Наступилъ праздникъ Рождества Христова. Арестанты ожидали его съ какою-то торжественностью, и, глядя на нихъ, я тоже сталъ ожидать чего-то необыкновеннаго. Дня за четыре до праздника повели насъ въ баню. Въ мое время, особенно въ первые мои годы, арестантовъ рѣдко водили въ баню. Всѣ обрадовались и начали собираться. Назначено было идти послѣ обѣда и въ эти послѣобѣда уже не было работы. Всѣхъ больше радовался и суетился изъ нашей казармы Исай Ѳомичъ Бумштейнъ, каторжный изъ евреевъ, о которомъ я уже упоминалъ въ четвертой главѣ моего разсказа. Онъ любилъ париться до отупѣнія, до безчувственности, и каждый разъ, когда случается мнѣ теперь, перебирая старыя воспоминанія, вспоминать и о каторжной банѣ (которая стоитъ того, чтобъ объ ней не забыть), то на первый планъ картины тотчасъ же выступаетъ передо мною лицо блаженнѣйшаго и незабвеннаго Исая Ѳомича, товарища моей каторги и сожителя по казармѣ. Господи, что за уморительный и смѣшной былъ этотъ человѣкъ! Я уже сказалъ нѣсколько словъ про его фигурку: лѣтъ пятидесяти, тщедушный, сморщенный, съ ужаснѣйшими клеймами на щекахъ и на лбу, худощавый, слабосильный, съ бѣлымъ цыплячьимъ тѣломъ. Въ выраженіи лица его виднѣлось безпрерывное, ничѣмъ не поколебимое самодовольство и даже блаженство. Кажется, онъ ничуть не сожалѣлъ, что попалъ въ каторгу. Такъ какъ онъ былъ ювелиръ, а ювелира въ городѣ не было, то и работалъ безпрерывно по го-

сподамъ и по начальству города одну ювелирную работу. Ему все-таки хоть сколько-нибудь да платили. Онъ не нуждался, жилъ даже *богато,* но откладывалъ деньги и давалъ подъ закладъ на проценты всей каторгѣ. У него былъ свой самоваръ, хорошій тюфякъ, чашки, весь обѣденный приборъ. Городскіе евреи не оставляли его своимъ знакомствомъ и покровительствомъ. По субботамъ онъ ходилъ подъ конвоемъ въ свою городскую молельню (что дозволяется законами) и жилъ совершенно припѣваючи, съ нетерпѣніемъ, впрочемъ, ожидая выжить свой двѣнадцатилѣтній срокъ, чтобъ «зениться». Въ немъ была самая комическая смѣсь наивности, глупости, хитрости, дерзости, простодушія, робости, хвастливости и нахальства. Мнѣ очень странно было, что каторжные вовсе не смѣялись надъ нимъ, развѣ только подшучивали для забавы. Исай Ѳомичъ, очевидно, служилъ всѣмъ для развлеченія и всегдашней потѣхи. «Онъ у насъ одинъ, не троньте Исая Ѳомича», говорили арестанты, и Исай Ѳомичъ, хотя и понималъ въ чемъ дѣло, но видимо гордился своимъ значеніемъ, что очень тѣшило арестантовъ. Онъ уморительнѣйшимъ образомъ прибылъ въ каторгу (еще до меня, но мнѣ разсказывали). Вдругъ, однажды, передъ вечеромъ, въ шабашное время, распространился въ острогѣ слухъ, что привели жидка и бреютъ въ кордегардіи, и что онъ сейчасъ войдетъ. Изъ евреевъ тогда въ каторгѣ еще ни одного не было. Арестанты ждали его съ нетерпѣніемъ и тотчасъ же обступили, какъ онъ вошелъ въ ворота. Острожный унтеръ-офицеръ провелъ его въ гражданскую казарму и указалъ ему мѣсто на нарахъ. Въ рукахъ у Исая Ѳомича былъ его мѣшокъ съ выданными ему казенными вещами и своими собственными. Онъ положилъ мѣшокъ, взмостился на нары и усѣлся, подобравъ подъ себя ноги, не смѣя ни на кого поднять глаза. Кругомъ него раздавался смѣхъ и острож-

ныя шуточки, имѣвшія въ виду еврейское происхожденіе. Вдругъ сквозь толпу протѣснился молодой арестантъ, неся въ рукахъ самыя старыя, грязныя и разорванныя лѣтнія свои шаровары, съ придачею казенныхъ подвертокъ. Онъ присѣлъ подлѣ Исая Ѳомича и ударилъ его по плечу.

— Ну, другъ любезный, я тебя здѣсь уже шестой годъ поджидаю. Вотъ смотри, много ли дашь?

И онъ разложилъ передъ нимъ принесенныя лохмотья.

Исай Ѳомичъ, который при входѣ въ острогъ сробѣлъ до того, что даже глазъ не смѣлъ поднять на эту толпу насмѣшливыхъ, изуродованныхъ и страшныхъ лицъ, плотно обступившихъ его кругомъ, и отъ робости еще не успѣлъ сказать слова, — увидѣвъ закладъ, вдругъ встрепенулся и бойко началъ перебирать пальцами лохмотья. Даже прикинулъ на свѣтъ. Всѣ ждали, что онъ скажетъ.

— Что жъ, рубля-то серебромъ небось не дашь? А вѣдь стоило бы! — продолжалъ закладчикъ, подмигивая Исаю Ѳомичу.

— Рубля серебромъ нельзя, а семь копеекъ можно.

И вотъ первыя слова, произнесенныя Исаемъ Ѳомичомъ въ острогѣ. Всѣ такъ и покатились со смѣху.

— Семь! Ну давай хоть семь: твое счастье! Смотри жъ, береги закладъ; головой мнѣ за него отвѣчаешь.

— Проценту три копейки, будетъ десять копеекъ, — отрывисто и дрожащимъ голосомъ продолжалъ жидокъ, опуская руку въ карманъ за деньгами и боязливо поглядывая на арестантовъ. Онъ и трусилъ-то ужасно, и дѣло-то ему хотѣлось обдѣлать.

— Въ годъ, что ли, три копейки проценту?

— Нѣтъ, не въ годъ, а въ мѣсяцъ.

— Тугонекъ же ты, жидъ. А какъ тебя величать?

— Исай Ѳомичъ.

— Ну, Исай Ѳомичъ, далеко ты у насъ пойдешь! Прощай.

Исай Ѳомичъ еще разъ осмотрѣлъ закладъ, сложилъ и бережно сунулъ его въ свой мѣшокъ, при продолжавшемся хохотѣ арестантовъ.

Его, дѣйствительно, всѣ какъ будто даже любили и никто не обижалъ, хотя почти всѣ были ему должны. Самъ онъ былъ незлобивъ какъ курица и, видя всеобщее расположеніе къ себѣ, даже куражился, но съ такимъ простодушнымъ комизмомъ, что ему тотчасъ же это прощалось. Лучка, знавшій на своемъ вѣку много жидковъ, часто дразнилъ его и вовсе не изъ злобы, а такъ, для забавы, точно такъ же, какъ забавляются съ собачкой, попугаемъ, учеными звѣрками и проч. Исай Ѳомичъ очень хорошо это зналъ, нисколько не обижался и преловко отшучивался.

— Эй, жидъ, приколочу!

— Ты меня одинъ разъ ударишь, а я тебя десять, — молодцовато отвѣчаетъ Исай Ѳомичъ.

— Пархъ проклятый!

— Нехай буде пархъ.

— Жидъ пархатый!

— Нехай буде такочки. Хоть пархатый, да богатый; гроши ма.

— Христа продалъ.

— Нехай буде такочки.

— Славно, Исай Ѳомичъ, молодецъ! Не троньте его, онъ у насъ одинъ! — кричали съ хохотомъ арестанты.

— Эй жидъ, хватишь кнута, въ Сибирь пойдешь.

— Да я и такъ въ Сибири.

— Еще дальше ушлютъ.

— А что тамъ панъ Богъ есть?

— Да есть-то есть.

— Ну нехай; былъ бы панъ Богъ, да гроши, такъ вездѣ хорошо будетъ.

— Молодецъ Исай Ѳомичъ, видно, что молодецъ! — кричали кругомъ, а Исай Ѳомичъ, хоть и видитъ, что надъ нимъ же смѣются, но бодрится; всеобщія похвалы приносятъ ему видимое удовольствіе, и онъ на всю казарму начинаетъ тоненькимъ дискантомъ пѣть: ля-ля-ля-ля-ля! какой-то нелѣпый и смѣшной мотивъ, единственную пѣсню, безъ словъ, которую онъ пѣлъ въ продолженіе всей каторги. Потомъ, познакомившись ближе со мной, онъ увѣрялъ меня подъ клятвою, что это та самая пѣсня и тотъ самый мотивъ, который пѣли всѣ шестьсотъ тысячъ евреевъ, отъ мала до велика, переходя черезъ Чермное море, и что каждому еврею заповѣдано пѣть этотъ мотивъ въ минуту торжества и побѣды надъ врагами.

Наканунѣ каждой субботы, въ пятницу вечеромъ, въ нашу казарму нарочно ходили изъ другихъ казармъ посмотрѣть, какъ Исай Ѳомичъ будетъ справлять свой шабашъ. Исай Ѳомичъ былъ до того невинно хвастливъ и тщеславенъ, что это общее любопытство доставляло ему тоже удовольствіе. Онъ съ педантскою и выдѣланною важностью накрывалъ въ уголку свой крошечный столикъ, развертывалъ книгу, зажигалъ двѣ свѣчки и, бормоча какія-то сокровенныя слова, начиналъ облачаться въ свою ризу (*рижу*, какъ онъ выговаривалъ). Это была пестрая накидка изъ шерстяной матеріи, которую онъ тщательно хранилъ въ своемъ сундукѣ. На обѣ руки онъ навязывалъ наручники, а на головѣ, на самомъ лбу, прикрѣплялъ перевязкой какой-то деревянный ящичекъ, такъ что, казалось, изо лба Исая Ѳомича выходилъ какой-то смѣшной рогъ. Затѣмъ начиналась молитва. Читалъ онъ ее нараспѣвъ, кричалъ, отплевывался, оборачивался кругомъ, дѣлалъ дикіе и смѣшные жесты. Конечно, все это было предписано обрядами молитвы и въ этомъ ничего не было смѣшного и страннаго, но смѣшно было то, что Исай Ѳомичъ какъ бы нарочно рисовался передъ нами и

щеголялъ своими обрядами. То вдругъ закроетъ руками голову и начинаетъ читать навзрыдъ. Рыданья усиливаются, и онъ въ изнеможеніи и чуть не съ воемъ склоняетъ на книгу свою голову, увѣнчанную ковчегомъ; но вдругъ, среди сильныхъ рыданій, онъ начинаетъ хохотать и причитывать нараспѣвъ какимъ-то умиленно-торжественнымъ, какимъ-то разслабленнымъ отъ избытка счастья голосомъ. «Ишь его разбираетъ!» говорятъ, бывало, арестанты. Я спрашивалъ однажды Исая Ѳомича: что значатъ эти рыданія, и потомъ вдругъ эти торжественные переходы къ счастью и блаженству? Исай Ѳомичъ ужасно любилъ эти разспросы отъ меня. Онъ немедленно объяснилъ мнѣ, что плачъ и рыданія означаютъ мысль о потерѣ Іерусалима, и что законъ предписываетъ при этой мысли, какъ можно сильнѣе, рыдать и бить себя въ грудь. Но что въ минуту самыхъ сильныхъ рыданій онъ, Исай Ѳомичъ, *долженъ вдругъ*, какъ бы невзначай, вспомнить (это *вдругъ* тоже предписано закономъ), что есть пророчество о возвращеніи евреевъ въ Іерусалимъ. Тутъ онъ долженъ немедленно разразиться радостью, пѣснями, хохотомъ и приговаривать молитвы такъ, чтобы самымъ голосомъ выразить какъ можно болѣе счастья, а лицомъ какъ можно больше торжественности и благородства. Этотъ переходъ *вдругъ* и непремѣнная обязанность этого перехода чрезвычайно нравились Исаю Ѳомичу: онъ видѣлъ въ этомъ какой-то особенный, прехитрый кунштюкъ, и съ хвастливымъ видомъ передавалъ мнѣ это замысловатое правило закона. Разъ, во время самаго разгара молитвы, въ комнату вошелъ плацъ-майоръ, въ сопровожденіи караульнаго офицера и конвойныхъ. Всѣ арестанты вытянулись въ струнку у своихъ наръ, одинъ только Исай Ѳомичъ еще болѣе началъ кричать и кривляться. Онъ зналъ, что молитва дозволена, прерывать ее нельзя было, и, крича передъ майоромъ, не рисковалъ, разумѣется, ничѣмъ.

му чрезвычайно пріятно было поломаться передъ майоромъ и порисоваться передъ нами. Майоръ подошелъ къ нему на одинъ шагъ разстоянія: Исай Θомичъ оборотился задомъ къ своему столику и прямо, въ лицо майору, началъ читать нараспѣвъ свое торжественное пророчество, размахивая руками. Такъ какъ ему предписывалось и въ эту минуту выражать въ своемъ лицѣ чрезвычайно много счастья и благородства, то онъ и сдѣлалъ это немедленно, какъ-то особенно сощуривъ глаза, смѣясь и кивая на майора головой. Майоръ удивился; но, наконецъ, фыркнулъ отъ смѣха, назвалъ его тутъ же въ глаза дуракомъ и пошелъ прочь, а Исай Θомичъ еще болѣе усилилъ свои крики. Черезъ часъ, когда ужъ онъ ужиналъ, я спросилъ его: а что если бъ плацъ-майоръ, по глупости своей, на васъ разсердился?

— Какой плацъ-майоръ?

— Какъ какой? Да развѣ вы не видали?

— Нѣтъ.

— Да вѣдь онъ стоялъ на одинъ аршинъ передъ вами, прямо передъ вашимъ лицомъ.

Но Исай Θомичъ серьезнѣйшимъ образомъ началъ увѣрять меня, что не видалъ рѣшительно никакого майора, что въ это время, при этихъ молитвахъ, онъ впадаетъ въ какой-то экстазъ, такъ что ничего ужъ не видитъ и не слышитъ, что кругомъ его происходитъ.

Какъ теперь вижу Исая Θомича, когда онъ въ субботу слоняется, бывало, безъ дѣла по всему острогу, всѣми силами стараясь ничего не дѣлать, какъ это предписано въ субботу по закону. Какіе невозможные анекдоты разсказывалъ онъ мнѣ каждый разъ, когда приходилъ изъ своей молельни; какія ни на что непохожія извѣстія и слухи изъ Петербурга приносилъ мнѣ, увѣряя, что получилъ ихъ отъ своихъ жидковъ, а тѣ изъ первыхъ рукъ.

нѣе шести гривенъ серебромъ, а между тѣмъ каждый арестантъ заводитъ ихъ себѣ, на свой счетъ, разумѣется, потому что безъ подкандальниковъ невозможно ходить. Кандальное кольцо не плотно охватываетъ ногу, и между кольцомъ и ногой можетъ пройти палецъ; такимъ образомъ желѣзо бьетъ по ногѣ, третъ ее, и въ одинъ день арестантъ безъ подкандальниковъ успѣлъ бы натереть себѣ раны. Но снять подкандальники еще не трудно. Труднѣе научиться ловко снимать изъ-подъ кандаловъ бѣлье. Это цѣлый фокусъ. Снявъ нижнее бѣлье, положимъ, хоть съ лѣвой ноги, нужно пропустить его сначала между ногой и кандальнымъ кольцомъ; потомъ, освободивъ ногу, продѣть это бѣлье назадъ сквозь то же кольцо; потомъ все, уже снятое съ лѣвой ноги, продернуть сквозь кольцо на правой ногѣ; а затѣмъ все продѣтое сквозь правое кольцо опять продѣть къ себѣ обратно. Такая же исторія и съ надѣваніемъ новаго бѣлья. Новичку даже трудно и догадаться, какъ это дѣлается; первый выучилъ насъ всему этому арестантъ Кореневъ, въ Тобольскѣ, бывшій атаманъ разбойниковъ, просидѣвшій пять лѣтъ на цѣпи. Но арестанты привыкли и обходятся безъ малѣйшаго затрудненія. Я далъ Петрову нѣсколько копеекъ, чтобъ запастись мыломъ и мочалкой; арестантамъ выдавалось, правда, и казенное мыло, на каждаго по кусочку, величиною съ двукопеечникъ, а толщиною съ ломтикъ сыра, подаваемаго по вечерамъ на закуску у «средняго рода» людей. Мыло продавалось тутъ же, въ предбанникѣ, вмѣстѣ съ сбитнемъ, калачами и горячей водой. На каждаго арестанта отпускалось, по условію съ хозяиномъ бани, только по одной шайкѣ горячей воды; кто же хотѣлъ обмыться почище, тотъ за грошъ могъ получить и другую шайку, которая и передавалась въ самую баню, черезъ особо устроенное для того окошко изъ предбанника. Раздѣвъ, Петровъ повелъ меня даже подъ

Но я слишкомъ ужъ много разговорился объ Исаѣ Ѳомичѣ.

Во всемъ городѣ были только двѣ публичныя бани. Первая, которую содержалъ одинъ еврей, была номерная, съ платою по 50 копеекъ за номеръ и устроенная для лицъ высокаго полета. Другая же баня была по преимуществу простонародная, ветхая, грязная, тѣсная, и вотъ въ эту-то баню и повели нашъ острогъ. Было морозно и солнечно; арестанты радовались уже тому, что выйдутъ изъ крѣпости и посмотрятъ на городъ. Шутки, смѣхъ не умолкали дорогою. Цѣлый взводъ солдатъ провожалъ насъ съ заряженными ружьями, на диво всему городу. Въ банѣ тотчасъ же раздѣлили насъ на двѣ смѣны; вторая дожидалась въ холодномъ передбанникѣ, покамѣстъ первая смѣна мылась, что̀ необходимо было сдѣлать за тѣснотою бани. Но несмотря на то, баня была до того тѣсна, что трудно было представить, какъ и половина-то нашихъ могла въ ней умѣститься. Но Петровъ не отставалъ отъ меня; онъ самъ безъ моего приглашенія подскочилъ помогать мнѣ и даже предложилъ меня вымыть. Вмѣстѣ съ Петровымъ вызвался прислуживать мнѣ и Баклушинъ, арестантъ изъ особаго отдѣленія, котораго звали у насъ піонеромъ и о которомъ какъ-то я поминалъ, какъ о веселѣйшемъ и милѣйшемъ изъ арестантовъ, какимъ и былъ въ самомъ дѣлѣ. Мы съ нимъ уже слегка познакомились. Петровъ помогъ мнѣ даже раздѣваться, потому что по непривычкѣ я раздѣвался долго, а въ передбанникѣ было холодно, чуть ли не такъ же, какъ на дворѣ. Кстати: арестанту очень трудно раздѣваться, если онъ еще не совсѣмъ научился. Во-первыхъ, нужно умѣть скоро расшнуровывать подкандальники. Эти подкандальники дѣлаются изъ кожи, вершка въ четыре длиною, и надѣваются на бѣлье, прямо подъ желѣзное кольцо, охватывающее ногу. Пара подкандальниковъ сто̀итъ не ме-

руку, замѣтивъ, что мнѣ очень трудно ступать въ кандалахъ. «Вы ихъ кверху потяните, на икры, — приговаривалъ онъ, поддерживая меня, точно дядька: — а вотъ тутъ осторожнѣе, тутъ порогъ». Мнѣ даже нѣсколько совѣстно было: хотѣлось увѣрить Петрова, что я одинъ умѣю пройти; но онъ этому бы не повѣрилъ. Онъ обращался со мной рѣшительно какъ съ ребенкомъ, несовершеннолѣтнимъ и неумѣлымъ, которому всякій обязанъ помочь. Петровъ былъ отнюдь не слуга, прежде всего не слуга; разобидь я его, онъ бы зналъ, какъ со мной поступить. Денегъ за услуги я ему вовсе не обѣщалъ, да онъ и самъ не просилъ. Что жъ побуждало его такъ ходить за мной?

Когда мы растворили дверь въ самую баню, я думалъ, что мы вошли въ адъ. Представьте себѣ комнату шаговъ въ двѣнадцать длиною и такой же ширины, въ которую набилось, можетъ быть, до ста человѣкъ разомъ, и ужъ, по крайней мѣрѣ, навѣрно, восемьдесятъ, потому что арестанты раздѣлены были всего на двѣ смѣны, а всѣхъ насъ пришло въ баню до двухсотъ человѣкъ. Паръ, застилающій глаза, копоть, грязь, тѣснота до такой степени, что негдѣ поставить ногу. Я испугался и хотѣлъ вернуться назадъ, но Петровъ тотчасъ же ободрилъ меня. Кое-какъ, съ величайшими затрудненіями, протѣснились мы до лавокъ черезъ головы разсѣвшихся на полу людей, прося ихъ нагнуться, чтобъ намъ можно было пройти. Но мѣста на лавкахъ всѣ были заняты. Петровъ объявилъ мнѣ, что надо купить мѣсто, и тотчасъ же вступилъ въ торгъ съ арестантомъ, помѣстившимся у окошка. За копейку тотъ уступилъ свое мѣсто, немедленно получилъ отъ Петрова деньги, которыя тотъ несъ, зажавъ въ кулакѣ, предусмотрительно взявъ ихъ съ собою въ баню, и тотчасъ же юркнулъ подъ лавку, прямо подъ мое мѣсто, гдѣ было темно, грязно и гдѣ липкая сырость наросла вездѣ чуть не на полпальца.

Но мѣста и подъ лавками были всѣ заняты; тамъ тоже копошился народъ. На всемъ полу не было мѣстечка въ ладонь, гдѣ бы не сидѣли скрючившись арестанты, плескаясь изъ своихъ шаекъ. Другіе стояли между нихъ торчкомъ и, держа въ рукахъ свои шайки, мылись стоя; грязная вода стекала съ нихъ прямо на бритыя головы сидѣвшихъ внизу. На полкѣ и на всѣхъ уступахъ, ведущихъ къ нему, сидѣли, съежившись и скрючившись, мывшіеся. Но мылись мало. Простолюдины мало моются горячей водой и мыломъ; они только страшно парятся и потомъ обливаются холодной водой, — вотъ и вся баня. Вѣниковъ пятьдесятъ на полкѣ подымалось и опускалось разомъ; всѣ хлестались до опьянѣнія. Пару поддавали поминутно. Это былъ ужъ не жаръ; это было пекло. Все орало и гоготало, при звукѣ ста цѣпей, волочившихся по полу... Иные, желая пройти, запутывались въ чужихъ цѣпяхъ и сами задѣвали по головамъ сидѣвшихъ ниже, падали, ругались и увлекали за собой задѣтыхъ. Грязь лилась со всѣхъ сторонъ. Всѣ были въ какомъ-то опьянѣломъ, въ какомъ-то возбужденномъ состояніи духа; раздавались визги и крики. У окошка въ передбанникѣ, откуда подавали воду, шла ругань, тѣснота, цѣлая свалка. Полученная горячая вода расплескивалась на головы сидѣвшихъ на полу, прежде чѣмъ ее доносили до мѣста. Нѣтъ-нѣтъ, а въ окно или въ пріотворенную дверь взглянетъ усатое лицо солдата, съ ружьемъ въ рукѣ, высматривающаго, нѣтъ ли безпорядковъ. Обритыя головы и распаренныя докрасна тѣла арестантовъ казались еще уродливѣе. На распаренной спинѣ обыкновенно ярко выступаютъ рубцы отъ полученныхъ когда-то ударовъ плетей и палокъ, такъ что теперь всѣ эти спины казались вновь израненными. Страшные рубцы! У меня морозъ прошелъ по кожѣ, смотря на нихъ. Поддадутъ — и паръ застелетъ густымъ, горячимъ облакомъ всю баню; все

загогочетъ, закричитъ. Изъ облака пара замелькаютъ избитыя спины, бритыя головы, скрюченныя руки, ноги; а въ довершеніе, Исай Ѳомичъ гогочетъ во все горло, на самой высокой полкѣ. Онъ парится до безпамятства, но, кажется, никакой жаръ не можетъ насытить его; за копейку онъ нанимаетъ парильщика, но тотъ, наконецъ, не выдерживаетъ, бросаетъ вѣникъ и бѣжитъ отливаться холодной водой. Исай Ѳомичъ не унываетъ и нанимаетъ другого, третьяго; онъ уже рѣшается для такого случая не смотрѣть на издержки и смѣняетъ до пяти парильщиковъ. «Здоровъ париться, молодецъ Исай Ѳомичъ!» — кричатъ ему снизу арестанты. Исай Ѳомичъ чувствуетъ, что въ эту минуту онъ выше всѣхъ и заткнулъ всѣхъ за поясъ; онъ торжествуетъ, и рѣзкимъ, сумасшедшимъ голосомъ выкрикиваетъ свою арію: ля-ля-ля-ля-ля, покрывающую всѣ голоса. Мнѣ пришло на умъ, что если всѣ мы вмѣстѣ будемъ когда-нибудь въ пеклѣ, то очень будетъ похоже на это мѣсто. Я не утерпѣлъ, чтобъ не сообщить эту догадку Петрову; онъ только поглядѣлъ кругомъ и промолчалъ.

Я было хотѣлъ и ему купить мѣсто подлѣ меня; но онъ усѣлся у моихъ ногъ и объявилъ, что ему очень ловко. Баклушинъ между тѣмъ покупалъ намъ воду и подносилъ ее по мѣрѣ надобности. Петровъ объявилъ, что вымоетъ меня съ ногъ до головы, такъ что «будете совсѣмъ чистенькіе», и усиленно звалъ меня париться. Париться я не рискнулъ. Петровъ вытеръ меня всего мыломъ. «А теперь я вамъ *ножки* вымою», — прибавилъ онъ въ заключеніе. Я было хотѣлъ отвѣчать, что могу вымыть и самъ, но ужъ не противорѣчилъ ему и совершенно отдался въ его волю. Въ уменьшительномъ «ножки» рѣшительно не звучало ни одной нотки рабской; просто-запросто Петровъ не могъ назвать моихъ ногъ ногами, вѣроятно, потому, что у другихъ, у настоящихъ людей — ноги, а у меня еще только ножки.

Вымывъ меня, онъ съ такими же церемоніями, то-есть съ поддержками и съ предостереженіями на каждомъ шагу, точно я былъ фарфоровый, доставилъ меня въ передбанникъ и помогъ надѣть бѣлье, и уже когда совершенно кончилъ со мной, бросился назадъ въ баню, париться.

Когда мы пришли домой, я предложилъ ему стаканъ чаю. Отъ чаю онъ не отказался, выпилъ и поблагодарилъ. Мнѣ пришло въ голову раскошелиться и попотчевать его косушкой. Косушка нашлась и въ нашей казармѣ. Петровъ былъ отмѣнно доволенъ, выпилъ, крякнулъ и, замѣтивъ мнѣ, что я совершенно оживилъ его, поспѣшно отправился въ кухню, какъ будто тамъ безъ него чего-то никакъ не могли рѣшить. Вмѣсто него ко мнѣ явился другой собесѣдникъ, Баклушинъ (піонеръ), котораго я еще въ банѣ тоже позвалъ къ себѣ на чай.

Я не знаю характера милѣе Баклушина. Правда, онъ не давалъ спуску другимъ, онъ даже часто ссорился, не любилъ, чтобъ вмѣшивались въ его дѣла, — однимъ словомъ, умѣлъ за себя постоять. Но онъ ссорился ненадолго, и, кажется, всѣ у насъ его любили. Куда онъ ни входилъ, всѣ встрѣчали его съ удовольствіемъ. Его знали даже въ городѣ, какъ забавнѣйшаго человѣка въ мірѣ и никогда не теряющаго своей веселости. Это былъ высокій парень, лѣтъ тридцати, съ молодцоватымъ и простодушнымъ лицомъ, довольно красивымъ, и съ бородавкой. Это лицо онъ коверкалъ иногда такъ уморительно, представляя встрѣчныхъ и поперечныхъ, что окружавшіе его не могли не хохотать. Онъ былъ тоже изъ шутниковъ; но не давалъ потачки нашимъ брезгливымъ ненавистникамъ смѣха, такъ что его ужъ никто не ругалъ за то, что онъ «пустой и безполезный» человѣкъ. Онъ былъ полонъ огня и жизни. Познакомился онъ со мной еще съ первыхъ дней и объявилъ мнѣ, что онъ изъ кантони-

стовъ, служилъ потомъ въ піонерахъ и былъ даже замѣченъ и любимъ нѣкоторыми высокими лицами, чѣмъ, по старой памяти, очень гордился. Меня онъ тотчасъ же сталъ разспрашивать о Петербургѣ. Онъ даже и книжки читалъ. Придя ко мнѣ на чай, онъ сначала разсмѣшилъ всю казарму, разсказавъ, какъ поручикъ Ш. отдѣлалъ утромъ нашего плацъ-майора и, сѣвъ подлѣ меня, съ довольнымъ видомъ объявилъ мнѣ, что, кажется, театръ состоится. Въ острогѣ затѣвался театръ на праздникахъ. Объявились актеры, устраивались помаленьку декораціи. Нѣкоторые изъ города обѣщались дать свои платья для актерскихъ ролей, даже для женскихъ; даже, черезъ посредство одного денщика, надѣялись достать офицерскій костюмъ съ эксельбантами. Только бы плацъ-майоръ не вздумалъ запретить, какъ прошлаго года. Но прошлаго года на Рождествѣ майоръ былъ не въ духѣ: гдѣ-то проигрался, да въ острогѣ къ тому же нашалили, вотъ онъ и запретилъ со зла, теперь, можетъ быть, не захочетъ стѣснять. Однимъ словомъ, Баклушинъ былъ въ возбужденномъ состояніи. Видно было, что онъ одинъ изъ главныхъ зачинщиковъ театра, и я тогда же далъ себѣ слово побывать непремѣнно на этомъ представленіи. Простодушная радость Баклушина объ удачѣ театра была мнѣ по сердцу. Слово за слово и мы разговорились. Между прочимъ онъ сказалъ мнѣ, что не все служилъ въ Петербургѣ; что онъ тамъ въ чемъ-то провинился и его послали въ Р., впрочемъ, унтеръ-офицеромъ, въ гарнизонный баталіонъ.

— Вотъ оттуда-то меня ужъ и прислали сюда, — замѣтилъ Баклушинъ.

— Да за что же это? — спросилъ я его.

— За что̀? Какъ вы думаете, Александръ Петровичъ, за что̀? Вѣдь за то, что влюбился!

— Ну, за это еще не пришлютъ сюда, — возразилъ я, смѣясь.

— Правда, — прибавилъ Баклушинъ, — правда, что я при этомъ же дѣлѣ одного тамошняго нѣмца изъ пистолета подстрѣлилъ. Да вѣдь стоитъ ли ссылать изъ-за нѣмца, посудите сами!

— Однакожъ какъ же это? Разскажите, это любопытно.

— Пресмѣшная исторія, Александръ Петровичъ.

— Такъ тѣмъ лучше. Разсказывайте.

— Аль разсказать? Ну, такъ ужъ слушайте...

Я выслушалъ хоть не совсѣмъ смѣшную, но зато довольно странную исторію одного убійства...

«— Дѣло было вотъ какъ, — началъ Баклушинъ. — Какъ послали это они меня въ Р., вижу городъ — хорошій, большой, только нѣмцевъ много. Ну, я, разумѣется, еще молодой человѣкъ, у начальства на хорошемъ счету, хожу себѣ шапку набекрень, время провожу значитъ. Нѣмкамъ подмигиваю. И понравилась тутъ мнѣ одна нѣмочка, Луиза. Онѣ были обѣ прачки, для самаго ни на есть чистаго бѣлья, она и ея тетка. Тетка-то старая, фуфырная такая, и живутъ зажиточно. Я сначала мимо оконъ концы давалъ, а потомъ и настоящую дружбу свелъ. Луиза и по-русски говорила хорошо, а только такъ, какъ будто картавила, — этакая-то есть милушка, что я и не встрѣчалъ еще такой никогда. Я было сначала того да сего, а она мнѣ: «нѣтъ, этого не моги, Саша, потому я хочу всю невинность свою сохранить, чтобъ тебѣ же достойной женой быть», и только ласкается, смѣется таково звонко... да чистенькая такая была, я ужъ и не видалъ такихъ кромѣ нея. Сама же взманила меня жениться. Ну, какъ не жениться, подумайте? Вотъ я готовлюсь съ просьбой идти къ подполковнику... Вдругъ смотрю — Луиза разъ на свиданіе не вышла, другой не пришла, на третій не бывала... Я письмо отправляю; на письмо нѣтъ отвѣту. Что жъ это, думаю? То-есть кабы обманывала она меня, такъ ухитрилась бы,

и на письмо бы отвѣчала и на свиданіе бы приходила. А она и солгать-то не сумѣла; такъ просто отрѣзала. Это тетка, думаю. Къ теткѣ я ходить не смѣлъ; она хоть и знала, а мы все-таки подъ видомъ дѣлали, то-есть тихими стопами. Я какъ угорѣлый хожу, написалъ послѣднее письмо и говорю: коль не придешь, самъ къ теткѣ приду. Испугалась, пришла. Плачетъ; говоритъ, одинъ нѣмецъ, Шульцъ, дальній ихъ родственникъ, часовщикъ, богатый и ужъ пожилой, изъявилъ желаніе на ней жениться, — чтобъ, говоритъ, и меня осчастливить, и самому на старости безъ жены не остаться; да и любилъ онъ меня, говоритъ, и давно ужъ намѣреніе это держалъ, да все молчалъ, собирался. Такъ вотъ, говоритъ, Саша, онъ богатый, и это для меня счастье; такъ неужели жъ ты меня моего счастья хочешь лишить? Я смотрю: она плачетъ, меня обнимаетъ... Эхъ, думаю, вѣдь резонъ же она говоритъ! Ну, что̀ толку за солдата выйти, хотя бъ я и унтеръ? — Ну, говорю, Луиза, прощай, Богъ съ тобой; нечего мнѣ тебя твоего счастья лишать. А что онъ, хорошъ? — Нѣтъ, говоритъ, пожилой такой, съ длиннымъ носомъ... даже сама разсмѣялась. Ушелъ я отъ нея; что жъ, думаю, не судьба! На другое это утро пошелъ я подъ его магазинъ, улицу-то она мнѣ сказала. Смотрю въ стекло — сидитъ нѣмецъ, часы дѣлаетъ, этакъ сорока пяти, носъ горбатый, глаза выпучены, во фракѣ и въ стоячихъ воротничкахъ, этакихъ длинныхъ, важный такой. Я такъ и плюнулъ; хотѣлъ было у него тутъ же стекло разбить... да что̀, думаю! Нечего трогать, пропало, какъ съ возу упало! Пришелъ въ сумерки въ казарму, легъ на койку, и вотъ, вѣрите ли, Александръ Петровичъ, какъ заплачу...

«Ну, проходитъ этакъ день, другой, третій. Съ Луизой не вижусь. А межъ тѣмъ услыхалъ отъ одной кумы (старая была, тоже прачка, къ которой Луиза иногда хаживала), что нѣмецъ про нашу любовь зна-

етъ, потому и рѣшилъ поскорѣй свататься. А то бы еще года два поджидалъ. Съ Луизы будто бы онъ клятву такую взялъ, что она меня знать не будетъ; и что будто онъ ихъ, и тетку, и Луизу, покудова еще въ черномъ тѣлѣ держитъ; что, можетъ, дескать, еще и раздумаетъ, а что совсѣмъ-то еще и теперь не рѣшился. Сказала она мнѣ тоже, что послѣзавтра, въ воскресенье, онъ ихъ обѣихъ утромъ на кофе звалъ и что будетъ еще одинъ родственникъ, старикъ, прежде былъ купецъ, а теперь бѣдный-пребѣдный, гдѣ-то въ подвалѣ надсмотрщикомъ служитъ. Какъ узналъ я, что въ воскресенье они, можетъ быть, все дѣло рѣшатъ, такъ меня зло взяло, что и съ собой совладать не могу. И весь этотъ день и весь слѣдующій только и дѣлалъ, что объ этомъ думалъ. Такъ бы и съѣлъ этого нѣмца, думаю.

«Въ воскресенье утромъ, еще я ничего не зналъ, а какъ обѣдни отошли, — вскочилъ, натянулъ шинель да и отправился къ нѣмцу. Думалъ я ихъ всѣхъ застать. И почему я отправился къ нѣмцу, и что тамъ хотѣлъ сказать — самъ не знаю. А на всякій случай пистолетъ въ карманъ сунулъ. Былъ у меня этотъ пистолетишка такъ, дрянной, съ прежнимъ куркомъ; еще мальчишкой я изъ него стрѣлялъ. Изъ него и стрѣлять-то нельзя ужъ было. Однакожъ я его пулей зарядилъ; думаю, станутъ выгонять, грубить; я пистолетъ выну и ихъ всѣхъ напугаю. Прихожу. Въ мастерской никого нѣтъ, а сидятъ всѣ въ задней комнатѣ. Окромя ихъ ни души, прислуги никакой. У него всего-то прислуги одна нѣмка была, она жъ и кухарка. Я прошелъ магазинъ; вижу, дверь туда заперта, да старая этакая, дверь на крючкѣ. Сердце у меня бьется, я остановился, слушаю: говорятъ по-нѣмецки. Я какъ толкну ногой изъ всей силы, дверь тотчасъ и растворилась. Смотрю: столъ накрытъ. На столѣ большой кофейникъ и кофей на спиртѣ кипитъ. Сухари

стоитъ; на другомъ подносѣ графинъ водки, селедка и колбаса, и еще бутылка вина какого-то. Луиза и тетка, обѣ разодѣтыя, на диванѣ сидятъ. Противъ нихъ на стулѣ самъ нѣмецъ, женихъ, причесанный, во фракѣ и въ воротничкахъ, такъ и торчатъ впередъ. А сбоку на стулѣ еще нѣмецъ сидитъ, старикъ ужъ, толстый, сѣдой и молчитъ. Какъ вошелъ я, Луиза такъ и поблѣднѣла. Тетка было привскочила да и сѣла, а нѣмецъ нахмурился. Такой сердитый; всталъ и навстрѣчу:

«— Что вамъ, говоритъ, угодно?

«Я было сконфузился, да злость ужъ меня сильно взяла.

«— Чего, говорю, угодно! А ты гостя принимай, водкой потчуй. Я къ тебѣ въ гости пришелъ.

«Нѣмецъ подумалъ и говоритъ: Садитъ-съ.

«Сѣлъ я. — Давай же, говорю, водки-то.

«— Вотъ, говоритъ, водка; пейте, пожалуйста.

«— Да ты мнѣ, говорю, хорошей водки давай. — Злость-то, значитъ, меня ужъ очень беретъ.

«— Это хорошая водка.

«Обидно мнѣ стало, что ужъ слишкомъ онъ такъ меня низко ставитъ. А всего пуще, что Луиза смотритъ. Выпилъ я, да и говорю:

«— Да ты что жъ такъ грубить началъ, нѣмецъ? Ты со мною подружись. Я по дружбѣ къ тебѣ пришелъ.

«— Я не могу быть вашъ другъ, говоритъ: ви простой солдатъ.

«Ну, тутъ я и взбѣсился.

«— Ахъ ты чучела, говорю, колбасникъ! Да знаешь ли ты, что отъ сей минуты я все, что хочу, съ тобой могу сдѣлать? Вотъ хочешь, изъ пистолета тебя застрѣлю?

«Вынулъ я пистолетъ, всталъ передъ нимъ, да и наставилъ ему дуло прямо въ голову, въ упоръ. Тѣ

сидятъ ни живы ни мертвы; пикнуть боятся: а старикъ, такъ тотъ какъ листъ трясется, молчитъ, поблѣднѣлъ весь.

«Нѣмецъ удивился, однакожъ опомнился.

«— Я васъ не боюсь, говоритъ, и прошу васъ, какъ благородный человѣкъ, вашу шутку сейчасъ оставить, а я васъ совсѣмъ не боюсь.

«— Ой врешь, говорю, боишься! — А чего! Самъ головы изъ-подъ пистолета пошевелить не смѣетъ; такъ и сидитъ.

«— Нѣтъ, говоритъ, ви это никакъ не смѣетъ сдѣлать.

«— Да почему жъ, говорю, не смѣетъ-то?

«— А потому, говоритъ, что это вамъ строго запрещено и васъ строго наказывать за это будутъ.

«То-есть чортъ этого дурака нѣмца знаетъ! Не поджегъ бы онъ меня самъ, былъ бы живъ до сихъ поръ; за споромъ только и стало дѣло.

«— Такъ не смѣю, говорю, по-твоему?

«— Нѣт-тъ!

«— Не смѣю?

«— Ви это совершенно не смѣйтъ со мной сдѣлать . . .

«— Ну такъ вотъ же тебѣ, колбаса! — Да какъ цапну его, онъ и покатился на стулѣ. Тѣ закричали.

«Я пистолетъ въ карманъ, да и былъ таковъ, а какъ въ крѣпость входилъ, тутъ у крѣпостныхъ воротъ пистолетъ въ крапиву и бросилъ.

«Пришелъ я домой, легъ на койку и думаю: вотъ сейчасъ возьмутъ. Часъ проходитъ, другой, — не берутъ. И ужъ этакъ передъ сумерками, такая тоска на меня напала; вышелъ я: безпремѣнно Луизу повидать захотѣлось. Прошелъ я мимо часовщика. Смотрю, тамъ народъ и полиція. Я къ кумѣ: вызови Луизу! Чуть-чуть подождалъ, вижу: бѣжитъ Луиза, такъ и бросилась мнѣ на шею, сама плачетъ: «всему я, гово-

рить, виновата, что тетки послушалась». Сказала она мнѣ тоже, что тетка тотчасъ же послѣ давешняго домой пришла и такъ струсила, что заболѣла и — молчокъ; и сама никому не объявила, и мнѣ, говоритъ, запретила; боится; какъ угодно, пусть такъ и дѣлаютъ. Насъ, говоритъ, Луиза, никто давеча не видалъ. Онъ и служанку свою услалъ, потому боялся. Та бы ему въ глаза вцѣпилась, кабы узнала, что онъ женитъся хочетъ. Изъ мастеровыхъ тоже никого въ домѣ не было; всѣхъ удалилъ. Самъ и кофей сварилъ, самъ и закуску приготовилъ. А родственникъ, такъ тотъ и прежде всю жизнь свою молчалъ, ничего не говорилъ, а какъ случилось давеча дѣло, взялъ шапку и первый ушелъ. И вѣрно тоже молчать будетъ, — сказала Луиза. Такъ оно и было. Двѣ недѣли меня никто не бралъ и подозрѣнія на меня никакого не было. Въ эти же двѣ недѣли, вѣрьте не вѣрьте, Александръ Петровичъ, я все счастье мое испыталъ. Каждый день съ Луизой сходились. И ужъ такъ она, такъ она ко мнѣ привязалась! Плачетъ: «я, говоритъ, за тобой, куда тебя сошлютъ, пойду; все для тебя покину!» Я ужъ думалъ всей жизни моей тутъ рѣшиться: такъ она меня тогда разжалобила. Ну, а черезъ двѣ недѣли меня и взяли. Старикъ и тетка согласились, да и показали на меня...»

— Но постойте, — прервалъ я Баклушина, — васъ за это только могли всего-то лѣтъ на десять, ну на двѣнадцать, на полный срокъ, въ гражданскій разрядъ прислать; а вѣдь вы въ особомъ отдѣленіи. Какъ это можно?

— Ну, ужъ это другое вышло дѣло, — сказалъ Баклушинъ. — Какъ привели меня въ судную коммиссію, капитанъ передъ судомъ и обругай меня скверными словами. Я не стерпѣлъ, да и говорю ему: «Ты что ругаешься-то? Развѣ не видишь, подлецъ, что передъ зерцаломъ сидишь!» Ну, тутъ ужъ и пошло по-

другому; по-новому стали судить, да за все вмѣстѣ и присудили: четыре тысячи, да сюда въ особое отдѣленіе. А какъ вывели меня къ наказанію, вывели и капитана: меня по зеленой улицѣ, а его лишить чиновъ и на Кавказъ въ солдаты. До свиданья, Александръ Петровичъ. Заходите же къ намъ въ представленіе-то.

X

Праздникъ Рождества Христова

Наконецъ, наступили и праздники. Еще въ сочельникъ арестанты почти не выходили на работу. Вышли въ швальни, въ мастерскія; остальные только побыли на разводкѣ, и хоть и были кой-куда назначены, но почти всѣ, по одиночкѣ или кучками, тотчасъ же возвратились въ острогъ и послѣ обѣда никто уже не выходилъ изъ него. Да и утромъ большая часть ходила только по своимъ дѣламъ, а не по казеннымъ; иные чтобъ похлопотать о пронесеніи вина и заказать новое; другіе повидать знакомыхъ куманьковъ и кумушекъ, или собрать къ празднику должишки за сдѣланныя ими прежде работы; Баклушинъ и участвовавшіе въ театрѣ — чтобъ обойти нѣкоторыхъ знакомыхъ, преимущественно изъ офицерской прислуги, и достать необходимые костюмы. Иные ходили съ заботливымъ и суетливымъ видомъ единственно потому, что и другіе были суетливы и заботливы, и хоть инымъ, напримѣръ, ниоткуда не предстояло получить денегъ, но и они смотрѣли такъ, какъ будто и они тоже получатъ отъ кого-нибудь деньги; однимъ словомъ, всѣ какъ будто ожидали къ завтрашнему дню какой-то перемѣны, чего-то необыкновеннаго. Къ вечеру инвалиды, ходившіе на базаръ по арестантскимъ разсылкамъ, нанесли съ собой много всякой всячины изъ съѣстного: говядины, поросятъ, даже гусей. Многіе изъ арестантовъ, даже самые скромные и бережливые, копившіе

круглый годъ свои копейки, считали обязанностью раскошелиться къ такому дню и достойнымъ образомъ справить розговѣнь. Завтрашній день былъ настоящій, неотъемлемый у арестанта праздникъ, признанный за нимъ формально закономъ. Въ этотъ день арестантъ не могъ быть высланъ на работу, и такихъ дней всего было три въ году.

И наконецъ, кто знаетъ, сколько воспоминаній должно было зашевелиться въ душахъ этихъ отверженцевъ при встрѣчѣ такого дня! Дни великихъ праздниковъ рѣзко отпечатлѣваются въ памяти простолюдиновъ, начиная съ самаго дѣтства. Это дни отдохновенія отъ ихъ тяжкихъ работъ, дни семейнаго сбора. Въ острогѣ же они должны были припоминаться съ мученіями и тоской. Уваженіе къ торжественному дню переходило у арестантовъ даже въ какую-то форменность; немногіе гуляли; всѣ были серьезны и какъ будто чѣмъ-то заняты, хотя у многихъ совсѣмъ почти не было дѣла. Но и праздные гуляки старались сохранять въ себѣ какую-то важность... Смѣхъ какъ будто былъ запрещенъ. Вообще настроеніе дошло до какой-то щепетильности и раздражительной нетерпимости, и кто нарушалъ общій тонъ, хоть бы невзначай, того осаживали съ крикомъ и бранью и сердились на него, какъ будто за неуваженіе къ самому празднику. Это настроеніе арестантовъ было замѣчательно, даже трогательно. Кромѣ врожденнаго благоговѣнія къ великому дню, арестантъ безсознательно ощущалъ, что онъ этимъ соблюденіемъ праздника какъ будто соприкасается со всѣмъ міромъ, что не совсѣмъ же онъ, стало быть, отверженецъ, погибшій человѣкъ, ломоть отрѣзанный, что и въ острогѣ то же, что у людей. Они это чувствовали; это было видно и понятно.

Акимъ Акимычъ тоже очень готовился къ празднику. У него не было ни семейныхъ воспоминаній, потому что онъ выросъ сиротой въ чужомъ домѣ и чуть

не съ пятнадцати лѣтъ пошелъ на тяжелую службу; не было въ жизнь его и особенныхъ радостей, потому что всю жизнь свою провелъ онъ регулярно, однообразно, боясь хоть на волосокъ выступить изъ показанныхъ ему обязанностей. Не былъ онъ и особенно религіозенъ, потому что благонравіе, казалось, поглотило въ немъ всѣ остальные его человѣческіе дары и особенности, всѣ страсти и желанія, и дурныя и хорошія. Вслѣдствіе всего этого онъ готовился встрѣтить торжественный день, не суетясь, не волнуясь, не смущаясь тоскливыми и совершенно безполезными воспоминаніями, а съ тихимъ, методическимъ благонравіемъ, котораго было ровно настолько, сколько нужно для исполненія обязанности и разъ навсегда указаннаго обряда. Да и вообще онъ не любилъ много задумываться. Значеніе факта, казалось, никогда не касалось его головы, но разъ указанныя ему правила онъ исполнялъ съ священною аккуратностью. Если бъ завтра же приказали ему сдѣлать совершенно противное, онъ бы сдѣлалъ и это съ тою же самою покорностью и тщательностью, какъ дѣлалъ и противоположное тому наканунѣ. Разъ, одинъ только разъ въ жизни онъ попробовалъ пожить своимъ умомъ — и попалъ въ каторгу. Урокъ не пропалъ для него даромъ. И хотя ему не суждено было судьбою понять хоть когда-нибудь, въ чемъ именно онъ провинился, но зато онъ вывелъ изъ своего приключенія спасительное правило — не разсуждать никогда и ни въ какихъ обстоятельствахъ, потому что разсуждать «не его ума дѣло», какъ выражались промежъ себя арестанты. Слѣпо преданный обряду, онъ даже и на праздничнаго поросенка своего, котораго начинилъ кашей и изжарилъ (собственноручно, потому что умѣлъ и жарить), смотрѣлъ съ какимъ-то предварительнымъ уваженіемъ, точно это былъ не обыкновенный поросенокъ, котораго всегда можно было купить и изжарить, а какой-то особенный, праздничный. Мо-

жетъ быть, онъ еще съ дѣтства привыкъ видѣть на столѣ въ этотъ день поросенка, и вывелъ, что поросенокъ необходимъ для этого дня, и я увѣренъ, если бъ хоть разъ въ этотъ день онъ не покушалъ поросенка, то на всю жизнь у него бы осталось угрызеніе совѣсти о неисполненномъ долгѣ. До праздника онъ ходилъ въ своей старой курткѣ и въ старыхъ панталонахъ, хоть и благопристойно заштопанныхъ, но зато ужъ совсѣмъ заносившихся. Оказалось теперь, что новую пару, выданную ему еще мѣсяца четыре назадъ, онъ тщательно сберегалъ въ своемъ сундучкѣ и не притрогивался къ ней съ улыбающейся мыслью торжественно обновить ее въ праздникъ. Такъ онъ и сдѣлалъ. Еще съ вечера онъ досталъ свою новую пару, разложилъ, осмотрѣлъ, пообчистилъ, обдулъ и, исправивъ все это, предварительно примѣрилъ ее. Оказалось, что пара была совершенно въ пору, все было прилично, плотно застегивалось доверху, воротникъ какъ изъ картона высоко подпиралъ подбородокъ; въ тальѣ образовалось даже что-то въ родѣ мундирнаго перехвата, и Акимъ Акимычъ даже осклабился отъ удовольствія и не безъ молодцоватости повернулся передъ крошечнымъ своимъ зеркальцемъ, которое собственноручно и давно уже оклеилъ въ свободную минуту золотымъ бордюрчикомъ. Только одинъ крючочекъ у воротника куртки оказался какъ будто не на мѣстѣ. Сообразивъ это, Акимъ Акимычъ рѣшилъ переставить крючочекъ; переставилъ, примѣрилъ опять, и оказалось уже совсѣмъ хорошо. Тогда онъ сложилъ все попрежнему и съ успокоеннымъ духомъ упряталъ до завтра въ сундучокъ. Голова его была обрита удовлетворительно; но, оглядѣвъ себя внимательно въ зеркальцѣ, онъ замѣтилъ, что какъ будто не совсѣмъ гладко на головѣ; показывались чуть видные ростки волосъ, и онъ немедленно сходилъ къ «майору», чтобъ обриться совершенно прилично и по формѣ. И хоть

Акимъ Акимыча никто не сталъ бы завтра осматривать, но обрился онъ единственно для спокойствія своей совѣсти, чтобъ ужъ такъ, для такого дня, исполнить всѣ свои обязанности. Благоговѣніе къ пуговкѣ, къ погончику, къ петличкѣ еще съ дѣтства неотъемлемо напечатлѣлось въ умѣ его въ видѣ неоспоримой обязанности, а въ сердцѣ — какъ образъ послѣдней степени красоты, до которой можетъ достичь порядочный человѣкъ. Все исправивъ, онъ какъ старшій арестантъ въ казармѣ, распорядился приносомъ сѣна и тщательно наблюдалъ, какъ разбрасывали его по полу. То же самое было и въ другихъ казармахъ. Не знаю почему, но къ Рождеству всегда разбрасывали у насъ по казармѣ сѣно. Потомъ, окончивъ всѣ свои труды, Акимъ Акимычъ помолился Богу, легъ на свою койку и тотчасъ же заснулъ безмятежнымъ сномъ младенца, чтобъ проснуться какъ можно раньше утромъ. Такъ же точно поступили, впрочемъ, и всѣ арестанты. Во всѣхъ казармахъ улеглись гораздо раньше обыкновеннаго. Обыкновенныя вечернія работы были оставлены; объ майданахъ и помину не было. Все ждало завтрашняго утра.

Оно, наконецъ, настало. Рано, еще до свѣту, едва только пробили зорю, отворили казармы, и вошедшій считать арестантовъ караульный унтеръ-офицеръ поздравилъ ихъ всѣхъ съ праздникомъ. Ему отвѣчали тѣмъ же, отвѣчали привѣтливо и ласково. Наскоро помолившись, Акимъ Акимычъ и многіе, имѣвшіе своихъ гусей и поросятъ на кухнѣ, поспѣшно пошли смотрѣть, что съ ними дѣлается, какъ ихъ жарятъ, гдѣ что стоитъ и такъ далѣе. Сквозь темноту, изъ маленькихъ залѣпленныхъ снѣгомъ и льдомъ окошекъ нашей казармы видно было, что въ обѣихъ кухняхъ, во всѣхъ шести печахъ, пылаетъ яркій огонь, разложенный еще до свѣту. По двору, въ темнотѣ, уже шныряли арестанты въ своихъ полушубкахъ, въ рукава и въ накидку; все это стремилось въ кухню. Но нѣкоторые, впрочемъ, очень

Многіе, успѣли уже побывать и у цѣловальниковъ. То были уже самые нетерпѣливые. Вообще же всѣ вели себя благопристойно, смирно и какъ-то не по-обыкновенному чинно. Не слышно было ни обычной брани, ни обычныхъ ссоръ. Всѣ понимали, что день большой и праздникъ великій. Были такіе, что ходили въ другія казармы, поздравить кой-кого изъ своихъ. Проявлялось что-то въ родѣ дружества. Замѣчу мимоходомъ, между арестантами почти совсѣмъ не замѣчалось дружества, не говорю общаго, — это ужъ подавно; а такъ, частнаго, чтобъ одинъ какой-нибудь арестантъ сдружился съ другимъ. Этого почти совсѣмъ у насъ не было, и это замѣчательная черта: такъ не бываетъ на волѣ. У насъ вообще всѣ были въ обращеніи другъ съ другомъ черствы, сухи, за очень рѣдкими исключеніями, и это былъ какой-то формальный, разъ принятый и установленный тонъ. Я тоже вышелъ изъ казармы; начинало чуть-чуть свѣтать; звѣзды меркли; морозный тонкій паръ подымался кверху. Изъ печныхъ трубъ на кухнѣ валилъ дымъ столбами. Нѣкоторые изъ попавшихся мнѣ навстрѣчу арестантовъ сами охотно и ласково поздравили меня съ праздникомъ. Я благодарилъ и отвѣчалъ тѣмъ же. Изъ нихъ были и такіе, которые до сихъ поръ еще ни слова со мной не сказали во весь этотъ мѣсяцъ.

У самой кухни нагналъ меня арестантъ, изъ военной казармы, въ тулупѣ въ накидку. Онъ еще съ полдвора разглядѣлъ меня и кричалъ мнѣ: «Александръ Петровичъ! Александръ Петровичъ!» Онъ бѣжалъ на кухню и торопился. Я остановился и подождалъ его. Это былъ молодой парень, съ круглымъ лицомъ, съ тихимъ выраженіемъ глазъ, очень неразговорчивый со всѣми, а со мной не сказавшій еще ни одного слова и не обращавшій на меня доселѣ никакого вниманія со времени моего поступленія въ острогъ; я даже не зналъ, какъ его зовутъ. Онъ подбѣжалъ ко мнѣ за-

пыхавшись и сталъ передо мною въ упоръ, глядя на меня съ какой-то тупой, но въ то же время и блаженной улыбкой.

— Что вамъ? — не безъ удивленія спросилъ я его, видя, что онъ стоитъ передо мной, улыбается, глядитъ на меня во всѣ глаза, а разговора не начинаетъ.

— Да какъ же, праздникъ... — пробормоталъ онъ и, самъ догадавшись, что не о чемъ больше говорить, бросилъ меня и поспѣшно отправился въ кухню.

Замѣчу здѣсь кстати, что и послѣ этого мы съ нимъ ровно никогда не сходились и почти не сказали ни слова другъ другу, до самаго моего выхода изъ острога.

На кухнѣ, около жарко разгорѣвшихся печей, шла суетня и толкотня, цѣлая давка. Всякій наблюдалъ за своимъ добромъ; стряпки принимались готовить казенное кушанье, потому что въ этотъ день обѣдъ назначался раньше. Никто, впрочемъ, не начиналъ еще ѣсть, хоть инымъ бы и хотѣлось, но наблюдалось передъ другими приличіе. Ждали священника и уже послѣ него полагались розговѣни. Между тѣмъ еще не успѣло совсѣмъ ободнять, какъ уже начали раздаваться за воротами острога призывные крики ефрейтора: «Поваровъ!» Эти крики раздавались чуть не поминутно и продолжались почти два часа. Требовали поваровъ съ кухни, чтобъ принимать приносимое со всѣхъ концовъ города въ острогъ подаяніе. Приносилось оно въ чрезвычайномъ количествѣ въ видѣ калачей, хлѣба, ватрушекъ, пряжениковъ, шанегъ, блиновъ и прочихъ сдобныхъ печеній. Я думаю, не осталось ни одной хозяйки изъ купеческихъ и изъ мѣщанскихъ домовъ во всемъ городѣ, которая бы не прислала своего хлѣба, чтобъ поздравить съ великимъ праздникомъ «несчастныхъ» и заключенныхъ. Были подаянія богатыя — сдобные хлѣ-

бы изъ чистѣйшей муки, присланные въ большомъ количествѣ. Были подаянія и очень бѣдныя — такой какой-нибудь грошовый калачикъ и двѣ какихъ-нибудь черныя шаньги, чуть-чуть обмазанныя сметаной: это уже былъ даръ бѣдняка бѣдняку, изъ послѣдняго. Все принималось съ одинаковою благодарностью, безъ различія даровъ и дарившихъ. Принимавшіе арестанты снимали шапки, кланялись, поздравляли съ праздникомъ и относили подаяніе на кухню. Когда уже набрались цѣлыя груды подаяннаго хлѣба, потребовали старшихъ изъ каждой казармы, и они уже распредѣлили все поровну, по казармамъ. Не было ни спору, ни брани; дѣло вели честно, поровну. Что пришлось на нашу казарму, раздѣлили уже у насъ; дѣлилъ Акимъ Акимычъ и еще другой арестантъ; дѣлили своей рукой и своей рукой раздавали каждому. Не было ни малѣйшаго возраженія, ни малѣйшей зависти отъ кого-нибудь; всѣ остались довольны; даже подозрѣнія не могло быть, чтобъ подаяніе можно утаить или раздать не поровну. Устроивъ свои дѣла въ кухнѣ, Акимъ Акимычъ приступилъ къ своему облаченію, одѣлся со всѣмъ приличіемъ и торжественностью, не оставивъ ни одного крючочка незастегнутымъ, и одѣвшись тотчасъ же приступилъ къ настоящей молитвѣ. Онъ молился довольно долго. На молитвѣ стояло уже много арестантовъ, большею частью пожилыхъ. Молодежь помногу не молилась: такъ развѣ перекрестится кто вставая, даже и въ праздникъ. Помолившись, Акимъ Акимычъ подошелъ ко мнѣ и съ нѣкоторою торжественностью поздравилъ меня съ праздникомъ. Я тутъ же позвалъ его на чай, а онъ меня на своего поросенка. Спустя немного прибѣжалъ ко мнѣ и Петровъ поздравить меня. Онъ, кажется, ужъ выпилъ, и хоть прибѣжалъ запыхавшись, но многаго не сказалъ, а только постоялъ недолго передо мной съ какимъ-то ожиданіемъ и вскорѣ ушелъ отъ меня на кухню. Между тѣмъ въ военной

казармѣ приготовлялись къ принятію священника. Эта казарма была устроена не такъ, какъ другія; въ ней нары тянулись около стѣнъ, а не посрединѣ комнаты, какъ во всѣхъ прочихъ казармахъ, такъ что это была единственная въ острогѣ комната, не загроможденная посрединѣ. Вѣроятно, она и устроена была такимъ образомъ, чтобъ въ ней, въ необходимыхъ случаяхъ, можно было собирать арестантовъ. Середи комнаты поставили столикъ, накрыли его чистымъ полотенцемъ, поставили на немъ образъ и зажгли лампадку. Наконецъ, пришелъ священникъ, съ крестомъ и святою водою. Помолившись и пропѣвъ передъ образомъ, онъ сталъ передъ арестантами, и всѣ съ истиннымъ благоговѣніемъ стали подходить прикладываться къ кресту. Затѣмъ священникъ обошелъ всѣ казармы и окропилъ ихъ святою водою. На кухнѣ онъ похвалилъ нашъ острожный хлѣбъ, славившійся своимъ вкусомъ въ городѣ, и арестанты тотчасъ же пожелали ему послать два свѣжихъ и только-что выпеченныхъ хлѣба; на отсылку ихъ немедленно употребленъ былъ одинъ инвалидъ. Крестъ проводили съ тѣмъ же благоговѣніемъ, съ какимъ и встрѣтили, и затѣмъ почти тотчасъ же пріѣхалъ плацъ-майоръ и комендантъ. Коменданта у насъ любили и даже уважали. Онъ обошелъ всѣ казармы въ сопровожденіи плацъ-майора, всѣхъ поздравилъ съ праздникомъ, зашелъ въ кухню и попробовалъ острожныхъ щей. Щи вышли славныя, отпущено было для такого дня чуть не по фунту говядины на каждаго арестанта. Сверхъ того сготовлена была просяная каша, и масла отпустили вволю. Проводивъ коменданта, плацъ-майоръ велѣлъ начинать обѣдать. Арестанты старались не попадаться ему на глаза. Не любили его у насъ, его злобнаго взгляда изъ-подъ очковъ, которымъ онъ и теперь высматривалъ направо и налѣво, не найдется ли безпорядковъ, не попадется ли какой-нибудь виноватый.

Стали обѣдать. Поросенокъ Акима Акимыча былъ зажаренъ превосходно. И вотъ не могу объяснить, какъ это случилось: тотчасъ же по отъѣздѣ плацъ-майора, какихъ-нибудь пять минутъ спустя, оказалось необыкновенно много пьянаго народу, а между тѣмъ, еще за пять минутъ, всѣ были почти совершенно трезвые. Явилось много рдѣющихъ и сіяющихъ лицъ, явились балалайки. Полячокъ со скрипкой уже ходилъ за какимъ-то гулякой, нанятый на весь день, и пилилъ ему веселые танцы. Разговоръ становился хмельнѣе и шумнѣе. Но отобѣдали безъ большихъ безпорядковъ. Всѣ были сыты. Многіе изъ стариковъ и солидныхъ отправились тотчасъ же спать, что сдѣлалъ и Акимъ Акимычъ, полагая, кажется, что въ большой праздникъ послѣ обѣда непремѣнно нужно заснуть. Старичокъ изъ стародубовскихъ старообрядцевъ, вздремнувъ немного, полѣзъ на печку, развернулъ свою книгу и промолился до глубокой ночи, почти не прерывая молитвы. Ему тяжело было смотрѣть на «страмъ», какъ говорилъ онъ про всеобщую гулянку арестантовъ. Всѣ черкесы усѣлись на крылечкѣ и съ любопытствомъ а вмѣстѣ и съ нѣкоторымъ омерзѣніемъ смотрѣли на пьяный народъ. Мнѣ повстрѣчался Нурра: «яманъ, яманъ! — сказалъ онъ мнѣ, покачивая головою съ благочестивымъ негодованіемъ, — ухъ, яманъ! Аллахъ сердить будетъ». Исай Ѳомичъ упрямо и высокомѣрно засвѣтилъ въ своемъ уголку свѣчку и началъ работать, видимо показывая, что ни во что не считаетъ праздникъ. Кой-гдѣ по угламъ начались майданы. Инвалидовъ не боялись, а въ случаѣ унтеръ-офицера, который самъ старался ничего не замѣчать, поставили сторожей. Караульный офицеръ раза три заглядывалъ во весь этотъ день въ острогъ. Но пьяные прятались, майданы снимались при его появленіи, да и самъ онъ, казалось, рѣшился не обращать вниманія на мелкіе безпорядки. Пьяный

человѣкъ въ этотъ день считался уже безпорядкомъ мелкимъ. Мало-по-малу народъ разгуливался. Начинались и ссоры. Трезвыхъ все-таки оставалось гораздо большая часть и было кому присмотрѣть за нетрезвыми. Зато ужъ гулявшіе пили безъ мѣры. Газинъ торжествовалъ. Онъ разгуливалъ съ самодовольнымъ видомъ около своего мѣста на нарахъ, подъ которыя перенесъ вино, хранившееся до того времени гдѣ-то въ снѣгу за казармами, въ потаенномъ мѣстѣ, и лукаво посмѣивался, смотря на прибывавшихъ къ нему потребителей. Самъ онъ былъ трезвъ и не выпилъ ни капли. Онъ намѣренъ былъ гулять въ концѣ праздника, обобравъ предварительно всѣ денежки изъ арестантскихъ кармановъ. По казармамъ раздавались пѣсни. Но пьянство переходило уже въ чадный угаръ и отъ пѣсенъ недалеко было до слезъ. Многіе расхаживали съ собственными балалайками, тулупы въ накидку, и съ молодецкимъ видомъ перебирали струны. Въ особомъ отдѣленіи образовался даже хоръ, человѣкъ изъ восьми. Они славно пѣли подъ акомпаниментъ балалаекъ и гитаръ. Чисто народныхъ пѣсенъ пѣлось мало. Помню только одну, молодецки пропѣтую:

Я вечоръ млада
Во пиру была.

И здѣсь я услышалъ новый варіантъ этой пѣсни, котораго прежде не встрѣчалъ. Въ концѣ пѣсни прибавлялось нѣсколько стиховъ:

У меня ль младой
Дома убрано:
Ложки вымыла,
Во щи вылила,
Съ косяковъ соскребла,
Пироги спекла.

Пѣлись же большею частью пѣсни такъ-называемыя у насъ арестантскія, впрочемъ, всѣ извѣстныя.

Одна изъ нихъ: «Бывало . . .» юмористическая, описывающая, какъ прежде человѣкъ веселился и жилъ бариномъ на волѣ, а теперь попалъ въ острогъ. Описывалось, какъ онъ подправлялъ прежде «бламанже шенпанскимъ»; а теперь —

Дадутъ капусты мнѣ съ водою
И ѣмъ, такъ, за ушьми трещитъ.

Въ ходу была тоже слишкомъ извѣстная:

Прежде жилъ я, мальчикъ, веселился,
И имѣлъ свой капиталъ;
Капиталу, мальчикъ, я рѣшился
И въ неволю жить попалъ . . .

и такъ далѣе. Только у насъ произносили не «капиталъ», а «копиталъ», производя отъ слова «копить»; пѣлись тоже заунывныя. Одна была чисто каторжная, тоже, кажется, извѣстная:

Свѣтъ небесный возсіяетъ,
Барабанъ зорю пробьетъ, —
Старшій двери отворяетъ,
Писарь требовать идетъ.
Насъ не видно за стѣнами,
Каково мы здѣсь живемъ;
Богъ, Творецъ Небесный, съ нами,
Мы и здѣсь не пропадемъ, и. т. д.

Другая пѣлась еще заунывнѣе, впрочемъ, прекраснымъ напѣвомъ, сочиненная, вѣроятно, какимъ-нибудь ссыльнымъ, съ приторными и довольно безграмотными словами. Изъ нея я вспоминаю теперь нѣсколько стиховъ:

Не увидитъ взоръ мой той страны,
  Въ которой я рожденъ;
Терпѣть мученья безъ вины
  Навѣкъ я осужденъ.

На кровлѣ филинъ прокричитъ,
Раздастся по лѣсамъ,
Заноетъ сердце, загруститъ,
Меня не будетъ тамъ.

Эта пѣсня пѣлась у насъ часто, но не хоромъ, а въ одиночку. Кто-нибудь, въ гулевое время, выйдетъ, бывало, на крылечко казармы, сядетъ, задумается, подопретъ щеку рукой и затянетъ ее высокимъ фальцетомъ. Слушаешь, и какъ-то душу надрываетъ. Голоса у насъ были порядочные.

Между тѣмъ начинались уже и сумерки. Грусть, тоска и чадъ тяжело проглядывали среди пьянства и гульбы. Смѣявшійся за часъ тому назадъ уже рыдалъ гдѣ-нибудь, напившись черезъ край. Другіе успѣли уже раза по два подраться. Третьи, блѣдные и чуть держась на ногахъ, шатались по казармамъ, заводили ссоры. Тѣ же, у которыхъ хмель былъ незадорнаго свойства, тщетно искали друзей, чтобы излить передъ ними свою душу и выплакать свое пьяное горе. Весь этотъ бѣдный народъ хотѣлъ повеселиться, провесть весело великій праздникъ — и, Господи! какой тяжелый и грустный былъ этотъ день чуть не для каждаго. Каждый проводилъ его какъ будто обманувшись въ какой-то надеждѣ. Петровъ раза два еще забѣгалъ ко мнѣ. Онъ очень немного выпилъ во весь день и былъ почти совсѣмъ трезвый. Но онъ до самаго послѣдняго часа все чего-то ожидалъ, что непремѣнно должно случиться, чего-то необыкновеннаго, праздничнаго, развеселаго. Хоть онъ и не говорилъ объ этомъ, но видно было по его глазамъ. Онъ сновалъ изъ казармы въ казарму безъ устали. Но ничего особеннаго не случалось и не встрѣчалось, кромѣ пьянства, пьяной и безтолковой ругани и угорѣвшихъ отъ хмеля головъ. Сироткинъ бродилъ тоже, въ новой красной рубашкѣ, по всѣмъ казармамъ, хорошенькій, вымытый, и тоже тихо и наивно, какъ будто ждалъ

чего-то. Мало-по-малу въ казармахъ становилось несносно и омерзительно. Конечно, было много и смѣшного, но мнѣ было какъ-то грустно и жалко ихъ всѣхъ, тяжело и душно между ними. Вонъ два арестанта спорятъ, кому кого угощать. Видно, что они уже долго спорятъ и прежъ-того даже поссорились. У одного въ особенности есть какой-то давнишній зубъ на другого. Онъ жалуется и, нетвердо ворочая языкомъ, силится доказать, что тотъ поступилъ съ нимъ несправедливо: былъ проданъ какой-то полушубокъ, утаены когда-то какія-то деньги, въ прошломъ году на масленицѣ. Что-то еще кромѣ этого было... Обвиняющій — высокій и мускулистый парень, неглупый, смирный, но когда пьянъ — съ стремленіемъ дружиться и излить свое горе. Онъ и ругается, и претензію показываетъ какъ будто съ желаніемъ еще крѣпче потомъ помириться съ соперникомъ. Другой — плотный, коренастый, невысокаго роста, съ круглымъ лицомъ, хитрый и пронырливый. Онъ выпилъ, можетъ быть, больше своего товарища, но пьянъ только слегка. Онъ съ характеромъ и слыветъ богатымъ, но ему почему-то выгодно не раздражать теперь своего экспансивнаго друга, и онъ подводитъ его къ цѣловальнику; другъ утверждаетъ, что онъ долженъ и обязанъ ему поднести, «если ты только честный человѣкъ есть».

Цѣловальникъ съ нѣкоторымъ уваженіемъ къ требователю и съ оттѣнкомъ презрѣнія къ экспансивному другу, потому что тотъ пьетъ не на свои, а его потчуютъ, достаетъ и наливаетъ чашку вина.

— Нѣтъ, Степка, это ты долженъ, — говоритъ экспансивный другъ, видя, что его взяла, — потому эфто твой долгъ.

— Да я съ тобой и языкъ-то даромъ не стану мозолить! — отвѣчаетъ Степка.

— Нѣтъ, Степка, это ты врешь, — подтверждаетъ первый, принимая отъ цѣловальника чашку, — по-

тому ты мнѣ деньги долженъ; совѣсти нѣтъ и глаза-то у тебя не свои, а заемные! Подлецъ ты, Степка, вотъ тебѣ: одно слово подлецъ!

— Ну, чего рюмишь, вино расплескалъ! Честь ведутъ да даютъ, такъ пей! — кричитъ цѣловальникъ на экспансивнаго друга, — не до завтра надъ тобой стоять!

— Да и выпью, чего кричишь! Съ праздникомъ, Степанъ Дорофеичъ! — вѣжливо и съ легкимъ поклономъ обратился онъ, держа чашку въ рукахъ, къ Степкѣ, котораго еще за полминуты обзывалъ подлецомъ. — Будь здоровъ на сто годовъ, а что жилъ, не въ зачетъ! — Онъ выпилъ, крякнулъ и утерся. — Прежде, братцы, я много вина подымалъ, — замѣтилъ онъ съ серьезною важностью, обращаясь какъ будто ко всѣмъ и ни къ кому въ особенности, — а теперь ужъ знать лѣта мои подходятъ. Благодарствую, Степанъ Дорофеичъ.

— Не на чемъ.

— Такъ я все про то буду тебѣ, Степка, говорить; и окромя того, что ты выходишь передо мной большой подлецъ, я тебѣ скажу . . .

— А я тебѣ вотъ что, пьяная ты харя, скажу, — перебиваетъ потерявшій терпѣніе Степка. — Слушай да всякое мое слово считай; вотъ тебѣ свѣтъ пополамъ; тебѣ полсвѣта и мнѣ полсвѣта. Иди и не встрѣчайся ты больше мнѣ. Надоѣлъ!

— Такъ не отдашь денегъ?

— Какихъ тебѣ еще денегъ, пьяный ты человѣкъ?

— Эй, на томъ свѣтѣ самъ придешь отдавать — не возьму. Наша денежка трудовая, да потная, да мозольная. Замаешься съ моимъ пятакомъ на томъ свѣтѣ.

— Да ну тебя къ чорту.

— Что нукаешь; не запрегъ.

— Пошелъ, пошелъ!

— Подлецъ!

— Варнакъ!

И пошла опять ругань, еще больше чѣмъ до потчеванья.

Вотъ сидятъ на нарахъ отдѣльно два друга: одинъ высокій, плотный, мясистый, настоящій мясникъ; лицо его красно. Онъ чуть не плачетъ, потому что очень растроганъ. Другой — тщедушный, тоненькій, худой, съ длиннымъ носомъ, съ котораго какъ будто что-то каплетъ, и съ маленькими свиными глазками, обращенными въ землю. Это человѣкъ политичный и образованный: былъ когда-то писаремъ и трактуетъ своего друга нѣсколько свысока, что тому втайнѣ очень непріятно. Они весь день вмѣстѣ пили.

— Онъ меня дерзнулъ! — кричитъ мясистый другъ, крѣпко качая голову писаря лѣвой рукой, которою онъ обхватилъ его. «Дерзнулъ» значитъ ударилъ. Мясистый другъ, самъ изъ унтеръ-офицеровъ, втайнѣ завидуетъ своему испитому другу, и потому оба они, одинъ передъ другимъ, щеголяютъ изысканностью слога.

— А я тебѣ говорю, что и ты не правъ... — начинаетъ догматически писарь, упорно не подымая на него своихъ глазъ и съ важностью смотря въ землю.

— Онъ меня дерзнулъ, слышь ты! — прерываетъ другъ, еще больше теребя своего милаго друга. — Ты одинъ мнѣ теперь на всемъ свѣтѣ остался, слышишь ты это? Потому я тебѣ одному говорю; онъ меня дерзнулъ!..

— А я опять скажу: такое кислое оправданье, милый другъ, составляетъ только стыдъ твоей головѣ! — тоненькимъ и вѣжливымъ голоскомъ возражаетъ писарь, — а лучше согласись, милый другъ, все это пьянство черезъ твое собственное непостоянство...

Мясистый другъ нѣсколько отшатывается назадъ, тупо глядитъ своими пьяными глазами на самодоволь-

наго писаришку, и вдругъ, совершенно неожиданно, изо всей силы ударяетъ своимъ огромнымъ кулакомъ по маленькому лицу писаря. Тѣмъ и кончается дружба за цѣлый день. Милый другъ безъ памяти летитъ подъ нары...

Вотъ входитъ въ нашу казарму одинъ мой знакомый изъ особаго отдѣленія, безконечно добродушный и веселый парень, неглупый, безобидно-насмѣшливый и необыкновенно простоватый съ виду. Это тотъ самый, который, въ первый мой день въ острогѣ, въ кухнѣ за обѣдомъ искалъ, гдѣ живетъ богатый мужикъ, увѣрялъ, что онъ «съ анбиціей», и напился со мною чаю. Онъ лѣтъ сорока, съ необыкновенно толстой губой и съ большимъ мясистымъ носомъ, усѣяннымъ угрями. Въ рукахъ его балалайка, на которой онъ небрежно перебираетъ струны. За нимъ слѣдуетъ точно прихвостень, чрезвычайно маленькій арестантикъ, съ большой головой, котораго я очень мало зналъ доселѣ. На него, впрочемъ, и никто не обращалъ никакого вниманія. Онъ былъ какой-то странный, недовѣрчивый, вѣчно молчаливый и серьезный; ходилъ работать въ швальню и видимо старался жить особнякомъ и ни съ кѣмъ не связываться. Теперь же пьяный, онъ привязывался, какъ тѣнь, къ Варламову. Онъ слѣдовалъ за нимъ въ ужасномъ волненіи, размахивалъ руками, билъ кулакомъ по стѣнѣ, по нарамъ, и даже чуть не плакалъ. Варламовъ, казалось, не обращалъ на него никакого вниманія, какъ будто и не было его подлѣ. Замѣчательно, что прежде эти два человѣка почти совсѣмъ другъ съ другомъ не сходились; у нихъ и по занятіямъ, и по характеру ничего нѣтъ общаго. И разрядовъ они разныхъ, и живутъ по разнымъ казармамъ. Звали маленькаго арестанта — Булкинъ.

Варламовъ, увидѣвъ меня, осклабился. Я сидѣлъ на своихъ нарахъ у печки. Онъ сталъ поодаль про-

тивъ меня, что-то сообразилъ, покачнулся и, неровными шагами подойдя ко мнѣ, какъ-то молодцовато избоченился всѣмъ корпусомъ и, слегка потрогивая струны, проговорилъ речитативомъ, чуть-чуть постукивая сапогомъ:

Круглолица, бѣлолица,
Распѣваетъ какъ синица,
Милая моя;
Она въ платьицѣ атласномъ,
Гарнитуровомъ прекрасномъ,
Очень хороша.

Эта пѣсня, казалось, вывела изъ себя Булкина: онъ замахалъ руками и, обращаясь ко всѣмъ, закричалъ:

— Все-то вретъ, братцы, все-то онъ вретъ! Ни одного слова не скажетъ вправду, все вретъ!

— Старичку Александру Петровичу! — проговорилъ Варламовъ, съ плутоватымъ смѣхомъ заглядывая мнѣ въ глаза, и чуть не полѣзъ со мной цѣловаться. Онъ былъ пьяненекъ. Выраженіе: «старичку такому-то. . .», то-есть такому-то мое почтеніе, употребляется въ простонародьѣ по всей Сибири, хотя бы относилось къ человѣку двадцати лѣтъ. Слово «старичокъ» означаетъ что-то почетное, даже почтительное, льстивое.

— Ну что, Варламовъ, какъ поживаете?

— Да по деньку на день. А ужъ кто празднику радъ, тотъ спозаранку пьянъ; вы ужъ меня извините! — Варламовъ говорилъ нѣсколько нараспѣвъ.

— И все-то вретъ, все-то онъ опять вретъ! — закричалъ Булкинъ, въ какомъ-то отчаяніи стуча рукою по нарамъ. Но тотъ какъ будто слово далъ не обращать на него ни малѣйшаго вниманія, и въ этомъ было чрезвычайно много комизму, потому что Булкинъ привязался къ Варламову совершенно ни съ того, ни съ сего еще съ самаго утра, именно за то, что Вар-

ламовъ «все вретъ», какъ ему отчего-то показалось. Онъ бродилъ за нимъ, какъ тѣнь, привязывался къ каждому его слову, ломалъ свои руки, облокотилъ ихъ чуть не въ кровь объ стѣны и объ нары, и страдалъ, видимо страдалъ отъ убѣжденія, что Варламовъ «все вретъ»! Если бъ у него были волосы на головѣ, онъ бы, кажется, вырвалъ ихъ отъ огорченія. Точно онъ взялъ на себя обязанность отвѣчать за поступки Варламова, точно на его совѣсти лежали всѣ недостатки Варламова. Но въ томъ-то и штука, что тотъ даже и не глядѣлъ на него.

— Все вретъ, все вретъ, все вретъ! Ни одно-то слово его ни къ чему не подходитъ! — кричалъ Булкинъ.

— Да тебѣ-то что? — отвѣчали со смѣхомъ арестанты.

— Я вамъ, Александръ Петровичъ, доложу, что былъ я очень красивъ изъ себя и очень меня любили дѣвки... — началъ вдругъ ни съ того, ни съ сего Варламовъ.

— Вретъ! Опять вретъ! — прерываетъ съ какимъ-то визгомъ Булкинъ. Арестанты хохочутъ.

— А я-то передъ ними куражусь: рубаха на мнѣ красная, шаровары плисовыя; лежу себѣ, какъ этакой графъ Бутылкинъ, ну то-есть пьянъ, какъ шведъ, одно слово — чего изволите!

— Вретъ! — рѣшительно подтверждаетъ Булкинъ.

— А въ тѣ поры былъ у меня отъ батюшки домъ двухъэтажный каменный. Ну, въ два-то года я два этажа и спустилъ, остались у меня однѣ ворота безъ столбовъ. Что жъ, деньги — голуби: прилетятъ и опять улетятъ!

— Вретъ! — еще рѣшительнѣе подтверждаетъ Булкинъ.

— Такъ ужъ я вотъ ономнясь и послалъ моимъ

родичамъ отсюда слезницу: авось деньжонокъ пришлютъ. Потому, говорили, я противъ родителевъ моихъ шелъ. Неуважительный былъ! Вотъ ужъ седьмой годъ, какъ послалъ.

— И нѣтъ отвѣту? — спросилъ я, засмѣявшись.

— Да, нѣтъ, — отвѣчалъ онъ, вдругъ засмѣявшись самъ и все ближе и ближе приближая свой носъ къ самому моему лицу. — А у меня, Александръ Петровичъ, здѣсь полюбовница есть . . .

— У васъ? Любовница?

— Онуфріевъ даве и говоритъ: «моя пусть рябая, нехорошая, да за то у ней столько одежи; а твоя хорошая, да нищая, съ мѣшкомъ ходитъ».

— А развѣ правда?

— А и вправду нищая! — отвѣчалъ онъ и залился неслышнымъ смѣхомъ; въ казармѣ тоже захохотали. Дѣйствительно, всѣ знали, что онъ связался съ какой-то нищей и выдалъ ей въ полгода всего десять копеекъ.

— Ну, такъ что жъ? — спросилъ я, желая отъ него, наконецъ, отвязаться.

Онъ помолчалъ, умильно посмотрѣлъ на меня и нѣжно произнесъ:

— Такъ вотъ не соблаговолите ли мнѣ по сей причинѣ на косушку? Я вѣдь, Александръ Петровичъ, все чай пилъ сегодня, — прибавилъ онъ въ умиленіи, принимая деньги; — и такъ я этого чаю нахлестался, что одышка взяла, а въ брюхѣ какъ въ бутылкѣ болтается . . .

Между тѣмъ, какъ онъ принималъ деньги, нравственное разстройство Булкина, казалось, дошло до послѣднихъ предѣловъ. Онъ жестикулировалъ, какъ отчаянный, чуть не плакалъ.

— Люди Божіи! — кричалъ онъ, обращаясь ко всей казармѣ въ изступленіи, — смотрите на него!

Все вретъ! Что ни скажетъ, все-то, все-то, все-то онъ вретъ!

— Да тебѣ-то что? — кричатъ ему арестанты, удивляясь на его ярость, — несообразный ты человѣкъ!

— Не дамъ соврать! — кричитъ Булкинъ, сверкая глазами и стуча изъ всей силы кулакомъ по нарамъ, — не хочу, чтобъ онъ вралъ!

Всѣ хохочутъ. Варламовъ беретъ деньги, откланивается мнѣ и кривляясь спѣшитъ изъ казармы, разумѣется, къ цѣловальнику. И тутъ, кажется, онъ въ первый разъ замѣчаетъ Булкина.

— Ну, пойдемъ! — говоритъ онъ ему, останавливаясь на порогѣ, точно онъ и впрямь былъ ему на что-то нуженъ. — Набалдашникъ! — прибавляетъ онъ, съ презрѣніемъ пропуская огорченнаго Булкина впередъ себя и вновь начиная тренькать на балалайкѣ.

Но что описывать этотъ чадъ! Наконецъ, кончается этотъ удушливый день. Арестанты тяжело засыпаютъ на нарахъ. Во снѣ они говорятъ и бредятъ еще больше, чѣмъ въ другія ночи. Кой-гдѣ еще сидятъ за майданами. Давно ожидаемый праздникъ прошелъ. Завтра опять будни, опять на работу . . .

XI

Представленіе

На третій день праздника, вечеромъ, состоялось первое представленіе въ нашемъ театрѣ. Предварительныхъ хлопотъ по устройству, вѣроятно, было много, но актеры взяли все на себя, такъ что всѣ мы, остальные, и не знали: въ какомъ положеніи дѣло? что именно дѣлается? Даже хорошенько не знали, что будетъ представляться. Актеры всѣ эти три дня, выходя на работу, старались какъ можно болѣе добыть костюмовъ. Баклушинъ, встрѣчаясь со мной, только

прищелкивалъ пальцами отъ удовольствія. Кажется, и на плацъ-майора нашелъ порядочный стихъ. Впрочемъ, намъ было совершенно неизвѣстно, зналъ ли онъ о театрѣ. Если зналъ, то позволилъ ли его формально или только рѣшился молчать, махнувъ рукой на арестантскую затѣю и подтвердивъ, разумѣется, чтобъ все было по возможности въ порядкѣ? Я думаю, онъ зналъ о театрѣ, не могъ не знать; но вмѣшиваться не хотѣлъ, понимая, что, можетъ быть, хуже, если онъ запретитъ: арестанты начнутъ шалить, пьянствовать, такъ что гораздо лучше, если чѣмъ-нибудь займутся. Я, впрочемъ, предполагаю въ плацъ-майорѣ такое разсужденіе единственно потому, что оно самое естественное, самое вѣрное и здравое. Даже такъ можно сказать: если бъ у арестантовъ не было на праздникахъ театра или какого-нибудь занятія въ этомъ родѣ, то его слѣдовало самому начальству выдумать. Но такъ какъ нашъ плацъ-майоръ отличался совершенно обратнымъ способомъ мышленія, чѣмъ остальная часть человѣчества, то очень немудрено, что я беру большой грѣхъ на себя, предполагая, что онъ зналъ о театрѣ и позволилъ его. Такому человѣку, какъ плацъ-майоръ, надо было вездѣ кого-нибудь придавить, что-нибудь отнять, кого-нибудь лишить права, однимъ словомъ — гдѣ-нибудь произвести распорядокъ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ извѣстенъ въ цѣломъ городѣ. Какое ему дѣло, что именно отъ этихъ стѣсненій въ острогѣ могли выйти шалости? На шалости есть наказанія (разсуждаютъ такіе, какъ нашъ плацъ-майоръ), а съ мошенниками-арестантами — строгость и безпрерывное, буквальное исполненіе закона — вотъ и все, что требуется! Эти бездарные исполнители закона рѣшительно не понимаютъ, да и не въ состояніи понять, что одно буквальное исполненіе его, безъ смысла, безъ пониманія духа его, прямо ведетъ къ безпорядкамъ, да и никогда къ другому не приводило. «Въ законахъ

сказано, чего же больше?» говорятъ они и искренно удивляются, что отъ нихъ еще требуютъ, въ придачу къ законамъ, здраваго разсудка и трезвой головы. Последнее особенно кажется многимъ изъ нихъ излишнею и возмутительною роскошью, стѣсненіемъ, нетерпимостью.

Но какъ бы то ни было, старшій унтеръ-офицеръ не противорѣчилъ арестантамъ, а имъ только того и надо было. Я утвердительно скажу, что театръ и благодарность за то, что его позволили, были причиною, что на праздникахъ не было ни одного серьезнаго безпорядка въ острогѣ: ни одной злокачественной ссоры, ни одного воровства. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ свои же унимали иныхъ разгулявшихся или ссорившихся, единственно подъ тѣмъ предлогомъ, что запретятъ театръ. Унтеръ-офицеръ взялъ съ арестантовъ слово, что все будетъ тихо и вести будутъ себя хорошо. Согласились съ радостью и свято исполнили обѣщаніе; льстило тоже очень, что вѣрятъ ихъ слову. Надо, впрочемъ, сказать, что позволить театръ рѣшительно ничего не стоило начальству, никакихъ пожертвованій. Предварительно мѣста не огораживали: театръ созидался и разнимался весь въ какіе-нибудь четверть часа. Продолжался онъ полтора часа, и если бъ вдругъ вышло свыше приказаніе прекратить представленіе, — дѣло бы обдѣлалось въ одинъ мигъ. Костюмы были спрятаны въ сундукахъ у арестантовъ. Но прежде чѣмъ скажу, какъ устроенъ былъ театръ и какіе именно были костюмы, скажу объ афишѣ театра, то-есть что именно предполагалось играть.

Собственно писанной афишки не было. На второе, на третье представленіе явилась, впрочемъ, одна, написанная Баклушинымъ для гг. офицеровъ и вообще благородныхъ посѣтителей, удостоившихъ нашъ театръ, еще въ первое представленіе, своимъ посѣщеніемъ. Именно: изъ господъ приходилъ обыкновенно

караульный офицеръ, и однажды зашелъ самъ дежурный по карауламъ. Зашелъ тоже разъ инженерный офицеръ; вотъ на случай этихъ-то посѣтителей и создалась афишка. Предполагалось, что слава острожнаго театра прогремитъ далеко въ крѣпости и даже въ городѣ, тѣмъ болѣе, что въ городѣ не было театра. Слышно было, что составился на одно представленіе изъ любителей, да и только. Арестанты, какъ дѣти, радовались малѣйшему успѣху, тщеславились даже. «Вѣдь кто знаетъ, — думали и говорили у насъ про себя и между собою: — пожалуй, и самое высшее начальство узнаетъ; придутъ и посмотрятъ; увидятъ тогда, какіе есть арестанты. Это не простое солдатское представленіе, съ какими-то чучелами, съ плывучими лодками, съ ходячими медвѣдями и козлами. Тутъ актеры, настоящіе актеры, господскія комедіи играютъ; такого театра и въ городѣ нѣтъ. У генерала Абросимова было разъ, говорятъ, представленіе и еще будетъ; ну, такъ можетъ только костюмами и возьмутъ, а насчетъ *разговору*, такъ еще кто знаетъ передъ нашими-то! До губернатора дойдетъ, пожалуй, и — чѣмъ чортъ не шутитъ? — можетъ, и самъ захочетъ придти посмотрѣть. Въ городѣ-то нѣтъ театра»... Однимъ словомъ, фантазія арестантовъ, особенно послѣ перваго успѣха, дошла на праздникахъ до послѣдней степени, чуть ли не до наградъ или до уменьшенія срока работъ, хотя въ то же время и сами они почти тотчасъ же предобродушно принимались смѣяться надъ собою. Однимъ словомъ, это были дѣти, вполнѣ дѣти, несмотря на то, что инымъ изъ этихъ дѣтей было по сорока лѣтъ. Но несмотря на то, что не было афиши, я уже зналъ, въ главныхъ чертахъ, составъ предполагаемаго представленія. Первая пьеса была: «Филатка и Мирошка соперники». Баклушинъ еще за недѣлю до представленія хвалился передо мной, что роль самого Филатки, которую онъ бралъ на себя, будетъ

такъ представлена, что и въ *санктъ*-петербургскомъ театрѣ не видывали. Онъ расхаживалъ по казармамъ, хвастался немилосердно и безстыдно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и совершенно добродушно, а иногда вдругъ, бывало, отпуститъ что-нибудь «по-тіатральному», то-есть изъ своей роли, — и всѣ хохочутъ, смѣшно или несмѣшно то, что онъ отпустилъ. Впрочемъ, надо признаться, и тутъ арестанты умѣли себя выдержать и достоинство соблюсти: восторгались выходками Баклушина и разсказами о будущемъ театрѣ или только самый молодой и желторотый народъ, безъ выдержки, или только самые значительные изъ арестантовъ, которыхъ авторитетъ былъ незыблемо установленъ, такъ что имъ ужъ нечего было бояться прямо выражать свои ощущенія, какія бы они ни были, хотя бы самаго наивнаго (то-есть, по острожнымъ понятіямъ, самаго неприличнаго) свойства. Прочіе же выслушивали слухи и толки молча, правда, не осуждали, не противорѣчили, но всѣми силами старались отнестись къ слухамъ о театрѣ равнодушно и даже отчасти и свысока. Только ужъ въ послѣднее время, въ самый почти день представленія, всѣ начали интересоваться: что-то будетъ? Какъ-то наши? Что плацъ-майоръ? Удастся ли такъ же, какъ въ запрошломъ году? и проч. Баклушинъ увѣрялъ меня, что всѣ актеры подобраны великолѣпно, каждый «къ своему мѣсту». Что даже и занавѣсъ будетъ. Что Филаткину невѣсту будетъ играть Сироткинъ, — и вотъ сами увидите, каковъ онъ въ женскомъ-то платьѣ! — говорилъ онъ, прищуриваясь и прищелкивая языкомъ. У благодѣтельной помѣщицы будетъ платье съ фалбалой, и перелинка, и зонтикъ въ рукахъ, а благодѣтельный помѣщикъ выйдетъ въ офицерскомъ сюртукѣ съ экесельбантами и съ тросточкой. Затѣмъ слѣдовала вторая пьеса, драматическая: «Кедрилъ-обжора». Названіе меня очень заинтересовало; но какъ я ни разспрашивалъ объ этой

пьесѣ, — ничего не могъ узнать предварительно. Узналъ только, что взята она не изъ книги, а «по списку»; что пьесу достали у какого-то отставного унтеръ-офицера, въ форштадтѣ, который вѣрно самъ когда-нибудь участвовалъ въ представленіи ея на какой-нибудь солдатской сценѣ. У насъ въ отдаленныхъ городахъ и губерніяхъ, дѣйствительно, есть такія театральныя пьесы, которыя, казалось бы, никому неизвѣстны, можетъ быть, нигдѣ никогда не напечатаны, но которыя сами собой откуда-то явились и составляютъ необходимую принадлежность всякаго народнаго театра въ извѣстной полосѣ Россіи. Кстати: я сказалъ «народнаго театра». Очень бы и очень хорошо было, если бъ кто изъ нашихъ изыскателей занялся новыми и болѣе тщательными, чѣмъ доселѣ, изслѣдованіями о народномъ театрѣ, который есть, существуетъ и даже, можетъ быть, не совсѣмъ ничтожный. Я вѣрить не хочу, чтобъ все, что́ я потомъ видѣлъ у насъ въ нашемъ острожномъ театрѣ, было выдумано нашими же арестантами. Тутъ необходима преемственность преданія, разъ установленные пріемы и понятія, переходящіе изъ рода въ родъ и по старой памяти. Искать ихъ надо у солдатъ, у фабричныхъ, въ фабричныхъ городахъ и даже по нѣкоторымъ незнакомымъ бѣднымъ городкамъ у мѣщанъ. Сохранились тоже они по деревнямъ и по губернскимъ городамъ между дворовыми большихъ помѣщичьихъ домовъ. Я даже думаю, что многіе старинныя пьесы расплодились въ спискахъ по Россіи не иначе какъ черезъ помѣщицкую дворню. У прежнихъ старинныхъ помѣщиковъ и московскихъ баръ бывали собственные театры, составленные изъ крѣпостныхъ артистовъ. И вотъ въ этихъ-то театрахъ и получилось начало нашего народнаго драматическаго искусства, котораго признаки несомнѣнны. Что же касается до «Кедрила-обжоры», то, какъ ни желалось мнѣ, я ничего не могъ узнать о немъ предваритель-

но, кромѣ того, что на сценѣ появляются злые духи и уносятъ Кедрила въ адъ. Но что такое значитъ Кедрилъ, и, наконецъ, почему Кедрилъ, а не Кириллъ? Русское ли это или иностранное происшествіе? — этого я никакъ не могъ добиться. Въ заключеніе объявлялось, что будетъ представляться «пантомина подъ музыку». Конечно, все это было очень любопытно. Актеровъ было человѣкъ пятнадцать, — все бойкій и бравый народъ. Они гомозились про себя, дѣлали репетиціи, иногда за казармами, таились, прятались. Однимъ словомъ, хотѣли удивить всѣхъ насъ чѣмъ-то необыкновеннымъ и неожиданнымъ.

Въ будни острогъ запирался рано, какъ только наступала ночь. Въ рождественскій праздникъ сдѣлано было исключеніе: не запирали до самой вечерней зòри. Эта льгота давалась собственно для театра. Въ продолженіе праздника обыкновенно каждый день, передъ вечеромъ, посылали изъ острога съ покорнѣйшей просьбой къ караульному офицеру: «позволить театръ и не запирать подольше острога», прибавляя, что и вчера былъ театръ и долго не запирался, а безпорядковъ никакихъ не было. Караульный офицеръ разсуждалъ такъ: «безпорядковъ, дѣйствительно, вчера не было; а ужъ какъ сами слово даютъ, что не будетъ и сегодня, значитъ сами за собой будутъ смотрѣть, а это всего крѣпче. Къ тому же не позволь представленія, такъ пожалуй (кто ихъ знаетъ, народъ каторжный!) нарочно что-нибудь напакостятъ со зла и караульныхъ подведутъ». Наконецъ, и то: въ караулѣ стоять скучно, а тутъ театръ, да не просто солдатскій, а арестантскій, а арестанты народъ любопытный: весело будетъ посмотрѣть. А посмотрѣть караульный офицеръ всегда въ правѣ.

Пріѣдетъ дежурный: «Гдѣ караульный офицеръ?» — «Пошелъ въ острогъ арестантовъ считать, казармы запирать», — отвѣтъ прямой и оправданіе пря-

мое. Такимъ образомъ караульные офицеры каждый вечеръ въ продолженіе всего праздника позволяли театръ и не запирали казармъ вплоть до вечерней зòри. Арестанты и прежде знали, что отъ караула не будетъ препятствій, и были покойны.

Часу въ седьмомъ пришелъ за мной Петровъ, и мы вмѣстѣ отправились на представленіе. Изъ нашей казармы отправились почти всѣ, кромѣ черниговскаго старовѣра и поляковъ. Поляки только въ самое последнее представленіе, четвертаго января, рѣшились побывать въ театрѣ, и то послѣ многихъ увѣреній, что тамъ хорошо, и весело, и безопасно. Брезгливость поляковъ нимало не раздражала каторжныхъ, а встрѣчены они были четвертаго января очень вѣжливо. Ихъ даже пропустили на лучшія мѣста. Что же касается до черкесовъ и въ особенности Исая Ѳомича, то для нихъ нашъ театръ былъ истиннымъ наслажденіемъ. Исай Ѳомичъ каждый разъ давалъ по три копейки а въ послѣдній разъ положилъ на тарелку десять копеекъ, и блаженство изображалось на лицѣ его. Актеры положили сбирать съ присутствующихъ, кто сколько дастъ, на расходы по театру и на собственное *подкрѣпленіе*. Петровъ увѣрялъ, что меня пустятъ на одно изъ первыхъ мѣстъ, какъ бы ни былъ набитъ биткомъ театръ, на томъ основаніи, что я, какъ богаче другихъ, вѣроятно, и больше дамъ, а къ тому же и толку больше ихняго знаю. Такъ и случилось. Но опишу первоначально залу и устройство театра.

Военная казарма наша, въ которой устроился театръ, была шаговъ въ пятнадцать длиною. Со двора вступали на крыльцо, съ крыльца въ сѣни, а изъ сѣней въ казарму. Эта длинная казарма, какъ уже и сказалъ я, была особаго устройства: нары тянулись въ ней по стѣнѣ, такъ что средина комнаты оставалась свободной. Половина комнаты, ближайшая отъ выхода съ крыльца, была отдана зрителямъ; другая же

половина, которая сообщалась съ другой казармой, назначалась для самой сцены. Прежде всего меня поразила занавѣсь. Она тянулась шаговъ на десять поперекъ всей казармы. Занавѣсь была такою роскошью, что дѣйствительно было чему подивиться. Кромѣ того она была расписана масляной краской: изображались деревья, бесѣдки, пруды и звѣзды. Составилась она изъ холста, стараго и новаго, кто сколько далъ и пожертвовалъ: изъ старыхъ арестантскихъ онучекъ и рубахъ, кое-какъ сшитыхъ въ одно большое полотнище, и, наконецъ, часть ея, на которую не хватило холста, была просто изъ бумаги, тоже выпрошенной по листочку въ разныхъ канцеляріяхъ и приказахъ. Наши же маляры, между которыми отличался и «Брюлловъ» — А—въ, позаботились раскрасить и расписать ее. Эффектъ былъ удивительный. Такая роскошь радовала даже самыхъ угрюмыхъ и самыхъ щепетильныхъ арестантовъ, которые, какъ дошло до представленья, оказались всѣ безъ исключенія такими же дѣтьми, какъ и самые горячіе изъ нихъ и нетерпѣливые. Всѣ были очень довольны, даже хвастливо довольны. Освѣщеніе состояло изъ нѣсколькихъ сальныхъ свѣчекъ, разрѣзанныхъ на части. Передъ занавѣсью стояли двѣ скамейки изъ кухни, а передъ скамейками три-четыре стула, которые нашлись въ унтеръ-офицерской комнатѣ. Стулья назначались на случай, для самыхъ высшихъ лицъ офицерскаго званія. Скамейки же для унтеръ-офицеровъ и инженерныхъ писарей, кондукторовъ и прочаго народа, хотя и начальствующихъ, но не въ офицерскихъ чинахъ, на случай, если бъ они заглянули въ острогъ. Такъ и случилось: посторонніе посѣтители у насъ не переводились во весь праздникъ; иной вечеръ приходило больше, другой меньше, а въ послѣднее представленіе такъ ни одного мѣста на скамьяхъ не оставалось незанятымъ. И, наконецъ, уже сзади скамеекъ помѣщались арестанты, стоя, изъ уваженія къ

посѣтителямъ, безъ фуражекъ, въ курткахъ или въ полушубкахъ, несмотря на удушливый, парной воздухъ комнаты. Конечно, мѣста для арестантовъ полагалось слишкомъ мало. Но кромѣ того, что одинъ буквально сидѣлъ на другомъ, особенно въ заднихъ рядахъ, заняты были еще нары, кулисы и, наконецъ, нашлись любители, постоянно ходившіе за театръ, въ другую казарму, и уже оттуда, изъ-за задней кулисы, высматривавшіе представленіе. Тѣснота въ первой половинѣ казармы была неестественная и равнялась, можетъ быть, тѣснотѣ и давкѣ, которую я недавно еще видѣлъ въ банѣ. Дверь въ сѣни была отворена; въ сѣняхъ, въ которыхъ было двадцать градусовъ морозу, тоже толпился народъ. Насъ: меня и Петрова, тотчасъ же пропустили впередъ, почти къ самымъ скамейкамъ, гдѣ было гораздо виднѣе, чѣмъ въ заднихъ рядахъ. Во мнѣ отчасти видѣли цѣнителя, знатока, бывавшаго и не въ такихъ театрахъ; видѣли, что Баклушинъ все это время совѣтовался со мной и относился ко мнѣ съ уваженіемъ; мнѣ, стало быть, теперь честь и мѣсто. Положимъ, арестанты были народъ тщеславный и легкомысленный въ высшей степени, но все это было напускное. Арестанты могли смѣяться надо мной, видя, что я плохой имъ помощникъ на работѣ. Алмазовъ могъ съ презрѣніемъ смотрѣть на насъ, дворянъ, тщеславясь передъ нами своимъ умѣньемъ обжигать алебастръ. Но къ гоненіямъ и къ насмѣшкамъ ихъ надъ нами примѣшивалось и другое; мы когда-то были дворяне; мы принадлежали къ тому же сословію, какъ и ихъ бывшіе господа, о которыхъ они не могли сохранить хорошей памяти. Но теперь, въ театрѣ, они посторонились передо мной. Они признавали, что въ этомъ я могу судить лучше ихъ, что я видалъ и знаю больше ихъ. Самые не расположенные изъ нихъ ко мнѣ (я знаю это) желали теперь моей похвалы ихъ театру и безъ всякаго самоуниженія пустили меня на лучшее

мѣсто. Я сужу теперь, припоминая тогдашнее мое впечатлѣніе. Мнѣ тогда же показалось, — я помню это, — что въ ихъ справедливомъ судѣ надъ собой было вовсе не приниженіе, а чувство собственнаго достоинства. Высшая и самая рѣзкая характеристическая черта нашего народа — это чувство справедливости и жажда ея. Пѣтушиной же замашки быть впереди во всѣхъ мѣстахъ и *во что бы то ни стало*, стоитъ ли, нѣтъ ли того человѣкъ, — этого въ народѣ нѣтъ. Стоитъ только снять наружную, наносную кору и посмотрѣть на самое зерно повнимательнѣе, поближе, безъ предразсудковъ — и иной увидитъ въ народѣ такія вещи, о которыхъ и не предугадывалъ. Не многому могутъ научить народъ мудрецы наши. Даже утвердительно скажу, — напротивъ: сами они еще должны у него поучиться.

Петровъ наивно сказалъ мнѣ, когда мы только еще собирались въ театръ, что меня пустятъ впередъ и потому еще, что я дамъ больше денегъ. Положенной цѣны не было: всякій давалъ, что могъ и что хотѣлъ. Почти всѣ положили что-нибудь, хоть по грошу, когда пошли сбирать на тарелку. Но если меня пустили впередъ, отчасти и за деньги, въ предположеніи, что я дамъ больше другихъ, то, опять-таки, сколько было въ этомъ чувства собственнаго достоинства! «Ты богаче меня и ступай впередъ, и хоть мы здѣсь всѣ равны, но ты положишь больше: слѣдственно, такой посѣтитель, какъ ты, пріятнѣе для актеровъ, — тебѣ и первое мѣсто, потому что всѣ мы здѣсь не за деньги, а изъ уваженія, а слѣдственно сортировать себя мы должны уже сами». Сколько въ этомъ настоящей благородной гордости! Это не уваженіе къ деньгамъ, а уваженіе къ самому себѣ. Вообще же къ деньгамъ, къ богатству, въ острогѣ не было особеннаго уваженія, особенно если смотрѣть на арестантовъ на всѣхъ безразлично, въ массѣ, въ артели. Я не помню даже

ни одного изъ нихъ, серьезно унижавшаго реступили
денегъ, если бъ пришлось даже разсматрива на цыпоч-
поодиночкѣ. Были попрошайки, выпрашивав раскрыли
меня. Но въ этомъ попрошайствѣ было ніе воца-
шалости, плутовства, чѣмъ прямого дѣла; бь
ше юмору, наивности. Не знаю, понятно ли ихъ бра-
жаюсь... Но я забылъ о театрѣ. Къ дѣлу. ѣ страст-

До поднятія занавѣса вся комната пред каждый
странную и оживленную картину. Во-первыхъ ъ замѣ-
зрителей, сдавленная, сплюснутая, стиснутая с ники до
сторонъ, съ нетерпѣніемъ и съ блаженствомъ въ Исай
ожидающая начала представленія. Въ заднихъ вѣса
дахъ люди, гомоздящіеся одинъ на другого. Многіе изъ нихъ принесли полѣнья изъ кухни: установивъ кое-какъ у стѣнки толстое полѣно, человѣкъ взбирался на него ногами, обѣими руками упирался въ плеча впереди стоящаго и, не измѣняя положенія, стоялъ такимъ образомъ часа два, совершенно довольный собою и своимъ мѣстомъ. Другіе укрѣплялись ногами на печи, на нижней приступкѣ, и точно такъ же выстаивали все время, опираясь на передовыхъ. Это было въ самыхъ заднихъ рядахъ, у стѣны. Сбоку, взмостившись на нары, стояла тоже сплошная толпа, надъ музыкантами. Тутъ были хорошія мѣста. Человѣкъ пять взмостились на самую печь и, лежа на ней, смотрѣли внизъ. То-то блаженствовали! На подоконникахъ по другой стѣнѣ тоже гомозились цѣлыя толпы опоздавшихъ или не нашедшихъ хорошаго мѣста. Всѣ вели себя тихо и чинно. Всѣмъ хотѣлось себя выказать передъ господами и посѣтителями съ самой лучшей стороны. На всѣхъ лицахъ выражалось самое наивное ожиданіе. Всѣ лица были красныя и смоченныя потомъ, отъ жару и духоты. Что за странный отблескъ дѣтской радости, милаго, чистаго удовольствія сіялъ на этихъ изборожденныхъ, клейменыхъ лбахъ и щекахъ, въ этихъ взглядахъ людей, доселѣ мрачныхъ и угрюмыхъ, въ

мѣсто. ззахъ, сверкавшихъ иногда страшнымъ ог- чатлѣнсѣ были безъ шапокъ, и съ правой стороны — что вы представлялись мнѣ бритыми. Но вотъ на вовсе ышится возня, суетня. Сейчасъ подымется за- ства. Вотъ заигралъ оркестръ... Этотъ оркестръ та на поминанія. Сбоку, по нарамъ, размѣстилось жда ь восемь музыкантовъ: двѣ скрипки (одна бы- всѣхъ строгѣ, другую у кого-то заняли въ крѣпости, ли, нѣтъ нашелся и дома), три балалайки, — всѣ Стоп льщина, двѣ гитары, и бубенъ вмѣсто контр- см Скрипки только визжали и пилили, гитары были янныя, зато балалайки были неслыханныя. Проворство переборки струнъ пальцами рѣшительно равнялось самому ловкому фокусу. Игрались все плясовые мотивы. Въ самыхъ плясовыхъ мѣстахъ балалаечники ударяли костями пальцевъ о деку балалайки; тонъ, вкусъ, исполненіе, обращеніе съ инструментами, характеръ передачи мотива, — все это было свое, оригинальное, арестантское. Одинъ изъ гитаристовъ тоже великолѣпно зналъ свой инструментъ. Это былъ тотъ самый изъ дворянъ, который убилъ своего отца. Что же касается до бубна, то онъ просто дѣлалъ чудеса: то завертится на пальцѣ, то большимъ пальцемъ проведутъ по его кожѣ; то слышатся частые, звонкіе и однообразные удары, то вдругъ этотъ сильный отчетливый звукъ какъ бы разсыпается горохомъ на безчисленное число маленькихъ, дребезжащихъ и шушуркающихъ звуковъ. Наконецъ, появились еще двѣ гармоніи. Честное слово, — я до тѣхъ поръ не имѣлъ понятія о томъ, что можно сдѣлать изъ простыхъ, простонародныхъ инструментовъ; согласіе звуковъ, сыгранность, а главное духъ, характеръ понятія и передачи самой сущности мотива, были просто удивительные. Я въ первый разъ понялъ тогда совершенно, что именно есть безконечно-разгульнаго и удалого въ разгульныхъ и удалыхъ русскихъ плясовыхъ пѣсняхъ. Наконецъ, под-

нялась занавѣсь. Всѣ пошевелились, всѣ переступили съ одной ноги на другую, задніе привстали на цыпочки; кто-то упалъ съ полѣна; всѣ до единаго раскрыли рты и уставили глаза, и полнѣйшее молчаніе воцарилось... Представленіе началось...

Подлѣ меня стоялъ Алей, въ группѣ своихъ братьевъ и всѣхъ остальныхъ черкесовъ. Они всѣ страстно привязались къ театру и ходили потомъ каждый вечеръ. Всѣ мусульмане, татары и проч., какъ замѣчалъ я не одинъ разъ, всегда страстные охотники до всякихъ зрѣлищъ. Подлѣ нихъ прикурнулъ и Исай Ѳомичъ, который, казалось, съ поднятіемъ занавѣса весь превратился въ слухъ, въ зрѣніе и въ самое наивное, жадное ожиданіе чудесъ и наслажденій. Даже жалко было бы, если бъ онъ разочаровался въ своихъ ожиданіяхъ. Милое лицо Алея сіяло такою дѣтскою, прекрасною радостью, что, признаюсь, мнѣ ужасно было весело на него смотрѣть, и я, помню, невольно каждый разъ при какой-нибудь смѣшной и ловкой выходкѣ актера, когда раздавался всеобщій хохотъ, тотчасъ же оборачивался къ Алею и заглядывалъ въ его лицо. Онъ меня не видалъ: не до меня ему было! Очень не далеко отъ меня, съ лѣвой стороны, стоялъ арестантъ, пожилой, всегда нахмуренный, всегда недовольный и ворчливый. Онъ тоже замѣтилъ Алея и, я видѣлъ, нѣсколько разъ съ полуулыбкой оборачивался поглядѣть на него: такъ онъ былъ милъ! «Алей Семенычъ» называлъ онъ его, не знаю зачѣмъ. Начали «Филаткой и Мирошкой». Филатка (Баклушинъ) былъ дѣйствительно великолѣпенъ. Онъ сыгралъ свою роль съ удивительною отчетливостью. Видно было, что онъ вдумывался въ каждую фразу, въ каждое движеніе свое. Каждому пустому слову, каждому жесту своему онъ умѣлъ придать смыслъ и значеніе, совершенно соотвѣтственное характеру своей роли. Прибавьте къ этому старанію, къ этому изученію удивительную, неподдѣльную весе-

лость, простоту, безыскуственность, и вы, если бъ видѣли Баклушина, сами согласились бы непремѣнно, что это настоящій, прирожденный актеръ, съ большимъ талантомъ. Филатку я видѣлъ не разъ на московскомъ и петербургскомъ театрахъ, и положительно говорю — столичные актеры, игравшіе Филатку, оба играли хуже Баклушина. Въ сравненіи съ нимъ они были пейзане, а не настоящіе мужики. Имъ слишкомъ хотѣлось представить мужика. Баклушина сверхъ того возбуждало соперничество: всѣмъ извѣстно было, что во второй пьесѣ роль Кедрила будетъ играть арестантъ Поцѣйкинъ, актеръ, котораго всѣ почему-то считали даровитѣе, лучше Баклушина, и Баклушинъ страдалъ отъ этого какъ ребенокъ. Сколько разъ приходилъ онъ ко мнѣ въ эти послѣдніе дни и изливалъ свои чувства. За два часа до представленія его трясла лихорадка. Когда хохотали и кричали ему изъ толпы: «Лихо, Баклушинъ! Ай да молодецъ!» — все лицо его сіяло счастьемъ, настоящее вдохновеніе блистало въ его глазахъ. Сцена цѣлованія съ Мирошкой, когда Филатка кричитъ ему предварительно «утрись!» и самъ утирается, — вышла уморительно смѣшна. Всѣ такъ и покатились со смѣху. Но всего замѣчательнѣе для меня были зрители; тутъ ужъ всѣ были нараспашку. Они отдавались своему удовольствію беззавѣтно. Крики одобренія раздавались все чаще и чаще. Вотъ одинъ подталкиваетъ товарища и наскоро сообщаетъ ему свои впечатлѣнія, даже не заботясь и, пожалуй, не видя, кто стоитъ подлѣ него; другой, при какой-нибудь смѣшной сценѣ, вдругъ съ восторгомъ оборачивается къ толпѣ, быстро оглядываетъ всѣхъ, какъ бы вызывая всѣхъ смѣяться, машетъ рукой и тотчасъ же опять жадно оборачивается къ сценѣ. Третій просто прищелкнетъ языкомъ и пальцами и не можетъ смирно устоять на мѣстѣ; а такъ какъ некуда идти, то только переминается съ ноги на ногу. Къ концу пьесы общее

веселое настроеніе дошло до высшей степени. Я ничего не преувеличиваю. Представьте острогъ, кандалы, неволю, долгіе грустные годы впереди, жизнь однообразную, какъ водяная капель, въ хмурый, осенній день, — и вдругъ всѣмъ этимъ пригнетеннымъ и заключеннымъ позволили на часокъ развернуться, повеселиться, забыть тяжелый сонъ, устроить цѣлый театръ, да еще какъ устроить: на гордость и на удивленіе всему городу, — знай, дескать, нашихъ, каковы арестанты! Ихъ, конечно, все занимало, костюмы напримѣръ. Ужасно любопытно было для нихъ увидѣть, напримѣръ, такого-то Ваньку Отпѣтаго, али Нецвѣтаева, али Баклушина совсѣмъ въ другомъ платьѣ, чѣмъ въ какомъ столько ужъ лѣтъ ихъ каждый день видѣли. «Вѣдь арестантъ, тотъ же арестантъ, у самого кандалы побрякиваютъ, а вотъ выходитъ же теперь въ сюртукѣ, въ круглой шляпѣ, въ плащѣ — точно штатскій! Усы себѣ придѣлалъ, волосы. Вонъ платочекъ красный изъ кармана вынулъ, обмахивается, барина представляетъ, точно самъ ни дать ни взять баринъ!» И всѣ въ восторгѣ. «Благодѣтельный помѣщикъ» вышелъ въ адъютантскомъ мундирѣ, правда, очень старенькомъ, въ эполетахъ, въ фуражкѣ съ кокардочкой и произвелъ необыкновенный эффектъ. На эту роль было два охотника, и — повѣрятъ ли? — оба точно маленькія дѣти ужасно поссорились другъ съ другомъ за то, кому играть: обоимъ хотѣлось показаться въ офицерскомъ мундирѣ съ эксельбантами! Ихъ ужъ разнимали другіе актеры и присудили большинствомъ голосовъ отдать роль Нецвѣтаеву, не потому, чтобъ онъ былъ казистѣе другого и такимъ образомъ лучше бы походилъ на барина, а потому, что Нецвѣтаевъ увѣрилъ всѣхъ, что онъ выйдетъ съ тросточкой и будетъ такъ ею помахивать и по землѣ чертить, какъ настоящій баринъ и первѣйшій франтъ, чего Ванькѣ Отпѣтому и не представить, потому настоящихъ господъ онъ никогда и

не видывалъ. И дѣйствительно Нецвѣтаевъ, какъ вышелъ съ своей барыней передъ публику, только и дѣлалъ. что быстро и бѣгло чертилъ тоненькой камышевой тросточкой, которую откудова-то досталъ, по землѣ, вѣроятно, считая въ этомъ признаки самой высшей господственности, крайняго щегольства и фешени. Вѣроятно, когда-нибудь еще въ дѣтствѣ, будучи дворовымъ, босоногимъ мальчишкой, случилось ему увидать красиво одѣтаго барина съ тросточкой и плѣниться его умѣньемъ вертѣть ею, и вотъ впечатлѣніе навѣки и неизгладимо осталось въ душѣ его, такъ что теперь въ тридцать лѣтъ отроду припомнилось все, какъ было, для полнаго плѣненія и прельщенія всего острога. Нецвѣтаевъ былъ до того углубленъ въ свое занятіе, что ужъ и не смотрѣлъ ни на кого и никуда, даже говорилъ не подымая глазъ, и только дѣлалъ, что слѣдилъ за своей тросточкой и за ея кончикомъ. Благодѣтельная помѣщица была тоже въ своемъ родѣ чрезвычайно замѣчательна: она явилась въ старомъ изношенномъ кисейномъ платьѣ, смотрѣвшемъ настоящей тряпкой, съ голыми руками и шеей, страшно набѣленнымъ и румяненнымъ лицомъ, въ спальномъ коленкоровомъ чепчикѣ, подвязанномъ у подбородка, съ зонтикомъ въ одной рукѣ и съ вѣеромъ изъ разрисованной бумаги въ другой, которымъ она безпрерывно обмахивалась. Залпъ хохоту встрѣтилъ барыню; да и сама барыня не выдержала и нѣсколько разъ принималась хохотать. Игралъ барыню арестантъ Ивановъ. Сироткинъ, переодѣтый дѣвушкой, былъ очень милъ. Куплеты тоже сошли хорошо. Однимъ словомъ, пьеса кончилась къ самому полному и всеобщему удовольствію. Критики не было, да и быть не могло.

Проиграли еще разъ увертюру: «Сѣни мои сѣни», и вновь поднялась занавѣсь. Это Кедрилъ. Кедрилъ что-то въ родѣ Донъ-Жуана; по крайней мѣрѣ, и барина и слугу черти подъ конецъ пьесы уносятъ въ

адъ. Давался цѣлый актъ, но это, видно, отрывокъ; начало и конецъ затеряны. Толку и смыслу нѣтъ ни малѣйшаго. Дѣйствіе происходитъ въ Россіи, гдѣ-то на постояломъ дворѣ. Трактирщикъ вводитъ въ комнату барина въ шинели и въ круглой исковерканной шляпѣ. За нимъ идетъ его слуга Кедрилъ съ чемоданомъ и съ завернутой въ синюю бумагу курицей. Кедрилъ въ полушубкѣ и въ лакейскомъ картузѣ. Онъ-то и есть обжора. Играетъ его арестантъ Поцѣйкинъ, соперникъ Баклушина; барина играетъ тотъ же Ивановъ, что игралъ въ первой пьесѣ благодѣтельную помѣщицу. Трактирщикъ, Нецвѣтаевъ, предувѣдомляетъ, что въ комнатѣ водятся черти, и скрывается. Баринъ мрачный и озабоченный бормочетъ про себя, что онъ это давно зналъ, и велитъ Кедрилу разложить вещи и приготовить ужинъ. Кедрилъ трусъ и обжора. Услышавъ о чертяхъ, онъ блѣднѣетъ и дрожитъ какъ листъ. Онъ бы убѣжалъ, но труситъ барина. Да сверхъ того ему и ѣсть хочется. Онъ сластолюбивъ, глупъ, хитеръ по-своему, трусъ, надуваетъ барина на каждомъ шагу и въ то же время боится его. Это замѣчательный типъ слуги, въ которомъ какъ-то неясно и отдаленно сказываются черты Лепорелло, и дѣйствительно, замѣчательно преданный. Поцѣйкинъ съ рѣшительнымъ талантомъ и, на мой взглядъ, актеръ еще лучше Баклушина. Я, разумѣется, встрѣтясь на другой день съ Баклушинымъ, не высказалъ ему своего мнѣнія вполнѣ: я бы слишкомъ огорчилъ его. Арестантъ, игравшій барина, сыгралъ тоже недурно. Вздоръ онъ несъ ужаснѣйшій, ни на что не похожій; но дикція была правильная, бойкая, жестъ соотвѣтственный. Покамѣстъ Кедрилъ возится съ чемоданами, баринъ ходитъ въ раздумьи по сценѣ и объявляетъ во всеуслышаніе, что въ нынѣшній вечеръ конецъ его странствованіямъ. Кедрилъ любопытно прислушивается, гримасничаетъ, говоритъ à part и смѣшитъ съ каждымъ словомъ зри-

телей. Ему не жаль барина, но онъ слышалъ о чертяхъ; ему хочется узнать что это такое, и вотъ онъ вступаетъ въ разговоры и въ разспросы. Баринъ, наконецъ, объявляетъ ему, что когда-то въ какой-то бѣдѣ онъ обратился къ помощи ада, и черти помогли ему, выручили; но что сегодня срокъ и, можетъ быть, сегодня же они придутъ, по условію, за душой его. Кедрилъ начинаетъ шибко трусить. Но баринъ не теряетъ духа и велитъ ему приготовить ужинъ. Услыша про ужинъ, Кедрилъ оживляется, вынимаетъ курицу, вынимаетъ вино, — и нѣтъ-нѣтъ, а самъ отщипнетъ отъ курицы и отвѣдаетъ. Публика хохочетъ. Вотъ скрипнула дверь, вѣтеръ стучитъ ставнями; Кедрилъ дрожитъ и наскоро, почти безсознательно, упрятываетъ въ ротъ огромный кусокъ курицы, который и проглотить не можетъ. Опять хохотъ. «Готово ли?» кричитъ баринъ, расхаживая по комнатѣ. — Сейчасъ, сударь... я вамъ... приготовлю, — говоритъ Кедрилъ, самъ садится за столъ и преспокойно начинаетъ уплетать барское кушанье. Публикѣ видимо любо проворство и хитрость слуги, и то, что баринъ въ дуракахъ. Надо признаться, что и Поцѣйкинъ стоилъ, дѣйствительно, похвалы. Слова: «сейчасъ, сударь, я вамъ приготовлю», онъ выговорилъ превосходно. Сѣвъ за столъ, онъ начинаетъ ѣсть съ жадностью и вздрагиваетъ съ каждымъ шагомъ барина, чтобъ тотъ не замѣтилъ его продѣлокъ; чуть тотъ повернется на мѣстѣ, онъ прячется подъ столъ и тащитъ съ собой курицу. Наконецъ, онъ утоляетъ свой первый голодъ; пора подумать о баринѣ. — «Кедрилъ, скоро ли ты?» кричитъ баринъ. — Готово-съ! — бойко отвѣчаетъ Кедрилъ, спохватившись, что барину почти ничего не остается. На тарелкѣ, дѣйствительно, лежитъ одна куриная ножка. Баринъ, мрачный и озабоченный, ничего не замѣчая, садится за столъ, а Кедрилъ съ салфеткой становится за его стуломъ. Каждое слово, каждый жестъ

каждая гримаса Кедрила, когда онъ, оборачиваясь къ публикѣ, киваетъ на простофилю барина встрѣчаются съ неудержимымъ хохотомъ зрителями. Но вотъ, только что баринъ принимается ѣсть, появляются черти. Тутъ ужъ ничего понять нельзя, да и черти появляются какъ-то ужъ слишкомъ не-по-людски: въ боковой кулискѣ отворяется дверь и является что-то въ бѣломъ, а вмѣсто головы у него фонарь со свѣчой; другой фантомъ тоже съ фонаремъ на головѣ, въ рукахъ держитъ косу. Почему фонари, почему коса, почему черти въ бѣломъ? Никто не можетъ объяснить себѣ. Впрочемъ, объ этомъ никто не задумывается. Такъ ужъ вѣрно тому и быть должно. Баринъ довольно храбро оборачивается къ чертямъ и кричитъ имъ, что онъ готовъ, чтобъ они брали его. Но Кедрилъ трусить какъ заяцъ: онъ лѣзетъ подъ столъ, но, несмотря на свой испугъ, не забываетъ захватить со стола бутылку. Черти на минуту скрываются; Кедрилъ вылѣзаетъ изъ-за стола; но только что баринъ принимается опять за курицу, какъ три чорта снова врываются въ комнату, подхватываютъ барина сзади и несутъ его въ преисподнюю. «Кедрилъ! Спасай меня!» — кричитъ баринъ. Но Кедрилу не до того. Онъ въ этотъ разъ и бутылку, и тарелку и даже хлѣбъ стащилъ подъ столъ. Но вотъ онъ теперь одинъ, чертей нѣтъ, барина тоже. Кедрилъ вылѣзаетъ, осматривается, и улыбка озаряетъ лицо его. Онъ плутовски прищуривается, садится на барское мѣсто и, кивая публикѣ, говоритъ полушопотомъ:

— Ну, я теперь одинъ... безъ барина!..

Всѣ хохочутъ тому, что онъ безъ барина; но вотъ онъ еще прибавляетъ полушопотомъ, конфиденціально обращаясь къ публикѣ, и все веселѣе и веселѣе подмигивая глазкомъ:

— Барина-то черти взяли!..

Восторгъ зрителей безпредѣльный! Кромѣ того,

что барина черти взяли, это было такъ высказано, съ такимъ плутовствомъ, съ такой насмѣшливо-торжествующей гримасой, что, дѣйствительно, невозможно не аплодировать. Но недолго продолжается счастье Кедрила. Только было онъ распорядился бутылкой, налилъ себѣ въ стаканъ и хотѣлъ пить, какъ вдругъ возвращаются черти, крадутся сзади на цыпочкахъ и цапъ-царапъ его подъ бока. Кедрилъ кричитъ во все горло; отъ трусости онъ не смѣетъ оборотиться. Защищаться тоже не можетъ: въ рукахъ бутылка и стаканъ, съ которыми онъ не въ силахъ разстаться. Разинувъ ротъ отъ ужаса, онъ съ полминуты сидитъ выпуча глаза на публику, съ такимъ уморительнымъ выраженіемъ трусливаго испуга, что рѣшительно съ него можно было писать картину. Наконецъ, его несутъ, уносятъ; бутылка съ нимъ, онъ болтаетъ ногами и кричитъ, кричитъ. Крики его раздаются еще за кулисами. Но занавѣсъ опускается, и всѣ хохочутъ, всѣ въ восторгѣ... Оркестръ начинаетъ камаринскую.

Начинаютъ тихо, едва слышно, но мотивъ растетъ и растетъ, темпъ учащается, раздаются молодецкія пришелкиванія по декамъ балалайки... Это камаринская во всемъ своемъ размахѣ, и, право, было бы хорошо, если бъ Глинка хоть случайно услыхалъ ее у насъ въ острогѣ. Начинается пантомина подъ музыку. Камаринская не умолкаетъ во все продолженіе пантомины. Представлена внутренность избы. На сценѣ мельникъ и жена его. Мельникъ въ одномъ углу чинитъ сбрую, въ другомъ углу жена прядетъ ленъ. Жену играетъ Сироткинъ, мельника Нецвѣтаевъ.

Замѣчу, что наши декораціи очень бѣдны. И въ этой, и въ предыдущей пьесѣ, и въ другихъ, вы болѣе дополняете собственнымъ воображеніемъ, чѣмъ видите глазами. Вмѣсто задней стѣны протянутъ какой-то коверъ или попона; сбоку какія-то дрянныя шир-

мы. Лѣвая же сторона ничѣмъ не заставлена, такъ что видны нары. Но зрители невзыскательны и соглашаются дополнять воображеніемъ дѣйствительность, тѣмъ болѣе, что арестанты къ тому очень способны. «Сказано садъ, такъ и почитай за садъ, комната такъ комната, изба такъ изба, — все равно и церемониться много нечего». Сироткинъ въ костюмѣ молодой бабенки очень милъ. Между зрителями раздается вполголоса нѣсколько комплиментовъ. Мельникъ кончаетъ работу, беретъ шапку, беретъ кнутъ, подходитъ къ женѣ и объясняетъ ей знаками, что ему надо идти, но что если безъ него жена кого приметъ, то . . . и онъ показываетъ на кнутъ. Жена слушаетъ и киваетъ головой. Этотъ кнутъ, вѣроятно, ей очень знакомъ: бабенка отъ мужа погуливаетъ. Мужъ уходитъ. Только что онъ за дверь, жена грозитъ ему вслѣдъ кулакомъ. Но вотъ стучатъ; дверь отворяется, и опять является сосѣдъ, тоже мельникъ, мужикъ въ кафтанѣ и съ бородой. Въ рукахъ у него подарокъ, красный платокъ. Бабенка смѣется; но только что сосѣдъ хочетъ обнять ее, какъ въ двери опять стукъ. Куда дѣваться? Она наскоро прячетъ его подъ столъ, а сама опять за веретено. Является другой обожатель; это писарь, въ военной формѣ. До сихъ поръ пантомина шла безукоризненно, жестъ былъ безошибочно правиленъ. Можно было даже удивляться, смотря на этихъ импровизированныхъ актеровъ, и невольно подумать: сколько силъ и таланту погибаетъ у насъ на Руси иногда почти даромъ, въ неволѣ и въ тяжкой долѣ! Но арестантъ, игравшій писаря, вѣроятно, когда-то былъ на провинціальномъ или домашнемъ театрѣ, и ему вообразилось, что наши актеры, всѣ до единаго, не понимаютъ дѣла и не такъ ходятъ, какъ слѣдуетъ ходить по сценѣ. И вотъ онъ выступаетъ, какъ, говорятъ, выступали въ старину на театрахъ классическіе герои; ступитъ длинный шагъ и, еще не передвинувъ другой ноги,

вдругъ остановится, откинетъ назадъ весь корпусъ, голову, гордо поглядитъ кругомъ, и — ступитъ другой шагъ. Если такая ходьба смѣшна была въ классическихъ герояхъ, то въ военномъ писарѣ, въ комической сценѣ, еще смѣшнѣе. Но публика наша думала, что, вѣроятно, такъ тамъ и надо, и длинные шаги долговязаго писаря приняла какъ совершившійся фактъ, безъ особенной критики. Едва только писарь успѣлъ выйти на средину сцены, какъ послышался еще стукъ: хозяйка опять переполошилась. Куда дѣвать писаря? Въ сундукъ, благо отпертъ. Писарь лѣзетъ въ сундукъ, и бабенка его накрываетъ крышкой. На этотъ разъ является гость особенный, тоже влюбленный, но особаго свойства. Это браминъ и даже въ костюмѣ. Неудержимый хохотъ раздается между зрителями. Брамина играетъ арестантъ Кошкинъ и играетъ прекрасно. У него фигура браминская. Жестами объясняетъ онъ всю степень любви своей. Онъ приподымаетъ руки къ небу, потомъ прикладываетъ ихъ къ груди, къ сердцу; но только что онъ успѣлъ разнѣжиться, — раздается сильный ударъ въ дверь. По удару слышно, что это хозяинъ. Испуганная жена внѣ себя, браминъ мечется какъ угорѣлый и умоляетъ, чтобъ его спрятали. Наскоро она становитъ его за шкапъ, а сама, забывъ отпереть, бросается къ своей пряжѣ и прядетъ, прядетъ, не слыша стука въ дверь своего мужа, съ перепуга сучитъ нитку, которой у нея нѣтъ въ рукахъ, и вертитъ веретено, забывъ поднять его съ пола. Сироткинъ очень хорошо и удачно изобразилъ этотъ испугъ. Но хозяинъ выбиваетъ дверь ногою и съ кнутомъ подходитъ къ женѣ. Онъ все замѣтилъ и подкараулилъ и прямо показываетъ ей пальцами, что у ней спрятаны трое. Затѣмъ ищетъ спрятанныхъ. Перваго находитъ сосѣда и провожаетъ его тузанами изъ комнаты. Струсившій писарь хотѣлъ было бѣжать, приподнялъ головой крышку и тѣмъ самъ себя

выдалъ. Хозяинъ подстегиваетъ его кнутикомъ, и на этотъ разъ влюбленный писарь прискакиваетъ вовсе не по-классически. Остается браминъ; хозяинъ долго ищетъ его, наконецъ, находитъ его въ углу за шкапомъ, вѣжливо откланивается ему и за бороду вытягиваетъ на средину сцены. Браминъ пробуетъ защищаться, кричитъ: «окаянный, окаянный!» (единственныя слова, сказанныя въ пантомимѣ), но мужъ не слушаетъ и расправляется по-свойски. Жена, видя, что дѣло доходитъ теперь до нея, бросаетъ пряжу, веретено и бѣжитъ изъ комнаты; донцо валится наземь, арестанты хохочутъ. Алей, не глядя на меня, теребитъ меня за руку и кричитъ мнѣ: «Смотри! Браминъ, браминъ!» а самъ устоять не можетъ отъ смѣху. Занавѣсъ падаетъ. Начинается другая сцена.

Но нечего описывать всѣхъ сценъ. Ихъ было еще двѣ или три. Всѣ онѣ смѣшны и неподдѣльно веселы. Если сочинили ихъ не сами арестанты, то, по крайней мѣрѣ, въ каждую изъ нихъ положили своего. Почти каждый актеръ импровизировалъ отъ себя, такъ что въ слѣдующіе вечера одинъ и тотъ же актеръ одну и ту же роль игралъ нѣсколько иначе. Послѣдняя пантомина, фантастическаго свойства, заключалась балетомъ. Хоронился мертвецъ. Браминъ съ многочисленной прислугой дѣлаетъ надъ гробомъ разныя заклинанія, но ничто не помогаетъ. Наконецъ раздается: «Солнце на закатѣ», мертвецъ оживаетъ и всѣ съ радости начинаютъ плясать. Браминъ пляшетъ вмѣстѣ съ мертвецомъ и пляшетъ совершенно особеннымъ образомъ, по-брамински. Тѣмъ и кончается театръ, до слѣдующаго вечера. Наши всѣ расходятся веселые, довольные, хвалятъ актеровъ, благодарятъ унтеръ-офицера. Ссоръ не слышно. Всѣ какъ-то непривычно довольны, даже какъ будто счастливы, и засыпаютъ не по-всегдашнему, а почти съ спокойнымъ духомъ, — а съ чего бы кажется? А между тѣмъ

это не мечта моего воображенія. Это правда, истина. Только немного позволили этимъ бѣднымъ людямъ пожить по-своему, повеселиться по-людски, прожить хоть часъ не по-острожному — и человѣкъ нравственно мѣняется, хотя бы то было на нѣсколько только минутъ... Но вотъ уже глубокая ночь. Я вздрагиваю и просыпаюсь случайно: старикъ все еще молится на печкѣ и промолится тамъ до самой зари; Алей тихо спитъ подлѣ меня. Я припоминаю, что и засыпая онъ еще смѣялся, толкуя вмѣстѣ съ братьями о театрѣ, и невольно засматриваюсь на его спокойное дѣтское лицо. Мало-по-малу я припоминаю все, послѣдній день, праздники, весь этотъ мѣсяцъ ... въ испугѣ приподымаю голову и оглядываю спящихъ моихъ товарищей, при дрожащемъ свѣтѣ шестериковой казенной свѣчи. Я смотрю на ихъ бѣдныя лица, на ихъ бѣдныя постели, на всю эту непроходимую голь и нищету, — всматриваюсь — и точно мнѣ хочется увѣриться, что все это не продолженіе безобразнаго сна, а дѣйствительная правда. Но это правда: вотъ слышится чей-то стонъ; кто-то тяжело откинулъ руку и брякнулъ цѣпями. Другой вздрогнулъ во снѣ и началъ говорить, а дѣдушка на печи молится за всѣхъ «православныхъ христіанъ», и слышно его мѣрное, тихое, протяжное: «Господи Іисусе Христе, помилуй насъ! ..»

«Не навсегда же я здѣсь, а только вѣдь на нѣсколько лѣтъ!» — думаю я и склоняю опять голову на подушку.

Часть вторая

I

Госпиталь

Вскорѣ послѣ праздниковъ я сдѣлался боленъ и отправился въ нашъ военный госпиталь. Онъ стоялъ особнякомъ, въ полуверстѣ отъ крѣпости. Это было длинное одноэтажное зданіе, открашенное желтой краской. Лѣтомъ, когда происходили ремонтныя работы, на него выходило чрезвычайное количество вохры. На огромномъ дворѣ госпиталя помѣщались службы, дома для медицинскаго начальства и прочія пригодныя постройки. Въ главномъ же корпусѣ располагались однѣ только палаты. Палатъ было много, но арестантскихъ всего только двѣ, всегда очень наполненныхъ, но особенно лѣтомъ, такъ что приходилось часто сдвигать кровати. Наполнялись наши палаты всякаго рода «несчастнымъ народомъ». Ходили туда наши, ходили разнаго рода военные подсудимые, содержавшіеся на разныхъ абвахтахъ, рѣшеные, нерѣшеные и пересылочные; ходили и изъ исправительной роты, — страннаго заведенія, въ которое отсылались провинившіеся и малонадежные солдатики изъ батальоновъ, для поправленія своего поведенія, и оттуда, года черезъ два и больше, они обыкновенно выходили такими мерзавцами, какихъ на рѣдкость и встрѣтить. Заболѣвшіе изъ арестантовъ у насъ обыкновенно поутру объявляли о болѣзни своей унтеръ-офицеру. Ихъ тотчасъ

же записывали въ книгу и съ этой книгой отсылали больного съ конвойнымъ въ батальонный лазаретъ. Тамъ докторъ предварительно свидѣтельствовалъ всѣхъ больныхъ изъ всѣхъ военныхъ командъ, расположенныхъ въ крѣпости, и кого находилъ дѣйствительно больнымъ, записывалъ въ госпиталь. Меня отмѣтили въ книгѣ, и во второмъ часу, когда уже всѣ наши отправились изъ острога на послѣобѣденную работу, я пошелъ въ госпиталь. Больной арестантъ обыкновенно бралъ съ собой сколько могъ денегъ, хлѣба, потому что на тотъ день не могъ ожидать себѣ въ госпиталѣ порціи, крошечную трубочку и кисетъ съ табакомъ, кремнемъ и огнивомъ. Эти послѣдніе предметы тщательно запрятывались въ сапоги. Я вступилъ въ ограду госпиталя не безъ нѣкотораго любопытства къ этой новой, незнакомой еще мнѣ варьяціи нашего арестантскаго житья-бытья.

День былъ теплый, хмурый и грустный — одинъ изъ тѣхъ дней, когда такія заведенія, какъ госпиталь, принимаютъ особенно-дѣловой, тоскливый и кислый видъ. Мы съ конвойнымъ вошли въ пріемную, гдѣ стояли двѣ мѣдныя ванны и гдѣ уже дожидались двое больныхъ, изъ подсудимыхъ, тоже съ конвойными. Вошелъ фельдшеръ, лѣниво и со властію оглядѣлъ насъ и еще лѣнивѣе отправился доложить дежурному лѣкарю. Тотъ явился скоро; осмотрѣлъ, обошелся очень ласково и выдалъ намъ «скорбные листы», въ которыхъ были обозначены наши имена. Дальнѣйшее же расписаніе болѣзни, назначеніе лѣкарствъ, порціи и проч. предоставлялось уже тому изъ ординаторовъ, который завѣдывалъ арестантскими палатами. Я уже и прежде слышалъ, что арестанты не нахвалятся своими лѣкарями. «Отцовъ не надо!» — отвѣчали они мнѣ на мои разспросы, когда я отправлялся въ больницу. Между тѣмъ мы переодѣлись. Платье и бѣлье, въ которомъ мы пришли, отъ насъ отобрали и одѣли

насъ въ бѣлье госпитальное, да сверхъ того выдали намъ длинные чулки, туфли, колпаки и толстые суконные, бураго цвѣта халаты, подшитые не то холстомъ, не то какимъ-то пластыремъ. Однимъ словомъ, халатъ былъ до послѣдней степени грязенъ; но оцѣнилъ я его вполнѣ уже на мѣстѣ. Затѣмъ насъ повели въ арестантскія палаты, которыя были расположены въ концѣ длиннѣйшаго коридора, высокаго и чистаго. Наружная чистота вездѣ была очень удовлетворительна; все, что съ перваго раза бросалось въ глаза, такъ и лоснилось. Впрочемъ, это могло мнѣ такъ показаться послѣ нашего острога. Двое подсудимыхъ пошли въ палату налѣво, я направо. У двери, замкнутой желѣзнымъ болтомъ, стоялъ часовой съ ружьемъ, подлѣ него подчасокъ. Младшій унтеръ-офицеръ (изъ госпитальнаго караула) велѣлъ пропустить меня, и я очутился въ длинной и узкой комнатѣ, по обѣимъ продольнымъ стѣнамъ которой стояли кровати, числомъ около двадцати двухъ, между которыми три-четыре еще были не заняты. Кровати были деревянныя, окрашенныя зеленой краской, слишкомъ знакомыя всѣмъ и каждому у насъ на Руси, — тѣ самыя кровати, которыя, по какому-то предопредѣленію, никакъ не могутъ быть безъ клоповъ. Я помѣстился на углу, на той сторонѣ, гдѣ были окна.

Какъ уже и сказалъ я, тутъ были и наши арестанты, изъ острога. Нѣкоторые изъ нихъ уже знали меня или, по крайней мѣрѣ, видѣли прежде. Гораздо болѣе было изъ подсудимыхъ и изъ исправительной роты. Трудно-больныхъ, то-есть не встававшихъ съ постели, было не такъ много. Другіе же, легко-больные или выздоравливавшіе, или сидѣли на койкахъ, или ходили взадъ и впередъ по комнатѣ, гдѣ между двумя рядами кроватей оставалось еще пространство, достаточное для прогулки. Въ палатѣ былъ чрезвычайно удушливый, больничный запахъ. Воздухъ былъ

зараженъ разными непріятными испареніями и запахомъ лѣкарствъ, несмотря на то, что почти весь день въ углу топилась печка. На моей койкѣ былъ надѣтъ полосатый чехолъ. Я снялъ его. Подъ чехломъ оказалось суконное одѣяло, подшитое холстомъ, и толстое бѣлье слишкомъ сомнительной чистоты. Возлѣ койки стоялъ столикъ, на которомъ была кружка и оловянная чашка. Все это для приличія прикрывалось выданнымъ мнѣ маленькимъ полотенцемъ. Внизу столика была еще полка: тамъ сохранялись у пившихъ чай чайники, жбаны съ квасомъ и прочее; но пившихъ чай и между больными было очень немного. Трубки же и кисеты, которые были почти у каждаго, не исключая даже и чахоточныхъ, прятались подъ койки. Докторъ и другіе изъ начальниковъ почти никогда ихъ не осматривали, а если и заставали кого съ трубкой, то дѣлали видъ, что не замѣчаютъ. Впрочемъ, и больные были почти всегда осторожны и ходили курить къ печкѣ. Развѣ ужъ ночью курили прямо съ кроватей; но ночью никто не обходилъ палатъ, кромѣ развѣ иногда офицера, начальника госпитальнаго караула.

До тѣхъ поръ я никогда не лежалъ ни въ какой больницѣ; все окружающее потому было для меня чрезвычайно ново. Я замѣтилъ, что возбуждаю нѣкоторое любопытство. Обо мнѣ уже слышали и оглядывали меня очень безцеремонно, даже съ оттѣнкомъ нѣкотораго превосходства, какъ оглядываютъ въ школахъ новичка или въ присутственныхъ мѣстахъ просителя. Справа подлѣ меня лежалъ одинъ подсудимый, писарь, незаконный сынъ одного отставного капитана. Онъ судился по фальшивымъ деньгамъ и лежалъ уже съ годъ, кажется, ничѣмъ не больной, но увѣрявшій докторовъ, что у него аневризмъ. Онъ достигъ цѣли: каторга и тѣлесное наказаніе миновали его, и онъ, еще годъ спустя, былъ отосланъ въ Т—къ, для содержанія гдѣ-то при больницѣ. Это былъ плотный, коренастый парень

лѣтъ двадцати восьми, большой плутъ и законникъ, очень неглупый, чрезвычайно развязный и самонадѣянный малый, до болѣзни самолюбивый, пресерьезно увѣрившій самого себя, что онъ честнѣйшій и правдивѣйшій человѣкъ въ свѣтѣ и даже вовсе ни въ чемъ не виноватый, и такъ и оставшійся навсегда съ этой увѣренностью. Онъ первый заговорилъ со мною, съ любопытствомъ сталъ меня разспрашивать и довольно подробно разсказалъ мнѣ о внѣшнихъ порядкахъ госпиталя. Разумѣется, прежде всего онъ заявилъ мнѣ, что онъ капитанскій сынъ. Ему чрезвычайно хотѣлось казаться двоpяниномъ или, по крайней мѣрѣ, «изъ благородныхъ». Вслѣдъ за нимъ подошелъ ко мнѣ одинъ больной изъ исправительной роты и началъ увѣрять, что онъ зналъ многихъ изъ прежде-сосланныхъ дворянъ, называя ихъ по имени и отечеству. Это былъ уже сѣдой солдатъ; на лицѣ его было написано, что онъ все это вретъ. Звали его Чекуновъ. Онъ, очевидно, ко мнѣ подлизывался, вѣроятно, подозрѣвая у меня деньги. Замѣтивъ у меня свертокъ съ чаемъ и сахаромъ, онъ тотчасъ же предложилъ свои услуги: достать чайникъ и заварить мнѣ чаю. Чайникъ мнѣ обѣщалъ прислать назавтра М—цкій изъ острога, съ кѣмъ-нибудь изъ арестантовъ, ходившихъ въ госпиталь на работу. Но Чекуновъ обдѣлалъ все дѣло. Онъ досталъ какой-то чугунокъ, даже чашку, вскипятилъ воду, заварилъ чаю, однимъ словомъ, услуживалъ съ необыкновеннымъ усердіемъ, чѣмъ возбудилъ тотчасъ же въ одномъ изъ больныхъ нѣсколько ядовитыхъ насмѣшекъ на свой счетъ. Этотъ больной былъ чахоточный, лежавшій напротивъ меня, по фамиліи Устьянцевъ, изъ подсудимыхъ солдатъ, тотъ самый, который, испугавшись наказанія, выпилъ крышку вина, крѣпко настоявъ въ немъ табаку, и тѣмъ нажилъ себѣ чахотку; о немъ я уже упоминалъ какъ-то прежде. До сихъ поръ онъ лежалъ молча и трудно дыша, пристально и

серьезно ко мнѣ приглядываясь и съ негодованіемъ слѣдя за Чекуновымъ. Необыкновенная, желчная серьезность придавала какой-то особенно комическій оттѣнокъ его негодованію. Наконецъ, онъ не выдержалъ:

— Ишь, холопъ! Нашелъ барина! — проговорилъ онъ съ разстановкой и задыхающимся отъ безсилія голосомъ. Онъ былъ уже въ послѣднихъ дняхъ своей жизни.

Чекуновъ съ негодованіемъ оборотился къ нему:

— Это кто холопъ? — произнесъ онъ, презрительно глядя на Устьянцева.

— Ты холопъ! — отвѣчалъ тотъ такимъ самоувѣреннымъ тономъ, какъ будто имѣлъ полное право распекать Чекунова и даже былъ приставленъ къ нему для этой цѣли.

— Я холопъ?

— Ты и есть. Слышите, добрые люди, не вѣритъ! Удивляется!

— Да тебѣ-то что! Вишь они одни, какъ безъ рукъ. Безъ услуги непривычны, извѣстно. Почему не услужить, мохнорылый ты шутъ!

— Это кто мохнорылый?

— Ты мохнорылый.

— Я мохнорылый!

— Ты и есть!

— А ты красавецъ? У самого лицо, какъ воронье яйцо... коли я мохнорылый.

— Мохнорылый и есть! Вѣдь ужъ Богъ убилъ, лежалъ бы себѣ да помиралъ! Нѣтъ, туда же сбираетъ! Ну, чего сбираешь!

— Чего! Нѣтъ ужъ, я лучше сапогу поклонюсь, а не лаптю. Отецъ мой не кланялся и мнѣ не велѣлъ. Я... я...

Онъ было хотѣлъ продолжать, но страшно закашлялся на нѣсколько минутъ, выплевывая кровью. Скоро

холодный, изнурительный потъ выступилъ на узенькомъ лбу его. Кашель мѣшалъ ему, а то бы онъ все говорилъ; по глазамъ его видно было, какъ хотѣлось ему еще поругаться; но въ безсиліи, онъ только отмахивался рукою... Такъ что Чекуновъ подъ конецъ ужъ и позабылъ его.

Я почувствовалъ, что злость чахоточнаго направлена скорѣе на меня, чѣмъ на Чекунова. За желаніе Чекунова подслужиться и тѣмъ достать копейку никто бы не сталъ на него сердиться или смотрѣть на него съ особымъ презрѣніемъ. Всякъ понималъ, что онъ это дѣлаетъ просто изъ-за денегъ. На этотъ счетъ простой народъ вовсе не такъ щепетиленъ и чутко умѣетъ различать дѣло. Устьянцеву не понравился собственно я, не понравился ему мой чай и то, что я и въ кандалахъ какъ баринъ, какъ будто не могу обойтись безъ прислуги, хотя я вовсе не звалъ и не желалъ никакой прислуги. Дѣйствительно, мнѣ всегда хотѣлось все дѣлать самому, и даже я особенно желалъ, чтобъ и виду не подавать о себѣ, что я бѣлоручка, нѣженка, барствую. Въ этомъ отчасти состояло даже мое самолюбіе, если ужъ къ слову такъ пришлось. Но вотъ, — и рѣшительно не понимаю, какъ это всегда такъ случалось, — но я никогда не могъ отказаться отъ разныхъ услужниковъ и прислужниковъ, которые сами ко мнѣ навязывались и подъ конецъ овладѣвали мной совершенно, такъ что они по-настоящему были моими господами, а я ихъ слугой; а по наружности и выходило какъ-то само собой, что я дѣйствительно баринъ, не могу обойтись безъ прислуги и барствую. Это, конечно, было мнѣ очень досадно. Но Устьянцевъ былъ чахоточный, раздражительный человѣкъ. Прочіе же изъ больныхъ соблюдали видъ равнодушія, даже съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ высокомѣрія. Помню, всѣ были заняты однимъ особеннымъ обстоятельствомъ: изъ арестантскихъ раз-

говоровъ я узналъ, что въ тотъ же вечеръ приведутъ къ намъ подсудимаго, котораго въ эту минуту наказываютъ шпицрутенами. Арестанты ждали новичка съ нѣкоторымъ любопытствомъ. Говорили, впрочемъ, что наказаніе будетъ легкое, — всего только пятьсотъ.

Понемногу я оглядѣлся кругомъ. Сколько я могъ замѣтить, дѣйствительно, больные лежали здѣсь все болѣе цынготною и глазною болѣзнями — мѣстными болѣзнями тамошняго края. Такихъ было въ палатѣ нѣсколько человѣкъ. Изъ другихъ, дѣйствительно больныхъ, лежали лихорадками, разными болячками, грудью. Здѣсь не такъ, какъ въ другихъ палатахъ, здѣсь были собраны въ кучу всѣ болѣзни, даже венерическія. Я сказалъ *дѣйствительно* больныхъ, потому что было нѣсколько и пришедшихъ *такъ*, безо всякой болѣзни, «отдохнуть». Доктора допускали такихъ охотно, изъ состраданія, особенно когда было много пустыхъ кроватей. Содержаніе на абвахтахъ и въ острогѣ казалось сравнительно съ госпитальнымъ до того плохо, что многіе арестанты съ удовольствіемъ приходили лежать, несмотря на спертый воздухъ и запертую палату. Были даже особенные любители лежанья и вообще госпитальнаго житья-бытья; всѣхъ болѣе, впрочемъ, изъ исправительной роты. Я съ любопытствомъ осматривалъ моихъ новыхъ товарищей, но помню, особенное любопытство тогда же возбудилъ во мнѣ одинъ, уже умиравшій, изъ нашего острога, тоже чахоточный и тоже въ послѣднихъ дняхъ, лежавшій черезъ кровать отъ Устьянцева и такимъ образомъ тоже почти противъ меня. Звали его Михайловъ; еще двѣ недѣли тому назадъ я видѣлъ его въ острогѣ. Онъ давно уже былъ боленъ и давно бы пора ему было идти лѣчиться; но онъ съ какимъ-то упорнымъ и совершенно ненужнымъ терпѣніемъ преодолѣвалъ себя, крѣпился и только на праздникахъ ушелъ въ госпиталь, чтобъ умереть въ

три недѣли отъ ужасной чахотки; точно сгорѣлъ человѣкъ. Меня поразило теперь его страшно измѣнившееся лицо, — лицо, которое я изъ первыхъ замѣтилъ по вступленіи моемъ въ острогъ; оно мнѣ тогда какъ-то въ глаза кинулось. Подлѣ него лежалъ одинъ исправительный солдатъ, уже старый человѣкъ, страшный и отвратительный неряха... Но, впрочемъ, не пересчитывать же всѣхъ больныхъ... Я вспомнилъ теперь и объ этомъ старикашкѣ единственно потому, что онъ произвелъ на меня тогда тоже нѣкоторое впечатлѣніе и въ одну минуту успѣлъ дать мнѣ довольно полное понятіе о нѣкоторыхъ особенностяхъ арестантской палаты. У этого старичонки, помню, былъ тогда сильнѣйшій насморкъ. Онъ все чихалъ и всю недѣлю потомъ чихалъ даже и во снѣ, какъ-то залпами, по пяти и по шести чиховъ за разъ, аккуратно каждый разъ приговаривая: «Господи, далось же такое наказанье!» Въ эту минуту онъ сидѣлъ на постели и съ жадностью набивалъ себѣ носъ табакомъ изъ бумажнаго сверточка, чтобъ сильнѣе и аккуратнѣе прочихаться. Чихалъ онъ въ бумажный платокъ, собственный, клѣтчатый, разъ сто мытый и до крайности полинялый, при чемъ какъ-то особенно морщился его маленькій носъ, слагаясь въ мелкія, безчисленныя морщинки, и выставлялись осколки старыхъ, почернѣлыхъ зубовъ, вмѣстѣ съ красными, слюнявыми деснами. Прочихавшись, онъ тотчасъ же развертывалъ платокъ, внимательно разсматривалъ обильно-накопившуюся въ немъ мокроту и немедленно смазывалъ ее на свой бурый, казенный халатъ, такъ что вся мокрота оставалась на халатѣ, а платокъ только что развѣ оставался сыренекъ. Такъ онъ дѣлалъ всю недѣлю. Это копотливое, скряженическое сбереженіе собственнаго платка въ ущербъ казенному халату вовсе не возбуждало со стороны больныхъ никакого протеста, хотя кому-нибудь изъ нихъ же послѣ него пришлось бы надѣть этотъ же самый халатъ. Но нашъ простой

народъ небрезгливъ и негадливъ даже до странности. Меня же такъ и покоробило въ ту минуту, и я тотчасъ же съ омерзѣніемъ и любопытствомъ невольно началъ осматривать только что надѣтый мною халатъ. Тутъ я замѣтилъ, что онъ уже давно возбуждалъ мое вниманіе своимъ сильнымъ запахомъ; онъ успѣлъ уже на мнѣ нагрѣться и пахнулъ все сильнѣе и сильнѣе лѣкарствами, пластырями и, какъ мнѣ казалось, какимъ-то гноемъ, что было немудрено, такъ какъ онъ съ незапамятныхъ лѣтъ не сходилъ съ плечъ больныхъ. Можетъ быть, холщевую подкладку его на спинѣ и промывали когда-нибудь; но навѣрно не знаю. Зато въ настоящее время эта подкладка была пропитана всѣми возможными непріятными соками, примочками, пролившеюся водою изъ прорѣзанныхъ мушекъ и проч. Къ тому же въ арестантскія палаты очень часто являлись только-что наказанные шпицрутенами, съ израненными спинами; ихъ лѣчили примочками, а потому халатъ, надѣвавшійся прямо на мокрую рубашку, никакимъ образомъ не могъ не портиться: такъ все на немъ и оставалось. И все время мое въ острогѣ, всѣ эти нѣсколько лѣтъ, какъ только мнѣ случалось бывать въ госпиталѣ (а бывалъ я частенько), я каждый разъ съ боязливою недовѣрчивостью надѣвалъ халатъ. Особенно же не нравились мнѣ иногда встрѣчавшіяся въ этихъ халатахъ вши, крупныя и замѣчательно жирныя. Арестанты съ наслажденіемъ казнили ихъ, такъ что когда подъ толстымъ, неуклюжимъ арестантскимъ ногтемъ щелкнетъ, бывало, казненный звѣрь, то даже по лицу охотника можно было судить о степени полученнаго имъ удовлетворенія. Очень тоже не любили у насъ клоповъ и тоже, бывало, подымались иногда всей палатой истреблять ихъ въ иной длинный, скучный зимній вечеръ. И хотя въ палатѣ, кромѣ тяжелаго запаху, снаружи все было по возможности чисто, но внутренней, такъ сказать, подкладочной чистотой у насъ

не щеголяли. Больные привыкли къ этому и даже считали, что такъ и надо, да и самые порядки къ особенной чистотѣ не располагали. Но о порядкахъ я скажу послѣ...

Только что Чекуновъ подалъ мнѣ чай (мимоходомъ сказать, на палатной водѣ, которая приносилась разомъ на цѣлыя сутки и какъ-то слишкомъ скоро портилась въ нашемъ воздухѣ), отворилась съ нѣкоторымъ шумомъ дверь, и за усиленнымъ конвоемъ введенъ былъ только-что наказанный шпицрутенами солдатикъ. Это было въ первый разъ, какъ я видѣлъ наказаннаго. Впослѣдствіи ихъ приводили часто, иныхъ даже приносили (слишкомъ ужъ тяжело наказанныхъ), и каждый разъ это доставляло большое развлеченіе больнымъ. Встрѣчали у насъ таковаго обыкновенно съ усиленно-строгимъ выраженіемъ лицъ и съ какою-то даже нѣсколько натянутою серьезностью. Впрочемъ, пріемъ отчасти зависѣлъ и отъ степени важности преступленія, а слѣдственно и отъ количества наказанія. Очень больно битый и, по репутаціи, большой преступникъ пользовался и бо́льшимъ уваженіемъ и бо́льшимъ вниманіемъ, чѣмъ какой-нибудь бѣжавшій рекрутикъ, вотъ какъ тотъ, напримѣръ, котораго привели теперь. Но и въ томъ и въ другомъ случаѣ ни особенныхъ сожалѣній, ни какихъ-нибудь особенно раздражительныхъ замѣчаній не дѣлалось. Молча помогали несчастному и ухаживали за нимъ, особенно если онъ не могъ обойтись безъ помощи. Фельдшера уже сами знали, что сдаютъ битаго въ опытныя и искусныя руки. Помощь обыкновенно была въ частой и необходимой перемѣнѣ смоченной въ холодной водѣ простыни или рубашки, которою одѣвали истерзанную спину, особенно если наказанный самъ уже былъ не въ силахъ наблюдать за собой, да кромѣ того въ ловкомъ выдергиваніи занозъ изъ болячекъ, которыя зачастую остаются въ спинѣ отъ сломавшихся объ нее палокъ. Послѣдняя операція

обыкновенно очень бываетъ непріятна больному. Но вообще меня всегда удивляла необыкновенная стойкость въ перенесеніи боли наказанными. Много я ихъ перевидалъ, иногда уже слишкомъ битыхъ, и почти ни одинъ изъ нихъ не стоналъ! Только лицо какъ будто все измѣнится, поблѣднѣетъ; глаза горятъ; взглядъ разсѣянный, безпокойный, губы трясутся, такъ что бѣдняга нарочно прикусываетъ ихъ, бывало, чуть не до крови зубами. Вошедшій солдатикъ былъ парень лѣтъ двадцати трехъ, крѣпкаго мускулистаго сложенія, красиваго лица, высокій, стройный, смуглотѣлый. Спина его была, впрочемъ, порядочно пообита. Сверху до самой поясницы все его тѣло было обнажено; на плеча его была накинута мокрая простыня, отъ которой онъ дрожалъ всѣми членами какъ въ лихорадкѣ, и часа полтора ходилъ взадъ и впередъ по палатѣ. Я вглядывался въ его лицо: казалось, онъ ни о чемъ не думалъ въ эту минуту, смотрѣлъ странно и дико, бѣглымъ взглядомъ, которому видимо тяжело было остановиться на чемъ-нибудь внимательно. Мнѣ показалось, что онъ пристально посмотрѣлъ на мой чай. Чай былъ горячій; паръ валилъ изъ чашки, а бѣднякъ иззябъ и дрожалъ, стуча зубъ объ зубъ. Я пригласилъ его выпить. Онъ молча и круто повернулъ ко мнѣ, взялъ чашку, выпилъ стоя и безъ сахару, при чемъ очень торопился и какъ-то особенно старался не глядѣть на меня. Выпивъ все, онъ молча поставилъ чашку и, даже не кивнувъ мнѣ головою, пошелъ опять снова взадъ и впередъ по палатѣ. Но ему было не до словъ и не до киваній! Что же касается до арестантовъ, то всѣ они сначала почему-то избѣгали всякаго разговору съ наказаннымъ рекрутикомъ; напротивъ, помогши ему вначалѣ, они какъ будто сами старались потомъ не обращать на него болѣе никакого вниманія, можетъ быть, желая какъ можно болѣе дать ему покоя и не докучать ему никакими дальнѣйшими

допросами и «участіями», чѣмъ онъ, кажется, былъ совершенно доволенъ.

Между тѣмъ смеркалось, зажгли ночникъ. У нѣкоторыхъ изъ арестантовъ оказались даже свои собственные подсвѣчники, впрочемъ очень не у многихъ. Наконецъ, уже послѣ вечерняго посѣщенія доктора, вошелъ караульный унтеръ офицеръ, сосчиталъ всѣхъ больныхъ, и палату заперли, внеся въ нее предварительно ночной ушатъ... Я съ удивленіемъ узналъ, что этотъ ушатъ останется всю ночь, тогда какъ настоящее ретирадное мѣсто было тутъ же въ коридорѣ, всего только два шага отъ дверей. Но ужъ таковъ былъ заведенный порядокъ. Днемъ арестанта еще выпускали изъ палаты, впрочемъ, не болѣе какъ на одну минуту; ночью же ни подъ какимъ видомъ. Арестантскія палаты не походили на обыкновенныя, и больной арестантъ даже и въ болѣзни несъ свое наказаніе. Кѣмъ первоначально заведенъ былъ этотъ порядокъ — не знаю; знаю только, что настоящаго порядка въ этомъ не было никакого и что никогда вся безполезная суть формалистики не выказывалась крупнѣе, какъ, напримѣръ, въ этомъ случаѣ. Порядокъ этотъ шелъ, разумѣется, не отъ докторовъ. Повторяю: арестанты не нахвалились своими лѣкарями, считали ихъ за отцовъ, уважали ихъ. Всякій видѣлъ отъ нихъ себѣ ласку, слышалъ доброе слово; а арестантъ, отверженный всѣми, цѣнилъ это, потому что видѣлъ неподдѣльность и искренность этого добраго слова и этой ласки. Она могла и не быть; съ лѣкарей бы никто не спросилъ, если бъ они обращались иначе, то-есть грубѣе и безчеловѣчнѣе: слѣдственно они были добры изъ настоящаго человѣколюбія. И ужъ, разумѣется, они понимали, что больному, кто бы онъ ни былъ, арестантъ ли, нѣтъ ли, нуженъ такой же свѣжій воздухъ какъ и всякому другому больному, даже самаго высшаго чина. Больные въ другихъ палатахъ, выздоравливающіе, на-

примѣръ, могли свободно ходить по коридорамъ, задавать себѣ большой моціонъ, дышать воздухомъ не столько отравленнымъ, какъ воздухъ палатный, спертый и всегда необходимо наполненный удушливыми испареніями. И страшно и гадко представить себѣ теперь, до какой же степени долженъ былъ отравляться этотъ и безъ того уже отравленный воздухъ по ночамъ у насъ, когда вносили этотъ ушатъ, при теплой температурѣ палаты и при извѣстныхъ болѣзняхъ, при которыхъ невозможно обойтись безъ выхода? Если я сказалъ теперь, что арестантъ и въ болѣзни несъ свое наказаніе, то, разумѣется, не предполагалъ и не предполагаю, что такой порядокъ устроенъ былъ именно только для одного наказанія. Разумѣется, это была бы безсмысленная съ моей стороны клевета. Больныхъ уже нечего наказывать. А если такъ, то само собою разумѣется, что, вѣроятно, какая-нибудь строгая, суровая необходимость принуждала начальство къ такой вредной по своимъ послѣдствіямъ мѣрѣ. Какая же? Но вотъ тѣмъ-то и досадно, что ничѣмъ другимъ нельзя хоть сколько-нибудь объяснить необходимость этой мѣры и сверхъ того многихъ другихъ мѣръ, до того непонятныхъ, что не только объяснить, но даже предугадать объясненіе ихъ невозможно. Чѣмъ объяснить такую безполезную жестокость? Тѣмъ, видите ли, что арестантъ придетъ въ больницу нарочно притворившись больнымъ, обманетъ докторовъ, выйдетъ ночью въ сортиръ и, пользуясь темнотою, убѣжитъ? Серьезно доказывать всю нескладность такого разсужденія почти невозможно. Куда убѣжитъ? Какъ убѣжитъ? Въ чемъ убѣжитъ? Днемъ выпускаютъ по одному; такъ же могло бы быть и ночью. У двери стоитъ часовой съ заряженнымъ ружьемъ. Ретирадное мѣсто буквально въ двухъ шагахъ отъ часового, но несмотря на то, туда сопровождаетъ больного подчасокъ и не спускаетъ съ него глазъ все время. Тамъ только одно

окно, по-зимнему съ двумя рамами и съ желѣзной рѣшеткой. Подъ окномъ же на дворѣ, у самыхъ оконъ арестантскихъ палатъ, тоже ходитъ всю ночь часовой. Чтобы выйти въ окно, нужно выбить раму и рѣшетку. Кто жъ это позволитъ? Но, положимъ, онъ убьетъ предварительно подчаска, такъ что тотъ и не пикнетъ, и никто того не услышитъ. Но, допустивъ даже эту нелѣпость, нужно вѣдь все-таки ломать окно и рѣшетку. Замѣтьте, что тутъ же подлѣ часового спятъ палатные сторожа, а въ десяти шагахъ, у другой арестантской палаты, стоитъ другой часовой съ ружьемъ, возлѣ него другой подчасокъ и другіе сторожа. И куда бѣжать зимой въ чулкахъ, въ туфляхъ, въ больничномъ халатѣ и въ колпакѣ? А если такъ, если такъ мало опасности (то-есть по-настоящему совершенно нѣтъ никакой), — для чего такое серьезное отягощеніе больныхъ, можетъ быть, въ послѣдніе часы ихъ жизни, больныхъ, которымъ свѣжій воздухъ еще нужнѣе, чѣмъ здоровымъ? Для чего? Я никогда не могъ понять этого...

Но если ужъ спрошено разъ: «для чего», и такъ ужъ пришлось къ слову, то не могу не припомнить теперь и еще объ одномъ недоумѣніи, столько лѣтъ торчавшемъ передо мной въ видѣ самаго загадочнаго факта, на который я тоже никакимъ образомъ не могъ подыскать отвѣта. Не могу не сказать объ этомъ хотя нѣсколько словъ, прежде чѣмъ приступлю къ продолженію моего описанія. Я говорю о кандалахъ, отъ которыхъ не избавляетъ никакая болѣзнь рѣшеннаго каторжника. Даже чахоточные умирали на моихъ глазахъ въ кандалахъ. И между тѣмъ всѣ къ этому привыкли, всѣ считали это чѣмъ-то совершившимся, неотразимымъ. Врядъ ли даже и задумывался кто-нибудь объ этомъ, когда даже и изъ докторовъ никому въ умъ не пришло, во всѣ эти нѣсколько лѣтъ, хотя одинъ разъ походатайствовать у начальства о расковкѣ трудно-больного арестанта, особенно въ чахоткѣ. По-

ложимъ, кандалы сами по себѣ не Богъ знаетъ какая тягость. Вѣсу они бываютъ отъ восьми до двѣнадцати фунтовъ. Носить десять фунтовъ здоровому человѣку не отягчительно. Говорили мнѣ, впрочемъ, что отъ кандаловъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ начинаютъ будто бы ноги сохнуть. Не знаю, правда ли это, хотя, впрочемъ, тутъ есть нѣкоторая вѣроятность. Тягость, хоть и малая, хоть и въ десять фунтовъ, прицѣпленная къ ногѣ навсегда, все-таки ненормально увеличиваетъ вѣсъ члена и чрезъ долгое время можетъ оказать нѣкоторое вредное дѣйствіе... Но, положимъ, что для здороваго все ничего. Такъ ли для больного? Положимъ, что и обыкновенному больному ничего. Но таково ли, повторяю, для трудно-больныхъ, таково ли, повторяю, для чахоточныхъ, у которыхъ и безъ того уже сохнутъ руки и ноги, такъ что всякая соломинка становится тяжела? И право, если бъ медицинское начальство выхлопотало облегченіе хотя бы только чахоточнымъ, то ужъ и это одно было бы истиннымъ и великимъ благодѣяніемъ. Положимъ, скажетъ кто-нибудь, что арестантъ злодѣй и недостоинъ благодѣяній; но вѣдь неужели же усугублять наказаніе тому, кого уже и такъ коснулся перстъ Божій? Да и повѣрить нельзя, чтобъ это дѣлалось для одного наказанія. Чахоточный и по суду избавляется отъ наказанія тѣлеснаго. Слѣдовательно, тутъ опять-таки заключается какая-нибудь таинственная, важная мѣра, въ видахъ спасительной предосторожности. Но какая? — понять нельзя. Вѣдь нельзя же въ самомъ дѣлѣ бояться, что чахоточный убѣжитъ. Кому это придетъ въ голову, особенно имѣя въ виду извѣстную степень развитія болѣзни? Прикинуться же чахоточнымъ, обмануть докторовъ, чтобъ убѣжать, — невозможно. Не такая болѣзнь; ее съ перваго взгляда видно. Да и кстати сказать: неужели заковываютъ человѣка въ ножные кандалы для того только, чтобъ онъ не бѣжалъ или чтобъ это помѣшало

ему бѣжать? Совсѣмъ нѣтъ. Кандалы — одно шельмованіе, стыдъ и тягость, физическая и нравственная. Такъ, по крайней мѣрѣ, предполагается. Бѣжать же они никогда никому помѣшать не могутъ. Самый неумѣлый, самый неловкій арестантъ сумѣетъ ихъ безъ большого труда очень скоро подпилить или сбить заклепку камнемъ. Ножные кандалы рѣшительно ни отъ чего не предостерегаютъ; а если такъ, если назначаются они рѣшеному каторжному только для одного наказанія, то опять спрашиваю: неужели жъ наказывать умирающаго?

И вотъ теперь, какъ я пишу это, ярко припоминается мнѣ одинъ умирающій, чахоточный, тотъ самый Михайловъ, который лежалъ почти противъ меня, недалеко отъ Устьянцева, и который умеръ, помнится, на четвертый день по прибытіи моемъ въ палату. Можетъ быть, я и заговорилъ теперь о чахоточныхъ, невольно повторяя тѣ впечатлѣнія и тѣ мысли, которыя тогда же пришли мнѣ въ голову по поводу этой смерти. Самого Михайлова, впрочемъ, я мало зналъ. Это былъ еще очень молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати пяти не болѣе, высокій, тонкій и чрезвычайно благообразной наружности. Онъ жилъ въ особомъ отдѣленіи и былъ до странности молчаливъ, всегда какъ-то тихо, какъ-то спокойно-грустный. Точно онъ «засыхалъ» въ острогѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, о немъ потомъ выражались арестанты, между которыми онъ оставилъ о себѣ хорошую память. Вспоминаю только, что у него были прекрасные глаза, и право, не знаю, почему онъ мнѣ такъ отчетливо вспоминается. Онъ умеръ часа въ три пополудни въ морозный и ясный день. Помню солнце такъ и пронизывало крѣпкими, косыми лучами зеленыя, слегка померзшія стекла въ окнахъ нашей палаты. Цѣлый потокъ ихъ лился на несчастнаго. Умеръ онъ не въ памяти и тяжело, долго отходилъ, нѣсколько часовъ сряду. Еще съ утра глаза его уже начинали

не узнавать подходившихъ къ нему. Его хотѣли какъ-нибудь облегчить, видѣли, что ему очень тяжело; дышалъ онъ трудно, глубоко, съ хрипѣньемъ; грудь его высоко подымалась, точно ему воздуху было мало. Онъ сбилъ съ себя одѣяло, всю одежду и, наконецъ, началъ срывать съ себя рубашку. Страшно было смотрѣть на это длинное-длинное тѣло, съ высохшими до кости ногами и руками, съ опавшимъ животомъ, съ поднятою грудью, съ ребрами, отчетливо рисовавшимися, точно у скелета. На всемъ тѣлѣ его остались одинъ только деревянный крестъ съ ладонкой и кандалы, въ которые, кажется, онъ бы теперь могъ продѣть изсохшую ногу. За полчаса до смерти его всѣ у насъ какъ будто притихли, стали разговаривать чуть не шопотомъ. Кто ходилъ, — ступалъ какъ-то не слышно. Разговаривали межъ собой мало, о вещахъ постороннихъ, изрѣдка только взглядывали на умиравшаго, который хрипѣлъ все болѣе и болѣе. Наконецъ, онъ блуждающей и нетвердой рукой нащупалъ на груди свою ладонку и началъ рвать ее съ себя, точно и та была ему въ тягость, безпокоила, давила его. Сняли и ладонку. Минутъ черезъ десять онъ умеръ. Стукнули въ дверь караульному, дали знать. Вошелъ сторожъ, тупо посмотрѣлъ на мертвеца и отправился къ фельдшеру. Фельдшеръ, молодой и добрый малый, немного излишне занятый своею наружностью, довольно впрочемъ счастливою, явился скоро; быстрыми шагами, ступая громко по притихшей палатѣ, подошелъ къ покойнику и съ какимъ-то особенно-развязнымъ видомъ, какъ будто нарочно выдуманнымъ для этого случая, взялъ его за пульсъ, пощупалъ, махнулъ рукою и вышелъ. Тотчасъ же отправились дать знать караулу: преступникъ былъ важный, особаго отдѣленія; его и за мертваго-то признать надо было съ особыми церемоніями. Въ ожиданіи караульныхъ, кто-то изъ арестантовъ тихимъ голосомъ подалъ мысль, что не худо

бы закрыть покойнику глаза. Другой внимательно его выслушалъ, молча подошелъ къ мертвецу и закрылъ глаза. Увидѣвъ тутъ же лежавшій на подушкѣ крестъ, взялъ его, осмотрѣлъ и молча надѣлъ его опять Михайлову на шею; надѣлъ и перекрестился. Между тѣмъ мертвое лицо костенѣло; лучъ свѣта игралъ на немъ; ротъ былъ полураскрытъ; два ряда бѣлыхъ, молодыхъ зубовъ сверкали изъ-подъ тонкихъ, прилипшихъ къ деснамъ губъ. Наконецъ, вошелъ караульный унтеръ-офицеръ при тесакѣ и въ каскѣ, за нимъ два сторожа. Онъ подходилъ, все болѣе и болѣе замедляя шаги, съ неодумѣніемъ посматривая на затихшихъ и со всѣхъ сторонъ сурово глядѣвшихъ на него арестантовъ. Подойдя на шагъ къ мертвецу, онъ остановился, какъ вкопанный, точно оробѣлъ. Совершенно обнаженный, изсохшій трупъ, въ однихъ кандалахъ, поразилъ его, и онъ вдругъ отстегнулъ чешую, снялъ каску, чего вовсе не требовалось, и широко перекрестился. Это было суровое, сѣдое, служилое лицо. Помню, въ это же самое мгновенье тутъ же стоялъ Чекуновъ, тоже сѣдой старикъ. Все время онъ молча и пристально смотрѣлъ въ лицо унтеръ-офицера, прямо въ упоръ, и съ какимъ-то страннымъ вниманіемъ взглядывался въ каждый жестъ его. Но глаза ихъ встрѣтились, и у Чекунова вдругъ отчего-то дрогнула нижняя губа. Онъ какъ-то странно скривилъ ее, оскалилъ зубы и быстро, точно нечаянно кивнувъ унтеръ-офицеру на мертвеца, проговорилъ:

— Тоже вѣдь мать была! — и отошелъ прочь.

Помню, эти слова меня точно пронзили... И для чего онъ ихъ проговорилъ, и какъ пришли они ему въ голову? Но вотъ трупъ стали поднимать, подняли вмѣстѣ съ койкой; солома захрустѣла, кандалы звонко, среди всеобщей тишины, брякнули объ полъ... Ихъ подобрали. Тѣло понесли. Вдругъ всѣ громко заговорили. Слышно было, какъ унтеръ-офицеръ, уже

въ коридорѣ, посылалъ кого-то за кузнецомъ. Слѣдовало расковать мертвеца...

Но я отступилъ отъ предмета...

II

Продолженіе

Доктора обходили палаты поутру; часу въ одиннадцатомъ являлись они у насъ всѣ вмѣстѣ, сопровождая главнаго доктора, а прежде нихъ, часа за полтора, посѣщалъ палату нашъ ординаторъ. Въ то время у насъ былъ ординаторомъ одинъ молоденькій лѣкарь, знающій дѣло, ласковый, привѣтливый, котораго очень любили арестанты и находили въ немъ только одинъ недостатокъ: «слишкомъ ужъ смиренъ». Въ самомъ дѣлѣ онъ былъ какъ-то неразговорчивъ, даже какъ будто конфузился насъ, чуть не краснѣлъ, измѣнялъ порціи чуть не по первой просьбѣ больныхъ и даже, кажется, готовъ былъ назначать имъ и лѣкарства по ихъ же просьбѣ. Впрочемъ, онъ былъ славный молодой человѣкъ. Надо признаться, много лѣкарей на Руси пользуются любовью и уваженіемъ простого народа и это, сколько я замѣтилъ, совершенная правда. Знаю, что мои слова покажутся парадоксомъ, особенно взявъ въ соображеніе всеобщее недовѣріе всего русскаго простого народа къ медицинѣ и къ заморскимъ лѣкарствамъ. Въ самомъ дѣлѣ простолюдинъ скорѣе нѣсколько лѣтъ сряду, страдая самою тяжелою болѣзнію, будетъ лѣчиться у знахарки или своими домашними, простонародными лѣкарствами (которыми отнюдь не надо пренебрегать), чѣмъ пойдетъ къ доктору или лежать въ госпиталь. Но кромѣ того, что тутъ есть одно чрезвычайно важное обстоятельство, совершенно не относящее къ медицинѣ, именно: всеобщее недовѣріе всего простолюдья ко всему, что носитъ на себѣ печать административнаго, форменнаго; кромѣ того народъ за-

пуганъ и предубѣжденъ противъ госпиталей разными страхами, розсказнями, нерѣдко нелѣпыми, но иногда имѣющими свое основаніе. Но главное его пугаютъ нѣмецкіе порядки госпиталя, чужіе люди кругомъ во все продолженіе болѣзни, строгости насчетъ ѣды, разсказы о настойчивой суровости фельдшеровъ и лѣкарей, о взрѣзываніи и потрошеніи труповъ и проч. Къ тому же, разсуждаетъ народъ, господа лѣчить будутъ, потому что лѣкаря, все-таки, господа. Но при болѣе близкомъ знакомствѣ съ лѣкарями (хотя и не безъ исключеній, но большею частію), всѣ эти страхи исчезаютъ очень скоро, что, по моему мнѣнію, прямо относится къ чести докторовъ нашихъ, преимущественно молодыхъ. Большая часть ихъ умѣютъ заслужить уваженіе и даже любовь простонародья. По крайней мѣрѣ, я пишу о томъ, что самъ видѣлъ и испыталъ, неоднократно и во многихъ мѣстахъ, и не имѣю основаній думать, чтобъ въ другихъ мѣстахъ слишкомъ часто поступалось иначе. Конечно, въ нѣкоторыхъ уголкахъ лѣкаря берутъ взятки, сильно пользуются отъ своихъ больницъ, почти пренебрегаютъ больными, даже забываютъ совсѣмъ медицину. Это еще есть; но я говорю про большинство или, лучше сказать, про тотъ духъ, про то направленіе, которое осуществляется теперь, въ наши дни, въ медицинѣ. Тѣ же, отступники дѣла, волки въ овечьемъ стадѣ, что бы ни представляли въ свое оправданіе, какъ бы ни оправдывались, напримѣръ, хоть *средой*, которая заѣла и ихъ въ свою очередь, всегда будутъ неправы, особенно если при этомъ потеряли и человѣколюбіе. А человѣколюбіе, ласковость, братское состраданіе къ больному иногда нужнѣе ему всѣхъ лѣкарствъ. Пора бы намъ перестать апатически жаловаться на среду, что она насъ заѣла. Это, положимъ, правда, что она многое въ насъ заѣдаетъ, да не все же, и часто иной хитрый и понимающій дѣло плутъ преловко прикрываетъ и

оправдываетъ вліяніемъ этой среды не одну свою слабость, а нерѣдко и просто подлость, особенно если умѣетъ красно говорить или писать. Впрочемъ, я опять отбился отъ темы; я хотѣлъ только сказать, что простой народъ недовѣрчивъ и враждебенъ болѣе къ администраціи медицинской, а не къ лѣкарямъ. Узнавъ, каковы они на дѣлѣ, онъ быстро теряетъ многія изъ своихъ предубѣжденій. Прочая же обстановка нашихъ лѣчебницъ до сихъ поръ во многомъ не соотвѣтствуетъ духу народа, до сихъ поръ враждебна своими порядками привычкамъ нашего простолюдья и не въ состояніи пріобрѣсти полнаго довѣрія и уваженія народнаго. Такъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, кажется изъ нѣкоторыхъ моихъ собственныхъ впечатлѣній.

Нашъ ординаторъ обыкновенно останавливался передъ каждымъ больнымъ, серьезно и чрезвычайно внимательно осматривалъ его и опрашивалъ, назначалъ лѣкарства, порціи. Иногда онъ и самъ замѣчалъ, что больной ничѣмъ не боленъ; но такъ какъ арестантъ пришелъ отдохнуть отъ работы или полежать на тюфякѣ, вмѣсто голыхъ досокъ, и, наконецъ, все-таки въ теплой комнатѣ, а не въ сырой кордегардіи, гдѣ въ тѣснотѣ содержатся густыя кучи блѣдныхъ и испитыхъ подсудимыхъ (подсудимые у насъ почти всегда, на всей Руси, блѣдные и испитые — признакъ, что ихъ содержаніе и душевное состояніе почти всегда тяжелѣе, чѣмъ у рѣшеныхъ), то нашъ ординаторъ спокойно записывалъ имъ какую-нибудь febris catarhalis и оставлялъ лежать иногда даже на недѣлю. Надъ этой febris catarhalis всѣ смѣялись у насъ. Знали очень хорошо, что это принятая у насъ, по какому-то обоюдному согласію между докторомъ и больнымъ, формула для обозначенія притворной болѣзни: «запасныя колотья», какъ переводили сами арестанты febris catarhalis. Иногда больной злоупотреблялъ мягкосердіемъ лѣкаря и продолжалъ лежать до тѣхъ поръ,

пока его не выгоняли силой. Тогда нужно было посмотрѣть на нашего ординатора: онъ какъ будто робѣлъ, какъ будто стыдился прямо сказать больному, чтобъ онъ выздоравливалъ и скорѣе бы просился на выписку, хотя и имѣлъ полное право, просто-запросто, безо всякихъ разговоровъ и умасливаній выписать его, написавъ на скорбномъ листкѣ sanat est. Онъ сначала намекалъ ему, потомъ какъ бы упрашивалъ: «Не пора ли дескать? Вѣдь ужъ ты почти здоровъ, въ палатѣ тѣсно» и проч. и проч. до тѣхъ поръ, пока больному самому становилось совѣстно, и онъ самъ, наконецъ, просился на выписку. Старшій докторъ, хоть былъ и человѣколюбивый и честный человѣкъ (его тоже очень любили больные), но былъ несравненно суровѣе, рѣшительнѣе ординатора, даже при случаѣ высказывалъ суровую строгость, и за это его у насъ какъ-то особенно уважали. Онъ являлся въ сопровожденіи всѣхъ госпитальныхъ лѣкарей, послѣ ординатора, тоже свидѣтельствовалъ каждаго поодиночкѣ, особенно останавливался надъ трудными больными, всегда умѣлъ сказать имъ доброе, ободрительное, часто даже задушевное слово и вообще производилъ хорошее впечатлѣніе. Пришедшихъ съ запасными колотьями онъ никогда не отвергалъ и не отсылалъ назадъ; но если больной самъ упорствовалъ, то просто-запросто выписывалъ его: «Ну что жъ, братъ, полежалъ довольно, отдохнулъ, ступай, надо честь знать». Упорствовали обыкновенно или лѣнивые до работъ, особенно въ рабочее, лѣтнее время, или изъ подсудимыхъ, ожидавшихъ себѣ наказанія. Помню, съ однимъ изъ такихъ употреблена была особенная строгость, жестокость даже, чтобъ склонить его къ выпискѣ. Пришелъ онъ съ глазною болѣзнію: глаза красные, жалуется на сильную колючую боль въ глазахъ. Его стали лѣчить мушками, піявками, брызгами въ глаза какою-то разъѣдающей жидкостью и проч., но болѣзнь все-таки не прохо-

дила, глаза не очищались. Мало-по-малу догадались доктора, что болѣзнь притворная: воспаленіе постоянно небольшое, хуже не дѣлается, да и не вылѣчивается, все въ одномъ положеніи. Случай подозрительный. Арестанты всѣ давно уже знали, что онъ притворяется и людей обманываетъ, хотя самъ онъ и не признавался въ этомъ. Это былъ молодой парень, даже красивый собой, но производившій какое-то непріятное впечатлѣніе на всѣхъ насъ: скрытный, подозрительный, нахмуренный, ни съ кѣмъ не говоритъ, глядитъ исподлобья, отъ всѣхъ таится, точно всѣхъ подозрѣваетъ. Я помню — инымъ даже приходило въ голову, чтобъ онъ не сдѣлалъ чего-нибудь. Онъ былъ солдатъ, сильно проворовался, былъ уличенъ, и ему выходили тысяча палокъ и арестантскія роты. Чтобъ отдалить минуту наказанія, какъ я уже упоминалъ прежде, рѣшаются иногда подсудимые на страшныя выходки: пырнетъ ножомъ наканунѣ казни кого-нибудь изъ начальства, или своего же брата арестанта, его и судятъ по-новому и отдаляется наказаніе еще мѣсяца на два и цѣль его достигается. Ему нужды нѣтъ до того, что его будутъ наказывать черезъ два же мѣсяца вдвое, втрое суровѣе; только бы теперь-то отдалить грозную минуту хоть на нѣсколько дней, а тамъ что бы ни было, — до того бываетъ иногда силенъ упадокъ духа въ этихъ несчастныхъ. У насъ иные уже шептались промежъ себя, чтобъ остерегаться его; пожалуй, зарѣжетъ кого-нибудь ночью. Впрочемъ, такъ только говорили, а особенныхъ предосторожностей никакихъ не брали, даже тѣ, у которыхъ койки приходились съ нимъ рядомъ. Видѣли, впрочемъ, что онъ по ночамъ растираетъ глаза известкой со штукатурки и чѣмъ-то еще другимъ, чтобъ къ утру они опять стали красные. Наконецъ, главный докторъ погрозилъ ему заволокой. Въ упорной глазной болѣзни, продолжающейся долго и когда уже всѣ медицинскія средства бываютъ ис-

пытаны, чтобъ спасти зрѣніе, доктора рѣшаются на сильное и мучительное средство: ставятъ больному заволоку, что лошади. Но бѣднякъ и тутъ не согласился выздоровѣть. Что за упрямый былъ это характеръ, или ужъ слишкомъ трусливый, вѣдь заволока была хоть и не такъ какъ палки, но тоже очень мучительна. Больному собираютъ сзади на шеѣ кожу рукой, сколько можно захватить, протыкая все захваченное тѣло ножомъ, отчего происходитъ широкая и длинная рана по всему затылку, и продѣваютъ въ эту рану холстинную тесемку, довольно широкую, почти въ палецъ; потомъ каждый день, въ опредѣленный часъ, эту тесемку передергиваютъ въ ранѣ, такъ что какъ будто вновь ее разрѣзаютъ, чтобъ рана вѣчно гноилась и не заживала. Бѣднякъ переносилъ, впрочемъ, съ ужасными мученіями и эту пытку упорно нѣсколько дней и, наконецъ только, согласился выписаться. Глаза его въ одинъ день стали совершенно здоровые и, какъ только зажила его шея, онъ отправился на гауптвахту, чтобъ назавтра же выйти опять на тысячу палокъ.

Конечно, тяжела минута передъ наказаніемъ, тяжела до того, что, можетъ быть, я грѣшу, называя этотъ страхъ малодушіемъ и трусостью. Стало быть, тяжело, когда подвергаются двойному, тройному наказанію, только бы не сейчасъ оно исполнилось. Я упоминалъ, впрочемъ, и о такихъ, которые сами просились скорѣе на выписку еще съ незажившей отъ первыхъ палокъ спиной, чтобъ выходить остальные удары и окончательно выйти изъ-подъ суда; а содержаніе подъ судомъ, на гауптвахтѣ, конечно, для всѣхъ несравненно хуже каторги. Но кромѣ разницы темпераментовъ, большую роль играетъ въ рѣшимости и безтрашіи нѣкоторыхъ закоренѣлая привычка къ ударамъ и къ наказанію. Многократно битый какъ-то укрѣпляется духомъ и спиной и смотритъ, наконецъ, на

наказаніе скептически, почти какъ на малое неудобство, и уже не боится его. Говоря вообще, это вѣрно. Одинъ нашъ арестантикъ, изъ особаго отдѣленія, крещеный калмыкъ, Александръ или Александра, какъ звали его у насъ, странный малый, плутоватый, безстрашный и въ то же время очень добродушный, разсказывалъ мнѣ, какъ онъ выходилъ свои четыре тысячи, разсказывалъ смѣясь и шутя, но тутъ же клялся пресерьезно, что если бъ съ дѣтства, съ самаго нѣжнаго, перваго своего дѣтства онъ не выросъ подъ плетью, отъ которой буквально всю жизнь его въ своей ордѣ не сходили рубцы съ его спины, то онъ бы ни за что не вынесъ этихъ четырехъ тысячъ. Разсказывая, онъ какъ будто благословлялъ это воспитаніе подъ плетью. «Меня все били, Александръ Петровичъ, — говорилъ онъ мнѣ разъ, сидя на моей койкѣ, подъ вечеръ, передъ огнями, — за все про все, за что ни попало, били лѣтъ пятнадцать сряду, съ самаго того дня, какъ себя помнить началъ, каждый день по нѣскольку разъ; не билъ, кто не хотѣлъ, такъ что я подъ конецъ ужъ совсѣмъ привыкъ». Какъ онъ попалъ въ солдаты, не знаю; не помню, впрочемъ, можетъ онъ и разсказывалъ; это былъ всегдашній бѣгунъ и бродяга. Только помню его разсказъ о томъ, какъ онъ ужасно струсилъ, когда его приговорили къ четыремъ тысячамъ, за убійство начальника. «Я зналъ, что меня будутъ наказывать строго и что, можетъ, изъ-подъ палокъ не выпустятъ, и хоть я и привыкъ къ плетямъ, да вѣдь четыре тысячи палокъ, — шутка! да еще все начальство озлилось! зналъ я, навѣрно зналъ, что не пройдетъ даромъ, не выхожу; не выпустятъ изъ-подъ палокъ. Я сначала попробовалъ было окреститься, думаю, авось простятъ, и хоть мнѣ свои же тогда говорили, что ничего изъ этого не выйдетъ, не простятъ, да думаю все-таки попробую, все-таки имъ жалче будетъ крещенаго-то. Меня и въ самомъ дѣлѣ окрестили и пр

святомъ крещеніи нарекли Александромъ; ну, а палки все-таки палками остались; хоть бы одну простили; даже обидно мнѣ стало. Я и думаю про себя: постой же, я васъ всѣхъ и взаправду надую. И вѣдь что вы думаете, Александръ Петровичъ, надулъ! Я ужасно умѣлъ хорошо мертвымъ представиться, то-есть не то, чтобы совсѣмъ мертвымъ, а вотъ-вотъ сейчасъ душа вонъ изъ тѣла уйдетъ. Повели меня; ведутъ одну тысячу: жжетъ, кричу; ведутъ другую, ну, думаю, конецъ мой идетъ, изъ ума совсѣмъ вышибли; ноги подламываются; я грохъ объ землю: глаза у меня стали мертвые, лицо синее, дыханія нѣтъ, у рта пѣна. Подошелъ лѣкарь: сейчасъ, говоритъ, умретъ. Понесли меня въ госпиталь, а я тотчасъ ожилъ. Такъ меня еще два раза потомъ выводили, и ужъ злились, они очень на меня злились, а я ихъ еще два раза надулъ; третью тысячу только одну прошелъ, обмеръ, а какъ пошелъ четвертую, такъ каждый ударъ какъ ножомъ по сердцу проходилъ, каждый ударъ за три удара шелъ, такъ больно били! Остервенились на меня. Эта-то вотъ скаредная послѣдняя тысяча (чтобъ ее!..) всѣхъ трехъ первыхъ стоила, и кабы не умеръ я передъ самымъ концомъ (всего палокъ двѣсти только оставалось), забили бы тутъ же на смерть, ну да и я не далъ себя въ обиду: опять надулъ и опять обмеръ; опять повѣрили, да и какъ не повѣрить, лѣкарь вѣритъ, такъ что на двухстахъ-то послѣднихъ, хоть изо всей злости били потомъ, такъ били, что въ другой разъ двѣ тысячи легче, да нѣтъ, носъ утри, не забили, а отчего не забили? А все же потому, сыздѣтства подъ плетью росъ. Оттого и живъ до сегодня. Охъ, били-то меня, били на моемъ вѣку!» прибавилъ онъ въ концѣ разсказа какъ бы въ грустномъ раздумьи, какъ бы силясь припомнить и пересчитать, сколько разъ его били. «Да нѣтъ, — прибавилъ онъ, перебивая минутное молчаніе, — и не пересчитать сколько били; да и куды

перечесть! Счету такого не хватитъ». Онъ взглянулъ на меня и разсмѣялся, но такъ добродушно, что я самъ не могъ не улыбнуться ему въ отвѣтъ. «Знаете ли, Александръ Петровичъ, я вѣдь и теперь, коли сонъ ночью вижу, такъ непремѣнно — что меня бьютъ; другихъ и сновъ у меня не бываетъ». Онъ, дѣйствительно, часто кричалъ по ночамъ и кричалъ, бывало, во все горло, такъ что его тотчасъ будили толчками арестанты: «Ну, что, чортъ, кричишь!» Былъ онъ парень здоровый, невысокаго росту, вертлявый и веселый, лѣтъ сорока пяти, жилъ со всѣми ладно, и хоть очень любилъ воровать и очень часто бывалъ у насъ битъ за это, но вѣдь кто жъ у насъ не проворовывался, и кто жъ у насъ не былъ битъ за это?

Прибавлю къ этому одно: удивлялся я всегда тому необыкновенному добродушію, тому беззлобію, съ которымъ разсказывали всѣ эти битые о томъ, какъ ихъ били, и о тѣхъ, кто ихъ билъ. Часто ни малѣйшаго даже оттѣнка злобы или ненависти не слышалось въ такомъ разсказѣ, отъ котораго у меня подчасъ подымалось сердце и начинало крѣпко и сильно стучать. А они, бывало, разсказываютъ и смѣются, какъ дѣти. Вотъ М—цкій, напримѣръ, разсказывалъ мнѣ о своемъ наказаніи; онъ былъ не дворянинъ и прошелъ пятьсотъ. Я узналъ объ этомъ отъ другихъ и самъ спросилъ его: правда ли это и какъ это было? Онъ отвѣтилъ какъ-то коротко, какъ будто съ какою-то внутреннею болью, точно стараясь не глядѣть на меня, и лицо его покраснѣло; черезъ полминуты онъ посмотрѣлъ на меня, и въ глазахъ его засверкалъ огонь ненависти, а губы затряслись отъ негодованія. Я почувствовалъ, что онъ никогда не могъ забыть этой страницы изъ своего прошедшаго. Но наши, почти всѣ (не ручаюсь, чтобъ не было исключеній), смотрѣли на это совсѣмъ иначе. Не можетъ быть, думалъ я иногда, чтобъ они считали себя совсѣмъ виновными и достой-

ными казни, особенно когда согрѣшили не противъ своихъ, а противъ начальства. Большинство изъ нихъ совсѣмъ себя не винило. Я сказалъ уже, что угрызеній совѣсти я не замѣчалъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда преступленіе было противъ своего же общества. О преступленіяхъ противъ начальства и говорить нечего. Казалось мнѣ иногда, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ былъ свой собственный, такъ сказать, какой-то практическій или, лучше, фактическій взглядъ на дѣло. Принималась во вниманіе судьба, неотразимость факта и не то что обдуманно какъ-нибудь, а такъ ужъ, безсознательно, какъ вѣра какая-нибудь. Арестантъ, напримѣръ, хоть и всегда наклоненъ чувствовать себя правымъ въ преступленіяхъ противъ начальства, такъ что и самый вопросъ объ этомъ для него немыслимъ, но все-таки онъ практически сознавалъ, что начальство смотритъ на его преступленіе совсѣмъ инымъ взглядомъ, а, стало быть, онъ и долженъ быть наказанъ и квиты. Тутъ борьба обоюдная. Преступникъ знаетъ при томъ и не сомнѣвается, что онъ оправданъ судомъ своей родной среды, своего же простонародья, которое никогда, онъ опять-таки знаетъ это, его окончательно не осудитъ, а большею частію и совсѣмъ оправдаетъ, лишь бы грѣхъ его былъ не противъ своихъ, противъ братьевъ, противъ своего родного же простонародья. Совѣсть его спокойна, а совѣстью онъ и силенъ и не смущается нравственно, а это главное. Онъ какъ бы чувствуетъ, что есть на что опереться, и потому не ненавидитъ, а принимаетъ случившееся съ нимъ за фактъ неминуемый, который не имъ начался, не имъ и кончится и долго-долго еще будетъ продолжаться среди разъ поставленной, пассивной, но упорной борьбы. Какой солдатъ ненавидитъ лично турку, когда съ нимъ воюетъ; а вѣдь турка же рѣжетъ его, колетъ, стрѣляетъ въ него. Впрочемъ, не всѣ разсказы были ужъ совершенно хладно-

кровны и равнодушны. Про поручика Жеребятникова, напримѣръ, разсказывали даже съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ негодованія, впрочемъ, не очень большого. Съ этимъ поручикомъ Жеребятниковымъ я познакомился еще въ первое время моего лежанья въ больницѣ, разумѣется, изъ арестантскихъ разсказовъ. Потомъ какъ-то я увидѣлъ его и въ натурѣ, когда онъ стоялъ у насъ въ караулѣ. Это былъ человѣкъ лѣтъ подъ тридцать, росту высокаго, толстый, жирный, съ румяными, заплывшими жиромъ щеками, съ бѣлыми зубами и съ ноздревскимъ раскатистымъ смѣхомъ. По лицу его было видно, что это самый незадумывающійся человѣкъ въ мірѣ. Онъ до страсти любилъ сѣчь и наказывать палками, когда, бывало, назначали его экзекуторомъ. Спѣшу присовокупить, что на поручика Жеребятникова я ужъ и тогда смотрѣлъ какъ на урода между своими же, да такъ смотрѣли на него и сами арестанты. Были и кромѣ него исполнители, въ старину, разумѣется, въ ту недавнюю старину, о которой «свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ», любившіе исполнить свое дѣло рачительно и съ усердіемъ. Но большею частію это происходило наивно и безъ особаго увлеченія. Поручикъ же былъ чѣмъ-то въ родѣ утонченнѣйшаго гастронома въ исполнительномъ дѣлѣ. Онъ любилъ, онъ страстно любилъ исполнительное искусство, и любилъ единственно для искусства. Онъ наслаждался имъ и, какъ истаскавшійся въ наслажденіяхъ, полинявшій патрицій временъ Римской имперіи, изобрѣталъ себѣ разныя утонченности, разныя противуестественности, чтобъ сколько-нибудь расшевелить и пріятно пощекотать свою заплывшую жиромъ душу. Вотъ выводятъ арестанта къ наказанію; Жеребятниковъ экзекуторомъ; одинъ взглядъ на длинный, выстроенный рядъ людей съ толстыми палками уже вдохновляетъ его. Онъ самодовольно обходитъ ряды и подтверждаетъ усиленно, чтобы каждый исполнялъ свое дѣло рачительно,

совѣстливо, не то... Но уже солдатики знали, что значитъ это *не то.* Но вотъ приводятъ самого преступника, и если онъ еще до сихъ поръ былъ не знакомъ съ Жеребятниковымъ, если не слыхалъ еще про него всей подноготной, то вотъ какую, напримѣръ, штуку тотъ съ нимъ выкидывалъ. (Разумѣется, это одна изъ сотни штучекъ; поручикъ былъ неистощимъ въ изобрѣтеніяхъ.) Всякій арестантъ, въ ту минуту, когда его обнажаютъ, а руки привязываютъ къ прикладамъ ружей, на которыхъ такимъ образомъ тянутъ его потомъ унтеръ-офицеры черезъ всю зеленую улицу, — всякій арестантъ, слѣдуя общему обычаю, всегда начинаетъ въ эту минуту слезливымъ жалобнымъ голосомъ молить экзекутора, чтобы наказывалъ послабѣе и не усугублялъ наказанія излишнею строгостію: «ваше благородіе, — кричитъ несчастный, — помилуйте, будьте отецъ родной, заставьте за себя вѣкъ Бога молить, не погубите, помилосердствуйте!» Жеребятниковъ только, бывало, и ждетъ, тотчасъ остановитъ дѣло и тоже съ чувствительнымъ видомъ начинаетъ разговоръ съ арестантомъ:

— Другъ ты мой, — говоритъ онъ, — да что же мнѣ-то дѣлать съ тобой? Не я наказую, законъ!

— Ваше благородіе, все въ вашихъ рукахъ, помилосердствуйте!

— А ты думаешь — мнѣ не жалко тебя? Ты думаешь — мнѣ въ удовольствіе смотрѣть, какъ тебя будутъ бить? Вѣдь я тоже человѣкъ! Человѣкъ я, аль нѣтъ, по-твоему?

— Вѣстимо, ваше благородіе, знамо дѣло; вы отцы, мы дѣти. Будьте отцомъ роднымъ! — кричитъ арестантъ, начиная уже надѣяться.

— Да, другъ ты мой, разсуди самъ; умъ-то у тебя есть, чтобъ разсудить: вѣдь я и самъ знаю, что по человѣчеству долженъ и на тебя, грѣшника, смотрѣть снисходительно и милостиво.

— Сущую правду изволите ваше благородіе говорить!

— Да, милостиво смотрѣть, какъ бы ты ни былъ грѣшенъ. Да вѣдь тутъ не я, а законъ! Подумай! Вѣдь я Богу служу и отечеству; я вѣдь тяжкій грѣхъ возьму на себя, если ослаблю законъ, подумай объ этомъ!

— Ваше благородіе!

— Ну, да ужъ что! Ужъ такъ и быть, для тебя! Знаю, что грѣшу, но ужъ такъ и быть... Помилую я тебя на этотъ разъ, накажу легко. Ну, а что, если я тѣмъ самымъ тебѣ вредъ принесу! Я тебя вотъ теперь помилую, накажу легко, а ты понадѣешься, что и другой разъ то же будетъ, да и опять преступленіе сдѣлаешь, что тогда? Вѣдь на моей же душѣ...

— Ваше благородіе! Другу, недругу закажу! Вотъ какъ есть передъ престоломъ небеснаго Создателя...

— Ну, да ужъ хорошо, хорошо! А поклянешься мнѣ, что будешь себя и впредь хорошо вести?

— Да разрази меня Господи, да чтобъ мнѣ на томъ свѣтѣ...

— Не клянись, грѣшно. Я и слову твоему повѣрю, даешь слово?

— Ваше благородіе!!!

— Ну, слушай же, милую я тебя только ради сиротскихъ слезъ твоихъ; ты сирота?

— Сирота, ваше благородіе, какъ перстъ одинъ, ни отца, ни матери...

— Ну, такъ ради сиротскихъ слезъ твоихъ; но смотри же въ послѣдній разъ... ведите его, — прибавляетъ онъ такимъ мягкосердымъ голосомъ, что арестантъ ужъ и не знаетъ, какими молитвами Бога молить за такого милостивца. Но вотъ грозная процессія тронулась, повели; загремѣлъ барабанъ, замаха-

ли первыя палки... «Катай его! — кричитъ во все свое горло Жеребятниковъ. — Жги его! Лупи, лупи! Обжигай! Еще ему, еще ему! Крѣпче сироту, крѣпче мошенника! Сажай его, сажай!» И солдаты лупятъ со всего размаха, искры сыплются изъ глазъ бѣдняка, онъ начинаетъ кричать, а Жеребятниковъ бѣжитъ за нимъ по фронту и хохочетъ, хохочетъ, заливается, бока руками подпираетъ отъ смѣха, распрямиться не можетъ, такъ что даже жалко его подъ конецъ станетъ, сердешнаго. И радъ-то онъ, и смѣшно-то ему, и только развѣ изрѣдка перервется его звонкій, здоровый, раскатистый смѣхъ, и слышится опять: «лупи его, лупи! Обжигай его, мошенника, обжигай сироту!..»

А вотъ еще какія онъ изобрѣталъ варьяціи; выведутъ къ наказанію, арестантъ опять начинаетъ молить. Жеребятниковъ на этотъ разъ не ломается, не гримасничаетъ, а пускается въ откровенности:

«Видишь что, любезный, — говоритъ онъ, — накажу я тебя какъ слѣдуетъ, потому ты и стоишь того. Но вотъ что я для тебя, пожалуй, сдѣлаю: къ прикладамъ я тебя не привяжу. Одинъ пойдешь, только по-новому. Бѣги что есть силы черезъ весь фронтъ! Тутъ хоть и каждая палка ударитъ, да вѣдь дѣло-то будетъ короче, какъ думаешь? Хочешь испробовать?

Арестантъ слушаетъ съ недоумѣніемъ, съ недовѣрчивостью, и задумывается: «что жъ, — думаетъ онъ про себя, — а можетъ оно и вправду вольготнѣе будетъ; пробѣгу что есть мочи, такъ мука впятеро короче будетъ, а можетъ и не всякая палка ударитъ».

— Хорошо, ваше благородіе, согласенъ.

— Ну, и я согласенъ, катай! Смотрите жъ, не зѣвать! — кричитъ онъ солдатамъ, зная, впрочемъ, что ни одна палка не манкируетъ виноватой спины: промахнувшійся солдатъ тоже очень хорошо знаетъ, чему подвергается. Арестантъ пускается бѣжать что

есть силы по «зеленой улицѣ», но, разумѣется, не пробѣгаетъ и пятнадцати рядовъ: палки, какъ барабанная дробь, какъ молнія, разомъ, вдругъ, низвергаются на его спину, и бѣднякъ съ крикомъ упадаетъ, какъ подкошенный, какъ сраженный пулей. — «Нѣтъ, ваше благородіе, лучше ужъ по закону», говоритъ онъ, медленно подымаясь съ земли, блѣдный и испуганный, а Жеребятниковъ, который заранѣе зналъ всю эту шутку и что изъ нея выйдетъ, хохочетъ, заливается. Но и не описать всѣхъ его развлеченій и всего, что про него у насъ разсказывали!

Нѣсколько другимъ образомъ, въ другомъ тонѣ и духѣ, разсказывали у насъ объ одномъ поручикѣ Смекаловѣ, исполнявшемъ должность командира при нашемъ острогѣ прежде еще чѣмъ назначили къ этой должности нашего плацъ-майора. Про Жеребятникова хоть и разсказывали довольно равнодушно, безъ особенной злобы, но все-таки не любовались его подвигами, не хвалили его, а видимо имъ гнушались. Даже какъ-то свысока презирали его. Но про поручика Смекалова вспоминали у насъ съ радостію и наслажденіемъ. Дѣло въ томъ, что это вовсе не былъ какой-нибудь охотникъ высѣчь; въ немъ отнюдь не было чисто жеребятническаго элемента. Но все-таки онъ былъ отнюдь не прочь и высѣчь; въ томъ-то и дѣло, что самыя розги его вспоминались у насъ съ какою-то сладкою любовью, — такъ умѣлъ угодить этотъ человѣкъ арестантамъ! А и чѣмъ? Чѣмъ заслужилъ онъ такую популярность? Правда, нашъ народъ, какъ, можетъ быть, и весь народъ русскій, готовъ забыть цѣлыя муки за одно ласковое слово; говорю объ этомъ какъ объ фактѣ, не разбирая его на этотъ разъ, ни съ той, ни съ другой стороны. Нетрудно было угодить этому народу и пріобрѣсти у него популярность. Но поручикъ Смекаловъ пріобрѣлъ *особенную* популярность — такъ что даже о томъ, какъ онъ сѣкъ, при-

поминалось чуть не съ умиленіемъ. «Отца не надо», говорятъ, бывало, арестанты и даже вздыхаютъ, сравнивая по воспоминаніямъ ихъ прежняго временнаго начальника, Смекалова, съ теперешнимъ плацъ-майоромъ. «Душа человѣкъ!» — Былъ онъ человѣкъ простой, можетъ, даже и добрый по-своему. Но случается, бываетъ не только добрый, но даже и великодушный человѣкъ въ начальникахъ, и что жъ? — всѣ не любятъ его, а надъ инымъ такъ смотришь и просто смѣются. Дѣло въ томъ, что Смекаловъ умѣлъ какъ-то такъ сдѣлать, что всѣ его у насъ признавали за *своего* человѣка, а это большое умѣнье или, вѣрнѣе сказать, прирожденная способность, надъ которой и не задумаются даже обладающіе ею. Странное дѣло, бываютъ даже изъ такихъ и совсѣмъ недобрые люди, а между тѣмъ пріобрѣтаютъ иногда большую популярность. Не брезгливы они, не гадливы къ подчиненному народу, — вотъ гдѣ, кажется мнѣ, причина! Барченка бѣлоручки въ нихъ не видать, духа барскаго не слыхать, а есть въ нихъ какой-то особенный простонародный запахъ, прирожденный имъ, и, Боже мой, какъ чутокъ народъ къ этому запаху! Чего онъ не отдастъ за него! Милосерднѣйшаго человѣка готовъ промѣнять даже на самаго строгаго, если этотъ припахиваетъ ихнимъ собственнымъ посконнымъ запахомъ. Что жъ, если этотъ припахивающій человѣкъ сверхъ того и дѣйствительно добродушенъ, хотя бы и по-своему? Тутъ ужъ ему и цѣны нѣтъ! Поручикъ Смекаловъ, какъ уже и сказалъ я, иной разъ и больно наказывалъ, но онъ какъ-то такъ умѣлъ сдѣлать, что на него не только не злобствовали, но даже напротивъ, теперь, въ мое время, какъ уже все давно прошло, вспоминали о его *штучкахъ* при сѣченіи со смѣхомъ и съ наслажденіемъ. Впрочемъ, у него было немного штукъ: фантазіи художественной не хватало. По правдѣ, была всего-то одна штучка, одна един-

ственная, съ которой онъ чуть не цѣлый годъ у насъ пробавлялся; но, можетъ быть, она именно и мила-то была тѣмъ, что была единственная. Наивности въ этомъ было много. Приведутъ, напримѣръ, виноватаго арестанта. Смекаловъ самъ выйдетъ къ наказанію, выйдетъ съ усмѣшкою, съ шуткою, объ чемъ-нибудь тутъ же разспроситъ виноватаго, объ чемъ-нибудь постороннемъ, о его личныхъ, домашнихъ, арестантскихъ дѣлахъ, и вовсе не съ какою-нибудь цѣлью, не съ заигрываніемъ какимъ-нибудь, а такъ просто — *потому что ему дѣйствительно знать хочется объ этихъ дѣлахъ*. Принесутъ розги, Смекалову стулъ; онъ сядетъ на него, трубку даже закуритъ. Длинная у него такая трубка была. Арестантъ начинаетъ молить... «Нѣтъ ужъ, братъ, ложись, чего ужъ тутъ...», скажетъ Смекаловъ; арестантъ вздохнетъ и ляжетъ. «Нутка, любезный, умѣешь вотъ такой стихъ наизусть?» — «Какъ не знать, ваше благородіе, мы крещеные, сыздѣтства учились». — «Ну, такъ читай!» И ужъ арестантъ знаетъ, что́ читать, и знаетъ заранѣе, что будетъ при этомъ чтеніи, потому что эта штука разъ тридцать уже прежде съ другими повторялась. Да и самъ Смекаловъ знаетъ, что арестантъ это знаетъ; знаетъ, что даже и солдаты, которые стоятъ съ поднятыми розгами надъ лежащей жертвой, объ этой самой штукѣ тоже давно ужъ наслышаны, и все-таки онъ повторяетъ ее опять, — такъ она ему разъ навсегда понравилась, можетъ быть, именно потому, что онъ ее сочинилъ, изъ литературнаго самолюбія. Арестантъ начинаетъ читать, люди съ розгами ждутъ, а Смекаловъ даже принагнется съ мѣста, руку подыметъ, трубку перестанетъ курить, ждетъ извѣстнаго словца. Послѣ первой строчки извѣстныхъ стиховъ, арестантъ доходитъ, наконецъ, до слова: «*на небеси*». Того только и надо. «Стой!» кричитъ воспламененный поручикъ и мигомъ съ вдохновеннымъ жестомъ, обращаясь къ че-

ловѣку, поднявшему розгу, кричитъ: «А ты ему поднеси!»

И заливается хохотомъ. Стоящіе кругомъ солдаты тоже ухмыляются: ухмыляется сѣкущій, чуть не ухмыляется даже сѣкомый, несмотря на то, что розга по командѣ «*поднеси*» свиститъ уже въ воздухѣ, чтобъ черезъ одинъ мигъ какъ бритвой рѣзнуть по его виноватому тѣлу. И радуется Смекаловъ, радуется именно тому, что вотъ какъ же это онъ такъ хорошо придумалъ — и *самъ* сочинилъ: «на небеси» и «поднеси» — и кстати и въ риѳму выходитъ. И Смекаловъ уходитъ отъ наказанія совершенно довольный собой, да и высѣченный тоже уходитъ чуть не довольный собой и Смекаловымъ, и смотришь — черезъ полчаса ужъ разсказываетъ въ острогѣ, какъ и теперь, въ тридцать первый разъ, была повторена уже тридцать разъ прежде сего повторенная штука. «Одно слово, душа человѣкъ! Забавникъ!»

Даже подчасъ какой-то маниловщиной отзывались воспоминанія о добрѣйшемъ поручикѣ.

— Бывало, идешь этта, братцы! — разсказываетъ какой-нибудь арестантикъ, и все лицо его улыбается отъ воспоминанія, — идешь, а онъ ужъ сидитъ себѣ подъ окошкомъ въ халатикѣ, чай пьетъ, трубочку покуриваетъ. Снимаешь шапку. — Куда, Аксеновъ, идешь?

— Да на работу, Михаилъ Васильичъ, перво-наперво въ мастерскую надоть. — Засмѣется себѣ... То есть душа человѣкъ! Одно слово душа!

— И не нажить такого! — прибавляетъ кто-нибудь изъ слушателей.

III

Продолженіе[1])

Я заговорилъ теперь о наказаніяхъ, равно какъ и объ разныхъ исполнителяхъ этихъ интересныхъ обязанностей, собственно потому, что, переселясь въ госпиталь, получилъ только тогда наглядное понятіе обо всѣхъ этихъ дѣлахъ. До тѣхъ поръ я зналъ объ этомъ по наслышкѣ. Въ наши двѣ палаты сводились всѣ наказанные шпицрутенами подсудимые изъ всѣхъ батальоновъ, арестантскихъ отдѣленій и прочихъ военныхъ командъ, расположенныхъ въ нашемъ городѣ и во всемъ его округѣ. Въ это первое время, когда я ко всему, что̀ совершалось кругомъ меня, еще такъ жадно приглядывался, всѣ эти странные для меня порядки, всѣ эти наказанные и готовившіеся къ наказанію естественно производили на меня сильнѣйшее впечатлѣніе. Я былъ взволнованъ, смущенъ и испуганъ. Помню, что тогда же я вдругъ и нетерпѣливо сталъ вникать во всѣ подробности этихъ новыхъ явленій, слушать разговоры и разсказы на эту тему другихъ арестантовъ, самъ задавалъ имъ вопросы, добивался рѣшеній. Мнѣ желалось, между прочимъ, знать непремѣнно всѣ степени приговоровъ и исполненій, всѣ оттѣнки этихъ исполненій, взглядъ на все это самихъ арестантовъ; я старался вообразить себѣ психологическое состояніе идущихъ на казнь. Я сказалъ уже, что передъ наказаніемъ рѣдко кто бываетъ хладнокровенъ, не исключая даже и тѣхъ, которые уже предварительно были много и неоднократно биты. Тутъ вообше находитъ на осужденнаго какой-то острый, но чисто физическій страхъ, невольный и неотразимый, подавляющій все нравственное существо человѣка. Я

[1]) Все, что я пишу здѣсь о наказаніяхъ и казняхъ, было въ мое время. Теперь, я слышалъ, все это измѣнилось и измѣняется.

и потомъ, во всѣ эти нѣсколько лѣтъ острожной жизни, невольно приглядывался къ тѣмъ изъ подсудимыхъ, которые, пролежавъ въ госпиталѣ послѣ первой половины наказанія и залѣчивъ свои спины, выписывались изъ госпиталя, чтобы назавтра же выходить остальную половину назначенныхъ по конфирмаціи палокъ. Это раздѣленіе наказанія на двѣ половины случается всегда по приговору лѣкаря, присутствующаго при наказаніи. Если назначенное по преступленію число ударовъ большое, такъ что арестанту всего разомъ не вынести, то дѣлятъ ему это число на двѣ, даже на три части, судя по тому, что скажетъ докторъ во время уже самаго наказанія, то-есть можетъ ли наказуемый продолжать идти сквозь строй дальше или это будетъ сопряжено съ опасностью для его жизни. Обыкновенно пятьсотъ, тысяча и даже полторы тысячи выходятся разомъ, но если приговоръ въ двѣ, въ три тысячи, то исполненіе дѣлится на два раза и даже на три. Тѣ, которые, залѣчивъ послѣ первой половины свою спину, выходили изъ госпиталя, чтобъ идти подъ вторую половину, въ день выписки и наканунѣ были необыкновенно мрачны, угрюмы, неразговорчивы. Замѣчалась въ нихъ нѣкоторая отупѣлость ума, какая-то неестественная разсѣянность. Въ разговоры такой человѣкъ не пускается и больше молчитъ; любопытнѣе всего, что съ такимъ и сами арестанты никогда не говорятъ и не стараются заговаривать о томъ, что его ожидаетъ. Ни лишняго слова, ни утѣшенія; даже стараются и вообще-то мало вниманія обращать на такого. Это, конечно, лучше для подсудимаго. Бываютъ исключенія, какъ вотъ, напримѣръ, Орловъ, о которомъ я уже разсказывалъ. Послѣ первой половины наказанія онъ только на то и досадовалъ, что спина его долго не заживаетъ и что нельзя ему поскорѣе выписаться, чтобъ поскорѣе выходить остальные удары, отправиться съ партіей въ назначенную ему ссылку и бѣжать съ до-

роги. Но этого развлекала цѣль и Богъ знаетъ что у него на умѣ. Это была страстная и живучая натура. Онъ былъ очень доволенъ, въ сильно возбужденномъ состояніи, хотя и подавлялъ свои ощущенія. Дѣло въ томъ, что онъ еще передъ первой половиной наказанія думалъ, что его не выпустятъ изъ-подъ палокъ и что онъ долженъ умереть. До него доходили уже разные слухи о мѣрахъ начальства, еще когда онъ содержался подъ судомъ; онъ уже и тогда готовился къ смерти. Но, выходивъ первую половину, онъ ободрился. Онъ явился въ госпиталь избитый до полусмерти; я еще никогда не видалъ такихъ язвъ; но онъ пришелъ съ радостью въ сердцѣ, съ надеждой, что останется живъ, что слухи были ложные, что его вотъ выпустили же теперь изъ-подъ палокъ, такъ что теперь, послѣ долгаго содержанія подъ судомъ, ему уже начинали мечтаться дорога, побѣгъ, свобода, поля и лѣса... Черезъ два дня послѣ выписки изъ госпиталя онъ умеръ въ томъ же госпиталѣ, на прежней койкѣ, не выдержавъ второй половины. Но я уже упоминалъ объ этомъ.

И однако, тѣ же арестанты, которые проводили такіе тяжелые дни и ночи передъ самымъ наказаніемъ, переносили самую казнь мужественно, не исключая и самыхъ малодушныхъ. Я рѣдко слышалъ стоны даже въ продолженіе первой ночи по ихъ прибытіи, нерѣдко даже отъ чрезвычайно тяжело избитыхъ; вообще народъ умѣетъ переносить боль. Насчетъ боли я много разспрашивалъ. Мнѣ иногда хотѣлось опредѣлительно узнать, какъ велика эта боль, съ чѣмъ ее, наконецъ, можно сравнить? Право, не знаю, для чего я добивался этого. Одно только помню, что не изъ празднаго любопытства. Повторяю, я былъ взволнованъ и потрясенъ. Но у кого я ни спрашивалъ, я никакъ не могъ добиться удовлетворительнаго для меня отвѣта. Жжетъ, какъ огнемъ палитъ, — вотъ все, что я могъ

узнать, и это былъ единственный у всѣхъ отвѣтъ. Жжетъ, да и только. Въ это же первое время, сойдясь поближе съ М—мъ, я разспрашивалъ и его. «Больно, — отвѣчалъ онъ, — очень, а ощущеніе — жжетъ, какъ огнемъ; какъ будто жарится спина на самомъ сильномъ огнѣ». Однимъ словомъ, всѣ показывали въ одно слово. Впрочемъ, помню, я тогда же сдѣлалъ одно странное замѣчаніе, за вѣрность котораго не стою; но общность приговора самихъ арестантовъ сильно его поддерживаетъ: это то, что розги, если даются въ большомъ количествѣ, самое тяжелое наказаніе изъ всѣхъ у насъ употребляемыхъ. Казалось бы, что это съ перваго взгляда нелѣпо и невозможно. Но однакоже съ пятисотъ, даже съ четырехсотъ розогъ можно засѣчь человѣка до смерти, а свыше пятисотъ почти навѣрно. Тысячи розогъ не вынесетъ разомъ даже человѣкъ самаго сильнѣйшаго сложенія. Между тѣмъ, пятьсотъ палокъ можно перенести безо всякой опасности для жизни. Тысячу палокъ можетъ, безъ опасенія за жизнь, даже и не сильнаго сложенія человѣкъ. Даже съ двухъ тысячъ палокъ нельзя забить человѣка средней силы и здороваго сложенія. Арестанты всѣ говорили, что розги хуже палокъ. «Розги садче, — говорили они, — муки больше». Конечно, розги мучительнѣе палокъ. Онѣ сильнѣе раздражаютъ, сильнѣе дѣйствуютъ на нервы, возбуждаютъ ихъ свыше мѣры, потрясаютъ свыше возможности. Я не знаю какъ теперь, но въ недавнюю старину были джентльмены, которымъ возможность высѣчь свою жертву доставляла нѣчто, напоминающее маркизъ де-Сада и Бренвилье. Я думаю, что въ этомъ ощущеніи есть нѣчто такое, отчего у этихъ джентльменовъ замираетъ сердце, сладко и больно вмѣстѣ. Есть люди, какъ тигры жаждущіе лизнуть крови. Кто испыталъ разъ эту власть, это безграничное господство надъ тѣломъ, кровью и духомъ, такого же, какъ самъ, человѣка,

такъ же созданнаго, брата, по закону Христову; кто испыталъ власть и полную возможность унизить самымъ высочайшимъ униженіемъ другое существо, носящее на себѣ образъ Божій, тотъ уже поневолѣ какъ-то дѣлается невластенъ въ своихъ ощущеніяхъ. Тиранство есть привычка; оно одарено развитіемъ, оно развивается, наконецъ, въ болѣзнь. Я стою на томъ, что самый лучшій человѣкъ можетъ огрубѣть и отупѣть отъ привычки до степени звѣря. Кровь и власть пьянятъ: развиваются загрубѣлость, развратъ; уму и чувству становятся доступны и, наконецъ, сладки самыя ненормальныя явленія. Человѣкъ и гражданинъ гибнутъ въ тиранѣ навсегда, а возвратъ къ человѣческому достоинству, къ раскаянію, къ возрожденію становится для него уже почти невозможенъ. Къ тому же примѣръ, возможность такого своеволія дѣйствуетъ и на все общество заразительно: такая власть соблазнительна. Общество, равнодушно смотрящее на такое явленіе, уже само заражено въ своемъ основаніи. Однимъ словомъ, право тѣлеснаго наказанія, данное одному надъ другимъ, есть одна изъ язвъ общества, есть одно изъ самыхъ сильныхъ средствъ для уничтоженія въ немъ всякаго зародыша, всякой попытки гражданственности и полное основаніе къ непремѣнному и неотразимому его разложенію.

Палачомъ гнушаются въ обществѣ, но палачомъ-джентльменомъ далеко нѣтъ. Только недавно высказалось противное мнѣніе, но высказалось еще только въ книгахъ, отвлеченно. Даже тѣ, которые высказываютъ это, не всѣ еще успѣли затушить въ себѣ эту потребность самовластія. Даже всякій фабрикантъ, всякій антрепреперъ непремѣнно долженъ ощущать какое-то раздражительное удовольствіе въ томъ, что его работникъ зависитъ иногда весь, со всѣмъ семействомъ своимъ, единственно отъ него. Это навѣрное такъ; не такъ скоро поколѣніе отрывается отъ того, что сидитъ

въ немъ наслѣдственно; не такъ скоро отказывается человѣкъ отъ того, что вошло въ кровь его, передано ему, такъ сказать, съ матернимъ молокомъ. Не бываетъ такихъ скороспѣлыхъ переворотовъ. Сознать вину и родовой грѣхъ еще мало, очень мало; надобно совсѣмъ отъ него отучиться. А это не такъ скоро дѣлается.

Я заговорилъ о палачѣ. Свойства палача въ зародышѣ находятся почти въ каждомъ современномъ человѣкѣ. Но не равно развиваются звѣриныя свойства человѣка. Если же въ какомъ-нибудь они пересиливаютъ въ своемъ развитіи всѣ другія его свойства, то такой человѣкъ, конечно, становится ужаснымъ и безобразнымъ. Палачи бываютъ двухъ родовъ: одни бываютъ добровольные, другіе — подневольные, обязанные. Добровольный палачъ, конечно, во всѣхъ отношеніяхъ ниже подневольнаго, которымъ, однако, такъ гнушается народъ, гнушается до ужаса, до гадливости, до безотчетнаго, чуть не мистическаго страха. Откуда же этотъ почти суевѣрный страхъ къ одному палачу, и такое равнодушіе, чуть не одобреніе къ другому? Бываютъ примѣры до крайности странные: я знавалъ людей даже добрыхъ, даже честныхъ, даже уважаемыхъ въ обществѣ, и между тѣмъ они, напримѣръ, не могли хладнокровно перенести, если наказуемый не кричитъ подъ розгами, не молитъ и не проситъ о пощадѣ. Наказуемые должны непремѣнно кричать и молить о пощадѣ. Такъ принято; это считается и приличнымъ и необходимымъ, и когда, однажды, жертва не хотѣла кричать, то исполнитель, котораго я зналъ и который въ другихъ отношеніяхъ могъ считаться человѣкомъ, пожалуй, и добрымъ, даже лично обидѣлся при этомъ случаѣ. Онъ хотѣлъ было сначала наказать легко, но, не слыша обычныхъ «ваше благородіе, отецъ родной, помилуйте, заставьте за себя вѣчно Бога молить» и проч., — разсвирѣпѣлъ и далъ розогъ пятьдесятъ лишнихъ, желая добиться и крику

и просьбъ — и добился. «Нельзя-съ, грубость есть», — отвѣчалъ онъ мнѣ очень серьезно. Что же касается до настоящаго палача, подневольнаго, обязаннаго, то извѣстно: это арестантъ рѣшеный и приговоренный въ ссылку, но оставленъ въ палачахъ; поступившій сначала въ науку къ другому палачу и, выучившись у него, оставленный навѣкъ при острогѣ, гдѣ онъ и содержится особо, въ особой комнатѣ, имѣющій даже свое хозяйство, но находящійся почти всегда подъ конвоемъ. Конечно, живой человѣкъ не машина; палачъ бьетъ хоть и по обязанности, но иногда тоже входитъ въ азартъ, но хоть бьетъ не безъ удовольствія для себя, зато почти никогда не имѣетъ личной ненависти къ своей жертвѣ. Ловкость удара, знаніе своей науки, желаніе показать себя передъ своими товарищами и передъ публикой, подстрекаютъ его самолюбіе. Онъ хлопочетъ ради искусства. Кромѣ того, онъ знаетъ хорошо, что онъ всеобщій отверженецъ, что суевѣрный страхъ вездѣ встрѣчаетъ и провожаетъ его, и нельзя ручаться, чтобъ это не имѣло на него вліянія, не усиливало въ немъ его ярости, его звѣриныхъ наклонностей. Даже дѣти знаютъ, что онъ «отказывается отъ отца и матери». Странное дѣло; сколько мнѣ ни случалось видѣть палачей, всѣ они были люди развитые, съ толкомъ, съ умомъ и съ необыкновеннымъ самолюбіемъ, даже съ гордостью. Развилась ли въ нихъ эта гордость въ отпоръ всеобщему къ нимъ презрѣнію; усиливалась ли она сознаніемъ страха, внушаемаго ими ихъ жертвѣ, и чувствомъ господства надъ нею — не знаю. Можетъ быть, даже самая парадность и театральность той обстановки, съ которою они являются передъ публикой на эшафотѣ, способствуютъ развитію въ нихъ нѣкотораго высокомѣрія. Помню, мнѣ пришлось однажды, въ продолженіе нѣкотораго времени, часто встрѣчать и близко наблюдать одного палача. Это былъ малый средняго роста, мускулистый, сухощавый, лѣтъ

сорока, съ довольно пріятнымъ и умнымъ лицомъ и съ кудрявой головой. Онъ былъ всегда необыкновенно важенъ, спокоенъ; снаружи держалъ себя по-джентльменски, отвѣчалъ всегда коротко, разсудительно и даже ласково, но какъ-то высокомѣрно ласково, какъ будто онъ чѣмъ-то чванился предо мною. Караульные офицеры часто съ нимъ при мнѣ заговаривали и, право, даже съ нѣкоторымъ какъ будто уваженіемъ къ нему. Онъ это сознавалъ и передъ начальникомъ нарочно удвоивалъ свою вѣжливость, сухость и чувство собственнаго достоинства. Чѣмъ ласковѣе разговаривалъ съ нимъ начальникъ, тѣмъ неподатливѣе самъ онъ казался, и хотя отнюдь не выступалъ изъ утонченнѣйшей вѣжливости, но, я увѣренъ, въ эту минуту онъ считалъ себя неизмѣримо выше разговаривавшаго съ нимъ начальника. На лицѣ его это было написано. Случалось, что иногда въ очень жаркій лѣтній день посылали его подъ конвоемъ, съ длиннымъ тонкимъ шестомъ, набивать городскихъ собакъ. Въ этомъ городѣ было чрезвычайно много собакъ, совершенно никому не принадлежавшихъ и плодившихся съ необыкновенною быстротою. Въ каникулярное время онѣ становились опасными, и для истребленія ихъ, по распоряженію начальства, посылался палачъ. Но даже и эта унизительная должность, повидимому, нимало не унижала его. Надо было видѣть, съ какимъ достоинствомъ онъ расхаживалъ по городскимъ улицамъ, въ сопровожденіи усталаго конвойнаго, пугая уже однимъ видомъ своимъ встрѣчныхъ бабъ и дѣтей, какъ онъ спокойно и даже свысока смотрѣлъ на всѣхъ встрѣчавшихся. Впрочемъ, палачамъ жить привольно. У нихъ есть деньги, ѣдятъ они очень хорошо, пьютъ вино. Деньги достаются имъ черезъ взятки. Гражданскій подсудимый, которому выходитъ по суду наказаніе, предварительно хоть чѣмъ-нибудь, хоть изъ послѣдняго, да подаритъ палача. Но съ иныхъ, съ богатыхъ

подсудимыхъ, они сами берутъ, назначая имъ сумму без-сообразно съ вѣроятными средствами арестанта, берутъ и по тридцати рублей, а иногда даже и болѣе. Съ очень богатыми даже очень торгуются. Очень слабо наказать палачъ, конечно, не можетъ; онъ отвѣчаетъ за это своей же спиной. Но зато, за извѣстную взятку, онъ обѣщаетъ жертвѣ, что не прибьетъ ее очень больно. Почти всегда соглашаются на его предложеніе; если жъ нѣтъ, онъ, дѣйствительно, наказываетъ варварски, и это вполнѣ въ его власти. Случается, что онъ налагаетъ значительную сумму даже на очень бѣднаго подсудимаго; родственники ходятъ, торгуются, кланяются и бѣда, если не удовлетворятъ его. Въ такихъ случаяхъ много помогаетъ ему суевѣрный страхъ, имъ внушаемый. Какихъ диковинокъ про палачей не разсказываютъ! Впрочемъ, сами арестанты увѣряли меня, что палачъ можетъ убить съ одного удара. Но, во-первыхъ, когда жъ это было испытано? А, впрочемъ, можетъ быть. Объ этомъ говорили слишкомъ утвердительно. Палачъ же самъ ручался мнѣ, что онъ это можетъ сдѣлать. Говорили тоже, что онъ можетъ ударить со всего размаха по самой спинѣ преступника, но такъ, что даже самаго маленькаго рубчика не вскочитъ послѣ удара, и преступникъ не почувствуетъ ни малѣйшей боли. Впрочемъ, обо всѣхъ этихъ фокусахъ и утонченностяхъ извѣстно уже слишкомъ много разсказовъ. Но если даже палачъ и возьметъ взятку, чтобъ наказать легко, то все-таки первый ударъ дается имъ со всего размаха и изо всей силы. Это даже обратилось между ними въ обычай. Послѣдующіе удары онъ смягчаетъ, особенно если ему предварительно заплатили. Но первый ударъ, заплатили иль нѣтъ ему, — его. Право, не знаю, для чего это у нихъ такъ дѣлается? Для того ли, чтобъ сразу пріучить жертву къ дальнѣйшимъ ударамъ, по тому расчету, что послѣ очень труднаго удара уже не такъ

мучительны покажутся легкіе, или тутъ просто желаніе пофорсить передъ жертвой, задать ей страху, огорошить ее съ перваго раза, чтобъ понимала она, съ кѣмъ дѣло имѣетъ, показать себя, однимъ словомъ. Во всякомъ случаѣ палачъ передъ началомъ наказанія чувствуетъ себя въ возбужденномъ состояніи духа, чувствуетъ силу свою, сознаетъ себя властелиномъ; онъ въ эту минуту актеръ; на него дивится и ужасается публика, и ужъ, конечно, не безъ наслажденія кричитъ онъ своей жертвѣ, передъ первымъ ударомъ: «Подержись, ожгу!» — обычныя и роковыя слова въ этомъ случаѣ. Трудно представить, до чего можно исказить природу человѣческую.

Въ это первое время, въ госпиталѣ, я заслушивался всѣхъ этихъ арестантскихъ разсказовъ. Лежать было намъ всѣмъ ужасно скучно. Каждый день такъ похожъ одинъ на другой! Утромъ еще развлекало насъ посѣщеніе докторовъ и потомъ скоро послѣ нихъ обѣдъ. Ѣда, разумѣется, въ такомъ однообразіи, представляла значительное развлеченіе. Порціи были разныя, распредѣленныя по болѣзнямъ лежавшихъ. Иные получали только одинъ супъ, съ какой-то крупой; другіе только одну кашицу, третьи только одну манную кашу, на которую было очень много охотниковъ. Арестанты отъ долгаго лежанія изнѣживались и любили лакомиться. Выздоравливавшимъ и почти здоровымъ давали кусокъ вареной говядины, «быка», какъ у насъ говорили. Всѣхъ лучше была порція цынготная, — говядина съ лукомъ, съ хрѣномъ и съ пр., а иногда и съ крышкой водки. Хлѣбъ былъ, тоже смотря по болѣзнямъ, черный или полубѣлый, порядочно выпеченный. Эта офиціальность и тонкость въ назначеніи порцій только смѣшила больныхъ. Конечно, въ иной болѣзни человѣкъ и самъ ничего не ѣлъ. Но зато тѣ больные, которые чувствовали аппетитъ, ѣли что хотѣли. Иные мѣнялись порціями, такъ что порція,

подходящая къ одной болѣзни, переходила къ совершенно другой. Другіе, которые лежали на слабой порціи, покупали говядину и цынготную порцію, пили квасъ, госпитательное пиво, покупая его у тѣхъ, кому оно назначалось. Иные съѣдали даже по двѣ порціи. Эти порціи продавались и перепродавались за деньги. Говяжья порція цѣнилась довольно высоко, она стоила пять копеекъ ассигнаціями. Если въ нашей палатѣ не было у кого купить, посылали сторожа въ арестантскую палату, а нѣтъ — такъ и въ солдатскія палаты, въ «вольныя», какъ у насъ говорили. Всегда находились охотники продать. Они оставались на одномъ хлѣбѣ, зато зашибали деньгу. Бѣдность была, конечно, всеобщая, но тѣ, которые имѣли деньжонки, посылали даже на базаръ за калачами, даже за лакомствами и пр. Наши сторожа исполняли всѣ эти порученія совершенно безкорыстно. Послѣ обѣда наступало самое скучное время: кто отъ нечего дѣлать спалъ, кто болталъ, кто ссорился, кто что-нибудь вслухъ разсказывалъ. Если не приводили новыхъ больныхъ, было еще скучнѣе. Приходъ новичка почти всегда производилъ нѣкоторое впечатлѣніе, особенно если онъ былъ никому не знакомый. Его оглядывали, старались узнать что̀ онъ и какъ, откуда и по какимъ дѣламъ. Особенно интересовались въ этомъ случаѣ пересыльными; тѣ всегда что-нибудь да разсказывали, впрочемъ не о своихъ интимныхъ дѣлахъ; объ этомъ, если самъ человѣкъ не заговаривалъ, никогда не разспрашивали, а такъ: откуда шли? съ кѣмъ? какова дорога? куда пойдутъ? и пр. Иные, тутъ же слыша новый разсказъ, припоминали какъ бы мимоходомъ что-нибудь изъ своего собственнаго: объ разныхъ пересылкахъ, партіяхъ, исполнителяхъ, о партіонныхъ начальникахъ. Наказанные шпицрутенами являлись тоже объ эту пору, къ вечеру. Они всегда производили сильное впечатлѣніе, какъ, впрочемъ, и бы-

ло уже упомянуто; но не каждый же день ихъ приводили, и въ тотъ день, когда ихъ не было, становилось у насъ какъ-то вяло, какъ будто всѣ эти лица одно другому страшно надоѣли, начинались даже ссоры. У насъ радовались даже сумасшедшимъ, которыхъ приводили на испытаніе. Уловка прикинуться сумасшедшимъ, чтобъ избавиться отъ наказанія, употреблялась иногда подсудимыми. Однихъ скоро обличали или, лучше сказать, они сами рѣшались измѣнить политику своихъ дѣйствій, и арестантъ, прокуралесивъ два-три дня, вдругъ ни съ того, ни съ сего становился умнымъ, утихалъ и мрачно начиналъ проситься на выписку. Ни арестанты, ни доктора не укоряли такого и не стыдили, напоминая ему его недавніе фокусы; молча выписывали, молча провожали, и дня черезъ два-три онъ являлся къ намъ наказанный. Такіе случаи бывали, впрочемъ, вообще рѣдки. Но настоящіе сумасшедшіе, приводившіеся на испытаніе, составляли истинную кару Божію для всей палаты. Иныхъ сумасшедшихъ веселыхъ, бойкихъ, кричащихъ, пляшущихъ и поющихъ, арестанты сначала встрѣчали чуть не съ восторгомъ. «Вотъ забава-то!» — говаривали они, смотря на иного, только что приведеннаго кривляку. Но мнѣ ужасно трудно и тяжело было видѣть этихъ несчастныхъ. Я никогда не могъ хладнокровно смотрѣть на сумасшедшихъ.

Впрочемъ, скоро безпрерывныя кривлянья и безпокойныя выходки приведеннаго и встрѣченнаго съ хохотомъ сумасшедшаго рѣшительно всѣмъ у насъ надоѣдали и дня въ два выводили всѣхъ изъ терпѣнія окончательно. Одного изъ нихъ держали у насъ недѣли три, и приходилось просто бѣжать изъ палаты. Какъ нарочно, въ это время привели еще сумасшедшаго. Этотъ произвелъ на меня особенное впечатлѣніе. Случилось это уже на третій годъ моей каторги. Въ первый годъ или, лучше сказать, въ первые же мѣсяцы моей острожной жизни, весной, я ходилъ съ одной пар-

тіей на работу, за двѣ версты, на кирпичный заводъ, съ печниками, подносчикомъ. Надо было исправить для будущихъ лѣтнихъ кирпичныхъ работъ печи. Въ это утро, въ заводѣ, М—цкій и Б. познакомили меня съ проживавшимъ тамъ надсмотрщикомъ, унтеръ-офицеромъ Острожскимъ. Это былъ полякъ, старикъ лѣтъ шестидесяти, высокій, сухощавый, чрезвычайно благообразной и даже величавой наружности. Въ Сибири онъ находился съ давнишнихъ поръ на службѣ и хоть происходилъ изъ простонародья, пришелъ какъ солдатъ бывшаго въ тридцатомъ году войска, но М—цкій и Б. его любили и уважали. Онъ все читалъ католическую библію. Я разговаривалъ съ нимъ, и онъ говорилъ такъ ласково, такъ разумно, такъ занимательно разсказывалъ, такъ добродушно и честно смотрѣлъ. Съ тѣхъ поръ я не видалъ его года два, слышалъ только, что по какому-то дѣлу онъ находился подъ слѣдствіемъ, и вдругъ его ввели къ намъ въ палату какъ сумасшедшаго. Онъ вошелъ съ визгами, съ хохотомъ и съ самыми неприличными, съ самыми камаринскими жестами пустился плясать по палатѣ. Арестанты были въ восторгѣ, но мнѣ стало такъ грустно... Черезъ три дня мы всѣ уже не знали куда съ нимъ дѣваться. Онъ ссорился, дрался, визжалъ, пѣлъ пѣсни, даже ночью, дѣлалъ поминутно такія отвратительныя выходки, что всѣхъ начинало просто тошнить. Онъ никого не боялся. На него одѣвали горячешную рубашку, но отъ этого становилось намъ же хуже, хотя безъ рубашки онъ затѣвалъ ссоры и лѣзъ драться чуть не со всѣми. Въ эти три недѣли иногда вся палата подымалась въ одинъ голосъ и просила главнаго доктора перевести наше нещечко въ другую арестантскую палату. Тамъ, въ свою очередь, выпрашивали дня черезъ два перевести его къ намъ. А такъ какъ сумасшедшихъ случилось у насъ разомъ двое, безпокойныхъ и забіякъ, то одна палата съ дру-

гою чередовались и мѣнялись сумасшедшими. Но оказывались оба хуже. Всѣ вздохнули свободнѣе, когда ихъ отъ насъ увели, наконецъ, куда-то...

Помню тоже еще одного страннаго сумасшедшаго. Привели однажды лѣтомъ одного подсудимаго, здороваго и съ виду очень неуклюжаго парня, лѣтъ сорока пяти, съ уродливымъ отъ оспы лицомъ, съ заплывшими красными маленькими глазами и съ чрезвычайно угрюмымъ и мрачнымъ видомъ. Помѣстился онъ рядомъ со мною. Оказался онъ очень смирнымъ малымъ, ни съ кѣмъ не заговаривалъ, и сидѣлъ какъ будто что-то обдумывая. Стало смеркаться, и вдругъ онъ обратился ко мнѣ. Прямо, безъ дальнихъ предисловій, но съ такимъ видомъ, какъ будто сообщаетъ мнѣ чрезвычайную тайну, онъ сталъ мнѣ разсказывать, что на-дняхъ ему выходитъ двѣ тысячи, но что этого теперь не будетъ, потому что дочь полковника Г. объ немъ хлопочетъ. Я съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на него и отвѣчалъ, что въ такомъ случаѣ, мнѣ кажется, дочь полковника ничего не въ состояніи сдѣлать. Я еще ни о чемъ не догадывался; его привели не какъ сумасшедшаго, а какъ обыкновеннаго больного. Я спросилъ его, чѣмъ онъ боленъ? Онъ отвѣтилъ мнѣ, что не знаетъ и что его зачѣмъ-то сюда прислали, но что онъ совершенно здоровъ, а полковничья дочь въ него влюблена; что она разъ, двѣ недѣли тому назадъ, проѣзжала мимо гауптвахты, а онъ на ту пору и выгляни изъ-за рѣшетчатаго окошечка. Она, какъ увидала его, тотчасъ же и влюбилась. И съ тѣхъ поръ, подъ разными видами, была уже три раза на гауптвахтѣ; первый разъ заходила вмѣстѣ съ отцомъ къ брату, офицеру, стоявшему въ то время у нихъ въ караулѣ; другой разъ пришла съ матерью раздать подаяніе и, проходя мимо, шепнула ему, что она его любитъ и выручитъ. Странно было, съ какими тонкими подробностями разсказывалъ онъ мнѣ всю эту нелѣпость, которая,

разумѣется, вся цѣликомъ родилась въ разстроенной, бѣдной головѣ его. Въ свое избавленіе отъ наказанія онъ вѣрилъ свято. О страстной любви къ нему этой барышни говорилъ спокойно и утвердительно, и, несмотря уже на общую нелѣпость разсказа, такъ дико было слышать такую романическую исторію о влюбленной дѣвицѣ отъ человѣка подъ пятьдесятъ лѣтъ, съ такой унылой, огорченной и уродливой физіономіей. Странно, что могъ сдѣлать страхъ наказанія съ этой робкой душой. Можетъ быть, онъ дѣйствительно кого-нибудь увидѣлъ въ окошко, и сумасшествіе, приготовлявшееся въ немъ отъ страха, возраставшаго съ каждымъ часомъ, вдругъ разомъ нашло свой исходъ, свою форму. Этотъ несчастный солдатъ, которому, можетъ быть, во всю жизнь ни разу и не подумалось о барышняхъ, выдумалъ вдругъ цѣлый романъ, инстинктивно хватаясь хоть за эту соломинку. Я выслушалъ молча и сообщилъ о немъ другимъ арестантамъ. Но когда другіе стали любопытствовать, онъ цѣломудренно замолчалъ. Назавтра докторъ долго спрашивалъ его, и такъ какъ онъ сказалъ ему, что ничѣмъ не боленъ, и по осмотру оказался дѣйствительно такимъ, то его и выписали. Но о томъ, что у него въ листѣ написано было sanat, мы узнали уже когда доктора вышли изъ палаты, такъ что сказать имъ въ чемъ дѣло нельзя было. Да мы и сами-то еще тогда вполнѣ не догадывались въ чемъ было главное дѣло. А между тѣмъ все дѣло состояло въ ошибкѣ приславшаго его къ намъ начальства, не объяснившаго для чего его прислали. Тутъ случилось какая-то небрежность. А можетъ быть, даже и приславшіе еще только догадывались и были вовсе не увѣрены въ его сумасшествіи, дѣйствовали по темнымъ слухамъ и прислали его на испытаніе. Какъ бы то ни было, несчастнаго вывели черезъ два дня къ наказанію. Оно, кажется, очень поразило его своею неожиданностью; онъ не вѣрилъ, что его нака-

жутъ, до послѣдней минуты, и когда повели его по рядамъ, сталъ кричать: караулъ! Въ госпиталѣ его положили на этотъ разъ уже не въ нашу, а, за неимѣніемъ въ ней коекъ, въ другую палату. Но я справлялся о немъ и узналъ, что во всѣ восемь дней ни съ кѣмъ не сказалъ ни слова, былъ смущенъ и чрезвычайно грустенъ... Потомъ его куда-то услали, когда зажила его спина. Я, по крайней мѣрѣ, уже больше не слыхалъ о немъ ничего.

Что же касается вообще до лѣченія и лѣкарствъ, то, сколько я могъ замѣтить, легко больные почти не исполняли предписаній и не принимали лѣкарствъ, но трудно больные и вообще дѣйствительно больные очень любили лѣчиться, принимали аккуратно свои микстуры и порошки; но болѣе всего у насъ любили наружныя средства. Банки, піявки, припарки и кровопусканія, которыя такъ любитъ и которымъ такъ вѣритъ нашъ простолюдинъ, принимались у насъ охотно и даже съ удовольствіемъ. Меня заинтересовало одно странное обстоятельство. Эти самые люди, которые были такъ терпѣливы въ перенесеніи мучительнѣйшихъ болей отъ палокъ и розогъ, нерѣдко жаловались, кривлялись и даже стонали отъ какихъ-нибудь банокъ. Разнѣживались ли они ужъ очень, или такъ просто франтили, — ужъ не знаю, какъ это объяснить. Правда, наши банки были особаго рода. Машинку, которою просѣкается мгновенно кожа, фельдшеръ когда-то, въ незапамятныя времена, затерялъ или испортилъ, или, быть можетъ, она сама испортилась, такъ что онъ уже принужденъ былъ дѣлать необходимые надрѣзы тѣла ланцетомъ. Надрѣзовъ дѣлаютъ для каждой банки около двѣнадцати. Машинкой не больно. Двѣнадцать ножичковъ ударятъ вдругъ мгновенно, и боль не слышна. Но надрѣзываніе ланцетомъ другое дѣло. Ланцетъ рѣжетъ сравнительно очень медленно; боль слышна; а такъ какъ, напримѣръ, при десяти банкахъ при-

ходится сдѣлать сто двадцать такихъ надрѣзовъ, то все мѣстѣ, конечно, было чувствительно. Я испыталъ это, но хотя и было больно и досадно, но все-таки не такъ же, чтобъ не удержаться и стонать. Даже смѣшно было иногда смотрѣть на иного верзилу и здоровяка, какъ онъ корчится и начинаетъ нюнить. Вообще это можно было сравнить съ тѣмъ, когда иной человѣкъ, твердый и даже спокойный въ какомъ-нибудь серьезномъ дѣлѣ, хандритъ и капризничаетъ дома, когда нечего дѣлать, не ѣстъ что подаютъ, бранится и ругается; все не по немъ, всѣ ему досаждаютъ, всѣ ему грубятъ, всѣ его мучаютъ; — однимъ словомъ, съ жиру бѣсится, какъ говорятъ иногда о такихъ господахъ, встрѣчающихся, впрочемъ, и въ простонародьи; а въ нашемъ острогѣ, при взаимномъ всеобщемъ сожитіи, даже слишкомъ часто. Бывало, въ палатѣ свои уже начнутъ дразнить такого нѣженку, а иной просто выругаетъ; вотъ онъ и замолчитъ, точно и въ самомъ дѣлѣ того и ждалъ, чтобъ его выругали, чтобъ замолчать. Особенно не любилъ этого Устьянцевъ и никогда не пропускалъ случая поругаться съ нѣженкой. Онъ и вообще не пропускалъ случая съ кѣмъ-нибудь сцѣпиться. Это было его наслажденіемъ, потребностью, разумѣется, отъ болѣзни, отчасти и отъ тупоумія. Смотритъ, бывало, сперва серьезно и пристально и потомъ какимъ-то спокойнымъ, убѣжденнымъ голосомъ начинаетъ читать наставленія. До всего ему было дѣло; точно онъ былъ приставленъ у насъ для наблюденія за порядкомъ или за всеобщею нравственностью.

— До всего доходитъ, — говорили бывало, смѣясь, арестанты. Его, впрочемъ, щадили и избѣгали ругаться съ нимъ, а такъ только иногда смѣялись.

— Ишь наговорилъ! На трехъ возахъ не вывезешь.

— Чего наговорилъ? Передъ дуракомъ шапки не

снимаютъ, извѣстно. Чего жъ онъ отъ ланцета кричитъ? Любилъ медокъ, люби холодокъ, терпи значитъ.

— Да тебѣ-то что?

— Нѣтъ, братцы, — перебилъ одинъ изъ нашихъ арестантиковъ, — рожки ничего; я испробовалъ; а вотъ нѣтъ хуже боли, когда тебя за ухо долго тянутъ.

Всѣ засмѣялись.

— А тебя нешто тянули?

— А ты думалъ нѣтъ? Извѣстно, тянули.

— То-то ухи-то у тебя торчкомъ стоятъ.

У этого арестантика, Шапкина, дѣйствительно, были предлинныя въ обѣ стороны торчавшія уши. Онъ былъ изъ бродягъ, еще молодой, малый дѣльный и тихій, говорившій всегда съ какимъ-то серьезнымъ, затаеннымъ юморомъ, что придавало много комизму инымъ его разсказамъ.

— Да съ чего мнѣ думать-то, что тебя за ухо тянули? Да и какъ я это вздумаю, туголобый ты человѣкъ? — ввязался снова Устьянцевъ, съ негодованіемъ обращаясь къ Шапкину, хотя, впрочемъ, тотъ вовсе не къ нему относился, а ко всѣмъ вообще, но Шапкинъ даже не посмотрѣлъ на него.

— А тебя кто тянулъ? — спросилъ кто-то.

— Кто? Извѣстно кто, исправникъ. Это, братцы, по бродяжеству было. Пришли мы тогда въ К., а было насъ двое, я да другой, тоже бродяга, Ефимъ безъ прозвища. По дорогѣ мы у одного мужика въ Толминой деревнѣ разжились маненько. Деревня такая есть, Толмина. Ну, вошли, да и поглядываемъ: разжиться бы и здѣсь, да и драло. Въ полѣ четыре воли, а въ городѣ жутко — извѣстно. Ну, перво-наперво зашли въ кабачокъ. Оглядѣлись. Подходитъ къ намъ одинъ, прогорѣлый такой, локти продраны, въ нѣмец-

комъ платьѣ. То да се. — А вы какъ, говоритъ, позвольте спросить, по документу?[1])

— Нѣтъ, говоримъ, безъ документа.

— Такъ-съ. И мы тоже-съ. Тутъ у меня есть двое пріятелей, говоритъ, тоже у генерала Кукушкина[2]) служатъ. Такъ вотъ смѣю спросить, мы вотъ подкутили маненько да и деньжонками пока не разжились. Полштофчика благоволите намъ.

— Съ нашимъ полнымъ удовольствіемъ, — говоримъ. — Ну, выпили. И указали тутъ они намъ одно дѣло, по столевской, то-есть по нашей части. Домъ тутъ стоялъ, съ краю города, и богатый тутъ жилъ одинъ мѣщанинъ, добра пропасть, ночью и положили провѣдать. Да только мы у богатаго-то мѣщанина тутъ всѣ впятеромъ, въ ту же ночь, и попались. Взяли насъ въ часть, а потомъ къ самому исправнику. Я, говоритъ, ихъ самъ допрошу. Выходитъ съ трубкой, чашку чаю за нимъ несутъ, здоровенный такой, съ бакенбардами. Сѣлъ. А тутъ ужъ кромѣ насъ еще троихъ привели, тоже бродяги. И смѣшной же это человѣкъ, братцы, бродяга: ну, ничего не помнитъ, хоть ты колъ ему на головѣ теши, все забылъ, ничего не знаетъ. Исправникъ прямо ко мнѣ: Ты кто таковъ? Такъ и зарычалъ, какъ изъ бочки. Ну, извѣстно, то же что и всѣ сказываю: ничего, дескать, не помню, ваше высокоблагородіе, все забылъ.

— Постой, говоритъ, я еще съ тобою поговорю, рожа-то мнѣ знакомая; — самъ бѣльмы на меня такъ и пялитъ. А я его допрежъ сего никогда не видывалъ. Къ другому: — Ты кто?

— Махни-драло, ваше высокоблагородіе.

— Это такъ тебя и зовутъ махни-драло?

---

[1]) Паспортъ.

[2]) То-есть въ лѣсу, гдѣ поетъ кукушка. Онъ хочетъ сказать, что они тоже бродяги.

— Такъ и зовутъ, ваше высокоблагородіе.

— Ну, хорошо, ты махни-драло, а ты? — Къ третьему, значитъ.

— А я за нимъ, ваше высокоблагородіе.

— Да прозываешься-то ты какъ?

— Такъ и прозываюсь: «А я за нимъ», ваше высокоблагородіе.

— Да кто жъ тебя, подлеца, такъ назвалъ?

— Добрые люди назвали, ваше высокоблагородіе. На свѣтѣ не безъ добрыхъ людей, ваше высокоблагородіе, извѣстно.

— А кто такіе эти добрые люди?

— А запамятовалъ маненько, ваше высокоблагородіе, ужъ извольте простить великодушно.

— Всѣхъ позабылъ?

— Всѣхъ позабылъ, ваше высокоблагородіе.

— Да вѣдь были жъ у тебя тоже отецъ и мать?.. Ихъ-то хоть помнишь ли?

— Надо такъ полагать, что были, ваше высокоблагородіе, а впрочемъ тоже маненько позапамятовалъ; можетъ, и были, ваше высокоблагородіе.

— Да гдѣ жъ ты жилъ до сихъ поръ?

— Въ лѣсу, ваше высокоблагородіе.

— Все въ лѣсу?

— Все въ лѣсу.

— Ну, а зимой?

— Зимы не видалъ, ваше высокоблагородіе.

— Ну, а ты, тебя какъ зовутъ?

— Топоромъ, ваше высокоблагородіе.

— А тебя?

— Точи не зѣвай, ваше высокоблагородіе.

— А тебя?

— Потачивай небось, ваше высокоблагородіе.

— Всѣ ничего не помните?

— Ничего не помнимъ, ваше высокоблагородіе.

Стоитъ, смѣется, и они на него глядятъ, усмѣха-

ются. Ну, а другой разъ и въ зубы ткнетъ, какъ нарвешься. А народъ-то все здоровенный, жирные такіе. — Отвести ихъ въ острогъ, — говоритъ, — я съ ними потомъ; ну, а ты оставайся, — это мнѣ тоесть говоритъ. — Пошелъ сюда, садись! — Смотрю: столъ, бумага, перо. Думаю: чего жъ онъ это ладитъ дѣлать? Садись, говоритъ, на стулъ, бери перо, пиши! — а самъ схватилъ меня за ухо, да и тянетъ. Я смотрю на него, какъ чортъ на попа: не умѣю, говорю, ваше высокоблагородіе. — Пиши!

— Помилосердуйте, ваше высокоблагородіе. — Пиши, какъ умѣешь, такъ и пиши! — А самъ все за ухо тянетъ, все тянетъ, да какъ завернетъ! Ну, братцы, скажу, легче бы онъ мнѣ триста розогъ всыпалъ, ажно искры посыпались — пиши, да и только!

— Да что онъ, сдурѣлъ, что ли?

— Нѣтъ, не сдурѣлъ. А въ Т—кѣ писарекъ занедолго штуку выкинулъ: деньги тянулъ казенныя, да съ тѣмъ и бѣжалъ, тоже уши торчали. Ну, дали знать повсемѣстно. А я по примѣтамъ-то какъ будто и подошелъ, такъ вотъ онъ и пыталъ меня: умѣю ль я писать и какъ я пишу?

— Эко дѣло парень! А больно?

— Говорю, больно.

Раздался всеобщій смѣхъ.

— Ну, а написалъ?

— Да чего написалъ? Сталъ перомъ водить, водилъ-водилъ по бумагѣ-то, онъ и бросилъ. Ну, плюхъ съ десятокъ накидалъ, разумѣется, да съ тѣмъ и пустилъ, тоже въ острогъ значитъ.

— А ты развѣ умѣешь писать?

— Прежде умѣлъ, а вотъ какъ перьями сталъ писать, такъ ужъ я и разучился...

Вотъ въ такихъ разсказахъ, или, лучше сказать въ такой болтовнѣ проходило иногда наше скучное вр

мя. Господи, что это была за скука! Дни длинные, душные, одинъ на другой точь-въ-точь похожіе. Хоть бы книга какая-нибудь! И между тѣмъ я, особенно вначалѣ, часто ходилъ въ госпиталь, иногда больной, иногда просто лежать; уходилъ отъ острога. Тяжело было тамъ, еще тяжелѣе, чѣмъ здѣсь, нравственно тяжелѣе. Злость, вражда, свара, зависть, безпрерывныя придирки къ намъ, дворянамъ, злыя, угрожающія лица! Тутъ же въ госпиталѣ всѣ были болѣе на равной ногѣ, жили болѣе по-пріятельски. Самое грустное время въ продолженіе цѣлаго дня приходилось вечеромъ, при свѣчахъ и въ началѣ ночи. Укладываются спать рано. Тусклый ночникъ свѣтитъ вдали у дверей яркой точкой, а въ нашемъ концѣ полумракъ. Становится смрадно и душно. Иной не можетъ заснуть, встанетъ и сидитъ часа полтора на постели, склонивъ свою голову въ колпакѣ, какъ будто о чемъ-то думаетъ. Смотришь на него цѣлый часъ и стараешься угадать, о чемъ онъ думаетъ, чтобы тоже какъ-нибудь убить время. А то начинаешь мечтать, вспоминать прошедшее, рисуются широкія яркія картины въ воображеніи; припоминаются такія подробности, которыхъ въ другое время и не припомнилъ бы, и не прочувствовалъ бы такъ, какъ теперь. А то гадаешь про будущее: какъ-то выйдешь изъ острога? Куда? Когда это будетъ? Воротишься когда-нибудь на свою родимую сторону? Думаешь, думаешь и надежда зашевелится въ душѣ... А то иной разъ просто начнешь считать: разъ, два, три и т. д., чтобъ какъ-нибудь среди этого счета заснуть. Я иногда насчитывалъ до трехъ тысячъ и не засыпалъ. Вотъ кто-нибудь заворочается. Устьянцевъ закашляетъ своимъ гнилымъ, чахоточнымъ кашлемъ и потомъ слабо застонетъ и каждый разъ приговариваетъ: «Господи, я согрѣшилъ!» И страшно слышать этотъ больной, разбитый и ноющій голосъ, среди всеобщей тиши. А вотъ гдѣ-нибудь въ уголкѣ тоже не спятъ и разгова-

риваютъ съ своихъ коекъ. Одинъ что-нибудь начнетъ разсказывать про свою быль, про далекое, про минувшее, про бродяжничество, про дѣтей, про жену, про прежніе порядки. Такъ и чувствуешь уже по одному отдаленному шопоту, что все, объ чемъ онъ разсказываетъ, никогда къ нему опять не воротится, а самъ онъ, разсказчикъ, — ломоть отрѣзанный; другой слушаетъ. Слышенъ только тихій, равномѣрный шопотъ, точно вода журчитъ гдѣ-то далеко... Помню, однажды, въ одну длинную зимнюю ночь, я прослушалъ одинъ разсказъ. Съ перваго взгляда онъ мнѣ показался какимъ-то горячечнымъ сномъ, какъ будто я лежалъ въ лихорадкѣ, и мнѣ все это приснилось въ жару, въ бреду...

IV

Акулькинъ мужъ

Разсказъ

Ночь была уже поздняя, часъ двѣнадцатый. Я было уже заснулъ, но вдругъ проснулся. Тусклый маленькій свѣтъ отдаленнаго ночника едва озарялъ палату... Почти всѣ уже спали. Спалъ даже Устьянцевъ, и въ тишинѣ слышно было, какъ тяжело ему дышится, и какъ хрипитъ у него въ горлѣ съ каждымъ дыханьемъ мокрота. Въ отдаленіи, въ сѣняхъ раздались вдругъ тяжелые шаги приближающейся караульной смѣны. Брякнуло прикладомъ объ полъ ружье. Отворилась палата; ефрейторъ, осторожно ступая, пересчиталъ больныхъ. Черезъ минуту заперли палату, поставили новаго часового, караулъ удалился и опять прежняя тишина. Тутъ только я замѣтилъ, что неподалеку отъ меня, слѣва, двое не спали и какъ будто шептались между собою. Это случалось въ палатахъ: иногда дни и мѣсяцы лежатъ одинъ подлѣ другого и не скажутъ ни слова, и вдругъ какъ-нибудь

разговорятся въ ночной вызывающій часъ, и одинъ начнетъ передъ другимъ выкладывать все свое прошедшее.

Они, повидимому, давно уже говорили. Начала я не засталъ, да и теперь не все могъ разслышать, но мало-по-малу привыкъ и сталъ все понимать. Мнѣ не спалось: что же дѣлать какъ не слушать?.. Одинъ разсказывалъ съ жаромъ, полулежа на постели, приподнявъ голову и вытянувъ по направленію къ товарищу шею. Онъ видимо былъ разгоряченъ, возбужденъ; ему хотѣлось разсказывать. Слушатель его угрюмо и совершенно равнодушно сидѣлъ на своей койкѣ, протянувъ по ней ноги, изрѣдка что-нибудь мычалъ въ отвѣтъ или въ знакъ участія разсказчику, но какъ будто болѣе для приличія, а не въ самомъ дѣлѣ, и поминутно набивалъ изъ рожка свой носъ табакомъ. Это былъ исправительный солдатъ Черевинъ, человѣкъ лѣтъ пятидесяти, угрюмый педантъ, холодный резонеръ и дуракъ съ самолюбіемъ. Разсказчикъ Шишковъ былъ еще молодой малый, лѣтъ подъ тридцать, нашъ гражданскій арестантъ, работавшій въ швальнѣ. До сихъ поръ я мало обращалъ на него вниманія; да и потомъ во все время моей острожной жизни какъ-то не тянуло меня имъ заняться. Это былъ пустой и взбалмошный человѣкъ. Иногда молчитъ, живетъ угрюмо, держитъ себя грубо, по недѣлямъ не говоритъ. А иногда вдругъ ввяжется въ какую-нибудь исторію, начнетъ сплетничать, горячится изъ пустяковъ, снуетъ изъ казармы въ казарму, передаетъ вѣсти, наговариваетъ, изъ себя выходитъ. Его побьютъ, онъ опять замолчитъ. Парень былъ трусоватый и жалкій. Всѣ какъ-то съ пренебреженіемъ съ нимъ обходились. Былъ онъ небольшого роста, худощавый; глаза какіе-то безпокойные, а иногда какъ-то тупо задумчивые. Случалось ему что-нибудь разсказывать: начнетъ горячо съ жаромъ, даже руками размахиваетъ — и вдругъ

порветъ, али сойдетъ на другое, увлечется новыми подробностями и забудетъ о чемъ началъ говорить. Онъ часто ругивался и непремѣнно, бывало, когда ругается, попрекаетъ въ чемъ-нибудь человѣка, въ какой-нибудь винѣ передъ собой, съ чувствомъ говоритъ, чуть не плачетъ... На балалайкѣ онъ игралъ недурно и любилъ играть, а на праздникахъ даже плясалъ, и плясалъ хорошо, когда, бывало, заставятъ... Его очень скоро можно было что-нибудь заставить сдѣлать... Онъ не то чтобъ ужъ такъ былъ послушенъ, а любилъ лѣзть въ товарищество и угождать изъ товарищества.

Я долго не могъ вникнуть, про что онъ разсказываетъ. Мнѣ казалось тоже сначала, что онъ все отступаетъ отъ темы и увлекается постороннимъ. Онъ, можетъ быть, и замѣчалъ, что Черевину почти дѣла нѣтъ до его разсказа, но, кажется, хотѣлъ нарочно убѣдить себя, что слушатель его — весь вниманіе, и, можетъ быть, ему было бы очень больно, если бъ онъ убѣдился въ противномъ.

— ... Бывало выйдетъ на базаръ-то, — продолжалъ онъ, — всѣ кланяются, чествуютъ, одно слово — богатѣй.

— Торги, говоришь, имѣлъ?

— Ну да, торги. Оно по мѣщанству-то промежъ нами бѣдно̀. Голь какъ есть. Бабы-то съ рѣки-то, на яръ, эвона куда воду носятъ въ огородѣ полить; маются-маются, а къ осени и на щи-то не выберутъ. Раззоръ. Ну, заимку большую имѣлъ, землю работниками пахалъ, троихъ держалъ, опять къ тому жъ своя пасѣка, медомъ торговали и скотомъ тоже, и по нашему мѣсту, значитъ, былъ въ великомъ уваженіи. Старъ больно былъ, семьдесятъ лѣтъ, кость-то тяжелая стала., сѣдой, большой такой. Этта выйдетъ въ лисьей шубѣ на базаръ-то, такъ всѣ-то чествуютъ. Чувствуютъ, значитъ: «Здравствуйте, батюшка, Анкудимъ Трофимычъ!» — Здравствуй, скажетъ, и ты. Никѣмъ

то-есть не побрезгаетъ. — «Живите больше, Анкудимъ Трофимычъ!» — А какъ твои дѣла? спроситъ. — «Да наши дѣла, какъ сажа бѣла. Вы какъ, батюшка?» — Живемъ и мы, скажетъ, по грѣхамъ нашимъ, тоже небо коптимъ. — «Живите больше, Анкудимъ Трофимычъ!» Никѣмъ то-есть не брезгуетъ, а говоритъ, — такъ всякое слово его словно въ рубль идетъ. Начетчикъ былъ, грамотей, все-то божественное читаетъ. Посадитъ старуху передъ собой: «Ну, слушай, жена, понимай!» и начнетъ толковать. А старуха-то не то чтобы старая была, на второй ужъ на ней женился, для дѣтей, значитъ, отъ первой-то не было. Ну, а отъ второй-то, отъ Марьи-то Степановны, два сына были еще невзрослые, младшаго-то, Васю, шестидесяти лѣтъ прижилъ, а Акулька-то, дочь изъ всѣхъ старшая, значитъ, восемнадцати лѣтъ была.

— Это твоя-то, жена-то?

— Погоди, сначала тутъ Филька Морозовъ набухвоститъ. Ты, говоритъ Филька-то, Анкудиму-то, дѣлись; всѣ четыреста цѣлковыхъ отдай,, а я работникъ что ли тебѣ? Не хочу съ тобой торговать, и Акульку твою, говоритъ, брать не хочу. Я теперь, говоритъ, закурилъ. У меня, говоритъ, теперь родители померли, такъ я и деньги пропью, да потомъ въ наемщики, значитъ, въ солдаты пойду, а черезъ десять лѣтъ фельдмаршаломъ сюда къ вамъ пріѣду. Анкудимъ-то ему деньги и отдалъ, совсѣмъ какъ есть разсчитался, — потому еще отецъ-то его еще со старикомъ-то на одинъ капиталъ торговали. — «Пропащій ты, говоритъ, человѣкъ». А онъ ему: — Ну, еще пропащій я или нѣтъ, а съ тобой, сѣдая борода, научишься шиломъ молоко хлебать. Ты, говоритъ, экономію съ двухъ грошей загнать хочешь, всякую дрянь собираешь, — не годится ли въ кашу. Я, дескать, на это плевать хотѣлъ. Копишь-копишь, да чорта и купишь. У меня, говоритъ, характеръ. А Акульку

твою все-таки не возьму: я, говоритъ, и безъ того съ ней спалъ...

— Да какъ же, говоритъ, Анкудимъ-то, ты смѣешь позорить честнаго отца, честную дочь? Когда ты съ ней спалъ, змѣиное ты сало, щучья ты кровь, — а самъ и затрясся весь. Самъ Филька разсказывалъ.

— Да не то что за меня, говоритъ, я такъ сдѣлаю, что и ни за кого Акулька ваша теперь не пойдетъ, никто не возьметъ, и Микита Григорьичъ теперь не возьметъ, потому она теперь безчестная. Мы еще съ осени съ ней на житье схватились. А я теперь за сто раковъ не соглашусь. Вотъ на пробу давай сейчасъ сто раковъ — не соглашусь.

И закурилъ же онъ у насъ, парень! Да такъ, что земля стономъ стоитъ, по городу-то гулъ идетъ. Товарищей понабралъ, денегъ куча, мѣсяца три кутилъ, все спустилъ. «Я, говоритъ, бывало, какъ деньги всѣ покончу, домъ спущу, все спущу, а потомъ либо въ наемщики, либо бродяжить пойду!» Съ утра, бывало, до вечера пьянъ, съ бубенчиками на парѣ ѣздилъ. И ужъ такъ его любили дѣвки, что ужасти. На торбѣ хорошо игралъ.

— Значитъ, онъ съ Акулькой еще допрежъ того дѣло имѣлъ?

— Стой, подожди. Я тогда тоже родителя схоронилъ, а матушка мои пряники, значитъ, пекла, на Анкудима работали, тѣмъ и кормились. Житье у насъ было плохое. Ну, тоже заимка за лѣсомъ была, хлѣбушка сѣяли, да послѣ отца-то все порѣшили, потому я тоже закурилъ, братецъ ты мой. Отъ матери деньги побоями вымогалъ...

— Это не хорошо, коли побоями. Грѣхъ великій.

— Бывало, пьянъ, братецъ ты мой, съ утра до ночи. Домъ у насъ былъ еще такъ себѣ, ничего, хоть гнилой, да свой, да въ избѣ-то хоть зайца гоняй. Го-

лодомъ, бывало, сидимъ, по недѣлѣ тряпицу жуемъ. Мать-то меня, бывало, коститъ, костить; а мнѣ чего!.. Я, братъ, тогда отъ Фильки Морозова не отходилъ. Съ утра до ночи съ нимъ. «Играй, говоритъ, мнѣ на гитарѣ и танцуй, а я буду лежать и въ тебя деньги кидать, потому какъ я самый богатый человѣкъ». И чего-чего онъ ни дѣлалъ! Краденаго только не принималъ: «я, говоритъ, не воръ, а честный человѣкъ». «А пойдемте, говоритъ, Акулькѣ ворота дегтемъ мазать; потому не хочу, чтобъ Акулька за Микиту Григорьича вышла. Это мнѣ теперь дороже киселя», говоритъ. А за Микиту Григорьевича старикъ еще допрежъ сего хотѣлъ дѣвку отдать. Микита-то старикъ тоже былъ, вдовецъ, въ очкахъ ходилъ, торговалъ. Онъ какъ услыхалъ, что про Акульку слухи пошли, да и на попятный: «Мнѣ, говоритъ, Анкудимъ Трофимычъ, это въ большое безчестье будетъ, да и жениться я, по старости лѣтъ, не желаю» Вотъ мы Акулькѣ ворота и вымазали. Такъ ужъ драли ее, драли за это дома-то... Марья Степановна кричитъ: «со свѣта сживу!» А старикъ: «Въ древніе годы, говоритъ, при честныхъ патріархахъ, я бы ее, говоритъ, на кострѣ изрубилъ, а нынѣ, говоритъ, въ свѣтѣ тьма и тлѣнъ». Бывало, сусѣди на всю улицу слышатъ, какъ Акулька ревмя-реветъ: сѣкутъ съ утра до ночи. А Филька на весь базаръ кричитъ: «Славная, говоритъ, есть дѣвка Акулька, собутыльница. Чисто ходишь, бѣло носишь, скажи, кого любишь! Я, говоритъ, имъ тамъ кинулся въ носъ, помнить будутъ». Въ то время и я разъ повстрѣчалъ Акульку, съ ведрами шла, да и кричу: «Здравствуйте, Акулина Кудимовна! Салфетъ вашей милости, чисто ходишь, гдѣ берешь, дай подписку съ кѣмъ живешь!» да только и сказалъ, а она какъ посмотрѣла на меня, такіе у ней большіе глаза-то были, а сама похудѣла, какъ щепка. Какъ посмотрѣла на меня, а мать-то думала, что она

смѣется со мною, и кричитъ въ подворотню: «что ты зубы-то моешь, безстыдница!» такъ въ тотъ же день ее опять драть. Бывало, цѣлый битый часъ деретъ. «Засѣку, говоритъ, потому она мнѣ теперь не дочь».

— Распутная, значитъ, была.

— А вотъ ты слушай, дядюшка. Мы вотъ какъ это все тогда съ Филькой пьянствовали, мать ко мнѣ и приходитъ, а я лежу: «Что ты, говоритъ, подлецъ, лежишь? Разбойникъ ты, говоритъ, эдакой». Ругается, значитъ: «Женись, говоритъ, вотъ на Акулькѣ женись. Они теперь и за тебя рады отдать будутъ, триста рублей однѣхъ денегъ дадутъ». А я ей: «да вѣдь она, говорю, теперь ужъ на весь свѣтъ безчестная стала». — «А ты дуракъ, говоритъ, вѣнцомъ все прикрывается; тебѣ жъ лучше, коль она передъ тобой на всю жизнь виновата выйдетъ. А мы бы ихними деньгами и справились; я ужъ съ Марьей, говоритъ, Степановной говорила. Очень слушаетъ». — А я: «Деньги, говорю, двадцать цѣлковыхъ на столъ, тогда женюсь». И вотъ, вѣришь иль нѣтъ, до самой свадьбы безъ просыпу былъ пьянъ. А тутъ еще Филька Морозовъ грозитъ: «Я тебѣ, говоритъ, Акулькинъ мужъ, всѣ ребра сломаю, а съ женой твоей, захочу, кажинную ночь спать буду». А я ему: «врешь, собачье мясо!» Ну, тутъ онъ меня по всей улицѣ осрамилъ. Я прибѣжалъ домой: «не хочу, говорю, жениться, коли мнѣ сейчасъ еще пятьдесятъ цѣлковыхъ не выложутъ!»

— А отдавали за тебя-то?

— За меня-то? А отчего бы нѣтъ? Мы вѣдь не безчестные были. Мой родитель только подъ конецъ отъ пожару разорился, а то еще ихняго богаче жили. Анкудимъ-то и говоритъ: «Вы, говоритъ, голь перекатная». А я и отвѣчаю: «Немало, дескать, у васъ дегтемъ-то ворота мазаны». А онъ мнѣ: «Что жъ, говоритъ, ты надъ нами куражишься? Ты докажи, что она безчестная, а на всякій ротокъ не накинешь пла-

токъ. Вотъ Богъ, а вотъ, говоритъ, порогъ, не бери. Только деньги, что забралъ, отдай. Вотъ я тогда съ Филькой и порѣшилъ: съ Митріемъ Быковымъ послалъ ему сказать, что я его на весь свѣтъ теперь обезчествую, и до самой свадьбы, братецъ ты мой, безъ просыпу былъ пьянъ. Только къ вѣнцу отрезвился. Какъ привезли насъ этта отъ вѣнца, посадили, а Митрофанъ Степанычъ, дядя, значитъ, и говоритъ, «хотя и не честно, да крѣпко, говоритъ, дѣло сдѣлано и покончено». Старикъ то, Анкудимъ-то, былъ тоже пьянъ и заплакалъ, сидитъ — а у него слезы по бородѣ текутъ. Ну я, братъ, тогда вотъ какъ сдѣлалъ: взялъ я въ карманъ съ собой плеть, еще до вѣнца припасъ, и такъ и положилъ, что ужъ натѣшусь же я теперь надъ Акулькой, знай, дескать, какъ безчестнымъ обманомъ замужъ выходить, да чтобъ и люди знали, что я не дуракомъ женился...

— И дѣло! Значитъ, чтобъ она и впредь чувствовала...

— Нѣтъ, дядюшка, ты знай, помалчивай. По нашему-то мѣсту у насъ тотчасъ же отъ вѣнца и въ клѣть ведутъ, а тѣ покамѣстъ тамъ пьютъ. Вотъ и оставили насъ съ Акулькой въ клѣти. Она такая сидитъ бѣлая, ни кровники въ лицѣ. Испужалась, значитъ. Волоса у ней были тоже совсѣмъ, какъ ленъ, бѣлые. Глаза были большіе. И все, бывало, молчитъ, не слышно ее, словно нѣмая въ домѣ живетъ. Чудная совсѣмъ. Что жъ, братецъ, можешь ты это думать: я-то плеть приготовилъ и тутъ же у постели положилъ, а она, братецъ ты мой, какъ есть ни въ чемъ неповинная передо мной вышла.

— Что ты!

— Ни въ чемъ; какъ есть честная изъ честнаго дома. И за что же, братецъ ты мой, она послѣ эфтова такую муку перенесла! За что жъ ее Филька Морозовъ передъ всѣмъ свѣтомъ обезчестилъ?

— Да.

— Сталъ я это передъ ней тогда, тутъ же съ постели, на колѣнки, руки сложилъ: «Матушка, говорю, Акулина Кудимовна, прости ты меня дурака въ томъ, что я тебя тоже за такую почиталъ. Прости ты меня, говорю, подлеца!» А она сидитъ передо мной на кровати, глядитъ на меня, обѣ руки мнѣ на плечи положила, смѣется, а у самой слезы текутъ; плачетъ и смѣется... Я тогда какъ вышелъ ко всѣмъ: «Ну, говорю, встрѣчу теперь Фильку Морозова и не жить ему больше на свѣтѣ!» А старики, такъ тѣ ужъ кому молиться-то не знаютъ: мать-то чуть въ ноги ей не упала, воетъ. А старикъ и сказалъ: «знали бы да вѣдали, не такого бы мужа тебѣ, возлюбленная дочь наша, сыскали». А какъ вышли мы съ ней въ первое воскресенье въ церковь: на мнѣ смушачья шапка, тонкаго сукна кафтанъ, шаровары плисовые; она въ новой заячьей шубкѣ, платочекъ шелковый, — то-есть я ее стою и она меня стоитъ: вотъ какъ идемъ! Люди на насъ любуются: я-то самъ по себѣ, а Акулинушку тоже хоть нельзя передъ другими похвалить, нельзя и похулить, а такъ что изъ десятка не выкинешь...

— Ну, и хорошо.

— Ну, и слушай. Я послѣ свадьбы на другой же день, хоть и пьяный, да отъ гостей убѣгъ; вырвался этто я и бѣгу: «давай, говорю, сюда бездѣльника Фильку Морозова, — подавай его сюда, подлеца!» Кричу по базару-то! Ну, и пьянъ тоже былъ; такъ меня ужъ подлѣ Власовыхъ изловили, да силкòмъ три человѣка домой привели. А по городу-то толкъ идетъ. Дѣвки на базарѣ промежъ себя говорятъ: «Дѣвоньки, умницы, вы что знаете? Акулька-то честная вышла». А Филька-то мнѣ мало время спустя при людяхъ и говоритъ: «Продай жену, — пьянъ будешь. У насъ, говоритъ, солдатъ Яшка затѣмъ и женился: съ женой не спалъ, а три года пьянъ былъ». Я ему говорю:

«Ты подлецъ!» — «А ты, говоритъ, дуракъ. Вѣдь тебя нетрезваго повѣнчали. Что жъ ты въ эфтомъ дѣлѣ, послѣ того, смыслить могъ?» Я домой пришелъ и кричу: «Вы, говорю, меня пьянаго повѣнчали!» Мать было тутъ же вцѣпилась: «У тебя, говорю, матушка, золотомъ уши завѣшаны. Подавай Акульку!» Ну, и сталъ я ее трепать. Трепалъ я ее, братъ, трепалъ, часа два трепалъ, доколѣ самъ съ ногъ не свалился; три недѣли съ постели не вставала.

— Оно, конечно, — флегматически замѣтилъ Черевинъ, — ихъ не бей, такъ онѣ... а развѣ ты ее засталъ съ полюбовникомъ-то?

— Нѣтъ, застать не засталъ, — помолчавъ и какъ бы съ усиліемъ замѣтилъ Шишковъ. — Да ужъ обидно стало мнѣ очень, люди совсѣмъ задразнили и всему-то этому коноводъ былъ Филька. — «У тебя, говоритъ, жена для модели, чтобы люди глядѣли. Насъ гостей созвалъ; такую откупорку задалъ: «Супруга, говоритъ, у него милосердивая душа, благородная, учтивая, обращательная, всѣмъ хороша, вò какъ у него теперь! А забылъ, парень, какъ самъ ей дегтемъ ворота мазалъ!» Я-то пьянъ сидѣлъ, а онъ какъ схватитъ меня въ ту пору за волосы, какъ схватитъ, пригнулъ книзу-то: «Пляши, говоритъ, Акулькинъ мужъ, я тебя такъ буду за волоса держать, а ты пляши, меня потѣшай!» — «Подлецъ ты!», кричу. А онъ мнѣ: «я къ тебѣ съ компаніей пріѣду и Акульку твою жену при тебѣ розгами высѣку, сколько мнѣ будетъ угодно». Такъ я — вѣрь не вѣрь, послѣ того цѣлый мѣсяцъ изъ дома боялся уйти: пріѣдетъ, думаю, обезчествуетъ. Вотъ за это самое и сталъ ее бить...

— Да чего жъ бить-то! Руки свяжутъ, языкъ не завяжутъ. Бить тоже много не годится. Накажи, поучи, да и обласкай. На то жена.

Шишковъ нѣкоторое время молчалъ.

— Обидно было, — началъ онъ снова, — опять

же эту привычку взялъ: иной день съ утра до вечера бью; встала неладно, пошла нехорошо. Не побью, такъ скучно. Сидитъ она, бывало, молчитъ, въ окно смотритъ, плачетъ... Все, бывало, плачетъ, жаль ее эттa станетъ, а бью. Мать меня, бывало, за нее костить-коститъ: «Подлецъ ты, говоритъ, варначье твое мясо!» — «Убью, — кричу, — и не смѣй мнѣ теперь никто говорить; потому меня обманомъ женили». Сначала старикъ Анкудимъ-то вступался, самъ приходилъ: «ты, говоритъ, еще не Богъ знаетъ какой членъ; я на тебя и управу найду!» А потомъ отступился. А Марья-то Степановна такъ смирилась совсѣмъ. Однажды пришла — слезно молитъ: «Съ докукой къ тебѣ, Иванъ Семенычъ, статья небольшая, а просьба велика. Вели свѣтъ видѣть, батюшка; — кланяется; — смирись, прости ты ее! Нашу дочку злые люди оговорили: самъ знаешь, честную бралъ...» Въ ноги кланяется, плачетъ. А я-то куражусь: «я васъ и слышать теперь не хочу! Что хочу теперь, то надъ всѣми вами и дѣлаю, потому я теперь въ себѣ не властенъ; а Филька Морозовъ, говорю, мнѣ пріятель и первый другъ...»

— Значитъ, опять вмѣстѣ закурили?

— Куды! И приступу къ нему нѣтъ. Совсѣмъ какъ есть опился. Все свое порѣшилъ и въ наемщики у мѣщанина нанялся; за старшаго сына пошелъ. А ужъ по нашему мѣсту, коли наемщикъ, такъ ужъ до самаго того дня какъ свезутъ его, все передъ нимъ въ домѣ лежать должно, а онъ надъ всѣми полный господинъ. Деньги при сдачѣ получаетъ сполна, а до того въ хозяйскомъ домѣ живетъ, по полугоду живутъ, и что только они тутъ настроютъ надъ хозяевами-то, такъ только святыхъ вонъ понесли! Я, дескать, за твоего сына въ солдаты иду, значитъ, вашъ благодѣтель, такъ вы всѣ мнѣ уважать должны, не то откажусь. Такъ Филька у мѣщанина-то дымъ коромысломъ пустилъ, съ дочерью спитъ, хозяина за бороду кажин-

ный день послѣ обѣда таскаетъ, — все въ свое удовольствіе дѣлаетъ. Кажинный день ему баня и чтобъ виномъ паръ подавали, а въ баню его чтобъ бабы на своихъ рукахъ носили. Домой съ гулянки воротится, станетъ на улицѣ: «Не хочу въ ворота, разбирай заплотъ!» такъ ему въ другомъ мѣстѣ, мимо воротъ, заплотъ разбирать должны, онъ и пройдетъ. Наконецъ, кончилъ, повезли сдавать, отрезвили. Народу-то, народу-то по всей улицѣ валитъ: Фильку Морозова сдавать везутъ! Онъ на всѣ стороны кланяется. А Акулька на ту пору съ огорода шла; какъ Филька-то увидалъ ее, у самыхъ нашихъ воротъ: «Стой!» кричитъ, выскочилъ изъ телѣги да прямо ей земной поклонъ: «Душа ты моя, говоритъ, ягода, любилъ я тебя два года, а теперь меня съ музыкой въ солдаты везутъ. Прости, говоритъ, меня, честнаго отца честная дочь, потому я подлецъ передъ тобой, во всемъ виноватъ!» И другой разъ въ землю ей поклонился. Акулька-то стала, словно испужалась сначала, а потомъ поклонилась ему въ поясъ, да и говоритъ: «Прости и ты меня, добрый молодецъ, а я зла на тебѣ никакого не знаю». Я за ней въ избу: «Что ты ему, собачье мясо, сказала?» А она, вотъ вѣришь мнѣ или нѣтъ, посмотрѣла на меня: «да я его, говоритъ, больше свѣта теперь люблю!»

— Ишь ты!..

— Я въ тотъ день цѣлый день ей ни слова не говорилъ... Только къ вечеру: «Акулька! Я тебя теперь убью», говорю. Ночь-то этто не спится, вышелъ въ сѣни кваску испить, а тутъ и заря заниматься стала. Я въ избу вошелъ. «Акулька, говорю, собирайся на заимку ѣхать». А я еще и допрежъ того собирался, и матушка знала, что поѣдемъ. «Вотъ это, говоритъ, дѣло: пора страдная, а работникъ, слышно, тамъ третій день животомъ лежитъ». Я телѣгу запрягъ, молчу. Изъ нашего-то города какъ выѣхать,

тутъ сейчасъ тебѣ боръ пойдетъ на пятнадцать верстъ, а за боромъ-то наша заимка. Версты три боромъ проѣхали, я лошадь остановилъ: «Вставай, говорю, Акулина; твой конецъ пришелъ». Она смотритъ на меня, испужалась, встала передо мной, молчитъ. — «Надоѣла ты мнѣ, говорю: молись Богу!» Да какъ схвачу ее за волосы: косы-то были такія толстыя, длинныя, на руку ихъ замоталъ, да сзади ее съ обѣихъ сторонъ колѣнками придавилъ, вынулъ ножъ, голову-то ей загнулъ назадъ, да какъ тилисну по горлу ножомъ . . . Она какъ закричитъ, кровь-то какъ брызнетъ, я ножъ бросилъ, обхватилъ ее руками-то спереди, легъ на землю, обнялъ ее и кричу надъ ней, ревма-реву; и она кричитъ, и я кричу; вся трепещетъ, бьется изъ рукъ-то, а кровь-то на меня, кровь-то — и на лицо-то и на руки такъ и хлещетъ, такъ и хлещетъ. Бросилъ я ее, страхъ на меня напалъ, и лошадь бросилъ, а самъ бѣжать, бѣжать, домой къ себѣ по задамъ забѣжалъ, да въ баню: баня у насъ такая старая, неслужащая стояла: подъ полокъ забился и сижу тамъ. До ночи тамъ просидѣлъ.

— А Акулька-то?

— А она-то, знать, послѣ меня встала и тоже домой пошла. Такъ ее за сто шаговъ ужъ отъ того мѣста потомъ нашли.

— Не дорѣзалъ, значитъ.

— Да . . . — Шишковъ на минуту остановился.

— Этта жила такая есть, — замѣтилъ Черевинъ, — коли ее, эту самую жилу, съ перваго разу не перерѣзать, то все будетъ биться человѣкъ и сколько бы крови не вытекло, не помретъ.

— Да она жъ померла. Мертвую по вечеру-то нашли. Дали знать, меня стали искать и разыскали ужъ къ ночи, въ банѣ! . . Вотъ ужъ четвертый годъ, почитай, здѣсь живу, — прибавилъ онъ, помолчавъ.

— Гм . . . Оно, конечно, коли не бить, — не

будетъ добра, — хладнокровно и методически замѣтилъ Черевинъ, опять вынимая рожокъ. Онъ началъ нюхать, долго и съ разстановкой. — Опять-таки тоже, парень, — продолжалъ онъ, — выходишь ты самъ по себѣ оченно глупъ. Я тоже эдакъ свою жену съ полюбовникомъ разъ засталъ. Такъ я ее зазвалъ въ сарай; поводъ сложилъ на двое. «Кому, говорю, присягаешь? Кому присягаешь?» Да ужъ дралъ ее, дралъ, поводомъ-то дралъ-дралъ, часа полтора ее дралъ, такъ она мнѣ: «Ноги, кричитъ, твои буду мыть да воду эту пить». Овдотьей звали ее.

V

Лѣтняя пора

Но вотъ уже и начало апрѣля, вотъ уже приближается и Святая недѣля. Мало-по-малу начинаются и лѣтнія работы. Солнце съ каждымъ днемъ все теплѣе и ярче; воздухъ пахнетъ весною и раздражительно дѣйствуетъ на организмъ. Наступающіе красные дни волнуютъ и закованнаго человѣка, рождаютъ и въ немъ какія-то желанія, стремленія, тоску. Кажется, еще сильнѣе грустишь о свободѣ подъ яркимъ солнечнымъ лучомъ, чѣмъ въ ненастный зимній или осенній день, и это замѣтно на всѣхъ арестантахъ. Они какъ будто и рады свѣтлымъ днямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ усиливается какая-то нетерпѣливость, порывчатость. Право, я замѣтилъ, что весной какъ будто чаще случались у насъ острожныя ссоры. Чаще слышался шумъ, крикъ, гамъ, затѣвались исторіи; а вмѣстѣ съ тѣмъ, случалось, подмѣтишь вдругъ гдѣ-нибудь на работѣ чей-нибудь задумчивый и упорный взглядъ на синѣющую даль, куда-нибудь туда, на другой берегъ Иртыша, гдѣ начинается необъятною скатертью, тысячи на полторы верстъ, вольная киргизская степь; подмѣтишь чей-нибудь глубокій вздохъ, всей грудью,

19*

какъ будто такъ и тянетъ человѣка дохнуть этимъ далекимъ, свободнымъ воздухомъ и облегчить имъ придавленную, закованную душу. — «Эхма!» говоритъ, наконецъ, арестантъ, и вдругъ, точно стряхнувъ съ себя мечты и раздумье, нетерпѣливо и угрюмо схватится за заступъ или за кирпичи, которые надо перетащить съ одного мѣста на другое. Черезъ минуту онъ уже и забываетъ свое внезапное ощущеніе и начинаетъ смѣяться или ругаться, судя по характеру; а то вдругъ съ необыкновеннымъ, вовсе несоразмѣрнымъ съ потребностью жаромъ схватится за рабочій урокъ, если онъ заданъ ему, и начинаетъ работать, — работать изо всѣхъ силъ, точно желая задавать въ себѣ тяжестью работы что-то такое, что само его тѣснитъ и давитъ изнутри. Все это народъ сильный, большею частью въ цвѣтѣ лѣтъ и силъ... Тяжелы кандалы въ эту пору! Я не поэтизирую въ эту минуту и увѣренъ въ правдѣ моей замѣтки. Кромѣ того, что въ теплѣ, среди яркаго солнца, когда слышишь и ощущаешь всей душою, всѣмъ существомъ своимъ воскресающую вокругъ себя съ необъятной силой природу, еще тяжелѣе становится запертая тюрьма, конвой и чужая воля; — кромѣ того, въ это весеннее время по Сибири и по всей Россіи съ первымъ жаворонкомъ начинается бродяжество; бѣгутъ Божьи люди изъ остроговъ и спасаются въ лѣсахъ. Послѣ душной ямы, послѣ судовъ, кандаловъ и палокъ, бродятъ они по всей своей волѣ, гдѣ захотятъ, гдѣ поприглянѣе и повольготнѣе; пьютъ и ѣдятъ гдѣ что удастся, что Богъ пошлетъ, а по ночамъ мирно засыпаютъ гдѣ-нибудь въ лѣсу, или въ полѣ, безъ большой заботы, безъ тюремной тоски, какъ лѣсныя птицы, прощаясь на ночь съ одпѣми звѣздами небесными, подъ Божіимъ окомъ. Кто говоритъ! Иногда и тяжело, и голодно, и изнурительно «служить у генерала Кукушкина». По цѣлымъ суткамъ иной разъ не приходится видѣть

хлѣба; отъ всѣхъ надо прятаться, хорониться; приходится и воровать, и грабить, а иногда и зарѣзать. «Поселенецъ что младенецъ, на что взглянетъ, то и тянетъ», говорятъ въ Сибири про поселенцевъ. Это присловье во всей силѣ и даже съ нѣкоторой прибавкой можетъ быть приложено и къ бродягѣ. Бродяга рѣдко не разбойникъ и всегда почти воръ, разумѣется, больше по необходимости, чемъ по призванію. Есть закоренѣлые бродяги. Бѣгутъ иные даже кончивши свои каторжные сроки, уже съ поселенія. Казалось бы и доволенъ онъ на поселеніи и обезпеченъ, а нѣтъ, все куда-то тянетъ, куда-то отзываетъ его. Жизнь по лѣсамъ, жизнь бѣдная и ужасная, но вольная и полная приключеній, имѣетъ что-то соблазнительное, какую-то таинственную прелесть для тѣхъ, кто уже разъ испыталъ ее, и смотришь — бѣжалъ человѣкъ, иной даже скромный, аккуратный, который уже обѣщалъ сдѣлаться хорошимъ осѣдлымъ человѣкомъ и дѣльнымъ хозяиномъ. Иной даже женится, заводитъ дѣтей, лѣтъ пять живетъ на одномъ мѣстѣ, и вдругъ, въ одно прекрасное утро, исчезаетъ куда-нибудь, оставляя въ недоумѣніи жену, дѣтей и всю волость, къ которой приписанъ. У насъ въ острогѣ мнѣ указывали на одного изъ такихъ бѣгуновъ. Онъ никакихъ особенныхъ преступленій не сдѣлалъ, по крайней мѣрѣ, не слыхать было, чтобъ говорили о немъ въ этомъ родѣ, а все бѣгалъ, всю жизнь свою пробѣгалъ. Бывалъ онъ и на южной русской границѣ за Дунаемъ и въ Киргизской степи, и въ восточной Сибири и на Кавказѣ, — вездѣ побывалъ. Кто знаетъ, можетъ быть, при другихъ обстоятельствахъ изъ него бы вышелъ какой-нибудь Робинзонъ Крузе съ его страстью путешествовать. Впрочемъ, все это мнѣ объ немъ говорили другіе; самъ же онъ мало въ острогѣ разговаривалъ, и то развѣ промолвитъ что-нибудь самое необходимое. Это былъ очень маленькій мужичонка, лѣтъ уже пятидесяти,

чрезвычайно смирный, съ чрезвычайно спокойнымъ и даже тупымъ лицомъ, спокойнымъ до идіотства. Лѣтомъ онъ любилъ сидѣть на солнышкѣ и непремѣнно бывало мурлычитъ про себя какую-нибудь пѣсенку, но такъ тихо, что за пять шаговъ отъ него уже не слышно. Черты лица его были какія-то одеревенѣлыя; ѣлъ онъ мало, все больше хлѣбушка; никогда-то онъ не купилъ ни одного калача, ни шкалика вина; да врядъ ли у него и были когда-нибудь деньги, врядъ ли даже онъ умѣлъ и считать. Ко всему онъ относился совершенно спокойно. Острожныхъ собачекъ иногда кормилъ изъ своихъ рукъ, а у насъ острожныхъ собакъ никто не кормилъ. Да русскій человѣкъ вообще не любитъ кормить собакъ. Говорятъ, онъ былъ женатъ и даже раза два; говорили, что у него есть гдѣ-то дѣти... За что онъ попалъ въ острогъ, совершенно не знаю. Наши все ждали, что онъ и отъ насъ улизнетъ; но или время его не пришло, или ужъ года ушли, но онъ жилъ себѣ да поживалъ, какъ-то созерцательно относясь ко всей этой странной средѣ, окружавшей его. Впрочемъ, положиться было нельзя; хотя, казалось бы, и зачѣмъ ему было бѣжать, что за выигрышъ? А, между тѣмъ, все-таки, въ цѣломъ, лѣсная, бродячая жизнь — рай передъ острожной. Это такъ понятно; да и не можетъ быть никакого сравненія. Хоть и тяжелая доля, да все своя воля. Вотъ почему всякій арестантъ на Руси, гдѣ бы онъ ни сидѣлъ, становится какъ-то безпокоенъ весною, съ первыми привѣтными лучами весенняго солнца. Хоть и далеко не всякій намѣренъ бѣжать: положительно можно сказать, что рѣшается на это, по трудности и по отвѣтственности, изъ сотни одинъ; но зато остальные девяносто девять хоть помечтаютъ о томъ, какъ бы можно было бѣжать и куда бы это бѣжать; хоть душу себѣ отведутъ на одномъ желаніи, на одномъ представленіи возможности. Иной хоть припомнитъ, какъ онъ прежде когда-то бѣгалъ...

Я говорю теперь только о рѣшеныхъ. Но, разумѣется, гораздо чаще и всѣхъ больше рѣшаются на побѣги изъ подсудимыхъ. Рѣшеные же на срокъ только развѣ бѣгаютъ въ началѣ своего арестантства. Отбывъ же два-три года каторги, арестантъ уже начинаетъ цѣнить эти годы, и мало-по-малу соглашается про себя лучше ужъ закончить законнымъ образомъ свой рабочій терминъ и выйти на поселеніе, чѣмъ рѣшиться на такой рискъ и на такую гибель въ случаѣ неудачи. А неудача такъ возможна. Только развѣ десятому удается *перемѣнить свою участь*. Изъ рѣшеныхъ рискуютъ тоже чаще другихъ бѣжать осужденные на слишкомъ долгіе сроки. Пятнадцать-двадцать лѣтъ кажутся безконечностью, и рѣшеный на такой срокъ постоянно готовъ помечтать о перемѣнѣ участи, хотя бы десять лѣтъ уже отбылъ въ каторгѣ. Наконецъ, и клеймы отчасти мѣшаютъ рисковать на побѣлъ. *Перемѣнить же участь* — техническій терминъ. Такъ и на допросахъ, если уличатъ въ побѣгѣ, арестантъ отвѣчаетъ, что онъ хотѣлъ перемѣнить свою участь. Это немного книжное выраженіе буквально приложимо къ этому дѣлу. Всякій бѣгунъ имѣетъ въ виду не то что освободиться совсѣмъ, — онъ знаетъ, что это почти невозможно, — но или попасть въ другое заведеніе, или угодить на поселеніе, или судиться вновь, по новому преступленію, — совершонному уже по бродяжеству, — одимъ словомъ, куда угодно, только бы не на старое, надоѣвшее ему мѣсто, не въ прежній острогъ. Всѣ эти бѣгуны, если не найдутъ себѣ въ продолженіе лѣта какого-нибудь случайнаго, необыкновеннаго мѣста, гдѣ бы перезимовать, — если, напримѣръ, не наткнутся на какого-нибудь укрывателя бѣглыхъ, которому въ этомъ выгода; если, наконецъ, не добудутъ себѣ, иногда черезъ убійство, какого-нибудь паспорта, съ которымъ можно вездѣ прожить, — всѣ они къ осени, если ихъ не изловятъ предварительно,

большею частію сами являются густыми толпами въ города и въ остроги, въ качествѣ бродягъ, и садятся въ тюрьмы зимовать, конечно, не безъ надежды бѣжать опять лѣтомъ.

Весна дѣйствовала и на меня своимъ вліяніемъ. Помню, какъ я съ жадностью смотрѣлъ иногда сквозь щели паль и подолгу стоялъ, бывало, прислонившись головой къ нашему забору, упорно и ненасытимо всматриваясь какъ зеленѣетъ трава на нашемъ крѣпостномъ валѣ, какъ все гуще и гуще синѣетъ далекое небо. Безпокойство и тоска моя росли съ каждымъ днемъ, и острогъ становился мнѣ все болѣе и болѣе ненавистнымъ. Ненависть, которую я, въ качествѣ дворянина, испытывалъ постоянно въ продолженіе первыхъ лѣтъ отъ арестантовъ, становилась для меня невыносимой, отравляла всю жизнь мою ядомъ. Въ эти первые годы я часто уходилъ, безо всякой болѣзни, лежать въ госпиталь, единственно для того, чтобъ не быть въ острогѣ, чтобъ только избавиться отъ этой упорной, ничѣмъ не смиряемой всеобщей ненависти. «Вы — желѣзные носы, вы насъ заклевали!» говорили намъ арестанты, и какъ я завидывалъ, бывало, простонародью, приходившему въ острогъ! Тѣ сразу дѣлались со всѣми товарищами. И потому весна, призракъ свободы, всеобщее веселье въ природѣ, сказывались на мнѣ какъ-то тоже грустно и раздражительно. Въ концѣ поста, кажется, на шестой недѣлѣ, мнѣ пришлось говѣть. Весь острогъ, еще съ первой недѣли, раздѣленъ былъ старшимъ унтеръ-офицеромъ на семь смѣнъ, по числу недѣль поста, для говѣнія. Въ каждой смѣнѣ оказалось такимъ образомъ человѣкъ по тридцати. Недѣля говѣнья мнѣ очень понравилась. Говѣвшіе освобождались отъ работъ. Мы ходили въ церковь, которая была неподалеку отъ острога, раза по два и по три въ день. Я давно не былъ въ церкви. Великопостная служба, такъ знакомая еще съ далекаго дѣтства, въ родитель-

скомъ домѣ, торжественныя молитвы, земные поклоны, — все это расшевеливало въ душѣ моей далекое-далекое минувшее, напоминало впечатлѣнія еще дѣтскихъ лѣтъ, и, помню, мнѣ очень пріятно было, когда, бывало, утромъ, по подмерзшей за ночь землѣ, насъ водили подъ конвоемъ съ заряженными ружьями въ Божій домъ. Конвой, впрочемъ, не входилъ въ церковь. Въ церкви мы становились тѣсной кучей у самыхъ дверей, на самомъ послѣднемъ мѣстѣ, такъ что слышно было только развѣ голосистаго дьякона, да изрѣдка изъ-за толпы примѣтишь черную ризу да лысину священника. Я припоминалъ, какъ, бывало, еще въ дѣтствѣ, стоя въ церкви, смотрѣлъ я иногда на простой народъ, густо тѣснившійся у входа и подобострастно разступавшійся передъ густымъ эполетомъ, передъ толстымъ бариномъ, или передъ расфуфыренной, но чрезвычайно богомольной барыней, которые непремѣнно проходили на первыя мѣста и готовы были поминутно ссориться изъ-за перваго мѣста. Тамъ у входа, казалось мнѣ тогда, и молились-то не такъ какъ у насъ, молились смиренно, ревностно, земно и съ какимъ-то полнымъ сознаніемъ своей приниженности.

Теперь и мнѣ пришлось стоять на этихъ же мѣстахъ, даже и не на этихъ: мы были закованные и ошельмованные; отъ насъ всѣ сторонились, насъ всѣ даже какъ будто боялись, насъ каждый разъ одѣляли милостыней, и, помню, мнѣ это было даже какъ-то пріятно, какое-то утонченное, особенное ощущеніе сказывалось въ этомъ странномъ удовольствіи. «Пусть же коли такъ!» думалъ я. Арестанты молились очень усердно и каждый изъ нихъ каждый разъ приносилъ въ церковь свою нищенскую копейку на свѣчку или клалъ на церковный сборъ: «Тоже вѣдь и я человѣкъ, — можетъ быть, думалъ онъ или чувствовалъ, подавая: — передъ Богомъ-то всѣ равны...» Причащались мы за ранней обѣдней. Когда священникъ съ чашей въ

рукахъ читалъ слова: «...но яко разбойника мя пріими», — почти всѣ повалились въ землю, звуча кандалами, кажется, принявъ эти слова буквально на свой счетъ.

Но вотъ пришла и Святая. Отъ начальства вышло намъ по одному яйцу и по ломтю пшеничнаго сдобнаго хлѣба. Изъ города опять завалили острогъ подаяніемъ. Опять посѣщеніе съ крестомъ священника, опять посѣщеніе начальства, опять жирныя щи, опять пьянство и шатанье, — все точь-въ-точь какъ и на Рождествѣ, съ тою разницею, что теперь уже можно было гулять на дворѣ острога и грѣться на солнышкѣ. Было какъ-то свѣтлѣе, просторнѣе чѣмъ зимой, но какъ-то тоскливѣе. Длинный, безконечный лѣтній день становился какъ-то особенно невыносимъ на праздникахъ. Въ будни, по крайней мѣрѣ, сокращался день работою.

Лѣтнія работы, дѣйствительно, оказались гораздо труднѣе зимнихъ. Работы шли все больше по инженернымъ постройкамъ. Арестанты строили, копали землю, клали кирпичи; другіе изъ нихъ занимались слесарною, столярною или малярною частію при ремонтныхъ исправленіяхъ казенныхъ домовъ. Третьи ходили въ заводъ дѣлать кирпичи. Эта послѣдняя работа считалась у насъ самою тяжелою. Кирпичный заводъ находился отъ крѣпости верстахъ въ трехъ или въ четырехъ. Каждый день въ продолженіе лѣта, утромъ часовъ въ шесть, отправлялась цѣлая партія арестантовъ, человѣкъ въ пятьдесятъ, для дѣланія кирпичей. На эту работу выбирали чернорабочихъ, то-есть не мастеровыхъ и не принадлежащихъ къ какому-нибудь мастерству. Они брали съ собою хлѣба, потому что за дальностію мѣста невыгодно было приходить домой обѣдать и такимъ образомъ дѣлать верстъ восемь лишнихъ, и обѣдали уже вечеромъ, возвратясь въ острогъ. Урокъ же задавался на весь день и такой, что развѣ

въ цѣлый рабочій день арестантъ могъ съ нимъ справиться. Во-первыхъ, надо было накопать и вывезти глину, наносить самому воду, самому вытопать глину въ глиномятной ямѣ и, наконецъ-то, сдѣлать изъ нея что-то очень много кирпичей, кажется, сотни двѣ, чуть ли даже не двѣ съ половиною. Я всего только два раза ходилъ на заводъ. Возвращались заводскіе уже вечеромъ, усталые, измученные, и постоянно цѣлое лѣто попрекали другихъ тѣмъ, что они дѣлаютъ самую трудную работу. Это было, кажется, ихъ утѣшеніемъ. Несмотря на то, иные ходили туда даже съ нѣкоторою охотою: во-первыхъ, дѣло было за городомъ, мѣсто было открытое, привольное, на берегу Иртыша. Все-таки поглядѣть кругомъ отраднѣе, — не крѣпостная казенщина! Можно было и покурить свободно, и даже полежать съ полчаса съ большимъ удовольствіемъ. Я же или попрежнему ходилъ въ мастерскую, или на алебастръ или, наконецъ, употреблялся въ качествѣ подносчика кирпичей при постройкахъ. Въ послѣднемъ случаѣ пришлось однажды перетаскивать кирпичи съ берега Иртыша къ строившейся казармѣ сажень на семьдесятъ разстоянія, черезъ крѣпостной валъ, и работа эта продолжалась мѣсяца два сряду. Мнѣ она даже понравилась, хотя веревка, на которой приходилось носить кирпичи, постоянно натирала мнѣ плечи. Но мнѣ нравилось то, что отъ работы во мнѣ видимо развивалась сила. Сначала я могъ таскать только по восьми кирпичей, а въ каждомъ кирпичѣ было по двѣнадцати фунтовъ. Но потомъ я дошелъ до двѣнадцати и до пятнадцати кирпичей, и это меня очень радовало. Физическая сила въ каторгѣ нужна не менѣе нравственной для перенесенія всѣхъ матеріальныхъ неудобствъ этой проклятой жизни.

А я еще хотѣлъ жить и послѣ острога...

Я, впрочемъ, любилъ таскать кирпичи, не за то только, что отъ этой работы укрѣпляется тѣло, а за

то еще, что работа производилась на берегу Иртыша. Я потому такъ часто говорю объ этомъ берегѣ, что единственно только съ него и былъ виденъ міръ Божій, чистая, ясная даль, незаселенныя вольныя степи, производившія на меня странное впечатлѣніе своею пустынностью. На берегу только и можно было стать къ крѣпости задомъ и не видать ее. Всѣ прочія мѣста нашихъ работъ были въ крѣпости или подлѣ нея. Съ самыхъ первыхъ дней я возненавидѣлъ эту крѣпость и особенно иныя зданія. Домъ нашего плацъ-майора казался мнѣ какимъ-то проклятымъ, отвратительнымъ мѣстомъ, и я каждый разъ съ ненавистью глядѣлъ на него, когда проходилъ мимо. На берегу же можно было забыться: смотришь, бывало, въ этотъ необъятный, пустынный просторъ, точно заключенный изъ окна своей тюрьмы на свободу. Все для меня было тутъ дорого и мило: и яркое горячее солнце на бездонномъ синемъ небѣ, и далекая пѣсня киргиза, приносившаяся съ киргизскаго берега. Всматриваешься долго и разглядишь, наконецъ, какую-нибудь бѣдную, обкуренную юрту какого-нибудь байгуша; разглядишь дымокъ у юрты, киргизку, которая о чемъ-то тамъ хлопочетъ съ своими двумя баранами. Все это бѣдно и дико, но свободно. Разглядишь какую-нибудь птицу въ синемъ прозрачномъ воздухѣ и долго, упорно слѣдишь за ея полетомъ: вонъ она всполоснулась надъ водой, вонъ исчезла въ синевѣ, вонъ опять показалась чуть мелькающей точкой... Даже бѣдный, чахлый цвѣтокъ, который я нашелъ рано весною въ разсѣлинѣ каменистаго берега, и тотъ какъ-то болѣзненно остановилъ мое вниманіе. Тоска всего этого перваго года каторги была нестерпимая и дѣйствовала на меня раздражительно, горько. Въ этотъ первый годъ, отъ этой тоски я многаго не замѣчалъ кругомъ себя. Я закрывалъ глаза и не хотѣлъ всматриваться. Среди злыхъ, ненавистныхъ моихъ товарищей-каторжниковъ

я не замѣчалъ хорошихъ людей, людей, способныхъ мыслить и чувствовать, несмотря на всю отвратительную кору, покрывавшую ихъ снаружи. Между язвительными словами я иногда не замѣчалъ привѣтливаго и ласковаго слова, которое тѣмъ дороже было, что выговаривалось безо всякихъ видовъ, а нерѣдко прямо изъ души, можетъ быть, болѣе меня пострадавшей и вынесшей. Но къ чему распространяться объ этомъ? Я чрезвычайно былъ радъ, если приходилось сильно устать, воротившись домой: авось засну! Потому что спать было у насъ лѣтомъ мученье, чуть ли еще не хуже чѣмъ зимой. Вечера, правда, были иногда очень хороши. Солнце, цѣлый день не сходившее съ острожнаго двора, наконецъ, закатывалось. Наступала прохлада, а за ней почти холодная (говоря сравнительно) степная ночь. Арестанты, въ ожиданіи какъ запрутъ ихъ, толпами ходятъ, бывало, по двору. Главная масса толпится, правда, болѣе на кухнѣ. Тамъ всегда подымается какой-нибудь насущный острожный вопросъ, толкуется о томъ, о семъ, разбирается иногда какой-нибудь слухъ, часто нелѣпый, но возбуждающій необыкновенное вниманіе этихъ отрѣшенныхъ отъ міра людей; то, напримѣръ, пришло извѣстіе, что нашего плацъ-майора сгоняютъ долой. Арестанты легковѣрны, какъ дѣти; сами знаютъ, что извѣстіе — вздоръ, что принесъ его извѣстный болтунъ и «нелѣпый» человѣкъ — арестантъ Квасовъ, которому уже давно положили не вѣрить и который что ни слово, то вретъ, — а между тѣмъ всѣ схватываются за извѣстіе, судятъ, рядятъ, сами себя тѣшатъ, а кончится тѣмъ, что сами на себя разсердятся, самимъ за себя стыдно станетъ, что повѣрили Квасову.

— Да кто же его сгонитъ! — кричитъ одинъ, — небось, шея толста, сдюжитъ!

— Да вѣдь и надъ нимъ чай старшіе есть! — возражаетъ другой, горячій и неглупый малый, видав-

шій виды, но спорщикъ, какихъ свѣтъ не производилъ.

— Воронъ ворону глазъ не выклюетъ! — угрюмо, словно про себя замѣчаетъ третій, уже сѣдой человѣкъ, одиноко доѣдающій въ углу свои щи.

— А старшіе-то небось тебя придутъ спрашиваться — смѣнить его али нѣтъ? — прибавляетъ равнодушно четвертый, слегка тренькая на балалайкѣ.

— А почему жъ не меня? — съ яростью возражаетъ второй, — значитъ вся бѣдность проситъ, всѣ тогда заявляйте, коли начнутъ опрашивать. А то у насъ небось кричатъ, а къ дѣлу дойдетъ, такъ и на попятный!

— А ты думалъ какъ? — говоритъ балалаечникъ. — На то каторга.

— Анамеднись, — продолжаетъ не слушая и въ горячкѣ спорщикъ, — муки оставалось. Поскребки собрали, самыя что ни есть слезы значитъ; послали продать. Нѣтъ, узналъ; артельщикъ донесъ; отобрали: экономія значитъ. Справедливо, аль нѣтъ?

— Да ты кому хочешь жаловаться?

— Кому! Да самому левизору, что ѣдетъ.

— Какому такому левизору?

— Это правда, братцы, что ѣдетъ левизоръ, — говоритъ молодой, разбитной парень, грамотный, изъ писарей и читавшій *Герцогиню Лавальеръ* или что-то въ этомъ родѣ. Онъ вѣчно веселый потѣшникъ, но за нѣкоторое знаніе дѣлъ и потертость его уважаютъ. Не обращая вниманія на возбужденное всеобщее любопытство о будущемъ ревизорѣ, онъ прямо идетъ къ стряпкѣ, то-есть къ повару, и спрашиваетъ у него печенки. Наши стряпки часто чѣмъ-нибудь торговали въ этомъ родѣ. Купятъ, напримѣръ, на свои деньги большой кусокъ печенки, зажарятъ и продаютъ по мелочи арестантамъ.

— На грошъ али на два? — спрашиваетъ стряпка.

— Рѣжь на два: пускай люди завидуютъ! — отвѣчаетъ арестантъ. — Генералъ, братцы, генералъ такой изъ Петербурга ѣдетъ, всю Сибирь осматривать будетъ. Это вѣрно. У комендантскихъ сказывали.

Извѣстіе производитъ необыкновенное волненіе. Съ четверть часа идутъ разспросы: кто именно, какой генералъ, какого чину, и старше ли здѣшнихъ генераловъ? О чинахъ, начальникахъ, кто изъ нихъ старше, кто кого можетъ согнуть и кто самъ изъ нихъ согнется, ужасно любятъ разговаривать арестанты, даже спорятъ и ругаются за генераловъ, чуть не до драки. Казалось бы, что тутъ за выгода? Но подробнымъ знаніемъ генераловъ и вообще начальства измѣряется и степень познаній, толковитости и прежняго, доострожнаго значенія человѣка въ обществѣ. Вообще, разговоръ о высшемъ начальствѣ считается самымъ изящнымъ и важнымъ разговоромъ въ острогѣ.

— Значитъ и взаправду выходитъ, братцы, что майора-то смѣнять ѣдутъ, — замѣчаетъ Квасовъ, маленкій, красненькій человѣчекъ, горячій и крайне безтолковый. Онъ-то первый и принесъ извѣстіе о майорѣ.

— Задаритъ! — отрывисто возражаетъ угрюмый сѣдой арестантъ, уже управившійся со щами.

— А и то задаритъ, — говоритъ другой. — Мало онъ денегъ-то награбилъ! До насъ еще батальоннымъ былъ. Анамеднись на протопоповской дочери жениться хотѣлъ.

— Да вѣдь не женился: дверь указали; бѣденъ, значитъ. Какой онъ женихъ! Всталъ со стула — и все съ нимъ. О Святой все на картахъ продулъ. Ѳедька сказывалъ.

— Да; мальчикъ не мотъ, а деньгамъ переводъ.

— Эхъ, братъ, вотъ и я женатъ былъ. Плохо жениться бѣдному: женись, а и ночь коротка! — за-

мѣчаетъ Скуратовъ, подвернувшійся тутъ же къ разговору.

— Какъ же! Объ тебѣ тутъ и рѣчь, — замѣчаетъ развязный парень изъ писарей. — А ты, Квасовъ, скажу я тебѣ, большой дуракъ. Неужели жъ ты думаешь, что такого генерала майоръ задаритъ, и что такой генералъ будетъ нарочно изъ Петербурга ѣхать, чтобъ майора ревизовать? Глупъ же ты, парень, вотъ что скажу.

— А что жъ? Ужъ коли онъ генералъ, такъ и не возьметъ, что ли? — скептически замѣтилъ кто-то изъ толпы.

— Знамо дѣло не возьметъ, а возьметъ, такъ ужъ толсто возьметъ.

— Вѣстимо толсто; по чину.

— Генералъ всегда возьметъ, — рѣшительно замѣчаетъ Квасовъ.

— Ты, что ли, давалъ ему? — съ презрѣніемъ говоритъ вдругъ вошедшій Баклушинъ. — Да ты и генерала-то врядъ ли когда видѣлъ?

— Анъ видалъ!

— Врешь.

— Самъ соври.

— Ребята, коли онъ видалъ, пусть сейчасъ при всѣхъ говоритъ, какого онъ знаетъ генерала? Ну, говори, потому я всѣхъ генераловъ знаю.

— Я генерала Зиберта видѣлъ, — какъ-то нерѣшительно отвѣчаетъ Квасовъ.

— Зиберта? Такого и генерала нѣтъ. Знать въ спину онъ тебѣ заглянулъ, Зибертъ-то, когда можетъ еще только подполковникомъ былъ, а тебѣ со страху и показалось, что генералъ.

— Нѣтъ, вы меня послушайте, — кричитъ Скуратовъ, — потому я женатый человѣкъ. Генералъ такой дѣйствительно былъ на Москвѣ, Зибертъ, изъ нѣм-

цевъ, а русскій. У русскаго попа кажинный годъ исповѣдывался о госпожинкахъ, и все, братцы, онъ воду пилъ словно утка. Кажинный день сорокъ стакановъ москворѣцкой воды выпивалъ. Это, сказывали, онъ отъ какой-то болѣзни водой лѣчился; мнѣ самъ его камардинъ сказывалъ.

— Въ брюхѣ-то съ воды-то небось караси завелись? — замѣчаетъ арестантъ съ балалайкой.

— Ну, полно вамъ! Тутъ о дѣлѣ идетъ, а они... Какой же это левизоръ, братцы? — заботливо замѣчаетъ одинъ суетливый арестантъ, Мартыновъ, старикъ изъ военныхъ, бывшій гусаръ.

— Вѣдь вотъ вретъ народъ! — замѣчаетъ одинъ изъ скептиковъ. — И откуда что берутъ и во что кладутъ? А и все-то вздоръ.

— Нѣтъ, не вздоръ! — догматически замѣчаетъ Куликовъ, до сихъ поръ величаво молчавшій. Это парень съ вѣсомъ, лѣтъ подъ пятьдесятъ, чрезвычайно благообразнаго лица и съ какой то презрительно-величавой манерой. Онъ сознаетъ это и этимъ гордится. Онъ отчасти цыганъ, ветеринаръ, добываетъ по городу деньги за лѣченіе лошадей, а у насъ въ острогѣ торгуетъ виномъ. Малый онъ умный и много видывалъ Слова̀ роняетъ какъ будто рублемъ даритъ.

— Это взаправду, братцы, — спокойно продолжаетъ онъ, — я еще на прошлой недѣлѣ слышалъ; ѣдетъ генералъ, изъ очень важныхъ, будетъ всю Сибирь ревизовать. Дѣло знамое, задарятъ и его, да только не нашъ восьмиглазый: онъ и сунуться къ нему не посмѣетъ. Генералъ генералу рознь, братцы. Всякіе бываютъ. Только я вамъ говорю, нашъ майоръ при всякомъ случаѣ на теперешнемъ мѣстѣ останется. Это вѣрно. Мы народъ безъ языка, а изъ начальства свои на своего же доносить не станутъ. Ревизоръ поглядитъ въ острогъ, да съ тѣмъ и уѣдетъ, и донесетъ, что все хорошо нашелъ...

— То-то, братцы, а майоръ-то струсилъ: вѣдь съ утра пьянъ.

— А вечеромъ другую фуру везетъ. Ѳедька сказывалъ.

— Чернаго кобеля не отмоешь добѣла. Впервой что ль онъ пьянъ?

— Нѣтъ, это ужъ что же, если и генералъ ничего не сдѣлаетъ! Нѣтъ, ужъ полно ихнимъ дурачествамъ подражать! — волнуясь говорятъ промежъ себя арестанты.

Вѣсть о ревизорѣ мигомъ разносится по острогу. По двору бродятъ люди и нетерпѣливо передаютъ другъ другу извѣстіе. Другіе нарочно молчатъ, сохраняя свое хладнокровіе и тѣмъ видимо стараются придать себѣ больше важности. Третьи остаются равнодушными. На казарменныхъ крылечкахъ разсаживаются арестанты съ балалайками. Иные продолжаютъ болтать. Другіе затягиваютъ пѣсни, но вообще всѣ въ этотъ вечеръ въ чрезвычайно возбужденномъ состояніи.

Часу въ десятомъ насъ всѣхъ сосчитывали, загоняли по казармамъ и запирали на ночь. Ночи были короткія; будили въ пятомъ часу утра, засыпали же всѣ никакъ не раньше одиннадцати. До тѣхъ поръ всегда, бывало, идетъ еще суетня, разговоры, а иногда, какъ и зимой, бываютъ и майданы. Ночью наступаетъ нестерпимый жаръ и духота. Хоть и обдаетъ ночнымъ холодкомъ изъ окна съ поднятой рамой, но арестанты мечутся на своихъ нарахъ во всю ночь, словно въ бреду. Блохи кишатъ миріадами. Онѣ водятся у насъ и зимою, и въ весьма достаточномъ количествѣ, но начиная съ весны разводятся въ такихъ размѣрахъ, о которыхъ я хоть слыхивалъ прежде, но, не испытавъ на дѣлѣ, не хотѣлъ вѣрить. И чѣмъ дальше къ лѣту, тѣмъ злѣе и злѣе онѣ становятся. Правда, къ блохамъ можно привыкнуть, я самъ испыталъ

это; но все-таки это тяжело достается. До того, бывало, измучают, что лежишь, наконецъ, словно въ лихорадочномъ жару и самъ чувствуешь, что не спишь, а только бредишь. Наконецъ, когда передъ самымъ утромъ угомонятся, наконецъ, и блохи, словно замрутъ, и когда подъ утреннимъ холодкомъ какъ будто и дѣйствительно сладко заснешь, — раздается вдругъ безжалостный трескъ барабана у острожныхъ воротъ и начинается зоря. Съ проклятіемъ слушаешь, закутываясь въ полушубокъ, громкіе отчетливые звуки, словно считаешь ихъ, а между тѣмъ сквозь сонъ лѣзетъ въ голову нестерпимая мысль, что такъ будетъ и завтра, и послѣзавтра, и нѣсколько лѣтъ сряду, вплоть до самой свободы. Да когда же это, думаешь, эта свобода и гдѣ она? А между тѣмъ надо просыпаться; начинается обыденная ходьба, толкотня... люди одѣваются; спѣшатъ на работу. Правда, можно было заснуть съ часъ еще въ полдень.

О ревизорѣ сказали правду. Слухи съ каждымъ днемъ подтверждались все болѣе и болѣе и, наконецъ, всѣ узнали уже навѣрно, что ѣдетъ изъ Петербурга одинъ важный генералъ ревизовать всю Сибирь, что онъ ужъ пріѣхалъ, что онъ ужъ въ Тобольскѣ. Каждый день новые слухи приходили въ острогъ. Приходили вѣсти и изъ города: слышно было, что всѣ трусятъ, хлопочутъ, хотятъ товаръ лицомъ показать. Толковали, что у высшаго начальства готовятъ пріемы, балы, праздники. Арестантовъ высылали цѣлыми кучами равнять улицы въ крѣпости, срывать кочки, подкрашивать заборы и столбики, подштукатуривать, подмазывать, однимъ словомъ, хотѣли въ одинъ мигъ все исправить, что надо было лицомъ показать. Наши понимали очень хорошо это дѣло и все горячѣе и задорнѣе толковали между собою. Фантазія ихъ доходила до колоссальныхъ размѣровъ. Собирались даже показать *претензію*, когда генералъ станетъ спраши-

вать о довольствѣ. А между тѣмъ спорили и бранились между собою. Плацъ-майоръ былъ въ волненіи. Чаще наѣзжалъ въ острогъ, чаще кричалъ, чаще кидался на людей, чаще забиралъ народъ въ кордегардію и усиленно смотрѣлъ за чистотой и благообразіемъ. Въ это время, какъ нарочно, случилась въ острогѣ одна маленькая исторійка, которая, впрочемъ, вовсе не взволновала майора, какъ бы можно было ожидать, а напротивъ, даже доставила ему удовольствіе. Одинъ арестантъ въ дракѣ пырнулъ другого шиломъ въ грудь, почти подъ самое сердце.

Арестантъ, совершившій преступленіе, назывался Ломовъ; получившаго рану звали у насъ Гаврилкой; онъ былъ изъ закоренѣлыхъ бродягъ. Не помню, было ли у него другое прозваніе; звали его у насъ всегда Гаврилкой.

Ломовъ былъ изъ зажиточныхъ т—хъ крестьянъ, к—скаго уѣзда. Всѣ Ломовы жили семьею; старикъ отецъ, три сына и дядя ихъ, Ломовъ. Мужики они были богатые. Говорили по всей губерніи, что у нихъ было до трехсотъ тысячъ ассигнаціями капиталу. Они пахали, выдѣлывали кожи, торговали, но болѣе занимались ростовщичествомъ, укрывательствомъ бродягъ и краденаго имущества, и прочими художествами. Крестьяне на полъ-уѣзда были у нихъ въ долгахъ, находились у нихъ въ кабалѣ. Мужиками они слыли умными и хитрыми, но, наконецъ, зачванились, особенно когда одно очень важное лицо въ тамошнемъ краѣ стало у нихъ останавливаться по дорогѣ, познакомился съ старикомъ лично и полюбилъ его за смѣтливость и оборотливость. Они вдругъ вздумали, что на нихъ ужъ болѣе нѣтъ управы, и стали все сильнѣе и сильнѣе рисковать въ разныхъ беззаконныхъ предпріятіяхъ. Всѣ роптали на нихъ; всѣ желали имъ провалиться сквозь землю; но они задирали носъ все выше и выше. Исправники, засѣдатели стали имъ уже нипочемъ. На-

конецъ, они свихнулись и погибли, но не за худое, не за тайныя преступленія свои, а за напраслину. У нихъ былъ верстахъ въ десяти отъ деревни большой хуторъ, по-сибирски заимка. Тамъ однажды проживало у нихъ подъ осень человѣкъ шесть работниковъ киргизовъ, закабаленныхъ съ давняго времени. Въ одну ночь всѣ эти киргизы-работники были перерѣзаны. Началось дѣло. Оно продолжалось долго. При дѣлѣ раскрылось много другихъ нехорошихъ вещей. Ломовы были обвинены въ умерщвленіи своихъ работниковъ. Сами они такъ разсказывали и весь острогъ это зналъ; ихъ заподозрили въ томъ, что они слишкомъ много задолжали работникамъ, а такъ какъ, несмотря на свое большое состояніе, были скупы и жадны, то и перерѣзали киргизовъ, чтобы не платить имъ долгу. Во время слѣдствія и суда все состояніе ихъ пошло прахомъ. Старикъ умеръ. Дѣти были разосланы. Одинъ изъ сыновей и его дядя попали въ нашу каторгу на двѣнадцать лѣтъ. И что же? Они были совершенно невинны въ смерти киргизовъ. Тутъ же, въ острогѣ объявился потомъ Гаврилка, извѣстный плутъ и бродяга; малый веселый и бойкій, который бралъ все это дѣло на себя. Не слыхалъ я, впрочемъ, признавался ли онъ въ этомъ самъ, но весь острогъ былъ убѣжденъ совершенно, что киргизы его рукъ не миновали. Гаврилка съ Ломовыми еще бродягой имѣлъ дѣло. Онъ пришелъ въ острогъ на короткій срокъ, какъ бѣглый солдатъ и бродяга. Киргизовъ онъ зарѣзалъ вмѣстѣ съ тремя другими бродягами; они думали сильно поживиться и пограбить въ заимкѣ.

Ломовыхъ у насъ не любили, не знаю за что. Одинъ изъ нихъ, племянникъ, былъ молодецъ, умный малый и уживчиваго характера; но дядя его, пырнувшій Гаврилку шиломъ, былъ глупый и вздорный мужикъ. Онъ со многими еще допрежъ того ссорился и его порядочно бивали. Гаврилку всѣ любили за веселый и склад-

ный характеръ. Хоть Ломовы и знали, что онъ преступникъ, и они за его дѣло пришли, но съ нимъ не ссорились; никогда, впрочемъ, и не сходились; да и онъ не обращалъ на нихъ никакого вниманія. И вдругъ вышла ссора у него съ дядей Ломовымъ за одну противнѣйшую дѣвку. Гаврилка сталъ хвалиться ея благосклонностью; мужикъ сталъ ревновать, и въ одинъ прекрасный полдень пырнулъ его шиломъ.

Ломовы хоть и разорились подъ судомъ, но жили въ острогѣ богачами. У нихъ видимо были деньги. Они держали самоваръ, пили чай. Нашъ майоръ зналъ объ этомъ и ненавидѣлъ обоихъ Ломовыхъ до послѣдней крайности. Онъ видимо для всѣхъ придирался къ нимъ и вообще добирался до нихъ. Ломовы объясняли это майорскимъ желаніемъ взять съ нихъ взятку. Но взятки они не давали.

Конечно, если бъ Ломовъ хоть немного дальше просунулъ шило, онъ убилъ бы Гаврилку. Но дѣло кончилось рѣшительно только одной царапиной. Доложили майору. Я помню, какъ онъ прискакалъ, запыхавшись и видимо довольный. Онъ удивительно ласково, точно съ роднымъ сыномъ, обошелся съ Гаврилкой.

— Что, дружокъ, можешь въ госпиталь такъ дойти, али нѣтъ? Нѣтъ, ужъ лучше ему лошадь запрячь. Запрячь сейчасъ лошадь! — закричалъ онъ впопыхахъ унтеръ-офицеру.

— Да я, ваше высокоблагородіе, ничего не чувствую. Онъ только слегка пококолъ, ваше высокоблагородіе.

— Ты не знаешь, ты не знаешь, мой милый; вотъ увидишь... Мѣсто опасное; все отъ мѣста зависитъ; подъ самое сердце угодилъ, разбойникъ! А тебя, тебя, — заревѣлъ онъ, обращаясь къ Ломову, — ну, теперь я до тебя доберусь!.. Въ кордегардію!

И дѣйствительно добрался. Ломова судили, и хоть

рана оказалась самымъ легкимъ поколомъ, но намѣреніе было очевидное. Преступнику набавили рабочаго сроку и провели сквозь тысячу. Майоръ былъ совершенно доволенъ...

Наконецъ, прибылъ и ревизоръ.

На второй же день по прибытіи въ городъ, онъ пріѣхалъ и къ намъ въ острогъ. Дѣло было въ праздникъ. Еще за нѣсколько дней у насъ было все вымыто, выглажено, вылизано. Арестанты выбриты заново. Платье на нихъ было бѣлое, чистое. Лѣтомъ всѣ ходили, по положенію, въ полотняныхъ бѣлыхъ курткахъ и панталонахъ. На спинѣ у каждаго былъ вшитъ черный кругъ, вершка два въ діаметрѣ. Цѣлый часъ учили арестантовъ какъ отвѣчать, если на случай высокое лицо поздоровается. Производились репетиціи. Майоръ суетился какъ угорѣлый. За часъ до появленія генерала всѣ стояли по своимъ мѣстамъ, какъ истуканы, и держали руки по швамъ. Наконецъ, въ часъ пополудни, генералъ пріѣхалъ. Это былъ важный генералъ, такой важный, что, кажется, всѣ начальственныя сердца должны были дрогнуть по всей западной Сибири съ его прибытіемъ. Онъ вошелъ сурово и величаво; за нимъ ввалилась большая свита сопровождавшаго его мѣстнаго начальства; нѣсколько генераловъ, полковниковъ. Былъ одинъ штатскій, высокій и красивый господинъ во фракѣ и башмакахъ, пріѣхавшій тоже изъ Петербурга и державшій себя чрезвычайно непринужденно и независимо. Генералъ часто обращался къ нему и весьма вѣжливо. Это необыкновенно заинтересовало арестантовъ: штатскій, а такой почетъ, и еще отъ такого генерала! Впослѣдствіи узнали его фамилію и кто онъ такой, но толковъ было множество. Нашъ майоръ, затянутый, съ оранжевымъ воротникомъ, съ налитыми кровью глазами, съ багровымъ угреватымъ лицомъ, кажется, не произвелъ на генерала особенно пріятнаго впечатлѣнія. Изъ особеннаго уваженія къ вы-

сокому посѣтителю, онъ былъ безъ очковъ. Онъ стоялъ поодаль, вытянутый въ струнку, и всѣмъ существомъ своимъ лихорадочно выжидалъ мгновенія на что-нибудь понадобиться, чтобъ летѣть исполнять желанія его превосходительства. Но онъ ни на что не понадобился. Молча обошелъ генералъ казармы, заглянулъ и на кухню, кажется, попробовалъ щей. Ему указали меня: такъ и такъ, дескать, изъ дворянъ.

— А! — отвѣчалъ генералъ. — А какъ онъ теперь ведетъ себя?

— Покамѣстъ удовлетворительно, ваше превосходительство, — отвѣчали ему.

Генералъ кивнулъ головою и минуты черезъ двѣ вышелъ изъ острога. Арестанты, конечно, были ослѣплены и озадачены, но все-таки остались въ нѣкоторомъ недоумѣніи. Ни о какой претензіи на майора, разумѣется, не могло быть и рѣчи. Да и майоръ былъ совершенно въ этомъ увѣренъ еще заранѣе.

VI

Каторжныя животныя

Покупка Гнѣдка, случившаяся вскорѣ въ острогѣ, заняла и развлекла арестантовъ гораздо пріятнѣе высокаго посѣщенія. Въ острогѣ у насъ полагалась лошадь для привоза воды, для вывоза нечистотъ и проч. Для ухода опредѣлялся къ ней арестантъ. Онъ же съ ней и ѣздилъ, разумѣется, подъ конвоемъ. Работы нашему коню было очень достаточно и утромъ и вечеромъ. Гнѣдко служилъ у насъ ужъ очень давно. Лошадка была добрая, но поизносившаяся. Въ одно прекрасное утро, передъ самымъ Петровымъ днемъ, Гнѣдко, привезя вечернюю бочку, упалъ и издохъ въ нѣсколько минутъ. О немъ пожалѣли, всѣ собрались кругомъ, толковали, спорили. Бывшіе у насъ отставные кавалеристы, цыганы, ветеринары и проч. выказа-

и при этомъ даже много особенныхъ познаній по лошадиной части, даже поругались между собой, но Гнѣдка не воскресили. Онъ лежалъ мертвый, со вздутымъ брюхомъ, въ которое всѣ считали обязанностью потыкать пальцемъ; доложили майору о приключившейся волѣ Божіей, и онъ рѣшилъ, чтобъ немедленно была куплена новая лошадь. Въ самый Петровъ день, поутру, послѣ обѣдни, когда всѣ у насъ были въ полномъ сборѣ, стали приводить продажныхъ лошадей. Само собой разумѣется, что препоручить покупку слѣдовало самимъ арестантамъ. У насъ были настоящіе знатоки и надуть двѣсти пятьдесятъ человѣкъ, только этимъ прежде и занимавшихся, было трудно. Являлись киргизы, барышники, цыгане, мѣщане. Арестанты съ нетерпѣніемъ ждали появленія каждаго новаго коня. Они были веселы, какъ дѣти. Всего болѣе имъ льстило, что вотъ и они, точно вольные, точно дѣйствительно изъ *своего* кармана покупаютъ *себѣ* лошадь и имѣютъ полное право купить. Три коня было приведено и уведено, пока покончили дѣло на четвертомъ. Входившіе барышники съ нѣкоторымъ изумленіемъ и какъ бы робостью осматривались кругомъ и даже изрѣдка оглядывались на конвойныхъ, вводившихъ ихъ. Двухсотенная ватага такого народу, бритая, проклейменная, въ цѣняхъ, у себя дома, въ своемъ каторжномъ гнѣздѣ, за порогъ котораго никто не переступаетъ, внушала къ себѣ своего рода уваженіе. Наши же изощрялись въ разныхъ хитростяхъ при испытаніи каждаго приводимаго коня. Куда, куда они ему ни заглядывали, чего у него они ощупали и вдобавокъ съ такимъ дѣловымъ, съ такимъ серьезнымъ и хлопотливымъ видомъ, какъ будто отъ этого зависѣло главное благосостояніе острога. Черкесы такъ даже вскакивали на лошадь верхомъ; у нихъ глаза разгорались, и бѣгло болтали они на своемъ непонятномъ нарѣчіи, скаля свои бѣлые зубы и кивая своими смуглыми горбоносыми лицами. Иной

изъ русскихъ такъ и прикуется всѣмъ вниманіемъ къ ихъ спору, точно въ глаза къ нимъ вскочить хочетъ. Словъ-то не понимаетъ, такъ хочетъ хоть по выраженію глазъ догадаться, какъ рѣшили: годится ли конь или нѣтъ? И даже страннымъ показалось бы такое судорожное вниманіе иному постороннему наблюдателю. О чемъ бы, кажется, тутъ такъ особенно хлопотать иному арестанту и арестанту-то какому-нибудь такъ себѣ, смиренному, забитому, который даже передъ инымъ изъ своихъ же арестантовъ пикнуть не смѣетъ! Точно онъ самъ для себя покупалъ лошадь, точно и въ самомъ дѣлѣ для него не все равно было, какая купится. Кромѣ черкесовъ наиболѣе отличались бывшіе цыгане и барышники: имъ уступали и первое мѣсто и первое слово. Тутъ даже произошелъ нѣкотораго рода благородный поединокъ особенно между двумя, — арестантомъ Куликовымъ, прежнимъ цыганомъ, конокрадомъ и барышникомъ, и самоучкой-ветеринаромъ, хитрымъ сибирскимъ мужичкомъ, недавно пришедшимъ въ острогъ и уже успѣвшимъ отбить у Куликова всю его городскую практику. Дѣло въ томъ, что нашихъ острожныхъ самоучекъ-ветеринаровъ весьма цѣнили во всемъ городѣ, и не только мѣщане или купцы, но даже самые высшіе чины обращались въ острогъ, когда у нихъ заболѣвали лошади, несмотря на бывшихъ въ городѣ нѣсколькихъ настоящихъ ветеринарныхъ врачей. Куликовъ до прибытія Елкина, сибирскаго мужичка, не зналъ себѣ соперника, имѣлъ большую практику и, разумѣется, получалъ денежную благодарность. Онъ сильно цыганилъ и шарлатанилъ и зналъ гораздо менѣе, чѣмъ выказывалъ. По доходамъ онъ былъ аристократъ между нашими. По бывалости, по уму, по смѣлости и рѣшимости онъ уже давно внушилъ къ себѣ невольное уваженіе всѣмъ арестантамъ въ острогѣ. Его у насъ слушали и слушались. Но говорилъ онъ мало: говорилъ какъ рублемъ дарилъ, и все только

въ самыхъ важныхъ случаяхъ. Былъ онъ рѣшительный фатъ, но было въ немъ много дѣйствительной, неподдѣльной энергіи. Онъ былъ уже въ лѣтахъ, но очень красивъ, очень уменъ. Съ нами дворянами обходился какъ-то утонченно вѣжливо и вмѣстѣ съ тѣмъ съ необыкновеннымъ достоинствомъ. Я думаю, если бъ нарядить его и привезть подъ видомъ какого-нибудь графа въ какой-нибудь столичный клубъ, то онъ бы и тутъ нашелся, сыгралъ бы въ вистъ, отлично бы поговорилъ, немного, съ вѣсомъ, и въ цѣлый вечеръ, можетъ быть, не раскусили бы, что онъ не графъ, а бродяга. Я говорю серьезно: такъ онъ былъ уменъ, смѣтливъ и быстръ на соображеніе. Къ тому же манеры его были прекрасныя, щегольскія. Должно быть, онъ видалъ въ своей жизни виды. Впрочемъ, прошедшее его было покрыто мракомъ неизвѣстности. Жилъ онъ у насъ въ особомъ отдѣленіи. Но съ прибытіемъ Елкина, хоть и мужика, но зато хитрѣйшаго мужика, лѣтъ пятидесяти, изъ раскольниковъ, ветеринарная слава Куликова затмилась. Въ какіе-нибудь два мѣсяца онъ отбилъ у него почти всю его городскую практику. Онъ вылѣчивалъ, и очень легко, такихъ лошадей, отъ которыхъ Куликовъ еще прежде давно отказался. Онъ даже вылѣчивалъ такихъ, отъ которыхъ отказывались городскіе ветеринарные лѣкаря. Этотъ мужичокъ пришелъ вмѣстѣ съ другими за фальшивую монету. Надо было ему ввязаться, на старости лѣтъ, въ такое дѣло компаньономъ! Самъ же онъ, смѣясь надъ собой, разсказывалъ у насъ, что изъ трехъ настоящихъ золотыхъ у нихъ вышелъ всего только одинъ фальшивый. Куликовъ былъ нѣсколько оскорбленъ его ветеринарными успѣхами, даже слава его между арестантами начала было меркнуть. Онъ держалъ любовницу въ форштадтѣ, ходилъ въ плисовой поддевкѣ, носилъ серебряное кольцо, серьгу и собственные сапоги съ оторочкой и вдругъ, за неимѣніемъ доходовъ, онъ принужденъ

былъ сдѣлаться цѣловальникомъ. и потому всѣ ждали, что при покупкѣ новаго Гнѣдка враги, чего добраго, пожалуй, еще подерутся. Ждали съ любопытствомъ. У каждаго изъ нихъ была своя партія. Переводые изъ обѣихъ партій уже начали волноваться и помаленьку уже перекидывались ругательствами. Самъ Елкинъ уже съежилъ было свое хитрое лицо въ самую саркастическую улыбку. Но оказалось не то: Куликовъ и не подумалъ ругаться, но и безъ ругани поступилъ мастерски. Онъ началъ съ уступки, даже съ уваженіемъ выслушалъ критическія мнѣнія своего соперника, но, поймавъ его на одномъ словѣ, скромно и настойчиво замѣтилъ ему, что онъ ошибается, и прежде чѣмъ Елкинъ успѣлъ опомниться и оговориться, доказалъ, что ошибается онъ вотъ именно въ томъ-то и въ томъ-то. Однимъ словомъ, Елкинъ былъ сбитъ чрезвычайно неожиданно и искусно, и хоть верхъ все-таки остался за нимъ, но и куликовская партія осталась довольна.

— Нѣтъ, ребята, его знать нескоро собьешь, за себя постоитъ; куды! — говорили одни.

— Елкинъ больше знаетъ! — замѣчали другіе, но какъ-то уступчиво замѣчали. Обѣ партіи заговорили вдругъ въ чрезвычайно уступчивомъ тонѣ.

— Не то что знаетъ, у него только рука полегче. А насчетъ скотины и Куликовъ не сробѣетъ.

— Не сробѣетъ парень!

— Не сробѣетъ...

Новаго Гнѣдка, наконецъ, выбрали и купили. Это была славная лошадка; молоденькая, красивая, крѣпкая и съ чрезвычайно милымъ, веселымъ видомъ. Ужъ, разумѣется, по всѣмъ другимъ статьямъ она оказалась безукоризненною. Стали торговаться: просили тридцать рублей, наши давали двадцать пять. Торговались горячо и долго, сбавляли и уступали. Наконецъ, самимъ смѣшно стало.

— Что ты изъ своего кошеля, что ли, деньги

брать будешь? — говорили одни: — чего торговаться-то?

— Казну, что ли, жалѣть? — кричали другіе.

— Да все же, братцы, все жъ это деньги артельныя...

— Артельныя! Нѣтъ, видно, нашего брата, дураковъ, не сѣютъ, а мы сами родимся...

Наконецъ за двадцать восемь рублей торгъ состоялся. Доложили майору, и покупка была рѣшена. Разумѣется, тотчасъ же вынесли хлѣба съ солью и съ честію ввели новаго Гнѣдка въ острогъ. Кажется, не было арестанта, который при этомъ случаѣ не потрепалъ его по шеѣ или не погладилъ по мордѣ. Въ этотъ же день запрягли Гнѣдка возить воду, и всѣ съ любопытствомъ посмотрѣли, какъ новый Гнѣдко повезъ свою бочку. Нашъ водовозъ Романъ поглядывалъ на новаго конька съ необыкновеннымъ самодовольствіемъ. Это былъ мужикъ лѣтъ пятидесяти, молчаливаго и солиднаго характера. Да и всѣ русскіе кучера бываютъ чрезвычайно солиднаго и даже молчаливаго характера, какъ будто дѣйствительно вѣрно, что постоянное обращеніе съ лошадьми придаетъ человѣку какую-то особенную солидность и даже важность. Романъ былъ тихъ, со всѣми ласковъ, несловоохотливъ, нюхалъ изъ рожка табакъ и постоянно съ незапамятныхъ временъ возился съ острожными гнѣдками. Новокупленный былъ уже третій. У насъ были всѣ увѣрены, что къ острогу идетъ гнѣдая масть, что намъ это будто бы *къ дому*. Такъ подтверждалъ и Романъ. Пѣгаго, напримѣръ, ни за что не купили бы. Мѣсто водовоза постоянно, по какому-то праву, оставалось навсегда за Романомъ, и у насъ никто никогда и не вздумалъ бы оспаривать у него это право. Когда палъ прежній Гнѣдко, никому и въ голову не пришло, даже и майору, обвинить въ чемъ-нибудь Романа: воля Божія да и только, а Романъ хорошій кучеръ. Скоро

Гнѣдко сдѣлался любимцемъ острога. Арестанты хоть и суровый народъ, но подходили часто ласкать его. Бывало Романъ, воротясь съ рѣки, запираетъ ворота, отворенныя ему унтеръ-офицеромъ, а Гнѣдко, войдя въ острогъ, стоитъ съ бочкой и ждетъ его, коситъ на него глазами. «Пошелъ одинъ!» — крикнетъ ему Романъ, и Гнѣдко тотчасъ же повезетъ одинъ, довезетъ до кухни и остановится, ожидая стряпокъ и парашниковъ съ ведрами, чтобъ брать воду. «Умникъ, Гнѣдко! — кричатъ ему: — одинъ привезъ!.. Слушается!»

— Ишь въ самомъ дѣлѣ: скотина, а понимаетъ!

— Молодецъ, Гнѣдко!

Гнѣдко мотаетъ головой и фыркаетъ, точно онъ и въ самомъ дѣлѣ понимаетъ и доволенъ похвалами. И кто-нибудь непремѣнно тутъ же вынесетъ ему хлѣба съ солью. Гнѣдко ѣстъ и опять закиваетъ головою, точно приговариваетъ: «Знаю я тебя! Знаю! И я милая лошадка, и ты хорошій человѣкъ!»

Я тоже любилъ подносить Гнѣдку хлѣба. Какъ-то пріятно было смотрѣть въ его красивую морду и чувствовать на ладони его мягкія, теплыя губы, проворно подбиравшія подачку.

Вообще наши арестантики могли бы любить животныхъ, и если бъ имъ это позволили, они съ охотою развели бы въ острогѣ множество домашней скотины и птицы. И, кажется, что бы больше могло смягчить, облагородить суровый и звѣрскій характеръ арестантовъ, какъ не такое, напримѣръ, занятіе? Но этого не позволяли. Ни порядки наши, ни мѣсто этого не допускали.

Въ острогѣ во все мое время перебывало однакоже случайно нѣсколько животныхъ. Кромѣ Гнѣдка были у насъ собаки, гуси, козелъ Васька, да жилъ еще нѣкоторое время орелъ.

Въ качествѣ постоянной острожной собаки жилъ у насъ, какъ уже сказано мною прежде, Шарикъ, умная и добрая собака, съ которой я былъ въ постоянной дружбѣ. Но такъ какъ ужъ собака вообще у всего простонародья считается животнымъ нечистымъ, на которое и вниманія не слѣдуетъ обращать, то и на Шарика у насъ почти никто не обращалъ вниманія. Жила себѣ собака, спала на дворѣ, ѣла кухонные выброски и никакого особеннаго интереса ни въ комъ не возбуждала, однако, всѣхъ знала и всѣхъ въ острогѣ считала своими хозяевами. Когда арестанты возвращались съ работы, она уже по крику у кордегардіи: «ефрейтора!» бѣжитъ къ воротамъ, ласково встрѣчаетъ каждую партію, вертитъ хвостомъ и привѣтливо засматриваетъ въ глаза каждому вошедшему, ожидая хоть какой-нибудь ласки. Но въ продолженіе многихъ лѣтъ она не добилась никакой ласки, ни отъ кого, кромѣ развѣ меня. За это-то она и любила меня болѣе всѣхъ. Не помню, какимъ образомъ появилась у насъ потомъ въ острогѣ и другая собака, Бѣлка. Третью же, Культяпку, я самъ завелъ, принеся ее какъ-то съ работы еще щенкомъ. Бѣлка была странное созданіе. Ее кто-то переѣхалъ телѣгой, и спина ея была вогнута внутрь, такъ что когда она, бывало, бѣжитъ, то казалось издали, что бѣгутъ двое какихъ-то бѣлыхъ животныхъ, срощенныхъ между собою. Кромѣ того она вся была какая-то паршивая, съ гноящимися глазами; хвостъ былъ облѣзшій, почти весь безъ шерсти и постоянно поджатый. Оскорбленная судьбою, она видимо рѣшилась смириться. Никогда-то она ни на кого не лаяла и не ворчала, точно не смѣла. Жила она больше, изъ хлѣба, за казармами; если же увидитъ, бывало, кого-нибудь изъ нашихъ, то тотчасъ же, еще за нѣсколько шаговъ, въ знакъ смиренія перекувырнется на спину: «дѣлай, дескать, со мной что тебѣ угодно, а я, видишь, и не думаю сопротивлять-

ся». И каждый арестантъ, передъ которымъ она перекувырнется, пырнетъ ее, бывало, сапогомъ, точно считая это непремѣнною своею обязанностью. «Вишь, подлая!» — говорятъ, бывало, арестанты. Но Бѣлка даже и визжать не смѣла, и если ужъ слишкомъ пронимало ее отъ боли, то какъ-то заглушенно и жалобно выла. Точно такъ же она перекувыркивалась и передъ Шарикомъ и передъ всякой другой собакой, когда выбѣгала по своимъ дѣламъ за острогъ. Бывало, перекувырнется и лежитъ смиренно, когда какой-нибудь большой вислоухій песъ бросится на нее съ рыкомъ и лаемъ. Но собаки любятъ смиреніе и покорность въ себѣ подобныхъ. Свирѣпый песъ немедленно укрощался, съ нѣкоторою задумчивостью останавливался надъ лежащей передъ нимъ вверхъ ногами покорной собакой и медленно, съ большимъ любопытствомъ начиналъ ее обнюхивать во всѣхъ частяхъ тѣла. Что то въ это время могла думать вся трепетавшая Бѣлка? «А ну, какъ, разбойникъ, рванетъ?» вѣроятно, приходило ей въ голову. Но обнюхавъ внимательно, песъ, наконецъ, бросалъ ее, не находя въ ней ничего особенно любопытнаго. Бѣлка тотчасъ же вскакивала и опять, бывало, пускалась, ковыляя, за длинной вереницей собакъ, провожавшихъ какую-нибудь Жучку. И хоть она навѣрно знала, что съ Жучкой ей никогда коротко не познакомиться, а все-таки хоть издали поковылять — и то было для ней утѣшеніемъ въ ея несчастіяхъ. Объ чести она уже видимо перестала думать. Потерявъ всякую карьеру въ будущемъ, она жила только для одного хлѣба и вполнѣ сознавала это. Я попробовалъ разъ ее приласкать; это было для нея такъ ново и неожиданно, что она вдругъ вся осѣла къ землѣ, на всѣ четыре лапы, вся затрепетала и начала громко визжать отъ умиленія. Изъ жалости я ласкалъ ее часто. Зато она и встрѣчать меня не могла безъ визгу. Завидитъ издали и визжитъ, виз-

житъ болѣзненно и слезливо. Кончилось тѣмъ, что ее за острогомъ на валу разорвали собаки.

Совсѣмъ другого характера былъ Культяпка. Зачѣмъ я его принесъ изъ мастерской въ острогъ еще слѣпымъ щенкомъ, не знаю. Мнѣ пріятно было кормить и растить его. Шарикъ тотчасъ же принялъ Культяпку подъ свое покровительство и спалъ съ нимъ вмѣстѣ. Когда Культяпка сталъ подрастать, то онъ позволялъ ему кусать свои уши, рвать на себѣ шерсть и играть съ нимъ, какъ обыкновенно играютъ взрослыя собаки со щенками. Странно, что Культяпка почти не росъ въ вышину, а все въ длину и ширину. Шерсть была на немъ лохматая, какого-то свѣтло-мышинаго цвѣта; одно ухо росло внизъ, а другое вверхъ. Характера онъ былъ пылкаго и восторженнаго, какъ и всякій щенокъ, который отъ радости, что видитъ хозяина, обыкновенно навизжитъ, накричитъ, полѣзетъ лизать въ самое лицо и тутъ же передъ вами готовъ не удержать и всѣхъ остальныхъ чувствъ своихъ: «былъ бы только виденъ восторгъ, а приличія ничего не значатъ!» Бывало, гдѣ бы я ни былъ, но по крику: «Культяпка!» онъ вдругъ являлся изъ-за какого-нибудь угла, какъ изъ-подъ земли, и съ визгливымъ восторгомъ летѣлъ ко мнѣ, катаясь какъ шарикъ и перекувыркиваясь дорогою. Я ужасно полюбилъ этого маленькаго уродца. Казалось, судьба готовила ему въ жизни довольство и однѣ только радости. Но въ одинъ прекрасный день, арестантъ Неустроевъ, занимавшійся шитьемъ женскихъ башмаковъ и выдѣлкой кожъ, обратилъ на него особенное вниманіе. Его вдругъ что-то поразило. Онъ подозвалъ Культяпку къ себѣ, пощупалъ его шерсть и ласково повалялъ его спиной по землѣ. Культяпка, ничего не подозрѣвавшій, визжалъ отъ удовольствія. Но на другое же утро онъ исчезъ. Я долго искалъ его; точно въ воду канулъ; и только черезъ двѣ недѣли все объяснилось: Куль-

тяпкинъ мѣхъ чрезвычайно понравился Неустроеву. Онъ содралъ его, выдѣлалъ и подложилъ имъ бархатные зимніе полусапожки, которые заказала ему аудиторша. Онъ показывалъ мнѣ и полусапожки, когда они были готовы. Шерсть вышла удивительная. Бѣдный Культяпка!

Въ острогѣ у насъ многіе занимались выдѣлкой кожъ и часто, бывало, приводили съ собой собакъ съ хорошей шерстью, которыя въ тотъ же мигъ исчезали. Иныхъ воровали, а иныхъ даже и покупали. Помню, разъ за кухнями я увидалъ двухъ арестантовъ. Они объ чемъ-то совѣщались и хлопотали. Одинъ изъ нихъ держалъ на веревкѣ великолѣпнѣйшую большую собаку, очевидно, дорогой породы. Какой-то негодяй лакей увелъ ее отъ своего барина и продалъ нашимъ башмачникамъ за тридцать копеекъ серебромъ. Арестанты собирались ее повѣсить. Это очень удобно дѣлалось: кожу сдирали, а трупъ бросали въ большую и глубокую помойную яму, находившуюся въ самомъ заднемъ углу нашего острога и которая лѣтомъ, въ сильныя жары, ужасно воняла. Ее изрѣдка вычищали. Бѣдная собака, казалось, понимала готовившуюся ей участь. Она пытливо и съ безпокойствомъ взглядывала поочередно на насъ троихъ и изрѣдка только осмѣливалась повертѣть своимъ пушистымъ прижатымъ хвостомъ, точно желая смягчить насъ этимъ знакомъ своей къ намъ довѣренности. Я поскорѣй ушелъ, а они, разумѣется, кончили свое дѣло благополучно.

Гуси у насъ завелись какъ-то тоже случайно. Кто ихъ развелъ, и кому они собственно принадлежали, не знаю, но нѣкоторое время они очень тѣшили арестантовъ и даже стали извѣстны въ городѣ. Они и вывелись въ острогѣ, и содержались на кухнѣ. Когда выводокъ подросъ, то всѣ они, цѣлымъ кагаломъ, повадились ходить вмѣстѣ съ арестантами на работу. Только, бывало, затремитъ барабанъ и двинется каторга къ

выходу, наши гуси съ крикомъ бѣгутъ за нами, распустивъ свои крылья, одинъ за другимъ выскакиваютъ черезъ высокій порогъ изъ калитки и непремѣнно отправляются на правый флангъ, гдѣ и выстраиваются, ожидая окончанія разводки. Примыкали они всегда къ самой большой партіи и на работахъ паслись гдѣ-нибудь неподалеку. Только что двигалась партія съ работы обратно въ острогъ, подымались и они. Въ крѣпости разнеслись слухи, что гуси ходятъ съ арестантами на работу. «Ишь, арестанты съ своими гусями идутъ! — говорятъ, бывало, встрѣчающіеся: — да какъ это вы ихъ обучили!» — «Вотъ вамъ на гусей!» — прибавлялъ другой и подавалъ подаяніе. Но несмотря на всю ихъ преданность, къ какому-то разговѣнью ихъ всѣхъ перерѣзали.

Зато нашего козла Ваську ни за что бы не зарѣзали, если бъ не случилось особеннаго обстоятельства. Тоже не знаю, откуда онъ у насъ взялся и кто принесъ его, но вдругъ очутился въ острогѣ маленькій, бѣленькій, прехорошенькій козленокъ. Въ нѣсколько дней всѣ его у насъ полюбили, и онъ сдѣлался общимъ развлеченіемъ и даже отрадою. Нашли и причину держать его: надо же было въ острогѣ, при конюшнѣ, держать козла. Однакожъ, онъ жилъ не въ конюшнѣ, а сначала въ кухнѣ, а потомъ по всему острогу. Это было преграціозное и прешаловливое созданіе: Онъ бѣжалъ на кличку; вскакивалъ на скамейки, на столы, бодался съ арестантами, былъ всегда веселъ и забавенъ. Разъ, когда уже у него прорѣзывались порядочные рожки, однажды вечеромъ лезгинъ Бабей, сидя на казарменномъ крылечкѣ, въ толпѣ другихъ арестантовъ, вздумалъ съ нимъ бодаться. Они уже долго стукались лбами, — это была любимая забава арестанта съ козломъ, — какъ вдругъ Васька вспрыгнулъ на самую верхнюю ступеньку крыльца и только что Бабай отворотился въ сторону, мигомъ под-

нялся на дыбки, прижалъ къ себѣ переднія копытца и со всего размаха ударилъ Бабая въ затылокъ, такъ что тотъ слетѣлъ кувыркомъ съ крыльца, къ восторгу всѣхъ присутствующихъ и перваго Бабая. Однимъ словомъ, Ваську всѣ ужасно любили. Когда онъ сталъ подрастать, надъ нимъ, вслѣдствіе общаго и серьезнаго совѣщанія, произведена была извѣстная операція, которую наши ветеринары отлично умѣли дѣлать. «Не то пахнуть козломъ будетъ», — говорили арестанты. Послѣ того Васька сталъ ужасно жирѣть. Да и кормили его точно на убой. Наконецъ, выросъ прекрасный большой козелъ, съ длиннѣйшими рогами и необыкновенной толщины. Бывало, идетъ и переваливается. Онъ тоже повадился ходить съ нами на работу, для увеселенія арестантовъ и встрѣчающейся публики. Всѣ знали острожнаго козла Ваську. Иногда, если работали, напримѣръ, на берегу, арестанты нарвутъ, бывало, гибкихъ талиновыхъ вѣтокъ, достанутъ еще какихъ-нибудь листьевъ, наберутъ на валу цвѣтовъ и уберутъ всѣмъ этимъ Ваську: рога оплетутъ вѣтвями и цвѣтами, по всему туловищу пустятъ гирлянды. Возвращается, бывало, Васька въ острогъ всегда впереди арестантовъ, разубранный и разукрашенный, а они идутъ за нимъ и точно гордятся передъ прохожими. До того зашло это любованье козломъ, что инымъ изъ нихъ приходила даже въ голову, словно дѣтямъ, мысль: «не вызолотить ли рога Васькѣ?» Но только такъ поговорили, а не исполнили. Я, впрочемъ, помню, спросилъ Акимъ Акимыча, лучшаго нашего золотильщика послѣ Исая Ѳомича: можно ли дѣйствительно вызолотить козлу рога? Онъ сначала внимательно посмотрѣлъ на козла, серьезно сообразилъ и отвѣчалъ, что, пожалуй, можно, «но будетъ непрочно-съ, и къ тому же совершенно безполезно». Тѣмъ дѣло и кончилось. И долго бы прожилъ Васька въ острогѣ и умеръ бы развѣ отъ одышки; но однажды,

возвращаясь во главѣ арестантовъ съ работы, разубранный и разукрашенный, онъ попался навстрѣчу майору, ѣхавшему на дрожкахъ. — «Стой! — заревѣлъ онъ: — чей козелъ?» Ему объяснили. — «Какъ! Въ острогѣ козелъ, и безъ моего позволенія! Унтеръ-офицера!» Явился унтеръ-офицеръ, и тотчасъ же было повелѣно немедленно зарѣзать козла. Шкуру содрать, продать на базарѣ и вырученныя деньги включить въ казенную арестантскую сумму, а мясо отдать арестантамъ во щи. Въ острогѣ поговорили, пожалѣли, но однакожъ не посмѣли ослушаться. Ваську зарѣзали надъ нашей помойной ямой. Мясо купилъ одинъ изъ арестантовъ все цѣликомъ, внеся острогу полтора цѣлковыхъ. На эти деньги купили калачей, а купившій Ваську распродалъ по частямъ своимъ же на жаркое. Мясо оказалось, дѣйствительно, необыкновенно вкуснымъ.

Проживалъ у насъ тоже нѣкоторое время въ острогѣ орелъ (карагушъ), изъ породы степныхъ, небольшихъ орловъ. Кто-то принесъ его въ острогъ раненаго и измученнаго. Вся каторга обступила его; онъ не могъ летать: правое крыло его висѣло по землѣ, одна нога была вывихнута. Помню, какъ онъ яростно оглядывался кругомъ, осматривая любопытную толпу, разѣвалъ свой горбатый клювъ, готовясь дорого продать свою жизнь. Когда на него насмотрѣлись и стали расходиться, онъ отковылялъ, хромая, прискакивая на одной ногѣ и помахивая здоровымъ крыломъ, въ самый дальній конецъ острога, гдѣ забился въ углу, плотно прижавшись къ палямъ. Тутъ онъ прожилъ у насъ мѣсяца три и во все время ни разу не вышелъ изъ своего угла. Сначала приходили часто глядѣть на него, натравливая на него собаку. Шарикъ кидался на него съ яростію, но видимо боялся подступить ближе, что очень потѣшало арестантовъ. — «Звѣрь! — говорили они, — не дается!» Потомъ и Шарикъ сталъ больно обижать его; страхъ прошелъ, и онъ,

когда натравливали, изловчился хватать его за больное крыло. Орелъ защищался изо всѣхъ силъ когтями и клювомъ, и гордо и дико, какъ раненый король, забившись въ свой уголъ, оглядывалъ любопытныхъ, приходившихъ его разсматривать. Наконецъ, всѣмъ онъ наскучилъ, всѣ его бросили и забыли, и однакожъ каждый день можно было видѣть возлѣ него клочки свѣжаго мяса и черепокъ съ водой. Кто-нибудь да наблюдалъ же его. Онъ сначала и ѣсть не хотѣлъ, не ѣлъ нѣсколько дней; наконецъ, сталъ принимать пищу, но никогда изъ рукъ или при людяхъ. Мнѣ случалось не разъ издали наблюдать его. Не видя никого и думая, что онъ одинъ, онъ иногда рѣшался недалеко выходить изъ угла и ковылялъ вдоль паль, шаговъ на двѣнадцать отъ своего мѣста, потомъ возвращался назадъ, потомъ опять выходилъ, точно дѣлалъ моціонъ. Завидя меня, онъ тотчасъ же изо всѣхъ силъ, хромая и прискакивая, спѣшилъ на свое мѣсто и, откинувъ назадъ голову, разинувъ клювъ, ощетинившись, тотчасъ же приготовлялся къ бою. Никакими ласками я не могъ смягчить его: онъ кусался и бился, говядины отъ меня не бралъ и все время, бывало, какъ я надъ нимъ стою, пристально-пристально смотритъ мнѣ въ глаза своимъ злымъ, пронзительнымъ взглядомъ. Одиноко и злобно онъ ожидалъ смерти, не довѣряя никому и не примиряясь ни съ кѣмъ. Наконецъ, арестанты точно вспомнили о немъ и хоть никто не заботился, никто не поминалъ о немъ мѣсяца два, но вдругъ во всѣхъ точно явилось къ нему сочувствіе. Заговорили, что надо вынести орла: — «Пусть хоть околѣетъ, да не въ острогѣ», говорили одни.

— Вѣстимо, птица вольная, суровая, не пріучишь къ острогу-то, — поддакивали другіе.

— Знать онъ не такъ, какъ мы, — прибавилъ кто-то.

— Вишь сморозилъ: то птица, а мы значитъ человѣки.

— Орелъ, братцы, есть царь лѣсовъ... — началъ было Скуратовъ, но его на этотъ разъ не стали слушать. Разъ послѣ обѣда, когда пробилъ барабанъ на работу, взяли орла, зажавъ ему клювъ рукой, потому что онъ началъ жестоко драться, и понесли изъ острога. Дошли до вала. Человѣкъ двѣнадцать, бывшихъ въ этой партіи, съ любопытствомъ желали видѣть, куда пойдетъ орелъ. Странное дѣло: всѣ были чѣмъ-то довольны, точно отчасти сами они получили свободу.

— Ишь, собачье мясо, добро ему творишь, а онъ все кусается? — говорилъ державшій его, почти съ любовью смотря на злую птицу.

— Отпущай его, Микитка!

— Ему знать чорта въ чемоданѣ не строй. Ему волю подавай, запраѵскую волю-волюшку.

Орла сбросили съ валу въ степь. Это было глубокою осенью, въ холодный и сумрачный день. Вѣтеръ свисталъ въ голой степи и шумѣлъ въ пожелтѣлой, изсохшей, клочковатой степной травѣ. Орелъ пустился прямо, махая больнымъ крыломъ и какъ бы торопясь уходить отъ насъ куда глаза глядятъ. Арестанты съ любопытствомъ слѣдили, какъ мелькала въ травѣ его голова.

— Вишь его! — задумчиво проговорилъ одинъ.

— И не оглянется! — прибавилъ другой. — Ни разу-то, братцы, не оглянулся, бѣжитъ себѣ!

— А ты думалъ благодарить воротится? — замѣтилъ третій.

— Знамо дѣло воля. Волю почуялъ.

— Слобода значитъ.

— И не видать ужъ, братцы...

— Чего стоять-то? Маршъ! — закричали конвойные, и всѣ молча поплелись на работу.

VII

Претензія

Начиная эту главу, издатель записокъ покойнаго Александра Петровича Горянчикова считаетъ своею обязанностью сдѣлать читателямъ слѣдующее сообщеніе.

Въ первой главѣ «Записокъ изъ Мертваго дома» сказано нѣсколько словъ объ одномъ отцеубійцѣ, изъ дворянъ. Между прочимъ онъ поставленъ былъ въ примѣръ того, съ какой безчувственностью говорятъ иногда арестанты о совершенныхъ ими преступленіяхъ. Сказано было тоже, что убійца не сознался передъ судомъ въ своемъ преступленіи, но что, судя по разсказамъ людей, знавшихъ всѣ подробности его исторіи, факты были до того ясны, что невозможно было не вѣрить преступленію. Эти же люди разсказывали автору «Записокъ», что преступникъ поведенія былъ совершенно безпутнаго, ввязался въ долги и убилъ своего отца, жаждая послѣ него наслѣдства. Впрочемъ, весь городъ, въ которомъ прежде служилъ этотъ отцеубійца, разсказывалъ эту исторію одинаково. Объ этомъ послѣднемъ фактѣ издатель «Записокъ» имѣетъ довольно вѣрныя свѣдѣнія. Наконецъ, въ «Запискахъ» сказано, что въ острогѣ убійца былъ постоянно въ превосходнѣйшемъ, въ веселѣйшемъ расположеніи духа; что это былъ взбалмошный, легкомысленный, неразсудительный въ высшей степени человѣкъ, хотя отнюдь не глупецъ, и что авторъ «Записокъ» никогда не замѣчалъ въ немъ какой-нибудь особенной жестокости. И тутъ же прибавлены слова: «Разумѣется, я не вѣрилъ этому преступленію».

На-дняхъ издатель «Записокъ изъ Мертваго дома» получилъ увѣдомленіе изъ Сибири, что преступникъ былъ дѣйствительно правъ и десять лѣтъ страдалъ въ каторжной работѣ напрасно; что невинность его обнаружена по суду, официально. Что настоящіе пре-

ступники нашлись и сознались, и что несчастный уже освобожденъ изъ острога. Издатель никакъ не можетъ сомнѣваться въ достовѣрности этого извѣстія...

Прибавлять больше нечего. Нечего говорить и распространяться о всей глубинѣ трагическаго въ этомъ фактѣ, о загубленной еще смолоду жизни, подъ такимъ ужаснымъ обвиненіемъ. Фактъ слишкомъ понятенъ, слишкомъ поразителенъ самъ по себѣ.

Мы думаемъ тоже, что если такой фактъ оказался возможнымъ, то уже самая эта возможность прибавляетъ еще новую и чрезвычайно яркую черту къ характеристикѣ и полнотѣ картины Мертваго дома.

А теперь продолжаемъ.

Я уже говорилъ прежде, что я, наконецъ, освоился съ моимъ положеніемъ въ острогѣ. Но это «наконецъ» совершалось очень туго и мучительно, слишкомъ мало-по-малу. Въ сущности мнѣ надо было почти годъ для этого, и это былъ самый трудный годъ моей жизни. Оттого-то онъ такъ весь цѣликомъ и уложился въ моей памяти. Мнѣ кажется, я каждый часъ этого года помню въ послѣдовательности. Говорилъ я тоже, что *привыкнуть* къ этой жизни не могли и другіе арестанты. Помню, какъ въ этотъ первый годъ я часто размышлялъ про себя: «что они, какъ? Неужели спокойны?» И вопросы эти очень меня занимали. Я уже упоминалъ, что всѣ арестанты жили здѣсь какъ бы не у себя дома, а какъ будто на постояломъ дворѣ, на походѣ, на этапѣ какомъ-то. Люди, присланные на всю жизнь, и тѣ суетились или тосковали, и ужъ непремѣнно каждый изъ нихъ про себя мечталъ о чемъ-нибудь почти невозможномъ. Это всегдашнее безпокойство, выказывавшееся хоть и молча, но видимо, эта странная горячность и нетерпѣливость иногда невольно высказанныхъ надеждъ, подчасъ до того неосновательныхъ, что онѣ какъ бы походили на бредъ,

и, что болѣе всего поражало, уживавшихся нерѣдко въ самыхъ практическихъ повидимому умахъ, все это придавало необыкновенный видъ и характеръ этому мѣсту, до того, что, можетъ быть, эти-то черты и составляли самое характерное его свойство. Какъ-то чувствовалось, почти съ перваго взгляда, что этого нѣтъ за острогомъ. Тутъ всѣ были мечтатели, и это бросалось въ глаза. Это чувствовалось болѣзненно, именно потому, что мечтательность сообщала большинству острога видъ угрюмый и мрачный, нездоровый какой-то видъ. Огромное большинство было молчаливо и злобно до ненависти, не любило выставлять своихъ надеждъ напоказъ. Простодушіе, откровенность были въ презрѣніи. Чѣмъ несбыточнѣе были надежды и чѣмъ больше чувствовалъ эту несбыточность самъ мечтатель, тѣмъ упорнѣе и цѣломудреннѣе онъ ихъ таилъ про себя, но отказаться отъ нихъ не могъ. Кто знаетъ, можетъ быть, иной стыдился ихъ про себя. Въ русскомъ характерѣ столько положительности и трезвости взгляда, столько внутренней насмѣшки надъ первымъ собою... Можетъ быть, отъ этого постояннаго затаеннаго недовольства собою и было столько нетерпѣливости у этихъ людей въ повседневныхъ отношеніяхъ другъ съ другомъ, столько непримиримости и насмѣшки другъ надъ другомъ. И если, напримѣръ, выскакивалъ вдругъ, изъ нихъ же, какой-нибудь понаивнѣе и нетерпѣливѣе, и высказывалъ иной разъ вслухъ то, что у всѣхъ было про себя на умѣ, пускался въ мечты и надежды, то его тотчасъ же грубо осаживали, обрывали, осмѣивали; но сдается мнѣ, что самые рьяные изъ преслѣдователей были именно тѣ, которые, можетъ быть, сами-то еще дальше него пошли въ своихъ мечтахъ и надеждахъ. На наивныхъ и простоватыхъ, я сказалъ уже, смотрѣли у насъ вообще какъ на самыхъ пошлыхъ дураковъ и относились къ нимъ презрительно. Каждый былъ до того угрюмъ и самолюбивъ, что начиналъ презирать

человѣка добраго и безъ самолюбія. Кромѣ этихъ наивныхъ и простоватыхъ болтуновъ всѣ остальные, то-есть молчаливые, рѣзко раздѣлялись на добрыхъ и злыхъ, на угрюмыхъ и свѣтлыхъ. Угрюмыхъ и злыхъ было несравненно больше; если жъ изъ нихъ и случались иные ужъ такъ по природѣ своей говоруны, то всѣ они непремѣнно были безпокойные сплетники и тревожные завистники. До всего чужого имъ было дѣло, хотя своей собственной души, своихъ собственныхъ тайныхъ дѣлъ и они никому не выдавали напоказъ. Это было не въ модѣ, не принято. Добрые — очень маленькая кучка — были тихи, молчаливо таили про себя свои упованія и, разумѣется, болѣе мрачныхъ склонны были къ надеждѣ и вѣрѣ въ нихъ. Впрочемъ, сдается мнѣ, что въ острогѣ былъ еще отдѣлъ вполнѣ отчаявшихся. Таковъ былъ, напримѣръ, и старикъ изъ Стародубовскихъ слободъ; во всякомъ случаѣ такихъ было очень мало. Старикъ былъ съ виду спокоенъ (я уже говорилъ о немъ), но по нѣкоторымъ признакамъ, я полагаю, душевное состояніе его было ужасное. Впрочемъ, у него было свое спасеніе, свой выходъ: молитва и идея о мученичествѣ. Сошедшій съ ума, зачитавшійся въ библіи арестантъ, о которомъ я уже упоминалъ и который бросился съ кирпичомъ на майора, вѣроятно тоже былъ изъ отчаявшихся, изъ тѣхъ, кого покинула послѣдняя надежда; а такъ какъ совершенно безъ надежды жить невозможно, то онъ и выдумалъ себѣ исходъ въ добровольномъ, почти искусственномъ мученичествѣ. Онъ объявилъ, что онъ бросился на майора безъ злобы, а единственно желая принять муки. И кто знаетъ, какой психологическій процессъ совершился тогда въ душѣ его! Безъ какой-нибудь цѣли и стремленія къ ней не живетъ ни одинъ живой человѣкъ. Потерявъ цѣль и надежду, человѣкъ съ тоски обращается нерѣдко въ чудовище... Цѣль у всѣхъ нашихъ была свобода и выходъ изъ каторги.

Впрочемъ, вотъ я теперь силюсь подвести весь нашъ острогъ подъ разряды: но возможно ли это? Дѣйствительность безконечно разнообразна, сравнительно со всѣми, даже и самыми хитрѣйшими выводами отвлеченной мысли, и не терпитъ рѣзкихъ и крупныхъ различій. Дѣйствительность стремится къ раздробленію. Жизнь своя особенная была и у насъ, хотя какая-нибудь, да все же была, и не одна оффиціальная, а внутренняя, своя собственная жизнь.

Но какъ уже и упоминалъ я отчасти, я не могъ и даже не умѣлъ проникнуть во внутреннюю глубину этой жизни въ началѣ моего острога, а потому всѣ внѣшнія проявленія ея мучили меня тогда невыразимой тоской. Я иногда просто начиналъ ненавидѣть этихъ такихъ же страдальцевъ, какъ я. Я даже завидовалъ имъ и обвинялъ судьбу. Я завидовалъ имъ въ томъ, что они все-таки между своими, въ товариществѣ, понимаютъ другъ друга, хотя, въ сущности, имъ всѣмъ, какъ и мнѣ, надоѣло и омерзѣло это товарищество изъ-подъ плети и палки, эта насильная артель, и всякій про себя смотрѣлъ отъ всѣхъ куда-нибудь въ сторону. Повторяю опять, эта зависть, посѣщавшая меня въ минуты злобы, имѣла свое законное основаніе. Въ самомъ дѣлѣ, положительно неправы тѣ, которые говорятъ, что дворянину образованному и т. д. совершенно одинаково тяжело въ нашихъ каторгахъ и острогахъ, какъ и всякому мужику. Я знаю, я слышалъ объ этомъ предположеніи въ послѣднее время, я читалъ про это. Основаніе этой идеи вѣрное, гуманное. Всѣ люди, всѣ человѣки. Но идея-то слишкомъ отвлеченная. Упущено изъ виду очень много практическихъ условій, которыя не иначе можно понять, какъ въ самой дѣйствительности. Я говорю это не потому, что дворянинъ и образованный будто бы чувствуютъ утонченнѣе, больнѣе, что они болѣе развиты. Душу и развитіе ея трудно подводить подъ какой-нибудь данный

уровень. Даже самое образованіе въ этомъ случаѣ не мѣрка. Я первый готовъ свидѣтельствовать, что и въ самой необразованной, въ самой придавленной средѣ, между этими страдальцами встрѣчалъ черты самаго утонченнаго развитія душевнаго. Въ острогѣ было иногда такъ, что знаешь человѣка нѣсколько лѣтъ и думаешь про него, что это звѣрь, а не человѣкъ, презираешь его. И вдругъ, приходитъ случайно минута, въ которую душа его невольнымъ порывомъ открывается наружу и вы видите въ ней такое богатство, чувство, сердце, такое яркое пониманіе и собственнаго и чужого страданія, что у васъ какъ бы глаза открываются и въ первую минуту даже не вѣрится тому, что вы сами увидѣли и услышали. Бываетъ и обратно: образованіе уживается иногда съ такимъ варварствомъ, съ такимъ цинизмомъ, что вамъ мерзитъ, и какъ бы вы ни были добры или предубѣждены, вы не находите въ сердцѣ своемъ ни извиненій, ни оправданій.

Не говорю я тоже ничего о перемѣнѣ привычекъ, образа жизни, пищи и проч., что для человѣка изъ высшаго слоя общества, конечно, тяжелѣе, чѣмъ для мужика, который нерѣдко голодалъ на волѣ, а въ острогѣ, по крайней мѣрѣ, сыто наѣдался. Не буду и объ этомъ спорить. Положимъ, что человѣку хоть немного сильному волей все это вздоръ сравнительно съ другими неудобствами, хотя, въ сущности, перемѣна привычекъ дѣло вовсе не вздорное и не послѣднее. Но есть неудобства, передъ которыми все это блѣднѣетъ, до того, что не обращаешь вниманія ни на грязь содержанія, ни на тиски, ни на тощую, неопрятную пищу. Самый гладенькій бѣлоручка, самый нѣжный нѣженка, поработавъ день въ потѣ лица, такъ, какъ онъ никогда не работалъ на свободѣ, будетъ ѣсть и черный хлѣбъ, и щи съ тараканами. Къ этому еще можно привыкнуть, какъ и упомянуто въ юмо-

ристической арестантской пѣснѣ о прежнемъ бѣлоручкѣ, попавшемъ въ каторгу:

Дадутъ капусты мнѣ съ водою,
И ѣмъ, такъ за ушьми трещитъ.

Нѣтъ, важнѣе всего этого то, что всякій изъ новоприбывающихъ въ острогъ, черезъ два часа по прибытіи, становится такимъ же, какъ и всѣ другіе, становится у *себя дома*, такимъ же равноправнымъ хозяиномъ въ острожной артели, какъ и всякій другой. Онъ всѣмъ понятенъ и самъ всѣхъ понимаетъ, всѣмъ знакомъ, всѣ считаютъ его за *своего*. Не то съ *благороднымъ*, съ дворяниномъ. Какъ ни будь онъ справедливъ, добръ, уменъ, его цѣлые годы будутъ ненавидѣть и презирать всѣ, цѣлой массой; его не поймутъ, а главное — не повѣрятъ ему. Онъ не другъ и не товарищъ, и хоть и достигнетъ онъ, наконецъ, съ годами, того, что его обижать не будутъ, но всетаки онъ будетъ не свой, и вѣчно, мучительно будетъ сознавать свое отчужденіе и одиночество. Это отчужденіе дѣлается иногда совсѣмъ безъ злобы со стороны арестантовъ, а такъ, безсознательно. Не свой человѣкъ, да и только. Ничего нѣтъ ужаснѣе какъ жить не въ своей средѣ. Мужикъ, переселенный изъ Таганрога въ Петропавловскій портъ, тотчасъ же найдетъ тамъ такого же точно русскаго мужика, тотчасъ же сговорится и сладится съ нимъ, а черезъ два часа они, пожалуй, заживутъ самымъ мирнымъ образомъ въ одной избѣ или въ одномъ шалашѣ. Не то для благородныхъ. Они раздѣлены съ простонародьемъ глубочайшею бездной, и это замѣчается *вполнѣ* только тогда, когда *благородный* вдругъ, самъ, силою внѣшнихъ обстоятельствъ, дѣйствительно, на дѣлѣ лишится прежнихъ правъ своихъ и обратится въ простонародье. Не то хоть всю жизнь свою знайтесь съ народомъ, хоть сорокъ лѣтъ сряду каждый день схо-

дитесь съ нимъ, по службѣ, напримѣръ, въ условно-административныхъ формахъ, или даже такъ, просто по-дружески, въ видѣ благодѣтеля и въ нѣкоторомъ смыслѣ отца, — никогда самой сущности не узнаете. Все будетъ только оптическій обманъ и ничего больше. Я вѣдь знаю, что всѣ, рѣшительно всѣ, читая мое замѣчаніе, скажутъ, что я преувеличиваю. Но я убѣжденъ, что оно вѣрно. Я убѣдился не книжно, не умозрительно, а въ дѣйствительности, я имѣлъ очень довольно времени, чтобъ провѣрить мои убѣжденія. Можетъ быть, впослѣдствіи всѣ узнаютъ, до какой степени это справедливо...

Событія какъ нарочно съ перваго шагу подтверждали мои наблюденія и нервно и болѣзненно дѣйствовали на меня. Въ это первое лѣто я скитался по острогу почти одинъ-одинехонекъ. Я сказалъ уже, что былъ въ такомъ состояніи духа, что даже не могъ оцѣнить и отличить тѣхъ изъ каторжныхъ, которые могли бы любить меня впослѣдствіи, хоть и никогда не сходились со мною на равную ногу. Были товарищи и мнѣ, изъ дворянъ, но не снимало съ души моей всего бремени это товарищество. Не смотрѣлъ бы ни на что кажется, а бѣжать некуда. И вотъ, напримѣръ, одинъ изъ тѣхъ случаевъ, которые съ перваго разу наиболѣе дали мнѣ понять мою отчужденность и особенность моего положенія въ острогѣ. Однажды, въ это же лѣто, уже къ августу мѣсяцу, въ будній ясный жаркій день, въ первомъ часу пополудни, когда по обыкновенію всѣ отдыхали передъ послѣобѣденной работой, вдругъ вся каторга поднялась, какъ одинъ человѣкъ, и начала строиться на острожномъ дворѣ. Я ни о чемъ не зналъ до самой этой минуты. Въ это время, подчасъ, я до того бывалъ углубленъ въ самого себя, что почти не замѣчалъ, что вокругъ происходитъ. А между тѣмъ каторга уже три дня глухо волновалась. Можетъ быть, и гораздо раньше началось это волненіе, какъ сооб-

разилъ я уже потомъ, невольно припомнивъ кое-что изъ арестантскихъ разговоровъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и усиленную сварливость арестантовъ, угрюмость и особенно озлобленное состояніе, замѣчавшееся въ нихъ въ послѣднее время. Я приписывалъ это тяжелой работѣ, скучнымъ, длиннымъ, лѣтнимъ днямъ, невольнымъ мечтамъ о лѣсахъ и о вольной волюшкѣ, короткимъ ночамъ, въ которыя трудно было вволю выспаться. Можетъ быть, все это и соединилось теперь вмѣстѣ, въ одинъ взрывъ, но предлогъ этого взрыва былъ — пища. Уже нѣсколько дней въ послѣднее время громко жаловались, негодовали въ казармахъ и особенно сходясь въ кухнѣ за обѣдомъ и ужиномъ, были недовольны стряпками, даже попробовали смѣнить одного изъ нихъ, но тотчасъ прогнали новаго и воротили стараго. Однимъ словомъ, всѣ были въ какомъ-то безпокойномъ настроеніи духа.

— Работа тяжелая, а насъ брюшиной кормятъ, — заворчитъ, бывало, кто-нибудь на кухнѣ.

— А не нравится, такъ бламанже закажи, — подхватилъ другой.

— Щи съ брюшиной, братцы, я очинно люблю, — подхватываетъ третій, — потому скусны.

— А какъ все время тебя одной брюшиной кормить, будетъ скусно?

— Оно конечно, тепере мясная пора, — говоритъ четвертый, — мы на заводѣ-то маемся-маемся, послѣ урока-то жрать хочется. А брюшина какая ѣда!

— А не съ брюшиной, такъ съ усердіемъ[1]).

— А вотъ хоть бы еще взять это усердіе. Брюшина да усердіе, только одно и наладили. Это какая ѣда! Есть тутъ правда, аль нѣтъ?

— Да, кормъ плохой.

---

[1]) То-есть съ осердіемъ. Арестанты въ насмѣшку выговаривали съ усердіемъ.

— Карманъ-то набиваетъ небось.

— Не твоего ума это дѣло.

— А чьего же? Брюхо-то мое. А всѣмъ бы міромъ сказать претензію и было бы дѣло.

— Претензію?

— Да.

— Мало тебѣ знать за эфту претензію драли. Статуй!

— Оно правда, — прибавляетъ ворчливо другой, до сихъ поръ молчаливый, — хоть и скоро, да не споро. Что говорить-то на претензіи будешь, ты вотъ что сперва скажи, голова съ затылкомъ?

— Ну и скажу. Коли бъ всѣ пошли, и я бъ тогда со всѣми говорилъ. Бѣдность значитъ. У насъ кто свое ѣстъ, а кто и на одномъ казенномъ сидитъ.

— Ишь, завидокъ востроглазый! Разгорѣлись глаза на чужое добро.

— На чужой кусокъ не разѣвай ротокъ, а раньше вставай да свой затѣвай.

— Затѣвай!.. Я съ тобой до сѣдыхъ волосъ въ эфтомъ дѣлѣ торговаться буду. Значитъ ты богатый, коли сложа руки сидѣть хочешь?

— Богатъ Ерошка, есть собака да кошка.

— А и вправду, братцы, чего сидѣть! Значитъ полно ихнимъ дурачествамъ подражать. Шкуру дерутъ. Чего нейти?

— Чего! Тебѣ небось разжуй, да въ ротъ положи; привыкъ жеваное ѣсть. Значитъ каторга — вотъ отчего!

— Выходитъ что: поссорь, Боже, народъ, накорми воеводъ.

— Оно самое. Растолстѣлъ восьмиглазый. Пару сѣрыхъ купилъ.

— Ну, и не любитъ выпить.

— Намеднись съ ветеринаромъ за картами подрались.

— Всю ночь козыряли. Нашъ-то два часа прожилъ на кулакахъ. Ѳедька сказывалъ.

— Оттого и щи съ усердіемъ.

— Эхъ вы, дураки! Да не съ нашимъ мѣстомъ выходить-то.

— А вотъ выйти всѣмъ, такъ посмотримъ, какое онъ оправданіе произнесетъ. На томъ и стоять.

— Оправданіе! Онъ тебя по идоламъ[1]), да и былъ таковъ.

— Да еще подъ судъ отдадутъ...

Однимъ словомъ, всѣ волновались. Въ это время, дѣйствительно, у насъ была плохая ѣда. Да ужъ все одно къ одному привалило. А главное — общій тоскливый настрой, всегдашняя затаенная мука. Каторжный сварливъ и подымчивъ уже по природѣ своей; но подымаются всѣ вмѣстѣ или большой кучей рѣдко. Причиной тому всегдашнее разногласіе. Это всякій изъ нихъ самъ чувствовалъ: вотъ почему и было у насъ больше руготни, нежели дѣла. И однакожъ въ этотъ разъ волненіе не прошло даромъ. Начали собираться по кучамъ, толковали по казармамъ, ругались, припоминали со злобой все управленіе нашего майора; вывѣдывали всю подноготную. Особенно волновались нѣкоторые. Во всякомъ подобномъ дѣлѣ всегда являются зачинщики, коноводы. Коноводы въ этихъ случаяхъ, то-есть въ случаяхъ претензій — вообще презамѣчательный народъ, и не въ одномъ острогѣ, а во всѣхъ артеляхъ, командахъ и проч. Это особенный типъ, повсемѣстно между собой схожій. Это народъ горячій, жаждущій справедливости и самымъ наивнымъ, самымъ честнымъ образомъ увѣренный въ ея непремѣнной, непреложной и, главное, немедленной возможности. Народъ этотъ не глупѣе другихъ, даже бываютъ изъ нихъ и очень умные, но они слишкомъ горячи, чтобъ быть

---

[1]) По зубамъ.

хитрыми и расчетливыми. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, если и бываютъ люди, которые умѣютъ ловко направить массу и выиграть дѣло, то ужъ эти составляютъ другой типъ народныхъ вожаковъ и естественныхъ предводителей его, типъ чрезвычайно у насъ рѣдкій. Но эти, про которыхъ я теперь говорю, зачинщики и коноводы претензій, почти всегда проигрываютъ дѣло и населяютъ за это потомъ остроги и каторги. Черезъ горячку свою они проигрываютъ, но черезъ горячку же и вліяніе имѣютъ на массу. За ними, наконецъ, охотно идутъ. Ихъ жаръ и честное негодованіе дѣйствуютъ на всѣхъ и подъ конецъ самые нерѣшительные къ нимъ примыкаютъ. Ихъ слѣпая увѣренность въ успѣхѣ соблазняетъ даже самыхъ закоренѣлыхъ скептиковъ, несмотря на то, что иногда эта увѣренность имѣетъ такія шаткія, младенческія основанія, что дивишься вчужѣ, какъ это за ними пошли. А главное то, что они идутъ первые и идутъ ничего не боясь. Они, какъ быки, бросаются прямо внизъ рогами, часто безъ знанія дѣла, безъ осторожности, безъ того практическаго іезуитизма, съ которымъ нерѣдко даже самый подлый и замаранный человѣкъ выигрываетъ дѣло, достигаетъ цѣли и выходитъ сухъ изъ воды. Они же непремѣнно ломаютъ рога. Въ обыкновенной жизни этотъ народъ желчный, брезгливый, раздражительный и нетерпимый. Чаще же всего ужасно ограниченный, что, впрочемъ, отчасти и составляетъ ихъ силу. Досаднѣе же всего въ нихъ то, что вмѣсто прямой цѣли они часто бросаются вкось, вмѣсто главнаго дѣла на мелочи. Это-то ихъ и губитъ. Но они понятны массамъ; въ этомъ ихъ сила... Впрочемъ, надо сказать еще два слова о томъ: что такое значитъ *претензія*?

Въ нашемъ острогѣ было нѣсколько человѣкъ такихъ, которые пришли за претензію. Они-то и волновались наиболѣе. Особенно одинъ, Мартыновъ, служившій прежде въ гусарахъ, горячій, безпокойный и

подозрительный человѣкъ, впрочемъ, честный и правдивый. Другой былъ Василій Антоновъ, человѣкъ какъ-то хладнокровно раздражавшійся, съ наглымъ взглядомъ, съ высокомѣрной саркастической улыбкой, чрезвычайно развитой, впрочемъ, тоже честный и правдивый. Но всѣхъ не переберешь; много ихъ было. Петровъ, между прочимъ, такъ и сновалъ взадъ и впередъ, прислушивался ко всѣмъ кучкамъ, мало говорилъ, но видимо былъ въ волненіи и первый выскочилъ изъ казармы, когда начали строиться.

Нашъ острожный унтеръ-офицеръ, исправлявшій у насъ должность фельдфебеля, тотчасъ же вышелъ испуганный. Построившись, люди вѣжливо попросили его сказать майору, что каторга желаетъ съ нимъ говорить и лично просить его насчетъ нѣкоторыхъ пунктовъ. Вслѣдъ за унтеръ-офицеромъ вышли всѣ инвалиды и построились съ другой стороны, напротивъ каторги. Порученіе, данное унтеръ-офицеру, было чрезвычайное и повергло его въ ужасъ. Но не доложить немедленно майору онъ не смѣлъ. Во-первыхъ, ужъ, если поднялась каторга, то могло выйти и что-нибудь хуже. Все начальство наше насчетъ каторги было какъ-то усиленно-трусливо. Во-вторыхъ, если бъ даже и ничего не было, такъ что всѣ бы тотчасъ же одумались и разошлись, то и тогда бы унтеръ-офицеръ немедленно долженъ былъ доложить о всемъ происходившемъ начальству. Блѣдный и дрожащій отъ страха отправился онъ поспѣшно къ майору, даже и не пробуя самъ опрашивать и увѣщавать арестантовъ. Онъ видѣлъ, что съ нимъ теперь и говорить-то не станутъ.

Совершенно не зная ничего, и я вышелъ строиться. Всѣ подробности дѣла я узналъ уже потомъ. Теперь же, я думалъ, происходитъ какая-нибудь повѣрка; но не видя караульныхъ, которые производятъ повѣрку, удивился и сталъ осматриваться кругомъ. Лица были взволнованныя и раздраженныя. Иные были даже

блѣдны. Всѣ вообще были озабочены и молчаливы въ ожиданіи того, какъ-то придется заговорить передъ майоромъ. Я замѣтилъ, что многіе посмотрѣли на меня съ чрезвычайнымъ удивленіемъ, но молча отворотились. Имъ было видимо странно, что я съ ними построился. Они, очевидно, не вѣрили, чтобъ и я тоже показывалъ претензію. Вскорѣ, однакожъ, почти всѣ бывшіе кругомъ меня стали снова обращаться ко мнѣ. Всѣ глядѣли на меня вопросительно.

— Ты здѣсь зачѣмъ? — грубо и громко спросилъ меня Василій Антоновъ, стоявшій отъ меня подальше другихъ и до сихъ поръ всегда говорившій мнѣ *вы* и обращавшійся со мной вѣжливо.

Я посмотрѣлъ на него въ недоумѣніи, все еще стараясь понять, что̀ это значитъ и уже догадываясь, что происходитъ что-то необыкновенное.

— Въ самомъ дѣлѣ, что тебѣ здѣсь стоять? Ступай въ казарму, — проговорилъ одинъ молодой парень, изъ военныхъ, съ которымъ я до сихъ поръ вовсе былъ не знакомъ, малый добрый и тихій. — Не твоего ума это дѣло.

— Да вѣдь строятся, — отвѣчалъ я ему: — я думалъ, повѣрка.

— Ишь, тоже выползъ, — крикнулъ одинъ.

— Желѣзный носъ, — проговорилъ другой.

— Муходавы! — проговорилъ третій, съ невыразимымъ презрѣніемъ. Это новое прозвище вызвало всеобщій хохотъ.

— При милости на кухнѣ состоитъ, — прибавилъ еще кто-то.

— Имъ вездѣ рай. Тутъ каторга, а они калачи ѣдятъ да поросятъ покупаютъ. Ты вѣдь собственное ѣшь; чего жъ сюда лѣзешь?

— Здѣсь вамъ не мѣсто, — проговорилъ Куликовъ, развязно подходя ко мнѣ; онъ взялъ меня за руку и вывелъ изъ рядовъ.

Самъ онъ былъ блѣденъ, черные глаза его сверкали и нижняя губа была закусана. Онъ не хладнокровно ожидалъ майора. Кстати: я ужасно любилъ смотрѣть на Куликова во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, то-есть во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда требовалось ему показать себя.

Онъ рисовался ужасно, но и дѣло дѣлалъ. Мнѣ кажется, онъ и на казнь бы пошелъ съ нѣкоторымъ шикомъ, щеголеватостью. Теперь, когда всѣ говорили мнѣ *ты* и ругали меня, онъ видимо нарочно удвоилъ свою вѣжливость со мною, а вмѣстѣ съ тѣмъ слова его были какъ-то особенно, даже высокомѣрно настойчивы, не терпѣвшія никакого возраженія.

— Мы здѣсь про свое, Александръ Петровичъ, а вамъ здѣсь нечего дѣлать. Ступайте куда-нибудь, переждите... Вонъ ваши всѣ на кухнѣ, идите туда.

— Подъ девятую сваю, гдѣ Антипка безпятый живетъ! — подхватилъ кто-то.

Сквозь приподнятое окно въ кухнѣ я, дѣйствительно, разглядѣлъ нашихъ поляковъ; впрочемъ, мнѣ показалось, что тамъ кромѣ ихъ много народу. Озадаченный, я пошелъ на кухню. Смѣхъ, ругательства и тюканье (замѣнявшее у каторжныхъ свистки) раздались мнѣ вслѣдъ.

— Не понравились!.. Тю-тю-тю! Бери его...

Никогда еще я не былъ до сихъ поръ такъ оскорбленъ въ острогѣ, и въ этотъ разъ мнѣ было очень тяжело. Но я попалъ въ такую минуту. Въ сѣняхъ въ кухнѣ мнѣ встрѣтился Т—скій, изъ дворянъ, твердый и великодушный молодой человѣкъ, безъ большого образованія и любившій ужасно Б. Его изъ всѣхъ другихъ различали каторжные и даже отчасти любили. Онъ былъ храбъ, мужественъ и силенъ, и это какъ-то выказывалось въ каждомъ жестѣ его.

— Что вы, Горячниковъ, — закричалъ онъ мнѣ: — идите сюда!

— Да что тамъ такое?

— Они претензію показываютъ, развѣ вы не знаете? Имъ, разумѣется, не удастся: кто повѣритъ каторжнымъ? Станутъ разыскивать зачинщиковъ, и если мы тамъ будемъ, разумѣется, на насъ первыхъ свалятъ обвиненіе въ бунтѣ. Вспомните, за что мы пришли сюда. Ихъ просто высѣкутъ, а насъ подъ судъ. Майоръ насъ всѣхъ ненавидитъ и радъ погубить. Онъ нами самъ оправдается.

— Да и каторжные выдадутъ насъ головою, — прибавилъ М—цкій, когда мы вошли въ кухню.

— Не безпокойтесь, не пожалѣютъ! — подхватилъ Т—вскій.

Въ кухнѣ, кромѣ дворянъ, было еще много народу, всего человѣкъ тридцать. Всѣ они остались, не желая показывать претензію, — одни изъ трусости, другіе по рѣшительному убѣжденію въ полной безполезности всякой претензіи. Былъ тутъ и Акимъ Акимычъ, закоренѣлый и естественный врагъ подобныхъ претензій, мѣшающихъ правильному теченію службы и благонравію. Онъ молча и чрезвычайно спокойно выжидалъ окончанія дѣла, нимало не тревожась его исходомъ, напротивъ, совершенно увѣренный въ неминуемомъ торжествѣ порядка и воли начальства. Былъ тутъ и Исай Ѳомичъ, стоявшій въ чрезвычайномъ недоумѣніи, повѣсивъ носъ, жадно и трусливо прислушиваясь къ нашему говору. Онъ былъ въ большомъ безпокойствѣ. Были тутъ всѣ острожные полячки изъ простыхъ, примкнувшіе тоже къ дворянамъ. Было нѣсколько робкихъ личностей изъ русскихъ, народу всегда молчаливаго и забитаго. Выйти съ прочими они не осмѣлились и съ грустью ожидали, чѣмъ кончится дѣло. Было, наконецъ, нѣсколько угрюмыхъ и всегда суровыхъ арестантовъ, народу неробкаго. Они остались по упрямому и брезгливому убѣжденію, что все это вздоръ и ничего кромѣ худого изъ этого дѣла не

будетъ. Но мнѣ кажется, что они все-таки чувствовали себя теперь какъ-то неловко, смотрѣли не совсѣмъ самоувѣренно. Они хоть и понимали, что совершенно правы насчетъ претензіи, что и подтвердилось впослѣдствіи, но все-таки сознавали себя какъ бы отщепенцами, оставившими артель, точно выдали товарищей плацъ-майору. Очутился тутъ и Елкинъ, тотъ самый хитрый мужичокъ-сибирякъ, пришедшій за фальшивую монету и отбившій ветеринарную практику у Куликова. Старичокъ изъ Стародубовскихъ слободъ былъ тоже тутъ. Стряпки рѣшительно всѣ до единаго остались на кухнѣ, вѣроятно, по убѣжденію, что они тоже составляютъ часть администраціи, а слѣдственно и неприлично имъ выходить противъ нея.

— Однако, — началъ я, нерѣшительно обращаясь къ М—му, — кромѣ этихъ почти всѣ вышли.

— Да намъ-то что? — проворчалъ Б.

— Мы во сто разъ больше ихъ рисковали бы, если бъ вышли, а для чего? Je hais ces brigands. И неужели вы думаете хоть одну минуту, что ихъ претензія состоится? Что за охота соваться въ нелѣпость?

— Ничего изъ этого не будетъ, — подхватилъ одинъ изъ каторжныхъ, упрямый и озлобленный старикъ. Алмазовъ, бывшій тутъ же, поспѣшилъ поддакнуть ему въ отвѣтъ.

— Окромя того, что пересѣкутъ съ полсотни, — ничего изъ этого не будетъ.

— Майоръ пріѣхалъ! — крикнулъ кто-то, и всѣ жадно бросились къ окошкамъ.

Майоръ влетѣлъ злой, взбѣсившійся, красный, въ очкахъ. Молча, но рѣшительно подошелъ онъ къ фронту. Въ этихъ случаяхъ онъ дѣйствительно былъ смѣлъ и не терялъ присутствія духа. Впрочемъ, онъ почти всегда былъ вполпьяна. Даже его засаленная фуражка

съ оранжевымъ околышемъ и грязные серебряные эполеты имѣли въ эту минуту что-то зловѣщее. За нимъ шелъ писарь Дятловъ, чрезвычайно важная особа въ нашемъ острогѣ, въ сущности управлявшій всѣмъ въ острогѣ и даже имѣвшій вліяніе на майора, малый хитрый, очень себѣ на умѣ, но и не дурной человѣкъ. Арестанты были имъ довольны. Вслѣдъ за нимъ шелъ нашъ унтеръ-офицеръ, очевидно уже успѣвшій получить страшнѣйшую распеканцію и ожидавшій еще вдесятеро больше; за нимъ конвойные, три или четыре человѣка, не болѣе. Арестанты, которые стояли безъ фуражекъ, кажется, еще съ того самаго времени, какъ послали за майоромъ, теперь всѣ выпрямились, подправились: каждый изъ нихъ переступилъ съ ноги на ногу, а затѣмъ всѣ такъ и замерли на мѣстѣ, ожидая перваго слова или, лучше сказать, перваго крика высшаго начальства.

Онъ немедленно послѣдовалъ; со второго слова майоръ заоралъ во все горло, даже съ какимъ-то визгомъ на этотъ разъ: очень уже онъ былъ разбѣшенъ. Изъ оконъ намъ видно было, какъ онъ бѣгалъ по фронту, бросался, допрашивалъ. Впрочемъ, вопросовъ его, равно какъ и арестантскихъ отвѣтовъ, намъ за дальностью мѣста не было слышно. Только и разслышали мы, какъ онъ визгливо кричалъ:

— Бунтовщики!.. Сквозь строй... Зачинщики! Ты зачинщикъ! Ты зачинщикъ! — накинулся онъ на кого-то.

Отвѣта не было слышно. Но, черезъ минуту, мы увидѣли, какъ арестантъ отдѣлился и отправился въ кордегардію. Еще черезъ минуту отправился вслѣдъ за нимъ другой, потомъ третій.

— Всѣхъ подъ судъ? Я васъ! Это кто тамъ на кухнѣ? — взвизгнулъ онъ, увидя насъ въ отворенныя окошки. — Всѣхъ сюда! Гнать ихъ сейчасъ сюда!

Писарь Дятловъ отправился къ намъ на кухню.

Въ кухнѣ сказали ему, что не имѣютъ претензій. Онъ немедленно воротился и доложилъ майору.

— А, не имѣютъ! — проговорилъ онъ двумя тонами ниже, видимо обрадованный. — Все равно, всѣхъ сюда!

Мы вышли. Я чувствовалъ, что какъ-то совѣстно намъ выходить. Да и всѣ шли, точно понуривъ голову.

— А, Прокофьевъ! Елкинъ тоже, это ты, Алмазовъ... Становитесь, становитесь сюда, въ кучку, — говорилъ намъ майоръ какимъ-то уторопленнымъ, но мягкимъ голосомъ, ласково на насъ поглядывая. — М—кій, ты тоже здѣсь... вотъ и переписать. Дятловъ! Сейчасъ же переписать всѣхъ, довольныхъ особо и всѣхъ недовольныхъ особо, всѣхъ до единаго, и бумагу ко мнѣ. Я всѣхъ васъ представлю... подъ судъ! Я васъ, мошенники!

Бумага подѣйствовала.

— Мы довольны! — угрюмо крикнулъ вдругъ одинъ голосъ изъ толпы недовольныхъ, но какъ-то не очень рѣшительно.

— А, довольны! Кто доволенъ? Кто доволенъ, тотъ выходи.

— Довольны, довольны! — прибавилось нѣсколько голосовъ.

— Довольны! Значитъ васъ смущали? Значитъ были зачинщики, бунтовщики? Тѣмъ хуже для нихъ!

— Господи, что жъ это такое! — раздался чей-то голосъ въ толпѣ.

— Кто, кто это крикнулъ, кто? — заревѣлъ майоръ, бросаясь въ ту сторону, откуда послышался голосъ. — Это ты, Расторгуевъ, ты крикнулъ? Въ кордегардію!

Расторгуевъ, одутловатый и высокій молодой парень, вышелъ и медленно отправился въ кордегардію.

Крикнулъ вовсе не онъ, но такъ какъ на него указали, то онъ и не противорѣчилъ.

— Съ жиру бѣситесь! — завопилъ ему вслѣдъ майоръ. — Ишь толстая рожа, въ три дня не...! Вотъ я васъ всѣхъ разыщу! Выходите довольные!

— Довольны, ваше высокоблагородіе! — мрачно раздалось нѣсколько десятковъ голосовъ; остальные упорно молчали. Но майору только того и надо было. Ему, очевидно, самому было выгодно кончить скорѣе дѣло, и какъ-нибудь кончить согласіемъ.

— А, теперь *всѣ* довольны! — проговорилъ онъ торопясь. — Я это и видѣлъ... зналъ. Это зачинщики! Между ними, очевидно, есть зачинщики! — продолжалъ онъ, обращаясь къ Дятлову: — это надо подробнѣе разыскать. А теперь... теперь на работу время. Бей въ барабанъ!

Онъ самъ присутствовалъ на разводкѣ. Арестанты молча и грустно расходились по работамъ, довольные, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что поскорѣй съ глазъ долой уходили. Но послѣ разводки майоръ немедленно навѣдался въ кордегардію и распорядился съ «зачинщиками», впрочемъ, не очень жестоко. Даже спѣшилъ. Одинъ изъ нихъ, говорили потомъ, попросилъ прощенія, и онъ тотчасъ простилъ его. Видно было, что майоръ отчасти не въ своей тарелкѣ и даже, можетъ быть, струхнулъ. Претензія во всякомъ случаѣ вещь щекотливая, и хотя жалоба арестантовъ въ сущности и не могла назваться претензіей, потому что показывали ее не высшему начальству, а самому же майору, но все-таки было какъ-то неловко, нехорошо. Особенно смущало, что всѣ поголовно возстали. Слѣдовало затушить дѣло во что бы то ни стало. «Зачинщиковъ» скоро выпустили. Назавтра же пища улучшилась, хотя, впрочемъ, ненадолго. Майоръ въ первые дни сталъ чаще навѣщать острогъ и чаще находилъ безпорядки. Нашъ унтеръ-офицеръ ходилъ озабоченный и сбившій-

ся съ толку, какъ будто все еще не могъ придти въ себя отъ удивленія. Что же касается арестантовъ, то долго еще послѣ этого они не могли успокоиться, но уже не волновались попрежнему, а были молча растревожены, озадачены какъ-то. Иные даже повѣсили голову. Другіе ворчливо, хоть и несловоохотливо отзывались о всемъ этомъ дѣлѣ. Многіе какъ-то озлобленно и вслухъ подсмѣивались сами надъ собою, точно казня себя за претензію.

— Натко, братъ, возьми, закуси! — говоритъ, бывало, одинъ.

— Чему смѣешься, тому и поработаешь! — прибавляетъ другой.

— Гдѣ та мышь, что коту звонокъ привѣсила? — замѣчаетъ третій.

— Нашего брата безъ дубины не увѣришь, извѣстно. Хорошо еще, что не всѣхъ высѣкъ.

— А ты впередъ больше знай, да меньше болтай, крѣпче будетъ! — озлобленно замѣчаетъ кто-нибудь.

— Да ты что учишь-то, учитель?

— Знамо дѣло учу.

— Да ты кто таковъ выскочилъ?

— Да я-то, покамѣстъ, еще человѣкъ, а ты-то кто?

— Огрызокъ собачій, вотъ ты кто.

— Это ты самъ.

— Ну, ну, довольно вамъ! Чего загалдѣли! — кричатъ со всѣхъ сторонъ на спорящихъ...

Въ тотъ же вечеръ, то-есть въ самый день претензіи, возвратясь съ работы, я встрѣтился за казармами съ Петровымъ. Онъ меня ужъ искалъ. Подойдя ко мнѣ, онъ что-то пробормоталъ, что-то въ родѣ двухъ, трехъ неопредѣленныхъ восклицаній, но вскорѣ разсѣянно замолчалъ и машинально пошелъ со мной рядомъ. Все это дѣло еще больно лежало у меня на серд-

цѣ, и мнѣ показалось, что Петровъ мнѣ кое-что разъяснитъ.

— Скажите, Петровъ, — спросилъ я его: — ваши на насъ не сердятся?

— Кто сердится? — спросилъ онъ, какъ бы очнувшись.

— Арестанты на насъ... на дворянъ.

— А за что на васъ сердиться?

— Ну, да за то, что мы не вышли на претензію.

— Да вамъ зачѣмъ показывать претензію? — спросилъ онъ какъ бы стараясь понять меня: — вѣдь вы свое кушаете.

— Ахъ, Боже мой! Да вѣдь и изъ вашихъ есть, что свое ѣдятъ, а вышли же. Ну, и намъ надо было... изъ товарищества.

— Да... да какой же вы намъ товарищъ? — спросилъ онъ съ недоумѣніемъ.

Я поскорѣе взглянулъ на него: онъ рѣшительно не понималъ меня, не понималъ, чего я добиваюсь. Но зато я понялъ его въ это мгновеніе совершенно. Въ первый разъ теперь одна мысль, уже давно неясно во мнѣ шевелившаяся и меня преслѣдовавшая, разъяснилась мнѣ окончательно, и я вдругъ понялъ то, о чемъ до сихъ поръ плохо догадывался. Я понялъ, что меня никогда не примутъ въ товарищество, будь я раз-арестантъ, хоть на вѣки вѣчные, хоть особаго отдѣленія. Но особенно остался мнѣ въ памяти видъ Петрова въ эту минуту. Въ его вопросѣ: «какой же вы намъ товарищъ?» слышалась такая неподдѣльная наивность, такое простодушное недоумѣніе. Я думалъ: нѣтъ ли въ этихъ словахъ какой-нибудь ироніи, злобы, насмѣшки? Ничего не бывало: просто не товарищъ, да и только. Ты иди своей дорогой, а мы своей; у тебя свои дѣла, а у насъ свои.

И дѣйствительно, я было думалъ, что послѣ пре-

тензіи они просто загрызутъ насъ и намъ житья не будетъ. Ничуть не бывало: ни малѣйшаго упрека, ни малѣйшаго намека на упрекъ мы не слыхали, никакой особенной злобы не прибавилось. Просто пилили насъ понемногу при случаѣ, какъ и прежде пилили, и больше ничего. Впрочемъ, не сердились тоже нимало и на всѣхъ тѣхъ, которые не хотѣли показывать претензію и оставались на кухнѣ, равно какъ и на тѣхъ, которые изъ первыхъ крикнули, что всѣмъ довольны. Даже и не помянулъ объ этомъ никто. Особенно послѣдняго я не могъ понять.

VIII

Товарищи

Меня, конечно, болѣе тянуло къ своимъ, то-есть къ «дворянамъ», особенно въ первое время. Но изъ троихъ бывшихъ русскихъ дворянъ, находившихся у насъ въ острогѣ (Акимъ Акимыча, шпіона А—ва и того, котораго у насъ считали отцеубійцею), я знался и говорилъ только съ Акимомъ Акимычемъ. Признаться, я подходилъ къ Акиму Акимычу, такъ сказать, съ отчаянія, въ минуты самой сильной скуки и когда уже ни къ кому кромѣ него подойти не предвидѣлось. Въ прошлой главѣ я было попробовалъ разсортировать всѣхъ нашихъ людей на разряды, но теперь, какъ припомнилъ Акима Акимыча, то думаю, что можно еще прибавить одинъ разрядъ. Правда, что онъ одинъ его и составлялъ. Это — разрядъ совершенно равнодушныхъ каторжныхъ. Совершенно равнодушныхъ, то-есть такихъ, которымъ было бы все равно жить, что на волѣ, что въ каторгѣ, у насъ, разумѣется, не было и быть не могло, но Акимъ Акимычъ, кажется, составлялъ исключеніе. Онъ даже и устроился въ острогѣ такъ, какъ будто всю жизнь собирался прожить въ немъ: все вокругъ него, начиная съ тюфяка, подушекъ, утвари,

расположилось такъ плотно, такъ устойчиво, такъ надолго. Бивачнаго, временнаго не замѣчалось въ немъ и слѣда. Пробыть въ острогѣ оставалось ему еще много лѣтъ, но врядъ ли онъ хоть когда-нибудь подумалъ о выходѣ. Но если онъ и примирился съ дѣйствительностью, то, разумѣется, не по сердцу, а развѣ по субординаціи, что, впрочемъ, для него было одно и то же. Онъ былъ добрый человѣкъ и даже помогалъ мнѣ вначалѣ совѣтами и кой-какими услугами, но иногда, каюсь, невольно онъ нагонялъ на меня, особенно въ первое время, тоску безпримѣрную, еще болѣе усилившую и безъ того уже тоскливое расположеніе мое. А я отъ тоски-то и заговаривалъ съ нимъ. Жаждешь, бывало, хоть какого-нибудь живого слова, хоть желчнаго, хоть нетерпѣливаго, хоть злобы какой-нибудь: мы бы ужъ хоть позлились на судьбу нашу вмѣстѣ; а онъ молчитъ, клеитъ свои фонарики, или разскажетъ о томъ, какой у нихъ смотръ былъ въ такомъ-то году, и кто былъ начальникъ дивизіи, и какъ его звали по имени и отчеству, и доволенъ былъ онъ смотромъ или нѣтъ, и какъ застрѣльщикамъ сигналы были измѣнены и проч. И все такимъ ровнымъ, такимъ чиннымъ голосомъ, точно вода капаетъ по каплѣ. Онъ даже почти совсѣмъ не воодушевлялся, когда разсказывалъ мнѣ, что за участіе въ какомъ-то дѣлѣ на Кавказѣ удостоился получить «святыя Анны» на шпагу. Только голосъ его становился въ эту минуту какъ-то необыкновенно важенъ и солиденъ; онъ немного понижалъ его даже до какой-то таинственности, когда произносилъ «святыя Анны», и послѣ этого минуты на три становился какъ-то особенно молчаливъ и солиденъ... Въ этотъ первый годъ у меня бывали глупыя минуты, когда я (и всегда какъ-то вдругъ) начиналъ почти ненавидѣть Акима Акимыча, неизвѣстно за что, и молча проклиналъ судьбу свою за то, что она помѣстила меня съ нимъ на нарахъ голова съ головою. Обыкновенно черезъ часъ я уже

укорялъ себя за это. Но это было только въ первый годъ; впослѣдствіи я совершенно примирился въ душѣ съ Акимомъ Акимычемъ и стыдился моихъ прежнихъ глупостей. Наружно же мы, помнится, съ нимъ никогда не ссорились.

Кромѣ этихъ троихъ русскихъ, другихъ въ мое время перебывало у насъ восемь человѣкъ. Съ нѣкоторыми изъ нихъ я сходился довольно коротко и даже съ удовольствіемъ, но не со всѣми. Лучшіе изъ нихъ были какіе-то болѣзненные, исключительные и нетерпимые въ высшей степени. Съ двумя изъ нихъ я впослѣдствіи просто пересталъ говорить. Образованныхъ изъ нихъ было только трое: Б—скій, М—кій и старикъ Ж—кій, бывшій прежде гдѣ-то профессоромъ математики, — старикъ добрый, хорошій, большой чудакъ и, несмотря на образованіе, кажется, крайне ограниченный человѣкъ. Совсѣмъ другіе были М—кій и Б—кій. Съ М—кимъ я хорошо сошелся съ перваго раза; никогда съ нимъ не ссорился, уважалъ его, но полюбить его, привязаться къ нему я никогда не могъ. Это былъ глубоко недовѣрчивый и озлобленный человѣкъ, но умѣвшій удивительно хорошо владѣть собой. Вотъ это-то слишкомъ большое умѣнье и не нравилось въ немъ: какъ-то чувствовалось, что онъ никогда и ни передъ кѣмъ не развернетъ всей души своей. Впрочемъ, можетъ быть, я и ошибаюсь. Это была натура сильная и въ высшей степени благородная. Чрезвычайная, даже нѣсколько іезуитская ловкость и осторожность его въ обхожденіи съ людьми выказывала его затаенный, глубокій скептицизмъ. А между тѣмъ это была душа, страдающая именно этой двойственностью: скептицизма и глубокаго, ничѣмъ непоколебимаго вѣрованія въ нѣкоторыя свои особыя убѣжденія и надежды. Несмотря однакоже на всю житейскую ловкость свою, онъ былъ въ непримиримой враждѣ съ Б—мъ и съ другомъ его Т—скимъ. Б—кій былъ больной,

нѣсколько наклонный къ чахоткѣ человѣкъ раздражительный и нервный, но въ сущности предобрый и даже великодушный. Раздражительность его доходила иногда до чрезвычайной нетерпимости и капризовъ. Я не вынесъ этого характера и впослѣдствіи разошелся съ Б—мъ, но зато никогда не переставалъ любить его; а съ М—мъ и не ссорился, но никогда его не любилъ. Разойдясь съ Б—мъ, такъ случилось, что я тотчасъ же долженъ былъ разойтись и съ Т—скимъ, тѣмъ самымъ молодымъ человѣкомъ, о которомъ я упоминалъ въ предыдущей главѣ, разсказывая о нашей претензіи. Это было мнѣ очень жаль. Т—скій былъ хоть и не образованный человѣкъ, но добрый, мужественный, славный молодой человѣкъ, однимъ словомъ. Все дѣло было въ томъ, что онъ до того любилъ и уважалъ Б—го, до того благоговѣлъ передъ нимъ, что тѣхъ, которые чуть-чуть расходились съ Б—мъ, считалъ тотчасъ же почти своими врагами. Онъ и съ М—мъ, кажется, разошелся впослѣдствіи за Б—го, хотя долго крѣпился. Впрочемъ, всѣ они были больные нравственно, желчные, раздражительные, недовѣрчивые. Это понятно: имъ было очень тяжело, гораздо тяжелѣе, чѣмъ намъ. Были они далеко отъ своей родины. Нѣкоторые изъ нихъ были присланы на долгіе сроки, на десять, на двѣнадцать лѣтъ, а главное, они съ глубокимъ предубѣжденіемъ смотрѣли на всѣхъ окружающихъ, видѣли въ каторжныхъ одно только звѣрство и не могли, даже не хотѣли, разглядѣть въ нихъ ни одной доброй черты, ничего человѣческаго, и, что тоже очень было понятно: на эту несчастную точку зрѣнія они были поставлены силою обстоятельствъ, судьбой. Ясное дѣло, что тоска душила ихъ въ острогѣ. Съ черкесами, съ татарами, съ Исаемъ Ѳомичомъ они были ласковы и привѣтливы, но съ отвращеніемъ избѣгали всѣхъ остальныхъ каторжныхъ. Только одинъ стародубскій старовѣръ заслужилъ ихъ полное уваженіе. Замѣча-

тельно, впрочемъ, что никто изъ каторжныхъ, въ продолженіе всего времени, какъ я былъ въ острогѣ, не упрекнулъ ихъ ни въ происхожденіи, ни въ вѣрѣ ихъ, ни въ образѣ мыслей, что встрѣчается въ нашемъ простонародьи относительно иностранцевъ, преимущественно нѣмцевъ, хотя, впрочемъ, и очень рѣдко. Впрочемъ, надъ нѣмцами только развѣ смѣются; нѣмецъ представляетъ собою что-то глубоко комическое для русскаго простонародья. Съ нашими же каторжные обращались даже уважительно, гораздо болѣе, чѣмъ съ нами, русскими, и нисколько не *трогали* ихъ. Но тѣ, кажется, никогда этого не хотѣли замѣтить и взять въ соображеніе. Я заговорилъ о Т—скомъ. Это онъ, когда ихъ переводили изъ мѣста первой ихъ ссылки въ нашу крѣпость, несъ Б—го на рукахъ въ продолженіе чуть не всей дороги, когда тотъ, слабый здоровьемъ и сложеніемъ, уставалъ почти съ полъэтапа. Они присланы были прежде въ У—горскъ. Тамъ, разсказывали они, было имъ хорошо, то-есть гораздо лучше, чѣмъ въ нашей крѣпости. Но у нихъ завелась какая-то, совершенно впрочемъ невинная, переписка съ другими ссыльными изъ другого города, и за это ихъ троихъ нашли нужнымъ перевести въ нашу крѣпость, ближе на глаза къ нашему высшему начальству. Третій товарищъ ихъ былъ Ж—кій. До ихъ прибытія М—кій былъ въ острогѣ одинъ. То-то онъ долженъ былъ тосковать въ первый годъ своей ссылки!

Этотъ Ж—кій былъ тотъ самый вѣчно молившійся Богу старикъ, о которомъ я уже упоминалъ. Всѣ наши политическіе преступники были народъ молодой, нѣкоторые даже очень; одинъ Ж—кій былъ лѣтъ уже слишкомъ пятидесяти. Это былъ человѣкъ, конечно, честный, но нѣсколько странный. Товарищи его Б—кій и Т—кій очень не любили, даже не говорили съ нимъ, отзываясь объ немъ, что онъ упрямъ и вздоренъ. Не знаю, насколько они были въ этомъ случаѣ правы.

Въ острогѣ, какъ и во всякомъ такомъ мѣстѣ, гдѣ люди сбираются въ кучки не волею, а насильно, мнѣ кажется, скорѣе можно поссориться и даже возненавидѣть другъ друга, чѣмъ на волѣ. Много обстоятельствъ тому способствуетъ. Впрочемъ, Ж—кій былъ дѣйствительно человѣкъ довольно тупой и, можетъ быть, непріятный. Всѣ остальные его товарищи были тоже съ нимъ не въ ладу. Я съ нимъ хоть и никогда не ссорился, но особенно не сходился. Свой предметъ, математику, онъ, кажется, зналъ. Помню, онъ все мнѣ силился растолковать на своемъ полурусскомъ языкѣ какую-то особенную, имъ самимъ выдуманную астрономическую систему. Мнѣ говорили, что онъ это когда-то напечаталъ, но надъ нимъ въ ученомъ мірѣ только посмѣялись. Мнѣ кажется, онъ былъ нѣсколько поврежденъ разсудкомъ. По цѣлымъ днямъ онъ молился на колѣняхъ Богу, чѣмъ снискалъ общее уваженіе каторги и пользовался имъ до самой смерти своей. Онъ умеръ въ нашемъ госпиталѣ послѣ тяжкой болѣзни, на моихъ глазахъ. Впрочемъ, уваженіе каторжныхъ онъ пріобрѣлъ съ самаго перваго шагу въ острогъ послѣ своей исторіи съ нашимъ майоромъ. Въ дорогѣ отъ У—горска до нашей крѣпости ихъ не брили и они обросли бородами, такъ что когда ихъ прямо привели къ плацъ-майору, то онъ пришелъ въ бѣшеное негодованіе на такое нарушеніе субординаціи, въ чемъ, впрочемъ, они вовсе не были виноваты.

— Въ какомъ они видѣ! — заревѣлъ онъ — это бродяги, разбойники!

Ж—кій, тогда еще плохо понимавшій по-русски и подумавшій, что ихъ спрашиваютъ: кто они такіе? бродяги или разбойники? отвѣчалъ:

— Мы не бродяги, а политическіе преступники.

— Ка-а-акъ! Ты грубить? Грубить! — заревѣлъ майоръ: — въ кордегардію! Сто розогъ. сей же часъ, сію же минуту!

Старика наказали. Онъ легъ подъ розги безпрекословно, закусилъ себѣ зубами руку и вытерпѣлъ наказаніе безъ малѣйшаго крика или стона, не шевелясь. Б—кій и Т—скій тѣмъ временемъ уже вошли въ острогъ, гдѣ М—кій уже поджидалъ ихъ у воротъ и прямо бросился имъ на шею, хотя до сихъ поръ никогда ихъ и не видывалъ. Взволнованные отъ майорскаго пріема, они разсказали ему все о Ж—комъ. Помню, какъ М—кій мнѣ разсказывалъ объ этомъ: «Я былъ внѣ себя, — говорилъ онъ: — я не понималъ, что со мною дѣлается, и дрожалъ, какъ въ ознобѣ. Я ждалъ Ж—го у воротъ. Онъ долженъ былъ придти прямо изъ кордегардіи, гдѣ его наказывали. Вдругъ отворилась калитка: Ж—кій, не глядя ни на кого, съ блѣднымъ лицомъ и съ дрожавшими блѣдными губами, прошелъ между собравшихся на дворѣ каторжныхъ, уже узнавшихъ, что наказываютъ дворянина, вошелъ въ казарму, прямо къ своему мѣсту, и, ни слова не говоря, сталъ на колѣни и началъ молиться Богу. Каторжные были поражены и даже растроганы. «Какъ увидалъ я этого старика, — говорилъ М—кій, — сѣдого, оставившаго у себя на родинѣ жену, дѣтей, какъ увидалъ я его на колѣняхъ, позорно наказаннаго и молящагося, — я бросился за казармы и цѣлыхъ два часа былъ какъ безъ памяти; я былъ въ изступленіи...» Каторжные стали очень уважать Ж—го съ этихъ поръ и обходились съ нимъ всегда почтительно. Имъ особенно понравилось, что онъ не кричалъ подъ розгами.

Надобно, однакожъ, сказать всю правду; по этому примѣру отнюдь нельзя судить объ обращеніи начальства въ Сибири съ ссыльными изъ дворянъ, кто бы они ни были эти ссыльные, русскіе или поляки. Этотъ примѣръ только показываетъ, что можно нарваться на лихого человѣка и, конечно, будь этотъ лихой человѣкъ гдѣ-нибудь отдѣльнымъ и старшимъ

командиромъ, то участь ссыльнаго, въ случаѣ если бъ его особенно не взлюбилъ этотъ лихой командиръ, была бы очень плохо обезпечена. Но нельзя не признаться, что самое высшее начальство въ Сибири, отъ котораго зависитъ тонъ и настрой всѣхъ прочихъ командировъ, насчетъ ссыльныхъ дворянъ очень разборчиво и даже въ иныхъ случаяхъ норовитъ дать имъ поблажку въ сравненіи съ остальными каторжными, изъ простонародія. Причины тому ясныя: эти высшіе начальники, во-первыхъ, сами дворяне, во-вторыхъ, случалось еще прежде, что нѣкоторые изъ дворянъ не ложились подъ розги и бросались на исполнителей, отчего происходили ужасы; а въ-третьихъ, еще лѣтъ тридцать пять тому назадъ, въ Сибирь явилась вдругъ разомъ, большая масса ссыльныхъ дворянъ, и эти-то ссыльные, въ продолженіе тридцати лѣтъ, умѣли поставить и зарекомендовать себя такъ по всей Сибири, что начальство уже по старинной преемственной привычкѣ, поневолѣ глядѣло въ мое время на дворянъ-преступниковъ извѣстнаго разряда иными глазами, чѣмъ на всѣхъ другихъ ссыльныхъ. Вслѣдъ за высшимъ начальствомъ привыкли глядѣть такими же глазами и низшіе командиры, разумѣется, заимствуя этотъ взглядъ и тонъ свыше, повинуясь, подчиняясь ему. Впрочемъ, многіе изъ этихъ низшихъ командировъ глядѣли тупо, критиковали про себя высшія распоряженія и очень, очень рады бы были, если бъ имъ только не мѣшали распорядиться по-своему. Но имъ не совсѣмъ это позволяли. Я имѣю твердое основаніе такъ думать, и вотъ почему. Второй разрядъ каторги, въ которомъ я находился и состоявшій изъ крѣпостныхъ арестантовъ, подъ военнымъ начальствомъ, былъ несравненно тяжеле остальныхъ двухъ разрядовъ, то-есть третьяго (заводскаго) и перваго (въ рудникахъ). Тяжеле онъ былъ не только для дворянъ, но и для всѣхъ арестантовъ, именно потому, что начальство и устройство этого разряда —

все военное, очень похожее на арестантскія роты въ Россіи. Военное начальство строже, порядки тѣснѣе, всегда въ цѣпяхъ, всегда подъ конвоемъ, всегда подъ замкомъ; а этого нѣтъ въ такой силѣ въ первыхъ двухъ разрядахъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорили всѣ наши арестанты, а между ними были знатоки дѣла. Они всѣ съ радостью пошли бы въ первый разрядъ, считающійся въ законахъ тягчайшимъ, и даже много разъ мечтали объ этомъ. Объ арестантскихъ же ротахъ въ Россіи всѣ наши, которые были тамъ, говорили съ ужасомъ и увѣряли, что во всей Россіи нѣтъ тяжеле мѣста, какъ арестантскія роты по крѣпостямъ, и что въ Сибири рай сравнительно съ тамошней жизнью. Слѣдственно, если при такомъ строгомъ содержаніи, какъ въ нашемъ острогѣ, при военномъ начальствѣ, на глазахъ самого генералъ-губернатора и, наконецъ, въ виду такихъ случаевъ (иногда бывавшихъ), что нѣкоторые посторонніе, но офиціозные люди, по злобѣ или по ревности къ службѣ, готовы были тайкомъ донести куда слѣдуетъ, что такого-то, дескать, разряда преступникамъ такіе-то неблагонамѣренные командиры даютъ поблажку, — если въ такомъ мѣстѣ, говорю я, на преступниковъ-дворянъ смотрѣли нѣсколько другими глазами, чѣмъ на остальныхъ каторжныхъ, то тѣмъ болѣе смотрѣли на нихъ гораздо льготнѣе въ первомъ и третьемъ разрядѣ. Слѣдственно, по тому мѣсту, гдѣ я былъ, мнѣ кажется, я могу судить въ этомъ отношеніи и о всей Сибири. Всѣ слухи и разсказы, доходившіе до меня на этотъ счетъ, отъ ссыльныхъ перваго и третьяго разрядовъ, подтверждали мое заключеніе. Въ самомъ дѣлѣ, на всѣхъ насъ, дворянъ, въ нашемъ острогѣ, начальство смотрѣло внимательнѣе и осторожнѣе. Поблажки намъ насчетъ работы и содержанія не было рѣшительно никакой: тѣ же работы, тѣ же кандалы, тѣ же замки, однимъ словомъ, все то же самое, что и у всѣхъ арестантовъ. Да и облегчить-то нельзя

было. Я знаю, что въ этомъ городѣ въ то *недавнее давнопрошедшее* время было столько доносчиковъ, столько интригъ, столько рывшихъ другъ другу яму, что начальство естественно боялось доноса. А ужъ чего страшнѣе было въ то время доноса о томъ, что извѣстнаго разряда преступникамъ даютъ поблажку! Итакъ, всякій побаивался, и мы жили наравнѣ со всѣми каторжными, но относительно тѣлеснаго наказанія было нѣкоторое исключеніе. Правда, насъ бы чрезвычайно удобно высѣкли, если бъ мы заслужили это, то-есть проступились въ чемъ-нибудь. Этого требовалъ долгъ службы и равенства — передъ тѣлеснымъ наказаніемъ. Но такъ, зря, легкомысленно насъ все-таки бы не высѣкли; а съ простыми арестантами такого рода легкомысленное обращеніе, разумѣется, случалось, особенно при нѣкоторыхъ субалтерныхъ командирахъ и охотникахъ распорядиться и внушить при всякомъ удобномъ случаѣ. Намъ извѣстно было, что комендантъ, узнавъ объ исторіи съ старикомъ Ж—кимъ, очень вознегодовалъ на майора и внушилъ ему, чтобъ онъ на будущее время изволилъ держать руки покороче. Такъ разсказывали мнѣ всѣ. Знали тоже у насъ, что самъ генералъ-губернаторъ, довѣрявшій нашему майору и отчасти любившій его, какъ исполнителя и человѣка съ нѣкоторыми способностями, узнавъ про эту исторію, тоже выговаривалъ ему. И майоръ нашъ принялъ это къ свѣдѣнію. Ужъ какъ, напримѣръ, ему хотѣлось добраться до М—го, котораго онъ ненавидѣлъ черезъ наговоры А—ва, но онъ никакъ не могъ его высѣчь, хотя искалъ предлога, гналъ его и подыскивался къ нему. Объ исторіи Ж—го скоро узналъ весь городъ, и общее мнѣніе было противъ майора; многіе ему выговаривали, иные даже съ непріятностями. Вспоминаю теперь и мою первую встрѣчу съ плацъ-майоромъ. Насъ, то-есть меня и другого ссыльнаго изъ дворянъ, съ которымъ я вмѣстѣ вступилъ въ каторгу, напугали еще

въ Тобольскѣ разсказами о непріятномъ характерѣ этого человѣка. Бывшіе тамъ въ это время старинные двадцатипятилѣтніе ссыльные изъ дворянъ, встрѣтившіе насъ съ глубокой симпатіей и имѣвшіе съ нами сношенія все время, какъ мы сидѣли на пересыльномъ дворѣ, предостерегали насъ отъ будущаго командира нашего и обѣщались сдѣлать все, что только могутъ, черезъ знакомыхъ людей, чтобы защитить насъ отъ его преслѣдованія. Въ самомъ дѣлѣ, три дочери генералъ-губернатора, пріѣхавшія изъ Россіи и гостившія въ то время у отца, получили отъ нихъ письма, и, кажется, говорили ему въ нашу пользу. Но что онъ могъ сдѣлать? Онъ только сказалъ майору, чтобъ онъ былъ нѣсколько поразборчивѣе. Часу въ третьемъ пополудни мы, то-есть я и товарищъ мой, прибыли въ этотъ городъ, и конвойные прямо повели насъ къ нашему повелителю. Мы стояли въ передней, ожидая его. Между тѣмъ уже послали за острожнымъ унтеръ-офицеромъ. Какъ только явился онъ, вышелъ и плацъ-майоръ. Багровое, угреватое и злое лицо его произвело на насъ чрезвычайно тоскливое впечатлѣніе: точно злой паукъ выбѣжалъ на бѣдную муху, попавшуюся въ его паутину.

— Какъ тебя зовутъ? — спросилъ онъ моего товарища. Онъ говорилъ скоро, рѣзко, отрывисто и, очевидно, хотѣлъ произвести на насъ впечатлѣніе.

— Такой-то.

— Тебя? — продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ, уставивъ на меня свои очки.

— Такой-то.

— Унтеръ-офицеръ! Сейчасъ ихъ въ острогъ, выбрить въ кордегардіи по-гражданскому, немедленно, половину головы; кандалы перековать завтра же. Это какія шинели? Откуда получили? — спросилъ онъ вдругъ, обративъ вниманіе на сѣрые капоты, съ желтыми кругами на спинахъ, выданные намъ въ Тоболь-

скѣ и въ которыхъ мы предстали предъ его свѣтлыя очи. — Это новая форма! Это вѣрно какая-нибудь новая форма... Еще проектируется... изъ Петербурга... — говорилъ онъ, повертывая насъ поочередно. — Съ ними нѣтъ ничего? — спросилъ онъ вдругъ конвоировавшаго насъ жандарма.

— Собственная одежда есть, ваше высокоблагородіе, — отвѣчалъ жандармъ, какъ-то мгновенно вытянувшись, даже съ небольшимъ вздрагиваніемъ. Его всѣ знали, всѣ объ немъ слышали, онъ всѣхъ пугалъ.

— Все отобрать. Отдать имъ только одно бѣлье, и то бѣлое, а цвѣтное, если есть, отобрать. Остальное все продать съ аукціона. Деньги записать въ приходъ. Арестантъ не имѣетъ собственности, — продолжалъ онъ, строго посмотрѣвъ на насъ. — Смотрите же, вести себя хорошо! Чтобъ я не слыхалъ! Не то... тѣлес-нымъ на-казаніемъ! За малѣйшій проступокъ — р-р-розги!..

Весь этотъ вечеръ я, съ непривычки, былъ почти боленъ отъ этого пріема. Впрочемъ, впечатлѣніе усилилось и тѣмъ, что я увидѣлъ въ острогѣ; но о вступленіи моемъ въ острогъ я уже разсказывалъ.

Я упомянулъ сейчасъ, что намъ не дѣлали и не смѣли дѣлать никакой поблажки, никакого облегченія передъ прочими арестантами въ работѣ. Но одинъ разъ, однако, пробовали сдѣлать; я и Б—кій цѣлыхъ три мѣсяца ходили въ инженерную канцелярію въ качествѣ писарей. Но это сдѣлали шито-крыто и сдѣлало инженерное начальство. То-есть прочіе всѣ, пожалуй, кому надо было, знали, но дѣлали видъ, что не знали. Это случилось еще при командирѣ команды Г—вѣ. Подполковникъ Г—ковъ упалъ къ намъ какъ съ неба, пробылъ у насъ очень недолго, — если не ошибаюсь, не болѣе полугода, даже и того меньше, — и уѣхалъ въ Россію, произведя необыкновенное впечатлѣніе на всѣхъ арестантовъ. Его не то что

любили арестанты, его они обожали, если только можно употребить здѣсь это слово. Какъ онъ это сдѣлалъ, не знаю, но онъ завоевалъ ихъ съ перваго разу. «Отецъ, отецъ! Отца не надо!» говорили поминутно арестанты во все время его управленія инженерною частью. Кутила онъ былъ, кажется, ужаснѣйшій. Небольшого роста, съ дерзкимъ, самоувѣреннымъ взглядомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ ласковъ съ арестантами, чуть не до нѣжностей, и дѣйствительно буквально любилъ ихъ, какъ отецъ. Отчего онъ такъ любилъ арестантовъ — сказать не могу, но онъ не могъ видѣть арестанта, чтобъ не сказать ему ласковаго, веселаго слова, чтобъ не посмѣяться съ нимъ, не пошутить съ нимъ, и главное — ни капли въ этомъ не было чего-нибудь начальственнаго, хоть чего-нибудь обозначавшаго неравную или чисто начальничью ласку. Это былъ свой товарищъ, свой человѣкъ въ высочайшей степени. Но несмотря на весь этотъ инстинктивный демократизмъ его, арестанты ни разу не проступились передъ нимъ въ какой-нибудь непочтительности, фамильярности. Напротивъ. Только все лицо арестанта расцвѣтало, когда онъ встрѣчался съ командиромъ, и, снявши шапку, онъ уже смотрѣлъ улыбаясь, когда тотъ подходилъ къ нему. А если тотъ заговоритъ, — какъ рублемъ подаритъ. Бываютъ же такіе популярные люди. Смотрѣлъ онъ молодцомъ, ходилъ прямо, браво. «Орелъ!» говорятъ, бывало, объ немъ арестанты. Облегчить ихъ онъ, конечно, ничѣмъ не могъ; завѣдывалъ онъ только однѣми инженерными работами, которыя и при всѣхъ другихъ командирахъ шли въ своемъ всегдашнемъ, разъ заведенномъ законномъ порядкѣ. Развѣ только, встрѣтивъ случайно партію на работѣ, видя, что дѣло кончено, не держитъ, бывало, лишняго времени и отпуститъ до барабана. Но нравилась его довѣренность къ арестанту, отсутствіе мелкой щепетильности и раздражительности, со-

вершенное отсутствіе иныхъ оскорбительныхъ формъ въ начальническихъ отношеніяхъ. Потеряй онъ тысячу рублей, — я думаю, первый воръ изъ нашихъ, если бъ нашелъ ихъ, отнесъ бы къ нему. Да, я увѣренъ, что такъ было бы. Съ какимъ глубокимъ участіемъ узнали арестанты, что ихъ орелъ-командиръ поссорился насмерть съ нашимъ ненавистнымъ майоромъ. Это случилось въ первый же мѣсяцъ по его прибытіи. Нашъ майоръ былъ когда-то его сослуживцемъ. Они встрѣтились послѣ долгой разлуки, какъ друзья, и закутили было вмѣстѣ. Но вдругъ у нихъ порвалось. Они поссорились, и Г—въ сдѣлался ему смертельнымъ врагомъ. Слышно было даже, что они подрались при этомъ случаѣ, что съ нашимъ майоромъ могло случиться: онъ часто дирался. Какъ услышали это арестанты, радости ихъ не было конца. «Осьмиглазому ли съ такимъ ужиться! Тотъ орелъ, а нашъ. . .», и тутъ обыкновенно прибавлялось словцо, неудобное въ печати. Ужасно интересовались у насъ тѣмъ, кто изъ нихъ кого поколотилъ. Если бъ слухъ объ ихъ дракѣ оказался невѣрнымъ (что, можетъ быть, такъ и было), то, кажется, нашимъ арестантикамъ было бы это очень досадно. «Нѣтъ, ужъ навѣрно командиръ одолѣлъ, — говорили они, — онъ маленькій, да удаленькій, а тотъ, слышь, подъ кроватъ отъ него залѣзъ». Но скоро Г—ковъ уѣхалъ, и арестанты опять впали въ уныніе. Инженерные командиры были у насъ, правда, всѣ хороши: при мнѣ смѣнилось ихъ трое или четверо; «да все не нажить ужъ такого, — говорили арестанты, — орелъ былъ, орелъ и заступникъ». Вотъ этотъ-то Г—ковъ очень любилъ всѣхъ насъ дворянъ и подъ конецъ велѣлъ мнѣ и Б—му ходить иногда въ канцелярію. По отъѣздѣ же его это устроилось болѣе правильнымъ образомъ. Изъ инженеровъ были люди (изъ нихъ особенно одинъ), очень намъ симпатизировавшіе. Мы ходили, переписывали бумаги, даже почеркъ нашъ сталъ

совершенствоваться, какъ вдругъ отъ высшаго начальства послѣдовало немедленное повелѣніе поворотить насъ на прежнія работы: кто-то ужъ успѣлъ донести! Впрочемъ, это и хорошо было: канцелярія стала намъ обоимъ очень надоѣдать. Потомъ мы года два почти неразлучно ходили съ Б—мъ на однѣ работы, чаще же всего въ мастерскую. Мы съ нимъ болтали; говорили объ нашихъ надеждахъ, убѣжденіяхъ. Славный былъ онъ человѣкъ; но убѣжденія его иногда были очень странныя, исключительныя. Часто у нѣкотораго разряда людей, очень умныхъ, устанавливаются иногда совершенно парадоксальныя понятія. Но за нихъ столько было въ жизни выстрадано, такою дорогою цѣною они достались, что оторваться отъ нихъ уже слишкомъ больно, почти невозможно. Б—кій съ болью принималъ каждое возраженіе и съ ѣдкостью отвѣчалъ мнѣ. Впрочемъ, во многомъ, можетъ быть, онъ былъ и правѣе меня, не знаю; но мы, наконецъ, разстались, и это было мнѣ очень больно: мы уже много раздѣлили вмѣстѣ.

Между тѣмъ М—кій съ годами все какъ-то становился грустнѣе и мрачнѣе. Тоска одолѣвала его. Прежде, въ первое мое время въ острогѣ, онъ былъ сообщительнѣе, душа его все-таки чаще и больше вырывалась наружу. Уже третій годъ жилъ онъ въ каторгѣ въ то время, какъ я поступилъ. Сначала онъ многимъ интересовался изъ того, что въ эти два года случилось на свѣтѣ и объ чемъ онъ не имѣлъ понятія, сидя въ острогѣ; разспрашивалъ меня, слушалъ, волновался. Но подъ конецъ, съ годами все это какъ-то стало въ немъ сосредоточиваться внутри, на сердцѣ. Угли покрывались золою. Озлобленіе росло въ немъ болѣе и болѣе. «Je hais ces brigands» — повторялъ онъ мнѣ часто, съ ненавистью смотря на каторжныхъ, которыхъ я успѣлъ узнать ближе, и никакіе доводы мои въ ихъ пользу на него не дѣйствовали. Онъ не понималъ, что я говорю; иногда, впрочемъ, разсѣянно согла-

шался; но назавтра же опять повторялъ: «Je hais ces brigands». Кстати: мы съ нимъ часто говорили по-французски, и за это одинъ приставъ надъ работами, инженерный солдатъ Дранишниковъ, неизвѣстно по какому соображенію, прозвалъ насъ фершелами. М—кій воодушевлялся только, вспоминая про свою мать. «Она стара; она больная, — говорилъ онъ мнѣ, — она любитъ меня болѣе всего на свѣтѣ, а я здѣсь не знаю, жива она или нѣтъ? Довольно ужъ для нея того, что она знала, какъ меня гоняли сквозь строй...» М—кій былъ не дворянинъ и передъ ссылкой былъ наказанъ тѣлесно. Вспоминая объ этомъ, онъ стискивалъ зубы и старался смотрѣть въ сторону. Въ послѣднее время онъ все чаще и чаще сталъ ходить одинъ. Разъ поутру, въ двѣнадцатомъ часу, его потребовали къ коменданту. Комендантъ вышелъ къ нему съ веселой улыбкой.

— Ну, М—кій, что ты сегодня во снѣ видѣлъ? — спросилъ онъ его.

«Я такъ и вздрогнулъ, — разсказывалъ воротясь къ намъ М—кій. — Мнѣ будто сердце пронзило».

— Видѣлъ, что письмо отъ матери получилъ, — отвѣчалъ онъ.

— Лучше, лучше! — возразилъ комендантъ. — Ты свободенъ! Твоя мать просила... просьба ея услышана. Вотъ письмо ея, а вотъ и приказъ о тебѣ. Сейчасъ же выйдешь изъ острога.

Онъ воротился къ намъ блѣдный, еще неочнувшійся отъ извѣстія. Мы его поздравляли. Онъ жалъ намъ руки своими дрожащими, похолодѣвшими руками. Многіе арестанты тоже позравляли его и рады были его счастью.

Онъ вышелъ на поселенье и остался въ нашемъ же городѣ. Вскорѣ ему дали мѣсто. Сначала онъ часто приходилъ къ нашему острогу, и когда могъ,

сообщалъ намъ разныя новости. Преимущественно политическія очень интересовали его.

Изъ остальныхъ четырехъ, то-есть кромѣ М—го, Т—го, Б—го и Ж—го, двое были еще очень молодые люди, присланные на короткіе сроки, малообразованные, но честные, простые, прямые. Третій, А—чуковскій, былъ ужъ слишкомъ простоватъ и ничего особеннаго не заключалъ въ себѣ, но четвертый, Б—мъ, человѣкъ уже пожилой, производилъ на всѣхъ насъ прескверное впечатлѣніе. Не знаю, какъ онъ попалъ въ разрядъ такихъ преступниковъ, да и самъ онъ отрицалъ это. Это была грубая, мелко-мѣщанская душа, съ привычками и правилами лавочника, разбогатѣвшаго на обсчитанныя копейки. Онъ былъ безо всякаго образованія и не интересовался ничѣмъ, кромѣ своего ремесла. Онъ былъ маляръ, но маляръ изъ ряду вонъ, маляръ великолѣпный. Скоро начальство узнало о его способностяхъ, и весь городъ сталъ требовать Б—ма для малеванья стѣнъ и потолковъ. Въ два года онъ расписалъ почти всѣ казенныя квартиры. Владѣтели квартиръ платили ему отъ себя, и жилъ онъ-таки не бѣдно. — Но всего лучше было то, что на работу съ нимъ стали посылать и другихъ товарищей. Изъ ходившихъ съ нимъ постоянно, двое научились у него ремеслу и одинъ изъ нихъ, Т—жевскій, сталъ малевать не хуже его. Нашъ плацъ-майоръ, занимавшій тоже казенный домъ, въ свою очередь потребовалъ Б—ма и велѣлъ расписать ему всѣ стѣны и потолки. Тутъ ужъ Б—мъ постарался: у генералъ-губернатора не было такъ расписано. Домъ былъ деревянный, одноэтажный, довольно дряхлый и чрезвычайно шелудивый снаружи: расписано же внутри было какъ во дворцѣ, и майоръ былъ въ восторгѣ... Онъ потиралъ руки и поговаривалъ, что теперь непремѣнно женится: «при такой квартирѣ нельзя не жениться», прибавлялъ онъ очень серьезно. Б—мъ былъ онъ все болѣе и болѣе

доволенъ, а черезъ него и другими, работавшими съ нимъ вмѣстѣ. Работа шла цѣлый мѣсяцъ. Въ этомъ мѣсяцѣ майоръ совершенно измѣнилъ свое мнѣніе о всѣхъ нашихъ и началъ имъ покровительствовать. Дошло до того, что однажды вдругъ онъ потребовалъ къ себѣ изъ острога Ж—го.

— Ж—кій, — сказалъ онъ, — я тебя оскорбилъ. Я тебя высѣкъ напрасно, я знаю это. Я раскаиваюсь. Понимаешь ты это? Я, *я*, *я* — раскаиваюсь!

Ж—кій отвѣчалъ, что онъ это понимаетъ.

— Понимаешь ли ты, что *я*, *я*, твой начальникъ, призвалъ тебя съ тѣмъ, чтобъ просить у тебя прощенія. Чувствуешь ли ты это? Кто *ты* передо мной? Червякъ! Меньше червяка: ты арестантъ! А я — божьею милостью[1]) майоръ. Майоръ! Понимаешь ли ты это?

Ж—кій отвѣчалъ, что и это понимаетъ.

— Ну, такъ теперь я мирюсь съ тобой. Но чувствуешь ли, чувствуешь ли это вполнѣ, во всей полнотѣ? Способенъ ли ты это понять и почувствовать? Сообрази только: я, я, майоръ... и т. д.

Ж—кій самъ мнѣ разсказывалъ всю эту сцену. Стало быть, было же и въ этомъ пьяномъ, вздорномъ и безпорядочномъ человѣкѣ человѣческое чувство. Взявъ въ соображеніе его понятія и развитіе, такой поступокъ можно было считать почти великодушнымъ. Впрочемъ, пьяный видъ, можетъ быть, тому много способствовалъ.

Мечта его не осуществилась: онъ не женился, хотя уже совершенно было рѣшился, когда кончили отдѣлывать его квартиру. Вмѣсто женитьбы онъ по-

---

[1]) Буквальное выраженіе, впрочемъ, въ мое время употреблявшееся не однимъ нашимъ майоромъ, а и многими мелкими командирами преимущественно вышедшими изъ нижнихъ чиновъ.

палъ подъ судъ, и ему велѣно было подать въ отставку. Тутъ ужъ и всѣ старые грѣхи ему приплели. Прежде въ этомъ городѣ онъ былъ, помнится, городничимъ... Ударъ упалъ на него неожиданно. Въ острогѣ непомѣрно обрадовались извѣстію. Это былъ праздникъ, торжество! Майоръ, говорятъ, ревѣлъ какъ старая баба и обливался слезами. Но дѣлать нечего. Онъ вышелъ въ отставку, пару сѣрыхъ продалъ, потомъ все имѣніе и впалъ даже въ бѣдность. Мы встрѣчали его потомъ въ штатскомъ изношенномъ сюртукѣ, въ фуражкѣ съ кокардочкой. Онъ злобно смотрѣлъ на арестантовъ. Но все обаяніе его прошло, только что онъ снялъ мундиръ. Въ мундирѣ онъ былъ гроза, богъ. Въ сюртукѣ онъ вдругъ сталъ совершенно ничѣмъ и смахивалъ на лакея. Удивительно, какъ много составляетъ мундиръ у этихъ людей.

IX

Побѣгъ

Вскорѣ послѣ смѣны нашего плацъ-майора случились коренныя измѣненія въ нашемъ острогѣ. Каторгу уничтожили и вмѣсто нея основали арестантскую роту военнаго вѣдомства, на основаніи россійскихъ арестантскихъ ротъ. Это значило, что уже ссыльныхъ каторжныхъ второго разряда въ нашъ острогъ больше не приводили. Началъ же онъ заселяться съ сей поры единственно только арестантами военнаго вѣдомства, стало быть, людьми не лишенными правъ состоянія, тѣми же солдатами, какъ и всѣ солдаты, только наказанными, приходившими на короткіе сроки (до шести лѣтъ наибольше) и по выходѣ изъ острога поступавшими опять въ свои батальоны рядовыми, какими были они прежде. Впрочемъ, возвращавшіеся въ острогъ по вторичнымъ преступленіямъ наказывались, какъ и прежде, двадцатилѣтнимъ срокомъ. У насъ, впрочемъ, и до этой перемѣны было отдѣленіе арестантовъ военнаго

разряда, но они жили съ нами потому, что имъ не было другого мѣста. Теперь же весь острогъ сталъ этимъ военнымъ разрядомъ. Само собою разумѣется, что прежніе каторжные, настоящіе гражданскіе каторжные, лишенные всѣхъ своихъ правъ, клейменые и обритые вдоль головы, остались при острогѣ до окончанія ихъ полныхъ сроковъ; новыхъ не приходило, а оставшіеся помаленьку отживали срокъ и уходили, такъ что лѣтъ черезъ десять въ нашемъ острогѣ не могло остаться ни одного каторжнаго. Особое отдѣленіе тоже осталось при острогѣ, и въ него все еще отъ времени до времени присылались тяжкіе преступники военнаго вѣдомства, впредь до открытія въ Сибири самыхъ тяжелыхъ каторжныхъ работъ. Такимъ образомъ для насъ жизнь продолжалась въ сущности попрежнему: то же содержаніе, та же работа и почти тѣ же порядки, только начальство измѣнилось и усложнилось. Назначенъ былъ штабъ-офицеръ, командиръ роты, и сверхъ того четыре оберъ-офицера, дежурившихъ поочередно по острогу. Уничтожены были тоже инвалиды; вмѣсто нихъ учреждены двѣнадцать унтеръ-офицеровъ и каптенармусъ. Завелись раздѣлы по десяткамъ, завелись ефрейтора изъ самихъ арестантовъ, номинально, разумѣется, и ужъ само собою Акимъ Акимычъ тотчасъ же оказался ефрейторомъ. Все это новое учрежденіе и весь острогъ со всѣми его чинами и арестантами попрежнему остались въ вѣдомствѣ коменданта, какъ высшаго начальника. Вотъ и все, что произошло. Разумѣется, арестанты сначала очень волновались, толковали, угадывали и раскусывали новыхъ начальниковъ; но когда увидѣли, что въ сущности все осталось попрежнему, тотчасъ же успокоились, и жизнь наша пошла по-старому. Но главное то, что всѣ были избавлены отъ прежняго майора; всѣ какъ бы отдохнули и ободрились. Исчезъ запуганный видъ, всякій зналъ теперь, что въ случаѣ нужды могъ объясняться

съ начальникомъ, что праваго развѣ по ошибкѣ накажутъ вмѣсто виноватаго. Даже вино продолжало продаваться у насъ точно такъ же и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и прежде, несмотря на то, что вмѣсто прежнихъ инвалидовъ настали унтеръ-офицеры. Эти унтеръ-офицеры оказались большею частью людьми порядочными и смышлеными, понимающими свое положеніе. Иные изъ нихъ, впрочемъ, выказывали вначалѣ поползновеніе куражиться и, конечно, по неопытности, думали обращаться съ арестантами, какъ съ солдатами. Но скоро и эти поняли въ чемъ дѣло. Другимъ же, слишкомъ долго не понимавшимъ, доказывали ужъ сущность дѣла сами арестанты. Бывали довольно рѣзкія столкновенія: напримѣръ, соблазнятъ, напоятъ унтеръ-офицера, да послѣ того и доложутъ ему, по-свойски, разумѣется, что онъ пилъ вмѣстѣ съ ними, а слѣдственно... Кончилось тѣмъ, что унтеръ-офицеры равнодушно смотрѣли, или лучше старались не смотрѣть, какъ проносятъ пузыри и продаютъ водку. Мало того: какъ и прежніе инвалиды, они ходили на базаръ и приносили арестантамъ калачей, говядину и все прочее, то-есть такое, за что могли взяться безъ большого зазору. Для чего это все перемѣнилось, для чего завели арестантскую роту, этого ужъ я не знаю. Случилось уже это въ послѣдніе годы моей каторги. Но два года еще суждено мнѣ было прожить при этихъ новыхъ порядкахъ...

Записывать ли всю эту жизнь, всѣ мои годы въ острогѣ? Не думаю. Если писать по порядку, къ ряду все, что случилось, и что я видѣлъ и что испыталъ въ эти годы, можно бы, разумѣется, еще написать втрое, вчетверо больше главъ, чѣмъ до сихъ поръ написано. Но такое описаніе поневолѣ станетъ, наконецъ, слишкомъ однообразно. Всѣ приключенія выйдутъ слишкомъ въ одномъ и томъ же тонѣ, особенно если читатель уже успѣлъ, по тѣмъ главамъ, кото-

рыя написаны, составить себѣ хоть нѣсколько удовлетворительное понятіе о каторжной жизни второго разряда. Мнѣ хотѣлось представить весь нашъ острогъ и все, что я прожилъ въ эти годы, въ одной наглядной и яркой картинѣ. Достигъ ли я этой цѣли, не знаю. Да отчасти и не мнѣ судить объ этомъ. Но я убѣжденъ, что на этомъ можно и кончить. Къ тому же меня самого беретъ иногда тоска при этихъ воспоминаніяхъ. Да врядъ ли я и могу все припомнить. Дальнѣйшіе годы какъ-то стерлись въ моей памяти. Многія обстоятельства, я убѣжденъ въ этомъ, совсѣмъ забыты мною. Я помню, напримѣръ, что всѣ эти годы, въ сущности одинъ на другой такъ похожіе, проходили вяло, тоскливо. Помню, что эти долгіе, скучные дни были такъ однобразны, точно вода послѣ дождя капала съ крыши по каплѣ. Помню, что одно только страстное желаніе воскресенія, обновленія, новой жизни укрѣпило меня ждать и надѣяться. И я, наконецъ, скрѣпился: я ждалъ, я отсчитывалъ каждый день и, несмотря на то, что оставалось ихъ тысячу, съ наслажденіемъ отсчитывалъ по одному, провожалъ, хоронилъ его и съ наступленіемъ другого дня радъ былъ, что остается уже не тысяча дней, а девятьсотъ девяносто девять. Помню, что во все это время, несмотря на сотни товарищей, я былъ въ страшномъ уединеніи, и я полюбилъ, наконецъ, это уединеніе. Одинокій душевно, я пересматривалъ всю прошлую жизнь мою, перебиралъ все до послѣднихъ мелочей, вдумывался въ мое прошедшее, судилъ себя одинъ неумолимо и строго, и даже въ иной часъ благословлялъ судьбу за то, что она послала мнѣ это уединеніе, безъ котораго не состоялись бы ни этотъ судъ надъ собой, ни этотъ строгій пересмотръ прежней жизни. И какими надеждами забилось тогда мое сердце! Я думалъ, я рѣшилъ, я клялся себѣ, что уже не будетъ въ моей будущей жизни ни тѣхъ ошибокъ, ни тѣхъ паденій, которыя

были прежде. Я начерталъ себѣ программу всего будущаго и положилъ твердо слѣдовать ей. Во мнѣ возродилась слѣпая вѣра, что я все это исполню и могу исполнить . . . Я ждалъ, я звалъ поскорѣе свободу; я хотѣлъ испробовать себя вновь, на новой борьбѣ. Порой захватывало меня судорожное нетерпѣніе . . . Но мнѣ больно вспоминать теперь о тогдашнемъ настроеніи души моей. Конечно, все это одного только меня касается . . . Но я оттого и записалъ это, что, мнѣ кажется, всякій это пойметъ, потому что со всякимъ то же самое должно случиться: если онъ попадетъ въ тюрьму на срокъ въ цвѣтѣ лѣтъ и силъ.

Но что объ этомъ! . . . Лучше разскажу еще что-нибудь, чтобъ ужъ не кончить слишкомъ рѣзкимъ отрубомъ.

Мнѣ пришло въ голову, что, пожалуй, кто-нибудь спроситъ: неужели изъ каторги нельзя было никому убѣжать и во всѣ эти года никто у насъ не бѣжалъ? Я писалъ уже, что арестантъ, пробывшій два-три года въ острогѣ, начинаетъ уже цѣнить эти годы и невольно приходитъ къ расчету, что лучше дожить остальное безъ хлопотъ, безъ опасностей, и выйти, наконецъ, законнымъ образомъ на поселеніе. Но такой расчетъ помѣщается только въ головѣ арестанта, присланнаго не на долгій срокъ. Долголѣтній. пожалуй бы, и готовъ рискнуть . . . . Но у насъ какъ-то этого не дѣлалось. Не знаю, трусили ль очень, присмотръ ли былъ особенно строгій, военный, мѣстность ли нашего города во многомъ не благопріятствовала (степная, открытая)? —трудно сказать. Я думаю, всѣ эти причины имѣли свое вліяніе. Дѣйствительно, убѣжать отъ насъ было трудновато. А между тѣмъ и при мнѣ случилось одно такое дѣло: двое рискнули, и даже изъ самыхъ важныхъ преступниковъ . . .

Послѣ смѣны майора, А—въ (тотъ, который шпіонилъ ему на острогъ) остался совершенно одинъ, безъ

протекціи. Онъ былъ еще очень молодой человѣкъ, но характеръ его укрѣплялся и устанавливался съ лѣтами. Вообще это былъ человѣкъ дерзкій, рѣшительный и даже очень смышленый. Онъ хотя бы и продолжалъ шпіонить и промышлять разными подземными способами, если бъ ему дали свободу, но ужъ не попался бы теперь такъ глупо и нерасчетливо, какъ прежде, поплатившись за свою глупость ссылкою. Онъ упражнялся у насъ отчасти и въ фальшивыхъ паспортахъ. Не говорю, впрочемъ, утвердительно. Такъ слышалъ я отъ нашихъ арестантовъ. Говорили, что онъ работалъ въ этомъ родѣ еще когда ходилъ къ плацъ-майору на кухню и, разумѣется, извлекъ изъ этого посильный доходъ. Однимъ словомъ, онъ, кажется, могъ рѣшиться на все, чтобъ перемѣнить свою участь. Я имѣлъ случай отчасти узнать его душу: цинизмъ его доходилъ до возмутительной дерзости, до самой холодной насмѣшки и возбуждалъ непреодолимое отвращеніе. Мнѣ кажется, если бъ ему очень захотѣлось выпить шкаликъ вина, и если бъ шкаликъ можно было получить не иначе какъ зарѣзавъ кого-нибудь, то онъ бы непремѣнно зарѣзалъ, если бъ только это можно сдѣлать втихомолку, чтобъ никто не узналъ. Въ острогѣ онъ научился расчету. Вотъ на этого-то человѣка и обратилъ свое вниманіе особаго отдѣленія арестантъ Куликовъ.

Я уже говорилъ о Куликовѣ. Человѣкъ онъ былъ немолодой, но страстный, живучій, сильный, съ чрезвычайными и разнообразными способностями. Въ немъ была сила, и ему еще хотѣлось пожить; такимъ людямъ до самой глубокой старости все еще хочется жить. И если бъ я сталъ дивиться, отчего у насъ не бѣгутъ, то, разумѣется, подивился бы на перваго Куликова. Но Куликовъ рѣшился. Кто на кого изъ нихъ имѣлъ больше вліянія: А—въ ли на Куликова или Куликовъ на А—ва? Не знаю, но оба другъ друга стоили

и для этого дѣла были люди взаимно подходящіе. Они сдружились. Мнѣ кажется, Куликовъ разсчитывалъ, что А—въ приготовитъ паспорты. А—въ былъ изъ дворянъ, былъ хорошаго общества — это сулило нѣкоторое разнообразіе въ будущихъ приключеніяхъ, только бы добраться до Россіи. Кто знаетъ, какъ они сговорились и какія у нихъ были надежды; но ужъ вѣрно надежды ихъ выходили изъ обыкновенной рутины сибирскаго бродяжничества. Куликовъ былъ отъ природы актеръ, могъ выбрать многія и разнообразныя роли въ жизни; могъ на многое надѣяться, по крайней мѣрѣ, на разнообразіе. Такихъ людей долженъ былъ давать острогъ. Они сговорились бѣжать.

Но безъ конвойнаго бѣжать было невозможно. Надо было подговорить съ собой вмѣстѣ конвойнаго. Въ одномъ изъ батальоновъ, стоявшихъ въ крѣпости, служилъ одинъ полякъ, энергичный человѣкъ и, можетъ быть, достойный лучшей участи, человѣкъ уже пожилой, молодцоватый, серьезный. Смолоду, только-что придя на службу въ Сибирь, онъ бѣжалъ отъ глубокой тоски по родинѣ. Его поймали, наказали и года два продержали въ арестантскихъ ротахъ. Когда его поворотили опять въ солдаты, онъ одумался и сталъ служить ревностно, изо всѣхъ силъ. За отличіе его сдѣлали ефрейторомъ. Это былъ человѣкъ съ честолюбіемъ, самонадѣянный и знавшій себѣ цѣну. Онъ такъ и смотрѣлъ, такъ и говорилъ, какъ знающій себѣ цѣну. Я нѣсколько разъ въ эти годы встрѣчалъ его между нашими конвойными. Мнѣ кое-что говорили о немъ и поляки. Мнѣ показалось, что прежняя тоска обратилась въ немъ въ ненависть, скрытую, глухую, всегдашнюю. Этотъ человѣкъ могъ рѣшиться на все, и Куликовъ не ошибся, выбравъ его товарищемъ. Фамилія его была Коллеръ. Они сговорились и назначили день. Это было въ іюнѣ мѣсяцѣ, въ жаркіе дни. Климатъ въ этомъ городѣ довольно

ровный; лѣтомъ погода стоитъ постоянная, горячая: а это и на руку бродягѣ. Разумѣется, они никакъ не могли пуститься прямо съ мѣста, изъ крѣпости: весь городъ стоитъ на юру, открытый со всѣхъ сторонъ. Кругомъ на довольно далекое пространство нѣтъ лѣса. Надо было переодѣться въ обывательскій костюмъ, а для этого сначала пробраться въ форштадтъ, гдѣ у Куликова издавна былъ притонъ. Не знаю, были ли форштадтскіе благопріятели ихъ въ полномъ секретѣ. Надо полагать, что были, хотя потомъ, при дѣлѣ, это не совсѣмъ объяснилось. Въ этотъ годъ въ одномъ углу форштадта только-что начинала свое поприще одна молодая и весьма пригожая дѣвица, по прозвищу Ванька-Танька, подававшая большія надежды и отчасти осуществившая ихъ впослѣдствіи. Звали ее тоже: огонь. Кажется, и она тутъ принимала нѣкоторое участіе. Куликовъ разорялся на нее уже цѣлый годъ. Наши молодцы вышли утромъ на разводку и ловко устроили такъ, что ихъ отправили съ арестантомъ Шилкинымъ, печникомъ и штукатурщикомъ, штукатурить батальонныя пустыя казармы, изъ которыхъ солдаты давно уже вышли въ лагери. А—въ и Куликовъ отправились съ нимъ въ качествѣ подносчиковъ. Коллеръ подвернулся въ конвойные, а такъ какъ за троими требовалось двухъ конвойныхъ, то Коллеру, какъ старому служивому и ефрейтору, охотно поручили молодого рекрутика, въ видахъ наставленія и обученія его конвойному дѣлу. Стало быть, имѣли же наши бѣглецы сильнѣйшее вліяніе на Коллера и повѣрилъ же онъ имъ, когда послѣ долголѣтней и удачной въ послѣдніе годы службы, онъ, человѣкъ умный, солидный, расчетливый, рѣшился за ними слѣдовать.

Они пришли въ казармы. Было часовъ шесть утра. Кромѣ ихъ никого не было. Поработавъ съ часъ, Куликовъ и А—въ сказали Шилкину, что пойдутъ въ мастерскую, во-первыхъ, чтобъ повидать кого-то, а во-

вторыхъ, кстати ужъ и захватятъ какой-то инструментъ, который оказался въ недостачѣ. Съ Шилкинымъ надо было вести дѣло хитро, то-есть какъ можно натуральнѣе. Онъ былъ москвичъ, печникъ по ремеслу, изъ московскихъ мѣщанъ, хитрый, пронырливый, умный, малорѣчивый. Наружностью онъ былъ тщедушный и испитой. Ему бы вѣкъ ходить въ жилеткѣ и халатѣ, по-московски, но судьба сдѣлала иначе, и послѣ долгихъ странствій онъ засѣлъ у насъ навсегда въ особомъ отдѣленіи, то-есть въ разрядѣ самыхъ страшныхъ военныхъ преступниковъ. Чѣмъ онъ заслужилъ такую карьеру, не знаю; но особеннаго недовольства въ немъ никогда не замѣчалось; велъ онъ себя смирно и ровно; иногда только напивался, какъ сапожникъ, но велъ себя и тутъ хорошо. Въ секретѣ, разумѣется, онъ не былъ, а глаза у него были зоркіе. Само собою, что Куликовъ мигнулъ ему, что они идутъ за виномъ, которое припасено въ мастерской еще со вчерашняго дня. Это тронуло Шилкина; онъ разстался съ ними безъ всякихъ подозрѣній и остался съ однимъ рекрутикомъ, а Куликовъ, А—въ и Коллеръ отправились въ форштадтъ.

Прошло полчаса; отсутствующіе не возвращались, и вдругъ, спохватившись, Шилкинъ началъ задумываться. Парень прошелъ сквозь мѣдныя трубы. Началъ онъ припоминать: Куликовъ былъ какъ-то особенно настроенъ, А—въ два раза какъ будто съ нимъ пошептался, по крайней мѣрѣ, Куликовъ мигнулъ ему раза два, онъ это видѣлъ; теперь онъ это все помнитъ. Въ Коллерѣ тоже что-то замѣчалось: по крайней мѣрѣ, уходя съ ними, онъ началъ читать наставленіе рекрутику, какъ вести себя въ его отсутствіе, а это было какъ-то не совсѣмъ естественно, по крайней мѣрѣ, отъ Коллера. Однимъ словомъ, чѣмъ дальше припоминалъ Шилкинъ, тѣмъ подозрительнѣе онъ становился. Время между тѣмъ шло, они не возвращались, и без-

покойство его достигало крайнихъ предѣловъ. Онъ очень хорошо понималъ, сколько онъ рисковалъ въ этомъ дѣлѣ: на него могли обратиться подозрѣнія начальства. Могли подумать, что онъ отпустилъ товарищей зазнамо, по взаимному соглашенію, и если бъ онъ промедлилъ объявить объ исчезновеніи Куликова и А—ва, подозрѣнія эти получили бы еще болѣе вѣроятія. Времени терять было нечего. Тутъ онъ вспомнилъ, что въ послѣднее время Куликовъ и А—въ были какъ-то особенно близки между собою, часто шептались, часто ходили за казармами, вдали отъ всѣхъ глазъ. Вспомнилъ онъ, что и тогда ужъ что-то подумалъ про нихъ... Пытливо поглядѣлъ онъ на своего конвойнаго; тотъ зѣвалъ, облокотясь на ружье, и невиннѣйшимъ образомъ прочищалъ пальцемъ свой носъ, такъ что Шилкинъ и не удостоилъ сообщить ему своихъ мыслей, а просто-запросто сказалъ ему, чтобъ онъ слѣдовалъ за нимъ въ инженерную мастерскую. Въ мастерской надо было спросить, не приходили ли они туда? Но оказалось, что тамъ ихъ никто не видалъ. Всѣ сомнѣнія Шилкина разсѣялись: «Если бъ они просто пошли попить да погулять въ форштадтъ, что иногда дѣлалъ Куликовъ, — думалъ Шилкинъ, — то даже и этого тутъ быть не могло. Они бы сказали ему, потому этого не стоило бы отъ него таить». Шилкинъ бросилъ работу и, не заходя въ казарму, отправился прямо въ острогъ.

Было уже почти девять часовъ, когда онъ явился къ фельдфебелю и объявилъ ему въ чемъ дѣло. Фельдфебель струхнулъ и даже вѣрить не хотѣлъ сначала. Разумѣется, и Шилкинъ объявилъ ему все это только въ видѣ догадки, подозрѣнія. Фельдфебель прямо кинулся къ майору. Майоръ немедленно къ коменданту. Черезъ четверть часа уже взяты были всѣ необходимыя мѣры. Доложили самому генералъ-губернатору. Преступники были важные, и за нихъ могъ быть

сильный нагоняй изъ Петербурга. Правильно или нѣтъ, но А—въ причислялся къ преступникамъ политическимъ; Куликовъ былъ «особаго отдѣленія», то-есть архипреступникъ да еще военный вдобавокъ. Примѣру еще не было до сихъ поръ, чтобъ бѣжалъ кто-нибудь изъ «особаго отдѣленія». Припомнили кстати, что по правиламъ на каждаго арестанта изъ «особаго отдѣленія» полагалось на работѣ по два конвойныхъ, или, по крайней мѣрѣ, одинъ за каждымъ. Правила этого не было соблюдено. Выходило, стало быть, непріятное дѣло. Посланы были нарочные по всѣмъ волостямъ, по всѣмъ окрестнымъ мѣстечкамъ, чтобъ заявить о бѣжавшихъ и оставить вездѣ ихъ примѣты. Послали казаковъ въ догоню, на ловлю; написали и въ сосѣдніе уѣзды и губерніи... Однимъ словомъ, струхнули очень.

Между тѣмъ у насъ въ острогѣ началось другого рода волненіе. Арестанты, по мѣрѣ того какъ подходили съ работъ, тотчасъ же узнавали въ чемъ дѣло. Вѣсть уже облетѣла всѣхъ. Всѣ принимали извѣстіе съ какою-то необыкновенною, затаенною радостью. У всѣхъ какъ-то вздрогнуло сердце... Кромѣ того, что этотъ случай нарушилъ монотонную жизнь острога и раскопалъ муравейникъ, — побѣгъ, и такой побѣгъ какъ-то родственно отозвался во всѣхъ душахъ и расшевелилъ въ нихъ давно забытыя струны; что-то въ родѣ надежды, удали, возможности перемѣнить свою участь зашевелилось во всѣхъ сердцахъ. «Бѣжали же вѣдь люди: почему жъ?..» И каждый при этой мысли пріободрялся и съ вызывающимъ видомъ смотрѣлъ на другихъ. По крайней мѣрѣ, всѣ вдругъ стали какіе-то гордые и свысока начали поглядывать на унтеръ-офицеровъ. Разумѣется, въ острогъ тотчасъ же налетѣло начальство. Пріѣхалъ и самъ комендантъ. Наши пріободрились и смотрѣли смѣло, даже нѣсколько презрительно и съ какой-то молчаливой, строгой солидностью: «мы, дескать, умѣемъ дѣла обдѣлывать».

Само собой, что о всеобщемъ посѣщеніи начальства у насъ тотчасъ же предугадали. Предугадали тоже, что непремѣнно будутъ обыски, и заранѣе все припрятали. Знали, что начальство въ этихъ случаяхъ всегда крѣпко заднимъ умомъ. Такъ и случилось, была большая суматоха: все перерыли, все переискали и—ничего не нашли, разумѣется. На послѣобѣденную работу отправили арестантовъ подъ конвоемъ усиленнымъ. Ввечеру караульные навѣдывались въ острогѣ поминутно; пересчитали людей лишній разъ противъ обыкновеннаго; при этомъ обсчитались раза два противъ обыкновеннаго. Отъ этого вышла опять суетня: выгнали всѣхъ на дворъ и сосчитали сызнова. Потомъ просчитали еще разъ, по казармамъ... Однимъ словомъ, много было хлопотъ.

Но арестанты и въ усъ себѣ не дули. Всѣ они смотрѣли чрезвычайно независимо и, какъ это всегда водится въ такихъ случаяхъ, вели себя необыкновенно чинно во весь этотъ вечеръ: «Ни къ чему значитъ придраться нельзя». Само собою начальство думало: «не остались ли въ острогѣ соумышленники бѣжавшихъ?» и велѣло присматривать, прислушиваться къ арестантамъ. Но арестанты только смѣялись. «Таково ли это дѣло, чтобъ оставлять по себѣ соумышленниковъ!» «Дѣло это тихими стопами дѣлается, а не какъ иначе». «Да и такой ли человѣкъ Куликовъ, такой ли человѣкъ А—въ, чтобъ въ эдакомъ дѣлѣ концовъ не схоронить? Сдѣлано мастерски, шито-крыто. Народъ сквозь мѣдныя трубы прошелъ, сквозь запертыя двери пройдутъ!» Однимъ словомъ, Куликовъ и А—въ возросли въ своей славѣ; всѣ гордились ими. Чувствовали, что подвигъ ихъ дойдетъ до отдаленнѣйшаго потомства каторжныхъ, острогъ переживетъ.

— Народъ мастеръ! — говорили одни.

— Вотъ думали, что у насъ не бѣгутъ. Бѣжали же?.. — прибавляли другіе.

— Бѣжали! — выискался третій, съ нѣкоторою властью озираясь кругомъ. — Да кто бѣжалъ-то!.. Тебѣ, что ли, пара?

Въ другое время арестантъ, къ которому относились эти слова, непремѣнно отвѣчалъ бы на вызовъ и защитилъ свою честь. Но теперь онъ скромно промолчалъ. «Въ самомъ дѣлѣ, не всѣ жъ такіе, какъ Куликовъ и А—въ, покажи себя сначала» ...

— И чего это мы, братцы, взаправду живемъ здѣсь? — прерываетъ молчаніе четвертый, скромно сидящій у кухоннаго окошка, говоря нѣсколько нараспѣвъ отъ какого-то разслабеннаго, но въ тайнѣ самодовольнаго чувства, и подпирая ладонью щеку. — Что мы здѣсь? Жили — не люди, померли — не покойники. Э-эхъ!

— Дѣло не башмакъ. Съ ноги не сбросишь. Чего э-эхъ?

— Да вотъ же Куликовъ... — ввязался одинъ изъ горячихъ, молодой и желторотый паренекъ.

— Куликовъ! — подхватываетъ тотчасъ же другой, презрительно скосивъ глаза на желторотаго парня, — Куликовъ!

То-есть это значитъ: много ли Куликовыхъ-то?

— Ну и А—въ же, братцы, дошлый, ухъ, дошлый!

— Куды! Этотъ и Куликова между пальцами обернетъ. Кольцовъ не найти концовъ!

— А далеко ль они теперь ушли, братцы, желательно знать...

И тотчасъ же пошли разговоры, далеко ль они ушли? И въ какую сторону пошли? И гдѣ бы имъ лучше идти? И какая волость ближе? Нашлись люди, знающіе окрестности. Ихъ съ любопытствомъ слушали. Говорили о жителяхъ сосѣднихъ деревень и рѣшили, что этотъ народъ неподходящій. Близко къ го-

роду, натертый народъ; арестантамъ не дадутъ потачки, изловятъ и выдадутъ.

— Мужикъ-отъ тутъ, братцы, лихой живетъ. У-у-у мужикъ!

— Неосновательный мужикъ!

— Сибирякъ соленыя уши. Не попадайся, убьютъ.

— Ну, да наши-то . . .

— Само собой, тутъ ужъ чья возьметъ. И наши не такой народъ.

— А вотъ не помремъ, такъ услышимъ.

— А ты что думалъ? Изловятъ?

— Я думаю, ихъ ни въ жисть не изловятъ! — подхватываетъ другой изъ горячихъ, ударивъ кулакомъ по столу.

— Гм. Ну, тутъ ужъ какъ обернется.

— А я вотъ что, братцы, думаю, — подхватываетъ Скуратовъ, — будь я бродяга, меня бы ни въ жисть не поймали!

— Тебя-то!

Начинается смѣхъ, другіе дѣлаютъ видъ, что и слушать-то не хотятъ. Но Скуратовъ уже расходился.

— Ни въ жисть не поймаютъ! — подхватываетъ онъ съ энергіей, — я, братцы, часто про себя это думаю, и самъ на себя дивлюсь, вотъ кажись сквозь щелку бы пролѣзъ, а не поймали бъ.

— Небось проголодаешься, къ мужику за хлѣбомъ придешь.

Общій хохотъ.

— За хлѣбомъ! Врешь!

— Да ты что языкомъ-то колотишь? Вы съ дядей Васей коровью смерть убили[1], оттого и сюда пришли.

Хохотъ подымается сильнѣе. Серьезные смотрятъ еще съ большимъ негодованіемъ.

---

[1]) То-есть убили мужика или бабу, подозрѣвая, что они пустили по вѣтру порчу, отъ которой падаетъ скотъ. У насъ былъ одинъ такой убійца.

— Анъ врешь! — кричитъ Скуратовъ, — это Микитка про меня набухвостилъ, да и не про меня, а про Ваську, а меня ужъ такъ заодно приплели. Я москвичъ и сыздѣтства на бродяжествѣ испытанъ. Меня, какъ дьячокъ еще грамотѣ училъ, тянетъ, бывало, за ухо: тверди «помилуй мя, Боже, по велицей милости твоей» и такъ дальше... А я и твержу за нимъ: «повели меня въ полицію по милости твоей» и такъ дальше... Такъ вотъ я какъ съ самаго сызмалѣтства поступать началъ.

Всѣ опять захохотали. Но Скуратову того и надо было. Онъ не могъ не дурачиться. Скоро его бросили и принялись опять за серьезные разговоры. Судили больше старики и знатоки дѣла. Люди помоложе и посмирнѣе только радовались на нихъ глядя и просовывали головы послушать; толпа собралась на кухнѣ большая; разумѣется, унтеръ-офицеровъ тутъ не было. При нихъ бы всего не стали говорить. Изъ особенно радовавшихся я замѣтилъ одного татарина, Маметку, высокаго роста, скулистаго, чрезвычайно комическую фигуру. Онъ почти ничего не говорилъ по-русски и почти ничего не понималъ, что другіе говорятъ, но туда же просовывалъ голову изъ-за толпы и слушалъ, съ наслажденіемъ слушалъ.

— Что, Маметка, якши? — присталъ къ нему отъ нечего дѣлать отвергнутый всѣми Скуратовъ.

— Якши! Ухъ, якши! — забормоталъ весь оживляясь Маметка, кивая Скуратову своей смѣшной головой, — якши!

— Не поймаютъ ихъ? Іокъ?

— Іокъ, іокъ! — и Маметка заболталъ опять, на этотъ разъ уже размахивая руками.

— Значитъ твоя врала, моя не разобрала, такъ, что ли?

— Такъ, такъ, якши! — подхватилъ Маметка, кивая головою.

— Ну и якши!

И Скуратовъ, щелкнувъ его по шапкѣ и нахлобучивъ ее ему на глаза, вышелъ изъ кухни въ веселѣйшемъ расположеніи духа, оставивъ въ нѣкоторомъ изумленіи Маметку.

Цѣлую недѣлю продолжались строгости въ острогѣ и усиленные погони и поиски въ окрестностяхъ. Не знаю какимъ образомъ, но арестанты тотчасъ же и въ точности получали всѣ извѣстія о маневрахъ начальства внѣ острога. Въ первые дни всѣ извѣстія были въ пользу бѣжавшихъ: ни слуху ни духу, пропали да и только. Наши только посмѣивались. Всякое безпокойство о судьбѣ бѣжавшихъ исчезло. «Ничего не найдутъ, никого не поймаютъ!» говорили у насъ съ самодовольствіемъ.

— Нѣтъ ничего; пуля!

— Прощайте, не стращайте, скоро ворочусь!

Знали у насъ, что всѣхъ окрестныхъ крестьянъ сбили на ноги, сторожили всѣ подозрительныя мѣста, всѣ лѣса, всѣ овраги.

— Вздоръ, — говорили наши подсмѣиваясь, — и у нихъ вѣрно есть такой человѣкъ, у котораго они теперь проживаютъ.

— Безпремѣнно есть! — говорили другіе, — не такой народъ; все впередъ изготовили.

Пошли еще дальше въ предположеніяхъ: стали говорить, что бѣглецы до сихъ поръ, можетъ, еще въ форштадтѣ сидятъ, гдѣ-нибудь въ погребѣ переживаютъ, пока «трелога» пройдетъ, да волоса обрастутъ. Полгода, годъ проживутъ, а тамъ и пойдутъ...

Однимъ словомъ, всѣ были даже въ какомъ-то романическомъ настроеніи духа. Какъ вдругъ, дней восемь спустя послѣ побѣга, пронесся слухъ, что напали на слѣдъ. Разумѣется, нелѣпый слухъ былъ тотчасъ же отвергнутъ съ презрѣніемъ. Но въ тотъ же

вечеръ слухъ подтвердился. Арестанты начали тревожиться. На другой день поутру стали по городу говорить, что уже изловили, везутъ. Послѣ обѣда узнали еще больше подробностей; изловили въ семидесяти верстахъ, въ какой-то деревнѣ. Наконецъ, получилось точное извѣстіе. Фельдфебель, воротясь отъ майора, объявилъ положительно, что къ вечеру ихъ привезутъ, прямо въ кордегардію при острогѣ. Сомнѣваться уже было невозможно. Трудно передать впечатлѣніе, произведенное этимъ извѣстіемъ на арестантовъ. Сначала точно всѣ разсердились, потомъ пріуныли. Потомъ проглянуло какое-то поползновеніе къ насмѣшкѣ. Стали смѣяться, но ужъ не надъ ловившими, а надъ пойманными, сначала немногіе, потомъ почти всѣ, кромѣ нѣкоторыхъ серьезныхъ и твердыхъ, думавшихъ самостоятельно и которыхъ не могли сбить съ толку насмѣшками. Они съ презрѣніемъ смотрѣли на легкомысліе массы и молчали про себя.

Однимъ словомъ, въ той же мѣрѣ какъ прежде возносили Куликова и А—ва, такъ теперь унижали ихъ, даже съ наслажденіемъ унижали. Точно они всѣхъ чѣмъ-то обидѣли. Разсказывали съ презрительнымъ видомъ, что имъ ѣсть очень захотѣлось, что они не вынесли голоду и пошли въ деревню къ мужикамъ просить хлѣба. Это уже была послѣдняя степень униженія для бродяги. Впрочемъ, эти разсказы были невѣрны. Бѣглецовъ выслѣдили; они скрылись въ лѣсу; окружили лѣсъ со всѣхъ сторонъ народомъ. Тѣ, видя, что нѣтъ возможности спастись, сдались сами. Больше имъ ничего не оставалось дѣлать.

Но когда ихъ во вечеру дѣйствитіельно привезли, связанныхъ по рукамъ и по ногамъ, съ жандармами, вся каторга высыпала къ палямъ смотрѣть, что съ ними будутъ дѣлать. Разумѣется, ничего не увидали, кромѣ майорскаго и комендантскаго экипажа у кордегардіи. Бѣглецовъ посадили въ секретную, заковали и

назавтра же отдали подъ судъ. Насмѣшки и презрѣніе арестантовъ вскорѣ упали сами собою. Узнали дѣло подробнѣе, узнали, что нечего было больше дѣлать какъ сдаться, и всѣ стали сердечно слѣдить за ходомъ дѣла въ судѣ.

— Пробуровятъ тысячу, — говорили одни.

— Куда тысячу! — говорили другіе, — забьютъ. А—ву пожалуй тысячу, а того забьютъ, потому, братецъ ты мой, особаго отдѣленія.

Однакожъ не угадали. А—ву вышло всего пятьсотъ; взяли во вниманіе его удовлетворительное прежнее поведеніе и первый поступокъ. Куликову дали, кажется, полторы тысячи. Наказывали довольно милосердно. Они, какъ люди толковые, никого передъ судомъ не запутали, говорили ясно, точно, говорили, что прямо бѣжали изъ крѣпости, не заходя никуда. Всѣхъ больше мнѣ было жаль Коллера: онъ все потерялъ, послѣднія надежды свои, прошелъ больше всѣхъ, кажется, двѣ тысячи и отправленъ былъ куда-то арестантомъ, только не въ нашъ острогъ. А—ва наказали слабо, жалѣючи; помогали этому лѣкаря. Но онъ куражился и громко говорилъ въ госпиталѣ, что ужъ теперь онъ на все пошелъ, на все готовъ и не то еще сдѣлаетъ. Куликовъ велъ себя по-всегдашнему, то-есть солидно, прилично, и, воротясь послѣ наказанія въ острогъ, смотрѣлъ такъ, какъ будто никогда изъ него не отлучался. Но не такъ смотрѣли на него арестанты: несмотря на то, что Куликовъ всегда и вездѣ умѣлъ поддержать себя, арестанты въ душѣ какъ-то перестали уважать его, какъ-то болѣе за панибрата стали съ нимъ обходиться. Однимъ словомъ, съ этого побѣга слава Куликова сильно померкла. Успѣхъ такъ много значитъ между людьми...

X

Выходъ изъ каторги

Все это случилось уже въ послѣдній годъ моей каторги. Этотъ послѣдній годъ почти такъ же памятенъ мнѣ, какъ и первый, особенно самое послѣднее время въ острогѣ. Но что говорить о подробностяхъ. Помню только, что въ этотъ годъ, несмотря на все мое нетерпѣніе поскорѣй кончить срокъ, мнѣ было легче жить, чѣмъ во всѣ предыдущіе годы ссылки. Во-первыхъ, между арестантами у меня было много друзей и пріятелей, окончательно рѣшившихъ, что я хорошій человѣкъ. Многіе изъ нихъ были мнѣ преданы и искренно любили меня. Піонеръ чуть не заплакалъ, провожая меня и товарища моего изъ острога, и когда мы потомъ, уже по выходѣ, еще цѣлый мѣсяцъ жили въ этомъ городѣ, въ одномъ казенномъ зданіи, онъ почти каждый день заходилъ къ намъ, такъ только, чтобъ поглядѣть на насъ. Были однако и личности суровыя и непривѣтливыя до конца, которымъ, кажется, тяжело было сказать со мной слово — Богъ знаетъ отчего. Казалось, между нами стояла какая-то перегородка.

Въ послѣднее время я вообще имѣлъ больше льготъ, чѣмъ во все время каторги. Въ томъ городѣ между служащими военными у меня оказались знакомые, и даже давнишніе школьные товарищи. Я возобновилъ съ ними сношенія. Черезъ нихъ я могъ имѣть больше денегъ, могъ писать на родину и даже могъ имѣть книги. Уже нѣсколько лѣтъ, какъ я не читалъ ни одной книги, и трудно отдать отчетъ о томъ странномъ и вмѣстѣ волнующемъ впечатлѣніи, которое произвела во мнѣ первая прочитанная мною въ острогѣ книга. Помню, я началъ читать ее съ вечера, когда заперли казарму, и прочиталъ всю ночь до зари. Это былъ номеръ одного журнала. Точно вѣсть съ того свѣта прилетѣла ко мнѣ, прежняя жизнь вся ярко и свѣтло воз-

стала передо мной, и я старался угадать по прочитанному: много ль я отсталъ отъ этой жизни? Много ль прожили они тамъ безъ меня, что ихъ теперь волнуетъ, какіе вопросы ихъ теперь занимаютъ? Я придирался къ словамъ, читалъ между строчками, старался находить таинственный смыслъ, намеки на прежнее; отыскивалъ слѣды того, что прежде, въ мое время, волновало людей, и такъ грустно мнѣ было теперь на дѣлѣ сознать, до какой степени я былъ чуждъ въ новой жизни, сталъ ломтемъ отрѣзаннымъ. Надо было привыкать къ новому, знакомиться съ новымъ поколѣніемъ. Особенно бросался я на статью, подъ которой находилъ имя знакомаго, близкаго прежде человѣка... Но уже звучали и новыя имена: явились новые дѣятели, и я съ жадностью спѣшилъ съ ними познакомиться и досадовалъ, что у меня такъ мало книгъ въ виду, и что такъ трудно добираться до нихъ. Прежде же, при прежнемъ плацъ-майорѣ, даже опасно было носить книги въ каторгу. Въ случаѣ обыска были бы непремѣнно запросы: «откуда книги? Гдѣ взялъ? Стало быть, имѣешь сношенія!..» А что могъ я отвѣчать на такіе запросы? И потому, живя безъ книгъ, я поневолѣ углублялся въ самого себя, задавалъ себѣ вопросы, старался разрѣшить ихъ, мучился ими иногда... Но вѣдь всего этого такъ не перескажешь!..

Поступилъ я въ острогъ зимой и потому зимой же долженъ былъ выйти на волю, въ то самое число мѣсяца, въ которое прибылъ. Съ какимъ нетерпѣніемъ я ждалъ зимы, съ какимъ наслажденіемъ смотрѣлъ въ концѣ лѣта, какъ вянетъ листъ на деревѣ и блекнетъ трава въ степи. Но вотъ уже прошло и лѣто, завылъ осенній вѣтеръ; вотъ уже началъ порхать первый снѣгъ... Настала, наконецъ, эта зима, давно ожидаемая! Сердце мое начинало подчасъ глухо и крѣпко биться отъ великаго предчувствія свободы. Но странное дѣло: чѣмъ больше истекало время и чѣмъ

ближе подходилъ срокъ, тѣмъ терпѣливѣе и терпѣливѣе я становился. Около самыхъ послѣднихъ дней я даже удивился и попрекнулъ себя: мнѣ показалось, что я сталъ совершенно хладнокровенъ и равнодушенъ. Многіе, встрѣчавшіеся мнѣ на дворѣ въ шабашное время арестанты, заговаривали со мной, поздравляли меня:

— Вотъ выйдете, батюшка Александръ Петровичъ, на слободу, скоро, скоро. Оставите насъ однихъ, бобылей.

— А что, Мартыновъ, вамъ-то скоро ли? — отвѣчаю я.

— Мнѣ-то! Ну, да ужъ что! Лѣтъ семь еще и я промаюсь...

И вздохнетъ про себя, остановится, посмотритъ разсѣянно, точно заглядывая въ будущее... Да, многіе искренно и радостно поздравляли меня. Мнѣ показалось, что и всѣ какъ будто стали со мной обращаться привѣтливѣе. Я видимо становился имъ уже не свой; они уже прощались со мной. К—чинскій, полякъ изъ дворянъ, тихій и кроткій молодой человѣкъ, тоже, какъ и я, любилъ много ходить въ шабашное время по двору. Онъ думалъ чистымъ воздухомъ и моціономъ сохранить свое здоровье и наверстать весь вредъ душныхъ казарменныхъ ночей. «Я съ нетерпѣніемъ жду вашего выхода, — сказалъ онъ мнѣ съ улыбкою, встрѣтясь однажды со мной на прогулкѣ: — вы выйдете и *ужъ я буду знать тогда*, что мнѣ ровно годъ остается до выхода».

Замѣчу здѣсь мимоходомъ, что вслѣдствіе мечтательности и долгой отвычки свобода казалась у насъ въ острогѣ какъ-то свободнѣе настоящей свободы, то-есть той, которая есть въ самомъ дѣлѣ, въ дѣйствительности. Арестанты преувеличивали понятіе о дѣйствительной свободѣ, и это такъ естественно, такъ свойственно всякому арестанту. Какой-нибудь оборванный офицерскій денщикъ считался у насъ чуть не королемъ, чуть не идеаломъ свободнаго человѣка, сравнительно съ аре-

стантами, оттого что онъ ходилъ небритый, безъ кандаловъ и безъ конвоя.

Наканунѣ самаго послѣдняго дня, въ сумерки, я обошелъ *въ послѣдній разъ* около паль весь нашъ острогъ. Сколько тысячъ разъ я обошелъ эти пали во всѣ эти годы! Здѣсь за казармами скитался я въ первый годъ моей каторги одинъ, сиротливый, убитый. Помню, какъ я считалъ тогда, сколько тысячъ дней мнѣ остается. Господи, какъ давно это было! Вотъ здѣсь, въ этомъ углу, проживалъ въ плѣну нашъ орелъ; вотъ здѣсь встрѣчалъ меня часто Петровъ. Онъ и теперь не отставалъ отъ меня. Подбѣжитъ и, какъ бы угадывая мысли мои, молча идетъ подлѣ меня и точно про себя чему-то удивляется. Мысленно прощался я съ этими почернѣлыми бревенчатыми срубами нашихъ казармъ. Какъ непривѣтливо поразили они меня *тогда*, въ первое время. Должно быть, и они теперь постарѣли противъ тогдашняго; но мнѣ это непримѣтно. И сколько въ этихъ стѣнахъ было погребено напрасно молодости, сколько великихъ силъ погибло здѣсь даромъ! Вѣдь надо ужъ все сказать: вѣдь этотъ народъ необыкновенный былъ народъ. Вѣдь это, можетъ быть, и есть самый даровитый, самый сильный народъ изъ всего народа нашего. Но погибли даромъ могучія силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно. А кто виноватъ?

То-то, кто виноватъ?

На другое утро рано, еще передъ выходомъ на работу, когда только еще начинало свѣтать, обошелъ я всѣ казармы, чтобъ попрощаться со всѣми арестантами. Много мозолистыхъ, сильныхъ рукъ протянулось ко мнѣ привѣтливо. Иныя жали ихъ совсѣмъ по-товарищески, но такихъ было немного. Другіе уже очень хорошо понимали, что я сейчасъ стану совсѣмъ другой человѣкъ, чѣмъ они. Знали, что у меня въ городѣ есть знакомство, что я тотчасъ же отправлюсь отсюда

къ *господамъ* и рядомъ сяду съ этими господами, какъ равный. Они это понимали и прощались со мной хоть и привѣтливо, хоть и ласково, но далеко не какъ съ товарищемъ, а будто съ бариномъ. Иные отвертывались отъ меня и сурово не отвѣчали на мое прощаніе. Нѣкоторые посмотрѣли даже съ какою-то ненавистью.

Пробилъ барабанъ, и всѣ отправились на работу, а я остался дома. Сушиловъ въ это утро всталъ чуть не раньше всѣхъ и изъ всѣхъ силъ хлопоталъ, чтобъ успѣть приготовить мнѣ чай. Бѣдный Сушиловъ! Онъ заплакалъ, когда я подарилъ ему мои арестантскіе обноски, рубашки, подкандальники и нѣсколько денегъ. «Мнѣ не это, не это! — говорилъ онъ, черезъ силу сдерживая свои дрожавшія губы: — мнѣ васъ-то каково потерять, Александръ Петровичъ? На кого безъ васъ-то я здѣсь останусь!» Въ послѣдній разъ простились мы и съ Акимъ Акимычемъ.

— Вотъ и вамъ скоро! — сказалъ я ему.

— Мнѣ долго-съ, мнѣ еще очень долго здѣсь быть-съ, — бормоталъ онъ, пожимая мою руку. Я бросился ему на шею, и мы поцѣловались.

Минутъ десять спустя послѣ выхода арестантовъ, вышли и мы изъ острога, чтобъ никогда въ него не возвращаться, — я и мой товарищъ, съ которымъ я прибылъ. Надо было идти прямо въ кузницу, чтобъ расковать кандалы. Но уже конвойный съ ружьемъ не сопровождалъ насъ: мы пошли съ унтеръ-офицеромъ. Расковали насъ наши же арестанты, въ инженерной мастерской. Я подождалъ, покамѣстъ раскуютъ товарища, а потомъ и самъ подошелъ къ наковальнѣ. Кузнецы обернули меня спиной къ себѣ, подняли сзади мою ногу, положили на наковальню... Они суетились, хотѣли сдѣлать ловчѣе, лучше.

— Заклепку-то, заклепку-то повороти перво-наперво!.. — командовалъ старшій: — установь ее, вотъ такъ, ладно... Бей теперь молотомъ...

Кандалы упали. Я поднялъ ихъ... Мнѣ хотѣлось подержать ихъ въ рукѣ, взглянуть на нихъ въ послѣдній разъ. Точно я дивился теперь, что онѣ сейчасъ были на моихъ же ногахъ.

— Ну, съ Богомъ! Съ Богомъ! — говорили арестанты отрывистыми, грубыми, но какъ будто чѣмъ-то довольными голосами.

Да, съ Богомъ! Свобода, новая жизнь, воскресеніе изъ мертвыхъ... Экая славная минута!

1861—1862.

Игрокъ

(Изъ записокъ молодого человѣка)

Романъ

I

Наконецъ, я возвратился изъ моей двухнедѣльной отлучки. Наши уже три дня какъ были въ Рулетенбургѣ. Я думалъ, что они и Богъ знаетъ какъ ждутъ меня, однакожъ ошибся. Генералъ смотрѣлъ чрезвычайно независимо, поговорилъ со мной свысока и отослалъ меня къ сестрѣ. Было ясно, что они гдѣ-нибудь перехватили денегъ. Мнѣ показалось даже, что генералу нѣсколько совѣстно глядѣть на меня. Марья Филипповна была въ чрезвычайныхъ хлопотахъ и поговорила со мною слегка; деньги однакожъ приняла, сосчитала и выслушала весь мой рапортъ. Къ обѣду ждали Мезенцова, французика и еще какого-то англичанина; какъ водится, деньги есть, такъ тотчасъ и званый обѣдъ; по-московски. Полина Александровна, увидѣвъ меня, спросила: что я такъ долго? И не дождавшись отвѣта, ушла куда-то. Разумѣется, она сдѣлала это нарочно. Намъ однакожъ надо объясниться. Много накопилось.

Мнѣ отвели маленькую комнатку, въ четвертомъ этажѣ отеля. Здѣсь извѣстно, что я принадлежу *къ свитѣ генерала.* По всему видно, что они успѣли-таки дать себя знать. Генерала считаютъ здѣсь всѣ богатѣйшимъ русскимъ вельможей. Еще до обѣда, онъ успѣлъ, между другими порученіями, дать мнѣ два тысячефранковыхъ билета размѣнять. Я размѣнялъ ихъ въ

конторѣ отеля. Теперь на насъ будутъ смотрѣть, какъ на милліонеровъ, по крайней мѣрѣ, цѣлую недѣлю. Я хотѣлъ было взять Мишу и Надю и пойти съ ними гулять; но съ лѣстницы меня позвали къ генералу; ему заблагоразсудилось освѣдомиться, куда я ихъ поведу? Этотъ человѣкъ рѣшительно не можетъ смотрѣть мнѣ прямо въ глаза; онъ бы и очень хотѣлъ, но я каждый разъ отвѣчаю ему такимъ пристальнымъ, то-есть непочтительнымъ взглядомъ, что онъ какъ будто конфузится. Въ весьма напыщенной рѣчи, насаживая одну фразу на другую, и, наконецъ, совсѣмъ запутавшись, онъ далъ мнѣ понять, чтобъ я гулялъ съ дѣтьми гдѣ-нибудь, подальше отъ вокзала, въ паркѣ. Наконецъ, онъ разсердился совсѣмъ и круто прибавилъ: «А то вы, пожалуй, ихъ въ вокзалъ, на рулетку, поведете. Вы меня извините, — прибавилъ онъ, — но я знаю, вы еще довольно легкомысленны, и способны, пожалуй, играть. Во всякомъ случаѣ, хоть я и не менторъ вашъ, да и роли такой на себя брать не желаю, но, по крайней мѣрѣ, имѣю право пожелать, чтобы вы, такъ сказать, меня-то не скомпрометировали»...

— Да вѣдь у меня и денегъ нѣтъ, — отвѣчалъ я спокойно; — чтобы проиграться, нужно ихъ имѣть.

— Вы ихъ немедленно получите, — отвѣтилъ генералъ, покраснѣвъ немного, порылся у себя въ бюро, справился въ книжкѣ и оказалось, что за нимъ моихъ денегъ около 120 рублей.

— Какъ же мы сосчитаемся, — заговорилъ онъ, — надо переводить на талеры. Да вотъ возьмите 100 талеровъ, круглымъ счетомъ, — остальное, конечно, не пропадетъ.

Я молча взялъ деньги.

— Вы, пожалуйста, не обижайтесь моими словами, вы такъ обидчивы... Если я вамъ замѣтилъ, то я, такъ сказать, васъ предостерегъ, и ужъ, конечно, имѣю на то нѣкоторое право...

Возвращаясь предъ обѣдомъ съ дѣтьми домой, я встрѣтилъ цѣлую кавалькаду. Наши ѣздили осматривать какія-то развалины. Двѣ превосходныя коляски, великолѣпныя лошади! Mademoiselle Blanche въ одной коляскѣ съ Марьей Филипповной и Полиной; французикъ, англичанинъ и нашъ генералъ верхами. Прохожіе останавливались и смотрѣли; эффектъ былъ произведенъ; только генералу не сдобровать. Я разсчиталъ, что съ четырьмя тысячами франковъ, которыя я привезъ, да прибавивъ сюда то, что они, очевидно, успѣли перехватить, у нихъ теперь есть семь или восемь тысячъ франковъ; это слишкомъ мало для m-lle Blanche.

M-lle Blanche стоитъ тоже въ нашемъ отелѣ, вмѣстѣ съ матерью; гдѣ-то тутъ же и нашъ французикъ. Лакеи называютъ его «m-r le comte», мать m-lle Blanche называется «m-me la comtesse»; что жъ, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ они comte et comtesse.

Я такъ и зналъ, что m-r le comte меня не узнаетъ, когда мы соединимся за обѣдомъ. Генералъ, конечно, и не подумалъ бы насъ знакомить или хоть меня ему отрекомендовать; а m-r le comte самъ бывалъ въ Россіи и знаетъ, какъ невелика птица — то, что они называютъ *outchitel*. Онъ, впрочемъ, меня очень хорошо знаетъ. Но, признаться, я и къ обѣду-то явился непрошеннымъ; кажется, генералъ позабылъ распорядиться, а то бы навѣрное послалъ меня обѣдать за table d'hôt'омъ. Я явился самъ, такъ что генералъ посмотрѣлъ на меня съ неудовольствіемъ. Добрая Марья Филипповна тотчасъ же указала мнѣ мѣсто; но встрѣча съ мистеромъ Астлеемъ меня выручила, и я, поневолѣ, оказался принадлежащимъ къ ихъ обществу.

Этого страннаго англичанина я встрѣтилъ сначала въ Пруссіи, въ вагонѣ, гдѣ мы сидѣли другъ противъ друга, когда я догонялъ нашихъ; потомъ я столкнулся съ нимъ, въѣзжая во Францію, наконецъ, въ Швейцаріи; въ теченіе этихъ двухъ недѣль два раза, — и

вотъ теперь я вдругъ встрѣтилъ его уже въ Рулетенбургѣ. Я никогда въ жизни не встрѣчалъ человѣка болѣе застѣнчиваго; онъ застѣнчивъ до глупости и самъ, конечно, знаетъ объ этомъ, потому что онъ вовсе не глупъ. Впрочемъ, онъ очень милый и тихій. Я заставилъ его разговориться при первой встрѣчѣ въ Пруссіи. Онъ объявилъ мнѣ, что былъ нынѣшнимъ лѣтомъ на Нордъ-Капѣ и что весьма хотѣлось ему быть на Нижегородской ярмаркѣ. Не знаю, какъ онъ познакомился съ генераломъ; мнѣ кажется, что онъ безпредѣльно влюбленъ въ Полину. Когда она вошла, онъ вспыхнулъ, какъ зарево. Онъ былъ очень радъ, что за столомъ я сѣлъ съ нимъ рядомъ, и, кажется, уже считаетъ меня своимъ закадычнымъ другомъ.

За столомъ французикъ тонировалъ необыкновенно; онъ со всѣми небреженъ и важенъ. А въ Москвѣ, я помню, пускалъ мыльные пузыри. Онъ ужасно много говорилъ о финансахъ и о русской политикѣ. Генералъ иногда осмѣливался противорѣчить, — но скромно, единственно настолько, чтобъ не уронить окончательно своей важности.

Я былъ въ странномъ настроеніи духа; разумѣется, я еще до половины обѣда успѣлъ задать себѣ мой обыкновенный и всегдашній вопросъ: «зачѣмъ я валандаюсь съ этимъ генераломъ и давнымъ-давно не отхожу отъ нихъ?» Изрѣдка я взглядывалъ на Полину Александровну; она совершенно не примѣчала меня. Кончилось тѣмъ, что я разозлился и рѣшился грубить.

Началось тѣмъ, что я вдругъ, ни съ того, ни съ сего, громко и безъ спросу ввязался въ чужой разговоръ. Мнѣ, главное, хотѣлось поругаться съ французикомъ. Я оборотился къ генералу и вдругъ совершенно громко и отчетливо, и, кажется, перебивъ его, замѣтилъ, что нынѣшнимъ лѣтомъ русскимъ почти

совсѣмъ нельзя обѣдать въ отеляхъ за табльд'отами. Генералъ устремилъ на меня удивленный взглядъ.

— Если вы человѣкъ себя уважающій, — пустился я далѣе, — то непремѣнно напроситесь на ругательства и должны выносить чрезвычайные щелчки. Въ Парижѣ и на Рейнѣ, даже въ Швейцаріи, за табльд'отами такъ много полячишекъ и имъ сочувствующихъ французиковъ, что нѣтъ возможности вымолвить слова, если вы только русскій.

Я проговорилъ это по-французски. Генералъ смотрѣлъ на меня въ недоумѣніи, не зная, разсердиться ли ему, или только удивиться, что я такъ забылся.

— Значитъ, васъ кто-нибудь и гдѣ-нибудь проучилъ, — сказалъ французикъ небрежно и презрительно.

— Я въ Парижѣ сначала поругался съ однимъ полякомъ, — отвѣтилъ я, — потомъ съ однимъ французскимъ офицеромъ, который поляка поддерживалъ. А затѣмъ ужъ часть французовъ перешла на мою сторону, когда я имъ разсказалъ, какъ я хотѣлъ плюнуть въ кофе монсиньора.

— Плюнуть? — спросилъ генералъ съ важнымъ недоумѣніемъ, и даже осматриваясь. Французикъ оглядывалъ меня недовѣрчиво.

— Точно такъ-съ, — отвѣчалъ я. — Такъ какъ я цѣлыхъ два дня былъ убѣжденъ, что придется, можетъ быть, отправиться по нашему дѣлу на минутку въ Римъ, то и пошелъ въ канцелярію посольства святѣйшаго отца въ Парижѣ, чтобъ визировать паспортъ. Тамъ меня встрѣтилъ аббатикъ, лѣтъ пятидесяти, сухой и съ морозомъ въ физіономіи, и, выслушавъ меня вѣжливо, но чрезвычайно сухо, просилъ подождать. Я хоть и спѣшилъ, но, конечно, сѣлъ ждать, вынулъ *Opinion nationale* и сталъ читать страшнѣйшее ругательство противъ Россіи. Между тѣмъ, я слышалъ, какъ чрезъ сосѣднюю комнату кто-то прошелъ къ мон-

синьору; я видѣлъ, какъ мой аббатъ раскланивался. Я обратился къ нему съ прежнею просьбою; онъ еще суше попросилъ меня опять подождать. Немного спустя вошелъ кто-то еще незнакомый, но за дѣломъ, — какой-то австріецъ; его выслушали и тотчасъ же проводили наверхъ. Тогда мнѣ стало очень досадно; я всталъ, подошелъ къ аббату и сказалъ ему рѣшительно, что такъ какъ монсиньоръ принимаетъ, то можетъ кончить и со мною. Вдругъ аббатъ отшатнулся отъ меня съ необычайнымъ удивленіемъ. Ему просто не понятно стало, какимъ это образомъ смѣетъ ничтожный русскій равнять себя съ гостями монсиньора? Самымъ нахальнымъ тономъ, какъ бы радуясь, что можетъ меня оскорбить, обмѣрилъ онъ меня съ ногъ до головы и вскричалъ: — «такъ неужели жъ вы думаете, что монсиньоръ броситъ для васъ свой кофе?» Тогда и я закричалъ, но еще сильнѣе его: — «такъ знайте жъ, что мнѣ наплевать на кофе вашего монсиньора! Если вы сію же минуту не кончите съ моимъ паспортомъ, то я пойду къ нему самому».

— Какъ! Въ то время, когда у него сидитъ кардиналъ! — закричалъ аббатикъ, съ ужасомъ отъ меня отстраняясь, бросился къ дверямъ и разставилъ крестомъ руки, показывая видъ, что скорѣе умретъ, чѣмъ меня пропуститъ.

Тогда я отвѣтилъ ему, что я еретикъ и варваръ, «que je suis hérétique et barbare», и что мнѣ всѣ эти архіепископы, кардиналы, монсиньоры и проч., и проч. —все равно. Однимъ словомъ, я показалъ видъ, что не отстану. Аббатъ поглядѣлъ на меня съ безконечною злобою, потомъ вырвалъ мой паспортъ и унесъ его наверхъ. Чрезъ минуту онъ былъ уже визированъ. Вотъ-съ, не угодно ли посмотрѣть? — Я вынулъ паспортъ и показалъ римскую визу.

— Вы это, однакоже, — началъ было генералъ...

— Васъ спасло, что вы объявили себя варваромъ

и еретикомъ, — замѣтилъ, усмѣхаясь, французикъ. — «Cela n'était pas si bête».

— Такъ неужели смотрѣть на нашихъ русскихъ? Они сидятъ здѣсь — пикнуть не смѣютъ и готовы, пожалуй, отречься отъ того, что они русскіе. По крайней мѣрѣ, въ Парижѣ, въ моемъ отелѣ со мною стали обращаться гораздо внимательнѣе, когда я всѣмъ разсказалъ о моей дракѣ съ аббатомъ. Толстый польскій панъ, самый враждебный ко мнѣ человѣкъ за табль-д'отомъ, стушевался на второй планъ. Французы даже перенесли, когда я разсказалъ, что года два тому назадъ видѣлъ человѣка, въ котораго французскій егерь въ двѣнадцатомъ году выстрѣлилъ — единственно только для того, чтобъ разрядить ружье. Этотъ человѣкъ былъ тогда еще десятилѣтнимъ ребенкомъ и семейство его не успѣло выѣхать изъ Москвы.

— Этого быть не можетъ, — вскипѣлъ французикъ, — французскій солдатъ не станетъ стрѣлять въ ребенка!

— Между тѣмъ это было, — отвѣчалъ я. — Это мнѣ разсказалъ почтенный отставной капитанъ, и я самъ видѣлъ шрамъ на его щекѣ отъ пули.

Французъ началъ говорить много и скоро. Генералъ сталъ было его поддерживать, но я рекомендовалъ ему прочесть хоть, напримѣръ, отрывки изъ «Записокъ» генерала Перовскаго, бывшаго въ двѣнадцатомъ году въ плѣну у французовъ. Наконецъ, Марья Филипповна о чемъ-то заговорила, чтобъ перебить разговоръ. Генералъ былъ очень недоволенъ мною, потому что мы съ французомъ уже почти начали кричать. Но мистеру Астлею мой споръ съ французомъ, кажется, очень понравился; вставая изъ-за стола, онъ предложилъ мнѣ выпить съ нимъ рюмку вина. Вечеромъ, какъ и слѣдовало, мнѣ удалось съ четверть часа поговорить съ Полиной Александровной. Разговоръ нашъ состоялся на прогулкѣ. Всѣ пошли въ паркъ къ вокзалу. Полина сѣла на скамейку противъ фонтана,

а Наденьку пустила играть недалеко отъ себя съ дѣтьми. Я тоже отпустилъ къ фонтану Мишу, и мы остались, наконецъ, одни.

Сначала начали, разумѣется, о дѣлахъ. Полина просто разсердилась, когда я передалъ ей всего только семьсотъ гульденовъ. Она была увѣрена, что я ей привезу изъ Парижа, подъ залогъ ея бриллiантовъ, по крайней мѣрѣ, двѣ тысячи гульденовъ, или даже болѣе.

— Мнѣ, во что бы то ни стало, нужны деньги, — сказала она, — и ихъ надо добыть; иначе я просто погибла.

Я сталъ разспрашивать о томъ, что сдѣлалось въ мое отсутствiе.

— Больше ничего, что получены изъ Петербурга два извѣстiя: сначала, что бабушкѣ очень плохо, а черезъ два дня, что, кажется, она уже умерла. Это извѣстiе отъ Тимоѳея Петровича, — прибавила Полина, — а онъ человѣкъ точный. Ждемъ послѣдняго окончательнаго извѣстiя.

— Итакъ, здѣсь всѣ въ ожиданiи? — спросилъ я.

— Конечно, всѣ и все; цѣлые полгода на одно это только и надѣялись.

— И вы надѣетесь? — спросилъ я.

— Вѣдь я ей вовсе не родня, я только генералова падчерица. Но я знаю навѣрно, что она обо мнѣ вспомнитъ въ завѣщанiи.

— Мнѣ кажется, вамъ очень много достанется, — сказалъ я утвердительно.

— Да, она меня любила; но почему *вамъ* это кажется?

— Скажите, — отвѣчалъ я вопросомъ, — нашъ маркизъ, кажется, тоже посвященъ во всѣ семейныя тайны?

— А вы сами къ чему объ этомъ интересуе-

тесь? — спросила Полина, поглядѣвъ на меня сурово и сухо.

— Еще бы; если не ошибаюсь, генералъ успѣлъ уже занять у него денегъ.

— Вы очень вѣрно угадываете.

— Ну, такъ далъ ли бы онъ денегъ, если бы не зналъ про бабуленьку? Замѣтили ли вы — за столомъ онъ раза три, что-то говоря о бабушкѣ, назвалъ ее бабуленькой, «la baboulinka». Какія короткія и какія дружественныя отношенія!

— Да, вы правы. Какъ только онъ узнаетъ, что и мнѣ что-нибудь по завѣщанію досталось, то тотчасъ же ко мнѣ и посватается. Это, что ли, вамъ хотѣлось узнать?

— Еще только посватается? Я думалъ, что онъ давно сватается.

— Вы отлично хорошо знаете, что нѣтъ! — съ сердцемъ сказала Полина. — Гдѣ вы встрѣтили этого англичанина? — прибавила она послѣ минутнаго молчанія.

— Я такъ и зналъ, что вы о немъ сейчасъ спросите.

Я разсказалъ ей о прежнихъ моихъ встрѣчахъ съ мистеромъ Астлеемъ по дорогѣ. — Онъ застѣнчивъ и влюбчивъ и ужъ, конечно, влюбленъ въ васъ?

— Да, онъ влюбленъ въ меня, — отвѣчала Полина.

— И ужъ, конечно, онъ въ десять разъ богаче француза. Что, у француза, дѣйствительно есть что-нибудь? Не подвержено это сомнѣнію?

— Не подвержено. У него есть какой-то château. Мнѣ еще вчера генералъ говорилъ объ этомъ рѣшительно. Ну что, довольно съ васъ?

— Я бы, на вашемъ мѣстѣ, непремѣнно вышла замужъ за англичанина.

— Почему? — спросила Полина.

— Французъ красивѣе, но онъ подлѣе; а англи-

чанинъ, сверхъ того что честенъ, еще въ десять разъ богаче, — отрѣзалъ я.

— Да; но зато французъ—маркизъ и умнѣе, — отвѣтила она наиспокойнѣйшимъ образомъ.

— Да вѣрно ли? — продолжалъ я попрежнему.

— Совершенно такъ.

Полинѣ ужасно не нравились мои вопросы, и я видѣлъ, что ей хотѣлось разозлить меня тономъ и дикостію своего отвѣта; я объ этомъ ей тотчасъ же сказалъ.

— Что жъ, меня дѣйствительно развлекаетъ, какъ вы бѣситесь. Ужъ за одно то̀, что я позволяю вамъ дѣлать такіе вопросы и догадки, слѣдуетъ вамъ расплатиться.

— Я дѣйствительно считаю себя въ правѣ дѣлать вамъ всякіе вопросы, — отвѣчалъ я спокойно, — именно потому, что готовъ какъ угодно за нихъ расплатиться, и свою жизнь считаю теперь ни во что.

Полина захохотала:

— Вы мнѣ въ послѣдній разъ, на Шлангенбергѣ, сказали, что готовы по первому моему слову броситься внизъ головою, а тамъ, кажется, до тысячи футовъ. Я когда-нибудь произнесу это слово, единственно затѣмъ, чтобъ посмотрѣть, какъ вы будете расплачиваться, и ужъ будьте увѣрены, что выдержу характеръ. Вы мнѣ ненавистны, — именно тѣмъ, что я такъ много вамъ позволила, и еще ненавистнѣе тѣмъ, что такъ мнѣ нужны. Но покамѣстъ вы мнѣ нужны — мнѣ надо васъ беречь.

Она стала вставать. Она говорила съ раздраженіемъ. Въ послѣднее время она всегда кончала со мною разговоръ со злобою и раздраженіемъ, съ настоящею злобою.

— Позвольте васъ спросить, что такое m-lle Blanche? — спросилъ я, не желая отпустить ее безъ объясненія.

— Вы сами знаете, что такое m-lle Blanche. Больше ничего съ тѣхъ поръ не прибавилось. M-lle Blanche навѣрно будетъ генеральшей, — разумѣется, если слухъ о кончинѣ бабушки подтвердится, потому что и m-lle Blanche, и ея матушка, и троюродный cousin-маркизъ — всѣ очень хорошо знаютъ, что мы разорились.

— А генералъ влюбленъ окончательно?

— Теперь не въ этомъ дѣло. Слушайте и запомните: возьмите эти семьсотъ флориновъ и ступайте играть, выиграйте мнѣ на рулеткѣ сколько можете больше; мнѣ деньги, во что бы то ни стало, теперь нужны.

Сказавъ это, она кликнула Наденьку и пошла къ вокзалу, гдѣ и присоединилась ко всей нашей компаніи. Я же свернулъ на первую попавшуюся дорожку влѣво, обдумывая и удивляясь. Меня точно въ голову ударило послѣ приказанія идти на рулетку. Странное дѣло: мнѣ было о чемъ раздуматься, а между тѣмъ я весь погрузился въ анализъ ощущеній моихъ чувствъ къ Полинѣ. Право, мнѣ было легче въ эти двѣ недѣли отсутствія, чѣмъ теперь, въ день возвращенія, хотя я, въ дорогѣ, и тосковалъ какъ сумасшедшій, метался какъ угорѣлый, и даже во снѣ поминутно видѣлъ ее передъ собою. Разъ (это было въ Швейцаріи), заснувъ въ вагонѣ, я, кажется, заговорилъ вслухъ съ Полиной, чѣмъ разсмѣшилъ всѣхъ сидѣвшихъ со мной проѣзжихъ. И еще разъ теперь я задалъ себѣ вопросъ: люблю ли я ее? И еще разъ не сумѣлъ на него отвѣтить, то-есть, лучше сказать, я опять, въ сотый разъ, отвѣтилъ себѣ, что я ее ненавижу. Да, она была мнѣ ненавистна. Бывали минуты (а именно, каждый разъ при концѣ нашихъ разговоровъ), что я отдалъ бы полжизни, чтобъ задушить ее! Клянусь, если бъ возможно было медленно погрузить въ ея грудь острый ножъ, то я,

мнѣ кажется, схватился бы за него съ наслажденіемъ. А между тѣмъ, клянусь всѣмъ, что есть святого, если бы, на Шлангенбергѣ, на модномъ пуантѣ, она дѣйствительно сказала мнѣ: «бросьтесь внизъ», то я бы тотчасъ же бросился, и даже съ наслажденіемъ. Я зналъ это. Такъ или этакъ, но это должно было разрѣшиться. Все это она удивительно понимаетъ, и мысль о томъ, что я вполнѣ вѣрно и отчетливо сознаю всю ея недоступность для меня, всю невозможность исполненія моихъ фантазій, — эта мысль, я увѣренъ, доставляетъ ей чрезвычайное наслажденіе, иначе могла ли бы она, осторожная и умная, быть со мною въ такихъ короткостяхъ и откровенностяхъ? Мнѣ кажется, она до сихъ поръ смотрѣла на меня какъ та древняя императрица, которая стала раздѣваться при своемъ невольникѣ, считая его не за человѣка. Да, она много разъ считала меня не за человѣка...

Однакожъ, у меня было ея порученіе — выиграть на рулеткѣ, во что бы то ни стало. Мнѣ некогда было раздумывать: для чего и какъ скоро надо выиграть и какія новыя соображенія родились въ этой вѣчно разсчитывающей головѣ? Къ тому же въ эти двѣ недѣли, очевидно, прибавилась бездна новыхъ фактовъ, объ которыхъ я еще не имѣлъ понятія. Все это надо было угадать, во все проникнуть, и какъ можно скорѣе. Но, покамѣстъ, теперь было некогда: надо было отправляться на рулетку.

II

Признаюсь, мнѣ это было непріятно; я хоть и рѣшилъ, что буду играть, но вовсе не располагалъ начинать для другихъ. Это даже сбивало меня нѣсколько съ толку, и въ игорныя залы я вошелъ съ предосаднымъ чувствомъ. Мнѣ тамъ, съ перваго взгляда, все не понравилось. Терпѣть я не могу этой лакейщины въ

фельетонахъ цѣлаго свѣта и преимущественно въ нашихъ русскихъ газетахъ, гдѣ почти каждую весну наши фельетонисты разсказываютъ о двухъ вещахъ: во-первыхъ, о необыкновенномъ великолѣпіи и роскоши игорныхъ залъ въ рулеточныхъ городахъ на Рейнѣ, а во-вторыхъ, — о грудахъ золота, которыя, будто бы, лежатъ на столахъ. Вѣдь не платятъ же имъ за это; это такъ, просто, разсказывается, изъ безкорыстной угодливости. Никакого великолѣпія нѣтъ въ этихъ дрянныхъ залахъ, а золота не только нѣтъ грудами на столахъ, но чуть-чуть-то едва ли бываетъ. Конечно, кой-когда, въ продолженіе сезона, появится вдругъ какой-нибудь чудакъ, или англичанинъ, или азіатъ какой-нибудь, турокъ, какъ нынѣшнимъ лѣтомъ, и вдругъ проиграетъ или выиграетъ очень много; остальные же всѣ играютъ на мелкіе гульдены и, среднимъ числомъ, на столѣ всегда лежитъ очень мало денегъ. Какъ только я вошелъ въ игорную залу (въ первый разъ въ жизни), я нѣкоторое время еще не рѣшался играть. Къ тому же тѣснила толпа. Но если бъ я былъ и одинъ, то и тогда бы, я думаю, скорѣе ушелъ, а не началъ играть. Признаюсь, у меня стукало сердце и я былъ не хладнокровенъ; я навѣрное зналъ и давно уже рѣшилъ, что изъ Рулетенбурга такъ не выѣду; что-нибудь непремѣнно произойдетъ въ моей судьбѣ радикальное и окончательное. Такъ надо и такъ будетъ. Какъ это ни смѣшно, что я такъ много жду для себя отъ рулетки, но мнѣ кажется, еще смѣшнѣе рутинное мнѣніе, всѣми признанное, что глупо и нелѣпо ожидать чего-нибудь отъ игры. И почему игра хуже какого бы то ни было способа добыванія денегъ, напримѣръ, хоть торговли? Оно правда, что выигрываетъ изъ сотни одинъ. Но — какое мнѣ до того дѣло?

Во всякомъ случаѣ, я опредѣлилъ сначала присмотрѣться и не начинать ничего серьезнаго въ этотъ вечеръ. Въ этотъ вечеръ, если бъ что и случилось, то

случилось бы нечаянно и слегка, — и я такъ и положилъ. Къ тому же, надо было и самую игру изучить; потому что, несмотря на тысячи описаній рулетки, которыя я читалъ всегда съ такою жадностію, я рѣшительно ничего не понималъ въ ея устройствѣ, до тѣхъ поръ, пока самъ не увидѣлъ.

Во-первыхъ, мнѣ все показалось такъ грязно, — какъ-то нравственно скверно и грязно. Я отнюдь не говорю про эти жадныя и безпокойныя лица, которыя десятками, даже сотнями, обступаютъ игорные столы. Я рѣшительно не вижу ничего грязнаго въ желаніи выиграть поскорѣе и побольше; мнѣ всегда казалось очень глупою мысль одного отъѣвшагося и обезпеченнаго моралиста, который на чье-то оправданіе: что «вѣдь играютъ по маленькой», отвѣчалъ — тѣмъ хуже, потому что мелкая корысть. Точно мелкая корысть и крупная корысть — не все равно. Это дѣло пропорціональное. Что для Ротшильда мелко, то для меня очень богато, а насчетъ наживы и выигрыша, такъ люди и не на рулеткѣ, а и вездѣ только и дѣлаютъ, что другъ у друга что-нибудь отбиваютъ или выигрываютъ. Гадки ли вообще нажива и барышъ, — это другой вопросъ. Но здѣсь я его не рѣшаю. Такъ какъ я и самъ былъ въ высшей степени одержанъ желаніемъ выигрыша, то вся эта корысть и вся эта корыстная грязь, если хотите, была мнѣ, при входѣ въ залу, какъ-то сподручнѣе, родственнѣе. Самое милое дѣло, когда другъ на друга не церемонятся, а дѣйствуютъ открыто и нараспашку. Да и къ чему самого себя обманывать? Самое пустое и нерасчетливое занятіе! Особенно некрасиво, на первый взглядъ, во всей этой рулеточной сволочи было то уваженіе къ занятію, та серьезность и даже почтительность, съ которыми всѣ обступали столы. Вотъ почему здѣсь рѣзко различено, какая игра называется mauvais genr'омъ и какая позволительная порядочному человѣку. Есть двѣ

игры, одна — джентльменская, а другая — плебейская, корыстная, игра всякой сволочи. Здѣсь это строго различено и — какъ это различіе въ сущности подло! Джентльменъ, напримѣръ, можетъ поставить пять или десять луидоровъ, рѣдко болѣе, впрочемъ можетъ поставить и тысячу франковъ, если очень богатъ, но собственно для одной игры, для одной только забавы, собственно для того, чтобы посмотрѣть на процессъ выигрыша или проигрыша; но отнюдь не долженъ интересоваться самымъ выигрышемъ. Выигравъ, онъ можетъ, напримѣръ, вслухъ засмѣяться, сдѣлать кому-нибудь изъ окружающихъ свое замѣчаніе, даже можетъ поставить еще разъ, и еще разъ удвоить, но единственно только изъ любопытства, для наблюденія надъ шансами, для вычисленій, а не изъ плебейскаго желанія выиграть. Однимъ словомъ, на всѣ эти игорные столы, рулетки и trente et quarante онъ долженъ смотрѣть не иначе, какъ на забаву, устроенную единственно для его удовольствія. Корысти и ловушки, на которыхъ основанъ, устроенъ банкъ, онъ долженъ даже и не подозрѣвать. Очень и очень недурно было бы даже, если бъ ему, напримѣръ, показалось, что и всѣ эти остальные игроки, вся эта дрянь, дрожащая надъ гульденомъ, — совершнно такіе же богачи и джентльмены, какъ и онъ самъ, и играютъ единственно для одного только развлеченія и забавы. Это совершенное незнаніе дѣйствительности и невинный взглядъ на людей были бы, конечно, чрезвычайно аристократичными. Я видѣлъ, какъ многія маменьки выдвигали впередъ невинныхъ и изящныхъ, пятнадцати и шестнадцатилѣтнихъ миссъ, своихъ дочекъ, и давши имъ нѣсколько золотыхъ монетъ, учили ихъ, какъ играть. Барышня выигрывала или проигрывала, непремѣнно улыбалась и отходила очень довольная. Нашъ генералъ солидно и важно подошелъ къ столу; лакей бросился было подать ему стулъ, но онъ не замѣтилъ лакея;

очень долго вынималъ кошелекъ, очень долго вынималъ изъ кошелька триста франковъ золотомъ, поставилъ ихъ на черную и выигралъ. Онъ не взялъ выигрыша и оставилъ его на столѣ. Выша опять черная; онъ и на этотъ разъ не взялъ, и когда въ третій разъ вышла красная, то потерялъ разомъ тысячу двѣсти франковъ. Онъ отошелъ съ улыбкою и выдержалъ характеръ. Я убѣжденъ, что кошки у него скребли на сердцѣ, и будь ставка вдвое или втрое больше, — онъ не выдержалъ бы характера и выказалъ бы волненіе. Впрочемъ, при мнѣ одинъ французъ выигралъ, и потомъ проигралъ, тысячъ до тридцати франковъ, весело и безъ всякаго волненія. Настоящій джентльменъ, если бы проигралъ и все свое состояніе, не долженъ волноваться. Деньги до того должны быть ниже джентльменства, что почти не стоитъ объ нихъ заботиться. Конечно, весьма аристократично совсѣмъ бы не замѣчать всю эту грязь всей этой сволочи и всей обстановки. Однакоже иногда не менѣе аристократиченъ и обратный пріемъ, замѣчать, то-есть присматриваться, даже разсматривать, напримѣръ, хоть въ лорнетъ, всю эту сволочь; но не иначе, какъ принимая всю эту толпу и всю эту грязь за своего рода развлеченіе, какъ бы за представленіе, устроенное для джентльменской забавы. Можно самому тѣсниться въ этой толпѣ, но смотрѣть кругомъ съ совершеннымъ убѣжденіемъ, что собственно вы сами наблюдатель, и ужъ нисколько не принадлежите къ ея составу. Впрочемъ, и очень пристально наблюдать опять-таки не слѣдуетъ: опять уже это будетъ не по-джентльменски, потому что это во всякомъ случаѣ зрѣлище не стоитъ большого и слишкомъ пристальнаго наблюденія. Да и вообще мало зрѣлищъ, достойныхъ слишкомъ пристальнаго наблюденія для джентльмена. А между тѣмъ мнѣ лично показалось, что все это и очень стоитъ весьма пристальнаго наблюденія, особенно для того, кто пришелъ не

для одного наблюденія, а самъ искренно и добросовѣстно причисляетъ себя ко всей этой сволочи. Что же касается до моихъ сокровеннѣйшихъ нравственныхъ убѣжденій, то въ настоящихъ разсужденіяхъ моихъ имъ, конечно, нѣтъ мѣста. Пусть ужъ это будетъ такъ: говорю для очистки совѣсти. Но вотъ что я замѣчу: что во все послѣднее время мнѣ какъ-то ужасно противно было прикидывать поступки и мысли мои къ какой бы то ни было нравственной мѣркѣ. Другое управляло мною...

Сволочь, дѣйствительно, играетъ очень грязно. Я даже не прочь отъ мысли, что тутъ у стола происходитъ много самаго обыкновеннаго воровства. Крупёрамъ, которые сидятъ по концамъ стола, смотрятъ за ставками и разсчитываются, ужасно много работы. Вотъ еще сволочь-то! Это большею частью французы. Впрочемъ, я здѣсь наблюдаю и замѣчаю вовсе не для того, чтобы описывать рулетку; я приноравливаюсь для себя, чтобы знать, какъ себя вести на будущее время. Я замѣтилъ, напримѣръ, что нѣтъ ничего обыкновеннѣе, когда изъ-за стола протягивается вдругъ чья-нибудь рука и беретъ себѣ то̀, что вы выиграли. Начинается споръ, нерѣдко крикъ, и — прошу покорно доказать, сыскать свидѣтелей, что ставка ваша!

Сначала вся эта штука была для меня тарабарскою грамотою; я только догадывался и различалъ коекакъ, что ставки бываютъ на числа, на четъ и нечетъ и на цвѣта. Изъ денегъ Полины Александровны я въ этотъ вечеръ рѣшился попытать сто гульденовъ. Мысль, что я приступаю къ игрѣ не для себя, какъ-то сбивала меня съ толку. Ощущеніе было чрезвычайно непріятное, и мнѣ захотѣлось поскорѣе развязаться съ нимъ. Мнѣ все казалось, что, начиная для Полины, я подрываю собственное счастье. Неужели нельзя прикоснуться къ игорному столу, чтобы тотчасъ же не заразиться суевѣріемъ? Я началъ съ того, что вынулъ

пять фридрихсдоровъ, то-есть пятьдесятъ гульденовъ, и поставилъ ихъ на четку. Колесо обернулось и вышло тринадцать, — я проигралъ. Съ какимъ-то болѣзненнымъ ощущеніемъ, единственно, чтобы какъ-нибудь развязаться и уйти, я поставилъ еще пять фридрихсдоровъ на красную. Вышла красная. Я поставилъ десять фридрихсдоровъ—вышла опять красная. Я поставилъ опять все заразъ, вышла опять красная. Получивъ сорокъ фридрихсдоровъ, я поставилъ двадцать на двѣнадцать среднихъ цифръ, не зная, что изъ этого выйдетъ. Мнѣ заплатили втрое. Такимъ образомъ, изъ десяти фридрихсдоровъ у меня появилось вдругъ восемьдесятъ. Мнѣ стало до того невыносимо отъ какого-то необыкновеннаго и страннаго ощущенія, что я рѣшился уйти. Мнѣ показалось, что я вовсе бы не такъ игралъ, если бъ игралъ для себя. Я однакожъ поставилъ всѣ восемьдесятъ фридрихсдоровъ еще разъ на четку. На этотъ разъ вышло четыре; мнѣ отсыпали еще восемьдесятъ фридрихсдоровъ, и, захвативъ всю кучу въ сто шестьдесятъ фридрихсдоровъ, я отправился отыскивать Полину Александровну.

Они всѣ гдѣ-то гуляли въ паркѣ, и я успѣлъ увидѣться съ нею только за ужиномъ. На этотъ разъ француза не было, и генералъ развернулся: между прочимъ, онъ почелъ нужнымъ опять мнѣ замѣтить, что онъ бы не желалъ меня видѣть за игорнымъ столомъ. По его мнѣнію, его очень скомпрометируетъ, если я какъ-нибудь слишкомъ проиграюсь: — «но если бъ даже вы и выиграли очень много, то и тогда я буду тоже скомпрометированъ», прибавилъ онъ значительно. — Конечно, я не имѣю права располагать вашими поступками, но согласитесь сами»... Тутъ онъ по обыкновенію своему не докончилъ. Я сухо отвѣтилъ ему, что у меня очень мало денегъ и что, слѣдовательно, я не могу слишкомъ примѣтно проиграться, если бъ даже и сталъ играть. Придя къ себѣ наверхъ,

я успѣлъ передать Полинѣ ея выигрышъ и объявилъ ей, что въ другой разъ уже не буду играть для нея.

— Почему же? — спросила она тревожно.

— Потому что хочу играть для себя, — отвѣчалъ я, разсматривая ее съ удивленіемъ, — а это мѣшаетъ.

— Такъ вы рѣшительно продолжаете быть убѣждены, что рулетка вашъ единственный исходъ и спасеніе? — спросила она насмѣшливо. Я отвѣчалъ опять очень серьезно, что да; что̀ же касается до моей увѣренности непремѣнно выиграть, то пускай это будетъ смѣшно, я согласенъ, «но чтобъ оставили меня въ покоѣ».

Полина Александровна настаивала, чтобъ я непремѣнно раздѣлилъ съ нею сегодняшній выигрышъ пополамъ и отдавала мнѣ восемьдесятъ фридрихсдоровъ, предлагая и впредь продолжать игру на этомъ условіи. Я отказался отъ половины рѣшительно и окончательно, и объявилъ, что для другихъ не могу играть не потому, чтобъ не желалъ, а потому, что навѣрное проиграю.

— И однакожъ я сама, какъ ни глупо это, почти тоже надѣюсь на одну рулетку, — сказала она, задумываясь. — А потому вы непремѣнно должны продолжать игру, со мною вмѣстѣ пополамъ, и — разумѣется — будете. Тутъ она ушла отъ меня, не слушая дальнѣйшихъ моихъ возраженій.

III

И однакожъ вчера цѣлый день она не говорила со мной объ игрѣ ни слова. Да и вообще она избѣгала со мной говорить вчера. Прежняя манера ея со мною не измѣнилась. Та же совершенная небрежность въ обращеніи, при встрѣчахъ, и даже что-то презрительное и ненавистное. Вообще, она не желаетъ скрывать своего ко мнѣ отвращенія; я это вижу. Не-

смотря на это, она не скрываетъ тоже отъ меня, что я ей для чего-то нуженъ, и что она для чего-то меня бережетъ. Между нами установились какія-то странныя отношенія, во многомъ для меня непонятныя, — взявъ въ соображеніе ея гордость и надменность со всѣми. Она знаетъ, напримѣръ, что я люблю ее до безумія, допускаетъ меня даже говорить о моей страсти — и ужъ, конечно, ничѣмъ она не выразила бы мнѣ болѣе своего презрѣнія, какъ этимъ позволеніемъ говорить ей безпрепятственно и безцензурно о моей любви. «Значитъ, дескать, до того считаю ни во что твои чувства, что мнѣ рѣшительно все равно, объ чемъ бы ты ни говорилъ со мною и что бы ко мнѣ ни чувствовалъ». Про свои собственныя дѣла она разговаривала со мною много и прежде, но никогда не была вполнѣ откровенна. Мало того, въ пренебреженіи ея ко мнѣ были, напримѣръ, вотъ какія утонченности: она знаетъ, положимъ, что мнѣ извѣстно какое-нибудь обстоятельство ея жизни, или что-нибудь о томъ, что сильно ее тревожитъ; она даже сама разскажетъ мнѣ что-нибудь изъ ея обстоятельствъ, если надо употребить меня какъ-нибудь для своихъ цѣлей, въ родѣ раба, или на побѣгушки; но разкажетъ всегда ровно столько, сколько надо знать человѣку, употребляющемуся на побѣгушки, и — если мнѣ еще неизвѣстна цѣлая связь событій, если она и сама видитъ, какъ я мучусь и тревожусь ея же мученіями и тревогами, то никогда не удостоитъ меня успокоить вполнѣ своей дружеской откровенностію, хотя, употребляя меня нерѣдко по порученіямъ не только хлопотливымъ, но даже опаснымъ, она, по моему мнѣнію, обязана быть со мною откровенною. Да и стоитъ ли заботиться о моихъ чувствахъ, о томъ, что я тоже тревожусь и, можетъ быть, втрое больше забочусь и мучусь ея же заботами и неудачами, чѣмъ она сама!

Я недѣли за три еще зналъ объ ея намѣреніи играть на рулеткѣ. Она меня даже предувѣдомила,

что я долженъ буду играть вмѣсто нея, потому что ей самой играть неприлично. По тону ея словъ, я тогда же замѣтилъ, что у ней какая-то серьезная забота, а не просто желаніе выиграть деньги. Что ей деньги сами по себѣ! Тутъ есть цѣль, тутъ какія-то обстоятельства, которыя я могу угадывать, но которыхъ я до сихъ поръ не знаю. Разумѣется, то униженіе и рабство, на которыхъ она меня держитъ, могли бы мнѣ дать (весьма часто даютъ) возможность грубо и прямо самому ее разспрашивать. Такъ какъ я для нея рабъ и слишкомъ ничтоженъ въ ея глазахъ, то нечего ей и обижаться грубымъ моимъ любопытствомъ. Но дѣло въ томъ, что она, позволяя мнѣ дѣлать вопросы, на нихъ не отвѣчаетъ. Иной разъ и вовсе ихъ не замѣчаетъ. Вотъ какъ у насъ!

Вчерашній день у насъ много говорилось о телеграммѣ, пущенной еще четыре дня назадъ въ Петербургъ и на которую не было отвѣта. Генералъ видимо волнуется и задумчивъ. Дѣло идетъ, конечно, о бабушкѣ. Волнуется и французъ. Вчера, напримѣръ, послѣ обѣда они долго и серьезно разговаривали. Тонъ француза со всѣми нами необыкновенно высокомѣрный и небрежный. Тутъ именно по пословицѣ: посади за столъ и ноги на столъ. Онъ даже съ Полиной небреженъ до грубости; впрочемъ, съ удовольствіемъ участвуетъ въ общихъ прогулкахъ въ вокзалѣ или въ кавалькадахъ и поѣздкахъ за городъ. Мнѣ извѣстны давно кой-какія изъ обстоятельствъ, связавшихъ француза съ генераломъ: въ Россіи они затѣвали вмѣстѣ заводъ; я не знаю, лопнулъ ли ихъ проектъ, или все еще объ немъ у нихъ говорится. Кромѣ того, мнѣ случайно извѣстна часть семейной тайны: французъ дѣйствительно выручилъ прошлаго года генерала и далъ ему тридцать тысячъ для пополненія недостающаго въ казенной суммѣ, при сдачѣ должности. И ужъ, разумѣется, генералъ у него въ тискахъ; но теперь, соб-

ственно теперь, главную роль во всемъ этомъ играетъ все-таки m-lle Blanche, и я увѣренъ, что и тутъ не ошибаюсь.

Кто такая m-lle Blanche? Здѣсь у насъ говорятъ, что она знатная француженка, имѣющая съ собою свою мать и колоссальное состояніе. Извѣстно тоже, что она какая-то родственница нашему маркизу, только очень дальняя, какая-то кузина или троюродная сестра. Говорятъ, что до моей поѣздки въ Парижъ, французъ и m-lle Blanche сносились между собою какъ-то гораздо церемоннѣе, были какъ будто на болѣе тонкой и деликатной ногѣ; теперь же знакомство ихъ, дружба и родственность выглядываютъ какъ-то грубѣе, какъ-то короче. Можетъ быть, наши дѣла кажутся имъ до того уже плохими, что они не считаютъ нужнымъ слишкомъ съ нами церемониться и скрываться. Я еще третьяго дня замѣтилъ, какъ мистеръ Астлей разглядывалъ m-lle Blanche и ея матушку. Мнѣ показалось, что онъ ихъ знаетъ. Мнѣ показалось даже, что и нашъ французъ встрѣчался прежде съ мистеромъ Астлеемъ. Впрочемъ, мистеръ Астлей до того застѣнчивъ, стыдливъ и молчаливъ, что на него почти можно понадѣяться, — изъ избы сора не вынесетъ. По крайней мѣрѣ, французъ едва ему кланяется и почти не глядитъ на него, а, стало быть, не боится. Это еще понятно; но почему m-lle Blanche тоже почти не глядитъ на него? Тѣмъ болѣе, что маркизъ вчера проговорился: онъ вдругъ сказалъ въ общемъ разговорѣ, не помню по какому поводу, что мистеръ Астлей колоссально богатъ, и что онъ про это знаетъ: тутъ-то бы и глядѣть m-lle Blanche на мистера Астлея! Вообще генералъ находится въ безпокойствѣ. Понятно, что можетъ значить для него теперь телеграмма о смерти тетки!

Мнѣ хоть и показалось навѣрное, что Полина избѣгаетъ разговора со мною, какъ бы съ цѣлью, но

я и самъ принялъ на себя видъ холодный и равнодушный: все думалъ, что она нѣтъ-нѣтъ да и подойдетъ ко мнѣ. Зато вчера и сегодня я обратилъ все мое вниманіе преимущественно на m-lle Blanche. Бѣдный генералъ, онъ погибъ окончательно! Влюбиться въ пятьдесятъ пять лѣтъ, съ такою силою страсти, — конечно, несчастье. Прибавьте къ тому его вдовство, его дѣтей, совершенно разоренное имѣніе, долги и, наконецъ, женщину, въ которую ему пришлось влюбиться. M-lle Blanche красива собою. Но, я не знаю, поймутъ ли меня, если я выражусь, что у ней одно изъ тѣхъ лицъ, которыхъ можно испугаться. По крайней мѣрѣ, я всегда боялся такихъ женщинъ. Ей навѣрно лѣтъ дватцать пять. Она рослая и широкоплечая, съ круглыми плечами; шея и грудь у нея роскошны; цвѣтъ кожи смугло-желтый, цвѣтъ волосъ черный, какъ тушь, и волосъ ужасно много, достало бы на двѣ куафюры. Глаза черные, бѣлки глазъ желтоватые, взглядъ нахальный, зубы бѣлѣйшіе, губы всегда напомажены; отъ нея пахнетъ мускусомъ. Одѣвается она эффектно, богато, съ шикомъ, но съ большимъ вкусомъ. Ноги и руки удивительныя. Голосъ ея — сиплый контральто. Она иногда расхохочется и при этомъ покажетъ всѣ свои зубы, по обыкновенно смотритъ молчаливо и нахально, — по крайней мѣрѣ, при Полинѣ и при Марьѣ Филипповнѣ. (Странный слухъ: Марья Филипповна уѣзжаетъ въ Россію.) Мнѣ кажется, m-lle Blanche безо всякаго образованія, можетъ быть, даже и не умна, но зато подозрительна и хитра. Мнѣ кажется, ея жизнь была-таки не безъ приключеній. Если ужъ говорить все, то, можетъ быть, что маркизъ вовсе ей не родственникъ, а мать совсѣмъ не мать. Но есть свѣдѣнія, что въ Берлинѣ, гдѣ мы съ ними съѣхались, она и мать ея имѣли нѣсколько порядочныхъ знакомствъ. Что касается до самого маркиза, то хоть я и до сихъ поръ сомнѣваюсь, что онъ

[illegible]
ществу, какъ у насъ, напримѣръ, въ Москвѣ, и кое-гдѣ и въ Германіи, кажется, не подвержена сомнѣнію. Не знаю, что онъ такое во Франціи? Говорятъ, у него есть шато. Я думалъ, что въ эти двѣ недѣли много воды уйдетъ, и однакожъ я все еще не знаю навѣрно, сказано ли у m-lle Blanche съ генераломъ что-нибудь рѣшительное? Вообще, все зависитъ теперь отъ нашего состоянія, то-есть отъ того, много ли можетъ генералъ показать имъ денегъ. Если бы, напримѣръ, пришло извѣстіе, что бабушка не умерла, то, я увѣренъ, m-lle Blanche тотчасъ бы исчезла. Удивительно и смѣшно мнѣ самому, какой я однакожъ сталъ сплетникъ. О, какъ мнѣ все это противно! Съ какимъ наслажденіемъ я бросилъ бы всѣхъ и все! Но развѣ я могу уѣзжать отъ Полины, развѣ я могу не шпіонить кругомъ нея? Шпіонство, конечно, подло, но какое мнѣ до этого дѣло?

Любопытенъ мнѣ тоже былъ вчера и сегодня мистеръ Астлей. Да, я убѣжденъ, что онъ влюбленъ въ Полину! Любопытно и смѣшно, сколько иногда можетъ выразить взглядъ стыдливаго и болѣзненно-цѣломудреннаго человѣка, тронутаго любовью, и именно въ то время, когда человѣкъ ужъ, конечно, радъ бы скорѣе сквозь землю провалиться, чѣмъ что-нибудь высказать иль выразить, словомъ или взглядомъ. Мистеръ Астлей весьма часто встрѣчается съ нами на прогулкахъ. Онъ снимаетъ шляпу и проходитъ мимо, умирая, разумѣется, отъ желанія къ намъ присоединиться. Если же его приглашаютъ, то онъ тотчасъ отказывается. На мѣстахъ отдыха, въ вокзалѣ, на музыкѣ, или предъ фонтаномъ, онъ уже непремѣнно останавливается гдѣ-нибудь недалеко отъ нашей скамейки, и гдѣ бы мы ни были, въ паркѣ ли, въ лѣсу ли, или на Шлангенбергѣ, — стóитъ только вскинуть глазами, посмотрѣть кругомъ и непремѣнно гдѣ-нибудь, или на ближайшей

[illegible], или изъ за куста, покажется уголокъ мистера Астлея. Мнѣ кажется, онъ ищетъ случая со мною говорить особенно. Сегодня утромъ мы встрѣтились и перекинули два слова. Онъ говоритъ иной разъ какъ-то чрезвычайно отрывисто. Еще не сказавъ »здравствуйте», онъ началъ съ того, что проговорилъ:

— А, m-lle Blanche!.. Я много видѣлъ такихъ женщинъ, какъ m-lle Blanche!

Онъ замолчалъ, знаменательно смотря на меня. Что онъ этимъ хотѣлъ сказать, не знаю, потому что на вопросъ мой: что это значитъ? — онъ съ хитрою улыбкою кивнулъ головою и прибавилъ «ужъ это такъ».

— M-lle Pauline очень любитъ цвѣты?

— Не знаю, совсѣмъ не знаю, — отвѣчалъ я.

— Какъ? Вы и этого не знаете! — вскричалъ онъ съ величайшимъ изумленіемъ.

— Не знаю, совсѣмъ не замѣтилъ, — повторилъ я, смѣясь.

— Гм! это даетъ мнѣ одну особую мысль. — Тутъ онъ кивнулъ головою и прошелъ далѣе. Онъ, впрочемъ, имѣлъ довольный видъ. Говоримъ мы съ нимъ на сквернѣйшемъ французскомъ языкѣ.

IV

Сегодня былъ день смѣшной, безобразный, нелѣпый. Теперь одиннадцать часовъ ночи. Я сижу въ своей каморкѣ и припоминаю. Началось съ того, что утромъ принужденъ-таки былъ идти на рулетку, чтобъ играть для Полины Александровны. Я взялъ всѣ ея сто шестьдесятъ фридрихсдоровъ, но подъ двумя условіями: первое — что я не хочу играть въ половинѣ, то-есть если выиграю, то ничего не возьму себѣ, и второе, что вечеромъ Полина разъяснитъ мнѣ: для чего именно ей такъ нужно выиграть и сколько именно денегъ. Я все-таки никакъ не могу предположить, чтобы это

было просто для денегъ. Тутъ видимо деньги необходимы, и какъ можно скорѣе, для какой-то особенной цѣли. Она обѣщалась разъяснить, и я отправился. Въ игорныхъ залахъ толпа была ужасная. Какъ нахальны они и какъ всѣ они жадны! Я протѣснился къ серединѣ и сталъ возлѣ самого крупёра; затѣмъ сталъ робко пробовать игру, ставя по двѣ и по три монеты. Между тѣмъ я наблюдалъ и замѣчалъ; мнѣ показалось, что собственно расчетъ довольно мало значитъ и вовсе не имѣетъ той важности, которую ему придаютъ многіе игроки. Они сидятъ съ разграфленными бумажками, замѣчаютъ удары, считаютъ, выводятъ шансы, разсчитываютъ, наконецъ ставятъ и — проигрываютъ точно такъ же, какъ и мы, простые смертные, играющіе безъ расчета. Но зато я вывелъ одно заключеніе, которое, кажется, вѣрно: дѣйствительно, въ теченіи случайныхъ шансовъ бываетъ хоть и не система, но какъ будто какой-то порядокъ, — что, конечно, очень странно. Напримѣръ, бываетъ, что послѣ двѣнадцати среднихъ цифръ наступаютъ двѣнадцать послѣднихъ; два раза, положимъ, ударъ ложится на эти двѣнадцать послѣднихъ и переходитъ на двѣнадцать первыхъ. Упавъ на двѣнадцать первыхъ, переходитъ опять на двѣнадцать среднихъ, ударяетъ сряду три-четыре раза по среднимъ и опять переходитъ на двѣнадцать послѣднихъ, гдѣ, опять послѣ двухъ разъ, переходитъ къ первымъ, на первыхъ опять бьетъ одинъ разъ и опять переходитъ на три удара среднихъ, и такимъ образомъ продолжается въ теченіе полутора или двухъ часовъ. Одинъ, три и два; одинъ, три и два. Это очень забавно. Иной день или иное утро идетъ, напримѣръ, такъ, что красная смѣняется черною и обратно, почти безъ всякаго порядка поминутно, такъ что больше двухъ-трехъ ударовъ сряду на красную или на черную не ложится. На другой же день, или на другой вечеръ бываетъ

сряду одна красная, доходитъ, напримѣръ, больше чѣмъ до двадцати двухъ разъ сряду и такъ идетъ непремѣнно въ продолженіе нѣкотораго времени, напримѣръ, въ продолженіе цѣлаго дня. Мнѣ много въ этомъ объяснилъ мистеръ Астлей, который цѣлое утро простоялъ у игорныхъ столовъ, но самъ не поставилъ ни разу. Что же касается до меня, то я весь проигрался до тла и очень скоро. Я прямо, сразу поставилъ на чётку двадцать фридрихсдоровъ и выигралъ, поставилъ опять и опять выигралъ и такимъ образомъ еще раза два или три. Я думаю, у меня сошлось въ рукахъ около четырехсотъ фридрихсдоровъ въ какія-нибудь пять минутъ. Тутъ бы мнѣ и отойти, но во мнѣ родилось какое-то странное ощущеніе, какой-то вызовъ судьбѣ, какое-то желаніе дать ей щелчокъ, выставить ей языкъ. Я поставилъ самую большую позволенную ставку, въ четыре тысячи гульденовъ, и проигралъ. Затѣмъ, разгорячившись, вынулъ все, что у меня оставалось, поставилъ на ту же ставку и проигралъ опять, послѣ чего отошелъ отъ стола, какъ оглушенный. Я даже не понималъ, что это со мною было, и объявилъ о моемъ проигрышѣ Полинѣ Александровнѣ только передъ самымъ обѣдомъ. До того времени я все шатался въ паркѣ.

За обѣдомъ я былъ опять въ возбужденномъ состояніи, такъ же какъ и три дня тому назадъ. Французъ и m-lle Blanche опять обѣдали съ нами. Оказалось, что m-lle Blanche была утромъ въ игорныхъ залахъ и видѣла мои подвиги. Въ этотъ разъ она заговорила со мною какъ-то внимательнѣе. Французъ пошелъ прямѣе и просто спросилъ меня: — неужели я проигралъ свои собственныя деньги. Мнѣ кажется, онъ подозрѣваетъ Полину. Однимъ словомъ, тутъ что-то есть. Я тотчасъ же солгалъ и сказалъ, что свои.

Генералъ былъ чрезвычайно удивленъ: откуда я взялъ такія деньги? Я объяснилъ, что началъ съ де-

сяти фридрихсдоровъ, что шесть или семь ударовъ сряду, надвое, довели меня до пяти или до шести тысячъ гульденовъ и что потомъ я все спустилъ съ двухъ ударовъ.

Все это, конечно, было вѣроятно. Объясняя это, я посмотрѣлъ на Полину, но ничего не могъ разобрать въ ея лицѣ. Однакожъ, она мнѣ дала солгать и не поправляла меня; изъ этого я заключилъ, что мнѣ и надо было солгать и скрыть, что я игралъ за нее. Во всякомъ случаѣ, думалъ я про себя, она обязана мнѣ объясненіемъ и давеча обѣщала мнѣ кое-что открыть.

Я думалъ, что генералъ сдѣлаетъ мнѣ какое-нибудь замѣчаніе, но онъ промолчалъ; зато я замѣтилъ въ лицѣ его волненіе и безпокойство. Можетъ быть, при крутыхъ его обстоятельствахъ, ему просто тяжело было выслушать, что такая значительная груда золота пришла и ушла въ четверть часа у такого нерасчетливаго дурака, какъ я.

Я подозрѣваю, что у него вчера вечеромъ вышла съ французомъ какая-то жаркая контра. Они долго и съ жаромъ говорили о чемъ-то, запершись. Французъ ушелъ какъ будто чѣмъ-то раздраженный, а сегодня рано утромъ опять приходилъ къ генералу — и вѣроятно, чтобъ продолжать вчерашній разговоръ.

Выслушавъ о моемъ проигрышѣ, французъ ѣдко и даже злобно замѣтилъ мнѣ, что надо было быть благоразумнѣе. Не знаю, для чего онъ прибавилъ, что — хоть русскихъ и много играетъ, но, по его мнѣнію, русскіе даже и играть неспособны.

— А по моему мнѣнію, рулетка только и создана для русскихъ, — сказалъ я, и когда французъ на мой отзывъ презрительно усмѣхнулся, я замѣтилъ ему, что, ужъ конечно, правда на моей сторонѣ, потому что, говоря о русскихъ, какъ объ игрокахъ, я гораздо

болѣе ругаю ихъ, чѣмъ хвалю и что мнѣ, стало быть, можно вѣрить.

— На чемъ же вы основываете ваше мнѣніе? — спросилъ французъ.

— На томъ, что въ катехизисъ добродѣтелей и достоинствъ цивилизованнаго западнаго человѣка вошла исторически, и чуть ли не въ видѣ главнаго пункта, способность пріобрѣтенія капиталовъ. А русскій не только неспособенъ пріобрѣтать капиталы, но даже и расточаетъ ихъ какъ-то зря и безобразно. Тѣмъ не менѣе, намъ, русскимъ, деньги тоже нужны, — прибавилъ я, — а слѣдственно мы очень рады и очень падки на такіе способы, какъ, напримѣръ, рулетка, гдѣ можно разбогатѣть вдругъ, въ два часа, не трудясь. Это насъ очень прельщаетъ; а такъ какъ мы и играемъ зря, безъ труда, то и проигрываемся!

— Это отчасти справедливо, — замѣтилъ самодовольно французъ.

— Нѣтъ, это несправедливо, и вамъ стыдно такъ отзываться о своемъ отечествѣ, — строго и внушительно замѣтилъ генералъ.

— Помилуйте, — отвѣчалъ я ему, — вѣдь, право, неизвѣстно еще, что гаже: русское ли безобразіе или нѣмецкій способъ накопленія честнымъ трудомъ?

— Какая безобразная мысль, — воскликнулъ генералъ.

— Какая русская мысль! — воскликнулъ французъ.

Я смѣялся, мнѣ ужасно хотѣлось ихъ раззадорить.

— А я лучше захочу всю жизнь прокочевать въ киргизской палаткѣ, — вскричалъ я, — чѣмъ поклоняться нѣмецкому идолу.

— Какому идолу? — вскричалъ генералъ, уже начиная серьезно сердиться.

— Нѣмецкому способу накопленія богатствъ. Я здѣсь недолго, но однакожъ все-таки, что я здѣсь успѣлъ подмѣтить и провѣрить, возмущаетъ мою татарскую породу. Ей Богу, не хочу такихъ добродѣтелей! Я здѣсь успѣлъ уже вчера обойти верстъ на десять кругомъ. Ну, точь-въ-точь то же самое, какъ въ нравоучительныхъ нѣмецкихъ книжечкахъ съ картинками: есть здѣсь вездѣ у нихъ въ каждомъ домѣ свой фатеръ, ужасно добродѣтельный и необыкновенно честный. Ужъ такой честный, что подойти къ нему страшно. Терпѣть не могу честныхъ людей, къ которымъ подходить страшно. У каждаго этакого фатера есть семья, и по вечерамъ всѣ они вслухъ поучительныя книги читаютъ. Надъ домикомъ шумятъ вязы и каштаны. Закатъ солнца, на крышѣ аистъ, и все необыкновенно поэтическое и трогательное... Ужъ вы не сердитесь, генералъ, позвольте мнѣ разсказать потрогательнѣе. Я самъ помню, какъ мой отецъ, покойникъ, тоже подъ липками, въ палисадникѣ, по вечерамъ, вслухъ читалъ мнѣ и матери подобныя книжки... Я вѣдь самъ могу судить объ этомъ какъ слѣдуетъ. Ну, такъ всякая этакая здѣшняя семья въ полнѣйшемъ рабствѣ и повиновеніи у фатера. Всѣ работаютъ, какъ волы, и всѣ копятъ деньги, какъ жиды. Положимъ, фатеръ скопилъ уже столько-то гульденовъ и разсчитываетъ на старшаго сына, чтобы ему ремесло аль землишку передать; для этого дочери приданаго не даютъ, и она остается въ дѣвкахъ. Для этого же младшаго сына продаютъ въ кабалу, аль въ солдаты и деньги пріобщаютъ къ домашнему капиталу. Право, это здѣсь дѣлается; я разспрашивалъ. Все это дѣлается не иначе, какъ отъ честности, отъ усиленной честности, до того, что и младшій проданный сынъ вѣруетъ, что его не иначе какъ отъ честности продали, — а ужъ это идеалъ, когда сама жертва радуется, что ее на закланіе ведутъ. Что же дальше? Дальше

то, что и старшему тоже не легче: есть тамъ у него такая Амальхенъ, съ которою онъ сердцемъ соединился, — но жениться нельзя, потому что гульденовъ еще столько не накоплено. Тоже ждутъ благонравно и искренно, и съ улыбкой на закланіе идутъ. У Амальхенъ ужъ щеки ввалились; сохнетъ. Наконецъ, лѣтъ черезъ двадцать благосостояніе умножилось; гульдены честно и добродѣтельно скоплены. Фатеръ благословляетъ сорокалѣтняго старшаго и тридцатипятилѣтнюю Амальхенъ, съ изсохшей грудью и краснымъ носомъ... При этомъ плачетъ, мораль читаетъ и умираетъ. Старшій превращается самъ въ добродѣтельнаго фатера, и начинается опять та же исторія. Лѣтъ этакъ чрезъ пятьдесятъ или черезъ семьдесятъ, внукъ перваго фатера дѣйствительно уже осуществляетъ значительный капиталъ и передаетъ своему сыну, тотъ своему, тотъ своему и поколѣній черезъ пять или шесть выходитъ самъ баронъ Ротшильдъ, или Гоппе и Комп., или тамъ чортъ знаетъ кто. Ну-съ, какъ же не величественное зрѣлище: столѣтній или двухстолѣтній преемственный трудъ, терпѣніе, умъ, честность, характеръ, твердость, расчетъ, аистъ на крышѣ! Чего же вамъ еще, вѣдь ужъ выше этого нѣтъ ничего и съ этой точки они сами начинаютъ весь міръ судить и виновныхъ, то-есть чуть-чуть на нихъ не похожихъ, тотчасъ же казнить. Ну-съ, такъ вотъ въ чемъ дѣло: я ужъ лучше хочу дебоширить по-русски или разживаться на рулеткѣ. Не хочу я быть Гоппе и Комп. чрезъ пять поколѣній. Мнѣ деньги нужны для меня самого, а я не считаю всего себя чѣмъ-то необходимымъ и придаточнымъ къ капиталу. Я знаю, что я ужасно навралъ, но пусть оно такъ и будетъ. Таковы мои убѣжденія.

— Не знаю, много ли правды въ томъ, что вы говорили, — задумчиво замѣтилъ генералъ, — но знаю навѣрное, что вы нестерпимо начинаете форсить, чуть лишь вамъ капельку позволятъ забыться...

По обыкновенію своему, онъ не договорилъ. Если нашъ генералъ начиналъ о чемъ-нибудь говорить хоть капельку позначительнѣе обыкновеннаго обыденнаго разговора, то никогда не договаривалъ. Французъ небрежно слушалъ, немного выпучивъ глаза. Онъ почти ничего не понялъ изъ того, что я говорилъ. Полина смотрѣла съ какимъ-то высокомѣрнымъ равнодушіемъ. Казалось, она не только меня, но и ничего не слыхала изъ сказаннаго въ этотъ разъ за столомъ.

V

Она была въ необыкновенной задумчивости, но тотчасъ по выходѣ изъ-за стола велѣла мнѣ сопровождать себя на прогулку. Мы взяли дѣтей и отправились въ паркъ къ фонтану.

Такъ какъ я былъ въ особенно возбужденномъ состояніи, то и брякнулъ глупо и грубо вопросъ: почему нашъ маркизъ Де-Гріе, французикъ, не только не сопровождаетъ ее теперь, когда она выходитъ куда-нибудь, но даже и не говоритъ съ нею по цѣлымъ днямъ?

— Потому что онъ подлецъ, — странно отвѣтила она мнѣ. Я никогда еще не слышалъ отъ нея такого отзыва о Де-Гріе и замолчалъ, побоявшись понять эту раздражительность.

— А замѣтили ли вы, что онъ сегодня не въ ладахъ съ генераломъ?

— Вамъ хочется знать въ чемъ дѣло, — сухо и раздражительно отвѣчала она. — Вы знаете, что генералъ весь у него въ закладѣ, все имѣніе — его, и если бабушка не умретъ, то французъ немедленно войдетъ во владѣніе всѣмъ, что у него въ закладѣ.

— А, такъ это дѣйствительно правда, что все

въ закладѣ? Я слышалъ, но не зналъ, что рѣшительно все.

— А то какъ же?

— И при этомъ прощай m-lle Blanche, — замѣтилъ я. — Не будетъ она тогда генеральшей! Знаете ли что: мнѣ кажется,, генералъ такъ влюбился, что, пожалуй, застрѣлится, если m-lle Blanche его броситъ. Въ его лѣта такъ влюбляться опасно.

— Мнѣ самой кажется, что съ нимъ что-нибудь будетъ, — задумчиво замѣтила Полина Александровна.

— И какъ это великолѣпно, — вскричалъ я, — грубѣе нельзя показать, что она согласилась выйти только за деньги. Тутъ даже приличій не соблюдалось, совсѣмъ безъ церемоніи происходило. Чудо! А насчетъ бабушки, что комичнѣе и грязнѣе, какъ посылать телеграмму за телеграммою и спрашивать: умерла ли, умерла ли? А? Какъ вамъ это нравится, Полина Александровна?

— Это все вздоръ, — сказала она съ отвращеніемъ, перебивая меня. — Я, напротивъ того, удивляюсь, что вы въ такомъ развеселомъ расположеніи духа. Чему вы рады? Неужели тому, что мои деньги проиграли?

— Зачѣмъ вы давали ихъ мнѣ проигрывать? Я вамъ сказалъ, что не могу играть для другихъ, тѣмъ болѣе для васъ? Я послушаюсь, что бы вы мнѣ ни приказали; но результатъ не отъ меня зависитъ. Я вѣдь предупредилъ, что ничего не выйдетъ. Скажите, вы очень убиты, что потеряли столько денегъ? Для чего вамъ столько?

— Къ чему эти вопросы?

— Но вѣдь вы сами обѣщали мнѣ объяснить... Слушайте: я совершенно убѣжденъ, что когда начну играть для себя (а у меня есть двѣнадцать фридрихсдоровъ), то я выиграю. Тогда, сколько вамъ надо, берите у меня.

Она сдѣлала презрительную мину.

— Вы не сердитесь на меня, — продолжалъ я, — за такое предложеніе. Я до того проникнутъ сознаніемъ того, что я нуль предъ вами, то-есть въ вашихъ глазахъ, что вамъ можно даже принять отъ меня и деньги. Подаркомъ отъ меня вамъ нельзя обижаться. При томъ же я проигралъ ваши.

Она быстро поглядѣла на меня и, замѣтивъ, что я говорю раздражительно и саркастически, опять перебила разговоръ.

— Вамъ нѣтъ ничего интереснаго въ моихъ обстоятельствахъ. Если хотите знать, я просто должна. Деньги взяты мною взаймы, и я хотѣла бы ихъ отдать. У меня была безумная и странная мысль, что я непремѣнно выиграю, здѣсь, на игорномъ столѣ. Почему была эта мысль у меня — не понимаю, но я въ нее вѣрила. Кто знаетъ, можетъ быть, потому и вѣрила, что у меня никакого другого шанса при выборѣ не оставалось.

— Или потому, что ужъ слишкомъ *надо* было выиграть. Это точь-въ-точь, какъ утопающій, который хватается за соломинку. Согласитесь сами, что если бъ онъ не утопалъ, то онъ не считалъ бы соломинку за древесный сукъ.

Полина удивилась:

— Какъ же, — спросила она, — вы сами-то на то же самое надѣетесь? Двѣ недѣли назадъ вы сами мнѣ говорили однажды, много и долго, о томъ, что вы вполнѣ увѣрены въ выигрышѣ здѣсь на рулеткѣ, и убѣждали меня, чтобъ я не смотрѣла на васъ, какъ на безумнаго; или вы тогда шутили? Но я помню, вы говорили такъ серьезно, что никакъ нельзя было принять за шутку.

— Это правда, — отвѣчалъ я задумчиво, — я до сихъ поръ увѣренъ вполнѣ, что выиграю. Я даже вамъ признаюсь, что вы меня теперь навели на во-

просъ: почему именно мой сегодняшній, безтолковый и безобразный проигрышъ не оставилъ во мнѣ никакого сомнѣнія? Я все-таки вполнѣ увѣренъ, что чуть только я начну играть для себя, то выиграю непремѣнно.

— Почему же вы такъ навѣрно убѣждены?

— Если хотите, — не знаю. Я знаю только что мнѣ *надо* выиграть, что это тоже единственный мой исходъ. Ну, вотъ потому, можетъ быть, мнѣ и кажется, что я непремѣнно долженъ выиграть.

— Стало быть, вамъ тоже слишкомъ *надо*, если вы фантастически увѣрены?

— Бьюсь объ закладъ, что вы сомнѣваетесь, что я въ состояніи ощущать серьезную надобность?

— Это мнѣ все равно, — тихо и равнодушно отвѣтила Полина. — Если хотите — *да*, я сомнѣваюсь, чтобъ васъ мучило что-нибудь серьезное. Вы можете мучиться, но не серьезно. Вы человѣкъ безпорядочный и неустановившійся. Для чего вамъ деньги? Во всѣхъ резонахъ, которые вы мнѣ тогда представили, я ничего не нашла серьезнаго.

— Кстати, — перебилъ я, — вы говорили, что вамъ долгъ нужно отдать. Хорошъ, значитъ, долгъ! Не французу ли?

— Что за вопросы? Вы сегодня особенно рѣзки. Ужъ не пьяны ли?

— Вы знаете, что я все себѣ позволяю говорить и спрашиваю иногда очень откровенно. Повторяю, я вашъ рабъ, а рабовъ не стыдятся, и рабъ оскорбить не можетъ.

— Все это вздоръ! И терпѣть я не могу этой вашей «рабской» теоріи.

— Замѣтьте себѣ, что я не потому говорю про мое рабство, чтобъ желалъ быть вашимъ рабомъ, а просто — говорю, какъ о фактѣ, совсѣмъ не отъ меня зависящемъ.

— Говорите прямо: зачѣмъ вамъ деньги?

— А вамъ зачѣмъ это знать?

— Какъ хотите, — отвѣтила она и гордо повела головой.

— Рабской теоріи не терпите, а рабства требуете: «отвѣчать и не разсуждать!» Хорошо, пусть такъ. Зачѣмъ деньги, вы спрашиваете? Какъ зачѣмъ? Деньги — все!

— Понимаю, но не впадать же въ такое сумасшествіе, ихъ желая! Вы вѣдь тоже доходите до изступленія, до фатализма. Тутъ есть что-нибудь, какая-то особая цѣль. Говорите безъ извилинъ, я такъ хочу.

Она какъ будто начинала сердиться, и мнѣ ужасно понравилось, что она такъ съ сердцемъ допрашивала.

— Разумѣется есть цѣль, — сказалъ я, — но я не сумѣю объяснить — какая. Больше ничего, что съ деньгами я стану и для васъ другимъ человѣкомъ, а не рабомъ.

— Какъ? Какъ вы этого достигнете?

— Какъ достигну? Какъ, вы даже не понимаете, какъ могу я достигнуть, чтобъ вы взглянули на меня иначе, какъ на раба! Ну вотъ этого-то я и не хочу, такихъ удивленій и недоумѣній.

— Вы говорили, что вамъ это рабство наслажденіе. Я такъ и сама думала.

— Вы такъ думали, — вскричалъ я съ какимъ-то страннымъ наслажденіемъ. — Ахъ, какъ этакая наивность отъ васъ хороша! Ну да, да, мнѣ отъ васъ рабство — наслажденіе. Есть, есть наслажденіе въ послѣдней степени приниженности и ничтожества! — продолжалъ я бредить. — Чортъ знаетъ, можетъ быть, оно есть и въ кнутѣ, когда кнутъ ложится на спину и рветъ въ клочки мясо . . . Но я хочу, можетъ быть, попытать и другихъ наслажденій. Мнѣ давеча генералъ при васъ за столомъ наставленіе читалъ за семьсотъ рублей въ годъ, которыхъ я, можетъ быть, еще и не получу отъ него. Меня маркизъ Де-Гріе, поднявши

[illegible] ъ.
А я, съ своей стороны, можетъ быть, желаю страстно взять маркиза Де-Гріе при васъ за носъ?

— Рѣчи молокососа. При всякомъ положеніи можно поставить себя съ достоинствомъ. Если тутъ борьба, то она еще возвыситъ, а не унизитъ.

— Прямо изъ прописи! Вы только предположите, что я, можетъ быть, не умѣю поставить себя съ достоинствомъ. То-есть я, пожалуй, и достойный человѣкъ, а поставить себя съ достоинствомъ не умѣю. Вы понимаете, что такъ можетъ быть? Да всѣ русскіе таковы, и знаете почему: потому что русскіе слишкомъ богато и многосторонне одарены, чтобъ скоро пріискать себѣ приличную форму. Тутъ дѣло въ формѣ. Большею частью мы, русскіе, такъ богато одарены, что для приличной формы намъ нужна геніальность. Ну, а геніальности-то всего чаще и не бываетъ, потому что она и вообще рѣдко бываетъ. Это только у французовъ и, пожалуй, у нѣкоторыхъ другихъ европейцевъ такъ хорошо опредѣлилась форма, что можно глядѣть съ чрезвычайнымъ достоинствомъ и быть самымъ недостойнымъ человѣкомъ. Оттого такъ много форма у нихъ и значитъ. Французъ перенесетъ оскорбленіе, настоящее, сердечное оскорбленіе и не поморщится, но щелчка въ носъ ни за что не перенесетъ, потому что это есть нарушеніе принятой и увѣковѣченной формы приличій. Оттого-то такъ и падки наши барышни до французовъ, что форма у нихъ хороша. По-моему, впрочемъ, никакой формы и нѣтъ, а одинъ только пѣтухъ, le coq gaulois. Впрочемъ, этого я понимать не могу, я не женщина. Можетъ быть, пѣтухи и хороши. Да и вообще я заврался, а вы меня не останавливаете. Останавливайте меня чаще, когда я съ вами говорю, мнѣ хочется высказать все, все, все. Я теряю всякую форму. Я даже согласенъ, что я не только формы, но и достоинствъ никакихъ не

имѣю. Объявляю вамъ объ этомъ. Даже не забочусь ни о какихъ достоинствахъ. Теперь все во мнѣ остановилось. Вы сами знаете отчего. У меня ни одной человѣческой мысли нѣтъ въ головѣ. Я давно ужъ не знаю, что на свѣтѣ дѣлается, ни въ Россіи, ни здѣсь. Я, вотъ, Дрезденъ проѣхалъ и не помню, какой такой Дрезденъ. Вы сами знаете, что меня поглотило. Такъ какъ я не имѣю никакой надежды и въ глазахъ вашихъ нуль, то и говорю прямо: я только васъ вездѣ вижу, а остальное мнѣ все равно. За что и какъ я васъ люблю — не знаю. Знаете ли, что, можетъ быть, вы вовсе не хороши? Представьте себѣ, я даже не знаю, хороши ли вы, или нѣтъ, даже лицомъ? Сердце, навѣрное, у васъ нехорошее; умъ неблагородный, это очень можетъ быть.

— Можетъ быть, вы потому и разсчитываете закупить меня деньгами, — сказала она, — что не вѣрите въ мое благородство?

— Когда я разсчитывалъ купить васъ деньгами? — вскричалъ я.

— Вы зарапортовались и потеряли вашу нитку. Если не меня купить, то мое уваженіе вы думаете купить деньгами.

— Ну, нѣтъ, это не совсѣмъ такъ. Я вамъ сказалъ, что мнѣ трудно объясняться. Вы подавляете меня. Не сердитесь на мою болтовню. Вы понимаете, почему на меня нельзя сердиться: я просто сумасшедшій. А, впрочемъ, мнѣ все равно, хоть и сердитесь. Мнѣ у себя наверху, въ каморкѣ, стоитъ вспомнить и вообразить только шумъ вашего платья, и я руки себѣ искусать готовъ. И за что вы на меня сердитесь? За то, что я называю себя рабомъ? Пользуйтесь, пользуйтесь моимъ рабствомъ, пользуйтесь! Знаете ли вы, что я когда-нибудь васъ убью? Не потому убью, что разлюблю иль приревную, а — такъ, просто убью, потому что меня иногда тянетъ васъ съѣсть. Вы смѣетесь...

— Совсѣмъ не смѣюсь, — сказала она съ гнѣвомъ. — Я приказываю вамъ молчать.

Она остановилась, едва переводя духъ отъ гнѣва. Ей-Богу, я не знаю, хороша ли она была собой, но я всегда любилъ смотрѣть, когда она такъ предо мною останавливалась, а потому и любилъ часто вызывать ея гнѣвъ. Можетъ быть, она замѣтила это и нарочно сердилась. Я ей это высказалъ.

— Какая грязь! — воскликнула она съ отвращеніемъ.

— Мнѣ все равно, — продолжалъ я. — Знаете ли еще, что намъ вдвоемъ ходить опасно: меня много разъ непреодолимо тянуло прибить васъ, изуродовать, задушить. И что вы думаете, до этого не дойдетъ? Вы доведете меня до горячки. Ужъ не скандала ли я боюсь? Гнѣва вашего? Да что мнѣ вашъ гнѣвъ? Я люблю безъ надежды и знаю, что послѣ этого въ тысячу разъ больше буду любить васъ. Если я васъ когда-нибудь убью, то надо вѣдь и себя убить будетъ; ну такъ — я себя какъ можно дольше буду не убивать, чтобъ эту нестерпимую боль безъ васъ ощутить. Знаете ли вы невѣроятную вещь: я васъ съ каждымъ днемъ люблю *больше*, а вѣдь это почти невозможно. И послѣ этого мнѣ не быть фаталистомъ? Помните, третьяго дня, на Шлангенбергѣ, я прошепталъ вамъ, вызванный вами: скажите слово, и я соскочу въ эту бездну. Если бъ вы сказали это слово, я бы тогда соскочилъ. Неужели вы не вѣрите, что я бы соскочилъ?

— Какая глупая болтовня! — вскричала она.

— Мнѣ никакого дѣла нѣтъ до того, глупа ли она иль умна, — вскричалъ я. — Я знаю, что при васъ мнѣ надо говорить, говорить, говорить — и я говорю. Я все самолюбіе при васъ теряю, и мнѣ все равно.

— Къ чему мнѣ заставлять васъ прыгать съ Шлангенберга? — сказала она сухо и какъ-то особен-

но обидно. — Это совершенно для меня безполезно.

— Великолѣпно! — вскричалъ я, — вы нарочно сказали это великолѣпное «безполезно», чтобъ меня придавить. Я васъ насквозь вижу. Безполезно, говорите вы? Но вѣдь удовольствіе всегда полезно, а дикая, безпредѣльная власть — хоть надъ мухой — вѣдь это тоже своего рода наслажденіе. Человѣкъ деспотъ отъ природы и любитъ быть мучителемъ. Вы ужасно любите.

Помню, она разсматривала меня съ какимъ-то особенно пристальнымъ вниманіемъ. Должно быть, лицо мое выражало тогда всѣ мои безтолковыя и нелѣпыя ощущенія. Я припоминаю теперь, что и дѣйствительно у насъ, почти слово въ слово, такъ шелъ тогда разговоръ, какъ я здѣсь описалъ. Глаза мои налились кровью. На окраинахъ губъ запекалась пѣна. А что касается Шлангенберга, то, клянусь честью, даже и теперь: если бъ она тогда приказала мнѣ броситься внизъ, я бы бросился! Если бъ для шутки одной сказала, если бъ съ презрѣніемъ, съ плевкомъ на меня сказала, — я бы и тогда соскочилъ!

— Нѣтъ, почему жъ, я вамъ вѣрю, — произнесла она, но такъ, какъ она только умѣетъ иногда выговаривать, съ такимъ презрѣніемъ и ехидствомъ, съ такимъ высокомѣріемъ, что, ей Богу, я могъ убить ее въ эту минуту. Она рисковала. Про это я тоже не солгалъ, говоря ей.

— Вы не трусъ? — спросила она меня вдругъ.

— Не знаю, можетъ быть, и трусъ. Не знаю... я объ этомъ давно не думалъ.

— Если бъ я сказала вамъ: убейте этого человѣка, вы бы убили его?

— Кого?

— Кого я захочу.

— Француза?

— Не спрашивайте, а отвѣчайте, — кого я укажу.

Я хочу знать, серьезно ли вы сейчасъ говорили? — Она такъ серьезно и нетерпѣливо ждала отвѣта, что мнѣ такъ странно стало.

— Да скажете ли вы мнѣ, наконецъ, что такое здѣсь происходитъ! — вскричалъ я. — Что вы, боитесь, что ли, меня? Я самъ вижу всѣ здѣшніе безпорядки. Вы падчерица разорившагося и сумасшедшаго человѣка, зараженнаго страстью къ этому діаволу — Blanche; потомъ, тутъ — этотъ французъ, съ своимъ таинственнымъ вліяніемъ на васъ и, — вотъ теперь вы мнѣ такъ серьезно задаете... такой вопросъ. По крайней мѣрѣ, чтобъ я зналъ; иначе я здѣсь помѣшаюсь и что-нибудь сдѣлаю. Или вы стыдитесь удостоить меня откровенности? Да развѣ вамъ можно стыдиться меня?

— Я съ вами вовсе не о томъ говорю. Я васъ спросила, и жду отвѣта.

— Разумѣется, убью, — вскричалъ я, — кого вы мнѣ только прикажете, но развѣ вы можете... развѣ вы это прикажете?

— А что вы думаете, васъ пожалѣю? Прикажу, а сама въ сторонѣ останусь. Перенесете вы это? Да нѣтъ, гдѣ вамъ! Вы, пожалуй, и убьете по приказу, а потомъ и меня придете убить, за то, что я смѣла васъ посылать.

Мнѣ какъ бы что-то въ голову ударило при этихъ словахъ. Конечно, я и тогда считалъ ея вопросъ на половину за шутку, за вызовъ; но все-таки она слишкомъ серьезно проговорила. Я все-таки былъ пораженъ, что она такъ высказалась, что она удерживаетъ такое право надо мной, что она соглашается на такую власть надо мною и такъ прямо говоритъ: «иди на погибель, а я въ сторонѣ останусь». Въ этихъ словахъ было что-то такое циническое и откровенное, что, по-моему, было ужъ слишкомъ много. Такъ, стало быть, какъ же смотритъ она на меня послѣ этого? Это ужъ перешло за черту рабства и ничтожества.

Послѣ такого взгляда, человѣка возносятъ до себ
И какъ ни нелѣпъ, какъ ни невѣроятенъ былъ весь нашъ разговоръ, но сердце у меня дрогнуло.

Вдругъ она захохотала. Мы сидѣли тогда на скамьѣ, предъ игравшими дѣтьми, противъ самаго того мѣста, гдѣ останавливались экипажи и высаживали публику въ аллею передъ вокзаломъ.

— Видите вы эту толстую баронессу? — вскричала она. — Это баронесса Вурмергельмъ. Она только три дня какъ пріѣхала. Видите ея мужа: длинный сухой пруссакъ, съ палкой въ рукѣ. Помните, какъ онъ третьяго дня насъ оглядывалъ? Ступайте сейчасъ, подойдите къ баронессѣ, снимите шляпу и скажите ей что-нибудь по-французски.

— Зачѣмъ?

— Вы клялись, что соскочили бы съ Шлангенберга, вы клялись, что готовы убить, если я прикажу. Вмѣсто всѣхъ этихъ убійствъ и трагедій я хочу только посмѣяться. Ступайте безъ отговорокъ. Я хочу посмотрѣть, какъ баронъ васъ прибьетъ палкой.

— Вы вызываете меня; вы думаете, что я не сдѣлаю?

— Да, вызываю, ступайте, я такъ хочу!

— Извольте, иду, хоть это и дикая фантазія. Только вотъ что: чтобы не было непріятности генералу, а отъ него вамъ? Ей-Богу, я не о себѣ хлопочу, а объ васъ, ну — и объ генералѣ. И что за фантазія идти оскорблять женщину?

— Нѣтъ, вы только болтунъ, какъ я вижу, — сказала она презрительно. — У васъ только глаза кровью налились давеча, — впрочемъ, можетъ быть, оттого, что вы вина много выпили за обѣдомъ. Да развѣ я не понимаю сама, что это и глупо и пошло, и что генералъ разсердится? Я просто смѣяться хочу. Ну, хочу, да и только! И зачѣмъ вамъ оскорблять женщину? Скорѣе васъ прибьютъ палкой.

Я повернулся и молча пошелъ исполнять ея порученіе. Конечно, это было глупо и, конечно, я не сумѣлъ вывернуться, но когда я сталъ подходить къ баронессѣ, помню, меня самого какъ будто что-то подзадорило, именно школьничество подзадорило. Да и раздраженъ я былъ ужасно, точно пьянъ.

VI

Вотъ уже два дня прошло послѣ того глупаго дня. И сколько крику, шуму, толку, стуку! И какая все это безпорядица, неурядица, глупость и пошлость, и я всему причиною. А, впрочемъ, иногда бываетъ смѣшно, — мнѣ по крайней мѣрѣ. Я не умѣю себѣ дать отчета, что со мною сдѣлалось, въ изступленномъ ли я состояніи нахожусь, въ самомъ дѣлѣ, или просто съ дороги соскочилъ и безобразничаю, пока не свяжутъ. Порой мнѣ кажется, что у меня умъ мѣшается. А порой кажется, что я еще недалеко отъ дѣтства, отъ школьной скамейки, и просто грубо школьничаю.

Это Полина, это все Полина! Можетъ быть, не было бы и школьничества, если бы не она. Кто знаетъ, можетъ быть, я это все съ отчаянія (какъ ни глупо, впрочемъ, такъ разсуждать). И не понимаю, не понимаю, что въ ней хорошаго! Хороша-то она, впрочемъ, хороша, кажется, хороша. Вѣдь она и другихъ съ ума сводитъ. Высокая и стройная. Очень тонкая только. Мнѣ кажется, ее можно всю въ узелъ завязать, или перегнуть надвое. Слѣдокъ ноги у ней узенькій и длинный, — мучительный. Именно мучительный. Волосы съ рыжимъ оттѣнкомъ. Глаза — настоящіе кошачьи, но какъ она гордо и высокомѣрно умѣетъ ими смотрѣть. Мѣсяца четыре тому назадъ, когда я только-что поступилъ, она, разъ вечеромъ, въ залѣ съ Де-Гріе долго и горячо разговаривала. И такъ на

него смотрѣла . . . что потомъ я, когда къ себѣ пришелъ ложиться спать, вообразилъ, что она дала ему пощечину, только что дала, стоитъ передъ нимъ и на него смотритъ . . . Вотъ съ этого-то вечера я ее и полюбилъ.

Впрочемъ, къ дѣлу.

Я спустился по дорожкѣ въ аллею, сталъ посрединѣ аллеи и выжидалъ баронессу и барона. Въ пяти шагахъ разстоянія я снялъ шляпу и поклонился.

Помню, баронесса была въ шелковомъ необъятной окружности платьѣ, свѣтлосѣраго цвѣта, съ оборками, въ кринолинѣ и съ хвостомъ. Она мала собой и толстоты необычайной, съ ужасно толстымъ и отвислымъ подбородкомъ, такъ что совсѣмъ не видно шеи. Лицо багровое. Глаза маленькіе, злые и наглые. Идетъ — точно всѣхъ честью удостоиваетъ. Баронъ сухъ, высокъ. Лицо, по нѣмецкому обыкновенію, кривое и въ тысячѣ мелкихъ морщинокъ; въ очкахъ; сорока пяти лѣтъ. Ноги у него начинаются чуть ли не съ самой груди; это, значитъ, порода. Гордъ, какъ павлинъ. Мѣшковатъ немного. Что-то баранье въ выраженіи лица, по-своему замѣняющее глубокомысліе.

Все это мелькнуло мнѣ въ глаза въ три секунды.

Мой поклонъ и моя шляпа въ рукахъ сначала едва-едва остановили ихъ вниманіе. Только баронъ слегка насупилъ брови. Баронесса такъ и плыла прямо на меня.

— Madame la baronne, — проговорилъ я отчетливо вслухъ, отчеканивая каждое слово: — j'ai l'honneur d'être votre esclave.

Затѣмъ поклонился, надѣлъ шляпу и прошелъ мимо барона, вѣжливо обращая къ нему лицо и улыбаясь.

Шляпу снять велѣла мнѣ она, но поклонился и

сошкольничалъ я ужъ самъ отъ себя. Чортъ знаетъ, что меня подтолкнуло? Я точно съ горы летѣлъ.

— Гейнъ! — крикнулъ или, лучше сказать, крякнулъ баронъ, оборачиваясь ко мнѣ съ сердитымъ удивленіемъ.

Я обернулся и остановился въ почтительномъ ожиданіи, продолжая на него смотрѣть и улыбаться. Онъ видимо недоумѣвалъ и подтянулъ брови до nec plus ultra. Лицо его все болѣе и болѣе омрачалось. Баронесса тоже повернулась въ мою сторону и тоже посмотрѣла въ гнѣвномъ недоумѣніи. Изъ прохожихъ стали засматриваться. Иные даже пріостановились.

— Гейнъ! — крикнулъ опять баронъ съ удвоеннымъ кряктомъ и съ удвоеннымъ гнѣвомъ.

— Ja wohl! — протянулъ я, продолжая смотрѣть ему прямо въ глаза.

— Sind Sie rasend? — крикнулъ онъ, махнувъ своей палкой и, кажется, немного начиная трусить. Его, можетъ быть, смущалъ мой костюмъ. Я былъ очень прилично, даже щегольски одѣтъ, какъ человѣкъ, вполнѣ принадлежащій къ самой порядочной публикѣ.

— Ja wo-o-ohl! — крикнулъ я вдругъ изо всей силы, протянувъ *о*, какъ протягиваютъ берлинцы, поминутно употребляющіе въ разговорѣ фразу: «ja wohl» и при этомъ протягивающіе букву *о* болѣе или менѣе, для выраженія различныхъ оттѣнковъ мыслей и ощущеній.

Баронъ и баронесса быстро повернулись и почти побѣжали отъ меня въ испугѣ. Изъ публики иные заговорили, другіе смотрѣли на меня въ недоумѣніи. Впрочемъ, не помню хорошо.

Я оборотился и пошелъ обыкновеннымъ шагомъ къ Полинѣ Александровнѣ. Но еще не доходя шаговъ сотни до ея скамейки, я увидѣлъ, что она встала и отправилась съ дѣтьми къ отелю.

Я настигъ ее у крыльца.

— Исполнилъ... дурачество, — сказалъ я, поровнявшись съ нею.

— Ну, такъ что жъ! Теперь и раздѣлывайтесь, — отвѣтила она, даже и не взглянувъ на меня, и пошла по лѣстницѣ.

Весь этотъ вечеръ я проходилъ въ паркѣ. Черезъ паркъ, и потомъ черезъ лѣсъ я прошелъ даже въ другое княжество. Въ одной избушкѣ ѣлъ яичницу и пилъ вино; за эту идиллію съ меня содрали цѣлыхъ полтора талера.

Только въ одиннадцать часовъ я воротился домой. Тотчасъ же за мною прислали отъ генерала.

Наши въ отелѣ занимаютъ два номера: у нихъ четыре комнаты. Первая — большая, — салонъ, съ роялемъ. Рядомъ съ нею тоже большая комната — кабинетъ генерала. Здѣсь ждалъ онъ меня, стоя среди кабинета въ чрезвычайно величественномъ положеніи. Де-Гріе сидѣлъ, развалясь, на диванѣ.

— Милостивый государь, позвольте спросить, что вы надѣлали? — началъ генералъ, обращаясь ко мнѣ.

— Я бы желалъ, генералъ, чтобы вы приступили прямо къ дѣлу, — сказалъ я. — Вы, вѣроятно, хотите говорить о моей встрѣчѣ сегодня съ однимъ нѣмцемъ?

— Съ однимъ нѣмцемъ?! Этотъ нѣмецъ — баронъ Вурмергельмъ и важное лицо-съ! Вы надѣлали ему и баронессѣ грубостей.

— Никакихъ.

— Вы испугали ихъ, милостивый государь, — крикнулъ генералъ.

— Да совсѣмъ же нѣтъ. Мнѣ еще въ Берлинѣ запало въ ухо безпрерывно повторяемое ко всякому слову: Ja wohl, которое они такъ отвратительно протягиваютъ. Когда я встрѣтился съ нимъ въ аллеѣ, мнѣ вдругъ это «ja wohl», не знаю почему, вскочило

на память, ну и подѣйствовало на меня раздражительно... Да къ тому же баронесса, вотъ ужъ три раза, встрѣчаясь со мною, имѣетъ обыкновеніе идти прямо на меня, какъ будто бы я былъ червякъ, котораго можно ногою давить. Согласитесь, я тоже могу имѣть свое самолюбіе. Я снялъ шляпу и вѣжливо (увѣряю васъ, что вѣжливо) сказалъ: «Madame, j'ai l'honneur d'être votre esclave». Когда баронъ обернулся и сказалъ «гейнъ!», — меня вдругъ такъ и подтолкнуло тоже закричать: «ja wohl!» Я и крикнулъ два раза: первый разъ обыкновенно, а второй — протянувъ изо всей силы. Вотъ и все.

Признаюсь, я ужасно былъ радъ этому въ высшей степени мальчишескому объясненію. Мнѣ удивительно хотѣлось размазывать всю эту исторію, какъ можно нелѣпѣе.

И чѣмъ далѣе, тѣмъ я болѣе во вкусъ входилъ.

— Вы смѣетесь, что ли, надо мною, — крикнулъ генералъ. Онъ обернулся къ французу и по-французски изложилъ ему, что я рѣшительно напрашиваюсь на исторію. Де-Гріе презрительно усмѣхнулся и пожалъ плечами.

— О, не имѣйте этой мысли, ничуть не бывало! — вскричалъ я генералу, — мой поступокъ, конечно, нехорошъ, я въ высшей степени откровенно вамъ сознаюсь въ этомъ. Мой поступокъ можно назвать даже глупымъ и неприличнымъ школьничествомъ, но — не болѣе. И знаете, генералъ, я въ высшей степени раскаиваюсь. Но тутъ есть одно обстоятельство, которое въ моихъ глазахъ почти избавляетъ меня даже и отъ раскаянія. Въ послѣднее время, этихъ недѣли двѣ, даже три, я чувствую себя нехорошо: больнымъ, нервнымъ, рездражительнымъ, фантастическимъ и, въ иныхъ случаяхъ, теряю совсѣмъ надъ собою волю. Право, мнѣ иногда ужасно хотѣлось нѣсколько разъ

вдругъ обратиться къ маркизу Де-Гріе и... А, впрочемъ, нечего договаривать, можетъ, ему будетъ обидно. Однимъ словомъ, это признаки болѣзни. Не знаю, приметъ ли баронесса Вурмергельмъ во вниманіе это обстоятельство, когда я буду просить у нея извиненія (потому что я намѣренъ просить у нея извиненія)? Я полагаю, не приметъ, тѣмъ болѣе, что, сколько извѣстно мнѣ, этимъ обстоятельствомъ начали въ послѣднее время злоупотреблять въ юридическомъ мірѣ: адвокады при уголовныхъ процессахъ стали весьма часто оправдывать своихъ кліентовъ, преступниковъ, тѣмъ, что они въ моментъ преступленія ничего не помнили и что это, будто бы, такая болѣзнь. «Прибилъ, дескать, и ничего не помнитъ». И представьте себѣ, генералъ, медицина имъ поддакиваетъ, — дѣйствительно подтверждаетъ, что бываетъ такая болѣзнь, такое временное помѣшательство, когда человѣкъ почти ничего не помнитъ, или полу-помнитъ, или четверть-помнитъ. Но баронъ и баронесса — люди поколѣнія стараго, при томъ прусскіе юнкеры и помѣщики. Имъ, должно быть, этотъ прогрессъ въ юридически-медицинскомъ мірѣ еще неизвѣстенъ, а потому они и не примутъ моихъ объясненій. Какъ вы думаете, генералъ?

— Довольно, сударь! — рѣзко и съ сдержаннымъ негодованіемъ произнесъ генералъ, — довольно! Я постараюсь, разъ навсегда, избавить себя отъ вашего школьничества. Извиняться передъ баронессою и барономъ вы не будете. Всякія сношенія съ вами, даже хотя бы они состояли единственно въ вашей просьбѣ о прощеніи, будутъ для нихъ слишкомъ унизительны. Баронъ, узнавъ, что вы принадлежите къ моему дому, объяснился ужъ со мною въ вокзалѣ и, признаюсь вамъ, еще немного, и онъ потребовалъ бы у меня удовлетворенія. Понимаете ли вы, чему подвергали вы меня, — меня, милостивый государь? Я, я принужденъ былъ просить у барона извиненія и далъ

ему слово, что немедленно, сегодня же, вы не будете принадлежать къ моему дому.

— Позвольте, позвольте, генералъ, такъ это онъ самъ непремѣнно потребовалъ, чтобъ я не принадлежалъ къ вашему дому, какъ вы изволите выражаться?

— Нѣтъ; но я самъ почелъ себя обязаннымъ дать ему это удовлетвореніе, и, разумѣется, баронъ остался доволенъ. Мы разстаемся, милостивый государь. Вамъ слѣдуетъ дополучить съ меня эти четыре фридрихсдора и три флорина на здѣшній расчетъ. Вотъ деньги, а вотъ и бумажка съ расчетомъ; можете это провѣрить. Прощайте. Съ этихъ поръ мы чужіе. Кромѣ хлопотъ и непріятностей я не видалъ отъ васъ ничего. Я позову сейчасъ кельнера и объявляю ему, что съ завтрашняго дня не отвѣчаю за ваши расходы въ отелѣ. Честь имѣю пребыть вашимъ слугою.

Я взялъ деньги, бумажку, на которой былъ карандашомъ написанъ расчетъ, поклонился генералу и весьма серьезно сказалъ ему:

— Генералъ, дѣло такъ окончиться не можетъ. Мнѣ очень жаль, что вы подвергались непріятностямъ отъ барона, но — извините меня — виною этому вы сами. Какимъ образомъ взяли вы на себя отвѣчать за меня барону? Что значитъ выраженіе, что я принадлежу къ вашему дому? Я просто учитель въ вашемъ домѣ и только. Я не сынъ родной, не подъ опекой у васъ, а за поступки мои вы не можете отвѣчать. Я самъ лицо юридически-компетентное. Мнѣ двадцать пять лѣтъ, я кандидатъ университета, я дворянинъ, я вамъ соовершенно чужой. Только одно мое безграничное уваженіе къ вашимъ достоинствамъ останавливаетъ меня потребовать отъ васъ теперь же удовлетворенія и дальнѣйшаго отчета въ томъ, что вы взяли на себя право за меня отвѣчать.

Генералъ былъ до того пораженъ, что руки разставилъ, потомъ вдругъ оборотился къ французу и

торопливо передалъ ему, что я чуть не вызвалъ его сейчасъ на дуэль. Французъ громко захохоталъ.

— Но барону я спустить не намѣренъ, — продолжалъ я съ полнымъ хладнокровіемъ, нимало не смущаясь смѣхомъ m-r Де-Гріе, — и такъ какъ вы, генералъ, согласившись выслушать жалобы барона и войдя въ его интересъ, поставили сами себя какъ бы участникомъ во всемъ этомъ дѣлѣ, то я честь имѣю вамъ доложить, что не позже какъ завтра поутру потребую у барона, отъ своего имени, формальнаго объясненія причинъ, по которымъ онъ, имѣя дѣло со мною, обратился мимо меня къ другому лицу, — точно я не могъ или былъ недостоинъ отвѣчать ему самъ за себя.

Что я предчувствовалъ, то и случилось. Генералъ, услышавъ эту новую глупость, струсилъ ужасно.

— Какъ, неужели вы намѣрены еще продолжать это проклятое дѣло! — вскричалъ онъ, — но что жъ со мной-то вы дѣлаете, о, Господи! Не смѣйте, не смѣйте, милостивый государь, или, клянусь вамъ!.. Здѣсь есть тоже начальство, и я... я... однимъ словомъ, по моему чину... и баронъ тоже... однимъ словомъ,, васъ заарестуютъ и вышлютъ отсюда съ полиціей, чтобъ вы не буянили! Понимаете это-съ! — И хоть ему захватило духъ отъ гнѣва, но все-таки онъ трусилъ ужасно.

— Генералъ, — отвѣчалъ я, съ нестерпимымъ для него спокойствіемъ, — заарестовать нельзя за буйство прежде совершенія буйства. Я еще не начиналъ моихъ объясненій съ барономъ, а вамъ еще совершенно неизвѣстно, въ какомъ видѣ и на какихъ основаніяхъ я намѣренъ приступить къ этому дѣлу. Я желаю только разъяснить обидное для меня предположеніе, что я нахожусь подъ опекой у лица, будто бы имѣющаго власть надъ моей свободной волею. Напрасно вы такъ себя тревожите и безпокоите.

— Ради Бога, ради Бога, Алексѣй Ивановичъ, оставьте это безсмысленное намѣреніе! — бормоталъ генералъ, вдругъ измѣняя свой разгнѣванный тонъ на умоляющій и даже схвативъ меня за руки. — Ну, представьте, что изъ этого выйдетъ? Опять непріятность! Согласитесь сами, я долженъ здѣсь держать себя особеннымъ образомъ, особенно теперь!.. Особенно теперь!.. О, вы не знаете, не знаете всѣхъ моихъ обстоятельствъ!.. Когда мы отсюда поѣдемъ, я готовъ опять принять васъ къ себѣ. Я теперь только такъ, ну, однимъ словомъ, — вѣдь вы понимаете же причины! — вскричалъ онъ отчаянно: — Алексѣй Ивановичъ, Алексѣй Ивановичъ!..

Ретируясь къ дверямъ, я еще разъ усиленно просилъ его не безпокоиться; обѣщалъ, что все обойдется хорошо и прилично, и поспѣшилъ выйти.

Иногда русскіе за границей бываютъ слишкомъ трусливы и ужасно боятся того, что скажутъ, и какъ на нихъ поглядятъ, и будетъ ли прилично вотъ то-то и то-то? Однимъ словомъ, держатъ себя точно въ корсетѣ, особенно претендующіе на значеніе. Самое любое для нихъ — какая-нибудь предвзятая, разъ установленная форма, которой они рабски слѣдуютъ — въ отеляхъ, на гуляньяхъ, въ собраніяхъ, въ дорогѣ... Но генералъ проговорился, что у него сверхъ того были какія-то особыя обстоятельства, что ему надо какъ-то «особенно держаться». Оттого-то онъ такъ вдругъ малодушно и струсилъ, и перемѣнилъ со мной тонъ. Я это принялъ къ свѣдѣнію и замѣтилъ. И, конечно, онъ могъ сдуру обратиться завтра къ какимъ-нибудь властямъ, такъ что мнѣ надо было въ самомъ дѣлѣ быть осторожнымъ.

Мнѣ, впрочемъ, вовсе не хотѣлось сердить собственно генерала; но мнѣ захотѣлось теперь посердить Полину. Полина обошлась со мною такъ жестоко и сама толкнула меня на такую глупую дорогу, что мнѣ

очень хотѣлось довести ее до того, чтобы она сама попросила меня остановиться. Мое школьничество могло, наконецъ, и ее компрометировать. Кромѣ того, во мнѣ сформировались кой-какія другія ощущенія и желанія; если я, напримѣръ, исчезаю передъ нею самовольно въ ничто, то это вовсе вѣдь не значитъ, что предъ людьми я мокрая курица и ужъ, конечно, не барону «бить меня палкой». Мнѣ захотѣлось надъ всѣми ними насмѣяться, а самому выйти молодцомъ. Пусть посмотрятъ. Небось! она испугается скандала и кликнетъ меня опять. А и не кликнетъ, такъ все-таки увидитъ, что я не мокрая курица.

(Удивительное извѣстіе: сейчасъ только услышалъ отъ нашей няни, которую встрѣтилъ на лѣстницѣ, что Марья Филипповна отправилась сегодня, одна одинешенька, въ Карлсбадъ, съ вечернимъ поѣздомъ, къ двоюродной сестрѣ. Это что за извѣстіе? Няня говоритъ, что она давно собиралась; но какъ же этого никто не зналъ? Впрочемъ, можетъ, я только не зналъ. Няня проговорилась мнѣ, что Марья Филипповна съ генераломъ еще третьяго дня крупно поговорила. Понимаю-съ. Это навѣрное — m-lle Blanche. Да, у насъ наступаетъ что-то рѣшительное.)

VII

На утро я позвалъ кельнера и объявилъ, чтобы счетъ мнѣ писали особенно. Номеръ мой былъ не такъ еще дорогъ, чтобъ очень пугаться и совсѣмъ выѣхать изъ отеля. У меня было шестнадцать фридрихсдоровъ, а тамъ... тамъ, можетъ быть, богатство! Странное дѣло, я еще не выигралъ, но поступаю, чувствую и мыслю, какъ богачъ, и не могу представлять себя иначе.

Я располагалъ, несмотря на ранній часъ, тотчасъ

же отправиться къ мистеру Астелю въ отель d'Angleterre, очень недалеко отъ насъ, какъ вдругъ вошелъ ко мнѣ Де-Гріе. Этого никогда еще не случалось, да сверхъ того съ этимъ господиномъ, во все послѣднее время, мы были въ самыхъ чуждыхъ и въ самыхъ натянутыхъ отношеніяхъ. Онъ явно не скрывалъ ко мнѣ пренебреженія, даже старался не скрывать; а я — я имѣлъ свои особыя причины его не жаловать. Однимъ словомъ, я его ненавидѣлъ. Приходъ его меня очень удивилъ. Я тотчасъ же смекнулъ, что тутъ что-нибудь особенное заварилось.

Вошелъ онъ очень любезно и сказалъ мнѣ комплиментъ насчетъ моей комнаты. Видя, что я со шляпой въ рукахъ, онъ освѣдомился, неужели я такъ рано выхожу гулять. Когда же услышалъ, что я иду къ мистеру Астлею по дѣлу, подумалъ, сообразилъ, и лицо его приняло чрезвычайно озабоченный видъ.

Де-Гріе былъ какъ всѣ французы, то-есть веселый и любезный, когда это надо и выгодно, и нестерпимо скучный, когда быть веселымъ и любезнымъ переставала необходимость. Французъ рѣдко натурально любезенъ; онъ любезенъ всегда какъ бы по приказу, изъ расчета. Если, напримѣръ, видитъ необходимость быть фантастичнымъ, оригинальнымъ, по-необыденнѣе, то фантазія его самая глупая и неестественная, слагается изъ заранѣе принятыхъ и давно уже опошлившихся формъ. Натуральный же французъ состоитъ изъ самой мѣщанской, мелкой, обыденной положительности, — однимъ словомъ, скучнѣйшее существо въ мірѣ. По-моему, только новички и особенно русскія барышни прельщаются французами. Всякому же порядочному существу тотчасъ же замѣтна и нестерпима эта казенщина разъ установившихся формъ салонной любезности, развязности и веселости.

— Я къ вамъ по дѣлу, — началъ онъ чрезвычайно независимо, хотя, впрочемъ, вѣжливо, — и не

скрою, что къ вамъ посломъ или, лучше сказать, посредникомъ отъ генерала. Очень плохо зная русскій языкъ, я ничего почти вчера не понялъ; но генералъ мнѣ подробно объяснилъ и, признаюсь...

— Но, послушайте, m-r Де-Гріе, — перебилъ я его, — вы вотъ и въ этомъ дѣлѣ взялись быть посредникомъ. Я, конечно, «un outchitel» и никогда не претендовалъ на честь быть близкимъ другомъ этого дома или на какія-нибудь особенно интимныя отношенія, а потому и не знаю всѣхъ обстоятельствъ; но разъясните мнѣ: неужели вы ужъ теперь совсѣмъ принадлежите къ членамъ этого семейства? Потому что вы, наконецъ, во всемъ берете такое участіе, непремѣнно сейчасъ же во всемъ посредникомъ...

Вопросъ мой ему не понравился. Для него онъ былъ слишкомъ прозраченъ, а проговариваться онъ не хотѣлъ.

— Меня связываютъ съ генераломъ отчасти дѣла, отчасти *нѣкоторыя особенныя* обстоятельства, — сказалъ онъ сухо. — Генералъ прислалъ меня просить васъ оставить ваши вчерашнія намѣренія. Все, что вы выдумали, конечно, очень остроумно; но онъ именно просилъ меня представить вамъ, что вамъ совершенно не удастся; мало того — васъ баронъ не приметъ и, наконецъ, во всякомъ случаѣ, онъ вѣдь имѣетъ всѣ средства избавиться отъ дальнѣйшихъ непріятностей съ вашей стороны. Согласитесь сами. Къ чему же, скажите, продолжать? Генералъ же вамъ обѣщаетъ, навѣрное, принять васъ опять въ свой домъ, при первыхъ удобныхъ обстоятельствахъ, а до того времени зачесть ваше жалованье, vos appointements. Вѣдь это довольно выгодно, не правда ли?

Я возразилъ ему весьма спокойно, что онъ нѣсколько ошибается; что, можетъ быть, меня отъ барона и не прогонятъ, а, напротивъ, выслушаютъ, и попросилъ его признаться, что, вѣроятно, онъ затѣмъ и

пришелъ, чтобъ выпытать: какъ именно я примусь за все это дѣло?

— О, Боже, если генералъ такъ заинтересованъ, то, разумѣется, ему пріятно будетъ узнать, что и какъ вы будете дѣлать? Это такъ естественно!

Я принялся объяснять, а онъ началъ слушать, развалясь, нѣсколько склонивъ ко мнѣ на бокъ голову, съ явнымъ, нескрываемымъ, ироническимъ оттѣнкомъ въ лицѣ. Вообще, онъ держалъ себя чрезвычайно свысока. Я старался всѣми силами притвориться, что смотрю на дѣло съ самой серьезной точки зрѣнія. Я объяснилъ, что такъ какъ баронъ обратился къ генералу съ жалобою на меня, точно на генеральскаго слугу, то, во-первыхъ, — лишилъ меня этимъ мѣста, а, во-вторыхъ, третировалъ меня, какъ лицо, которое не въ состояніи за себя отвѣтить и съ которымъ не стоитъ и говорить. Конечно, я чувствую себя справедливо обиженнымъ; однако, понимая разницу лѣтъ, положенія въ обществѣ и прочее, и прочее (я едва удерживался отъ смѣха въ этомъ мѣстѣ), не хочу брать на себя еще новаго легкомыслія, то-есть прямо потребовать отъ барона, или даже только предложить ему, объ удовлетвореніи. Тѣмъ не менѣе я считаю себя совершенно въ правѣ предложить ему, и особенно баронессѣ, мои извиненія, тѣмъ болѣе, что, дѣйствительно, въ послѣднее время я чувствую себя нездоровымъ, разстроеннымъ и, такъ сказать, фантастическимъ, и прочее, и прочее. Однакожъ, самъ баронъ вчерашнимъ обиднымъ для меня обращеніемъ къ генералу и настояніемъ, чтобы генералъ лишилъ меня мѣста, поставилъ меня въ такое положеніе, что теперь я уже не могу представить ему и баронессѣ мои извиненія, потому что и онъ, и баронесса, и весь свѣтъ, навѣрно подумаютъ, что я пришелъ съ извиненіями со страха, чтобъ получить назадъ свое мѣсто. Изъ всего этого слѣдуетъ, что я нахожусь

теперь вынужденнымъ просить барона, чтобы онъ первоначально извинился предо мною самъ, въ самыхъ умѣренныхъ выраженіяхъ, — напримѣръ, сказалъ бы, что онъ вовсе не желалъ меня обидѣть. И когда баронъ это выскажетъ, тогда я уже съ развязанными руками, чистосердечно и искренно принесу ему и мои извиненія. Однимъ словомъ, — заключилъ я, — я прошу только, чтобы баронъ развязалъ мнѣ руки.

— Фи, какая щепетильность и какія утонченности! И чего вамъ извиняться? Ну, согласитесь m-r… m-r… что вы затѣваете все это нарочно, чтобы досадить генералу… а, можетъ быть, имѣете какія-нибудь особыя цѣли… mon cher monsieur.. pardon, j'ai oublié votre nom, m-r Alexis?.. N'est-ce pas?

— Но позвольте, mon cher marquis, да вамъ что за дѣло?

— Mais le général…

— А генералу что? Онъ вчера́ что-то говорилъ, что держать себя на какой-то ногѣ долженъ… и такъ тревожился… но я ничего не понялъ.

— Тутъ есть, — тутъ именно существуетъ особое обстоятельство, — подхватилъ Де-Гріе просящимъ тономъ, въ которомъ все болѣе и болѣе слышалась досада. — Вы знаете m-lle de Cominges?..

— То-есть m-lle Blanche?

— Ну да, m-lle Blanche de Cominges… et madame sa mère… согласитесь сами, генералъ… однимъ словомъ, генералъ влюбленъ и даже… даже, можетъ быть, здѣсь совершится бракъ. И представьте при этомъ разные скандалы, исторіи…

— Я не вижу тутъ ни скандаловъ, ни исторій, касающихся брака.

— Но le baron est si irascible, un caractère prussien, vous savez, enfin il fera une querelle d'Allemand.

— Такъ мнѣ же, а не вамъ, потому что я уже

не принадлежу къ дому... (Я нарочно старался быть какъ можно безтолковѣе.) Но позвольте, такъ это рѣшено, что m-lle Blanche выходитъ за генерала? Чего же ждутъ? Я хочу сказать — что скрывать объ этомъ, по крайней мѣрѣ, отъ насъ, отъ домашнихъ?

— Я вамъ не могу... впрочемъ, это еще не совсѣмъ... однако... вы знаете, ждутъ изъ Россіи извѣстія; генералу надо устроить дѣла...

— А, а! La baboulinka!

Де-Гріе съ ненавистью посмотрѣлъ на меня.

— Однимъ словомъ, — перебилъ онъ, — я вполнѣ надѣюсь на вашу врожденную любезность, на вашъ умъ, на тактъ... вы, конечно, сдѣлаете это для того семейства, въ которомъ вы были приняты какъ родной, были любимы, уважаемы...

— Помилуйте, я былъ выгнанъ! Вы, вотъ, утверждаете теперь, что это для виду; но согласитесь, если вамъ скажутъ: «я, конечно, не хочу тебя выдрать за уши, но для виду позволь себя выдрать за уши»... Такъ вѣдь это почти все равно?

— Если такъ, если никакія просьбы не имѣютъ на васъ вліянія, — началъ онъ строго и заносчиво, — то позвольте васъ увѣрить, что будутъ приняты мѣры. Тутъ есть начальство, васъ вышлютъ сегодня же, — que diable! Un blanc-bec comme vous хочетъ вызвать на дуэль такое лицо, какъ баронъ! И вы думаете, что васъ оставятъ въ покоѣ? И, повѣрьте, васъ никто здѣсь не боится! Если я просилъ, то болѣе отъ себя, потому что вы безпокоили генерала. И неужели, неужели вы думаете, что баронъ не велитъ васъ просто выгнать лакею?

— Да вѣдь я не самъ пойду, — отвѣчалъ я съ чрезвычайнымъ спокойствіемъ, — вы ошибаетесь, m-r Де-Гріе, все это обойдется гораздо приличнѣе, чѣмъ вы думаете. Я вотъ сейчасъ же отправлюсь къ мистеру Астлею и попрошу его быть моимъ посредникомъ, од-

нимъ словомъ, быть моимъ second. Этотъ человѣкъ меня любитъ и, навѣрное, не откажетъ. Онъ пойдетъ къ барону и баронъ его приметъ. Если самъ я un outchitel и кажусь чѣмъ-то subalterne, ну и, наконецъ, безъ защиты, то мистеръ Астлей — племянникъ лорда, настоящаго лорда, это извѣстно всѣмъ, лорда Пиброка, и лордъ этотъ здѣсь. Повѣрьте, что баронъ будетъ вѣжливъ съ мистеромъ Астлеемъ и выслушаетъ его. А если не выслушаетъ, то мистеръ Астлей почтетъ это себѣ за личную обиду (вы знаете, какъ англичане настойчивы) и пошлетъ къ барону отъ себя пріятеля, а у него пріятели хорошіе. Разочтите теперь, что выйдетъ, можетъ быть, и не такъ, какъ вы полагаете.

Французъ рѣшительно струсилъ; дѣйствительно, все это было очень похоже на правду, а стало быть, выходило, что я и въ самомъ дѣлѣ былъ въ силахъ затѣять исторію.

— Но прошу же васъ, — началъ онъ совершенно умоляющимъ голосомъ, — оставьте все это! Вамъ точно пріятно, что выйдетъ исторія! Вамъ не удовлетворенія надобно, а исторіи! Я сказалъ, что все это выйдетъ забавно и даже остроумно — чего, можетъ быть, вы и добиваетесь, но, — однимъ словомъ, — заключилъ онъ, видя, что я всталъ и беру шляпу. — я пришелъ вамъ передать эти два слова отъ одной особы, прочтите, — мнѣ поручено ждать отвѣта.

Сказавъ это, онъ вынулъ изъ кармана и подалъ мнѣ маленькую, сложенную и запечатанную облаткою записочку.

Рукою Полины было написано:

«Мнѣ показалось, что вы намѣрены продолжать эту исторію. Вы разсердились и начинаете школьничать. Но тутъ есть особыя обстоятельства, и я вамъ ихъ потомъ, можетъ быть, объясню; а вы, пожалуйста, перестаньте и уймитесь. Какія все это глупости!

Вы мнѣ нужны и сами обѣщались слушаться. Вспомните Шлангенбергъ. Прошу васъ быть послушнымъ и, если надо, приказываю. Ваша П. Р. S. Если на меня за вчерашнее сердитесь, то простите меня».

У меня какъ бы все перевернулось въ глазахъ, когда я прочиталъ эти строчки. Губы у меня побѣлѣли, и я сталъ дрожать. Проклятый французъ смотрѣлъ съ усиленно скромнымъ видомъ и отводя отъ меня глаза, какъ бы для того, чтобы не видѣть моего смущенія. Лучше бы онъ захохоталъ надо мною.

— Хорошо, — отвѣтилъ я, — скажите, чтобы m-lle была спокойна. Позвольте же, однако, васъ спросить, — прибавилъ я рѣзко, — почему вы такъ долго не передавали мнѣ эту записку? Вмѣсто того, чтобы болтать о пустякахъ, мнѣ кажется, вы должны были начать съ этого . . . если вы именно и пришли съ этимъ порученіемъ.

— О, я хотѣлъ . . . вообще все это такъ странно, что вы извините мое натуральное нетерпѣніе. Мнѣ хотѣлось поскорѣе узнать самому лично, отъ васъ самихъ, ваши намѣренія. Я, впрочемъ, не знаю, что въ этой запискѣ, и думалъ, что всегда успѣю передать.

— Понимаю, вамъ просто-запросто велѣно передать это только въ крайнемъ случаѣ, а если уладите на словахъ, то и не передавать. Такъ ли? Говорите прямо, m-r Де-Гріе!

— Peut-être, — сказалъ онъ, принимая видъ какой-то особенно сдержанности и смотря на меня какимъ-то особеннымъ взглядомъ.

Я взялъ шляпу; онъ кивнулъ головой и вышелъ. Мнѣ показалось, что на губахъ его насмѣшливая улыбка. Да и какъ могло быть иначе?

«Мы съ тобой еще сочтемся, французишка, помѣримся!» — бормоталъ я, сходя съ лѣстницы. Я еще ничего не могъ сообразить, точно что мнѣ въ голову ударило. Воздухъ нѣсколько освѣжилъ меня.

М[illegible]

соображать, мнѣ ярко представились двѣ мысли: *первая*, — что изъ такихъ пустяковъ, изъ нѣсколькихъ школьническихъ невѣроятныхъ угрозъ мальчишки, высказанныхъ вчера на лету, поднялась такая *всеобщая* тревога! и *вторая* мысль — каково же, однако, вліяніе этого француза на Полину? Одно его слово — и она дѣлаетъ все, что ему нужно, пишетъ записку и даже *проситъ* меня. Конечно, ихъ отношенія и всегда для меня были загадкою съ самаго начала, съ тѣхъ поръ, какъ я ихъ знать началъ, однакожъ въ эти послѣдніе дни — я замѣтилъ въ ней рѣшительное отвращеніе и даже презрѣніе къ нему, а онъ даже и не смотрѣлъ на нее, даже просто бывалъ съ ней невѣжливъ. Я это замѣтилъ. Полина сама мнѣ говорила объ отвращеніи; у ней уже прорывались чрезвычайно значительныя признанія... Значитъ, онъ просто владѣетъ ею, она у него въ какихъ-то цѣпяхъ...

VIII

На променадѣ, какъ здѣсь называютъ, то-есть въ каштановой аллеѣ, я встрѣтилъ моего англичанина.

— О, о! — началъ онъ, завидя меня, — я къ вамъ, а вы ко мнѣ. Такъ вы ужъ разстались съ вашими?

— Скажите, во-первыхъ, почему вы все это знаете, — спросилъ я въ удивленіи, — неужели все это всѣмъ извѣстно?

— О, нѣтъ, всѣмъ не извѣстно; да и не стоитъ, чтобъ было извѣстно. Никто не говоритъ.

— Такъ почему вы это знаете?

— Я знаю, то-есть имѣлъ случай узнать. Теперь куда вы отсюда уѣдете? Я люблю васъ и потому къ вамъ пришелъ.

— Славный вы человѣкъ, мистеръ Астлей, — ска-

залъ я (меня, впрочемъ, ужасно поразило: откуда онъ знаетъ?), — и такъ какъ я еще не пилъ кофе, да и вы, вѣроятно, его плохо пили, то пойдемте къ вокзалу въ кафѐ, тамъ сядемъ, закуримъ, и я вамъ все разскажу, и... вы тоже мнѣ разскажете.

Кафѐ было во ста шагахъ. Намъ принесли кофе, мы усѣлись, я закурилъ папиросу, мистеръ Астлей ничего не закурилъ и, уставившись на меня, приготовился слушать.

— Я никуда не ѣду, я здѣсь остаюсь, — началъ я.

Идя къ мистеру Астлею, я вовсе не имѣлъ намѣренія и даже нарочно не хотѣлъ разсказывать ему что-нибудь о моей любви къ Полинѣ. Во всѣ эти дни я не сказалъ съ нимъ объ этомъ почти ни одного слова. Къ тому же онъ былъ очень застѣнчивъ. Я съ перваго раза замѣтилъ, что Полина произвела на него чрезвычайное впечатлѣніе, но онъ никогда не упоминалъ ея имени. Но странно, вдругъ теперь, только что онъ усѣлся и уставился на меня своимъ пристальнымъ оловяннымъ взглядомъ, во мнѣ, неизвѣстно почему, явилась охота разсказать ему все, то-есть всю мою любовь со всѣми ея оттѣнками. Я разсказывалъ цѣлые полчаса, и мнѣ было это чрезвычайно пріятно, въ первый разъ я объ этомъ разсказывалъ! Замѣтивъ же, что въ нѣкоторыхъ, особенно пылкихъ мѣстахъ, онъ смущается, я нарочно усиливалъ пылкость моего разсказа. Въ одномъ раскаиваюсь: я, можетъ быть, сказалъ кое-что лишнее про француза...

Мистеръ Астлей слушалъ, сидя противъ меня, неподвижно, не издавая ни слова, ни звука и глядя мнѣ въ глаза; но когда я заговорилъ про француза, онъ вдругъ осадилъ меня и строго спросилъ: имѣю ли я право упоминать объ этомъ постороннемъ обстоятельствѣ? Мистеръ Астлей всегда очень странно задавалъ вопросы.

— Вы правы: именно это есть, — отвѣтилъ я.

— Объ этомъ маркизѣ и о миссъ Полинѣ вы ничего не можете сказать точнаго, кромѣ однихъ предположеній?

Я опять удивился такому категорическому вопросу отъ такого застѣнчиваго человѣка, какъ мистеръ Астлей.

— Нѣтъ, точнаго ничего, — отвѣтилъ я, — конечно, ничего.

— Если такъ, то вы сдѣлали дурное дѣло, не только тѣмъ, что заговорили объ этомъ со мною, но даже и тѣмъ, что про себя это подумали.

— Хорошо, хорошо! Сознаюсь; но теперь не въ томъ дѣло, — перебилъ я, про себя удивляясь. Тутъ я ему разсказалъ всю вчерашнюю исторію, во всѣхъ подробностяхъ, выходку Полины, мое приключеніе съ барономъ, мою отставку, необыкновенную трусость генерала и, наконецъ, въ подробности изложилъ сегодняшнее посѣщеніе Де-Гріе, со всѣми оттѣнками; въ заключеніе показалъ ему записку.

— Что вы изъ этого выводите? — спросилъ я. — Я именно пришелъ узнать ваши мысли. Что же до меня касается, то я, кажется, убилъ бы этого французишку, и, можетъ быть, это сдѣлаю.

— И я, — сказалъ мистеръ Астлей. — Что же касается до миссъ Полины, то . . . вы знаете, мы вступаемъ въ сношенія даже съ людьми намъ ненавистными, если насъ вызываетъ къ тому необходимость. Тутъ могутъ быть сношенія вамъ неизвѣстныя, зависящія отъ обстоятельствъ постороннихъ. Я думаю, что вы можете успокоиться — отчасти, разумѣется. Что же касается до вчерашняго поступка ея, то онъ, конечно, страненъ, — не потому что она пожелала отъ васъ отвязаться и послала васъ подъ дубину барона (которую, я не понимаю почему, онъ не употребилъ, имѣя въ рукахъ), а потому, что такая выходка для такой . . .

для такой превосходной миссъ — неприлична. Разумѣется, она не могла предугадать, что вы буквально исполните ея насмѣшливое желаніе...

— Знаете ли что? — вскричалъ я вдругъ, пристально всматриваясь въ мистера Астлея, — мнѣ сдается, что вы уже о всемъ объ этомъ слышали, знаете отъ кого? — Отъ самой миссъ Полины!

Мистеръ Астлей посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ.

— У васъ глаза сверкаютъ, и я читаю въ нихъ подозрѣніе, — проговорилъ онъ, тотчасъ же возвративъ себѣ прежнее спокойствіе, — но вы не имѣете ни малѣйшихъ правъ обнаруживать ваши подозрѣнія. Я не могу признать этого права и вполнѣ отказываюсь отвѣчать на вашъ вопросъ.

— Ну, довольно! И не надо! — закричалъ я, странно волнуясь и не понимая, почему вскочило это мнѣ въ мысль! И когда, гдѣ, какимъ образомъ, мистеръ Астлей могъ бы быть выбранъ Полиною въ повѣренные? Въ послѣднее время, впрочемъ, я отчасти упустилъ изъ виду мистера Астлея, а Полина и всегда была для меня загадкой, — до того загадкой, что, напримѣръ, теперь, пустившись разсказывать всю исторію моей любви мистеру Астлею, я вдругъ, во время самаго разсказа, былъ пораженъ тѣмъ, что почти ничего не могъ сказать объ моихъ отношеніяхъ съ нею точнаго и положительнаго. Напротивъ того, все было фантастическое, странное, неосновательное и даже ни на что не похожее.

— Ну, хорошо, хорошо; я сбитъ съ толку и теперь еще многаго не могу сообразить, — отвѣчалъ я, точно запыхавшись. — Впрочемъ, вы хорошій человѣкъ. Теперь другое дѣло, и я прошу вашего не совѣта, а мнѣнія.

Я помолчалъ и началъ:

— Какъ вы думаете, почему такъ струсилъ ге-

нералъ? Почему изъ моего глупѣйшаго шалопайничества они всѣ вывели такую исторію? Такую исторію, что даже самъ Де-Гріе нашелъ необходимымъ вмѣшаться (а онъ вмѣшивается только въ самыхъ важныхъ случаяхъ), посѣтилъ меня (каково!), просилъ, умолялъ, меня — онъ, Де-Гріе, меня! Наконецъ, замѣтьте себѣ, онъ пришелъ въ девять часовъ, въ концѣ девятаго, и ужъ записка миссъ Полины была въ его рукахъ. Когда же, спрашивается, она была написана? Можетъ быть, миссъ Полину разбудили для этого! Кромѣ того, что изъ этого я вижу, что миссъ Полина его раба (потому что даже у меня проситъ прощенія!), — кромѣ того, — ей-то что во всемъ этомъ, ей лично? Она дла чего такъ интересуется? Чего они испугались какого-то барона? И что жъ такое, что генералъ женится на m-lle Blanche de Cominges? Они говорятъ, что имъ какъ-то *особенно* держать себя вслѣдствіе этого обстоятельства надо, — но вѣдь это ужъ слишкомъ особенно, согласитесь сами! Какъ вы думаете? Я по глазамъ вашимъ убѣжденъ, что вы и тутъ болѣе меня знаете!

Мистеръ Астлей усмѣхнулся и кивнулъ головой.

— Дѣйствительно, я, кажется, и въ этомъ гораздо больше вашего знаю, — сказалъ онъ. — Тутъ все дѣло касается одной m-lle Blanche, и я увѣренъ, что это совершенная истина.

— Ну, что жъ m-lle Blanche? — вскричалъ я съ нетерпѣніемъ (у меня вдругъ явилась надежда, что теперь что-нибудь откроется о m-lle Полинѣ).

— Мнѣ кажется, что m-lle Blanche имѣетъ въ настоящую минуту особый интересъ всячески избѣгать встрѣчи съ барономъ и баронессой, — тѣмъ болѣе встрѣчи непріятной, еще хуже — скандальной.

— Ну! Ну!

— M-lle Blanche, третьяго года, во время сезона уже была здѣсь, въ Рулетенбургѣ. И я тоже здѣсь

находился. M-lle Blanche тогда не называлась m-lle de Cominges, равномѣрно и мать ея m-me veuve Cominges тогда не существовала. По крайней мѣрѣ, о ней не было и помину. Де-Гріе — Де-Гріе — тоже не было. Я питаю глубокое убѣжденіе, что они не только не родня между собою, но даже и знакомы весьма недавно. Маркизомъ Де-Гріе сталъ тоже весьма недавно, — я въ этомъ увѣренъ, по одному обстоятельству. Даже можно предположить, что онъ и Де-Гріе сталъ называться недавно. Я знаю здѣсь одного человѣка, встрѣчавшаго его и подъ другимъ именемъ.

— Но вѣдь онъ имѣетъ дѣйствительно солидный кругъ знакомства.

— О, это можетъ быть. Даже m-lle Blanche его можетъ имѣть. Но третьяго года m-lle Blanche, по жалобѣ этой самой баронессы, получила приглашеніе отъ здѣшней полиціи покинуть городъ и покинула его.

— Какъ такъ?

— Она появилась тогда здѣсь — сперва съ однимъ итальянцемъ, какимъ-то княземъ, съ историческимъ именемъ, что-то въ родѣ *Барберини* или что-то похожее. Человѣкъ, весь въ перстняхъ и брилліантахъ, и даже не фальшивыхъ. Они ѣздили въ удивительномъ экипажѣ. M-lle Blanche играла въ trente et quarante сначала хорошо, потомъ ей стало сильно измѣнять счастіе; такъ я припоминаю. Я помню, въ одинъ вечеръ она проиграла чрезвычайную сумму. Но всего хуже, что un beau matin, ея князь исчезъ неизвѣстно куда; исчезли и лошади, и экипажъ, все исчезло. Долгъ въ отелѣ ужасный. M-lle Зельмà (вмѣсто Барберини она вдругъ обратилась въ m-lle Зельму) была въ послѣдней степени отчаянія. Она выла и визжала на весь отель и разорвала въ бѣшенствѣ свое платье. Тутъ же въ отелѣ стоялъ одинъ польскій графъ (всѣ путешествующіе поляки — графы), и m-lle Зельмà, разрывавшая свои платья и царапавшая, какъ кошка, свое

лицо своими прекрасными, вымытыми въ духахъ, руками, произвела на него нѣкоторое впечатлѣніе. Они переговорили, и къ обѣду она утѣшилась. Вечеромъ онъ появился съ нею подъ руку въ вокзалѣ. M-lle Зельмà смѣялась, по своему обыкновенію, весьма громко, и въ манерахъ ея оказалось нѣсколько болѣе развязности. Она поступила прямо въ тотъ разрядъ играющихъ на рулеткѣ дамъ, которыя, подходя къ столу, изо всей силы отталкиваютъ плечомъ игрока, чтобы очистить себѣ мѣсто. Это особенный здѣсь шикъ у этихъ дамъ. Вы ихъ, конечно, замѣтили?

— О, да.

— Не стоитъ и замѣчать. Къ досадѣ порядочной публики онѣ здѣсь не переводятся, по крайней мѣрѣ, тѣ изъ нихъ, которыя мѣняютъ каждый день у стола тысячефранковые билеты. Впрочемъ, какъ только онѣ перестаютъ мѣнять билеты, ихъ тотчасъ просятъ удалиться. M-lle Зельмà еще продолжала мѣнять билеты; но игра ея шла еще несчастливѣе. Замѣтьте себѣ, что эти дамы весьма часто играютъ счастливо; у нихъ удивительное владѣніе собою. Впрочемъ, исторія моя кончена. Однажды, точно такъ же какъ и князь, исчезъ и графъ. M-lle Зельмà явилась вечеромъ играть уже одна; на этотъ разъ никто не явился предложить ей руку. Въ два дня она проигралась окончательно. Поставивъ послѣдній луидоръ и проигравъ его, она осмотрѣлась кругомъ и увидѣла подлѣ себя барона Вурмергельма, который очень внимательно и съ глубокимъ негодованіемъ ее разсматривалъ. Но m-lle Зельмà не разглядѣла негодованія и, обратившись къ барону съ извѣстной улыбкой, попросила поставить за нее на красную десять луидоровъ. Вслѣдствіе этого, по жалобѣ баронессы, она къ вечеру получила приглашеніе не показываться болѣе въ вокзалѣ. Если вы удивляетесь, что мнѣ извѣстны всѣ эти мелкія и совершенно неприличныя подробности, то

...му, что слышалъ я ихъ окончательно отъ мистера Фидера, одного моего родственника, который въ тотъ же вечеръ увезъ въ своей коляскѣ m-lle Зельму изъ Рулетенбурга въ Спа. Теперь поймите: m-lle Blanche хочетъ быть генеральшей, вѣроятно, для того, чтобы впредь не получать такихъ приглашеній, какъ третьяго года отъ полиціи вокзала. Теперь она уже не играетъ; но это потому, что теперь у ней, по всѣмъ признакамъ, есть капиталъ, который она ссужаетъ здѣшнимъ игрокамъ на проценты. Это гораздо расчетливѣе. Я даже подозрѣваю, что ей долженъ и несчастный генералъ. Можетъ быть, долженъ и Де-Гріе. Можетъ быть, Де-Гріе съ ней въ компаніи. Согласитесь сами, что, по крайней мѣрѣ, до свадьбы она бы не желала почему-либо обратить на себя вниманіе баронессы и барона. Однимъ словомъ, въ ея положеніи, ей всего менѣе выгоденъ скандалъ. Вы же связаны съ ихъ домомъ, и ваши поступки могли возбудить скандалъ, тѣмъ болѣе, что она каждодневно является въ публикѣ подъ руку съ генераломъ или съ миссъ Полиною. Теперь понимаете?

— Нѣтъ, не понимаю! — вскричалъ я, изо всей силы стукнувъ по столу такъ, что garçon прибѣжалъ въ испугѣ.

— Скажите, мистеръ Астлей, — повторилъ я въ изступленіи, — если вы уже знали всю эту исторію, а слѣдственно знаете наизусть, что такое m-lle Blanche de Cominges, — то какимъ образомъ не предупредили вы хоть меня, — самого генерала, наконецъ, а главное, главное миссъ Полину, которая показывалась здѣсь въ вокзалѣ, въ публикѣ, съ m-lle Blanche подъ руку? Развѣ это возможно?

— Васъ предупреждать мнѣ было нечего, потому что вы ничего не могли сдѣлать, — спокойно отвѣчалъ мистеръ Астлей. — А, впрочемъ, и о чемъ предупреждать? Генералъ, можетъ быть, знаетъ о m-lle

Blanche еще болѣе, чѣмъ я, и все-таки прогуливается съ нею и съ миссъ Полиной. Генералъ — несчастный человѣкъ. Я видѣлъ вчера, какъ m-lle Blanche скакала на прекрасной лошади съ m-r Де-Гріе и съ этимъ маленькимъ русскимъ княземъ, а генералъ скакалъ за ними на рыжей лошади. Онъ утромъ говорилъ, что у него болятъ ноги, но посадка его была хороша. И вотъ въ это-то мгновеніе мнѣ вдругъ пришло на мысль, что это совершенно погибшій человѣкъ. Къ тому же все это не мое дѣло, и я только недавно имѣлъ честь узнать миссъ Полину. А, впрочемъ (спохватился вдругъ мистеръ Астлей), я уже сказалъ вамъ, что не могу признать ваши права на нѣкоторые вопросы, несмотря на то, что искренно васъ люблю...

— Довольно, — сказалъ я, вставая; — теперь мнѣ ясно, какъ день, что и миссъ Полинѣ все извѣстно о m-lle Blanche, но что она не можетъ разстаться съ своимъ французомъ, а потому и рѣшается гулять съ m-lle Blanche. Повѣрьте, что никакія другія вліянія не заставляли бы ее гулять съ m-lle Blanche и умолять меня въ запискѣ не трогать барона. Тутъ именно должно быть это вліяніе, предъ которымъ все склоняется! И однако вѣдь она же меня и напустила на барона! Чортъ возьми, тутъ ничего не разберешь!

— Вы забываете, во-первыхъ, что эта m-lle de Cominges — невѣста генерала, а во-вторыхъ, что у миссъ Полины, падчерицы генерала, есть маленькій братъ и маленькая сестра, родныя дѣти генерала, ужъ совершенно брошенныя этимъ сумасшедшимъ человѣкомъ, а кажется, и ограбленныя.

— Да, да! Это такъ! Уйти отъ дѣтей — значитъ ужъ совершенно ихъ бросить, остаться — значитъ защитить ихъ интересы, а можетъ быть, и спасти клочки имѣнія. Да, да, все это правда! Но все-таки, все-таки! О, я понимаю, почему всѣ они такъ теперь интересуются бабуленькой!

— О комъ? — спросилъ мистеръ Астлей.

— О той старой вѣдьмѣ въ Москвѣ, которая не умираетъ и о которой ждутъ телеграммы, что она умретъ.

— Ну да, конечно, весь интересъ въ ней соединился. — Все дѣло въ наслѣдствѣ! Объявится наслѣдство, и генералъ женится; миссъ Полина будетъ тоже развязана, а Де-Гріе...

— Ну, а Де-Гріе?

— А Де-Гріе будутъ заплачены деньги; онъ того только здѣсь и ждетъ.

— Только! Вы думаете, только этого и ждетъ?

— Болѣе я ничего не знаю, — упорно замолчалъ мистеръ Астлей.

— А я знаю, я знаю! — повторялъ я въ ярости; — онъ тоже ждетъ наслѣдства, потому что Полина получитъ приданое, а получивъ деньги — тотчасъ кинется ему на шею. Всѣ женщины таковы! И самыя гордыя изъ нихъ — самыми-то пошлыми рабами и выходятъ! Полина способна только страстно любить и больше ничего! Вотъ мое мнѣніе о ней! Поглядите на нее, особенно, когда она сидитъ одна, задумавшись: это — что-то предназначенное, приговоренное, проклятое! Она способна на всѣ ужасы жизни и страсти... она ... она... но кто это зоветъ меня? — воскликнулъ я вдругъ. — Кто кричитъ? Я слышалъ, закричали по-русски: Алексѣй Ивановичъ! Женскій голосъ, слышите, слышите!

Въ его время мы подходили къ нашему отелю. Мы давно уже, почти не замѣчая того, оставили кафе.

— Я слышалъ женскіе крики, но не знаю, кого зовутъ; это по-русски; теперь я вижу, откуда крики, — указывалъ мистеръ Астлей, — это кричитъ та женщина, которая сидитъ въ большомъ креслѣ и которую внесли сейчасъ на крыльцо столько лакеевъ. Сзади несутъ чемоданы, значитъ, только что пріѣхалъ поѣздъ.

— Но почему она зоветъ меня? Она опять кричитъ; смотрите, она намъ машетъ.

— Я вижу, что она машетъ, — сказалъ мистеръ Астлей.

— Алексѣй Ивановичъ! Алексѣй Ивановичъ! Ахъ, Господи, что это за олухъ! — раздавались отчаянные крики съ крыльца отеля.

Мы почти побѣжали къ подъѣзду. Я вступилъ на площадку и . . . руки мои опустились отъ изумленія, а ноги такъ и приросли къ камню.

IX

На верхней площадкѣ широкаго крыльца отеля, внесенная по ступенямъ въ креслахъ и окруженная слугами, служанками и многочисленною подобострастною челядью отеля, въ присутствіи самого оберъ-кельнера, вышедшаго встрѣтить высокую посѣтительницу, пріѣхавшую съ такимъ трескомъ и шумомъ, съ собственною прислугою и съ столькими баулами и чемоданами, возсѣдала — *бабушка*! Да, это была она сама, грозная и богатая, семидесятипятилѣтняя, Антонида Васильевна Тарасевичева, помѣщица и московская барыня, la baboulinka, о которой пускались и получались телеграммы, умиравшая и не умершая, и которая вдругъ сама, собственнолично, явилась къ намъ, какъ снѣгъ на голову. Она явилась, хотя и безъ ногъ, носимая какъ и всегда, во всѣ послѣднія пять лѣтъ, въ креслахъ, но, по обыкновенью своему, бойкая, задорная, самодовольная, прямо сидящая, громко и повелительно кричащая, всѣхъ бранящая, — ну, точь-въ-точь такая, какъ я имѣлъ честь видѣть ее два раза, съ того времени, какъ опредѣлился въ генеральскій домъ учителемъ. Естественно, что я стоялъ передъ нею истуканомъ отъ удивленія. Она же разглядѣла меня своимъ рысьимъ взглядомъ еще за сто шаговъ,

когда ее вносили въ креслахъ, узнала и кликнула меня по имени и отчеству, — что, по обыкновенью своему, разъ навсегда запомнила. «И этакую-то ждали видѣть въ гробу, схороненную и оставившую наслѣдство, — пролетѣло у меня въ мысляхъ, — да она всѣхъ насъ и весь отель переживетъ! Но, Боже, что жъ это будетъ теперь съ нашими, что будетъ теперь съ генераломъ! Она весь отель теперь перевернетъ на сторону!»

— Ну, что жъ ты, батюшка, сталъ предо мною, глаза выпучилъ! — продолжала кричать на меня бабушка; — поклониться — поздороваться не умѣешь, что ли? Аль загордился, не хочешь? Аль, можетъ, не узналъ? Слышишь, Потапычъ, — обратилась она къ сѣдому старичку, во фракѣ, въ бѣломъ галстукѣ и съ розовой лысиной, своему дворецкому, сопровождавшему ее въ вояжѣ, — слышишь, не узнаетъ! Схоронили! Телеграмму за телеграммою посылали: умерла, аль не умерла! Вѣдь я все знаю! А я, вотъ видишь, и живехонька.

— Помилуйте, Антонида Васильевна, съ чего мнѣ-то вамъ худого желать? — весело отвѣчалъ я, очнувшись, — я только былъ удивленъ... Да и какъ же не подивиться, такъ неожиданно...

— А что тебѣ удивительнаго? Сѣла да поѣхала. Въ вагонѣ покойно, толчковъ нѣтъ. Ты гулять ходилъ, что ли?

— Да, прошелся къ вокзалу.

— Здѣсь хорошо, — сказала бабушка, озираясь, — тепло и деревья богатыя. Это я люблю! Наши дома? Генералъ?

— О! дома, въ этотъ часъ навѣрно всѣ дома.

— А у нихъ и здѣсь часы заведены, и всѣ церемонiи? Тону задаютъ. Экипажъ, я слышала, держатъ, les seigneurs russes! Просвистались; такъ и за границу! И Прасковья съ ними?

— И Полина Александровна тоже.

— И французишка? Ну, да сама всѣхъ
Алексѣй Ивановичъ, показывай дорогу, прямо къ нему. Тебѣ-то здѣсь хорошо ли?

— Такъ себѣ, Антонида Васильевна.

— А ты, Потапычъ, скажи этому олуху, кельнеру, чтобъ мнѣ удобную квартиру отвели, хорошую, не высокò, туда и вещи сейчасъ перенеси. Да чего всѣмъ-то соваться меня нести? Чего они лѣзутъ? Экіе рабы! Это кто съ тобой? — обратилась она опять ко мнѣ.

— Это мистеръ Астлей, — отвѣчалъ я.

— Какой такой мистеръ Астлей?

— Путешественникъ, мой добрый знакомый; знакомъ и съ генераломъ.

— Англичанинъ. То-то онъ уставился на меня и зубовъ не разжимаетъ. Я, впрочемъ, люблю англичанъ. Ну, тащите наверхъ, прямо къ нимъ на квартиру; гдѣ они тамъ?

Бабушку понесли; я шелъ впереди по широкой лѣстницѣ отеля. Шествіе наше было очень эффектное. Всѣ, кто попадались, — останавливались и смотрѣли во всѣ глаза. Нашъ отель считается самымъ лучшимъ, самымъ дорогимъ и самымъ аристократическимъ на водахъ. На лѣстницѣ и въ коридорахъ всегда встрѣчаются великолѣпныя дамы и важные англичане. Многіе освѣдомлялись внизу у оберъ-кельнера, который, съ своей стороны, былъ глубоко пораженъ. Онъ, конечно, отвѣчалъ всѣмъ спрашивавшимъ, что это важная иностранка, une russe, une comtesse, grande dame, и что она займетъ то самое помѣщеніе, которое за недѣлю тому назадъ занимала la grande duchesse de N. Повелительная и властительная наружность бабушки, возносимой въ креслахъ, была причиною главнаго эффекта. При встрѣчѣ со всякимъ новымъ лицомъ, она тотчасъ обмѣривала его любопытнымъ взглядомъ и о всѣхъ громко меня разспрашивала. Бабушка была изъ крупной породы, и хотя и не вставала съ креселъ, но

предчувствовалось, глядя на нее, что она весьма высокаго роста. Спина ея держалась прямо, какъ доска, и не опиралась на кресло. Сѣдая, большая ея голова, съ крупными и рѣзкими чертами лица, держалась вверхъ; глядѣла она какъ-то даже заносчиво и съ вызовомъ; и видно было, что взглядъ и жесты ея совершенно натуральны. Несмотря на семьдесятъ пять лѣтъ, лицо ея было довольно свѣжо и даже зубы не совсѣмъ пострадали. Одѣта она была въ черномъ шелковомъ платьѣ и въ бѣломъ чепчикѣ.

— Она чрезвычайно интересуетъ меня, — шепнулъ мнѣ, подымаясь рядомъ со мною, мистеръ Астлей.

«О телеграммахъ она знаетъ, — подумалъ я; — Де-Гріе ей тоже извѣстенъ, но m-lle Blanche еще, кажется, мало извѣстна». Я тотчасъ же сообщилъ объ этомъ мистеру Астлею.

Грѣшный человѣкъ! Только что прошло мое первое удивленіе, я ужасно обрадовался громовому удару, который мы произведемъ сейчасъ у генерала. Меня точно что подзадоривало, и я шелъ впереди чрезвычайно весело.

Наши квартировали въ третьемъ этажѣ; я не докладывалъ и даже не постучалъ въ дверь, а просто растворилъ ее настежь, и бабушку внесли съ тріумфомъ. Всѣ они были, какъ нарочно, въ сборѣ, въ кабинетѣ генерала. Было двѣнадцать часовъ и, кажется, проектировалась какая-то поѣздка, — одни сбирались въ колясках, другіе верхами, всей компаніей; кромѣ того, были еще приглашенные изъ знакомыхъ. Кромѣ генерала, Полины съ дѣтьми, ихъ нянюшки, находились въ кабинетѣ: Де-Гріе, m-lle Blanche, опять въ амазонкѣ, ея мать m-me veuve Cominges, маленькій князь и еще какой-то ученый путешественникъ, нѣмецъ, котораго я видѣлъ у нихъ еще въ первый разъ. Кресла съ бабушкой прямо опустили посрединѣ

кабинета, въ трехъ шагахъ отъ генерала. Боже, ни когда не забуду этого впечатлѣнія! Предъ нашимъ входомъ генералъ что-то разсказывалъ, а Де-Гріе его поправлялъ. Надо замѣтить, что m-lle Blanche и Де-Гріе вотъ уже два-три дня почему-то очень ухаживали за маленькимъ княземъ — à la barbe du pauvre général, и компанія, хоть, можетъ быть, и искусственно, но была настроена на самый веселый и радушно-семейный тонъ. При видѣ бабушки, генералъ вдругъ остолбенѣлъ, разинулъ ротъ и остановился на полслово. Онъ смотрѣлъ на нее, выпучивъ глаза, какъ будто околдованный взглядомъ василиска. Бабушка смотрѣла на него тоже молча, неподвижно, — но что это былъ за торжествующій, вызывающій и насмѣшливый взглядъ! Они посмотрѣли такъ другъ на друга секундъ десять битыхъ, при глубокомъ молчаніи всѣхъ окружающихъ. Де-Гріе сначала оцѣпенѣлъ, но скоро необыкновенное безпокойство замелькало въ его лицѣ. M-lle Blanche подняла брови, раскрыла ротъ и дико разглядывала бабушку. Князь и ученый въ глубокомъ недоумѣніи созерцали всю эту картину. Во взглядѣ Полины выразилось чрезвычайное удивленіе и недоумѣніе, но вдругъ она поблѣднѣла, какъ платокъ; чрезъ минуту кровь быстро ударила ей въ лицо и залила ея щеки. Да, это была катастрофа для всѣхъ! Я только и дѣлалъ, что переводилъ мои взгляды отъ бабушки на всѣхъ окружающихъ и обратно. Мистеръ Астлей стоялъ въ сторонѣ, по своему обыкновенію, спокойно и чинно.

— Ну, вотъ и я! Вмѣсто телеграммы-то! — разразилась, наконецъ, бабушка, прерывая молчаніе. — Что, не ожидали?

— Антонида Васильевна... тетушка... Но какимъ же образомъ... — пробормоталъ несчастный генералъ. Если бы бабушка не заговорила еще нѣсколько секундъ, то, можетъ быть, съ нимъ былъ бы ударъ.

— Какъ какимъ образомъ? Сѣла да поѣхала. А желѣзная-то дорога на что? А вы всѣ думали: я ужъ ноги протянула и вамъ наслѣдство оставила? Я вѣдь знаю, какъ ты отсюда телеграммы-то посылалъ. Денегъ-то что за нихъ переплатилъ, я думаю. Отсюда не дешево. А я ноги на плечи, да и сюда. Это тотъ французъ? М-r Де-Гріе, кажется?

— Oui, madame, — подхватилъ Де-Гріе, — et croyez, je suis si enchanté... votre santé... c'est un miracle... vous voir ici... une surprise charmante...

— То-то charmante; знаю я тебя, фигляръ ты этакой, да я-то тебѣ вотъ на столечко не вѣрю! — и она указала ему свой мизинецъ. — Это кто такая, — обратилась она, указывая на m-lle Blanche. Эффектная француженка, въ амазонкѣ, съ хлыстомъ въ рукѣ, видимо ее поразила. — Здѣшняя, что ли?

— Это m-lle Blanche de Cominges, а вотъ и маменька ея, m-me de Cominges; онѣ квартируютъ въ здѣшнемъ отелѣ, — доложилъ я.

— Замужемъ дочь-то? — не церемонясь разспрашивала бабушка.

— M-lle de Cominges дѣвица, — отвѣчалъ я какъ можно почтительнѣе и нарочно вполголоса.

— Веселая?

Я было не понялъ вопроса.

— Не скучно съ нею? По-русски понимаетъ? Вотъ Де-Гріе у насъ въ Москвѣ намастачился по-нашему-то, съ пятаго въ десятое.

Я объяснилъ ей, что m-lle de Cominges никогда не была въ Россіи.

— Bonjour! — сказала бабушка, вдругъ рѣзко обращаясь къ m-lle Blanche.

— Bonjour, madame, — церемонно и изящно присѣла m-lle Blanche, поспѣшивъ, подъ покровомъ необыкновенной скромности и вѣжливости, выказать

всѣмъ выраженіемъ лица и фигуры чрезвычайное удивленіе къ такому странному вопросу и обращенію.

— О, глаза опустила, манерничаетъ и церемонничаетъ; сейчасъ видна птица; актриса какая-нибудь. Я здѣсь въ отелѣ внизу остановилась, — обратилась она вдругъ къ генералу; — сосѣдка тебѣ буду; радъ или не радъ?

— О, тетушка! Повѣрьте искреннимъ чувствамъ... моего удовольствія, — подхватилъ генералъ. Онъ уже отчасти опомнился, а такъ какъ, при случаѣ, онъ умѣлъ говорить удачно, важно и съ претензіею на нѣкоторый эффектъ, то принялся распространяться и теперь. — Мы были такъ встревожены и поражены извѣстіями о вашемъ нездоровьѣ ... Мы получали такія безнадежныя телеграммы, и вдругъ...

— Ну, врешь, врешь! — перебила тотчасъ бабушка.

— Но какимъ же образомъ, — тоже поскорѣй перебилъ и возвысилъ голосъ генералъ, постаравшись не замѣтить этого: «врешь», — какимъ образомъ вы, однако, рѣшились на такую поѣздку? Согласитесь сами, что въ вашихъ лѣтахъ и при вашемъ здоровьѣ... по крайней мѣрѣ, все это такъ неожиданно, что понятно наше удивленіе. Но я такъ радъ... и мы всѣ (онъ началъ умильно и восторженно улыбаться) постараемся изо всѣхъ силъ сдѣлать вамъ здѣшній сезонъ наиприятнѣйшимъ препровожденіемъ...

— Ну, довольно: болтовня пустая; нагородилъ по обыкновенію; я сама сумѣю прожить. Впрочемъ, и отъ васъ не прочь; зла не помню. Какимъ образомъ, ты спрашиваешь? Да что тутъ удивительнаго? Самымъ простѣйшимъ образомъ. И чего они всѣ удивляются? Здравствуй, Прасковья. Ты здѣсь что дѣлаешь?

— Здравствуйте, бабушка, — сказала Полина, приближаясь къ ней, — давно ли въ дорогѣ?

— Ну, вотъ эта умнѣе всѣхъ спросила, а то:

ахъ, да ахъ! Вотъ видишь ты: лежала-лежала, лѣчили-лѣчили, я докторовъ прогнала и позвала пономаря отъ Николы. Онъ отъ такой же болѣзни сѣнной трухой одну бабу вылѣчилъ. Ну, и мнѣ помогъ; на третій день вся вспотѣла и поднялась. Потомъ опять собрались мои нѣмцы, надѣли очки и стали рядить: «Если бы теперь, говорятъ, за границу на воды и курсъ взять, то совсѣмъ бы завалы прошли». А почему же нѣтъ, думаю? Дурь-Зажигины разахались: «куда вамъ, говорятъ, доѣхать!» Ну, вотъ-те на! Въ одинъ день собралась и на прошлой недѣлѣ въ пятницу взяла дѣвушку, да Потапыча, да Ѳедора лакея, да этого Ѳедора изъ Берлина и прогнала, потому вижу, совсѣмъ его не надо, и одна одинешенька доѣхала бы. Вагонъ беру особенный, а носильщики на всѣхъ станціяхъ есть, за двугривенный куда хочешь донесутъ. Ишь, вы квартиру нанимаете какую! — заключила она, осматриваясь. — Изъ какихъ это ты денегъ, батюшка? Вѣдь все у тебя въ залогѣ. Одному этому французишкѣ что долженъ деньжищъ-то! Я вѣдь все знаю, все знаю!

— Я, тетушка... — началъ генералъ, весь сконфузившись, — я удивляюсь, тетушка... я, кажется, могу и безъ чьего-либо контроля... при томъ же мои расходы не превышаютъ моихъ средствъ, и мы здѣсь...

— У тебя-то не превышаютъ? Сказалъ! У дѣтей-то, должно быть, послѣднее ужъ заграбилъ, опекунъ!

— Послѣ этого, послѣ такихъ словъ... — началъ генералъ въ негодованіи, — я уже не знаю...

— То-то не знаешь! Небось, здѣсь отъ рулетки не отходишь? Весь просвистался?

Генералъ былъ такъ пораженъ, что чуть не захлебнулся отъ прилива взволнованныхъ чувствъ своихъ.

— На рулеткѣ! Я? При моемъ значеніи... Я?

Опомнитесь, тетушка, вы еще, должно быть, нездоровы...

— Ну, врешь, врешь; небось, оттащить не могутъ; все врешь! Я вотъ посмотрю, что это за рулетка такая, сегодня же. Ты, Прасковья, мнѣ разскажи, гдѣ что здѣсь осматриваютъ, да вотъ и Алексѣй Ивановичъ покажетъ, а ты, Потапычъ, записывай всѣ мѣста, куда ѣхать? Что здѣсь осматриваютъ? — обратилась вдругъ она опять къ Полинѣ.

— Здѣсь есть близко развалины замка, потомъ Шлангенбергъ.

— Что это: Шлангенбергъ? Роща, что ли?

— Нѣтъ, не роща, это гора: тамъ пуантъ...

— Какой такой пуантъ?

— Самая высшая точка на горѣ, огороженное мѣсто. Оттуда видъ безподобный.

— Это на гору-то кресла тащить? Втащутъ аль нѣтъ?

— О, носильщиковъ сыскать можно, — отвѣчалъ я.

Въ это время подошла здороваться къ бабушкѣ Ѳедосья, нянюшка, и подвела генеральскихъ дѣтей.

— Ну, нечего лобызаться! Не люблю цѣловаться съ дѣтьми: всѣ дѣти сопливыя. Ну, ты какъ здѣсь, Ѳедосья?

— Здѣсь очинно, очинно хорошо, матушка Антонида Васильевна, — отвѣтила Ѳедосья. — Какъ вамъ-то было, матушка? Ужъ мы такъ про васъ изболѣзновались.

— Знаю, ты-то простая душа. Это что у васъ, все гости, что ли? — обратилась она опять къ Полинѣ. — Это кто плюгавенькій-то, въ очкахъ?

— Князь Нильскій, бабушка, — прошептала ей Полина.

— А, русскій? А я думала не пойметъ! Не слыхалъ, можетъ быть! Мистера Астлея я уже видѣла.

Да вотъ онъ опять, — увидала его бабушка, — здравствуйте! — обратилась она вдругъ къ нему.

Мистеръ Астлей молча ей поклонился.

— Ну, что вы мнѣ скажете хорошаго? Скажите что-нибудь! Переведи ему это, Полина.

Полина перевела.

— То, что я гляжу на васъ съ большимъ удовольствіемъ и радуюсь, что вы въ добромъ здоровьѣ, — серьезно, но съ чрезвычайною готовностью отвѣтилъ мистеръ Астлей. Бабушкѣ перевели, и ей видимо это понравилось.

— Какъ англичане всегда хорошо отвѣчаютъ, — замѣтила она. — Я почему-то всегда любила англичанъ, сравненія нѣтъ съ французишками! Заходите ко мнѣ, — обратилась она опять къ мистеру Астлею. — Постараюсь васъ не очень обезпокоить. Переведи это ему, да скажи ему, что я здѣсь внизу, — здѣсь внизу — слышите, внизу, внизу, — повторяла она мистеру Астлею, указывая пальцемъ внизъ.

Мистеръ Астлей былъ чрезвычайно доволенъ приглашеніемъ.

Бабушка внимательнымъ и довольнымъ взглядомъ оглядѣла съ ногъ до головы Полину.

— Я бы тебя, Прасковья, любила, — вдругъ сказала она, — дѣвка ты славная, лучше ихъ всѣхъ, да характеришко у тебя — ухъ! Ну, да и у меня характеръ; повернись-ка; это у тебя не накладка въ волосахъ-то?

— Нѣтъ, бабушка, свои.

— То-то, не люблю теперешней глупой моды. Хороша ты очень. Я бы въ тебя влюбилась, если бъ была кавалеромъ. Чего замужъ-то не выходишь? Но, однако, пора мнѣ. И погулять хочется, а то все вагонъ, да вагонъ... Ну, что ты все еще сердишься? — обратилась она къ генералу.

— Помилуйте, тетушка, полноте! — спохватил-

ся обрадованный генералъ, — я понимаю, въ ваши лѣта...

— Cette vieille est tombée en enfance, — шепнулъ мнѣ Де-Гріе.

— Я вотъ все хочу здѣсь разсмотрѣть. Ты мнѣ Алексѣя Ивановича-то уступишь? — продолжала бабушка генералу.

— О, сколько угодно, но я и самъ... и Полина, m-r Де-Гріе... мы всѣ, всѣ сочтемъ за удовольствіе вамъ сопутствовать...

— Mais, madame, cela sera un plaisir... — подвернулся Де-Гріе съ обворожительной улыбкой.

— То-то, plaisir. Смѣшонъ ты мнѣ, батюшка. Денегъ-то я тебѣ, впрочемъ, не дамъ, — прибавила она вдругъ генералу. — Ну, теперь въ мой номеръ: осмотрѣть надо, а потомъ и отправимся по всѣмъ мѣстамъ. Ну, подымайте.

Бабушку опять подняли, и всѣ отправились гурьбой вслѣдъ за креслами, внизъ по лѣстницѣ. Генералъ шелъ, какъ будто ошеломленный ударомъ дубины по головѣ. Де-Гріе что-то соображалъ. M-lle Blanche хотѣла было остаться, но почему-то разсудила тоже пойти со всѣми. За нею тотчасъ же отправился и князь, и наверху, въ квартирѣ генерала, остались только нѣмецъ и madame veuve Cominges.

X

На водахъ, — да, кажется, и во всей Европѣ, — управляющіе отелями и оберъ-кельнеры, при отведеніи квартиръ посѣтителямъ, руководствуются не столько требованіями и желаніями ихъ, сколько собственнымъ личнымъ на нихъ взглядомъ, и, надо замѣтить, рѣдко ошибаются. Но бабушкѣ, ужъ неизвѣстно почему, отвели такое богатое помѣщеніе, что даже пересолили:

четыре великолѣпно убранныя комнаты, съ ванной, помѣщеніями для прислуги, особой комнаткой для камеристки, и прочее и прочее. Дѣйствительно, въ этихъ комнатахъ, недѣлю тому назадъ, останавливалась какая-то grande-duchesse, о чемъ, конечно, тотчасъ же и объявлялось новымъ посѣтителямъ, для приданія еще бо̀льшей цѣны квартирѣ. Бабушку пронесли или, лучше сказать, прокатили по всѣмъ комнатамъ, и она внимательно и строго оглядывала ихъ. Оберъ-кельнеръ, уже пожилой человѣкъ, съ плѣшивой головой, почтительно сопровождалъ ее при этомъ первомъ осмотрѣ.

Не знаю, за кого они всѣ приняли бабушку, но, кажется, за чрезвычайно важную и, главное, богатѣйшую особу. Въ книгу внесли тотчасъ: Madame la générale princesse de Tarassevitcheva, хотя бабушка никогда не была княгиней. Своя прислуга, особое помѣщеніе въ вагонѣ, бездна ненужныхъ бауловъ, чемодановъ и даже сундуковъ, прибывшихъ съ бабушкой, вѣроятно, послужили началомъ престижа; а кресла, рѣзкій тонъ и голосъ бабушки, ея эксцентрическіе вопросы, дѣлаемые съ самымъ не стѣсняющимся и не терпящимъ никакихъ возраженій видомъ, однимъ словомъ, вся фигура бабушки — прямая, рѣзкая, повелительная, — довершали всеобщее къ ней благоговѣніе. При осмотрѣ, бабушка вдругъ иногда приказывала останавливать кресла, указывала на какую-нибудь вещь въ меблировкѣ и обращалась съ неожиданными вопросами къ почтительно улыбавшемуся, но уже начинавшему трусить оберъ-кельнеру. Бабушка предлагала вопросы на французскомъ языкѣ, на которомъ говорила, впрочемъ, довольно плохо, такъ что я обыкновенно переводилъ. Отвѣты оберъ-кельнера большею частію ей не нравились и казались неудовлетворительными. Да и она-то спрашивала все какъ будто не объ дѣлѣ, а Богъ знаетъ о чемъ. Вдругъ, напримѣръ, остановилась передъ картиною, — довольно слабой ко-

пiей съ какого-то извѣстнаго оригинала, съ миѳологическимъ сюжетомъ.

— Чей портретъ?

Оберъ-кельнеръ объявилъ, что, вѣроятно, какой-нибудь графини.

— Какъ же ты не знаешь? Здѣсь живешь, а не знаешь. Почему онъ здѣсь? Зачѣмъ глаза косые?

На всѣ эти вопросы оберъ-кельнеръ удовлетворительно отвѣчать не могъ и даже потерялся.

— Вотъ болванъ-то! — отозвалась бабушка по-русски.

Ее понесли далѣе. Та же исторiя повторилась съ одной саксонской статуэткой, которую бабушка долго разсматривала и потомъ велѣла вынесть, неизвѣстно за что. Наконецъ, пристала къ оберъ-кельнеру: что стоили ковры въ спальнѣ, и гдѣ ихъ ткутъ? Оберъ-кельнеръ обѣщалъ справиться.

— Вотъ ослы-то! — ворчала бабушка, и обратила все свое вниманiе на кровать.

— Этакой пышный балдахинъ! Разверните его.

Постелъ развернули.

— Еще, еще, все разверните. Снимите подушки, наволочки, подымите перину.

Все перевернули. Бабушка осмотрѣла внимательно.

— Хорошо, что у нихъ клоповъ нѣтъ. Все бѣлье долой! Постлать мое бѣлье и мои подушки. Однако, все это слишкомъ пышно, куда мнѣ, старухѣ, такую квартиру: одной скучно. Алексѣй Ивановичъ, ты бывай ко мнѣ чаще, когда дѣтей перестанешь учить.

— Я, со вчерашняго дня, не служу болѣе у генерала, — отвѣтилъ я, — и живу въ отелѣ совершенно самъ по себѣ.

— Это почему такъ?

— На-дняхъ прiѣхалъ сюда одинъ знатный нѣмецкiй баронъ съ баронессой, супругой, изъ Берлина.

Я вчера, на гуляньѣ, заговорилъ съ нимъ по-нѣмецки, не придерживаясь берлинскаго произношенія.

— Ну, такъ что же?

— Онъ счелъ это дерзостью и пожаловался генералу, а генералъ вчера же уволилъ меня въ отставку.

— Да что жъ ты обругалъ, что ли, его, барона-то? (Хоть бы и обругалъ, такъ ничего!)

— О, нѣтъ. Напротивъ, баронъ на меня палку поднялъ.

— И ты, слюняй, позволилъ такъ обращаться съ своимъ учителемъ, — обратилась она вдругъ къ генералу, — да еще съ мѣста прогналъ! Колпаки вы, — всѣ колпаки, какъ я вижу.

— Не безпокойтесь, тетушка, — отвѣчалъ генералъ съ нѣкоторымъ высокомѣрно-фамильярнымъ оттѣнкомъ, — я самъ умѣю вести мои дѣла. Къ тому же, Алексѣй Ивановичъ не совсѣмъ вамъ вѣрно передалъ.

— А ты такъ и снесъ? — обратилась она ко мнѣ.

— Я хотѣлъ было на дуэль вызвать барона, — отвѣчалъ я какъ можно скромнѣе и спокойнѣе, — да генералъ воспротивился.

— Это зачѣмъ ты воспротивился? — опять обратилась бабушка къ генералу. (А ты, батюшка, ступай, придешь, когда позовутъ, — обратилась она тоже и къ оберъ-кельнеру; — нечего разиня-то ротъ стоять. Терпѣть не могу эту харю нюрнбергскую!) — Тотъ откланялся и вышелъ, конечно, не понявъ комплимента бабушки.

— Помилуйте, тетушка, развѣ дуэли возможны? — отвѣчалъ съ усмѣшкой генералъ.

— А почему невозможны? Мужчины всѣ пѣтухи; вотъ бы и дрались. Колпаки вы всѣ, какъ я вижу, не умѣете отечества своего поддержать. Ну,

подымите! Потапычъ, распорядись; чтобъ всегда были готовы два носильщика, найми и уговорись. Больше двухъ не надо. Носить приходится только по лѣстницамъ, а по гладкому, по улицѣ — катить, такъ и разскажи; да заплати еще имъ впередъ, почтительнѣе будутъ. Ты же самъ будешь всегда при мнѣ, а ты, Алексѣй Ивановичъ, мнѣ этого барона покажи на гуляньѣ: какой такой фонъ-баронъ, хоть бы поглядѣть на него. Ну, гдѣ же эта рулетка?

Я объяснилъ, что рулетки расположены на вокзалѣ, въ залахъ. Зачѣмъ послѣдовали вопросы: Много ли ихъ? Много ль играютъ? Цѣлый ли день играютъ? Какъ устроены? Я отвѣчалъ, наконецъ, что всего лучше осмотрѣть это собственными глазами, а что такъ описывать довольно трудно.

— Ну, такъ и нести прямо туда! Иди впередъ, Алексѣй Ивановичъ!

— Какъ, неужели, тетушка, вы даже и не отдохнете съ дороги? — заботливо спросилъ генералъ. Онъ немного какъ бы засуетился, да и всѣ они какъ-то замѣшались и стали переглядываться. Вѣроятно, имъ было нѣсколько щекотливо, даже стыдно сопровождать бабушку прямо въ вокзалъ, гдѣ она, разумѣется, могла надѣлать какихъ-нибудь эксцентричностей, но уже публично; между тѣмъ всѣ они сами вызвались сопровождать ее.

— А чего мнѣ отдыхать? Не устала; и безъ того пять дней сидѣла. А потомъ осмотримъ, какіе тутъ ключи и воды цѣлебныя, и гдѣ они. А потомъ... какъ этотъ, — ты сказала, Прасковья, — пуантъ, что ли?

— Пуантъ, бабушка.

— Ну пуантъ, такъ пуантъ. А еще что здѣсь есть?

— Тутъ много предметовъ, бабушка, — затруднилась было Полина.

— Ну, сама не знаешь! Мароа, ты тоже со мной пойдешь, — сказала она своей камеристкѣ.

— Но зачѣмъ же ей-то, тетушка? — захлопоталъ вдругъ генералъ, — и, наконецъ, это нельзя; и Потапыча врядъ ли въ самый вокзалъ пустятъ.

— Ну, вздоръ! Что она слуга, такъ и бросить ее! Тоже вѣдь живой человѣкъ; вотъ ужъ недѣлю по дорогамъ рыщемъ, тоже и ей посмотрѣть хочется. Съ кѣмъ же ей, кромѣ меня? Одна-то и носъ на улицу показать не посмѣетъ.

— Но, бабушка...

— Да тебѣ стыдно, что ли, со мной? Такъ оставайся дома, не спрашиваютъ. Ишь, какой генералъ; я и сама генеральша. Да и чего васъ такой хвостъ за мной, въ самомъ дѣлѣ, потащится? Я и съ Алексѣемъ Ивановичемъ все осмотрю...

Но Де-Гріе рѣшительно настоялъ, чтобы всѣмъ сопутствовать, и пустился въ самыя любезныя фразы насчетъ удовольствія ее сопровождать, и прочее. Всѣ тронулись.

— Elle est tombée en enfance, — повторялъ Де-Гріе генералу, — seule, elle fera des bêtises... — далѣе я не разслышалъ, но у него, очевидно, были какія-то намѣренія, а, можетъ быть, даже возвратились и надежды.

До вокзала было съ полверсты. Путь нашъ шелъ по каштановой аллеѣ, до сквера, обойдя который вступали въ вокзалъ. Генералъ нѣсколько успокоился, потому что шествіе наше, хотя и было довольно эксцентрично, но тѣмъ не менѣе было чинно и прилично. Да и прилично. Да и ничего удивительнаго не было въ томъ фактѣ, что на водахъ явился больной и разслабленный человѣкъ, безъ ногъ. Но, очевидно, генералъ боялся вокзала: зачѣмъ больной человѣкъ безъ ногъ, да еще старушка, пойдетъ на рулетку? Полина и m-lle Blanche шли обѣ по сторонамъ, рядомъ съ

катившимся кресломъ. M-lle Blanche смѣялась, была скромно весела и даже весьма любезно заигрывала иногда съ бабушкой, такъ что та ее, наконецъ, похвалила. Полина, съ другой стороны обязана была отвѣчать на поминутные и безчисленные вопросы бабушки, въ родѣ того: «Кто это прошелъ? Какая это проѣхала? Великъ ли городъ? Великъ ли садъ? Это какія деревья? Это какія горы? Летаютъ ли тутъ орлы? Какая это смѣшная крыша?» Мистеръ Астлей шелъ рядомъ со мной и шепнулъ мнѣ, что многаго ожидаетъ въ это утро. Потапычъ и Мароа шли сзади, сейчасъ за креслами, — Потапычъ въ своемъ фракѣ, въ бѣломъ галстукѣ, но въ картузѣ, а Мароа, — сорокалѣтняя, румяная, но начинавшая уже сѣдѣть дѣвушка — въ чепчикѣ, съ ситцевомъ платьѣ и въ скрипучихъ козловыхъ башмакахъ. Бабушка весьма часто къ нимъ оборачивалась и съ ними заговаривала. Де-Гріе и генералъ немного отстали и говорили о чемъ-то съ величайшимъ жаромъ. Генералъ былъ очень унылъ. Де-Гріе говорилъ съ видомъ рѣшительнымъ. Можетъ быть, онъ генерала ободрялъ; очевидно, что-то совѣтовалъ. Но бабушка уже произнесла давеча роковую фразу: «денегъ я тебѣ не дамъ». Можетъ быть, для Де-Гріе это извѣстіе казалось невѣроятнымъ, но генералъ зналъ свою тетушку. Я замѣтилъ, что Де-Гріе и m-lle Blanche продолжали перемигиваться. — Князя и нѣмца-путешественника я разглядѣлъ въ самомъ концѣ аллеи; они отстали и куда-то ушли отъ насъ.

Въ вокзалъ мы прибыли съ тріумфомъ. Въ швейцарѣ и въ лакеяхъ обнаружилась та же почтительность, какъ и въ прислугѣ отеля. Смотрѣли они, однако, съ любопытствомъ. Бабушка сначала велѣла обнести себя по всѣмъ заламъ, иное похвалила, къ другому осталась совершенно равнодушна; обо всемъ разспрашивала. Наконецъ, дошли и до игорныхъ залъ.

Лакей, стоявшій у запертыхъ дверей часовымъ, какъ бы пораженный, вдругъ отворилъ двери настежь.

Появленіе бабушки у рулетки произвело глубокое впечатлѣніе на публику. За игорными рулеточными столами и на другомъ концѣ залы, гдѣ помѣщался столъ съ trente et quarante, толпилось, можетъ быть, полтораста или двѣсти игроковъ, въ нѣсколько рядовъ. Тѣ, которые успѣвали протѣсниться къ самому столу, по обыкновенію, стояли крѣпко и не упускали своихъ мѣстъ до тѣхъ поръ, пока не проигрывались; ибо такъ стоять простыми зрителями и даромъ занимать игорное мѣсто не позволено. Хотя кругомъ стола и уставлены стулья, но немногіе изъ игроковъ садятся, особенно при большомъ стеченіи публики, — потому что стоя можно установиться тѣснѣе, и, слѣдовательно, выгадать мѣсто, да и ловчѣе ставить. Второй и третій ряды тѣснились за первыми, ожидая и наблюдая свою очередь; но въ нетерпѣніи просовывали иногда черезъ первый рядъ руку, чтобъ поставить свои куши. Даже изъ третьяго ряда изловчались такимъ образомъ просовывать ставки; отъ этого не проходило десяти, и даже пяти минутъ, чтобъ на какомъ-нибудь концѣ стола не начиналась «исторія» за спорныя ставки. Полиція вокзала, впрочемъ, довольно хороша. Тѣсноты, конечно, избѣжать нельзя; напротивъ, наплыву публики рады, потому что это выгодно; но восемь крупёровъ, сидящихъ кругомъ стола, смотрятъ во всѣ глаза за ставками: они же и разсчитываются, а при возникающихъ спорахъ они же ихъ и разрѣшаютъ. Въ крайнихъ же случаяхъ зовутъ полицію, и дѣло кончается въ минуту. Полицейскіе помѣщаются тутъ же въ залѣ, въ партикулярныхъ платьяхъ, между зрителями, такъ что ихъ и узнать нельзя. Они особенно смотрятъ за воришками и промышленниками, которыхъ на рулеткахъ особенно много, по необыкновенному удобству промысла. Въ самомъ дѣлѣ, вездѣ въ другихъ мѣстахъ воровать

приходится изъ кармановъ и изъ-подъ замковъ, — это, въ случаѣ неудачи, очень хлопотливо оканчивается. Тутъ же, просто-запросто, стòитъ только къ рулеткѣ подойти, начать играть и вдругъ, явно и гласно, взять чужой выигрышъ и положить въ свой карманъ, если же затѣется споръ, то мошенникъ вслухъ и громко настаиваетъ, что ставка — его собственная. Если дѣло сдѣлано ловко, и свидѣтели колеблются, то воръ очень часто успѣваетъ оттягать деньги себѣ, разумѣется, если сумма не очень значительна. Въ послѣднемъ случаѣ она навѣрное бываетъ замѣчена крупёрами, или кѣмъ-нибудь изъ другихъ игроковъ еще прежде. Но если сумма не такъ значительна, то настоящій хозяинъ иногда просто отказывается продолжать споръ, совѣстясь скандала, и отходитъ. Но если успѣютъ вора изобличить, то тотчасъ же выводятъ со скандаломъ.

На все это бабушка смотрѣла издали, съ дикимъ любопытствомъ. Ей очень понравилось, что воришекъ выводятъ. Trente et quarante мало возбудило ея любопытство; ей больше понравилась рулетка, и что катается шарикъ. Она пожелала, наконецъ, разглядѣть игру поближе. Не понимаю, какъ это случилось, но лакеи и нѣкоторые другіе суетящіеся агенты (преимущественно проигравшіеся полячки, навязывающіе свои услуги счастливымъ игрокамъ и всѣмъ иностранцамъ) тотчасъ нашли и очистили бабушкѣ мѣсто, несмотря на всю эту тѣсноту, у самой середины стола, подлѣ главнаго крупёра, и подкатили туда ея кресло. Множество посѣтителей, не играющихъ, но со стороны наблюдающихъ игру (преимущественно англичане съ ихъ семействами), тотчасъ же затѣснились къ ихъ столу, чтобы изъ-за игроковъ поглядѣть на бабушку. Множество лорнетовъ обратилось въ ея сторону. У крупёровъ родились надежды: такой эксцентрическій игрокъ, дѣйствительно, какъ будто обѣ-

щалъ что-нибудь необыкновенное. Семидесятипятилѣтняя женщина, безъ ногъ, и желающая играть — конечно, былъ случай не обыденный. Я протѣснился тоже къ столу и устроился подлѣ бабушки. Потапычъ и Мароа остались гдѣ-то далеко въ сторонѣ, между народомъ. Генералъ, Полина, Де-Гріе и m-lle Blanche тоже помѣстились, въ сторонѣ, между зрителями.

Бабушка сначала стала осматривать игроковъ. Она задавала мнѣ рѣзкіе, отрывистые вопросы полушопотомъ: кто это такой? Это кто такая? Ей особенно понравился въ концѣ стола одинъ очень молодой человѣкъ, игравшій въ очень большую игру, ставившій тысячами и наигравшій, какъ шептали кругомъ, уже тысячъ до сорока франковъ, лежавшихъ передъ нимъ въ кучѣ, золотомъ и въ банковыхъ билетахъ. Онъ былъ блѣденъ; у него сверкали глаза и тряслись руки; онъ ставилъ уже безъ всякаго расчета, сколько рука захватитъ, а между тѣмъ все выигрывалъ да выигрывалъ, все загребалъ да загребалъ. Лакеи суетились кругомъ него, подставляли ему сзади кресла, очищали вокругъ него мѣсто, чтобъ ему было просторнѣе, чтобъ его не тѣснили, — все это въ ожиданіи богатой благодарности. Иные игроки съ выигрыша даютъ имъ иногда не считая, а такъ, съ радости, тоже сколько рука изъ кармана захватитъ. Подлѣ молодого человѣка уже устроился одинъ полячокъ, суетившійся изо всѣхъ силъ, и почтительно, но безпрерывно что-то шепталъ ему, вѣроятно, указывая, какъ ставить, совѣтуя и направляя игру, — разумѣется, тоже ожидая впослѣдствіи подачки! Но игрокъ почти и не смотрѣлъ на него, ставилъ зря и все загребалъ. Онъ видимо терялся.

Бабушка наблюдала его нѣсколько минутъ.

— Скажи ему, — вдругъ засуетилась бабушка, толкая меня, — скажи ему, чтобъ бросилъ, чтобъ бралъ поскорѣе деньги и уходилъ. Проиграетъ, сей-

часъ все проиграетъ! — захлопотала она, чуть не задыхаясь отъ волненія. — Гдѣ Потапычъ? Послать къ нему Потапыча. Да скажи же, скажи же, — толкала она меня, — да гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, Потапычъ! Sortez! Sortez! — начала было она сама кричать молодому человѣку. — Я нагнулся къ ней и рѣшительно прошепталъ, что здѣсь такъ кричать нельзя; и даже разговаривать чуть-чуть громко не позволено, потому что это мѣшаетъ счету, и что насъ сейчасъ прогонятъ.

— Экая досада! Пропалъ человѣкъ! Значитъ самъ хочетъ... смотрѣть на него не могу, всю ворочаетъ. Экой олухъ! — и бабушка поскорѣй оборотилась въ другую сторону.

Тамъ, налѣво, на другой половинѣ стола, между игроками, замѣтна была одна молодая дама и подлѣ нея какой-то карликъ. Кто былъ этотъ карликъ — не знаю: родственникъ ли ея, или такъ она брала его для эффекта. Эту барыню я замѣчалъ и прежде; она являлась къ игорному столу каждый день, въ часъ пополудни, и уходила ровно въ два; каждый день играла по одному часу. Ее уже знали и тотчасъ же подставляли ей кресла. Она вынимала изъ кармана нѣсколько золота, нѣсколько тысячефранковыхъ билетовъ и начинала ставить тихо, хладнокровно, съ расчетомъ, отмѣчая на бумажкѣ карандашомъ цифры и стараясь отыскать систему, по которой въ данный моментъ группировались шансы. Ставила она значительными кушами. Выигрывала каждый день одну, двѣ, много три тысячи франковъ — не болѣе и, выигравъ, тотчасъ же уходила. Бабушка долго ее разсматривала.

— Ну, эта не проиграетъ! Эта вотъ не проиграетъ! — Изъ какихъ! Не знаешь? Кто такая?

— Француженка, должно быть, изъ этакихъ, — шепнулъ я.

— А, видна птица по полету. Видно, что ноготокъ востеръ. Растолкуй ты мнѣ теперь, что каждый поворотъ значитъ и какъ надо ставить?

Я, по возможности, растолковалъ бабушкѣ, что значатъ эти многичесленныя комбинаціи ставокъ, rouge et noir, pair et impair, manque et passe и, наконецъ, разные оттѣнки въ системѣ чиселъ. Бабушка слушала внимательно, запоминала, переспрашивала и заучивала. На каждую систему ставокъ можно было тотчасъ же привести и примѣръ, такъ что многое заучивалось и запоминалось очень легко и скоро. Бабушка осталась весьма довольна.

— А что такое zéro? — Вотъ этотъ крупёръ курчавый, главный-то, крикнулъ сейчасъ zéro? И почему онъ все загребъ, что ни было на столѣ? Этакую кучу, все себѣ взялъ? Это что такое?

— А zéro, бабушка, выгода банка. Если шарикъ упадетъ на zéro, то все, что ни поставлено на столѣ, принадлежитъ банку безъ расчета. Правда, дается еще ударъ на розыгрышъ, но зато банкъ ничего не платитъ.

— Вотъ-те на! А я ничего не получаю?

— Нѣтъ, бабушка, если вы предъ этимъ ставили на zéro, то если выйдетъ zéro, вамъ платятъ въ тридцать пять разъ больше.

— Какъ, въ тридцать пять разъ, и часто выходитъ? Что жъ, они, дураки, не ставятъ?

— Тридцать шесть шансовъ противъ, бабушка.

— Вотъ вздоръ! Потапычъ, Потапычъ! Постой, и со мной есть деньги, — вотъ! Она вынула изъ кармана туго набитый кошелекъ, и взяла изъ него фридрихсдоръ. — На, поставь сейчасъ на zéro.

— Бабушка, zéro только-что вышелъ, — сказалъ я, — стало быть, теперь долго не выйдетъ. Вы много проставите; подождите хоть немного.

— Ну, врешь, ставь!

— Извольте, но онъ до вечера, можетъ быть, не выйдетъ, вы до тысячи проставите, это случалось.

— Ну, вздоръ, вздоръ! Волка бояться — въ лѣсъ не ходить. Что? Проигралъ? Ставь еще!

Проиграли и второй фридрихсдоръ: поставили третій. Бабушка едва сидѣла на мѣстѣ, она такъ и впилась горящими глазами въ прыгающій по зазубринамъ вертящагося колеса шарикъ. Проиграли и третій. Бабушка изъ себя выходила, на мѣстѣ ей не сидѣлось, даже кулакомъ стукнула по столу, когда крупёръ провозгласилъ «trente six», вмѣсто ожидаемаго zéro.

— Экъ вѣдь его! — сердилась бабушка, — да скоро ли этотъ зеришка проклятый выйдетъ? Жива не хочу быть, а ужъ досижу до zéro! Это тотъ проклятый курчавый крупёришка дѣлаетъ, у него никогда не выходитъ! Алексѣй Ивановичъ, ставь два золотыхъ заразъ! Это столько проставишь, что и выйдетъ zéro, такъ ничего не возьмешь.

— Бабушка!

— Ставь, ставь! Не твой.

Я поставилъ два фридрихсдора. Шарикъ долго леталъ по колесу, наконецъ, сталъ прыгать по зазубринамъ. Бабушка замерла и стиснула мою руку, и вдругъ хлопъ!

— Zéro! — провозгласилъ крупёръ.

— Видишь, видишь! — быстро обернулась ко мнѣ бабушка, вся сіяющая и довольная. — Я вѣдь сказала тебѣ! И надоумилъ меня самъ Господь поставить два золотыхъ! Ну, сколько же я теперь получу? Что жъ не выдаютъ. Потапычъ, Марѳа, гдѣ же они? Наши всѣ куда же ушли? Потапычъ, Потапычъ!

— Бабушка, послѣ, — шепталъ я. — Потапычъ у дверей, его сюда не пустятъ. Смотрите, бабушка, вамъ деньги выдаютъ, получайте! — Бабушкѣ выкинули запечатанный въ синей бумажкѣ, тяжеловѣсный свертокъ съ пятидесятью фридрихсдорами и отсчитали не

запечатанныхъ еще двадцать фридрихсдоровъ. Все это я пригребъ къ бабушкѣ лопаткой.

— Faites le jeu, messieurs! Faites le jeu, messieurs! Rien ne va plus! — возглашалъ крупёръ, приглашая ставить и готовясь вертѣть рулетку.

— Господи! Опоздали! Сейчасъ завертятъ! Ставь, ставь! — захлопотала бабушка, — да не мѣшкай, скорѣе, выходила она изъ себя, толкая меня изъ всѣхъ силъ.

— Да куда ставить-то, бабушка?

— На zéro, на zéro! Опять на zéro! Ставь какъ можно больше! Сколько у насъ всего? Семьдесятъ фридрихсдоровъ? Нечего ихъ жалѣть, ставь по двадцати фридрихсдоровъ разомъ.

— Опомнитесь, бабушка! Онъ иногда по двѣсти разъ не выходитъ! Увѣряю васъ, вы весь капиталъ проставите.

— Ну, врешь, врешь! Ставь! Вотъ языкъ-то звенитъ! Знаю, что дѣлаю, — даже затряслась въ изступленіи бабушка.

— По уставу разомъ болѣе двѣнадцати фридрихсдоровъ на zéro ставить не позволено, бабушка, — ну, вотъ я поставилъ.

— Какъ не позволено? Да ты не врешь ли? Мусье! Мусье! — затолкала она крупёра, сидѣвшаго тутъ же подлѣ нея слѣва и приготовившагося вертѣть: — combien zéro? Douze? Douze?

Я поскорѣе растолковалъ вопросъ по-французски.

— Oui, madame, — вѣжливо подтвердилъ крупёръ, — равно какъ всякая единичная ставка не должна превышать разомъ четырехъ тысячъ флориновъ, по уставу, — прибавилъ онъ въ поясненіе.

— Ну, нечего дѣлать, ставь двѣнадцать.

— Le jeu est fait! — крикнулъ крупёръ. Колесо завертѣлось и вышло тридцать. Проиграли!

— Еще! Еще! Еще! Ставь еще! — кричала ба-

бушка. Я уже не противорѣчилъ и, пожимая плечами, поставилъ еще двѣнадцать фридрихсдоровъ. Колесо вертѣлось долго. Бабушка просто дрожала, слѣдя за колесомъ. «Да неужто она и въ самомъ дѣлѣ думаетъ опять zéro выиграть?» подумалъ я, смотря на нее съ удивленіемъ. Рѣшительное убѣжденіе въ выигрышѣ сіяло на лицѣ ея, — непремѣнное ожиданіе, что вотъ-вотъ сейчасъ крикнутъ: zéro. Шарикъ вскочилъ на клѣтку.

— Zéro! — крикнулъ крупёръ.

— Что!!! — съ неистовымъ торжествомъ обратилась ко мнѣ бабушка.

Я самъ былъ игрокъ; я почувствовалъ это въ ту самую минуту. У меня руки — ноги дрожали, въ голову ударило. Конечно, это былъ рѣдкій случай, что на какихъ-нибудь десяти ударахъ три раза выскочилъ zéro; но особенно удивительнаго тутъ не было ничего. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ третьяго дня вышло три zéro *сряду* и при этомъ одинъ изъ игроковъ, ревностно отмѣчавшій на бумажкѣ удары, громко замѣтилъ, что не далѣе, какъ вчера, этотъ же самый zéro упалъ въ цѣлыя сутки одинъ разъ.

Съ бабушкой, какъ съ выигравшей самый значительный выигрышъ, особенно внимательно и почтительно разсчитались. Ей приходилось получить ровно четыреста двадцать фридрихсдоровъ, то-есть четыре тысячи флориновъ и двадцать фридрихсдоровъ. Двадцать фридрихсдоровъ ей выдали золотомъ; а четыре тысячи банковыми билетами.

На этотъ разъ бабушка уже не звала Потапыча; она была занята не тѣмъ. Она даже не толкалась и не дрожала снаружи. Она, если можно такъ выразиться, дрожала изнутри. Вся на чемъ-то сосредоточилась, такъ и прицѣлилась:

— Алексѣй Ивановичъ! Онъ сказалъ, заразъ можно только четыре тысячи флориновъ поставить?

бери, ставь эти всѣ четыре на красную, — рѣшила бабушка.

Было безполезно оттоваривать. Колесо завертѣлось.

— Rouge! — провозгласилъ крупёръ.

Опять выигрышъ въ четыре тысячи флориновъ, всего, стало быть, восемь.

— Четыре сюда мнѣ давай, а четыре ставь опять на красную, — командовала бабушка.

Я поставилъ опять четыре тысячи.

— Rouge! — провозгласилъ круперъ.

— Итого двѣнадцать! Давай ихъ всѣ сюда. Золото ссыпай сюда, въ кошелекъ, а билеты спрячь.

— Довольно! Домой! Откатите кресла!

XI

Кресла откатили къ дверямъ, на другой конецъ залы. Бабушка сіяла. Всѣ наши стѣснились тотчасъ же кругомъ нея съ поздравленіями. Какъ ни эксцентрично было поведеніе бабушки, но ея тріумфъ покрывалъ многое, и генералъ ужъ не боялся скомпрометировалъ себя въ публикѣ родственными отношеніями съ такой странной женщиной. Съ снисходительною и фамильярно-веселою улыбкою, какъ бы тѣша ребенка, поздравилъ онъ бабушку. Впрочемъ, онъ былъ видимо пораженъ, равно какъ и всѣ зрители. Кругомъ говорили и указывали на бабушку. Многіе проходили мимо нея, чтобы ближе ее разсмотрѣть. Мистеръ Астлей толковалъ о ней въ сторонѣ съ двумя своими знакомыми англичанами. Нѣсколько величавыхъ зрительницъ, дамъ, съ величавымъ недоумѣніемъ разсматривали ее, какъ какое-то чудо. Де-Гріе такъ и расыпался въ поздравленіяхъ и улыбкахъ.

— Quelle victoire! — говорилъ онъ.

— Mais, madame, c'était du feu! — прибавила съ заигрывающей улыбкой m-lle Blanche.

— Да-съ, вотъ взяла, да и выиграла двѣнадцать тысячъ флориновъ? Какое двѣнадцать, а золото-то? Съ золотомъ почти что тринадцать выйдетъ. Это сколько по-нашему? Тысячъ шесть, что ли, будетъ?

Я доложилъ, что и за семь перевалило, а по теперешнему курсу, пожалуй, и до восьми дойдетъ.

— Шутка, восемь тысячъ! А вы-то сидите здѣсь, колпаки, ничего не дѣлаете! Потапычъ, Мареа, видѣли?

— Матушка, да какъ это вы? Восемь тысячъ рублей, — восклицала, извиваясь, Мареа.

— На-те, вотъ вамъ отъ меня по пяти золотыхъ, вотъ!

Потапычъ и Мареа бросились цѣловать ручки.

— И носильщикамъ дать по фридрихсдору. Дай имъ по золотому, Алексѣй Ивановичъ. Что это лакей кланяется, и другой тоже? Поздравляютъ? Дай имъ тоже по фридрихсдору.

— Madame la princesse ... un pauvre expatrié ... malheur continuel ... les princes russes sont si généreux ... — увивалась около креселъ одна личность, въ истасканномъ сюртукѣ, пестромъ жилетѣ, въ усахъ, держа картузъ на отлетѣ и съ подобострастною улыбкой.

— Дай ему тоже фридрихсдоръ. Нѣтъ, дай два; ну, довольно, а то конца съ ними не будетъ. Подымите, везите. Прасковья, — обратилась она къ Полинѣ Александровнѣ, — я тебѣ завтра на платье куплю, и той куплю m-lle ... какъ ее, m-lle Blanche, что ли, ей тоже на платье куплю. Переведи ей, Прасковья!

— Merci, madame, — умильно присѣла m-lle Blanche, искрививъ ротъ въ насмѣшливую улыбку, которою обмѣнялась съ Де-Гріе и генераломъ. Генералъ

отчасти конфузился и ужасно былъ радъ, когда мы добрались до аллеи.

— Θедосья, Θедосья-то, думаю, какъ удивится теперь, — говорила бабушка, вспоминая о знакомой генеральской нянюшкѣ. — И ей нужно на платье подарить. Эй, Алексѣй Ивановичъ, Алексѣй Ивановичъ, подай этому нищему.

По дорогѣ проходилъ какой-то оборванецъ, съ скрюченною спиной, и глядѣлъ на насъ.

— Да это, можетъ быть, и не нищій, а какой-нибудь прощелыга, бабушка.

— Дай! Дай! Дай ему гульденъ!

Я подошелъ и подалъ. Онъ посмотрѣлъ на меня съ дикимъ недоумѣніемъ, однако, молча взялъ гульденъ. Отъ него пахло виномъ.

— А ты, Алексѣй Ивановичъ. не пробовалъ еще счастія?

— Нѣтъ, бабушка.

— А у самого глаза горѣли, я видѣла.

— Я еще попробую, бабушка, непремѣнно, потомъ.

— И прямо ставь на zéro! Вотъ увидишь! Сколько у тебя капиталу?

— Всего только двадцать фридрихсдоровъ, бабушка.

— Немного. Пятьдесятъ фридрихсдоровъ я тебѣ дамъ взаймы, если хочешь. Вотъ этотъ самый свертокъ и бери, а ты, батюшка, все-таки не жди, тебѣ не дамъ! — вдругъ обратилась она къ генералу.

Того точно передернуло, но онъ промолчалъ. Де-Гріе нахмурился.

— Que diable, c'est une terrible vieille! — прошепталъ онъ сквозь зубы генералу.

— Нищій, нищій, опять нищій! — закричала бабушка. — Алексѣй Ивановичъ, дай и этому гульденъ.

На этотъ разъ повстрѣчался сѣдой старикъ, съ

деревянной ногой, въ какомъ-то синемъ, длиннополомъ сюртукѣ и съ длинною тростью въ рукахъ. Онъ похожъ былъ на стараго солдата. Но когда я протянулъ ему гульденъ, онъ сдѣлалъ шагъ назадъ и грозно осмотрѣлъ меня.

— Was ist's, der Teufel! — крикнулъ онъ, прибавивъ къ этому еще съ десятокъ ругательствъ.

— Ну, дуракъ, — крикнула бабушка, махнувъ рукой. — Везите дальше! Проголодалась! Теперь сейчасъ обѣдать, потомъ немного поваляюсь и опять туда.

— Вы опять хотите играть, бабушка? — крикнулъ я.

— Какъ бы ты думалъ? Что вы-то здѣсь сидите, да киснете, такъ и мнѣ на васъ смотрѣть?

— Mais, madame, — приблизился Де-Гріе, — les chances peuvent tourner, une seule mauvaise chance et vous perdrez tout... surtout avec votre jeu... c'était terrible!

— Vous perdrez absolument, — защебетала m-lle Blanche.

— Да вамъ-то всѣмъ какое дѣло? Не ваши проиграю, — свои! А гдѣ этотъ мистеръ Астлей? — спросила она меня.

— Въ вокзалѣ остался, бабушка.

— Жаль; вотъ этотъ такъ хорошій человѣкъ.

Прибывъ домой, бабушка еще на лѣстницѣ, встрѣтивъ оберъ-кельнера, подозвала его и похвасталась своимъ выигрышемъ; затѣмъ позвала Ѳедосью, подарила ей три фридрихсдора и велѣла подавать обѣдать. Ѳедосья и Марѳа такъ и разсыпались предъ нею за обѣдомъ.

— Смотрю я на васъ, матушка, — трещала Марѳа, — и говорю Потапычу, что это наша матушка хочетъ дѣлать. А на столѣ денегъ-то, денегъ-то, батюшки! Всю-то жизнь столько денегъ не видывала, а все кругомъ господа, все одни господа сидятъ. И

откуда, говорю, Потапычъ, это все такіе здѣсь господа? Думаю, помоги ей сама мати Божія. Молюсь я за васъ, матушка, а сердце вотъ такъ и замираетъ, такъ и замираетъ, дрожу, вся дрожу. Дай ей, Господи, думаю, а тутъ вотъ вамъ Господь и послалъ. До сихъ поръ, матушка, такъ и дрожу, такъ вотъ вся и дрожу.

— Алексѣй Ивановичъ, послѣ обѣда, часа въ четыре, готовься, пойдемъ. А теперь, покамѣстъ, прощай, да докторишку мнѣ какого-нибудь позвать не забудь, тоже и вòды пить надо. А то и позабудешь, пожалуй.

Я вышелъ отъ бабушки какъ одурманенный. Я старался себѣ представить, что теперь будетъ со всѣми нашими; и какой оборотъ примутъ дѣла? Я видѣлъ ясно, что они (генералъ преимущественно) еще не успѣли придти въ себя, даже и отъ перваго впечатлѣнія. Фактъ появленія бабушки, вмѣсто ожидаемой съ часу на часъ телеграммы объ ея смерти (а, стало быть, и о наслѣдствѣ) до того раздробилъ всю систему ихъ намѣреній и принятыхъ рѣшеній, что они съ рѣшительнымъ недоумѣніемъ и съ какимъ-то нашедшимъ на всѣхъ столбнякомъ относились къ дальнѣйшимъ подвигамъ бабушки на рулеткѣ. А между тѣмъ, этотъ второй фактъ былъ чуть ли не важнѣе перваго, потому что, хоть бабушка и повторила два раза, что денегъ генералу не дастъ, но вѣдь кто знаетъ, — все-таки не должно было еще терять надежды. Не терялъ же ее Де-Гріе, замѣшанный во всѣ дѣла генерала. Я увѣренъ, что и m-lle Blanche, тоже весьма замѣшанная (еще бы: генеральша и значительное наслѣдство!) — и потеряла бы надежды и употребила бы всѣ обольщенія кокетства надъ бабушкой, — въ контрастъ съ непонятливою и неумѣющею приласкаться, гордячкой Полиной. Но теперь, теперь, когда бабушка совершила такіе подвиги на рулеткѣ, теперь, когда личность ба-

бушки отпечаталась передъ ними такъ ясно и типически (строптивая, властолюбивая старуха et tombée en enfance) — теперь, пожалуй, и все погибло; — вѣдь она, какъ ребенокъ, рада, что дорвалась и, какъ водится, проиграется въ пухъ. Боже, подумалъ я (и прости меня, Господи, съ самымъ злораднымъ смѣхомъ), — Боже, да вѣдь каждый фридрихсдоръ, поставленный бабушкою давеча, ложился болячкою на сердце генерала, бѣсилъ Де-Гріе и доводилъ до изступленія m-lle de Cominges, у которой мимо рта проносили ложку. Вотъ и еще фактъ: даже съ выигрыша, съ радости, когда бабушка раздавала всѣмъ деньги и каждаго прохожаго принимала за нищаго, даже и тутъ у ней вырвалось къ генералу: «а тебѣ-то все-таки не дамъ!» Это значитъ: сѣла на этой мысли, уперлась, слово такое себѣ дала; — опасно! опасно!

Всѣ эти соображенія ходили въ моей головѣ въ то время, какъ я поднимался отъ бабушки по парадной лѣстницѣ, въ самый верхній этажъ, въ свою каморку. Все это занимало меня сильно; хотя, конечно, я и прежде могъ предугадывать главныя толстѣйшія нити, связывавшія предо мною актеровъ, но все-таки окончательно не зналъ всѣхъ средствъ и тайнъ этой игры. Полина никогда не была со мною вполнѣ довѣрчива. Хоть и случалось, правда, что она открывала мнѣ подчасъ, какъ бы невольно, свое сердце, но я замѣтилъ, что часто, да почти и всегда, послѣ этихъ открытій, или въ смѣхъ обратитъ все сказанное, или запутаетъ и съ намѣреніемъ придастъ всему ложный видъ. О, она многое скрывала! Во всякомъ случаѣ, я предчувствовалъ, что подходитъ финалъ всего этого таинственнаго и напряженнаго состоянія. Еще одинъ ударъ — и все будетъ кончено и обнаружено. О своей участи, тоже во всемъ этомъ заинтересованный, — я почти не заботился. Странное у меня настроеніе: въ карманѣ всего двадцать фридрихсдоровъ; я далеко,

въ чужой сторонѣ, безъ мѣста и безъ средствъ къ существованію, безъ надежды, безъ расчетовъ и — не забочусь объ этомъ! Если бы не дума о Полинѣ, то я просто весь отдался бы одному комическому интересу предстоящей развязки и хохоталъ бы во все горло. Но Полина смущаетъ меня; участь ея рѣшается, это я предчувствовалъ, но, каюсь, совсѣмъ не участь ея меня безпокоитъ. Мнѣ хочется проникнуть въ ея тайны; мнѣ хотѣлось бы, чтобы она пришла ко мнѣ и сказала: «вѣдь я люблю тебя», а если нѣтъ, если это безумство немыслимо, то тогда... ну, да чего пожелать? Развѣ я знаю, чего желаю? Я самъ какъ потерянный; мнѣ только бы быть при ней, въ ея ореолѣ, въ ея сіяніи, навѣчно, всегда, всю жизнь. Дальше я ничего не знаю! И развѣ я могу уйти отъ нея?

Въ третьемъ этажѣ, въ ихъ коридорѣ, меня что-то какъ толкнуло. Я обернулся и, въ двадцати шагахъ или болѣе, увидѣлъ выходящую изъ двери Полину. Она точно выжидала и высматривала меня и тотчасъ же къ себѣ поманила.

— Полина Александровна...

— Тише! — заговорила она.

— Представьте себѣ, — зашепталъ я; — меня сейчасъ точно что толкнуло въ бокъ; оглядываюсь — вы! Точно электричество исходитъ изъ васъ какое-то!

— Возьмите это письмо, — заботливо и нахмуренно произнесла Полина, навѣрное не разслышавъ того, что я сказалъ, — и передайте лично мистеру Астлею, сейчасъ. Поскорѣе, прошу васъ. Отвѣта не надо. Онъ самъ...

Она не договорила. «Мистеру Астлею?» — переспросилъ я въ удивленіи.

Но Полина уже скрылась въ дверь.

«Ага, такъ у нихъ переписка!» Я, разумѣется, побѣжалъ тотчасъ же отыскивать мистера Астлея, сперва въ его отелѣ, гдѣ его не засталъ, потомъ въ

вокзалѣ. гдѣ обѣгалъ всѣ залы, и, наконецъ, въ досадѣ, чуть не въ отчаяніи, возвращаясь домой, встрѣтилъ его случайно, въ кавалькадѣ какихъ-то англичанъ и англичанокъ, верхомъ. Я поманилъ его, остановилъ и передалъ ему письмо. Мы не успѣли и переглянуться. Но я подозрѣваю, что мистеръ Астлей нарочно поскорѣе пустилъ лошадь.

Мучила ли меня ревность? Но я былъ въ самомъ разбитомъ состояніи духа. Я и удостовѣриться не хотѣлъ, о чемъ они переписываются. Итакъ, отъ нея повѣренный! «Другъ-то другъ», думалъ я, и это ясно (и когда онъ успѣлъ сдѣлаться) — но есть ли тутъ любовь? Конечно нѣтъ, — шепталъ мнѣ разсудокъ. Но вѣдь одного разсудка въ этакихъ случаяхъ мало. Во всякомъ случаѣ предстояло и это разъяснить. Дѣло непріятно усложнялось.

Не успѣлъ я войти въ отель, какъ швейцаръ и вышедшій изъ своей комнаты оберъ-кельнеръ сообщили мнѣ, что меня требуютъ, ищутъ, три раза посылали навѣдываться: гдѣ я? — просятъ какъ можно скорѣе въ номеръ къ генералу. Я былъ въ самомъ скверномъ расположеніи духа. У генерала въ кабинетѣ я нашелъ, кромѣ самого генерала, Де-Гріе и m-lle Blanche, одну, безъ матери. Мать была рѣшительно подставная особа, употреблявшаяся только для парада; но когда доходило до настоящаго *дѣла*, то m-lle Blanche орудовала одна. Да и врядъ ли та что-нибудь знала про дѣла своей названной дочки.

Они, впрочемъ, о чемъ-то горячо совѣщались и даже дверь кабинета была заперта, — чего никогда не бывало. Подходя къ дверямъ, я разслышалъ громкіе голоса, — дерзкій и язвительный разговоръ Де-Гріе, нахально-ругательный и бѣшеный крикъ Blanche и жалкій голосъ генерала, очевидно, въ чемъ-то оправдывавшагося. При появленіи моемъ всѣ они какъ бы попріудержались и подправились. Де-Гріе поправилъ во-

тонъ и изъ сердитаго лица сдѣлалъ улыбающееся — тою скверною, официальною улыбкою. французскою улыбкою, которую я такъ ненавижу. Убитый и потерявшійся генералъ пріосанился, но какъ-то машинально. Одна только m-lle Blanche почти не измѣнила своей сверкающей гнѣвомъ физіономіи и только замолкла, устремивъ на меня взоръ съ нетерпѣливымъ ожиданіемъ. Замѣчу, что она до невѣроятности небрежно доселѣ со мною обходилась, даже не отвѣчала на мои поклоны, — просто не примѣчала меня.

— Алексѣй Ивановичъ, — началъ нѣжно распекающимъ тономъ генералъ, — позвольте вамъ объявить, что странно, въ высочайшей степени странно... однимъ словомъ, ваши поступки относительно меня и моего семейства... однимъ словомъ, въ высочайшей степени странно...

— Eh! ce n'est pas ça, — съ досадой и презрѣніемъ перебилъ Де-Гріе. (Рѣшительно, онъ всѣмъ заправлялъ!) — Mon cher monsieur, notre cher général se trompe, — впадая въ такой тонъ (продолжаю его рѣчь по-русски), но онъ хотѣлъ вамъ сказать... то-есть васъ предупредить, или, лучше сказать, просить васъ убѣдительнѣйше, чтобы вы не губили его, — ну да, не губили! Я употреблю именно это выраженіе...

— Но чѣмъ же, чѣмъ же! — прервалъ я.

— Помилуйте, вы беретесь быть руководителемъ (или какъ это сказать?) — этой старухи, cette pauvre terrible vieille, — сбивался самъ Де-Гріе, — но вѣдь она проиграется; она проиграется вся въ пухъ! Вы сами видѣли, вы были свидѣтелемъ, какъ она играетъ! Если она начнетъ проигрывать, то она ужъ и не отойдетъ отъ стола, изъ упрямства, изъ злости, и все будетъ играть, все будетъ играть, а въ такихъ случаяхъ никогда не отыгрываются, и тогда... тогда...

— И тогда, — подхватилъ генералъ, — тогда вы

погубите все семейство! Я и мое семейство ... наслѣдники, у ней нѣтъ болѣе близкой родни. Я вамъ откровенно скажу: дѣла мои разстроены, крайне разстроены. Вы сами отчасти знаете... Если она проиграетъ значительную сумму или даже, пожалуй, все состояніе (о, Боже!), что тогда будетъ съ ними, съ моими дѣтьми! (Генералъ оглянулся на Де-Гріе.) — Со мною! (Онъ поглядѣлъ на m-lle Blanche, съ презрѣніемъ отъ него отвернувшуюся.) Алексѣй Ивановичъ, спасите, спасите насъ!..

— Да чѣмъ же, генералъ, скажите, чѣмъ я могу... Что я-то тутъ значу?

— Откажитесь, откажитесь, бросьте ее!..

— Такъ другой найдется! — вскричалъ я.

— Ce n'est pas ça, ce n'est pas ça, — перебилъ опять Де-Гріе, — que diable! Нѣтъ, не покидайте, но, по крайней мѣрѣ, усовѣстите, уговорите, отвлеките... Ну, наконецъ, не дайте ей проиграть слишкомъ много, отвлеките ее какъ-нибудь.

— Да какъ я это сдѣлаю? Если бы вы сами взялись за это, m-r Де-Гріе, — прибавилъ я, какъ можно наивнѣе.

Тутъ я замѣтилъ быстрый, огненный, вопросительный взглядъ m-lle Blanche на Де-Гріе. Въ лицѣ самого Де-Гріе мелькнуло что-то особенное, что-то откровенное, отъ чего онъ не могъ удержаться.

То-то и есть, что она меня не возьметъ теперь! — вскричалъ, махнувъ рукой, Де-Гріе. — Если бъ... потомъ...

Де-Гріе быстро и значительно поглядѣлъ на m-lle Blanche.

— O, mon cher m-r Alexis, soyez si bon, — шагнула ко мнѣ съ обворожительной улыбкою *сама* m-lle Blanche, схватила меня за обѣ руки и крѣпко сжала. Чортъ возьми! Это дьявольское лицо умѣло въ одну секунду мѣняться. Въ это мгновеніе у ней

явилось такое просящее лицо, такое милое, дѣтски улыбающееся и даже шаловливое; подъ конецъ фразы она плутовски мнѣ подмигнула, тихонько отъ всѣхъ: срѣзать разомъ, что ли, меня хотѣла? И недурно вышло, — только ужъ грубо было это, однако, ужасно.

Подскочилъ за ней и генералъ, — именно подскочилъ:

— Алексѣй Ивановичъ, простите, что я давеча такъ съ вами началъ, я не то совсѣмъ хотѣлъ сказать... Я васъ прошу, умоляю, въ поясъ вамъ кланяюсь, по-русски, — вы одинъ, одинъ можете насъ спасти! Я и m-lle de Cominges васъ умоляемъ, — вы понимаете, вѣдь вы понимаете? — умолялъ онъ, показывая мнѣ глазами на m-lle Blanche. Онъ былъ очень жалокъ.

Въ эту минуту раздались три тихіе и почтительные удара въ дверь; отворили, — стучалъ коридорный слуга, а за нимъ, въ нѣсколькихъ шагахъ, стоялъ Потапычъ. Послы были отъ бабушки. Требовалось сыскать и доставить меня немедленно; «сердятся», — сообщилъ Потапычъ.

— Но вѣдь еще только половина четвертаго!

— Онѣ и заснуть не могли, все ворочались, потомъ вдругъ встали, кресла потребовали, и за вами. Ужъ онѣ теперь на крыльцѣ-съ...

— Quelle mégère! — крикнулъ Де-Гріе.

Дѣйствительно, я нашелъ бабушку уже на крыльцѣ, выходящую изъ терпѣнія, что меня нѣтъ. До четырехъ часовъ она не выдержала.

— Ну, подымайте! — крикнула она, и мы отправились опять на рулетку.

XII

Бабушка была въ нетерпѣливомъ и раздражительномъ состояніи духа; видно было, что рулетка у ней крѣпко засѣла въ головѣ. Ко всему остальному она была невнимательна и вообще крайне разсѣяна. Ни про что, напримѣръ, по дорогѣ не разспрашивала, какъ давеча. Увидя одну богатѣйшую коляску, промчавшуюся мимо насъ вихремъ, она было подняла руку и спросила. Что такое? Чьи? — но, кажется, и не разслышала моего отвѣта: задумчивость ея безпрерывно прерывалась рѣзкими и нетерпѣливыми тѣлодвиженіями и выходками. Когда я ей показалъ издали, уже подходя къ вокзалу, барона и баронессу Вурмергельмъ, она разсѣянно посмотрѣла и совершенно равнодушно сказала: «А!» и, быстро обернувшись къ Потапычу и Марѳѣ, шагавшимъ сзади, отрѣзала имъ:

— Ну, вы зачѣмъ увязались? Не каждый разъ брать васъ! Ступайте домой! Мнѣ и тебя довольно, — прибавила она мнѣ, — когда тѣ торопливо поклонились и воротились домой.

Въ вокзалѣ бабушку уже ждали. Тотчасъ же оттородили ей то же самое мѣсто, возлѣ крупёра. Мнѣ кажется, эти крупёры, всегда такіе чинные и представляющіе изъ себя обыкновенныхъ чиновниковъ, которымъ почти рѣшительно все равно: выиграетъ ли банкъ или проиграетъ, — вовсе не равнодушны къ проигрышу банка и, ужъ конечно, снабжены кой-какими инструкціями для привлеченія игроковъ и для вящшаго наблюденія казеннаго интереса, — за что непремѣнно и сами получаютъ призы и преміи. По крайней мѣрѣ, на бабушку смотрѣли ужъ какъ на жертвочку. Затѣмъ, что у насъ предполагали, то и случилось.

Вотъ какъ было дѣло:

Бабушка прямо накинулась на zéro и тотчасъ же велѣла ставить по двѣнадцати фридрихсдоровъ. Поста-

вили разъ, второй, третій — zéro не выходилъ. «Ставь, ставь!» — толкала меня бабушка въ нетерпѣніи. Я слушался.

— Сколько разъ проставили? — спросила она наконецъ, скрежеща зубами отъ нетерпѣнія.

— Да уже двѣнадцатый разъ ставили, бабушка. Сто сорокъ четыре фридрихсдора проставили. Я вамъ говорю, бабушка, до вечера, пожалуй...

— Молчи! — перебила бабушка. — Поставь на zéro и поставь сейчасъ на красную тысячу гульденовъ. На, вотъ билетъ.

Красная вышла, а zéro опять лопнулъ, воротили тысячу гульденовъ.

— Видишь, видишь! — шептала бабушка, — почти все, что проставили, воротили. Ставь опять на zéro; еще разъ десять поставимъ и бросимъ.

Но на пятомъ разѣ бабушка совсѣмъ соскучилась.

— Брось этотъ пакостный зеришко къ чорту. На, ставь всѣ четыре тысячи гульденовъ на красную, — приказала она.

— Бабушка! Много будетъ; ну какъ не выйдетъ красная, — умолялъ я; но бабушка чуть меня не прибила. (А, впрочемъ, она такъ толкалась, что почти, можно сказать, и дралась.) Нечего было дѣлать, я поставилъ на красную всѣ четыре тысячи гульденовъ, выигранные давеча. Колесо завертѣлось. Бабушка сидѣла спокойно и гордо выпрямившись, не сомнѣваясь въ непремѣнномъ выигрышѣ.

— Zéro, — возгласилъ крупёръ.

Сначала бабушка не поняла, но когда увидѣла, что крупёръ загребъ ея четыре тысячи гульденовъ, вмѣстѣ со всѣмъ, что стояло на столѣ, и узнала, что zéro, который такъ долго не выходилъ и на которомъ мы проставили почти двѣсти фридрихсдоровъ, выскочилъ, какъ нарочно, тогда, когда бабушка только-что

его обругала и бросила, то ахнула и на всю залу сплеснула руками. Кругомъ даже засмѣялись.

— Батюшки! Онъ тутъ-то проклятый и выскочилъ! — вопила бабушка, — вѣдь этакой, этакой окаянный! Это ты! Это все ты! — свирѣпо накинулась она на меня, толкаясь. — Это ты меня отговорилъ.

— Бабушка, я вамъ дѣло говорилъ, какъ могу отвѣчать я за всѣ шансы?

— Я-те дамъ шансы! — шептала она грозно, — пошелъ вонъ отъ меня.

— Прощайте, бабушка, — повернулся я уходить.

— Алексѣй Ивановичъ, Алексѣй Ивановичъ, останься! Куда ты? Ну, чего, чего? Ишь разсердился! Дуракъ! Ну, побудь, побудь еще, ну, не сердись, я сама дура! Ну, скажи, ну, что теперь дѣлать!

— Я, бабушка, не возьмусь вамъ подсказывать, потому что вы меня же будете обвинять. Играйте сами; приказывайте, я ставить буду.

— Ну, ну! Ну, ставь еще четыре тысячи гульденовъ на красную! Вотъ бумажникъ, бери. — Она вынула изъ кармана и подала мнѣ бумажникъ. — Ну, бери скорѣй, тутъ двадцать тысячъ рублей чистыми деньгами.

— Бабушка, — пролепеталъ я, — такіе куши...

— Жива не хочу быть — отыграюсь. Ставь! — Поставили и проиграли.

— Ставь, ставь, всѣ восемь ставь!

— Нельзя, бабушка, самый большой кушъ четыре!..

— Ну, ставь четыре!

На этотъ разъ выиграли. Бабушка ободрилась. «Видишь — видишь! — затолкала она меня, — ставь опять четыре!»

Поставили — проиграли; потомъ еще — и еще проиграли.

— Бабушка, всѣ двѣнадцать тысячъ ушли, — доложилъ я.

— Вижу, что всѣ ушли, — проговорила она въ какомъ-то спокойствіи бѣшенства, если такъ можно выразиться; — вижу, батюшка, вижу, — бормотала она, смотря предъ собою неподвижно и какъ будто раздумывая; — эхъ! Жива не хочу быть, ставь еще четыре тысячи гульденовъ.

— Да денегъ нѣтъ, бабушка; тутъ въ бумажникѣ наши пятипроцентные и еще какіе-то переводы есть, а денегъ нѣтъ.

— А въ кошелькѣ?

— Мелочь осталась, бабушка.

— Есть здѣсь мѣняльныя лавки? Мнѣ сказали, что всѣ наши бумаги размѣнять можно, — рѣшительно спросила бабушка.

— О, сколько угодно! Но что вы потеряете за промѣнъ, такъ . . . самъ жидъ ужаснется!

— Вздоръ! Отыграюсь! Вези. Позвать этихъ болвановъ!

Я откатилъ кресла, явились носильщики, и мы покатили изъ вокзала. «Скорѣй, скорѣй, скорѣй! — командовала бабушка. — Показывай дорогу, Алексѣй Ивановичъ, да поближе возьми . . . а далеко?»

— Два шага, бабушка.

Но на поворотѣ изъ сквера въ аллею встрѣтилась намъ вся наша компанія: генералъ, Де-Гріе и m-lle Blanche съ маменькой. Полины Александровны съ ними не было, мистера Астлея тоже.

— Ну, ну, ну! Не останавливаться! — кричала бабушка, — ну, чего вамъ такое? Некогда съ вами тутъ!

Я шелъ сзади; Де-Гріе подскочилъ ко мнѣ.

— Все давишнее проиграла и двѣнадцать тысячъ

гульденовъ своихъ просадила. Ѣдемъ пятипроцентные мѣнять, — шепнулъ я ему наскоро.

Де-Гріе топнулъ ногою и бросился сообщить генералу. Мы продолжали катить бабушку.

— Остановите, остановите! — зашепталъ мнѣ генералъ въ изступленіи.

— А вотъ попробуйте-ка ее остановить, — шепнулъ я ему.

— Тетушка! — приблизился генералъ, — тетушка... мы сейчасъ... мы сейчасъ... — голосъ у него дрожалъ и падалъ, — нанимаемъ лошадей и ѣдемъ за городъ... Восхитительнѣйшій видъ... пуантъ... мы шли васъ приглашать!

— И, ну тебя и съ пуантомъ! — раздражительно отмахнулась отъ него бабушка.

— Тамъ деревня... тамъ будемъ чай пить... — продолжалъ генералъ, уже съ полнымъ отчаяніемъ.

— Nous boirons du lait, sur l'herbe fraîche, — прибавилъ Де-Гріе съ звѣрской злобой.

Du lait, de l'herbe fraîche, — это все, что есть идеально идиллическаго у парижскаго буржуа; въ этомъ, какъ извѣстно, весь взглядъ его на «nature et la vérité!»

— И, ну тебя съ молокомъ! Хлещи самъ, а у меня отъ него брюхо болитъ. Да и чего вы пристали?! — закричала бабушка, — говорю некогда!

— Пріѣхали, бабушка! — закричалъ я, — здѣсь!

Мы подкатили къ дому, гдѣ была контора банкира. Я пошелъ мѣнять; бабушка осталась ждать у подъѣзда; Де-Гріе, генералъ и Blanche стояли въ сторонѣ, не зная, что имъ дѣлать. Бабушка гнѣвно на нихъ посмотрѣла, и они ушли по дорогѣ къ вокзалу.

Мнѣ предложили такой ужасный расчетъ, что я не рѣшился и воротился къ бабушкѣ просить инструкцій.

— Ахъ, разбойники! — закричала она, всплеснувъ руками. — Ну! Ничего! — Мѣняй! — крик-

нула она рѣшительно: — стой, позови ко мнѣ банкира!

— Развѣ кого-нибудь изъ конторщиковъ, бабушка?

— Ну конторщика, все равно. Ахъ, разбойники!

Конторщикъ согласился выйти, узнавъ, что его проситъ къ себѣ старая, разслабленная графиня, которая не можетъ ходить. Бабушка долго, гнѣвно и громко упрекала его въ мошенничествѣ и торговалась съ нимъ, смѣсью русскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ, при чемъ я помогалъ переводу. Серьезный конторщикъ посматривалъ на насъ обоихъ и, молча, моталъ головой. Бабушку осматривалъ онъ даже съ слишкомъ пристальнымъ любопытствомъ, — что уже было невѣжливо; наконецъ, онъ сталъ улыбаться.

— Ну, убирайся! — крикнула бабушка. — Подавись моими деньгами! Размѣняй у него, Алексѣй Ивановичъ, некогда, а то бы къ другому поѣхать...

— Конторщикъ говоритъ, что у другихъ еще меньше дадутъ.

Навѣрное не помню тогдашняго расчета, но онъ былъ ужасенъ. Я намѣнялъ до двѣнадцати тысячъ флориновъ золотомъ и билетами, взялъ расчетъ и вынесъ бабушкѣ.

— Ну! Ну! Ну! Нечего считать — замахала она руками, — скорѣй, скорѣй, скорѣй!

— Никогда на этотъ проклятый zéro не буду ставить и на красную тоже, — промолвила она, подъѣзжая къ вокзалу.

На этотъ разъ я всѣми силами старался внушать ей ставить какъ можно меньше, убѣждая ее, что при оборотѣ шансовъ всегда будетъ время поставить и большой кушъ. Но она была такъ нетерпѣлива, что хоть и соглашалась сначала, но возможности не было сдержать ее во время игры. Чуть только она начинала выигрывать ставки въ десять, въ двадцать фридрихс-

доровъ — «Ну, вотъ! Ну, вотъ! — начинала она толкать меня, — ну, вотъ выиграли же; — стояло бы четыре вмѣсто десяти, мы бы четыре тысячи выиграли, а то что теперь? Это все ты, все ты!

И какъ ни брала меня досада, глядя на ея игру, а я, наконецъ, рѣшился молчать и не совѣтовать больше ничего.

Вдругъ подскочилъ Де-Гріе. Они всѣ трое были возлѣ; я замѣтилъ, что m-lle Blanche стояла съ маменькой въ сторонѣ и любезничала съ князькомъ. Генералъ былъ въ явной немилости, почти въ загонѣ. Blanche даже и смотрѣть на него не хотѣла, хоть онъ и юлилъ подлѣ нея всѣми силами. Бѣдный генералъ! Онъ блѣднѣлъ, краснѣлъ, трепеталъ и даже ужъ не слѣдилъ за игрою бабушки. Blanche и князекъ, наконецъ, вышли; генералъ побѣжалъ за ними.

— Madame, madame — медовымъ голосомъ шепталъ бабушкѣ Де-Гріе, протѣснившись къ самому ея уху. — Madame, этакъ ставка нейдетъ . . . нѣтъ, нѣтъ, не можно . . . коверкалъ онъ по-русски, — нѣтъ!

— А какъ же? Ну, научи! — обратилась къ нему бабушка. Де-Гріе вдругъ быстро заболталъ по-французски, началъ совѣтовать, суетился, говорилъ, что надо ждать шансу, сталъ разсчитывать какія-то цифры . . . бабушка ничего не понимала. Онъ безпрерывно обращался ко мнѣ, чтобъ я переводилъ; тыкалъ пальцемъ въ столъ, указывалъ; наконецъ, схватилъ карандашъ и началъ было высчитывать на бумажкѣ. Бабушка потеряла, наконецъ, терпѣніе.

— Ну, пошелъ, пошелъ! Все вздоръ мелешь! «Madame, madame», — а самъ и дѣла-то не понимаетъ; пошелъ!

— Mais, madame, — защебеталъ Де-Гріе и снова началъ толковать и показывать. Очень ужъ его разбирало.

— Ну, поставь разъ, какъ онъ говоритъ, — при-

казала мнѣ бабушка, — посмотримъ: можетъ, и въ самомъ дѣлѣ выйдетъ.

Де-Гріе хотѣлъ только отвлечь ее отъ большихъ кушей; онъ предлагалъ ставить на числа, поодиночкѣ и въ совокупности. Я поставилъ, по его указанію, по фридрихсдору на рядъ нечетныхъ чиселъ въ первыхъ двѣнадцати и по пяти фридрихсдоровъ на группы чиселъ отъ двѣнадцати до восемнадцати и отъ восемнадцати до двадцати четырехъ: всего поставили шестнадцать фридрихсдоровъ.

Колесо завертѣлось. «Zéro», — крикнулъ крупёръ. Мы все проиграли.

— Этакой болванъ! — крикнула бабушка, обращаясь къ Де-Гріе. — Этакой ты мерзкій французишка! Вѣдь посовѣтуетъ же; извергъ! Пошелъ, пошелъ! Ничего не понимаетъ, а туда же суется!

Страшно обиженный Де-Гріе пожалъ плечами, презрительно посмотрѣлъ на бабушку и отошелъ. Ему ужъ самому стало стыдно, что связался, слишкомъ ужъ не утерпѣлъ.

Черезъ часъ, какъ мы ни бились, — все проиграли.

— Домой! — крикнула бабушка.

Она не промолвила ни слова до самой аллеи. Въ аллеѣ, и ужъ подъѣзжая къ отелю, у ней начали вырываться восклицанія:

— Экая дура! Экая дурында! Старая ты, старая дурында!

Только что въѣхали въ квартиру: «чаю мнѣ! — закричала бабушка, — и сейчасъ собираться! Ѣдемъ!»

— Куда, матушка, ѣхать изволите? — начала было Марѳа.

— А тебѣ какое дѣло? Знай сверчокъ свой шестокъ! Потапычъ, собирай все, всю поклажу. Ѣдемъ назадъ, въ Москву! Я пятнадцать тысячъ цѣлковыхъ профершпилила!

— Пятнадцать тысячъ, матушка! Боже ты мой! — крикнулъ было Потапычъ, умилительно всплеснувъ руками, вѣроятно, предполагая услужиться.

— Ну, ну, дуракъ! Началъ еще хныкать! Молчи! Собираться! Счетъ скорѣе, скорѣй!

— Ближайшій поѣздъ отправится въ девять съ половиною часовъ, бабушка, — доложилъ я, чтобы остановить ея фуроръ.

— А теперь сколько?

— Половина восьмого.

— Экая досада! Ну все равно! Алексѣй Ивановичъ, денегъ у меня ни копейки. Вотъ тебѣ еще два билета, сбѣгай туда, размѣняй и эти. А то не съ чѣмъ и ѣхать.

Я отправился. Чрезъ полчаса, возвратившись въ отель, я засталъ всѣхъ нашихъ у бабушки. Узнавъ, что бабушка уѣзжаетъ совсѣмъ въ Москву, они были поражены, кажется, еще больше, чѣмъ ея проигрышемъ. Положимъ, отъѣздомъ спасалось ея состояніе, но, зато, что же теперь станется съ генераломъ? Кто заплатитъ Де-Гріе? M-lle Blanche, разумѣется, ждать не будетъ, пока помретъ бабушка, и навѣрное улизнетъ теперь съ князькомъ, или съ кѣмъ-нибудь другимъ. Они стояли передъ нею, утѣшали ее и уговаривали. Полины опять не было. Бабушка неистово кричала на нихъ.

— Отвяжитесь, черти! Вамъ что за дѣло? Чего эта козлиная борода ко мнѣ лѣзетъ, — кричала она на Де-Гріе; — а тебѣ, пиголица, чего надо? — обратилась она къ m-lle Blanche. — Чего юлишь?

— Diantre! — прошептала m-lle Blanche, бѣшено сверкнувъ глазами, но вдругъ захохотала и вышла.

— Elle vivra cent ans! — крикнула она, выходя изъ дверей, генералу.

— А, такъ ты на мою смерть разсчитываешь? — завопила бабушка генералу, — пошелъ! Выгони ихъ

всѣхъ, Алексѣй Ивановичъ! Какое вамъ дѣло? Я свое просвистала, а не ваше!

Генералъ пожалъ плечами, согнулся и вышелъ, Де-Гріе за нимъ.

— Позвать Прасковью, — велѣла бабушка Маѳѣ.

Чрезъ пять минутъ Маѳа воротилась съ Полиной. Все это время Полина сидѣла въ своей комнатѣ съ дѣтьми и, кажется, нарочно рѣшилась весь день не выходить. Лицо ея было серьезно, грустно и озабочено.

— Прасковья, — начала бабушка, — правда ли, что я давеча стороной узнала, что будто бы этотъ дуракъ, отчимъ-то твой, хочетъ жениться на этой глупой вертушкѣ француженкѣ, — актриса, что ли, она, или того еще хуже? Говори, правда это?

— Навѣрное про это я не знаю, бабушка, — отвѣчала Полина, — но, по словамъ самой m-lle Blanche, которая не находитъ нужнымъ скрывать, заключаю...

— Довольно! — энергически прервала бабушка, — все понимаю! Я всегда считала, что отъ него это станется, и всегда считала его самымъ пустѣйшимъ и легкомысленнымъ человѣкомъ. Натащилъ на себя форсу, что генералъ (изъ полковниковъ, по отставкѣ получилъ), да и важничаетъ. Я, мать моя, все знаю, какъ вы телеграмму за телеграммой въ Москву посылали, — «скоро ли, дескать, старая бабка ноги протянетъ?» Наслѣдства ждали; безъ денегъ-то его эта подлая дѣвка, какъ ее, — de Cominges, что ли, — и въ лакеи къ себѣ не возьметъ, да еще со вставными-то зубами. У ней, говорятъ, у самой денегъ куча, на проценты даетъ, добромъ нажила. Я, Прасковья, тебя не виню; не ты телеграммы посылала; и объ старомъ тоже поминать не хочу. Знаю, что характеришко у тебя скверный — оса! Укусишь, такъ вспухнетъ, да жаль мнѣ тебя, потому: покойницу

Катерину, твою мать, я любила. Ну, хочешь? Бросай все здѣсь и поѣзжай со мною. Вѣдь тебѣ дѣваться-то некуда; да и неприлично тебѣ съ нимъ теперь. Стой! — прервала бабушка начинавшую было отвѣчать Полину, — я еще не докончила. Отъ тебя и ничего не потребую. Домъ у меня въ Москвѣ, сама знаешь, — дворецъ; хоть цѣлый этажъ занимай и хоть по недѣлямъ ко мнѣ не сходи, коль мой характеръ тебѣ не покажется! Ну, хочешь или нѣтъ?

— Позвольте сперва васъ спросить: неужели вы сейчасъ ѣхать хотите?

— Шучу, что ли, я, матушка! Сказала и поѣду. Я сегодня пятнадцать тысячъ цѣлковыхъ просадила на растреклятой вашей рулеткѣ. Въ подмосковной я, пять лѣтъ назадъ, дала обѣщаніе церковь изъ деревянной въ каменную перестроить, да вмѣсто того здѣсь просвисталась. Теперь, матушка, церковь поѣду строить.

— А вòды-то, бабушка? Вѣдь вы пріѣхали вòды пить?

— И, ну тебя съ водами твоими? Не раздражай ты меня, Прасковья; нарочно, что ли, ты? Говори, ѣдешь аль нѣтъ?

— Я васъ очень, очень благодарю, бабушка, — съ чувствомъ начала Полина, — за убѣжище, которое вы мнѣ предлагаете. Отчасти вы мое положеніе угадали. Я вамъ такъ признательна, что, повѣрьте, къ вамъ приду, можетъ быть, даже и скоро; а теперь есть причины . . . важныя . . . и рѣшиться я сейчасъ, сію минуту, не могу. Если бы вы остались хоть недѣли двѣ . . .

— Значитъ, не хочешь?

— Значитъ, не могу. Къ тому же, во всякомъ случаѣ, я не могу брата и сестру оставить, такъ какъ . . . такъ какъ . . . такъ какъ, дѣйствительно, можетъ случиться, что они останутся, какъ брошенные, то . . .

если возьмете меня съ малютками, бабушка, то, конечно, я къ вамъ поѣду и, повѣрьте, заслужу вамъ это! — прибавила она съ жаромъ; — а безъ дѣтей не могу, бабушка.

— Ну, не хнычь! (Полина и не думала хныкать, да она и никогда не плакала), — и для цыплятъ найдется мѣсто, великъ курятникъ. Къ тому же, имъ въ школу пора. Ну, такъ не ѣдешь теперь! Ну, Прасковья, смотри! Желала бы я тебѣ добра, а вѣдь я знаю, почему ты не ѣдешь? Все я знаю, Прасковья! Не доведетъ тебя этотъ французишка до добра.

Полина вспыхнула. Я такъ и вздрогнулъ. (Всѣ знаютъ! Одинъ я, стало быть, ничего не знаю!)

— Ну, ну, не хмурься. Не стану размазывать. Только смотри, чтобъ не было худо, понимаешь? Ты дѣвка умная; жаль мнѣ тебя будетъ. Ну, довольно. Не глядѣла бы на васъ на всѣхъ! Ступай, прощай!

— Я, бабушка, еще провожу васъ, — сказала Полина.

— Не надо; не мѣшай; да и надоѣли вы мнѣ всѣ.

Полина поцѣловала у бабушки руку, но та руку отдернула и сама поцѣловала ее въ щеку.

Проходя мимо меня, Полина быстро на меня поглядѣла и тотчасъ отвела глаза.

— Ну, прощай и ты, Алексѣй Ивановичъ! Всего часъ до поѣзда. Да и усталъ ты со мною, я думаю. На, возьми себѣ эти пятьдесятъ золотыхъ.

— Покорно благодарю васъ, бабушка, мнѣ совѣстно . . .

— Ну, ну! — крикнула бабушка, но до того энергично и грозно, что я не посмѣлъ отговариваться и принялъ.

— Въ Москвѣ, какъ будешь безъ мѣста бѣгать, — ко мнѣ приходи: отрекомендую куда-нибудь. Ну, убирайся!

Я пришелъ къ себѣ въ номеръ и легъ на кровать. Я думаю, я лежалъ съ полчаса навзничь, закинувъ за голову руки. Катастрофа ужъ разразилась, было о чемъ подумать. Завтра я рѣшилъ настоятельно говорить съ Полиной. А! Французишка? Такъ, стало быть, правда! Но что же тутъ могло быть однако? Полина и Де-Гріе! Господи, какое сопоставленіе!

Все это было просто невѣроятно. Я вдругъ вскочилъ внѣ себя, чтобъ идти тотчасъ же отыскать мистера Астлея и, во что бы то ни стало, заставить его говорить. Онъ, конечно, и тутъ больше меня знаетъ. Мистеръ Астлей? Вотъ еще для меня загадка!

Но вдругъ въ дверяхъ моихъ раздался стукъ. Смотрю — Потапычъ.

— Батюшка, Алексѣй Ивановичъ, къ барынѣ требуютъ!

— Что такое? Уѣзжаетъ, что ли? До поѣзда еще двадцать минутъ.

— Безпокоятся, батюшка, едва сидятъ. «Ск[illegible] скорѣй!» — васъ, то-есть, батюшка; ради Хрис[illegible] замедлите.

Тотчасъ же я сбѣжалъ внизъ. Бабушку уж[illegible] везли въ коридоръ. Въ рукахъ ея былъ бумаж[illegible]

— Алексѣй Ивановичъ, иди впередъ, пойдем[illegible]

— Куда, бабушка?

— Жива не хочу быть, отыграюсь! Ну, м[illegible] безъ разспросовъ! Тамъ до полночи вѣдь игра и[illegible]

Я остолбенѣлъ, подумалъ, но тотчасъ ж[illegible] шился.

— Воля ваша, Антонида Васильевна, не п[illegible]

— Это почему? Это что еще? Белены, чт[illegible] вы всѣ объѣлись!

— Воля ваша, я потомъ самъ упрекать себя стану; не хочу. Не хочу быть ни свидѣтелемъ, ни участникомъ; избавьте, Антонида Васильевна. Вотъ ваши пятьдесятъ фридрихсдоровъ назадъ; прощайте! — И

я, положивъ свертокъ съ фридрихсдорами тутъ же на столикъ, подлѣ котораго пришлись кресла бабушки, поклонился и ушелъ.

— Экой вздоръ! — крикнула мнѣ вслѣдъ бабушка, — да не ходи, пожалуй, я и одна дорогу найду! Потапычъ, иди со мною! Ну, подымайте, несите!

Мистера Астлея я не нашелъ и воротился домой. Поздно, уже въ первомъ часу пополуночи, я узналъ отъ Потапыча, чѣмъ кончился бабушкинъ день. Она все проиграла, что ей давеча я намѣнялъ, то-есть, по-нашему, еще десять тысячъ рублей. Къ ней прикомандировался тамъ тотъ самый полячокъ, которому она дала давеча два фридрихсдора, и все время руководилъ ее въ игрѣ. Сначала, до полячка, она было заставляла ставить Потапыча, но скоро прогнала его; тутъ-то и подскочилъ полячокъ. Какъ нарочно, онъ понималъ по-русски и даже болталъ кое-какъ, смѣсью трехъ языковъ, такъ что они кое-какъ уразумѣли другъ друга. Бабушка все время нещадно ругала его, и хоть тотъ безпрерывно «стелился подъ стопки паньски», но ужъ «куда сравнить съ вами, Алексѣй Ивановичъ», разсказывалъ Потапычъ. «Съ вами она *точно съ бариномъ* обращалась, а тотъ — такъ, я самъ видѣлъ своими глазами, убей Богъ на мѣстѣ, тутъ же у ней со стола воровалъ. Она его сама раза два на столѣ поймала, и ужъ костила она его, костила всяческими-то, батюшка, словами, даже за волосенки разъ отдергала, право, не лгу, такъ что кругомъ смѣхъ пошелъ. Все, батюшка, проиграла; все какъ есть, все, что вы ей намѣняли. Довезли мы ее, матушку, сюда, — только водицы спросила испить, перекрестилась и въ постельку. Измучилась, что ли, она, тотчасъ заснула. Пошли Богъ сны ангельскіе! Охъ, ужъ эта мнѣ заграница! — заключилъ Потапычъ, говорилъ, что не къ добру. И ужъ поскорѣй бы въ нашу

Москву! И чего-чего у насъ дома нѣтъ, въ Москвѣ? Садъ, цвѣты, какихъ здѣсь и не бываетъ, духъ, яблоньки наливаются, просторъ, — нѣтъ: надо было за границу! О-хо-хо!..

XIII

Вотъ ужъ почти цѣлый мѣсяцъ прошелъ, какъ я не притрогивался къ этимъ замѣткамъ моимъ, начатымъ подъ вліяніемъ впечатлѣній, хотя и безпорядочныхъ, но сильныхъ. Катастрофа, приближеніе которой я тогда предчувствовалъ, наступила дѣйствительно, но во сто разъ круче и неожиданнѣе, чѣмъ я думалъ. Все это было нѣчто странное, безобразное и даже трагическое, по крайней мѣрѣ, со мной. Случились со мною нѣкоторыя происшествія — почти чудесныя; такъ, по крайней мѣрѣ, я до сихъ поръ гляжу на нихъ, — хотя на другой взглядъ, и особенно судя по круговороту, въ которомъ я тогда кружился, они были только что развѣ не совсѣмъ обыкновенныя. Но чудеснѣе всего для меня то, какъ я самъ отнесся ко всѣмъ этимъ событіямъ. До сихъ поръ не понимаю себя! И все это пролетѣло какъ сонъ, — даже страсть моя, а она вѣдь была сильна и истинна, но... куда же она теперь дѣлась? Право: нѣтъ-нѣтъ, да и мелькнетъ иной разъ теперь въ моей головѣ: «ужъ не сошелъ ли я тогда съ ума и не сидѣлъ ли, все это время, гдѣ-нибудь въ сумасшедшемъ домѣ, а, можетъ быть, и теперь сижу, такъ что мнѣ все это *показалось* и до сихъ поръ только *кажется*...

Я собралъ и перечелъ мои листки. (Кто знаетъ, можетъ быть, для того, чтобы убѣдиться, не въ сумасшедшемъ ли домѣ я ихъ писалъ?) Теперь я одинъ одинешенекъ. Наступаетъ осень, желтѣетъ листъ. Сижу въ этомъ уныломъ городишкѣ (о, какъ унылы германскіе городишки) и, вмѣсто того чтобы обдумать

предстоящій шагъ, живу подъ вліяніемъ только-что минувшихъ ощущеній, подъ вліяніемъ свѣжихъ воспоминаній, подъ вліяніемъ всего этого недавняго вихря, захватившаго меня тогда въ этотъ круговоротъ и опять куда-то выбросившаго. Мнѣ все кажется порой, что я все еще кружусь въ томъ же вихрѣ, и что вотъ-вотъ опять промчится эта буря, захвативъ меня мимоходомъ своимъ крыломъ, и я выскочу опять изъ порядка и чувства мѣры, и закружусь, закружусь, закружусь . . .

Впрочемъ, я, можетъ быть, и установлюсь какъ-нибудь и перестану кружиться, если дамъ себѣ, по возможности, точный отчетъ во всемъ приключившемся въ этотъ мѣсяцъ. Меня тянетъ опять къ перу, да иногда и совсѣмъ дѣлать нечего по вечерамъ. Странно, для того, чтобы хоть чѣмъ-нибудь заняться, я беру въ здѣшней паршивой библіотекѣ для чтенія романы Поль де-Кока (въ нѣмецкомъ переводѣ!), которыхъ я почти терпѣть не могу, но читаю ихъ и — дивлюсь на себя: точно я боюсь серьезною книгою или какимъ-нибудь серьезнымъ занятіемъ разрушить обаяніе только-что минувшаго. Точно ужъ такъ дороги мнѣ этотъ безобразный сонъ и всѣ оставшіяся по немъ впечатлѣнія, что я даже боюсь дотронуться до него чѣмъ-нибудь новымъ, чтобы онъ не разлетѣлся въ дымъ? Дорого мнѣ это все такъ, что ли? Да, конечно, дорого; можетъ, и чрезъ сорокъ лѣтъ вспоминать буду...

Итакъ, принимаюсь писать. Впрочемъ, все это можно разсказать теперь отчасти и покороче: впечатлѣнія совсѣмъ не тѣ . . .

Во-первыхъ, чтобъ кончить съ бабушкой. На другой день она проигралась вся окончательно. Такъ и должно было случиться: кто разъ, изъ такихъ, попадается на эту дорогу, тотъ — точно съ снѣговой горы въ санкахъ катится, все быстрѣе и быстрѣе. Она игра-

ла весь день до восьми часовъ вечера; я при ея игрѣ не присутствовалъ, и знаю только по разсказамъ.

Потапычъ продежурилъ при ней въ вокзалѣ цѣлый день. Полячки, руководившіе бабушку, смѣнялись въ этотъ день нѣсколько разъ. Она начала съ того, что прогнала вчерашняго полячка, котораго она драла за волосы, и взяла другого, но другой оказался почти что еще хуже. Прогнавъ этого и взявъ опять перваго, который не уходилъ и толкался во все это время изгнанія тутъ же, за ея креслами, поминутно просовывая къ ней свою голову, — она впала, наконецъ, въ рѣшительное отчаяніе. Прогнанный второй полячокъ тоже ни за что не хотѣлъ уйти; одинъ помѣстился съ правой стороны, а другой съ лѣвой. Все время они спорили и ругались другъ съ другомъ за ставки и ходы, обзывали другъ друга «ла̀йдаками» и прочими польскими любезностями, потомъ опять мирились, кидали деньги безъ всякаго порядка, распоряжались зря. Поссорившись, они ставили каждый съ своей стороны, одинъ, напримѣръ, на красную, а другой тутъ же на черную. Кончилось тѣмъ, что они совсѣмъ закружили и сбили бабушку съ толку, такъ что она, наконецъ, чуть не со слезами, обратилась къ старичку крупёру, съ просьбою защитить ее, чтобъ онъ ихъ прогналъ. Ихъ дѣйствительно тотчасъ же прогнали, несмотря на ихъ крики и протесты: они кричали оба разомъ и доказывали, что бабушка имъ же должна, что она ихъ въ чемъ-то обманула, поступила съ ними безчестно, подло. Несчастный Потапычъ разсказывалъ мнѣ все это со слезами, въ тотъ самый вечеръ, послѣ проигрыша, и жаловался, что они набивали свои карманы деньгами, что онъ самъ видѣлъ, какъ они безсовѣстно воровали и поминутно совали себѣ въ карманы. Выпроситъ, напримѣръ, у бабушки за труды пять фридрихсдоровъ и начинаетъ ихъ тутъ же ставить на рулеткѣ, рядомъ съ бабушкиными ставками. Бабушка

выиграетъ, а онъ кричитъ, что это его ставка выиграла, а бабушкина проиграла. Когда ихъ прогоняли, то Потапычъ выступилъ и донесъ, что у нихъ полны карманы золота. Бабушка тотчасъ же попросила крупёра распорядиться и, какъ оба полячка ни кричали (точно два пойманные въ руки пѣтуха), но явилась полиція и тотчасъ карманы ихъ были опустошены въ пользу бабушки. Бабушка, пока не проигралась, пользовалась во весь этотъ день у крупёровъ и у всего вокзальнаго начальства видимымъ авторитетомъ. Мало-по-малу извѣстность ея распространилась по всему городу. Всѣ посѣтители водъ, всѣхъ націй, обыкновенные и самые знатные, стекались посмотрѣть на «une vieille comtesse russe, tombée en enfance», которая уже проиграла «нѣсколько милліоновъ».

Но бабушка очень, очень мало выиграла отъ того, что избавили ее отъ двухъ полячишекъ. Взамѣнъ ихъ, тотчасъ же къ услугамъ ея явился третій полякъ, уже совершенно чисто говорившій по-русски, одѣтый джентльменомъ, хотя все-таки смахивавшій на лакея, съ огромными усами и съ гоноромъ. Онъ тоже цѣловалъ «стопки паньски» и «стелился подъ стопки паньски», но относительно окружающихъ велъ себя заносчиво, распоряжался деспотически, — словомъ, сразу поставилъ себя не слугою, а хозяиномъ бабушки. Поминутно, съ каждымъ ходомъ, обращался онъ къ ней и клялся ужаснѣйшими клятвами, что онъ самъ «гоноровый» панъ, и что онъ не возьметъ ни единой копейки изъ денегъ бабушки. Онъ такъ часто повторялъ эти клятвы, что та окончательно струсила. Но такъ какъ этотъ панъ, дѣйствительно, вначалѣ какъ будто поправилъ ея игру и сталъ было выигрывать, то бабушка и сама уже не могла отъ него отстать. Часъ спустя, оба прежніе полячка, выведенные изъ вокзала, появились снова за стуломъ бабушки, опять съ предложеніемъ услугъ, хоть на посылки. Потапычъ божился,

что «гоноровый панъ» съ ними перемигивался, и даже что-то имъ передавалъ въ руки. Такъ какъ бабушка не обѣдала и почти не сходила съ креселъ, то и дѣйствительно одинъ изъ полячковъ пригодился: сбѣгалъ тутъ же рядомъ, въ обѣденную залу вокзала и досталъ ей чашку бульона, а потомъ и чаю. Они бѣгали, впрочемъ, оба. Но къ концу дня, когда уже всѣмъ видно стало, что она проигрываетъ свой послѣднiй билетъ, за стуломъ ея стояло уже до шести полячковъ, прежде невиданныхъ и неслыханныхъ. Когда же бабушка проигрывала уже послѣднiя монеты, то всѣ они не только ее уже не слушались, но даже и не замѣчали, лѣзли прямо чрезъ нее къ столу, сами хватали деньги, сами распоряжались и ставили, спорили и кричали, переговариваясь съ гоноровымъ паномъ за панибрата, а гоноровый панъ чуть ли даже и не забылъ о существованiи бабушки. Даже тогда, когда бабушка, совсѣмъ все проигравшая, возвращалась вечеромъ въ восемь часовъ въ отель, то и тутъ три или четыре полячка все еще не рѣшались ее оставить и бѣжали около креселъ, по сторонамъ, крича изо всѣхъ силъ и увѣряя, скороговоркою, что бабушка ихъ въ чемъ-то надула и должна имъ что-то отдать. Такъ дошли до самаго отеля, откуда ихъ, наконецъ, прогнали въ толчки.

По расчету Потапыча, бабушка проиграла всего въ этотъ день до девяноста тысячъ рублей, кромѣ проигранныхъ ею вчера денегъ. Всѣ свои билеты — пятипроцентные, внутреннихъ займовъ, всѣ акцiи, бывшiе съ нею, она размѣняла одинъ за другимъ и одну за другой. Я подивился было, какъ она выдержала всѣ эти семь или восемь часовъ, сидя въ креслахъ и почти не отходя отъ стола, но Потапычъ разсказывалъ, что раза три она, дѣйствительно, начинала сильно выигрывать; а увлеченная вновь надеждою, она ужъ не могла отойти. Впрочемъ, игроки знаютъ, какъ можно чело-

вѣку просидѣть чуть не сутки на одномъ мѣстѣ за картами, не спуская глазъ съ правой и съ лѣвой.

Между тѣмъ во весь этотъ день, у насъ въ отелѣ происходили тоже весьма рѣшительныя вещи. Еще утромъ, до одиннадцати часовъ, когда бабушка еще была дома, наши, то-есть генералъ и Де-Гріе, рѣшились было на послѣдній шагъ. Узнавъ, что бабушка и не думаетъ уѣзжать, а, напротивъ, отправляется опять въ вокзалъ, они во всемъ конклавѣ (кромѣ Полины) пришли къ ней переговорить съ нею окончательно и даже *откровенно*. Генералъ, трепетавшій и замиравшій душою, въ виду ужасныхъ для него послѣдствій, даже пересолилъ: послѣ получасовыхъ моленій и просьбъ, и даже откровенно признавшись во всемъ, то-есть во всѣхъ долгахъ, и даже въ своей страсти къ m-lle Blanche (онъ совсѣмъ потерялся), генералъ вдругъ принялъ грозный тонъ и сталъ даже кричать и топать ногами на бабушку; кричалъ, что она срамитъ ихъ фамилію, стала скандаломъ всего города, и, наконецъ... наконецъ: «вы срамите русское имя, сударыня!» — кричалъ генералъ, — и что «на то есть полиція!» Бабушка прогнала его, наконецъ, палкой — (настоящей палкой). Генералъ и Де-Гріе со вѣщались еще разъ или два въ это утро, и именно ихъ занимало: нельзя ли, въ самомъ дѣлѣ, какъ-нибудь употребить полицію? Что вотъ, дескать, несчастная, но почтенная старушка выжила изъ ума, проигрываетъ послѣднія деньги и т. д. Однимъ словомъ, нельзя ли выхлопотать какой-нибудь надзоръ или запрещеніе?.. Но Де-Гріе только пожималъ плечами и въ глаза смѣялся надъ генераломъ, уже совершенно заболтавшимся и бѣгавшимъ взадъ и впередъ по кабинету. Наконецъ, Де-Гріе махнулъ рукою и куда-то скрылся. Вечеромъ узнали, что онъ совсѣмъ выѣхалъ изъ отеля, переговоривъ напередъ весьма рѣшительно и таинственно съ m-lle Blanche. Что же касается до

m-lle Blanche, то она съ самаго еще утра приняла окончательныя мѣры: она совсѣмъ отшвырнула отъ себя генерала и даже не пускала его къ себѣ на глаза. Когда генералъ побѣжалъ за нею въ вокзалъ и встрѣтилъ ее подъ руку съ князькомъ, то ни она, ни m-me veuve Cominges его не узнали. Князекъ тоже ему не поклонился. Весь этотъ день m-lle Blanche пробовала и обработывала князя, чтобъ онъ высказался, наконецъ, рѣшительно. Но увы! Она жестоко обманулась въ расчетахъ на князя! Эта маленькая катастрофа произошла уже вечеромъ; вдругъ открылось, что князь голъ, какъ соколъ, и еще на нее же разсчитывалъ, чтобы занять у нея денегъ подъ вексель и поиграть на рулеткѣ. Blanche съ негодованіемъ его выгнала и заперлась въ своемъ номерѣ.

Поутру, въ этотъ же день, я ходилъ къ мистеру Астлею, или лучше сказать, все утро отыскивалъ мистера Астлея, но никакъ не могъ отыскать его. Ни дома, ни въ вокзалѣ или въ паркѣ его не было. Въ отелѣ своемъ онъ на этотъ разъ не обѣдалъ. Въ пятомъ часу, я вдругъ увидѣлъ его идущаго отъ дебаркадера желѣзной дороги прямо въ отель d'Angleterre. Онъ торопился и былъ очень озабоченъ, хотя и трудно различить заботу или какое бы то ни было замѣшательство въ его лицѣ. Онъ радушно протянулъ мнѣ руку, съ своимъ обычнымъ восклицаніемъ: «А!», но не останавливаясь на дорогѣ и продолжая довольно спѣшнымъ шагомъ путь. Я увязался за нимъ; но какъ-то онъ такъ сумѣлъ отвѣчать мнѣ, что я ни о чемъ не успѣлъ и спросить его. Къ тому же, мнѣ было почему-то ужасно совѣстно заговаривать о Полинѣ; онъ же самъ ни слова о ней не спросилъ. Я разсказалъ ему про бабушку; онъ выслушалъ внимательно и серьезно и пожалъ плечами.

— Она все проиграетъ, — замѣтилъ я.

— О, да, — отвѣчалъ онъ, — вѣдь она пошла

играть еще давеча, когда я уѣзжалъ, а потому я навѣрно и зналъ, что она проиграется. Если будетъ время, я зайду въ вокзалъ посмотрѣть, потому что это любопытно.

— Куда вы уѣзжали? — вскричалъ я, изумившись, что до сихъ поръ не спросилъ.

— Я былъ во Франкфуртѣ.

— По дѣламъ?

— Да, по дѣламъ.

Ну, что же мнѣ было спрашивать дальше? Впрочемъ, я все еще шелъ подлѣ него, но онъ повернулъ въ стоявшій на дорогѣ отель *Des quatre saisons*, кивнулъ мнѣ головой и скрылся. Возвращаясь домой, я мало-по-малу догадался, что если бы я и два часа съ нимъ проговорилъ, то рѣшительно бы ничего не узналъ, потому... что мнѣ не о чемъ было его спрашивать! Да, конечно, такъ! Я никакимъ образомъ не могъ бы теперь формулировать моего вопроса.

Весь этотъ день Полина то гуляла съ дѣтьми и нянюшкой въ паркѣ, то сидѣла дома. Генерала она давно уже избѣгала и почти ничего съ нимъ не говорила, по крайней мѣрѣ, о чемъ-нибудь серьезномъ. Я это давно замѣтилъ. Но, зная, въ какомъ генералъ положеніи сегодня, я подумалъ, что онъ не могъ миновать ее, то-есть между ними не могло не быть какихъ-нибудь важныхъ семейныхъ объясненій. Однакожъ, когда я, возвращаясь въ отель послѣ разговора съ мистеромъ Астлеемъ, встрѣтилъ Полину съ дѣтьми, то на ея лицѣ отражалось самое безмятежное спокойствіе, какъ будто всѣ семейныя бури миновали только одну ее. На мой поклонъ она кивнула мнѣ головой. Я пришелъ къ себѣ совсѣмъ злой.

Конечно, я избѣгалъ говорить съ нею и ни разу не сходился съ нею послѣ происшествія съ Вурмергельмами. При этомъ я отчасти форсилъ и ломался; но чѣмъ дальше шло время, тѣмъ все болѣе и болѣе на-

кипало во мнѣ настоящее негодованіе. Если бы даже она и не любила меня нисколько, все-таки нельзя бы, кажется, такъ топтать мои чувства и съ такимъ пренебреженіемъ принимать мои признанія. Вѣдь она знаетъ же, что я взаправду люблю ее; вѣдь она сама допускала, позволяла мнѣ такъ говорить съ нею! Правда, это какъ-то странно началось у насъ. Нѣкоторое время, давно ужъ, мѣсяца два назадъ, я сталъ замѣчать, что она хочетъ сдѣлать меня своимъ другомъ, повѣреннымъ, и даже отчасти ужъ и пробуетъ. Но это почему-то не пошло у насъ тогда въ ходъ; вотъ, взамѣнъ того, и остались странныя теперешнія отношенія; оттого-то и сталъ я такъ говорить съ нею. Но если ей противна моя любовь, зачѣмъ прямо не запретить мнѣ говорить о ней?

Мнѣ не запрещаютъ; даже сама она вызывала иной разъ меня на разговоръ и... конечно, дѣлала это на смѣхъ. Я знаю навѣрное, я это твердо замѣтилъ, — ей было пріятно, выслушавъ и раздраживъ меня до боли, вдругъ меня огорошить какою-нибудь выходкою величайшаго презрѣнія и невниманія. И вѣдь знаетъ же она, что я безъ нея жить не могу. Вотъ, теперь три дня прошло послѣ исторіи съ барономъ, а я уже не могу выносить нашей *разлуки*. Когда я ее встрѣтилъ сейчасъ у вокзала, у меня забилось сердце такъ, что я поблѣднѣлъ. Но вѣдь и она же безъ меня не проживетъ! Я ей нуженъ и — неужели, неужели только какъ шутъ Балакиревъ?

У ней тайна — это ясно! Разговоръ ея съ бабушкой больно уколол мое сердце. Вѣдь я тысячу разъ вызывалъ ее быть со мною откровенной, и вѣдь она знала, что я дѣйствительно готовъ за нее голову мою положить. Но она всегда отдѣлывалась чуть не презрѣніемъ, или, вмѣсто жертвы жизнью, которую я предлагалъ ей, — требовала отъ меня такихъ выходокъ, какъ тогда съ барономъ! Развѣ это не возму-

тительно? Неужели весь міръ для нея въ этомъ французѣ? А мистеръ Астлей? Но, тутъ уже дѣло становилось рѣшительно непонятнымъ, а между тѣмъ — Боже, какъ я мучился!

Придя домой, въ порывѣ бѣшенства я схватилъ перо и настрочилъ ей слѣдующее:

«Полина Александровна, я вижу ясно, что пришла развязка, которая задѣнетъ, конечно, и васъ. Послѣдній разъ повторяю: нужна или нѣтъ вамъ моя голова? Если буду нуженъ, хоть *на что-нибудь*, — располагайте, а я покамѣстъ сижу въ своей комнатѣ, по крайней мѣрѣ, большею частью, и никуда не уѣду. Надо будетъ, — то напишите иль позовите».

Я запечаталъ и отправилъ эту записку съ коридорнымъ лакеемъ, съ приказаніемъ отдать прямо въ руки. Отвѣта я не ждалъ, но черезъ три минуты лакей воротился съ извѣстіемъ, что «приказали кланяться».

Часу въ седьмомъ меня позвали къ генералу.

Онъ былъ въ кабинетѣ, одѣтъ какъ бы собираясь куда-то идти. Шляпа и палка лежали на диванѣ. Мнѣ показалось, входя, что онъ стоялъ среди комнаты, разставивъ ноги, опустя голову, и что-то говорилъ вслухъ самъ съ собой. Но только что онъ завидѣлъ меня, — какъ бросился ко мнѣ чуть не съ крикомъ, такъ что я невольно отшатнулся и хотѣлъ было убѣжать; но онъ схватилъ меня за обѣ руки и потащилъ къ дивану; самъ сѣлъ на диванъ, меня посадилъ прямо противъ себя въ кресла и, не выпуская моихъ рукъ, съ дрожащими губами, со слезами, заблиставшими вдругъ на его рѣсницахъ, умоляющимъ голосомъ проговорилъ:

— Алексѣй Ивановичъ, спасите, спасите, пощадите!

Я долго не могъ ничего понять; онъ все говорилъ, говорилъ, говорилъ, и все повторялъ: «пощадите, пощадите!» Наконецъ, я догадался, что онъ ожидаетъ отъ

меня чего-то въ родѣ совѣта; или, лучше сказать, всѣми оставленный, въ тоскѣ и тревогѣ, онъ вспомнилъ обо мнѣ и позвалъ меня, чтобъ только говорить, говорить, говорить.

Онъ помѣшался, по крайней мѣрѣ, въ высшей степени потерялся. Онъ складывалъ руки и готовъ былъ броситься предо мной на колѣни, чтобы — (какъ вы думаете?) — чтобы я сейчасъ же шелъ къ m-lle Blanche и упросилъ, усовѣстилъ ее воротиться къ нему и выйти за него замужъ.

— Помилуйте, генералъ, — вскричалъ я, — да m-lle Blanche, можетъ быть, еще и не замѣтила меня до сихъ поръ? Что могу я сдѣлать?

Но напрасно было и возражать; онъ не понималъ, что ему говорятъ. Пускался онъ говорить и о бабушкѣ, но только ужасно безсвязно; онъ все еще стоялъ на мысли послать за полиціею.

— У насъ, у насъ, — начиналъ онъ, вдругъ вскипая негодованіемъ, — однимъ словомъ, у насъ, въ благоустроенномъ государствѣ, гдѣ есть начальство, надъ такими старухами тотчасъ бы опеку устроили! Да-съ, милостивый государь, да-съ, — продолжалъ онъ, вдругъ впадая въ распекательный тонъ, вскочивъ съ мѣста и расхаживая по комнатѣ; — вы еще не знали этого, милостивый государь, — обратился онъ къ какому-то воображаемому милостивому государю въ уголъ, — такъ вотъ и узнаете... да-съ... у насъ этакихъ старухъ въ дугу гнутъ, въ дугу, въ дугу-съ, да-съ... О, чортъ возьми!

И онъ бросался опять на диванъ, а черезъ минуту, чуть не всхлипывая, задыхаясь, спѣшилъ разсказать мнѣ, — что m-lle Blanche оттого вѣдь за него не выходитъ, что вмѣсто телеграммы пріѣхала бабушка и что теперь уже ясно, что онъ не получитъ наслѣдства. Ему казалось, что ничего еще этого я не знаю. Я было заговорилъ о Де-Гріе; онъ махнулъ рукою:

— Уѣхалъ! У него все мое въ закладѣ; я голъ, какъ соколъ! Тѣ деньги, которыя вы привезли... тѣ деньги, — я не знаю, сколько тамъ, кажется, франковъ семьсотъ осталось, и довольно-съ, вотъ и всѣ, а дальше — не знаю-съ, не знаю-съ!..

— Какъ же вы въ отелѣ расплатитесь? — вскричалъ я въ испугѣ, — и... потомъ что же?

Онъ задумчиво посмотрѣлъ, но, кажется, ничего не понялъ и даже, можетъ быть, не разслышалъ меня. Я попробовалъ было заговорить о Полинѣ Александровнѣ, о дѣтяхъ; онъ наскоро отвѣчалъ: да! да! но тотчасъ же опять пускался говорить о князѣ, о томъ, что теперь уѣдетъ съ нимъ Blanche и тогда... и тогда — «что же мнѣ дѣлать, Алексѣй Ивановичъ? — обращался онъ вдругъ ко мнѣ, — клянусь Богомъ! Что же мнѣ дѣлать, — скажите, вѣдь это неблагодарность! Вѣдь это же неблагодарность?»

Наконецъ, онъ залился въ три ручья слезами.

Нечего было дѣлать съ такимъ человѣкомъ; оставить его одного тоже было опасно; пожалуй, могло съ нимъ что-нибудь приключиться. Я, впрочемъ, отъ него кое-какъ избавился, но далъ знать нянюшкѣ, чтобъ та навѣдывалась почаще, до кромѣ того поговорилъ съ коридорнымъ лакеемъ, очень толковымъ малымъ; тотъ обѣщаялся мнѣ тоже съ своей стороны присматривать.

Едва только оставилъ я генерала, какъ явился ко мнѣ Потапычъ, съ зовомъ къ бабушкѣ. Было восемь часовъ, и она только что воротилась изъ вокзала послѣ окончательнаго проигрыша. Я отправился къ ней; старуха сидѣла въ креслахъ, совсѣмъ измученная и видимо больная. Марѳа подавала ей чашку чаю, которую почти насильно заставила ее выпить. И голосъ, и тонъ бабушки ярко измѣнились.

— Здравствуйте, батюшка, Алексѣй Ивановичъ, — сказала она медленно и важно склоняя голову, —

извините, что еще разъ побезпокоила, простите старому человѣку. Я, отецъ мой, все тамъ оставила, почти сто тысячъ рублей. Правъ ты былъ, что вчера не пошелъ со мною. Теперь я безъ денегъ, гроша нѣтъ. Медлить не хочу ни минуты, въ девять съ половиною и поѣду. Послала я къ этому твоему англичанину, Астлею, что ли, и хочу у него спросить три тысячи франковъ на недѣлю. Такъ убѣди ты его, чтобъ онъ какъ-нибудь чего не подумалъ и не отказалъ. Я еще, отецъ мой, довольно богата. У меня три деревни и два дома есть. Да и денегъ еще найдется, не всѣ съ собой взяла. Для того я это говорю, чтобъ не усомнился онъ какъ-нибудь... А, да вотъ и онъ! Видно хорошаго человѣка.

Мистеръ Астлей поспѣшилъ по первому зову бабушки. Нимало не думая и много не говоря, онъ тотчасъ же отсчиталъ ей три тысячи франковъ подъ вексель, который бабушка и подписала. Кончивъ дѣло, онъ откланялся и поспѣшилъ выйти.

— А теперь ступай и ты, Алексѣй Ивановичъ. Осталось часъ съ небольшимъ — хочу прилечь, кости болятъ. Не взыщи на мнѣ, старой дурѣ. Теперь ужъ не буду молодыхъ обвинять въ легкомысліи, да и того несчастнаго, генерала-то вашего, тоже грѣшно мнѣ теперь обвинять. Денегъ я ему все-таки не дамъ, какъ онъ хочетъ, потому — ужъ совсѣмъ онъ на мой взглядъ глупехонекъ, только и я, старая дура, не умнѣе его. Подлинно, Богъ и на старости взыщетъ и накажетъ гордыню. Ну, прощай. Марѳуша, подыми меня!

Я, однако, желалъ проводить бабушку. Кромѣ того, я былъ въ какомъ-то ожиданіи, я все ждалъ, что вотъ-вотъ сейчасъ что-то случится. Мнѣ не сидѣлось у себя. Я выходилъ въ коридоръ, даже на минуту вышелъ побродить по аллеѣ. Письмо мое къ ней было ясно и рѣшительно, а теперешняя катастрофа — ужъ, конечно, окончательная. Въ отелѣ я услышалъ объ

отъѣздѣ Де-Гріе. Наконецъ, если она меня и отвергнетъ, какъ друга, то — можетъ быть, какъ слугу, не отвергнетъ. Вѣдь нуженъ же я ей, хоть на посылки да пригожусь, какъ же иначе!

Ко времени поѣзда, я сбѣгалъ на дебаркадеръ и усадилъ бабушку. Они всѣ усѣлись въ особый семейный вагонъ. — «Спасибо тебѣ, батюшка, за твое безкорыстное участіе, — простилась она со мною, — да передай Прасковьѣ то, о чемъ я вчера ей говорила, — я ее буду ждать».

Я пошелъ домой. Проходя мимо генеральскаго номера, я встрѣтилъ нянюшку и освѣдомился о генералѣ. — И, батюшка, ничего, — отвѣчала та уныло. Я, однако, зашелъ, но въ дверяхъ кабинета остановился въ рѣшительномъ изумленіи. M-lle Blanche и генералъ хохотали о чемъ-то взапуски. Veuve Cominges сидѣла тутъ же на диванѣ. Генералъ былъ, видимо, безъ ума отъ радости, лепеталъ всякую безсмыслицу и заливался нервнымъ длиннымъ смѣхомъ, отъ котораго все лицо его складывалось въ безчисленное множество морщинокъ и куда-то прятались глаза. Послѣ я узналъ отъ самой же Blanche, что она, прогнавъ князя и узнавъ о плачѣ генерала, вздумала его утѣшить и зашла къ нему на минутку. Но не зналъ бѣдный генералъ, что въ эту минуту участь его была рѣшена и что Blanche уже начала укладываться, чтобъ завтра же, съ первымъ утреннимъ поѣздомъ, летѣть въ Парижъ.

Постоявъ на порогѣ генеральскаго кабинета, я раздумалъ входить и вышелъ незамѣченный. Поднявшись къ себѣ и отворивъ дверь, я въ полутемнотѣ замѣтилъ вдругъ какую-то фигуру, сидѣвшую на стулѣ, въ углу, у окна. Она не поднялась при моемъ появленіи. Я быстро подошелъ, посмотрѣлъ и — духъ у меня захватило: это была Полина!

XIV

Я такъ и вскрикнулъ.

— Что же? Что же? — странно спрашивала она. Она была блѣдна и смотрѣла мрачно.

— Какъ что же? Вы? Здѣсь, у меня!

— Если я прихожу, то ужъ *вся* прихожу. Это моя привычка. Вы сейчасъ это увидите; зажгите свѣчу.

Я зажегъ свѣчку. Она встала, подошла къ столу и положила предо мной распечатанное письмо.

— Прочтите, — велѣла она.

— Это, — это рука Де-Гріе! — вскричалъ я, схвативъ письмо. Руки у меня тряслись и строчки прыгали передъ глазами. Я забылъ точныя выраженія письма, но вотъ оно, — хоть не слово въ слово, такъ по крайней мѣрѣ, мысль въ мысль.

«Mademoiselle, — писалъ Де-Гріе, — неблагопріятныя обстоятельства заставляютъ меня уѣхать немедленно. Вы, конечно, сами замѣтили, что я нарочно избѣгалъ окончательнаго объясненія съ вами до тѣхъ поръ, пока не разъяснились всѣ обстоятельства. Пріѣздъ старой (de la vieille dame) вашей родственницы и нелѣпый ея поступокъ покончили всѣ мои недоумѣнія. Мои собственныя разстроенныя дѣла запрещаютъ мнѣ окончательно питать дальнѣйшія сладостныя надежды, которыми я позволялъ себѣ упиваться нѣкоторое время. Сожалѣю о прошедшемъ, но надѣюсь, что въ поведеніи моемъ вы не отыщете ничего, что недостойно жантилома и честнаго человѣка (gentilhomme et honnête homme). Потерявъ почти всѣ мои деньги въ долгахъ на отчимѣ вашемъ, я нахожусь въ крайней необходимости воспользоваться тѣмъ, что мнѣ остается: я уже далъ знать въ Петербургъ моимъ друзьямъ, чтобъ немедленно распорядились продажею заложеннаго мнѣ имущества; зная, однакоже, что легкомысленный отчимъ

вашъ растратилъ ваши собственныя деньги, я рѣшился простить ему пятьдесятъ тысячъ франковъ и на эту сумму возвращаю ему часть закладныхъ на его имущество, такъ что вы поставлены теперь въ возможность воротить все, что потеряли, потребовавъ съ него имѣніе судебнымъ порядкомъ. Надѣюсь, mademoiselle, что при теперешнемъ состояніи дѣлъ мой поступокъ будетъ для васъ весьма выгоденъ. Надѣюсь тоже, что этимъ поступкомъ я вполнѣ исполняю обязанность человѣка честнаго и благороднаго. Будьте увѣрены, что память о васъ запечатлѣна навѣки въ моемъ сердцѣ».

— Что же, это все ясно, — сказалъ я, обращаясь къ Полинѣ, — неужели вы могли ожидать чего-нибудь другого, — прибавилъ я съ негодованіемъ.

— Я ничего не ожидала, — отвѣчала она, повидимому спокойно, но что-то какъ бы вздрагивало въ ея голосѣ; — я давно все порѣшила; я читала его мысли и узнала, что онъ думаетъ. Онъ думалъ, что я ищу... что я буду настаивать... (Она остановилась и, не договоривъ, закусила губу и замолчала.) Я нарочно удвоила мое къ нему презрѣніе, — начала она опять, — я ждала, что отъ него будетъ? Если бъ пришла телеграмма о наслѣдствѣ, — я бы швырнула ему долгъ этого идіота (отчима) и прогнала его! Онъ мнѣ былъ давно, давно ненавистенъ. О, это былъ не тотъ человѣкъ прежде, тысячу разъ не тотъ, а теперь, а теперь!.. О, съ какимъ бы счастіемъ я бросила ему теперь въ его подлое лицо эти пятьдесятъ тысячъ и плюнула бы... и растерла бы плевокъ!

— Но бумага, — эта возвращенная имъ закладная на пятьдесятъ тысячъ, вѣдь она у генерала? Возьмите и отдайте Де-Гріе.

— О, не то! Не то!..

— Да, правда, правда, не то! Да и къ чему генералъ теперь способенъ? А бабушка? — вдругъ вскричалъ я.

Полина какъ-то разсѣянно и нетерпѣливо на меня посмотрѣла.

— Зачѣмъ бабушка? — съ досадой проговорила Полина, — я не могу идти къ ней... Да и ни у кого не хочу прощенія просить, — прибавила она раздражительно.

— Что же дѣлать! — вскричалъ я, — и какъ, ну, какъ это вы могли любить Де-Гріе! О, подлецъ, подлецъ! Ну, хотите, я его убью на дуэли! Гдѣ онъ теперь?

— Онъ во Франкфуртѣ, и проживетъ тамъ три дня.

— Одно ваше слово, и я ѣду, завтра же, съ первымъ поѣздомъ! — проговорилъ я въ какомъ-то глупомъ энтузіазмѣ.

Она засмѣялась.

— Что же, онъ скажетъ еще, пожалуй: сначала возвратите пятьдесятъ тысячъ франковъ. Да и за что ему драться?.. Какой это вздоръ!

— Ну такъ гдѣ же, гдѣ же взять эти пятьдесятъ тысячъ франковъ, — повторялъ я, скрежеща зубами, — точно такъ и возможно было вдругъ ихъ поднять на полу. — Послушайте: мистеръ Астлей? — спросилъ я, обращась къ ней съ началомъ какой-то странной идеи.

У ней глаза засверкали.

— Что же, развѣ *ты самъ* хочешь, чтобъ я отъ тебя ушла къ этому англичанину! — проговорила она, пронизывающимъ взглядомъ смотря мнѣ въ лицо и горько улыбаясь. Первый разъ въ жизни сказала она мнѣ *ты*.

Кажется, у ней въ эту минуту закружилась голова отъ волненія, и вдругъ она сѣла на диванъ, какъ бы въ изнеможеніи.

Точно молнія опалила меня; я стоялъ и не вѣрилъ глазамъ, не вѣрилъ ушамъ! Что же, стало быть, она меня любитъ! Она пришла *ко мнѣ*, а не къ

мистеру Астлею! Она, одна, дѣвушка, пришла ко мнѣ въ комнату, въ отель, — стало быть, компрометировала себя всенародно, — и я, я стою передъ ней и еще не понимаю!

Одна дикая мысль блеснула въ моей головѣ.

— Полина! Дай мнѣ только одинъ часъ! Подожди здѣсь только часъ и . . . я вернусь! Это . . . это необходимо! Увидишь! Будь здѣсь, будь здѣсь!

И я выбѣжалъ изъ комнаты, не отвѣчая на ея удивленный вопросительный взглядъ; она крикнула мнѣ что-то вслѣдъ, но я не воротился.

Да, иногда самая дикая мысль, самая съ виду невозможная мысль до того сильно укрѣпляется въ головѣ, что ее принимаешь, наконецъ, за что-то осуществимое . . . Мало того: если идея соединяется съ сильнымъ, страстнымъ желаніемъ, то, пожалуй, иной разъ примешь ее, наконецъ, за нѣчто фатальное, необходимое, предназначенное, за нѣчто такое, что ужъ не можетъ не быть и не случиться! Можетъ быть, тутъ есть еще что-нибудь, какя-нибудь комбинація предчувствій, какое-нибудь необыкновенное усиліе воли, самоотравленіе собственной фантазіей или еще что-нибудь, — не знаю; но со мною въ этотъ вечеръ (который я никогда въ жизни не позабуду) случилось происшествіе чудесное. Оно хоть и совершенно оправдывается ариѳметикою, но тѣмъ не менѣе — для меня еще до сихъ поръ чудесное. И почему, почему эта увѣренность такъ глубоко, крѣпко засѣла тогда во мнѣ и уже съ такихъ давнихъ поръ? Ужъ вѣрно я помышлялъ объ этомъ, — повторяю вамъ, — не какъ о случаѣ, который можетъ быть въ числѣ прочихъ (а, стало быть, можетъ и не быть), но какъ о чемъ-то такомъ, что никакъ ужъ не можетъ не случиться!

Было четверть одиннадцатаго; я вошелъ въ вокзалъ въ такой твердой надеждѣ и, въ то же время, въ такомъ волненіи, какого я еще никогда не испыты-

валъ. Въ игорныхъ залахъ народу было еще довольно, хотя меньше утрешняго.

Въ одиннадцатомъ часу у игорныхъ столовъ остаются настоящіе, отчаянные игроки, для которыхъ, на водахъ — существуетъ только одна рулетка, которые и пріѣхали для нея одной, которые плохо замѣчаютъ, что вокругъ нихъ происходитъ, и ничѣмъ не интересуются во весь сезонъ, а только играютъ съ утра до ночи и готовы были бы играть, пожалуй, и всю ночь до разсвѣта, если бы можно было. И всегда они съ досадой расходятся, когда въ двѣнадцать часовъ закрываютъ рулетку. И когда старшій крупёръ, предъ закрытіемъ рулетки, около двѣнадцати часовъ, возглашаетъ: «Les trois derniers coups, messieurs!» то они готовы проставить иногда на этихъ трехъ послѣднихъ ударахъ все, что у нихъ есть въ карманѣ, — и, дѣйствительно, тутъ-то наиболѣе и проигрываются. Я прошелъ къ тому самому столу, гдѣ давеча сидѣла бабушка. Было не очень тѣсно, такъ что я очень скоро занялъ мѣсто у стола стоя. Прямо предо мной, на зеленомъ суднѣ, начертано было слово: «*Passe*».

«*Passe*» — это рядъ цифръ отъ девятнадцати включительно до тридцати шести. Первый же рядъ, отъ перваго до восемнадцати включительно, называется «*Manque*»; но какое мнѣ было до этого дѣло? Я не разсчитывалъ, я даже не слыхалъ, на какую цифру легъ послѣдній ударъ, и объ этомъ не справился, начиная игру, — какъ бы сдѣлалъ всякій чуть-чуть разсчитывающій игрокъ. Я вытащилъ всѣ мои двадцать фридрихсдоровъ и бросилъ на бывшій предо мною «*passe*».

— Vingt deux! — закричалъ крупёръ.

Я выигралъ и опять поставилъ все: и прежнее, и выигрышъ.

— Trente et un, — прокричалъ крупёръ. Опять выигрышъ. Всего ужъ, стало быть, у меня восемьдесятъ фридрихсдоровъ! Я двинулъ всѣ восемьдесятъ

на двѣнадцать среднихъ цифръ (тройной выигрышъ, но два шанса противъ себя) — колесо завертѣлось и вышло двадцать четыре. Мнѣ выложили три свертка по пятидесяти фридрихсдоровъ и десять золотыхъ монетъ; всего съ прежнимъ, очутилось у меня двѣсти фридрихсдоровъ.

Я былъ какъ въ горячкѣ, и двинулъ всю эту кучу денегъ на красную, — и вдругъ опомнился! И только разъ во весь этотъ вечеръ, во всю игру, страхъ прошелъ по мнѣ холодомъ и отозвался дрожью въ рукахъ и ногахъ. Я съ ужасомъ ощутилъ и мгновенно сознаЛъ: что для меня теперь значитъ проиграть! Стояла на ставкѣ вся моя жизнь!

— Rouge! — крикнулъ крупёръ, — и я перевелъ духъ; огненныя мурашки посыпались по моему тѣлу. Со мною расплатились банковыми билетами; стало быть, всего, ужъ четыре тысячи флориновъ и восемьдесятъ фридрихсдоровъ! (Я еще могъ слѣдить тогда за счетомъ.)

Затѣмъ, помнится, я поставилъ двѣ тысячи флориновъ опять на двѣнадцать среднихъ и проигралъ: поставилъ мое золото и восемьдесятъ фридрихсдоровъ и проигралъ. Бѣшенство овладѣло мною: я схватилъ послѣднія оставшіяся мнѣ двѣ тысячи флориновъ и поставилъ на двѣнадцать первыхъ — такъ, на авось, зря, безъ расчета! Впрочемъ, было одно мгновеніе ожиданія, похожее, можетъ быть, впечатлѣніемъ на впечатлѣніе, испытанное m-me Blanchard, когда она, въ Парижѣ, летѣла съ воздушнаго шара на землю.

— Quatre! — крикнулъ крупёръ. Всего, съ прежнею ставкою, опять очутилось шесть тысячъ флориновъ. Я уже смотрѣлъ, какъ побѣдитель, я уже ничего теперь не боялся и бросилъ четыре тысячи флориновъ на черную. Человѣкъ десять бросилось, вслѣдъ за мною, тоже ставить на черную. Крупёры переглядывались и переговаривались. Кругомъ говорили и ждали.

Вышла черная. Не помню я ужъ тутъ ни рас-

чета, ни порядка моихъ ставокъ. Помню только, какъ во снѣ, что я ужъ выигралъ, кажется, тысячъ шестнадцать флориновъ; вдругъ, тремя несчастными ударами, спустилъ изъ нихъ двѣнадцать; потомъ двинулъ послѣднія четыре тысячи на «*passe*» (но ужъ почти ничего не ощущалъ при этомъ; я только ждалъ, какъ-то механически, безъ мысли) — и опять выигралъ; затѣмъ выигралъ еще четыре раза сряду. Помню только, что я забиралъ деньги тысячами; запоминаю я тоже, что чаще всѣхъ выходили двѣнадцать среднихъ, къ которымъ я и привязался. Они появлялись какъ-то регулярно, — непремѣнно раза три, четыре сряду, потомъ исчезали на два раза и потомъ возвращались опять раза на три или на четыре кряду. Эта удивительная регулярность встрѣчается иногда полосами, — и вотъ это-то и сбиваетъ съ толку записныхъ игроковъ, разсчитывающихъ съ карандашомъ въ рукахъ. И какія здѣсь случаются иногда ужасныя насмѣшки судьбы!

Я думаю, съ моего прибытія времени прошло не болѣе получаса. Вдругъ крупёръ увѣдомилъ меня, что я выигралъ тридцать тысячъ флориновъ, а такъ какъ банкъ за одинъ разъ больше не отвѣчаетъ, то, стало быть, рулетку закроютъ до завтрашняго утра. Я схватилъ все мое золото, ссыпалъ его въ карманы, схватилъ всѣ билеты и тотчасъ перешелъ на другой столъ, въ другую залу, гдѣ была другая рулетка; за мною хлынула вся толпа; тамъ тотчасъ же очистили мнѣ мѣсто, и я пустился ставить опять, зря и не считая. Не понимаю, что меня спасло!

Иногда, впрочемъ, начиналъ мелькать въ головѣ моей расчетъ. Я привязывался къ инымъ цифрамъ и шансамъ, но скоро оставлялъ ихъ и ставилъ опять, почти безъ сознанія. Должно быть, я былъ очень разсѣянъ; помню, что крупёры нѣсколько разъ поправляли мою игру. Я дѣлалъ грубыя ошибки. Виски мои были смочены пòтомъ, и руки дрожали. Подскакивали было и поляч-

ки съ услугами, но я никого не слушалъ. Счастье не прерывалось! Вдругъ кругомъ поднялся громкій говоръ и смѣхъ. «Браво, браво!» кричали всѣ, иные даже захлопали въ ладоши. Я сорвалъ и тутъ тридцать тысячъ флориновъ, и банкъ опять закрыли до завтра.

— Уходите, уходите, — шепталъ мнѣ чей-то голосъ справа. Это былъ какой-то франкфуртскій жидъ; онъ все время стоялъ подлѣ меня и, кажется, помогалъ мнѣ иногда въ игрѣ.

— Ради Бога, уходите, — прошепталъ другой голосъ надъ лѣвымъ моимъ ухомъ. Я мелькомъ взглянулъ. Это было весьма скромно и прилично одѣтая дама, лѣтъ подъ тридцать, съ какимъ-то болѣзненно-блѣднымъ, усталымъ лицомъ, но напоминавшимъ и теперь ея чудную прежнюю красоту. Въ эту минуту я набивалъ карманы билетами, которые такъ и комкалъ, и собиралъ оставшееся на столѣ золото. Захвативъ послѣдній свертокъ въ пятьдесятъ фридрихсдоровъ, я успѣлъ, совсѣмъ непримѣтно, сунуть его въ руку блѣдной дамѣ; мнѣ это ужасно захотѣлось тогда сдѣлать, и тоненькіе, худенькіе ея пальчики, помню, крѣпко сжали мою руку, въ знакъ живѣйшей благодарности. Все это произошло въ одно мгновеніе.

Собравъ все, я быстро перешелъ на trente et quarante.

За trente et quarante сидитъ публика аристократическая. Это не рулетка, это карты. Тутъ банкъ отвѣчаетъ за сто тысячъ талеровъ разомъ. Наибольшая ставка тоже четыре тысячи флориновъ. Я совершенно не зналъ игры и не зналъ почти ни одной ставки, кромѣ красной и черной, которыя тутъ тоже были. Къ нимъ-то я и привязался. Весь вокзалъ столпился кругомъ. Не помню, подумалъ ли я въ то время хоть разъ о Полинѣ. Я тогда ощущалъ какое-то непреодолимое наслажденіе хватать и загребать банковые билеты, нараставшіе кучею предо мной.

Дѣйствительно, точно судьба толкала меня. На этотъ разъ, какъ нарочно, случилось одно обстоятельство, довольно, впрочемъ, часто повторяющееся въ игрѣ. Привяжется счастіе, напримѣръ, къ красной и не оставляетъ ее разъ десять, даже пятнадцать сряду. Я слышалъ еще третьяго дня, что красная на прошлой недѣлѣ вышла двадцать два раза сряду; этого даже и не запомнятъ на рулеткѣ, и разсказывали съ удивленіемъ. Разумѣется, всѣ тотчасъ же оставляютъ красную и уже послѣ десяти разъ, напримѣръ, почти никто не рѣшается на нее ставить. Но и на черную, противоположную красной, не ставитъ тогда никто изъ опытныхъ игроковъ. Опытный игрокъ знаетъ, что значитъ это «своенравіе случая». Напримѣръ, казалось бы, что послѣ шестнадцати разъ красной, семнадцатый ударъ непремѣнно ляжетъ на черную. На это бросаются новички толпами, удвоиваютъ и утроиваютъ куши, и страшно проигрываются.

Но я, по какому-то странному своенравію, замѣтивъ, что красная вышла семь разъ сряду, нарочно къ ней привязался. Я убѣжденъ, что тутъ на половину было самолюбія; мнѣ хотѣлось удивить зрителей безумнымъ рискомъ, и — о, странное ощущеніе — я помню отчетливо, что мною вдругъ, дѣйствительно, безъ всякаго вызова самолюбія овладѣла ужасная жажда риску. Можетъ быть, перейдя чрезъ столько ощущеній, душа не насыщается, а только раздражается ими и требуетъ ощущеній еще, все сильнѣй и сильнѣй, до окончательнаго утомленія. И, право не лгу, если бъ уставъ игры позволялъ поставить пятьдесятъ тысячъ флориновъ разомъ, я бы поставилъ ихъ навѣрно. Кругомъ кричали, что это безумно, что красная уже выходитъ четырнадцатый разъ!

— Monsieur a gagné déjà cent mille florins, — раздался подлѣ меня чей-то голосъ.

Я вдругъ очнулся. Какъ? Я выигралъ въ этотъ

вечеръ сто тысячъ флориновъ! Да къ чему же мнѣ больше? Я бросился на билеты, скомкалъ ихъ въ карманъ, не считая, загребъ все мое золото, всѣ свертки и побѣжалъ изъ вокзала. Кругомъ всѣ смѣялись, когда я проходилъ по заламъ, глядя на мои оттопыренные карманы и на неровную походку отъ тяжести золота. Я думаю, его было гораздо болѣе полупуда. Нѣсколько рукъ протянулось ко мнѣ; я раздавалъ горстями, сколько захватывалось. Два жида остановили меня у выхода.

— Вы смѣлы! Вы очень смѣлы! — сказали они мнѣ, — но уѣзжайте завтра утромъ непремѣнно, какъ можно раньше, не то вы все, все проиграете...

Я ихъ не слушалъ. Аллея была темна, такъ что руки своей нельзя было различить. До отеля было съ полверсты. Я никогда не боялся ни воровъ, ни разбойниковъ, даже маленькій; не думалъ о нихъ и теперь. Я, впрочемъ, не помню, о чемъ я думалъ дорогою; мысли не было. Ощущалъ я только какое-то ужасное наслажденіе — удачи, побѣды, могущества, — не знаю, какъ выразиться. Мелькалъ предо мною и образъ Полины; я помнилъ и сознавалъ, что иду къ ней, сейчасъ съ нею сойдусь и буду ей разсказывать, покажу... Но я уже едва вспомнилъ о томъ, что она мнѣ давеча говорила, и зачѣмъ я пошелъ, и всѣ тѣ недавнія ощущенія, бывшія всего полтора часа назадъ, казались мнѣ ужъ теперь чѣмъ-то давно прошедшимъ, исправленнымъ, устарѣвшимъ, — о чемъ мы уже не будемъ болѣе поминать, потому что теперь начнется все сызнова. Почти ужъ въ концѣ аллеи, вдругъ страхъ напалъ на меня: «что если меня сейчасъ убьютъ и ограбятъ!» Съ каждымъ шагомъ мой страхъ возрасталъ вдвое. Я почти бѣжалъ. Вдругъ, въ концѣ аллеи, разомъ блеснулъ весь нашъ отель, освѣщенный безчисленными огнями, — слава Богу: дома!

Я добѣжалъ въ свой этажъ и быстро растворилъ

дверь. — Полина была тутъ и сидѣла на моемъ диванѣ, передъ зажженною свѣчою, скрестя руки. Съ изумленіемъ она на меня посмотрѣла, и, ужъ конечно, въ эту минуту я былъ довольно страненъ на видъ. Я остановился предъ нею и сталъ выбрасывать на столъ всю мою груду денегъ.

XV

Помню, она ужасно пристально смотрѣла въ мое лицо, но, не трогаясь съ мѣста, не измѣняя даже своего положенія.

— Я выигралъ двѣсти тысячъ франковъ, — вскричалъ я, выбрасывая послѣдній свертокъ. Огромная груда билетовъ и свертковъ золота заняла весь столъ; я не могъ уже отвести отъ нея моихъ глазъ; минутами я совсѣмъ забывалъ о Полинѣ. То начиналъ я приводить въ порядокъ эти кучи банковыхъ билетовъ, складывалъ ихъ вмѣстѣ, то откладывалъ въ одну общую кучу золото; то бросалъ все и пускался быстрыми шагами ходить по комнатѣ, задумывался, потомъ вдругъ опять подходилъ къ столу, опять начиналъ считать деньги. Вдругъ, точно опомнившись, я бросился къ дверямъ и поскорѣе заперъ ихъ, два раза обернувъ ключъ. Потомъ остановился, въ раздумьи, предъ маленькимъ моимъ чемоданомъ.

— Развѣ въ чемоданъ положить до завтра? — спросилъ я, вдругъ обернувшись къ Полинѣ, и вдругъ вспомнилъ о ней. Она же все сидѣла, не шевелясь, на томъ же мѣстѣ, но пристально слѣдила за мной. Странно какъ-то было выраженіе ея лица; не понравилось мнѣ это выраженіе! Не ошибусь, если скажу, что въ немъ была ненависть.

Я быстро подошелъ къ ней.

— Полина, вотъ двадцать пять тысячъ флори-

нокъ, — это пятьдесятъ тысячъ франковъ, даже больше. Возьмите, бросьте ихъ ему завтра въ лицо.

Она не отвѣтила мнѣ.

— Если хотите, я отвезу самъ, рано утромъ. Такъ?

Она вдругъ засмѣялась. Она смѣялась долго.

Я съ удивленіемъ и съ скорбнымъ чувствомъ смотрѣлъ на нее. Этотъ смѣхъ очень похожъ былъ на недавній, частный, насмѣшливый смѣхъ ея надо мною, всегда приходившійся во время самыхъ страстныхъ моихъ объясненій. Наконецъ, она перестала и нахмурилась; строго оглядывала она меня исподлобья.

— Я не возьму вашихъ денегъ, — проговорила она презрительно.

— Какъ? Что это? — закричалъ я, — Полина, почему же?

— Я даромъ денегъ не беру.

— Я предлагаю вамъ, какъ другъ; я вамъ жизнь предлагаю.

Она посмотрѣла на меня долгимъ, пытливымъ взглядомъ, какъ бы пронзить меня имъ хотѣла.

— Вы дорого даете, — проговорила она, усмѣхаясь; — любовница Де-Гріе не стоитъ пятидесяти тысячъ франковъ.

— Полина, какъ можно такъ со мною говорить! — вскричалъ я съ укоромъ, — развѣ я Де-Гріе?

— Я васъ ненавижу! Да... да!.. Я васъ не люблю больше, чѣмъ Де-Гріе, — вскричала она, вдругъ сверкнувъ глазами.

Тутъ она закрыла вдругъ руками лицо, и съ нею сдѣлалась истерика. Я бросился къ ней.

Я понялъ, что съ нею что-то безъ меня случилось. Она была совсѣмъ какъ бы не въ своемъ умѣ.

— Покупай меня! Хочешь? Хочешь? За пятьдесятъ тысячъ франковъ, какъ Де-Гріе? — вырывалось

у ней съ судорожными рыданіями. Я обхватилъ ее, цѣловалъ ея руки, ноги, упалъ предъ нею на колѣни.

Истерика ея проходила. Она положила обѣ руки на мои плечи и пристально меня разсматривала; казалось, что-то хотѣла прочесть на моемъ лицѣ. Она слушала меня, но видимо не слыхала того, что я ей говорилъ. Какая-то забота и вдумчивость явились въ лицѣ ея. Я боялся за нее; мнѣ рѣшительно казалось, что у ней умъ мѣшается. То вдругъ начинала она тихо привлекать меня къ себѣ; довѣрчивая улыбка уже блуждала въ ея лицѣ; и вдругъ она меня отталкивала, и опять омраченнымъ взглядомъ принималась въ меня всматриваться.

Вдругъ она бросилась обнимать меня.

— Вѣдь ты меня любишь, любишь? — говорила она, — вѣдь ты, вѣдь ты... за меня съ барономъ драться хотѣлъ! — И вдругъ она расхохоталась, — точно что-то смѣшное и милое мелькнуло вдругъ въ ея памяти. Она и плакала, и смѣялась, все вмѣстѣ. Ну, что мнѣ было дѣлать? Я самъ былъ какъ въ лихорадкѣ. Помню, она начинала мнѣ что-то говорить, — но я почти ничего не могъ понять. Это былъ какой-то бредъ, какой-то лепетъ, — точно ей хотѣлось что-то поскорѣй мнѣ разсказать, — бредъ, прерываемый иногда самымъ веселымъ смѣхомъ, который начиналъ пугать меня. — Нѣтъ, нѣтъ, ты милый, милый! — повторяла она. — Ты мой вѣрный! — И опять клала мнѣ руки свои на плечи, опять въ меня всматривалась и продолжала повторять: — Ты меня любишь... любишь... будешь любить? — Я не сводилъ съ нея глазъ; я еще никогда не видалъ ее въ этихъ припадкахъ нѣжности и любви; правда, это, конечно, былъ бредъ, но... замѣтивъ мой страстный взглядъ, она вдругъ начинала лукаво улыбаться; ни съ того, ни съ сего, она вдругъ заговорила о мистерѣ Астлеѣ.

Впрочемъ, о мистерѣ Астлеѣ она безпрерывно заго-

варивала (особенно, когда силилась мнѣ что-то давеча разсказать), но что именно, я вполнѣ не могъ схватить; кажется, она даже смѣялась надъ нимъ; повторяла безпрерывно, что онъ ждетъ, и что знаю ли я, что онъ навѣрное стоитъ теперь подъ окномъ? «Да, да, подъ окномъ, — ну, отвори, посмотри, онъ здѣсь, здѣсь!» Она толкала меня къ окну, но только я дѣлалъ движенiе идти, она заливалась смѣхомъ, и я оставался при ней, а она бросалась меня обнимать.

— Мы уѣдемъ? Вѣдь мы завтра уѣдемъ? — приходило ей вдругъ безпокойно въ голову, — ну... (и она задумалась) — ну, а догонимъ мы бабушку, какъ ты думаешь? Въ Берлинѣ, я думаю, догонимъ. Какъ ты думаешь, что она скажетъ, когда мы ее догонимъ, и она насъ увидитъ? А мистеръ Астлей?.. Ну, этотъ не соскочитъ съ Шлангенберга, какъ ты думаешь? (Она захохотала). Ну, послушай: знаешь, куда онъ будущее лѣто ѣдетъ? Онъ хочетъ на сѣверный полюсъ ѣхать для ученыхъ изслѣдованiй и меня звалъ съ собою, ха-ха-ха! Онъ говоритъ, что мы, русскiе, безъ европейцевъ ничего не знаемъ и ни къ чему не способны... Но онъ тоже добрый!! Знаешь, онъ «генерала» извиняетъ; онъ говоритъ, что Blanche ... что страсть. — ну, не знаю, не знаю, — вдругъ повторила она, какъ бы заговорясь и потерявшись. — Бѣдные они, какъ мнѣ ихъ жаль, и бабушку... Ну, послушай, послушай, ну, гдѣ тебѣ убить Де-Грiе? И неужели, неужели ты думалъ, что убьешь? О, глупый! Неужели ты могъ подумать, что я пущу тебя драться съ Де-Грiе? Да ты и барона-то не убьешь, — прибавила она, вдругъ засмѣявшись. — О, какъ ты былъ тогда смѣшонъ съ барономъ; я глядѣла на васъ обоихъ со скамейки; и какъ тебѣ не хотѣлось тогда идти, когда я тебя посылала. Какъ я тогда смѣялась, какъ я тогда смѣялась, — прибавила она, хохоча.

И вдругъ она опять цѣловала и обнимала меня,

опять страстно и нѣжно прижимала свое лицо къ моему. Я ужъ болѣе ни о чемъ не думалъ и ничего не слышалъ. Голова моя закружилась...

Я думаю, что было около семи часовъ утра, когда я очнулся; солнце свѣтило въ комнату. Полина сидѣла подлѣ меня и странно осматривалась, какъ будто выходя изъ какого-то мрака и собирая воспоминанія. Она тоже только-что проснулась и пристально смотрѣла на столъ и деньги. Голова моя была тяжела и болѣла. Я было хотѣлъ взять Полину за руку; она вдругъ оттолкнула меня и вскочила съ дивана. Начинавшійся день былъ пасмурный, предъ разсвѣтомъ шелъ дождь. Она подошла къ окну, отворила его, выставила голову и грудь и, подпершись руками, а локти положивъ на косякъ окна, пробыла такъ минуты три, не оборачиваясь ко мнѣ и не слушая того, что я ей говорилъ. Со страхомъ приходило мнѣ въ голову: что же теперь будетъ, и чѣмъ это кончится? Вдругъ она поднялась съ окна, подошла къ столу и, смотря на меня съ выраженіемъ безконечной ненависти, съ дрожавшими отъ злости губами, сказала мнѣ:

— Ну, отдай же мнѣ теперь мои пятьдесятъ тысячъ франковъ?

— Полина, опять, опять? — началъ было я.

— Или ты раздумалъ? Ха-ха-ха! Тебѣ, можетъ быть, уже и жалко?

Двадцать пять тысячъ флориновъ, отсчитанные еще вчера, лежали на столѣ; я взялъ и подалъ ей.

— Вѣдь они ужъ теперь мои? Вѣдь такъ? Такъ? — злобно спрашивала она меня, держа деньги въ рукахъ.

— Да они и всегда были твои, — сказалъ я.

— Ну, такъ вотъ же твои пятьдесятъ тысячъ франковъ! — Она размахнулась и пустила ихъ въ меня. Пачка больно ударила мнѣ въ лицо и разлетѣ-

лась по полу. Совершивъ это, Полина выбѣжала изъ комнаты.

Я знаю, она, конечно, въ ту минуту была не въ своемъ умѣ, хоть я и не понимаю этого временнаго помѣшательства. Правда, она еще и до сихъ поръ, мѣсяцъ спустя, еще больна. Что было, однако, причиною этого состоянія, а, главное, этой выходки? Оскорбленная ли гордость? Отчаяніе ли о томъ, что она рѣшилась даже придти ко мнѣ? Не показалъ ли я ей виду, что тщеславлюсь моимъ счастіемъ и въ самомъ дѣлѣ точно такъ же, какъ и Де-Гріе, хочу отдѣлаться отъ нея, подаривъ ей пятьдесятъ тысячъ франковъ? Но вѣдь этого не было, я знаю по своей совѣсти. Думаю, что виновато было тутъ отчасти и ея тщеславіе; тщеславіе подсказало ей не повѣрить мнѣ и оскорбить меня, хотя все это представлялось ей, можетъ быть, и самой неясно. Въ такомъ случаѣ, я, конечно, отвѣтилъ за Де-Гріе и сталъ виноватъ, можетъ быть, безъ большой вины. Правда, все это былъ только бредъ; правда и то, что я зналъ, что она въ бреду и... не обратилъ вниманія на это обстоятельство. Можетъ быть, она теперь не можетъ мнѣ простить этого? Да, но это теперь; но тогда, тогда? Вѣдь не такъ же сильны были ея бредъ и болѣзнь, чтобы она ужъ совершенно забыла, что дѣлаетъ, идя ко мнѣ съ письмомъ Де-Гріе? Значитъ, она знала, что дѣлаетъ.

Я кое-какъ, наскоро, сунулъ всѣ мои бумаги и всю мою кучу золота въ постель, накрылъ ее и вышелъ, минутъ десять послѣ Полины. Я былъ увѣренъ, что она побѣжала домой, и хотѣлъ потихоньку пробраться къ нимъ, и въ передней спросить у няни о здоровьи барышни. Каково же было мое изумленіе, когда отъ встрѣтившейся мнѣ на лѣстницѣ нянюшки я узналъ, что Полина домой еще не возвращалась, и что няня шла ко мнѣ за ней.

— Сейчасъ, — говорилъ я ей, — сейчасъ толь-

ко ушла отъ меня, минутъ десять тому назадъ, куда же могла она дѣваться?

Няня съ укоризной на меня поглядѣла.

А между тѣмъ вышла цѣлая исторія, которая уже ходила по отелю. Въ швейцарской и у оберъ-кельнера перешептывались, что фрейлейнъ утромъ, въ шесть часовъ, выбѣжала изъ отеля, въ дождь, и побѣжала по направленію къ *Hôtel d'Angleterre*. По ихъ словамъ и намекамъ, я замѣтилъ, что они уже знаютъ, что она провела всю ночь въ моей комнатѣ. Впрочемъ, уже разсказывалось о всемъ генеральскомъ семействѣ: стало извѣстно, что генералъ вчера сходилъ съ ума и плакалъ на весь отель. Разсказывали при этомъ, что пріѣзжавшая бабушка была его мать, которая затѣмъ нарочно и появилась изъ самой Россіи, чтобъ воспретить своему сыну бракъ съ m-lle de Cominges, а за ослушаніе лишить его наслѣдства, и такъ какъ онъ дѣйствительно не послушался, то графиня, въ его же глазахъ, нарочно и проиграла всѣ свои деньги на рулеткѣ, чтобъ такъ уже ему и не доставалось ничего. «Diese Russen!» повторялъ оберъ-кельнеръ съ негодованіемъ, качая головой. Другіе смѣялись. Оберъ-кельнеръ готовилъ счетъ. Мой выигрышъ былъ уже извѣстенъ; Карлъ, мой коридорный лакей, первый поздравилъ меня. Но мнѣ было не до нихъ. Я бросился въ отель *d'Angleterre*.

Еще было рано; мистеръ Астлей не принималъ никого; узнавъ же, что это я, вышелъ ко мнѣ въ коридоръ и остановился предо мной, молча устремивъ на меня свой оловянный взглядъ, и ожидалъ, что я скажу? Я спросилъ о Полинѣ.

— Она больна, — отвѣчалъ мистеръ Астлей, попрежнему смотря на меня въ упоръ и не сводя съ меня глазъ.

— Такъ она въ самомъ дѣлѣ у васъ?

— О, да, у меня.

— Такъ, какъ же вы... вы намѣрены ее держать у себя?

— О, да, я намѣренъ.

— Мистеръ Астлей, это произведетъ скандалъ; этого нельзя. Къ тому же она совсѣмъ больна; вы, можетъ быть, не замѣтили?

— О, да, я замѣтилъ и уже вамъ сказалъ, что она больна. Если бъ она была не больна, то у васъ не провела бы ночь.

— Такъ вы и это знаете?

— Я это знаю. Она шла вчера сюда, и я бы отвелъ ее къ моей родственницѣ, но такъ какъ она была больна, то ошиблась и пришла къ вамъ.

— Представьте себѣ! Ну, поздравляю васъ, мистеръ Астлей. Кстати, вы мнѣ даете идею: не стояли ли вы всю ночь у насъ подъ окномъ? Миссъ Полина всю ночь заставляла меня открывать окно и смотрѣть, — не стоите ли вы подъ окномъ, и ужасно смѣялась.

— Неужели? Нѣтъ, я подъ окномъ не стоялъ; но я ждалъ въ коридорѣ и кругомъ ходилъ.

— Но вѣдь ее надо лѣчить, мистеръ Астлей.

— О, да, я ужъ позвалъ доктора, и если она умретъ, то вы дадите мнѣ отчетъ въ ея смерти.

Я изумился. «Помилуйте, мистеръ Астлей, что это вы хотите?»

— А правда ли, что вы вчера выиграли двѣсти тысячъ талеровъ?

— Всего только сто тысячъ флориновъ.

— Ну, вотъ видите! Итакъ, уѣзжайте сегодня утромъ въ Парижъ.

— Зачѣмъ?

— Всѣ русскіе, имѣя деньги, ѣдутъ въ Парижъ, — пояснилъ мистеръ Астлей, голосомъ и тономъ, какъ будто прочелъ это по книжкѣ.

— Что я буду теперь, лѣтомъ, въ Парижѣ дѣлать? Я ее люблю, мистеръ Астлей! Вы знаете сами.

— Неужели? Я убѣжденъ, что нѣтъ. При томъ же, оставшись здѣсь, вы проиграете навѣрное все и вамъ не на что будетъ ѣхать въ Парижъ. Но прощайте, я совершенно убѣжденъ, что вы сегодня уѣдете въ Парижъ.

— Хорошо, прощайте, только я въ Парижъ не поѣду. Подумайте, мистеръ Астлей, о томъ, что теперь будетъ у насъ? Однимъ словомъ, генералъ... и теперь это приключеніе съ миссъ Полиной, — вѣдь это на весь городъ пойдетъ.

— Да, на весь городъ; генералъ же, я думаю, объ этомъ не думаетъ и ему не до этого. Къ тому же миссъ Полина имѣетъ полное право жить, гдѣ ей угодно. Насчетъ же этого семейства, можно правильно сказать, что это семейство ужъ не существуетъ.

Я шелъ и посмѣивался странной увѣренности этого англичанина, что я уѣду въ Парижъ. «Однако, онъ хочетъ меня застрѣлить на дуэли, — думалъ я, — если m-lle Полина умретъ, — вотъ еще комиссія!» Клянусь, мнѣ было жаль Полину, но странно, — съ самой той минуты, какъ я дотронулся вчера до игорнаго стола и сталъ загребать пачки денегъ, — моя любовь отступила какъ бы на второй планъ. Это я теперь говорю; но тогда еще я не замѣчалъ всего этого ясно. Неужели я и въ самомъ дѣлѣ игрокъ, неужели я и въ самомъ дѣлѣ... такъ странно любилъ Полину? Нѣтъ, я до сихъ поръ люблю ее, видитъ Богъ! А тогда, когда я вышелъ отъ мистера Астлея и шелъ домой, я искренно страдалъ и винилъ себя. Но... но тутъ со мной случилась чрезвычайно странная и глупая исторія.

Я спѣшилъ къ генералу, какъ вдругъ, невдалекѣ отъ ихъ квартиры, отворилась дверь, и меня кто-то

кликнулъ. Это была m-me veuve Cominges и кликнула меня по приказанію m-lle Blanche. Я вошелъ въ квартиру m-lle Blanche.

У нихъ былъ небольшой номеръ, въ двѣ комнаты. Слышенъ былъ смѣхъ и крикъ m-lle Blanche изъ спальни. Она вставала съ постели.

— A, c'est lui!! Viens donc; bêtà! Правда ли, que tu as gagné une montagne d'or et d'argent? J'aimerais mieux l'or.

— Выигралъ, — отвѣчалъ я, смѣясь.

— Сколько?

— Сто тысячъ флориновъ.

— Bibi, comme tu es bête. Да войди же сюда, я ничего не слышу. Nous ferons bombance, n'est-ce pas?

Я вошелъ къ ней. Она валялась подъ розовымъ атласнымъ одѣяломъ, изъ-подъ котораго выставлялись смуглыя, здоровыя, удивительныя плечи, — плечи, которыя развѣ только увидишь во снѣ, — кое-какъ прикрытыя батистовою, отороченною бѣлѣйшими кружевами сорочкою, — что удивительно шло къ ея смуглой кожѣ.

— Mon fils, as-tu du cœur? — вскричала она, завидѣвъ меня, и захохотала. Смѣялась она всегда очень весело и даже иногда искренно.

— Tout autre... — началъ было я, парафразируя Корнеля.

— Вотъ видишь, vois-tu, — затараторила она вдругъ, — во-первыхъ, сыщи чулки, помоги обуться, — а во-вторыхъ, si tu n'est pas trop bête, je te prends à Paris. Ты знаешь, я сейчасъ ѣду.

— Сейчасъ?

— Черезъ полчаса.

Дѣйствительно, все было уложено. Всѣ чемоданы и ея вещи стояли готовые. Кофе былъ уже давно поданъ.

— Eh bien, хочешь, tu verras Paris. Dis donc qu'est ce que c'est qu'un outchitel? Tu étais bien bête, quand tu étais outchitel. Гдѣ же мои чулки? Обувай же меня, ну!

Она выставила дѣйствительно восхитительную ножку, смуглую, маленькую, неисковерканную, какъ всѣ почти эти ножки, которыя смотрятъ такими маленькими въ ботинкахъ. Я засмѣялся и началъ натягивать на нее шелковый чулочекъ. M-lle Blanche, между тѣмъ, сидѣла на постели и тараторила.

— Eh bien, que feras-tu, si je te prends avec? Во-вторыхъ, je veux cinquante mille francs. Ты мнѣ ихъ отдашь во Франкфуртѣ. Nous allons à Paris; тамъ мы живемъ вмѣстѣ et je te ferai voir des étoiles en plein jour. Ты увидишь такихъ женщинъ, какихъ ты никогда не видывалъ. Слушай...

— Постой, этакъ я тебѣ отдамъ пятьдесятъ тысячъ франковъ, а что же мнѣ-то останется?

— Et cent cinquante mille francs, ты забылъ, и сверхъ того я согласна жить на твоей квартирѣ мѣсяцъ, два, que sais-je! Мы, конечно, проживемъ въ два мѣсяца эти сто пятьдесятъ тысячъ франковъ. Видишь, je suis bonne enfant и тебѣ впередъ говорю, mais tu verras des étoiles.

— Какъ, все въ два мѣсяца!

— Какъ! Это тебя ужасаетъ? Ah, vil esclave! Да знаешь ли ты, что одинъ мѣсяцъ этой жизни лучше всего твоего существованія. Одинъ мѣсяцъ — et après le déluge! Mais tu ne peux comprendre, va! Пошелъ, пошелъ, ты этого не стоишь! Ай, que fais-tu?

Въ эту минуту я обувалъ другую ножку, но не выдержалъ и поцѣловалъ ее. Она вырвала и начала меня бить кончикомъ ноги по лицу. Наконецъ, она прогнала меня совсѣмъ. «Eh bien, mon outchitel, je t'attends, si tu veux; черезъ четверть часа я ѣду!» — крикнула она мнѣ вдогонку.

Воротясь домой, былъ я уже — какъ закруженный. Что же, я не виноватъ, что m-lle Полина бросила мнѣ цѣлой пачкой въ лицо и еще вчера предпочла мнѣ мистера Астлея. Нѣкоторые изъ распавшихся банковыхъ билетовъ еще валялись на полу; я ихъ подобралъ. Въ эту минуту отворилась дверь, и явился самъ оберъ-кельнеръ (который на меня прежде и глядѣть не хотѣлъ), съ приглашеніемъ: не угодно ли мнѣ перебраться внизъ, въ превосходный номеръ, въ которомъ только-что стоялъ графъ В.

Я постоялъ, подумалъ:

— Счетъ! — закричалъ я, — сейчасъ ѣду, чрезъ десять минутъ. — «Въ Парижъ, такъ въ Парижъ! — подумалъ я про себя, — знать на роду написано!»

Чрезъ чертверть часа мы, дѣйствительно, сидѣли втроемъ, въ одномъ общемъ семейномъ вагонѣ: я, m-lle Blanche et m-me veuve Cominges. M-lle Blanche хохотала, глядя на меня, до истерики. Veuve Cominges ей вторила; не скажу, чтобы мнѣ было весело. Жизнь переламывалась надвое, но со вчерашняго дня я ужъ привыкъ все ставить на карту. Можетъ быть, и дѣйствительно правда, что я не вынесъ денегъ и закружился. Peut-être, je ne demandais pas mieux. Мнѣ казалось, что на время, — но только на время, перемѣняются декораціи. — «Но чрезъ мѣсяцъ я буду здѣсь, и тогда... и тогда мы еще съ вами потягаемся, мистеръ Астлей!» Нѣтъ, какъ припоминаю теперь, мнѣ и тогда было ужасно грустно, хоть я и хохоталъ взапуски съ этой дурочкой Blanche.

— Да чего тебѣ! Какъ ты глупъ! О, какъ ты глупъ! — вскрикивала Blanche, прерывая свой смѣхъ и начиная серьезно бранить меня. — Ну да, ну да, да, мы проживемъ твои двѣсти тысячъ франковъ, но зато, mais tu seras heureux, comme un petit roi; я сама тебѣ буду повязывать галстукъ и познакомлю тебя съ Hortense. А когда мы проживемъ всѣ наши деньги,

ты пріѣдешь сюда и опять сорвешь банкъ. Что тебѣ сказали жиды? Главное — смѣлость, а у тебя она есть, и ты мнѣ еще не разъ будешь возить деньги въ Парижъ. Quant à moi je veux cinquante mille francs de rente et alors . . .

— А генералъ? — спросилъ я ее.

— А генералъ, ты знаешь самъ, каждый день, въ это время, уходитъ мнѣ за букетомъ. На этотъ разъ я нарочно велѣла отыскать самыхъ рѣдкихъ цвѣтовъ. Бѣдняжка воротится, а птичка и улетѣла. Онъ полетитъ за нами, увидишь. Ха-ха-ха! Я очень буду рада. Въ Парижѣ онъ мнѣ пригодится; за него здѣсь заплатитъ мистеръ Астлей . . .

И вотъ такимъ-то образомъ я и уѣхалъ тогда въ Парижъ.

XVI

Что я скажу о Парижѣ? Все это было, конечно, и бредъ, и дурачество. Я прожилъ въ Парижѣ всего только три недѣли съ небольшимъ, и въ этотъ срокъ были совершенно покончены мои сто тысячъ франковъ. Я говорю только про сто тысячъ; остальныя сто тысячъ я отдалъ m-lle Blanche чистыми деньгами, пятьдесятъ тысячъ во Франкфуртѣ и чрезъ три дня, въ Парижѣ, выдалъ ей же еще пятьдесятъ тысячъ франковъ векселемъ, за который, впрочемъ, чрезъ недѣлю она взяла съ меня и деньги, «et les cent mille francs, qui nous restent, tu les mangeras avec moi, mon outchitel». Она меня постоянно звала учителемъ. Трудно представить себѣ что-нибудь на свѣтѣ расчетливѣе, скупѣе и скалдырнѣе разряда существъ, подобныхъ m-lle Blanche. Но это относительно своихъ денегъ. Что же касается до моихъ тысячъ франковъ, то она мнѣ прямо объявила потомъ, что они ей нужны были для первой постановки себя въ Парижѣ, «такъ

что ужъ я теперь стала на приличную ногу разъ навсегда, и теперь ужъ долго никто не собьетъ, по крайней мѣрѣ, я такъ распорядилась», прибавила она. Впрочемъ, я почти и не видалъ этихъ ста тысячъ; деньги во все время держала она, а въ моемъ кошелькѣ, въ который она сама каждый день навѣдывалась, никогда не скоплялось болѣе ста франковъ, и всегда почти было менѣе.

— Ну, къ чему тебѣ деньги? — говорила она иногда съ самымъ простѣйшимъ видомъ, и я съ нею не спорилъ. Зато она очень и очень недурно отдѣлала на эти деньги свою квартиру и когда потомъ перевела меня на новоселье, то, показывая мнѣ комнаты, сказала: «Вотъ что съ расчетомъ и со вкусомъ можно сдѣлать съ самыми мизерными средствами». Этотъ мизеръ стоилъ, однако, ровно пятьдесятъ тысячъ франковъ. На остальныя пятьдесятъ тысячъ она завела экипажъ, лошадей, кромѣ того мы задали два бала, то-есть двѣ вечеринки, на которыхъ были и Hortense, и Lisette, и Cléopâtre, — женщины, замѣчательныя во многихъ и во многихъ отношеніяхъ, и даже далеко не дурныя. На этихъ двухъ вечеринкахъ я принужденъ былъ играть преглупѣйшую роль хозяина, встрѣчать и занимать разбогатѣвшихъ и тупѣйшихъ купчишекъ, невозможныхъ по ихъ невѣжеству и безстыдству, разныхъ военныхъ поручиковъ и жалкихъ авторишекъ, и журнальныхъ козявокъ, которые явились въ модныхъ фракахъ, въ палевыхъ перчаткахъ и съ самолюбіемъ и чванствомъ въ такихъ размѣрахъ, о которыхъ даже у насъ въ Петербургѣ немыслимо, — а ужъ это много значитъ сказать. Они даже вздумали надо мною смѣяться, но я напился шампанскаго и провалялся въ задней комнатѣ. Все это было для меня омерзительно въ высшей степени. «C'est un outchitel, — говорила обо мнѣ Blanche, — il a gagné deux cent mille francs, и который безъ меня не зналъ бы, какъ ихъ истратить. А послѣ

онъ опять поступитъ въ учителя; — не знаетъ ли кто-нибудь мѣста? Надобно что-нибудь для него сдѣлать». — Къ шампанскому я сталъ прибѣгать весьма часто, потому что мнѣ было постоянно очень грустно и до крайности скучно. Я жилъ въ самой буржуазной, въ самой меркантильной средѣ, гдѣ каждый су былъ разсчитанъ и вымѣренъ. Blanche очень не любила меня въ первыя двѣ недѣли, я это замѣтилъ; правда, она одѣла меня щегольски и сама ежедневно повязывала мнѣ галстукъ, но въ душѣ искренно презирала меня. Я на это не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Скучный и унылый, я сталъ уходить обыкновенно въ *Château des Fleurs*, гдѣ регулярно, каждый вечеръ, напивался и учился канкану (который тамъ прегадко танцуютъ), и впослѣдствіи пріобрѣлъ въ этомъ родѣ даже знаменитость. Наконецъ, Blanche раскусила меня: она какъ-то заранѣе составила себѣ идею, что я, во все время нашего сожительства, буду ходить за нею съ карандашомъ и бумажкой въ рукахъ и все буду считать, сколько она истратила, сколько она украла, сколько истратитъ и сколько еще украдетъ? И, ужъ конечно, была увѣрена, что у насъ изъ-за каждыхъ десяти франковъ будетъ баталія. На всякое нападеніе мое, предполагаемое ею заранѣе, она уже заблаговременно заготовила возраженія; но, не видя отъ меня никакихъ нападеній, сперва было пускалась сама возражать. Иной разъ начнетъ горячо-горячо, но увидя, что я молчу, — чаще всего валяясь на кушеткѣ и неподвижно смотря въ потолокъ, — даже, наконецъ, удивится. Сперва она думала, что я просто глупъ, «un outchitel», и просто обрывала свои объясненія, вѣроятно, думая про себя: «вѣдь онъ глупъ; нечего его и наводить, коль самъ не понимаетъ». Уйдетъ, бывало, но минутъ черезъ десять опять воротится (это случалось во время самыхъ неистовыхъ тратъ ея, тратъ совершенно намъ не по средствамъ: напримѣръ, она перемѣнила

лошадей и купила въ шестнадцать тысячъ франковъ пару).

— Ну, такъ ты, bibi, не сердишься? — подходила она ко мнѣ.

— Нѣ-ѣ-ѣ-тъ! Надо-ѣ-ѣ-ла! — говорилъ я, отстраняя ее отъ себя рукою, но это было для нея такъ любопытно, что она тотчасъ же сѣла подлѣ.

— Видишь, если я рѣшилась столько заплатить, то это потому, что ихъ продавали по случаю. Ихъ можно опять продать за двадцать тысячъ франковъ.

— Вѣрю, вѣрю; лошади прекрасныя и у тебя теперь славный выѣздъ; пригодится; ну и довольно.

— Такъ ты не сердишься?

— За что же? Ты умно дѣлаешь, что запасаешься нѣкоторыми необходимыми для тебя вещами. Все это потомъ тебѣ пригодится. Я вижу, что тебѣ дѣйствительно нужно поставить себя на такую ногу; иначе милліона не наживешь. Тутъ наши сто тысячъ франковъ только начало, капля въ морѣ.

Blanche, всего менѣе ожидавшая отъ меня такихъ разсужденій (вмѣсто криковъ-то, да попрековъ!), точно съ неба упала.

— Такъ ты... такъ ты вотъ какой! Mais tu as l'esprit pour comprendre. Sais-tu, mon garçon, хоть ты и учитель — но ты долженъ былъ родиться принцемъ! Такъ ты не жалѣешь, что у насъ деньги скоро идутъ?

— Ну ихъ, поскорѣй бы ужъ!

— Mais... sais-tu... mais dis donc, развѣ ты богатъ? Mais sais-tu, вѣдь ты ужъ слишкомъ презираешь деньги. Qu'est ce que tu feras après, dis donc?

— Après, поѣду въ Гомбургъ и еще выиграю сто тысячъ франковъ.

— Oui, oui, c'est ça, c'est magnifique! И я знаю, что ты непремѣнно выиграешь и привезешь сюда. Dis

donc, да ты сдѣлаешь, что я тебя и въ самомъ дѣлѣ полюблю. Eh bien, за то, что ты такой, я тебя буду все это время любить и не сдѣлаю тебѣ ни одной невѣрности. Видишь, въ это время я хоть и не любила тебя, parce que je croyais, que tu n'es qu'un outchitel (quelque chose comme un laquais, n'est-ce pas?), но я все-таки была тебѣ вѣрна, parce que je suis bonne fille.

— Ну, врешь! А съ Альбертомъ-то, съ этимъ офицеришкой черномазымъ, развѣ я не видалъ прошлый разъ?

— Oh, oh, mais tu es . . .

— Ну, врешь, врешь; да ты что думаешь, что я сержусь? Да наплевать; il faut que jeunesse se passe. Не прогнать же тебѣ его, коли онъ былъ прежде меня, и ты его любишь. Только ты ему денегъ не давай, слышишь?

— Такъ ты и за это не сердишься? Mais tu es un vrai philosophe, sais-tu? Un vrai philosophe! — вскричала она въ восторгѣ. — Eh bien, je t'aimerai, je t'aimerai — tu verras, tu seras content!

И дѣйствительно, съ этихъ поръ она ко мнѣ даже какъ будто въ самомъ дѣлѣ привязалась, даже дружески, и такъ прошли наши послѣдніе десять дней. Обѣщанныхъ «звѣздъ» я не видалъ; но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ она и въ самомъ дѣлѣ сдержала слово. Сверхъ того, она познакомила меня съ Hortense, которая была слишкомъ даже замѣчательная въ своемъ родѣ женщина и въ нашемъ кружкѣ называлась Thérèse philosophe . . .

Впрочемъ, нечего объ этомъ распространяться; все это могло бы составить особый разсказъ, съ особымъ колоритомъ, который я не хочу вставлять въ эту повѣсть. Дѣло въ томъ, что я всѣми силами желалъ, чтобъ все это поскорѣе кончилось. Но нашихъ ста тысячъ франковъ хватило, какъ я уже сказалъ, почти

на мѣсяцъ, — чему я искренно удивлялся: по крайней мѣрѣ, на восемьдесятъ тысячъ, изъ этихъ денегъ, Blanche накупила себѣ вещей, и мы прожили никакъ не болѣе двадцати тысячъ франковъ, и — все-таки достало. Blanche, которая подъ конецъ была уже почти откровенна со мной (по крайней мѣрѣ, кое въ чемъ не врала мнѣ), призналась, что, по крайней мѣрѣ, на меня не падутъ долги, которые она принуждена была сдѣлать: — «я тебѣ не давала подписывать счетовъ и векселей, — говорила она мнѣ, — потому что жалѣла тебя; а другая бы непремѣнно это сдѣлала и уходила бы тебя въ тюрьму. Видишь, видишь, какъ я тебя любила, и какая я добрая! Одна эта чортова свадьба чего будетъ мнѣ стоить!»

У насъ дѣйствительно была свадьба. Случилась она уже въ самомъ концѣ нашего мѣсяца и надо предположить, что на нее ушли самыя послѣднія подонки моихъ ста тысячъ франковъ; тѣмъ дѣло и кончилось, то-есть тѣмъ нашъ мѣсяцъ и кончился, и я послѣ этого формально вышелъ въ отставку.

Случилось это такъ: недѣлю спустя послѣ нашего водворенія въ Парижѣ, пріѣхалъ генералъ. Онъ прямо пріѣхалъ къ Blanche, и съ перваго же визита почти у насъ и остался. Квартирка гдѣ-то, правда, у него была своя. Blanche встрѣтила его радостно, съ визгами и хохотомъ, и даже бросилась его обнимать; дѣло обошлось такъ, что ужъ она сама его не отпускала, и онъ всюду долженъ былъ слѣдовать за нею: и на бульварѣ, и на катаньяхъ, и въ театрѣ, и по знакомымъ. На это употребленіе генералъ еще годился; онъ былъ довольно сановитъ и приличенъ, — росту почти высокаго, съ крашеными бакенами и усищами (онъ прежде служилъ въ кирасирахъ), съ лицомъ виднымъ, хотя нѣсколько и обрюзглымъ. Манеры его были превосходныя, фракъ онъ носилъ очень ловко. Въ Парижѣ онъ началъ носить свои ордена. Съ этакимъ —

пройтись по бульвару было не только возможно, но, если такъ можно выразиться, даже *рекомендательно*. Добрый и безтолковый генералъ былъ всѣмъ этимъ ужасно доволенъ; онъ совсѣмъ не на это разсчитывалъ, когда къ намъ явился по пріѣздѣ въ Парижъ. Онъ явился тогда, чуть не дрожа отъ страха; онъ думалъ, что Blanche закричитъ и велитъ его прогнать; а потому, при такомъ оборотѣ дѣла, онъ пришелъ въ восторгъ и весь этотъ мѣсяцъ пробылъ въ какомъ-то безсмысленно-восторженномъ состояніи; да такимъ я его и оставилъ. Уже здѣсь я узналъ въ подробности, что, послѣ тогдашняго внезапнаго отъѣзда нашего изъ Рулетенбурга, съ нимъ случилось, въ то же утро, что-то въ родѣ припадка. Онъ упалъ безъ чувствъ, а потомъ всю недѣлю былъ почти какъ сумасшедшій и заговаривался. Его лѣчили, но вдругъ онъ все бросилъ, сѣлъ въ вагонъ и прикатилъ въ Парижъ. Разумѣется, пріемъ Blanche оказался самымъ лучшимъ для него лѣкарствомъ; но признаки болѣзни оставались долго спустя, несмотря на радостное и восторженное его состояніе. Разсуждать, или даже только вести кой-какъ немного серьезный разговоръ, онъ ужъ совершенно не могъ; въ такомъ случаѣ онъ только приговаривалъ ко всякому слову: «Гм!» и кивалъ головой, — тѣмъ и отдѣлывался. Часто онъ смѣялся, но какимъ-то нервнымъ, болѣзненнымъ смѣхомъ, точно закатывался; другой разъ, сидитъ по цѣлымъ часамъ пасмурный, какъ ночь, нахмуривъ свои густыя брови. Многаго онъ совсѣмъ даже и не припоминалъ; сталъ до безобразія разсѣянъ и взялъ привычку говорить самъ съ собой. Только одна Blanche могла оживлять его; да и припадки пасмурнаго, угрюмаго состоянія, когда онъ забивался въ уголъ, означали только то, что онъ давно не видѣлъ Blanche, или что Blanche куда-нибудь уѣхала, а его съ собой не взяла, или, уѣзжая, не приласкала его. При этомъ онъ самъ не ска-

залъ бы, чего ему хочется, и самъ не зналъ, что онъ пасмуренъ и грустенъ. Просидѣвъ часъ или два (я замѣчалъ это раза два, когда Blanche уѣзжала на цѣлый день, вѣроятно, къ Альберту), онъ вдругъ начинаетъ озираться, суетиться, оглядывается, припоминаетъ и какъ будто хочетъ кого-то сыскать; но не видя никого и такъ и не припомнивъ, о чемъ хотѣлъ спросить, онъ опять впадалъ въ забытье до тѣхъ поръ, пока вдругъ не являлась Blanche, веселая, рѣзвая, разодѣтая, съ своимъ звонкимъ хохотомъ; она подбѣгала къ нему, начинала его тормошить и даже цѣловала, — чѣмъ, впрочемъ, рѣдко его жаловала. Разъ генералъ до того ей обрадовался, что даже заплакалъ, — я даже подивился.

Blanche, съ самаго его появленія у насъ, начала тотчасъ же за него предо мною адвокатствовать. Она пускалась даже въ краснорѣчіе; напоминала, что она измѣнила генералу изъ-за меня, что она была почти ужъ его невѣстою, слово дала ему; что изъ-за нея онъ бросилъ семейство и что, наконецъ, я служилъ у него и долженъ бы это чувствовать, и что — какъ мнѣ не стыдно... Я все молчалъ, а она ужасно тараторила. Наконецъ, я разсмѣялся, и тѣмъ дѣло и кончилось, то-есть сперва она подумала, что я дуракъ, а подъ конецъ остановилась на мысли, что я очень хорошій и складный человѣкъ. Однимъ словомъ, я имѣлъ счастіе рѣшительно заслужить подъ конецъ полное благорасположеніе этой достойной дѣвицы. (Blanche, впрочемъ, была и въ самомъ дѣлѣ предобрѣйшая дѣвушка, — въ своемъ только родѣ, разумѣется; я ее не такъ цѣнилъ сначала.) — «Ты умный и добрый человѣкъ, — говаривала она мнѣ подъ конецъ, — и... и... жаль только, что ты такой дуракъ! Ты ничего, ничего не наживешь!»

«Un vrai russe, un calmouk!» — она нѣсколько разъ посылала меня прогуливать по улицамъ генерала,

точь-въ-точь съ лакеемъ свою левретку. Я, впрочемъ, водилъ его и въ театръ, и въ *Bal-Mabile*, и въ рестораны. На это Blanche выдавала и деньги, хотя у генерала были и свои, и онъ очень любилъ вынимать бумажникъ при людяхъ. Однажды я почти долженъ былъ употребить силу, чтобы не дать ему купить брошку въ семьсотъ франковъ, которою онъ прельстился въ Палероялѣ и которую, во что бы то ни стало, хотѣлъ подарить Blanche. Ну, что ей была брошка въ семьсотъ франковъ? У генерала и всѣхъ-то денегъ было не болѣе тысячи франковъ. Я никогда не могъ узнать, откуда онѣ у него явились? Полагаю, отъ мистера Астлея, тѣмъ болѣе, что тотъ въ отелѣ за нихъ заплатилъ. Что же касается до того, какъ генералъ все это время смотрѣлъ на меня, то мнѣ кажется, онъ даже и не догадывался о моихъ отношеніяхъ къ Blanche. Онъ хоть и слышалъ какъ-то смутно, что я выигралъ капиталъ, но навѣрное полагалъ, что я у Blanche въ родѣ какого-нибудь домашняго секретаря или даже, можетъ быть, слуги. По крайней мѣрѣ, говорилъ онъ со мной постоянно свысока попрежнему, по-начальнически, и даже пускался меня иной разъ распекать. Однажды онъ ужасно насмѣшилъ и меня, и Blanche у насъ, утромъ, за утреннимъ кофе. Человѣкъ онъ былъ не совсѣмъ обидчивый; а тутъ вдругъ обидѣлся на меня, за что? — до сихъ поръ не понимаю. Но, конечно, онъ и самъ не понималъ. Однимъ словомъ, онъ завелъ рѣчь безъ начала и конца, à bâtons-rompus, кричалъ, что я мальчишка, что онъ научитъ... что онъ дастъ понять... и такъ далѣе. Но никто ничего не могъ понять. Blanche заливалась-хохотала; наконецъ его коекакъ успокоили и увели гулять. Много разъ я замѣчалъ, впрочемъ, что ему становилось грустно, кого-то и чего-то было жаль, кого-то недоставало ему, несмотря даже на присутствіе Blanche. Въ эти минуты онъ самъ пускался раза два со мною заговаривать, но никогда

вовсе не могъ объясниться, вспоминалъ про службу, про покойницу жену, про хозяйство, про имѣніе. Нападетъ на какое-нибудь слово — и обрадуется ему, и повторяетъ его сто разъ на дню, хотя оно вовсе и не выражаетъ ни его чувствъ, ни его мыслей. Я пробовалъ заговаривать съ нимъ о его дѣтяхъ; но онъ отдѣлывался прежнею скороговоркою и переходилъ поскорѣе на другой предметъ: «Да-да! дѣти-дѣти, вы правы, дѣти!» Однажды только онъ расчувствовался, — мы шли съ нимъ въ театръ: «Это несчастныя дѣти! — заговорилъ онъ вдругъ, — да, сударь, да, это несчастныя дѣти!» И потомъ нѣсколько разъ въ этотъ вечеръ повторялъ слова: «несчастныя дѣти!» Когда я разъ заговорилъ о Полинѣ, онъ пришелъ даже въ ярость: «это неблагодарная женщина, — воскликнулъ онъ, — она зла и неблагодарна! Она осрамила семью! Если бъ здѣсь были законы, я бы ее въ бараній рогъ согнулъ! Да-съ, да-съ!» Что же касается до Де-Гріе, то онъ даже и имени его слышать не могъ: «онъ погубилъ меня, — говорилъ онъ, — онъ обокралъ меня, онъ меня зарѣзалъ! Это былъ мой кошмаръ въ продолженіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ! Онъ по цѣлымъ мѣсяцамъ сряду мнѣ во снѣ снился! Это — это, это... О, не говорите мнѣ о немъ никогда!»

Я видѣлъ, что у нихъ что-то идетъ на ладъ, но молчалъ по обыкновенію. Blanche объявила мнѣ первая: это было ровно за недѣлю до того, какъ мы разстались: — «Il a du change, — тараторила она мнѣ: — baboucbka теперь дѣйствительно ужъ больна и непремѣнно умретъ. Мистеръ Астлей прислалъ телеграмму; согласись, что все-таки онъ наслѣдникъ ея. А если бъ даже и нѣтъ, то онъ ничему не помѣшаетъ. Во-первыхъ, у него есть свой пенсіонъ, а во-вторыхъ, онъ будетъ жить въ боковой комнатѣ и будетъ совершенно счастливъ. Я буду «madame la générale». Я войду въ хорошій кругъ (Blanche мечтала объ этомъ постоян-

но), впослѣдствіи буду русской помѣщицей, j'aurai un château, des moujiks, et puis j'aurai toujours mon million».

— Ну, а если онъ начнетъ ревновать, будетъ требовать... Богъ знаетъ чего, — понимаешь?

— О нѣтъ, non, non, non! Какъ онъ смѣетъ! Я взяла мѣры, не безпокойся. Я ужъ заставила его подписать нѣсколько векселей на имя Альберта. Чуть что — и онъ тотчасъ же будетъ наказанъ; да и не посмѣетъ!

— Ну, выходи...

Свадьбу сдѣлали безъ особеннаго торжества, семейно и тихо. Приглашены были Альбертъ и еще кто-то изъ ближнихъ. Hortense, Cléopâtre и прочія были рѣшительно отстранены. Женихъ чрезвычайно интересовался своимъ положеніемъ. Blanche сама повязала ему галстукъ, сама его напомадила, и въ своемъ фракѣ и въ бѣломъ жилетѣ онъ смотрѣлъ très comme il faut.

— Il est pourtant très comme il faut, — объявила мнѣ сама Blanche, выходя изъ комнаты генерала, какъ будто идея о томъ, что генералъ très comme il faut, даже ее самое поразила. Я такъ мало вникалъ въ подробности, участвуя во всемъ въ качествѣ такого лѣниваго зрителя, что многое и забылъ, какъ это было. Помню только, что Blanche оказалась вовсе не de Cominges, равно, какъ и мать ея — вовсе не veuve Cominges — а du Placet. Почему онѣ были обѣ de Cominges до сихъ поръ — не знаю. Но генералъ и этимъ остался очень доволенъ, и du Placet ему даже больше понравилось, чѣмъ de Cominges. Въ утро свадьбы, онъ, уже совсѣмъ одѣтый, все ходилъ взадъ и впередъ по залѣ и все повторялъ про себя, съ необыкновенно серьезнымъ и важнымъ видомъ: «M-lle Blanche du Placet! Blanche du Placet, du Placet! Дѣвица Бланка Дю-Пласетъ!..» и нѣкоторое самодовольствіе сіяло на его лицѣ. Въ церкви, у мэра и дома, за за-

кускoй, онъ былъ не только радостенъ и доволенъ, но даже гордъ. Съ ними съ обоими что-то случилось. Blanche стала смотрѣть тоже съ какимъ-то особеннымъ достоинствомъ.

— Мнѣ теперь нужно совершенно иначе держать себя, — сказала она мнѣ чрезвычайно серьезно; — mais vois-tu, я и не подумала объ одной прегадкой вещи: вообрази, я до сихъ поръ не могу заучить мою теперешнюю фамилію: Загорьянскій, Загозіанскій, m-me la générale de Sago — Sago, ces diables des noms russes, enfin madame la générale à quatorze consonnes! Comme c'est agréable, n'est-ce pas?

Наконецъ, мы разстались, и Blanche, эта глупая Blanche, даже прослезилась, прощаясь со мною. — «Tu étais bon enfant, — говорила она, хныча. — Je te croyais bête et tu en avais l'air, но это къ тебѣ идетъ». И, ужъ пожавъ мнѣ руку окончательно, она вдругъ воскликнула: «Attends!», бросилась въ свой будуаръ и черезъ минуту вынесла мнѣ два тысячефранковыхъ билета. Этому я ни за что бы не повѣрилъ! «Это тебѣ пригодится, ты, можетъ быть, очень ученый outchitel, но ты ужасно глупый человѣкъ. Больше двухъ тысячъ я тебѣ ни за что не дамъ, потому что ты — все равно проиграешь. Ну, прощай! Nous serons toujours bons amis, а если опять выиграешь, непремѣнно пріѣзжай ко мнѣ, et tu seras heureux!»

У меня, у самого, оставалось еще франковъ пятьсотъ; кромѣ того, есть великолѣпные часы въ тысячу франковъ, бриллiантовыя запонки и прочее, такъ что можно еще протянуть довольно долгое время, ни о чемъ не заботясь. Я нарочно засѣлъ въ этомъ городишкѣ, чтобъ собраться, а, главное, жду мистера Астлея. Я узналъ навѣрное, что онъ будетъ здѣсь проѣзжать и остановится на сутки, по дѣлу. Узнаю обо всемъ... а потомъ, — потомъ прямо въ Гомбургъ. Въ Рулетенбургъ не поѣду, развѣ на будущій годъ. Дѣй-

ствительно, говорятъ, дурная примѣта пробовать счастья два раза сряду за однимъ и тѣмъ же столомъ, а въ Гомбургѣ самая настоящая-то игра и есть.

XVII

Вотъ уже годъ и восемь мѣсяцевъ, какъ я не заглядывалъ въ эти записки, и теперь только, отъ тоски и горя, вздумалъ развлечь себя и случайно перечелъ ихъ. Такъ на томъ и оставилъ тогда, что поѣду въ Гомбургъ. Боже! Съ какимъ, сравнительно говоря, легкимъ сердцемъ я написалъ тогда эти послѣднія строчки! То-есть не то, чтобъ съ легкимъ сердцемъ, — а съ какою самоувѣренностью, съ какими непоколебимыми надеждами! Сомнѣвался ли я хоть сколько-нибудь въ себѣ? И вотъ полтора года слишкомъ прошли, и я, по-моему, гораздо хуже, чѣмъ нищій! Да что нищій! Наплевать на нищенство! Я просто сгубилъ себя! Впрочемъ, не съ чѣмъ почти и сравнивать, да и нечего себѣ мораль читать! Ничего не можетъ быть нелѣпѣе морали въ такое время! О, самодовольные люди: съ какимъ гордымъ самодовольствомъ готовы эти болтуны читать свои сентенціи! Если бъ они знали, до какой степени я самъ понимаю всю омерзительность теперешняго моего состоянія, то, конечно, ужъ не повернулся бы у нихъ языкъ учить меня. Ну что, что могутъ они мнѣ сказать новаго, чего я не знаю? И развѣ въ этомъ дѣло? Тутъ дѣло въ томъ, что — одинъ оборотъ колеса и все измѣняется и эти же самые моралисты первые (я въ этомъ увѣренъ) придутъ съ дружескими шутками поздравлять меня. И не будутъ отъ меня всѣ такъ отворачиваться, какъ теперь. Да наплевать на нихъ на всѣхъ! Что я теперь? Zéro. Чѣмъ могу быть завтра? Я завтра могу изъ мертвыхъ воскреснуть и вновь начать жить! Человѣка могу обрѣсти въ себѣ, пока еще онъ не пропалъ.

Я дѣйствительно тогда поѣхалъ въ Гомбургъ, но... я былъ потомъ и опять въ Рулетенбургѣ, былъ и въ Спа, былъ даже и въ Баденѣ, куда я ѣздилъ камердинеромъ совѣтника Гинце, мерзавца и бывшаго моего здѣшняго барина. Да, я былъ въ лакеяхъ, цѣлыхъ пять мѣсяцевъ! Это случилось сейчасъ послѣ тюрьмы. (Я вѣдь сидѣлъ и въ тюрьмѣ въ Рулетенбургѣ, за одинъ здѣшній долгъ. Неизвѣстный человѣкъ меня выкупилъ, — кто такой? Мистеръ Астлей? Полина? Не знаю, но долгъ былъ заплаченъ, всего двѣсти талеровъ, и я вышелъ на волю.) Куда мнѣ было дѣваться? Я и поступилъ къ этому Гинце. Онъ человѣкъ молодой и вѣтреный, любитъ полѣниться, а я умѣю говорить и писать на трехъ языкахъ. Я сначала поступилъ къ нему чѣмъ-то въ родѣ секретаря, за тридцать гульденовъ въ мѣсяцъ; но кончилъ у него настоящимъ лакействомъ: держать секретаря ему стало не по средствамъ и онъ мнѣ сбавилъ жалованье; мнѣ же некуда было идти, я остался — и такимъ образомъ самъ собою обратился въ лакея. Я не доѣдалъ и не допивалъ на его службѣ, но зато накопилъ въ пять мѣсяцевъ семьдесятъ гульденовъ. Однажды, вечеромъ, въ Баденѣ, я объявилъ ему, что желаю съ нимъ разстаться; въ тотъ же вечеръ я отправился на рулетку. О, какъ стучало мое сердце! Нѣтъ, не деньги мнѣ были дороги! Тогда — мнѣ только хотѣлось, чтобъ завтра же всѣ эти Гинце, всѣ эти оберъ-кельнеры, всѣ эти великолѣпныя баденскія дамы, — чтобы всѣ они говорили обо мнѣ, разсказывали мою исторію, удивлялись мнѣ, хвалили меня и преклонялись предъ моимъ новымъ выигрышемъ. Все это дѣтскія мечты и заботы, но... кто знаетъ: можетъ быть, я повстрѣчался бы и съ Полиной, я бы ей разсказалъ и она бы увидѣла, что я выше всѣхъ этихъ нелѣпыхъ толчковъ судьбы... О, не деньги мнѣ дороги! Я увѣренъ, что разбросалъ бы ихъ опять какой-нибудь Blanche и опять ѣздилъ

бы въ Парижѣ три недѣли на парѣ собственныхъ лошадей въ шестнадцать тысячъ франковъ. Я вѣдь навѣрное знаю, что я не скупъ; я даже думаю, что я расточителенъ, — а между тѣмъ, однакожъ, съ какимъ трепетомъ, съ какимъ замираніемъ сердца я выслушиваю крикъ крупёра: trente et un, rouge, impair et passe, или: quatre, noir, pair et manque. Съ какою алчностью смотрю я на игорный столъ, по которому разбросаны луидоры, фридрихсдоры и талеры, на столбики золота, когда они отъ лопатки крупёра разсыпаются въ горящія, какъ жаръ, кучи, или на длинные въ аршинъ столбы серебра, лежащіе вокругъ колеса. Еще подходя къ игорной залѣ, за двѣ комнаты, только что я заслышу дзенканье пересыпающихся денегъ, — со мною почти дѣлаются судороги.

О, тотъ вечеръ, когда я понесъ мои семьдесятъ гульденовъ на игорный столъ, тоже былъ замѣчателенъ. Я началъ съ десяти гульденовъ и опять съ *passe*. Къ *passe* я имѣю предразсудокъ. Я проигралъ. Оставалось у меня шестьдесятъ гульденовъ серебряною монетою; я подумалъ — и предпочелъ zéro. Я сталъ разомъ ставить на zéro по пяти гульденовъ; съ третьей ставки вдругъ выходитъ zéro; я чуть не умеръ отъ радости, получивъ сто семьдесятъ пять гульденовъ; когда я выигралъ сто тысячъ гульденовъ, я не былъ такъ радъ. Тотчасъ же я поставилъ сто гульденовъ на rouge, — дала; всѣ двѣсти на rouge — дала; всѣ четыреста на noir — дала; всѣ восемьсотъ manque — дала; считая съ прежнимъ, было тысяча семьсотъ гульденовъ и это — менѣе чѣмъ въ пять минутъ! Да, въ этакія-то мгновенія забываешь и всѣ прежнія неудачи! Вѣдь я добылъ это болѣе, чѣмъ жизнію рискуя, осмѣлился рискнуть и — вотъ, я опять въ числѣ человѣковъ!

Я занялъ номеръ, заперся, и часовъ до трехъ сидѣлъ и считалъ свои деньги. На утро я проснулся

ужъ не лакеемъ. Я рѣшилъ въ тотъ же день выѣхать въ Гомбургъ: тамъ я не служилъ въ лакеяхъ и въ тюрьмѣ не сидѣлъ. За полчаса до поѣзда, я отправился поставить двѣ ставки, не болѣе, и проигралъ полторы тысячи флориновъ. Однакоже, все-таки переѣхалъ въ Гомбургъ, и вотъ уже мѣсяцъ какъ я здѣсь...

Я, конечно, живу въ постоянной тревогѣ, играю по самой маленькой и чего-то жду, разсчитываю, стою по цѣлымъ днямъ у игорнаго стола и *наблюдаю* игру, даже во снѣ вижу игру, — но при всемъ этомъ мнѣ кажется, что я какъ будто одеревенѣлъ, точно загрязъ въ какой-то тинѣ. Заключаю это по впечатлѣнію при встрѣчѣ съ мистеромъ Астлеемъ. Мы не видались съ того самаго времени и встрѣтились нечаянно; вотъ какъ это было. Я шелъ въ саду и разсчитывалъ, что теперь я почти безъ денегъ, но что у меня есть пятьдесятъ гульденовъ, — кромѣ того въ отелѣ, гдѣ я занимаю каморку, я третьяго дня совсѣмъ расплатился. Итакъ, мнѣ остается возможность только разъ пойти теперь на рулетку, — если выиграю хоть что-нибудь, можно будетъ продолжать игру; если проиграю — надо опять идти въ лакеи, въ случаѣ, если не найду сейчасъ русскихъ, которымъ бы понадобился учитель. Занятый этою мыслью, я пошелъ, моею ежедневною прогулкою чрезъ паркъ и чрезъ лѣсъ, въ сосѣднее княжество. Иногда я выхаживалъ такимъ образомъ часа по четыре и возвращался въ Гомбургъ, усталый и голодный. Только что я вышелъ изъ сада въ паркъ, какъ вдругъ на скамейкѣ увидѣлъ мистера Астлея. Онъ первый меня замѣтилъ и окликнулъ меня. Я сѣлъ подлѣ него. Замѣтивъ же въ немъ нѣкоторую важность, я тотчасъ же умѣрилъ мою радость; а то я было ужасно обрадовался ему.

— Итакъ, вы здѣсь! Я такъ и думалъ, что васъ повстрѣчаю, — сказалъ онъ мнѣ. — Не безпокой-

тесь разсказывать: я знаю, я все знаю; вся ваша жизнь въ эти годъ и восемь мѣсяцевъ мнѣ извѣстна.

— Ба! Вотъ какъ вы слѣдите за старыми друзьями! — отвѣтилъ я. — Это дѣлаетъ вамъ честь, что не забываете... Постойте, однакожъ, вы даете мнѣ мысль: не вы ли выкупили меня изъ рулетенбургской тюрьмы, гдѣ я сидѣлъ за долгъ въ двѣсти гульденовъ? Меня выкупилъ неизвѣстный.

— Нѣтъ, о, нѣтъ; я не выкупалъ васъ изъ рулетенбургской тюрьмы, гдѣ вы сидѣли за долгъ въ двѣсти гульденовъ, но я зналъ, что вы сидѣли въ тюрьмѣ за долгъ въ двѣсти гульденовъ.

— Значитъ, все-таки знаете, кто меня выкупилъ?

— О, нѣтъ, не могу сказать, что знаю, кто васъ выкупилъ.

— Странно; нашимъ русскимъ я никому не извѣстенъ, да русскіе здѣсь, пожалуй, и не выкупятъ; это у насъ тамъ, въ Россіи, православные выкупаютъ православныхъ. А я такъ и думалъ, что какой-нибудь чудакъ англичанинъ, изъ странности.

Мистеръ Астлей слушалъ меня съ нѣкоторымъ удивленіемъ. Онъ, кажется, думалъ найти меня унылымъ и убитымъ.

— Однакожъ, я очень радуюсь, видя васъ совершенно сохранившимъ всю независимость вашего духа и даже веселость, — произнесъ онъ съ довольно непріятнымъ видомъ.

— То-есть, внутри себя вы скрипите отъ досады, зачѣмъ я не убитъ и не униженъ, — сказалъ я, смѣясь.

Онъ не скоро понялъ, но понявъ, улыбнулся.

— Мнѣ нравятся ваши замѣчанія. Я узнаю въ этихъ словахъ моего прежняго, умнаго, стараго, восторженнаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, циническаго друга; одни русскіе могутъ въ себѣ совмѣщать, въ одно и то же время, столько противоположностей. Дѣйствитель-

но, человѣкъ любитъ видѣть лучшаго своего друга въ униженіи передъ собою; на униженіи и основывается большею частью дружба; и это старая, извѣстная всѣмъ умнымъ людямъ истина. Но, въ настоящемъ случаѣ, увѣряю васъ, я искренно радъ, что вы не унываете. Скажите, вы не намѣрены бросить игру?

— О, чортъ съ ней! Тотчасъ же брошу, только бы...

— Только бы теперь отыграться? Такъ я и думалъ; не договаривайте — знаю, — вы это сказали нечаянно, слѣдственно, сказали правду. Скажите, кромѣ игры вы ничѣмъ не занимаетесь?

— Да, ничѣмъ...

Онъ сталъ меня экзаменовать. Я ничего не зналъ, я почти не заглядывалъ въ газеты, и положительно во все это время не развертывалъ ни одной книги.

— Вы одеревенѣли, — замѣтилъ онъ, — вы не только отказались отъ жизни, отъ интересовъ своихъ и общественныхъ, отъ долга гражданина и человѣка, отъ друзей своихъ (а они все-таки у васъ были), — вы не только отказались отъ какой бы то ни было цѣли кромѣ выигрыша, — вы даже отказались отъ воспоминаній своихъ. Я помню васъ въ горячую и сильную минуту вашей жизни; но я увѣренъ, что вы забыли всѣ лучшія тогдашнія впечатлѣнія ваши; ваши мечты, теперешнія, самыя насущныя желанія не идутъ дальше pair и impair, rouge, noir, двѣнадцать среднихъ и такъ далѣе, и такъ далѣе, я увѣренъ!

— Довольно, мистеръ Астлей, пожалуйста, пожалуйста не напоминайте, — вскричалъ я съ досадой, чуть не со злобой, — знайте, что я ровно ничего не забылъ; но я только на время выгналъ все это изъ головы, даже воспоминанія, — до тѣхъ поръ, покамѣстъ не поправлю радикально мои обстоятельства: тогда... тогда вы увидите, я воскресну изъ мертвыхъ!

— Вы будете здѣсь еще чрезъ десять лѣтъ, —

сказалъ онъ. — Предлагаю вамъ пари, чт[illegible] помню вамъ это, если буду живъ, вотъ на э[illegible] скамейкѣ.

— Ну, довольно, — прервалъ я съ нетерпѣ[illegible], — и чтобъ вамъ доказать, что я не такъ-то з[illegible] чивъ на прошлое, позвольте узнать, гдѣ теперь [illegible] Полина? Если не вы меня выкупили, то ужъ на[illegible] она. Съ самаго того времени я не имѣлъ о ней [illegible] какого извѣстія.

— Нѣтъ, о, нѣтъ! Я не думаю, чтобы она [illegible] выкупила. Она теперь въ Швейцаріи, и вы мнѣ [illegible] лаете большое удовольствіе, если перестанете меня с[illegible] шивать о миссъ Полинѣ, — сказалъ онъ рѣшител[illegible] и даже сердито.

— Это значитъ, что и васъ она ужъ очень [illegible] ранила! — засмѣялся я невольно.

— Миссъ Полина — лучшее существо изъ всѣхъ наиболѣе достойныхъ уваженія существъ, но повторяю вамъ, вы сдѣлаете мнѣ великое удовольствіе, если перестанете спрашивать о миссъ Полинѣ. Вы ея никогда не знали, и ея имя въ устахъ вашихъ я считаю оскорбленіемъ нравственнаго моего чувства.

— Вотъ какъ! Впрочемъ, вы не правы; да о чемъ же мнѣ и говорить съ вами, кромѣ этого, разсудите? Вѣдь въ этомъ и состоятъ всѣ наши воспоминанія. Не безпокойтесь, впрочемъ, мнѣ не нужно никакихъ внутреннихъ, секретныхъ вашихъ дѣлъ... Я интересуюсь только, такъ сказать, внѣшнимъ положеніемъ миссъ Полины, одною только теперешнею наружною обстановкою ея. Это можно сообщить въ двухъ словахъ.

— Извольте, съ тѣмъ, чтобъ этими двумя словами было все покончено. Миссъ Полина была долго больна; она и теперь больна; нѣкоторое время она жила съ моими матерью и сестрой, въ сѣверной Англіи. Полгода назадъ ея бабка, — помните, та самая сума-

женщина, померла и оставила, лично ей, семь
фунтовъ состоянія. Теперь миссъ Полина пу-
уетъ вмѣстѣ съ семействомъ моей сестры, вы-
й замужъ. Маленькій братъ и сестра ея тоже
чены завѣщаніемъ бабки и учатся въ Лондонѣ.
алъ, ея отчимъ, мѣсяцъ назадъ умеръ въ Па-
отъ удара. M-lle Blanche обходилась съ нимъ
ю, но все, что онъ получилъ отъ бабки, успѣла
ести на себя... Вотъ, кажется, и все.

— А Де-Гріе? Не путешествуетъ ли и онъ тоже
Швейцаріи?

— Нѣтъ, Де-Гріе не путешествуетъ въ Швейца-
и я не знаю, гдѣ Де-Гріе; кромѣ того, разъ на-
да, предупреждаю васъ избѣгать подобныхъ на-
въ и неблагородныхъ сопоставленій, иначе вы бу-
дете непремѣнно имѣть дѣло со мною.

— Какъ! Несмотря на наши прежнія дружескія
отношенія?

— Да, несмотря на наши прежнія дружескія отно-
шенія.

— Тысячу разъ прошу извиненія, мистеръ Астлей.
Но позвольте, однакожъ: тутъ нѣтъ ничего обиднаго
и неблагороднаго; я вѣдь ни въ чемъ не виню миссъ
Полину. Кромѣ того — французъ и русская барышня,
говоря вообще — это такое сопоставленіе, мистеръ
Астлей, которое не намъ съ вами разрѣшить или понять
окончательно.

— Если вы не будете упоминать имя Де-Гріе вмѣ-
стѣ съ другимъ именемъ, то я попросилъ бы васъ объ-
яснить мнѣ, что вы подразумѣваете подъ выраженіемъ:
«французъ и русская барышня»? Что это за «сопоста-
вленіе»? Почему тутъ именно французъ и непремѣнно
русская барышня?

— Видите, вы и заинтересовались. Но это длин-
ная матерія, мистеръ Астлей. Тутъ много надо бы
знать предварительно. Впрочемъ, это вопросъ важ-

ный, — какъ ни смѣшно все это съ перваго взгляда. Французъ, мистеръ Астлей, это — законченная, красивая форма. Вы, какъ британецъ, можете съ этимъ быть несогласны; я, какъ русскій, тоже несогласенъ, ну, пожалуй, хоть изъ зависти; но наши барышни могутъ быть другого мнѣнія. Вы можете находить Расина изломаннымъ, исковерканнымъ и парфюмированнымъ; даже читать его, навѣрное, не станете. Я тоже нахожу его изломаннымъ, исковерканнымъ и парфюмированнымъ, съ одной даже точки зрѣнія смѣшнымъ; но онъ прелестенъ, мистеръ Астлей, и, главное, — онъ великій поэтъ, хотимъ или не хотимъ мы этого съ вами. Національная форма француза, то-есть парижанина, стала слагаться въ изящную форму, когда еще мы были медвѣдями. Революція наслѣдовала дворянству. Теперь самый пошлѣйшій французишка можетъ имѣть манеры, пріемы, выраженія и даже мысли вполнѣ изящной формы, не участвуя въ этой формѣ ни своею инииціативою, ни душою, ни сердцемъ; все это досталось ему по наслѣдству. Сами собою, они могутъ быть пустѣе пустѣйшаго и подлѣе подлѣйшаго. Ну-съ, мистеръ Астлей, сообщу вамъ теперь, что нѣтъ существа въ мірѣ довѣрчивѣе и откровеннѣе доброй, умненькой и не слишкомъ изломанной русской барышни. Де-Гріе, явясь въ какой-нибудь роли, явясь замаскированнымъ, — можетъ завоевать ея сердце съ необыкновенною легкостью; у него есть изящная форма, мистеръ Астлей, и барышня принимаетъ эту форму за его собственную душу, за натуральную форму его души и сердца, а не за одежду, доставшуюся ему по наслѣдству. Къ величайшей вашей непріятности, я долженъ вамъ признаться, что англичане, большею частью, — угловаты и неизящны, а русскіе довольно чутко умѣютъ различать красоту и на нее падки. Но, чтобы различать красоту души и оригинальность личности, для этого нужно несравненно болѣе самостоя-

тельности и свободы, чѣмъ у нашихъ женщинъ, тѣмъ болѣе барышень, — и ужъ во всякомъ случаѣ, больше опыта. Миссъ Полинѣ же, — простите, сказаннаго не воротишь, — нужно очень, очень долгое время рѣшаться, чтобы предпочесть васъ мерзавцу Де-Гріе. Она васъ и оцѣнитъ, станетъ вашимъ другомъ, откроетъ вамъ все свое сердце; но въ этомъ сердцѣ все-таки будетъ царить ненавистный мерзавецъ, скверный и мелкій процентщикъ Де-Гріе. Это даже останется, такъ сказать, изъ одного упрямства и самолюбія, потому что этотъ же самый Де-Гріе явился ей когда-то въ ореолѣ изящнаго маркиза, разочарованнаго либерала и разорившагося (будто бы?), помогая ея семейству и легкомысленному генералу. Всѣ эти продѣлки открылись послѣ. Но это ничего, что открылись: все-таки подавайте ей теперь прежняго Де-Гріе, — вотъ чего ей надо! И чѣмъ больше ненавидитъ она теперешняго Де-Гріе, тѣмъ больше тоскуетъ о прежнемъ, хоть прежній и существовалъ только въ ея воображеніи. Вы сахароваръ, мистеръ Астлей?

— Да, я участвую въ компаніи извѣстнаго сахарнаго завода Ловель и Комп.

— Ну, вотъ видите, мистеръ Астлей. Съ одной стороны сахароваръ, а съ другой — Аполлонъ Бельведерскій; все это какъ-то не связывается. А я даже и не сахароваръ, я просто мелкій игрокъ на рулеткѣ, и даже въ лакеяхъ былъ, что навѣрное уже извѣстно миссъ Полинѣ, потому что у ней, кажется, хорошая полиція.

— Вы озлоблены, а потому и говорите весь этотъ вздоръ, — хладнокровно и подумавъ сказалъ мистеръ Астлей. — Кромѣ того, въ вашихъ словахъ нѣтъ оригинальности.

— Согласенъ! Но въ томъ-то и ужасъ, благородный другъ мой, что всѣ эти мои обвиненія, какъ ни устарѣли, какъ ни пошлы, какъ ни водевильны, —

а все-таки истинны! Все-таки мы съ вами ничего не добились!

— Это гнусный вздоръ... потому, потому... знайте же! — произнесъ мистеръ Астлей дрожащимъ голосомъ и сверкая глазами, — знайте же, неблагодарный и недостойный, мелкій и несчастный человѣкъ, что я прибылъ въ Гомбургъ нарочно, по ея порученію, для того, чтобы увидѣть васъ, говорить съ вами долго и сердечно, и передать ей все, — ваши чувства, мысли, надежды и... воспоминанія!

— Неужели! Неужели? — вскричалъ я, и слезы градомъ потекли изъ глазъ моихъ. Я не могъ сдержать ихъ, и это, кажется, было въ первый разъ въ моей жизни.

— Да, несчастный человѣкъ, она любила васъ, и я могу вамъ это открыть, потому что вы — погибшій человѣкъ! Мало того, если я даже скажу вамъ, что она до сихъ поръ васъ любитъ, то — вѣдь вы все равно здѣсь останетесь! Да, вы погубили себя. Вы имѣли нѣкоторыя способности, живой характеръ и были человѣкъ не дурной; вы даже могли быть полезны вашему отечеству, которое такъ нуждается въ людяхъ, но — вы останетесь здѣсь, и ваша жизнь кончена. Я васъ не виню. На мой взглядъ, всѣ русскіе таковы или склонны быть таковыми. Если не рулетка, такъ другое, подобное ей. Исключенія слишкомъ рѣдки. Не первый вы не понимаете, что такое трудъ (я не о народѣ вашемъ говорю). Рулетка — это игра по преимуществу русская. До сихъ поръ вы были честны и скорѣе захотѣли пойти въ лакеи, чѣмъ воровать... Но мнѣ страшно подумать, что можетъ быть въ будущемъ. Довольно, прощайте! Вы, конечно, нуждаетесь въ деньгахъ? Вотъ отъ меня вамъ десять луидоровъ, больше не дамъ, потому что вы ихъ, все равно, проиграете. Берите и прощайте! Берите же!

— Нѣтъ, мистеръ Астлей, послѣ всего теперь сказаннаго...

— Бе-ри-те! — вскричалъ онъ. — Я убѣжденъ, что вы еще благородны, и даю вамъ, какъ можетъ дать другъ истинному другу. Если бъ я могъ быть увѣренъ, что вы сейчасъ же бросите игру, Гомбургъ и поѣдете въ ваше отечество, — я бы готовъ былъ немедленно дать вамъ тысячу фунтовъ для начала новой карьеры. Но я потому именно не даю тысячи фунтовъ, а даю только десять луидоровъ, что тысяча ли фунтовъ, или десять луидоровъ — въ настоящее время для васъ совершенно одно и то же; все одно — проиграете. Берите и прощайте.

— Возьму, если вы позволите себя обнять на прощанье.

— О, это съ удовольствіемъ!

Мы обнялись искренно, и мистеръ Астлей ушелъ.

Нѣтъ, онъ не правъ! Если я былъ рѣзокъ и глупъ насчетъ Полины и Де-Гріе, то онъ рѣзокъ и скоръ насчетъ русскихъ. Про себя я ничего не говорю. Впрочемъ... впрочемъ, все это покамѣстъ не то: все это слова, слова и слова, а надо дѣла! Тутъ теперь главное Швейцарія! Завтра же, — о, если бъ можно было завтра же и отправиться! Вновь возродиться, воскреснуть.. Надо имъ доказать... Пусть знаетъ Полина, что я еще могу быть человѣкомъ. Стоитъ только... Теперь ужъ, впрочемъ, поздно, — но завтра... О, у меня предчувствіе, и это не можетъ быть иначе! У меня теперь пятнадцать луидоровъ, а я начиналъ пятнадцатью гульденами! Если начать осторожно... — и неужели, неужели ужъ я такой малый ребенокъ! Неужели я не понимаю, что я самъ погибшій человѣкъ. Но — почему жъ я не могу воскреснуть. Да! Стоитъ только хоть разъ въ жизни быть расчетливымъ и терпѣливымъ и — вотъ и все! Стоитъ только хоть разъ выдержать характеръ,

и я въ одинъ часъ могу всю судьбу измѣнить! Главное — характеръ. Вспомнить только, что было со мною въ этомъ родѣ семь мѣсяцевъ назадъ въ Рулетенбургѣ, предъ окончательнымъ моимъ проигрышемъ. О, это былъ замѣчательный случай рѣшимости: я проигралъ тогда все, все... Выхожу изъ вокзала, смотрю — въ жилетномъ карманѣ шевелится у меня еще одинъ гульденъ: «А, стало быть, будетъ на что пообѣдать!» подумалъ я, но, пройдя шаговъ сто, я передумалъ и воротился. Я поставилъ этотъ гульденъ на *manque* (тотъ разъ было на *manque)*, и, право, есть что-то особенное въ ощущеніи, когда одинъ, на чужой сторонѣ, далеко отъ родины, отъ друзей и не зная, что сегодня будешь ѣсть, ставишь послѣдній гульденъ, самый, самый послѣдній! Я выигралъ и чрезъ двадцать минутъ вышелъ изъ вокзала, имѣя сто семьдесятъ гульденовъ въ карманѣ. Это фактъ-съ! Вотъ что можетъ иногда значить послѣдній гульденъ! А что, если бъ я тогда упалъ духомъ, если бъ я не посмѣлъ рѣшиться?..

Завтра, завтра все кончится!

1867.

Оглавленіе
